Дневники. Том I
равноапостольный Николай Японский (Касаткин)

От Российского государственного исторического архива

Российский государственный исторический архив (РГИА) – главный исторический архив Российской Федерации и один из крупнейших архивов мира. Указом Президента России от 6 ноября 1993 г. РГИА включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

В настоящее время в РГИА находится более 6,5 млн единиц хранения (в составе 1368 фондов). РГИА хранит документы высших и центральных государственных учреждений Российской Империи XIX – нач. XX вв. (по Синодальному ведомству также за XVIII в.), общественных и частных учреждений и организаций и личного происхождения за этот же период. Материалы РГИА отражают историю государственного строя и управления России, судоустройства и судопроизводства, внутренней политики, экономики, народного образования, науки, культуры и быта, религии, а также историю российских городов и населенных пунктов и отдельных родов, семейств и лиц, проживающих в Российской Империи, и многие другие вопросы отечественной и всемирной истории.

Комплектование основных фондов РГИА началось во времена Петра Великого, когда Генеральный регламент предусмотрел наличие архивов при каждом государственном учреждении, в том числе при Сенате и Синоде.

Архивы большинства высших и центральных учреждений, чьи фонды хранятся в РГИА, были созданы одновременно с их образованием в 1802–1811 гг. При этом Общее учреждение министерств 1811 г. предусматривало децентрализацию архивного дела: отдельные архивы создавались при каждом департаменте и при канцеляриях всех министерств. Общие архивы существовали при Государственном совете, Сенате (Петербургских департаментах), Синоде, Министерстве юстиции, Комитете министров. Все эти архивы являлись ведомственными, т. е. подчинялись соответствующему ведомству, обслуживали его интересы и не всегда были доступны для исследователей. Роль государственных архивов до революции в определенной мере играли: архив Государственного совета (Государственный архив), Московский архив Министерства юстиции и Московский архив Министерства иностранных дел.

Радикальная реформа архивного дела в России была провозглашена

декретом Совнаркома от 1 июня 1918 г. В соответствии с этой реформой архивы упраздненных революцией высших и центральных учреждений образовали Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Этот фонд был разделен на секции по тематическому принципу: Верховного управления, Юридическая, Военно-морская, Историко-культурная, Экономическая, Внутреннего управления, Историко-революционная и Печатные ведомственные издания. В Петрограде были созданы отделения этих секций, ставшие основой нынешнего РГИА. В 1925–1926 гг. был образован Центральный исторический архив Ленинграда с двумя архивохранилищами – № 1 и № 2 – и четырьмя секциями: Народного хозяйства, Политики и права, Культуры и быта, Армии и Флота, который разместился в зданиях бывшего Сената и Синода, где ранее находились их архивы. В 1929 г. Центральные исторические архивы Москвы и Ленинграда были объединены в Центральный исторический архив СССР с Ленинградским (ЛОЦИА) и Московским отделениями. Но уже в 1934 г. на базе ЛОЦИА было создано 4 государственных архива (с 1936 г. получивших наименование центральных) – Центральный государственный архив внутренней политики культуры и быта, Центральный государственный архив народного хозяйства, Центральный государственный военно-исторический архив и Центральный государственный архив Военно-Морского Флота. Первые два из них 29 марта 1941 г. образовали Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ). После упразднения в 1961 г. Центрального исторического архива СССР в Москве часть фондов последнего была передана ЦГИАЛ, который в этом же году был переименован в Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА). Таким образом, к середине 1960-х годов нынешний состав фондов РГИА сформировался в основном окончательно. С 1991 г. архив получил нынешнее наименование, войдя в состав федеральных архивов России.

Документы РГИА охватывают разнообразные аспекты (политические, дипломатические, религиозные, экономические, культурные и проч.) истории России и зарубежных стран (более восьмидесяти) Запада и Востока.

Заметное место среди этих документов занимают материалы, относящиеся к русско-японским отношениям: экспедиции к берегам Японии И. Ф. Крузенштерна (1803) и Н. В. Путятина (1851); спасение японских моряков у Курильских островов (1814) и отправка их в Японию; дипломатические и торговые контакты; пребывание в Петербурге японских принцев Т. Арисугавы (1882) и Комацу (1886); путешествие

Великого князя Николая Александровича в Японию (1891); русско-японское общество в Петербурге; научные контакты (поездки русских специалистов в Японию и обмен научными работами); урегулирование территориальных и других претензий; документы о внутреннем устройстве Японии (законодательные акты, торговля и сельское хозяйство, карты Японии и планы ее портов); русско-японская война (1904–1905) и др.

Фонды РГИА – ценнейший источник для исследователей, обширная документальная база для новых статей и монографий, которые послужат делу укрепления и расширения деловых, культурных и дружеских контактов с разными странами, в частности с Японией.

Дневники Святого Николая Японского увидят свет благодаря Российскому государственному историческому архиву, в собрании которого они сохранились. Не случайно их выпускает издательство «Гиперион», более десяти лет специализирующееся на издании переводов японской классической литературы, книг по истории, философии и искусству Японии.

До сегодняшнего дня предпринимались неоднократные попытки издания документов, относящихся к жизни и деятельности о. Николая и даже части его Дневников. Эти издания отличались друг от друга разными научными достоинствами, но, увы, лишь немногие из них оказались свободными от ошибок и неточностей. Многие из этих публикаций были недостаточно прокомментированы, не говоря уже о тех изданиях, где комментарии и справочный аппарат вообще отсутствовали.

Предлагаемое издание, разумеется, тоже не идеально, но зато это первое ПОЛНОЕ издание Дневников, которое давно ожидают самые широкие читательские круги в Японии, России и в других странах. Издательство преследовало скромную задачу – обнародовать как можно скорее полный текст Дневников, чтобы привлечь внимание читателей к неординарной личности и богатейшему наследию Святого Николая Японского и способствовать будущему фундаментальному изданию и последующему изучению его наследия.

Мы считаем, что издание всего массива Дневников Святого Николая Японского должно дать исследователю полноценный текст Дневников, отвечающий современным требованиям, предъявляемым к публикации исторических источников.

Дневники Николая Японского после его смерти были переданы в собрание рукописей Святейшего Синода, в составе которого хранятся и по сей день.

В свое время эти Дневники (написанные довольно неразборчивым почерком, с большим количеством сокращений) были расшифрованы К. И. и Л. Н. Логачевыми. Эта расшифровка была положена в основу изданий: «Дневники Святого Николая Японского. Сост. К. Накамура, Е. Накамура, Р. Ясуи, М. Наганава. Издательство Хоккайдского университета. 1994» и «Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям. Ч. 1–2. СПб., 1996». Первое из них не включило дневники за 2-ю половину 1880 г., второе не содержит указателей, комментариев и расшифровок встречающихся в тексте японских слов. Кроме того, ряд слов в тексте был расшифрован неточно; имелись и отдельные пропуски.

В настоящем издании воспроизведены карандашные подчеркивания, сделанные Святым Николаем Японским. Нам представляется, что эти подчеркивания отражают наиболее важные мысли автора Дневников и его отношение к описываемым событиям и в силу этого дают дополнительную информацию для читателя.

Ограниченность в сроках выхода пятитомного собрания не позволили снабдить все Дневники полноценными комментариями и справочным аппаратом. Первый том Дневника, относящийся к пребыванию о. Николая в России, сопровождает аннотированный указатель имен, а также предметно-тематический указатель, включающий географические названия, отдельные объекты (дворцы, гостиницы и т. д.), общественные организации и периодические издания, храмы и монастыри, учебные заведения, государственные учреждения и некоторые японские реалии, упомянутые в Дневниках. В результате большая часть упомянутых в публикуемых дневниках имен и реалий комментируется в указателях, а также в прилагаемом к ним словаре православных церковных терминов. В самых необходимых случаях комментарии даются в постраничных примечаниях.

Хочется надеяться, что данное издание послужит началом научной, выдержанной в лучших традициях российской археографии публикации Дневников Святого Николая Японского, доступной для широкого читателя.

Директор Государственного исторического архива А. Р. Соколов

Начало проповеди православия в Японии

В середине XIX века Япония наконец была вынуждена изменить свою политику «закрытой страны», которую она проводила в течение долгого времени – с начала XVII века. 18 июля 1853 года в бухту Урага прибыла американская эскадра коммодора Перри. Это событие, вошедшее в историю как вторжение «черных кораблей», стало началом сильнейшего иностранного давления, которого японцы не испытывали уже в течение двухсот лет. А в марте 1854 года японское правительство было вынуждено заключить с США договор о дружбе (т. н. «канагавский договор»), в соответствии с которым в августе 1856 года в Симода прибыл американский генеральный консул Т. Харрис.

Всего через каких-то полтора месяца после появления Перри в Урага, 22 августа 1853 года, в Нагасаки на флагманском фрегате «Паллада» в сопровождении четырех других судов прибыл русский посланник вицеадмирал Е. В. Путятин. Не в пример Перри, он не прибегал к угрозам и, в отличие от американцев, имел лишь миссию демаркации русско-японской границы. Однако в глазах японцев корабли Путятина были теми же «черными кораблями», – только теперь пришедшими с Севера, – чтобы насильно открыть Японию. В феврале 1855 года в Симода был заключен русско-японский договор о дружбе, а в августе 1858 года в Эдо подписан официальный русско-японский договор о дружбе и торговле.

Россия открыла консульство в Хакодате, и в конце октября 1858 года первый русский консул Иосиф Антонович Гошкевич приступил к исполнению своих обязанностей. И. А. Гошкевич уже посещал Японию в составе миссии Путятина и присутствовал на переговорах с представителями японского правительства в 1853 году в Нагасаки, а также был в 1854–1855 годах в Симода как переводчик с китайского языка. Получив назначение в качестве первого русского консула в Японии, он приехал в Хакодате со своей семьей, секретарем, врачом и слугами – всего пятнадцать человек.

Вслед за ним, чуть позже, в Хакодате прибыл протоиерей Василий Махов – в качестве настоятеля консульской церкви. В эпоху, когда православие являлось государственной религией Российской Империи, священник в обязательном порядке присутствовал в штате, и все работники консульства были обязаны исполнять свой религиозный долг в соответствии с установлениями церкви.

Протоиерей Василий Махов до этого уже бывал один раз в Японии – в

качестве священника на фрегате «Диана» под командой Путятина, который пристал к берегам Японии в 1854 году. В результате землетрясения в порту Симода «Диана» потерпела серьезные повреждения, после чего о. Василий вместе со всем составом российской миссии прожил в Японии полгода. Свои впечатления о жизни и характере японцев, оставшиеся у него после пребывания в порту Симода и деревне Хэда, он позже издал в виде книги под названием «Фрегат „Диана” – путевые записки бывшего в 1854 и 1855 годах в Японии протоиерея Василия Махова» (СПб., 1867). В ней описаны трагические подробности кораблекрушения в порту Симода, который подвергся землетрясению и цунами 11 декабря 1854 года, – непосредственным свидетелем чего стал отец Василий.

Василию Махову было уже 60 лет, когда он был назначен настоятелем консульской церкви в Хакодате. За время своего пребывания на этой должности в течение примерно двух лет у него усилилась болезнь сердца, и он подал прошение о возвращении на родину для прохождения лечения в Санкт-Петербурге.

Его прошение было удовлетворено, и консул И. А. Гошкевич через Азиатский департамент Министерства иностранных дел подал в Святейший Синод заявку о направлении на место отца Василия нового священника. В своем письме в Синод он писал: «Настоятель православной церкви также может содействовать распространению христианства в Японии» (Архиепископ Антоний. Святой равноапостольный архиепископ Японский о. Николай, – Богословские труды. М., 1975, № 14). Заслуживает внимания то, что Гошкевич был так прозорлив еще в те времена, когда христианство в Японии находилось под строгим запретом.

Гошкевич сам был сыном священника. Во время учебы в Санкт-Петербургской духовной академии он познакомился с иеродиаконом Поликарпом, впоследствии начальником двенадцатой православной миссии в Китае (в составе этой миссии было десять человек), и почти десять лет, с октября 1840 по май 1850 года, провел в Пекине в качестве члена этой миссии (правда, не как священнослужитель, а как «студент»). После этого он перешел на работу в Министерство иностранных дел и, как уже было сказано выше, приезжал в Японию в качестве переводчика с китайского языка в составе российской миссии, возглавляемой Путятиным. Можно сказать, что даже в биографии Гошкевича уже присутствовали предпосылки развития православного миссионерства в Японии.

Возможно, современному человеку покажется странным, что

Гошкевич из православной миссии перешел работать в Министерство иностранных дел, однако в ту эпоху в России перемена службы подобного рода имела место довольно часто. Дело в том, что Православная миссия в Пекине формировалась Азиатским департаментом и совмещала функцию представительства МИДа в Китае. Например, начальник миссии архимандрит Поликарп занимался переговорами между Россией и Китаем о торговле чаем, красящими средствами и пр. Передача в Россию сведений о состоянии отношений между Китаем и Англией в связи с проблемой опиума также входила в число его обязанностей. Отчеты, подготовленные в Китае Гошкевичем, – «Шелководство и воспитание червей», «Изготовление китайской туши» – также предназначались не для миссионерской деятельности, а являлись китаеведением в широком смысле (Краткая история православной миссии в Китае. Изд. Русской Духовной Миссии, 1916). Судя по всему, в Православной церкви в России зарубежное миссионерство было сферой, где трудились в основном люди интеллектуального склада.

«Японско-русский словарь», составленный И. А. Гошкевичем при содействии японца Косай Татибана (этот объемистый труд был издан в Санкт-Петербурге в 1857 году, за год до назначения Гошкевича на должность консула в Хакодате), ясно говорит о большом интересе, который он питал к Японии, стране своего нового назначения. Кроме того, он, несомненно, был неравнодушен и к проповеди христианства в Японии. Тот факт, что Гошкевич еще за восемь лет до начала Реставрации Мэйдзи предвидел отмену запрета на христианство в Японии, уже говорит о том, что он питал интерес к этому вопросу и внимательно следил за развитием ситуации в Японии. Гошкевич, хорошо владея китайским языком, мог общаться с помощью китайской письменности и с японцами. (Скорее всего, его отношения с К. Татибана начались именно таким образом.) Думается, что Гошкевич в широком смысле испытывал симпатию к Японии. По-видимому, с момента своего назначения российским консулом он мечтал о том дне, когда запрет на христианство в Японии будет снято и проповедь православия станет также возможной. Когда протоиерей Василий Махов уезжал на родину, Гошкевич, несомненно, решил осуществить свою давнюю мечту. Он просил не просто о священнике для отправления служб в консульской церкви, но о проповеднике, готовом нести слово Божие японцам.

В своем письме Святейшему Синоду Гошкевич настаивал, чтобы ныне посылаемый священник был «не иначе как из кончивших курс духовной академии, который мог бы быть полезным не только своей духовной

деятельностью, но и учеными трудами, и даже своею частной жизнью в состоянии был бы дать хорошее понятие о нашем духовенстве не только японцам, но и живущим здесь иностранцам».

В Хакодате жило немало образованных европейцев и американцев – таких как, например, английский консул Кристофер Ходжсон. Здесь также находилось много японской интеллигенции, например Дзёун Ку-римото, завоевавший известность в период Мэйдзи как журналист. Новый настоятель консульской церкви должен был быть миссионером, который мог бы не только общаться с подобными людьми на равных, но и завоевать их уважение. К тому времени, имея в виду перспективу разрешения христианской проповеди в будущем, в Хакодате для подготовки к ней уже находился французский католический миссионер Мерме де Котон, обладавший глубоким образованием и хорошо говоривший по-японски. Гошкевич просил о направлении православного миссионера, который не уступал бы по способностям и уровню эрудиции католику Котону.

В ответ на запрос Гошкевича в Хакодате приехал 25-летний иеромонах о. Николай из Петербургской духовной академии. К счастью для японцев, он вполне обладал всеми теми качествами, которых требовал Гошкевич. В итоге можно сказать, что именно Гошкевич, оценив высокий уровень интеллектуальных и духовных запросов японского народа, выбрал наставника, способного взять на себя дело проповеди среди этого народа.

В 1865 году И. А. Гошкевич вернулся в Россию, а в 1867 вышел в отставку. В то же время он уведомил московское Миссионерское общество о том, что в условиях запрета на христианство о. Николай тайно приступил к проповеднической деятельности в Хакодате, и ходатайствовал о выделении средств для его работы в Японии. Влиятельная тогда в России газета «Московские ведомости», призывая читателей оказать помощь начинающему миссионеру, писала: «Совет Миссионерского общества получил весьма утешительные сведения о деятельности иеромонаха Касаткина в Японии… Неужели возможно оставить почтенного иеромонаха без помощи?… В западных государствах подобная деятельность миссионера пользуется общим сочувствием. Будем надеяться, что и наше общество отзовется на заявление Совета Миссионерского общества, которому только что, 13-го сентября, впервые сделались известны через г. Гошкевича и действия иеромонаха о. Николая, и потребности нашей японской миссии» (Московские ведомости, 8 октября 1867).

Нам неизвестно, продолжал ли И. А. Гошкевич поддерживать о. Николая после своей отставки. Но и в дальнейшем активную помощь его

миссии в Японии оказывал бывший русский посланник, при котором Гошкевич когда-то служил переводчиком, – Евфимий Васильевич Путятин. Путятин оставил карьеру морского офицера для политической деятельности и в 1861 году возглавил Министерство народного просвещения, а затем стал членом Государственного совета, войдя в политические круги Петербурга. Со стороны Православной церкви деятельность о. Николая в Японии наиболее активно поддерживал в первую очередь митрополит Петербургский Исидор, а также обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, священники Федор Быстров и Иоанн Дёмкин в Санкт-Петербурге, Гавриил Сретенский в Москве и другие.

Было также много покровителей и вне Церкви: Великая Княгиня Екатерина Михайловна, петербургский граф С. Д. Шереметев, графиня М. В. Орлова-Давыдова и другие. Ректор Академии искусств Ф. И. Иордан, его супруга В. А. Иордан и сестры Новодевичьего женского монастыря в Петербурге также были в числе сторонников о. Николая. Но наиболее ревностно его поддерживали Е. В. Путятин и его дочь Ольга.

О. Николай особо отмечает помощь Путятина в заключительной части «Рапорта Совету Православного Миссионерского общества» за декабрь 1878 года: «Великою благодарностью Миссия обязана графу Евфимию Васильевичу Путятину: он беспрестанно с любовью заботится о ней и оказал ей бесчисленное множество благодеяний как своими собственными пожертвованиями, так и разрешением нужд ее и побуждением к жертвованию других; нынешние каменные здания Миссии, основание которым положил своим пожертвованием Его Императорское Величество, Великий князь Александр Александрович, в бытность свою в Японии, в 1872 году, никогда не были бы окончены, если бы граф Евфимий Васильевич не принял на себя заботливость собрать пожертвования для того».

В 1879 году о. Николай во второй раз возвращается в Россию через Америку и с сентября того же года по август 1880 занимается в Санкт-Петербурге и Москве сбором пожертвований на строительство собора в Токио. В Дневниках во время пребывания в Петербурге подробно описано близкое общение о. Николая с Путятиным. Например, есть такая запись: «Выходя [из Петербургской духовной академии – К. Н.], у крыльца встретился с граф. Путятиным. Встретился точно с отцом родным. Граф зашел ко мне; обещал все содействие… Звал к себе в Гатчину; обещался приехать в четверг» (16 сентября 1879 года). Таким образом, Путятин был для о. Николая своего рода добрым покровителем.

У Путятина было много знакомых среди дам, принадлежавших к высшему свету и имевших доступ ко Двору. При посредстве Путятина они делали значительные пожертвования в пользу Японской миссии, о чем также упоминается в Дневниках (см., например, записи ноября 1879 года).

В октябре 1883 года Путятин скончался в Париже, а в октябре 1884 года его дочь, Ольга Евфимовна Путятина, приехала в Токио для работы в Православной церкви, как бы унаследовав желание отца помогать Японской миссии.

Из дневниковых записей видно, что о. Николай был лично знаком с Путятиным еще до этого второго и последнего своего визита в Россию в 1879 году. Возможно, он был представлен Путятину Гошкевичем еще в первый визит 1869–1870 годов.

Иеромонах о. Николай, в миру Иван Дмитриевич Касаткин, родился 1 августа 1836 года (по старому стилю) в Березовском погосте Смоленской губернии. Отец его, Дмитрий Иванович, служил диаконом в сельской церкви. Мать Ивана, Ксения Алексеевна, умерла, когда ему было пять лет. Старше Ивана были брат Гавриил, умерший в пятимесячном возрасте, и сестра Ольга. Сам он был вторым сыном и имел еще брата Василия на четыре года младше себя.

Иван Касаткин (будущий святитель Николай) вырос в селе Береза и учился в Бельском духовном училище. Просторечные слова и выражения, часто проскальзывающие в Дневниках св. Николая, свидетельствуют о его происхождении не из среды просвещенного городского дворянства, а из семьи сельского дьячка.

30 марта 1880 года (старого стиля), во время своего второго возвращения в Россию, в соборе Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге о. Николай был рукоположен во епископа. А в июне того же года он на неделю едет к себе на родину, в село Береза. Дорога туда занимала целый день на лошадях от Ржева, который в свою очередь находится в 200 км к западу от Москвы. Некоторое, правда, довольно поверхностное, представление о том, что представляла из себя родина Святителя и жившие там люди, можно получить из дневниковых записей, которые были сделаны во время этой поездки.

«26 июня 1880 г. Четверг. Из Ржева домой и дома.

Рано утром ямщик, которому я сдан был, приехал, и я, напившись чаю из грязного чайника и стакана, отправился с ним. […] Вид Березы – зеленая крыша церкви, красная крыша, – очевидно, кабатчика, – под селом…

Дома застал племянника Александра и жену его Марью Петровну.

Отправился тотчас же на реку Березу смыть грязь с дороги. На обратном пути встретился с отцом Василием Руженцевым в рясе. После – свидание с сестрой; в церковь, где отец Василий пел „Исполла“; визит отцу Василию, Марфе Григорьевне – просвирне (которой дочь, Саша, живет гражданским браком с соседом; Лариону Николаевичу и прочим, между прочим, кабатчику с красной крышей – перекресту, эксплуатирующему Березу, и отказ сделать визит соседним мещанкам, содержанкам…

Белиберда в душе, белиберда в людях кругом; одна природа искупала тоску и утешала злость, но люди мешали».

Похоже, сам о. Николай с теплотой вспоминал родину лишь тогда, когда находился вдали от нее, – по пословице «там хорошо, где нас нет». Однако в его сердце присутствовало сильное природное чувство привязанности к родине, которое было заронено, вероятно, еще в детстве, проведенном в Березе. Это чувство часто проявляется в дневниковых записях, сделанных в Японии.

Вот что он пишет во время своего путешествия по району Хокурику в апреле, увидев лошадь, вспахивающую поле в окрестностях Тоямы: «В поле приятно поразила пахота: соха совсем как русская, и в нее впряжена лошадь; способ держать соху и управлять лошадью до того похож на русский, что так и ждешь окрика: „ближе!“ или „вылезь!“» (18*30 апреля 1893 года). Выросший в сельской местности о. Николай столкнулся в японской деревне с пейзажем, вызвавшим воспоминания детства.*

Особенно глубока была его привязанность к родному селу. Узнав, что его земляк, ботаник С. А. Рачинский, строит училище для крестьян, о. Николай сразу же отправил из Японии значительное пожертвование, а впоследствии каждый год посылал деньги для этой школы, которая была названа его именем. «Из родного села Березы, – пишет о. Николай, – получил фотографию церкви и другую – училища, названного от Сергея Ал. Рачинского моим именем, потому что посылаю на него 200 рублей в год. Группа из 50 мальчиков и девочек с отцом Петром Соколовым в средине очень симпатичная: лица осмысленные, одеты прилично, хотя разнообразно» (17*30 октября 1910 года). Через одного из своих знакомых в России о. Николай дарил этому училищу волшебный фонарь, орган и другие вещи.*

В Дневнике от 23 апреля*6 мая (День великомученика Георгия) 1910 года святитель Николай, которому исполнилось уже 73 года, неожиданно записывает следующее: «Праздник в моем родном селе Егоров-Березе. Родные, должно быть, и обо мне вспоминают. Ярмарки там, много*

народа и очень весело». И для приехавшего в Японию в 25 дет, и прожившего в ней около 50 лет о. Николая Японского все равно было трудно забыть свое родное село.

Кроме того, поскольку о. Николай был монахом, он прожил всю жизнь один, но всегда беспокоился о своих родственниках, живших в России. Так, он время от времени посылал деньги племяннику через своего близкого друга в Петербурге, отца Федора Быстрова.

Младший брат святителя Николая, Василий, тоже стал священнослужителем. Получив в 1911 году известие о смерти брата, служившего протоиереем в Сызрани, 74-летний о. Николай пишет: «Весьма прискорбно! Единственный брат, на три года моложе меня. Хорошо, что дошло до него и утешило его мое последнее письмо, которым я отвечал на его убеждение – не ехать в Россию на покой, а оставаться навсегда в Японии; он встревожен был кем-то пущенной в газете выдумкой, что я прошусь на покой в Смоленском Авраамиевском монастыре. Царство тебе небесное, дорогой брат! Тотчас же написал соболезнование и утешение вдове» (15*28 февраля 1911 года).*

Иван Касаткин учится в начальной приходской школе Бельского уезда, а затем поступает в семинарию г. Смоленска в 150 километрах от дома и, окончив ее с отличием, получает разрешение продолжить образование в Петербургской духовной академии на государственную стипендию.

Такой путь, вероятно, не был чем-то необычным для проявлявшего способности в учебе сына диакона. И, продолжая таким образом шаг за шагом получать образование в учебных заведениях Православной Церкви, в конце концов он мог бы гарантированно получить на ее иерархической лестнице хорошее место. Но этот одаренный студент в 24 года решает посвятить свою жизнь проповеди христианства в далекой языческой

Японии и, оставив все, отправляется туда, причем не женатым священником, а иеромонахом.

Известно, что еще в семинарии Иван хотел в будущем отправиться в Китайскую Миссию, о которой ему рассказывал учитель. Похоже, мечта проповедовать язычникам жила в нем с детских лет. А в годы учения в академии он прочел «Записки капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах», и дремавшая мечта о миссионерстве пробудилась с новой силой – но теперь взоры его от Китая обратились к Японии.

Святитель Николай так пишет об этом в своем Дневнике: «Пошел с 6-ти часов, когда пришли сказать, что все [для ,,симбокквай“] готово. Было

отличное угощение чаем, фруктами и печением, и хорошо убранная столовая, где всегда производятся собрания, цветами и флагами. […] Попросили и меня сказать что-нибудь; взял темой: „воля Божия, о которой мы ежедневно молимся в «Отче наш», нас и направляет, если мы не противимся ей“, – и рассказал, как именно твердо признаю, при всем недостоинстве своем, что воля Божия послала меня в Японию: в Семинарии рассказ Ив. Феод. Соловьева, профессора, о Китае и отправлении туда в Миссию его товарища по Академии о. Исайи Полкина, возбудили у меня желание ехать в Китай на проповедь Евангелия; в Академии чтение путешествия Головнина пробудило забытое желание, – но уже в направлении Японии» (21 октября*3 ноября 1907 года)*.

В один прекрасный день студент духовной академии Иван Касаткин, питавший неясную тягу к Японии, увидел в аудитории объявление о приглашении священника для российского консульства в г. Хакодате на острове Эдзо (Хоккайдо) в Японии. Это произошло в июне 1860 года, на последнем курсе его учебы в академии.

«Проходя как-то по академическим комнатам, я совершенно машинально остановил свой взор на лежавшем листе белой бумаги, где прочитал такие строки: „Не пожелает ли кто отправиться в Японию на должность настоятеля посольской церкви в Хакодате и приступить к проповеди Православия в указанной стране». А что, не поехать ли мне, – решил я, – и в этот же день за всенощной я уже принадлежал Японии» (Отдых христианина. 1912, № 2.)

Отозвался на это объявление, присланное в Академию из Синода, не один Иван Касаткин. 44 года спустя, в 1904 году, 69-летний о. Николай пишет в Россию из Японии своему близкому другу со студенческих лет, протоиерею Н. В. Благоразумову: «Вот еще просьба: помощника шлите, т. е. молодого, доброго миссионера… А ведь правду говоря, друг Николай Васильевич, наше время куда как лучше было. Припомните: лишь только явился лист на столе с вызовом, да еще на какой пост – настоятеля Консульской церкви, как этот лист забросали именами и какими еще!

Вы, М. И. Горчаков [протоиерей, профессор Петербургского университета] в том числе – бывший цвет академической молодежи» (8 апреля 1904 года).

На этом письме о. Николая адресат Благоразумов сделал следующую приписку: «Студентов охотников (т. е. посвятить себя миссионерству) записалось тогда человек 10–12, и все при условии женитьбы, а Касаткин – один монахом и перебил всех» (Кедров Н. Архиепископ о. Николай Японский в переписке с протоиереем Н. В. Благоразумовым. – Русский

архив. 1912, № 3).

Итак, поколение о. Николая являло собой цвет Петербургской духовной академии. Для студенческой элиты должность настоятеля консульской церкви в островной стране Дальнего Востока была весьма скромной. Однако заявление на этот скромный пост подал не один о. Николай (Иван Касаткин), но 10–12 юных добровольцев. Они стремились не к высшим постам в православной иерархии и в ответ на призыв Гошкевича проявили горячее желание посвятить себя делу проповеди христианства в далекой языческой стране.

О. Николай говорит, что «наше время куда как лучше было». Здесь, по-видимому, кроется один из важнейших мотивов, звавших о. Николая и его друзей в иноверческую Японию. «Наше время», в которое о. Николай и Благоразумов с товарищами оспаривали право стать священником консульской церкви на острове Эдзо, – это первая половина 60-х годов, эпоха, когда Россия, потерпев поражение в Крымской войне, стремилась к возрождению под скипетром Александра II, и общество было полно новых чаяний: эпоха «великих реформ» в русской истории. Начиная с освобождения крепостных крестьян в 1861 году, одно за другим осуществлялись прогрессивные преобразования во внутренней политике: реформа судебной системы и образования, введение земского самоуправления и т. д.

Лучшие студенты столичной духовной академии, Касаткин и его друзья принадлежали к весьма консервативному миру ортодоксальной церкви, но они были интеллигенцией духовного сословия, ибо обучались основным европейским языкам, включая классические (о. Николай прекрасно владел немецким, а английский, похоже, выучил уже в Японии), имели первоклассное разностороннее образование, читали светские политические и литературные журналы и вполне осознавали отсталость своей родины.

Многочисленные заявления молодых талантов духовной академии на пост настоятеля консульской церкви в городке островной дальневосточной страны – свидетельство того, что идеалистический энтузиазм эпохи реформ распространился и на студентов-академистов. Учась в духовной академии, они вместе с тем были «шестидесятниками», современниками эпохи, примечательной расцветом идеализма и реформаторскими настроениями.

Принадлежа к духовному сословию, являвшемуся верной поддержкой самодержавию, они в то же время всей душой желали служить бедным и страждущим. В дневниковых записях во время пребывания о. Николая в

России много раз упоминается отец Никандр, трудившийся на благо нуждающихся евреев в Петербурге (см., например, Дневник от 8 января 1880 года). Близкий друг о. Николая отец Иоанн Демкин организовал богадельню для бесприютных детей и стариков (см. Дневник от 24 сентября 1879 года). Эти люди были молодыми представителями поколения, которое отличалось возвышенными идеалами и жаждой практической деятельности.

Один из наиболее известных представителей «шестидесятников» от интеллигенции, Н. А. Добролюбов (1836–1861), родился в том же году, что и о. Николай, также в семье священнослужителя, и также учился в духовном училище. Добролюбов метался между благочестивой верой и сильными сомнениями, в семнадцать лет бросил духовное училище и в конце концов стал публицистом, подвергавшим критике застой в российском обществе. В истории литературы Добролюбов оценивается как своего рода диссидентствующий интеллигент, находящийся в противостоянии с Православной Церковью. Однако молодые критики и академисты, жившие в одну и ту же эпоху, несомненно, разделяли идеализм, критическое отношение к современной ситуации, надежды на возрождение России. Скорее всего, о. Николай, Благоразумов и другие читали работы Добролюбова. О. Николай пишет в своем Дневнике: «Чтение критики из „Обломова” возбудило решение вопроса: служить Богу или миру? Причем твердым ответом поставлено было первое; а скоро за сим пришедшая из Синода бумага в Академию (21 октября*3 ноября 1907 года). Велика вероятность того, что „критика из «Обломова"”, которую читал о. Николай, – это статья Добролюбова „Что такое обломовщина?“ (1859)*».

На восьмой год после своего приезда в Японию, в феврале 1869 года, о. Николай публикует в российском православном журнале «Христианское чтение» пространный очерк под заголовком «И в Японии жатва многа… Письмо русского из Хакодате». В нем он пишет: «8 лет тому назад я заявил желание занять место при здешнем консульстве тоже с миссионерскою целью (да и кто бы из-за академической парты решился ехать сюда только для того, чтобы раз в неделю отслужить – зачастую в совершенно пустой церкви, так как здесь русских православных и с младенцами не больше десятка?) Тогда же, кстати, много говорено было о необходимости миссионерской академии в России и даже, если не ошибаюсь, приступлено к основанию ее, так что я мог надеяться, что в случае нужды, не останусь здесь один».

Очевидно, что в религиозных кругах тогда распространилось

ощущение грядущей новой эры, усилилась тенденция проповеди православия за рубежом, и даже родился замысел создания миссионерской академии для воспитания проповедников. В 1865 году было основано Православное Миссионерское общество, что также говорило о религиозном подъеме в России в ту эпоху. Вдохновленный такими веяниями времени, о. Николай отправляется в Японию с надеждой, что «не останется один».

Получив должность настоятеля консульской церкви, Иван Касаткин 23 июня 1860 года принял монашеский постриг с именем Николай, а 30-го рукоположен в сан иеромонаха. 1 августа 24-летний иеромонах Николай отправился в Японию. Это было долгое путешествие на Восток через Сибирь, во время которого приходилось покупать повозки и нанимать возничих, а порой править и самому.

«В то время не было, как сейчас, сибирской железной дороги, поэтому ехать приходилось на телегах, часто не останавливаясь и ночью. Продолжая путь таким образом, в конце августа он наконец добрался до Иркутска, столицы Сибири, переправился через Байкал, прибыл в Читу, оттуда доехал до станции Сретенск и водным путем по Амуру к концу сентября с большим трудом добрался до Николаевска. Однако уже наступили сильные холода, к тому же водный путь покрылся льдом, морское сообщение с Японией оказалось перекрытым, поэтому пришлось остаться на зиму здесь», – пишет священнослужитель Японской Православной Церкви протоиерей Симеон Мии, вероятно, слышавший рассказ об этом из уст самого о. Николая (Сэйкё Дзихо – «Православный вестник», 1927, февраль).

Это примерно такое же путешествие, которое проделал 30 лет спустя, в 1890 году, Чехов по пути на Сахалин. (Строительство сибирской железной дороги началось в 1891 году, а закончилось в 1903 году).

В Дневнике за 1895 год о. Николай так вспоминает свое путешествие по Сибири в молодые годы: «Тридцать пять лет тому назад, когда я ехал в Японию, в одном месте, в Сибири, с прелестным видом зеленого четвероугольного поля на скате горы, налево, мне мелькнула мысль: хорошо бы навешивать человеку кресты, когда он кончает воспитание и вступает в жизнь и потом, по мере исполнения человеком своих служб, снимать с него кресты, так чтобы он ложился в могилу с чистою грудью, знаком, что исполнил возлагавшиеся на него надежды, насколько Бог помог ему. Это было бы, по крайней мере, разумней. Я теперь совершенно тех же мыслей» (26 июня*8 июля 1895 года)*.

Это кристально чистое и в то же время сильное по накалу чувство

призвания на свое служение не покидало о. Николая всю его жизнь.

Итак, в ожидании кораблей в Японию о. Николаю пришлось зимовать в Николаевске.

К счастью, здесь он встретился с уже находившимся в преклонных летах епископом Иннокентием, имевшим богатый опыт миссионерства на Аляске и также коротавшим здесь зиму.

Иннокентий посоветовал ему «перевести священное писание и молитвослов на язык новообращаемых туземцев с тем, чтобы православие укоренилось в их культуре». Для готовящегося к Японии и еще неискушенного в миссионерстве о. Николая это, должно быть, стало настоящей программой действий. В годы своего пребывания в Хакодате о. Николай с невероятной энергией занимается изучением японского языка (в особенности «камбуна» – китайских текстов, изданных со специальными пометами для того, чтобы текст стал понятен японцам), а также с большим усердием и упорством изучает историю Японии. Думается, что здесь сыграли свою роль и наставления епископа Иннокентия. Его позиция, что «православие должно укорениться в местной культуре», говорит о том, что он учил уважать культуру страны, где ведется миссионерская деятельность.

62-летний ветеран с большой заботой отнесся к 24-летнему юноше, у которого все было еще впереди, и даже собственноручно скроил ему новую рясу, поскольку старая, академическая, была недостаточно солидной. «Поедешь туда, все будут смотреть, какой-де он, что у них за священники. Нужно сразу внушить им уважение», – говорил преосвященный будущему миссионеру, посылая его за бархатом (С. А. Архангелов. Наши заграничные миссии. СПб., 1899).

21 4 июля следующего, 1861-го, года иеромонах Николай прибыл на русском военном корабле «Америка» в Хакодате. Едва открывшись для внешних сношений в конце эпохи Токугава, Хакодате уже был оживленным портовым городом, поприщем активной деятельности японцев из разных частей страны и иностранцев со всех концов света, одним из маленьких центров международной культуры наряду с Нагасаки и Канагава. В этот японский город и прибыл после долгого путешествия 25-летний русский миссионер.

Однако сразу после своего приезда о. Николай, кажется, пережил глубокое разочарование. Он так рассказывает об этом своему сотруднику Сергию (Страгородскому), позже присоединившемуся к миссионерской деятельности в Японии: «Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении, как невеста, поджидавшая

моего прихода с букетом в руках. Вот проснется в ее тьме весть о Христе, и все обновится. Приехал, смотрю – моя невеста спит самым прозаическим образом и даже и не думает обо мне» (Архимандрит Сергий. На Дальнем Востоке: письма японского миссионера. 1897).

С такой пылкой решимостью выполнить свой долг приехал молодой миссионер в Японию.

О. Николай немедленно стал готовиться к тому, чтобы разбудить «спящую невесту». Совершая в качестве священника консульской церкви службы для консула, его семьи и подчиненных, а также для экипажей приходящих в порт русских судов, он с достойным удивления рвением готовится к проповедничеству – изучает японский язык и историю страны, характер ее народа, терпеливо пытается завести знакомства с японцами.

Усилия о. Николая по обеспечению миссионерской задачи видны из уже цитировавшегося «Письма русского из Хакодате».

Например, о своих занятиях японским языком он пишет: «Приехав в Японию, я, насколько хватало сил, стал изучать здешний язык. Много потрачено времени и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете… И такие люди, как пресловутый знаток японского языка, француз Рони, осмеливаются писать грамматики японского языка! Хороши грамматики, которые приходится бросать в угол как ненужный хлам, спустя неделю по приезде в Японию! Видно, долго еще изучающим японский язык придется изучать его инстинктом, чрез чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи. Так инстинктивно и я научился, наконец, кое-как говорить и овладел тем самым простым и легким способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений. С этим знанием я немедленно приступил к переводу Нового Завета на японский».

Таким образом, о. Николай последовал советам епископа Иннокентия.

Вот что он пишет по прошествии двух лет после приезда в Японию в своем письме обер-прокурору Синода А. П. Ахматову: «Я говорю по-японски в настоящее время довольно свободно. […] Я хорошо познакомился с здешними бонзами, хожу иногда слушать их проповеди и заимствую от них религиозные их сведения». В этом же письме он также пишет: «Я обучаю русскому языку шесть разного возраста японцев».

О. Николай учился языку у разных японцев, одним из которых был Кэнсай Кимура. Его сын Тайдзи Кимура (занимавший в свое время пост директора Банка Тайваня) в своей автобиографии пишет, что в Хакодате о. Николай получил от Кэнсая «начальные знания по японскому языку,

истории Японии, конфуцианству, буддизму и т. д.».

«О. Николай, 25–26 лет молодой человек высокого роста с голубыми глазами, практически каждый день приходил в школу к отцу и усердно занимался. […] Как рассказывала мать, о. Николай очень любил дискуссии и часто спорил с отцом, вообще был очень ревностным учеником, что очень сильно отличало его от японских студентов. […] Когда о. Николай приходил к нам домой, он обязательно заходил на кухню и, поймав мать, начинал спрашивать ее: „Как называется этот суп? А как будет по-японски вот эта желтая редька?“ – имея в виду суп из соевых бобов „мисо-сиру“ и маринованную редьку ,,такуан“», – пишет Т. Кимура.

Особенность японского языка о. Николая заключалась в том, что он очень глубоко освоил китайскую письменность и литературу и превосходно владел письменным языком – более, чем устным. Он полностью прочитал в оригинале такие основные книги по истории Японии, как «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), «Нихон Сёки» («Анналы Японии»), «Нихон Гайси» («Внешняя история Японии»), а также «Сутру лотоса» и другие книги буддийского канона и впоследствии читал семинаристам-японцам лекции по этим темам. Такой глубиной владения китайским языком о. Николай, вероятно, во многом обязан образованию, которое он получил от ученого-конфуцианца К. Кимуры, который был известен в школе своего клана незаурядными способностями.

Кимура Тайдзи также пишет: «о. Николай горячо уговаривал родителей отдать ему одного из моих братьев, Фусадзи или Цунэдзи: „Дайте одного, дайте младшего, я отправлю его в Петербург для учебы“, – но родители так и не согласились. Если бы это действительно осуществилось, то один из моих братьев, возможно, стал бы личностью, которая могла бы сыграть заметную роль в отношениях между Японией и Россией. Жаль, что этого не случилось».

Как можно заключить даже из этого короткого отрывка, с самого начала своего пребывания в Японии о. Николай стремился перебросить мостик людских связей между Россией и Японией. Впоследствии он приглашал в Японию русских мальчиков, которые проходили обучение в Токийской Миссии. Приглашал и учителей церковного пения из России, а также отправлял в Россию на учебу способных японских семинаристов.

Среди учеников и сотрудников о. Николая немало людей, которые внесли свой вклад в развитие связей между Японией и Россией (за исключением политической сферы). Это такие люди, как Яков Тихай, положивший начало распространению в Японии западной музыки; отец Сергий Глебов, автор «Русской грамматики», в значительной степени

способствовавший развитию изучения русского языка японцами; отец Петр Булгаков, переведший на русский язык японский учебник по нравственности и морали для начальной школы; Рин Ямасита, изучавшая живопись в женском монастыре в Петербурге; Сёму Нобори, очень много сделавший для того, чтобы японцы смогли познакомиться с русской литературой; Есибуми Куроно, много лет отдавший преподаванию японского языка в Петербургском университете, и другие.

В написанной в июле 1868 года статье «И в Японии жатва многа… Письмо русского из Хакодате» о. Николай пишет о том, как он начал тайно проповедовать христианство среди японцев: «Между тем я старался делать, что возможно, и для непосредственно миссионерской цели. На первый раз, конечно, нужно было искать людей, которые, приняв христианство, способны были бы, в свою очередь, сами служить к распространению его… Уж четыре года спустя, по прибытии моем сюда, Бог послал мне одного человека… Познакомившись с Верою, он почувствовал отвращение к своему служению, бросил его и решился посвятить свои силы на служение Богу истинному. Спустя год, он нашел себе товарища, а еще в продолжение года они нашли себе третьего собрата. […] Но вдруг [в апреле 1868 года] в Хакодате получаются указы нового правительства: третьим из них – запрещение принимать христианскую веру. […] Так как они давно уже приготовлены были к крещению, то я (18-го мая) крестил их, нарекши имена: […], снабдил книгами и отправил в разные стороны… Целию их путешествия, кроме ближайшей – скрыться от опасности, поставлено еще то, чтобы они хорошенько разузнали везде направление умов, постарались найти людей, нужных для нашего дела и, наконец, если можно, положили по местам хоть начатки христианских обществ».

Упоминаемые здесь трое японцев, ставшие под руководством русского миссионера о. Николая первыми православными христианами в Японии, – это синтоистский жрец из Хакодате Такума Савабэ, врач Токурэй Сакаи и Дайдзо Урано. Усилиями двух из них, Савабэ и Сакаи, семена православной веры начали сеяться в Сэндае и окружающих этот город северных районах Японии.

Русскую культуру, воспринятую японцами начиная с эпохи Мэйдзи, можно условно разделить на три части. Первая – это христианство, принесенное русским миссионером о. Николаем в конце эпохи сёгуната. Затем русская литература, в основном XIX века, и, наконец, идеи социализма, выдвинутые советской Россией.

Японская Православная Церковь, основанная о. Николаем, хотя и не

является особенно большим направлением по сравнению с двумя другими, живет уже в течение долгого времени, несмотря на многочисленные тяжелые испытания, выпавшие на ее долю. Она стала Церковью самих японцев, проникла в культуру Японии, оставив в ней свой особый след, и продолжает свою деятельность и сегодня.

Какого основного направления придерживалась в период своего основания эта Церковь, имеющая важное значение с точки зрения истории принятия христианства в Японии, как она строила свою миссионерскую деятельность, в какой связи находилась с Россией – нельзя сказать, что эти и другие вопросы ее истории были достаточно освещены.

С 1872 года о. Николай начал открыто проповедовать, а уже в 1875 году рукоположил священника-японца, допустил японцев в церковное руководство и впоследствии прикладывал все силы для взращивания священнослужителей из японцев.

Пользуясь любым случаем, о. Николай говорил японским верующим: «Мы, иностранцы, должны как можно скорее сделаться ненужными. Я вам это и раньше советовал, и сейчас советую, и всегда буду советовать» (Деяния архиепископа Николая). Говорил он это не только японцам, но и российской организации, поддерживавшей его деятельность. – Православному Миссионерскому обществу: «Японская церковь – не дело миссионеров, не имеющих и возможности проповедывать вне двух мест – Токёо и Хакодате, а дело катихизаторов» (Рапорт Совету Православного Миссионерского общества, 1879).

В 1877 году количество иностранных миссионеров в Японии распределялось следующим образом: католиков – 45 человек, протестантов (различных деноминаций) – 99 человек, православных – 4 человека. Количество православных миссионеров на порядок меньше, чем католических или протестантских, и этот разрыв с каждым годом продолжал увеличиваться.

Это не означает, что о. Николай отвергал русских миссионеров. Наоборот, он постоянно и усиленно просил о направлении из России миссионеров, но, поскольку «сотрудников», желающих приехать в Японию, не находилось, необходимость вынуждала набирать японцев. (В Приложении прилагается список русских миссионеров, проходивших служение в Японии).

Но несмотря на четкие слова о. Николая о том, что «иностранцы должны как можно скорее сделаться ненужными», он вовсе не имел в виду, что надо порвать связь с Россией. По его мнению, для того, «чтобы не испортить себя и сделаться чем-нибудь вроде протестантской секты»,

Японская Церковь, поддерживаемая японскими священнослужителями, после смерти о. Николая должна была приглашать епископов из России и еще не менее ста лет находиться под управлением Синода (Дневник от 7*20 июля 1904 года).*

Легко подумать, что недостаточное количество миссионеров из России оказывало отрицательное влияние на проповедь, однако, судя по всему, это было не совсем так. Православная Церковь развивалась быстрыми темпами и приобретала верующих по всей Японии. По сведениям Министерства внутренних дел Японии за 1898 год, количество православных японцев превышало 25 тысяч человек. По количеству верующих это было второе место после католиков, которых насчитывалось до 54 тысяч человек, и превышало любую из протестантских церквей. Аримити Эбисава в своей книге «Японская Библия» признает, что несмотря на предельную малочисленность православных миссионеров по сравнению с другими церквями, Православная Церковь «в своей проповеднической деятельности добилась результатов, значительно превосходящих протестантов».

Сам о. Николай говорит о том, что если не считать «какурэ-кириситан» (тайных христиан-католиков, оставшихся после гонений и официального запрета на христианство) в Нагасаки, которые вернулись в лоно Католической церкви, японцев, принявших православие, было бы больше, чем принявших католицизм.

Конечно же, о. Николай приобретал верующих не только одними своими силами. Он сам говорит, что «Японская Церковь – дело катехизаторов».

Катехизаторы – это простые верующие, получившие краткосрочное богословское образование и отправленные проповедовать. Такой «простонародный» способ проповеди был особенностью Японской Церкви. Японские катехизаторы, не рукополагавшиеся в священный сан и получавшие от Миссии довольно скудное содержание, направляли свой путь в крестьянские и рыбацкие деревни по всей Японии, в особенности в маленькие городки и села на о. Хоккайдо, в районах Тохоку и Канто, добирались до самых захолустных деревушек и усердно старались обратить в свою православную веру японцев, которые о самом христианстве слышали впервые в жизни. Это было время, когда в простом народе ходили слухи о том, что «у тех, кто принимает христианство, вырезают печень, отправляют ее за границу и там продают за большие деньги – поэтому-то они и учат бесплатно». В каждом выпуске «Вестника Православной Церкви» «Сэйкё Симпо» с живыми подробностями

рассказывалось о том, как катехизаторы собирали сельчан и «объясняли им учение Христово». Были и такие, кто не ленился добраться до заброшенного в горах буддийского храма и начинал с жаром проповедовать живущему там бонзе.

Сам о. Николай также обошел всю Японию, шагая в соломенных сандалиях по горным тропам, где «ноги увязали в грязи и с трудом шли вперед», служа таким образом примером и воодушевлением для катехизаторов.

О. Николай, иностранец огромного роста в черной одежде, был в сельских районах предметом всеобщего интереса. Покоя ему не давали, даже когда он, уставший, возвращался на постоялый двор, о чем он так пишет в своем Дневнике: «Уж как надоедает эта публика, глазеющая беспрерывно во все скважины окон и дверей! Точно зверя заморского в клетке смотрят» (15*27 мая 1881 года).*

В своем рапорте Совету Православного миссионерского общества, составленном в 1878 году, о. Николай подробно описывает результаты, достигнутые за шесть лет с момента, когда в Японии на постоянной основе была начата проповедь. Он перечисляет приходы по всей Японии с именами священников и количеством верующих, учащихся семинарии и женской школы, как их зовут и откуда они родом, какое жалованье получают проповедники и т. д. Упоминается там и иконописица Рин Ямасита, в последнее время пользующаяся вниманием в Японии. Подробно описаны также связи с российскими организациями, поддерживавшими миссионерскую деятельность, количество пожертвований и т. д. Таким образом, это документ, в котором зафиксированы самые основные факты о состоянии Японской Православной Церкви в начале эпохи Мэйдзи.

Из этого рапорта также хорошо видно, что проповедническая деятельность с самого начала осуществлялась о. Николаем и японскими катехизаторами. Именно трудами этих катехизаторов Православная Церковь смогла увеличить количество своих верующих, обойдя протестантов и заняв второе место после католиков.

Бывали и такие случаи, когда юноша, в семинарии учившийся плохо, отправившись в деревню помощником катехизатора, сумел тронуть своей проповедью деревенского старосту, который затем под его руководством принимал крещение. В своем Рапорте о. Николай с большой теплотой и даже с гордостью рассказывает о таких учениках.

Читая этот бесхитростный рапорт, можно получить живое представление о том, как в Японии начала эпохи Мэйдзи русский

миссионер о. Николай и молодые японские катехизаторы, вместе трудясь над созданием новой общины, отдавали все свои силы проповеди, делили друг с другом скорби и радости.

Японская Православная Церковь, неразрывно связанная с Россией, находилась в невыгодном положении еще и потому, что не могла использовать в интересах своей проповеди тот интерес и восхищение, которые японцы питали к западноевропейской культуре. Кроме того, Японская Церковь должна была пройти и такое суровое испытание, как русско-японская война. И то, что несмотря на все это, она ничуть не уступала в своем развитии другим церквям, можно отнести за счет того, что из-за малочисленности русских миссионеров с самого начала основная тяжесть проповеднической деятельности легла на плечи японцев, из числа которых впоследствии выбирались и кандидаты в священнослужители.

В 1910 году количество православных верующих увеличилось до 31 тысячи человек. В период Мэйдэи больше всего их было на севере Японии – на о. Хоккайдо и в районе Тохоку. В настоящее время из 74 православных приходов, существующих на территории Японии, около 30 находятся именно на Хоккайдо и в Тохоку (большинство этих приходов существует с эпохи Мэйдэи), что также говорит о том, что концентрация православных японцев всегда была больше всего на севере страны.

Говоря о православных верующих на Хоккайдо, нельзя забывать о православных айнах, которые после заключения Договора об обмене Курильских островов и Сахалина (1875) были насильно переселены японским правительством с прилегавшего к российской территории о. Шумшу на о. Шикотан. О. Николай отправлял на Шикотан катехизаторов, протягивая таким образом этим айнам руку помощи, как духовной, так и материальной. «Айны – мирный и благочестивый, но далекий от земных дел и от земного счастья народ. Боголюбивые братья и сестры, помогите верующим на Шикотане!» – статьи с такими воззваниями можно часто встретить в выпусках «Вестника Японской Православной Церкви» в середине 1880-х годов. Есть упоминания, что о. Николай плакал, слушая от катехизаторов рассказы о положении на Шикотане. И японские христиане, узнав о плачевном состоянии православных айнов на Шикотане, живо откликнулись на призыв о. Николая оказать материальную помощь своим братьям по вере.

С конца июля по начало августа 1898 года о. Николай вместе с архимандритом Сергием (Страгородским) объезжал приходы южной и восточной частей Хоккайдо, а 13 августа посетил приход айнов на о. Шикотан. Записи об этом путешествии есть и у архимандрита Сергия в его

дорожных заметках «По Японии» (1903), и у о. Николая в его Дневнике. Процитируем здесь место из Дневников, где описана сцена расставания с островом.

«Дали им окончательное благословение и простились с ними. Всей толпой они проводили нас до шаланды, в весла которой сели по-прежнему девицы и молодые люди; первые в своих хороших платьях, в которых были в церкви, не успев переменить их. С напевом – сначала альтами, потом дискантами – мелодично грустным и с видимым одушевлением и усердием они скоро доставили нас на пароход и здесь еще раз простились и приняли благословение. Грустно мы расстались с ними. Добрый отломок это знаменитой Церкви Иннокентия, славного нашего миссионера» (1*13 августа 1898 года).*

А в Дневнике от 7*20 июня 1904 есть и такая запись: «Отец Роман Фукуи пишет о Сикотане, что „получил деньги, 107 ен, на покупку двух коров для сикотанских христиан. […] что Евгению Сторожеву, дочь Владимира, просватал за Федора Судзуки в Кусиро“».*

А как обстояло дело в районе Тохоку?

Такума Савабэ был пламенным патриотом и в конце эпохи Токугавского сёгуната и начале эпохи Мэйдзи общался в Хакодате с бывшими самураями (ронинами), оставившими Сэндайский клан. Когда ронины замышляли повторное восстание совместно с беглыми силами войск сёгуната, Савабэ, который к тому времени уже стал верным учеником о. Николая, убеждал их в том, что сейчас надо вкладывать силы не в политическую реформу страны, а в реформу духовной жизни японцев и что эту духовную реформу надо проводить с помощью христианства. Ему даже удалось уговорить двух бывших самураев Сэндайского клана, Дзэнъэмона Каннари и Цунэносина Араи, встретиться с о. Николаем.

После этого между о. Николаем и бывшими сэндайскими самураями образовались близкие отношения, а вскоре к ним присоединились и новые единомышленники из Сэндая. Они верили, что «без христианства невозможно поддерживать правильный путь мира». В Хакодате они «каждый день занимались изучением истин православной веры» и, в конце концов став проповедниками, возвратились в Сэндай, где начали распространение православия прежде всего со своих родственников и знакомых. Кокко Сома, известная как основательница ресторана «Нака-мурая» в токийском районе Синдзюку и как меценат, поддерживавший многих деятелей искусств, также была родом из Сэндая, и хотя сама она была протестанткой, ее семья в Сэндае с этого времени является православной. Так, усилиями пламеневших верой представителей

сэндайского самурайства по всей территории Тохоку один за другим рождались очаги православия.

В феврале 1872 года о. Николай оставляет Хакодате и переезжает в Токио. Там в районе Канда (Суругадай) он устраивает Миссию и начинает проповедь в Токио и его окрестностях и далее – в районах Токай и Кансай. К этому времени Хоккайдо и Тохоку уже были как своего рода мощный тыл, хинтерланд, способный поддерживать дальнейшую миссионерскую деятельность Православной Церкви в Японии.

Еще раз возвратимся к хакодатскому периоду подготовки к миссионерской деятельности. В 1868 году о. Николай пишет в конце уже цитировавшейся выше статьи «И в Японии жатва многа»: «Из всего, сказанного доселе, кажется, можно вывести заключение, что в Японии, по крайней мере в ближайшем будущем: жатва многа… Католичество и протестантство заняли весь мир… Вот и еще страна, уже последняя в ряду новооткрытий: хоть бы здесь мы могли стать наряду с другими… Буду, даст Бог, не заброшен и я здесь один, обреченный на бесплодный одиночный труд. С этою надеждою я ехал сюда, ею семь лет живу здесь; об осуществлении ее самая усердная моя молитва, в это осуществление, наконец, я так верю, что подал прошение об увольнении меня в отпуск и, по получении разрешения, еду в Петербург ходатайствовать пред Святейшим Синодом об учреждении здесь миссии».

Получив желаемый отпуск, о. Николай в начале 1869 года возвращается в Россию и в течение двух проведенных там лет неустанно убеждает Синод и влиятельных церковных иерархов в необходимости открытия Миссии в Японии, а также посещает четыре российские духовные академии, где горячо призывает молодых академистов заняться проповедью православия в Японии.

Во время своего пребывания в России, в сентябре 1869 года, о. Николай опубликовал в журнале «Русский вестник», редактором которого был влиятельный консервативный журналист Катков, длинную статью под названием «Япония с точки зрения христианской миссии». В ней он снова рассказывает образованному слою русских людей о ситуации в Японии и пишет о том, что проповедь православия в Японии обязательно принесет свои плоды.

Публикуемые нами ныне «Дневники св. Николая Японского» начинаются с записи, сделанной 1 марта 1870 года (все даты во время пребывания в России – по старому стилю) в Александро-Невской лавре в Петербурге во время этого возвращения в Россию.

Если коротко описать дальнейшую деятельность о. Николая и

историю Японской Православной Церкви, то 6 апреля 1870 года (старого стиля) было утверждено определение Святейшего Синода об учреждении Российской Духовной Миссии в Японии, а сам о. Николай назначен ее начальником с возведением в сан архимандрита. В марте 1871 года он с новыми чаяниями едет в Японию, чтобы опять взяться за миссионерскую работу.

А в конце 1871 года в Японию приехал новый сотрудник – иеромонах Анатолий (Тихай). О. Николай поручил церковь в Хакодате Анатолию, а сам выехал в столичный Токио, где приступил к проповеди.

И затем в течение 40, а с первого приезда в страну – 50 лет о. Николай трудился над распространением православия в Японии.

Как уже было указано в главе о Е. В. Путятине, с марта 1879 по ноябрь 1880 года о. Николай во второй и последний для него раз ездил в Россию для сбора средств на строительство собора в Токио. Во время этого возвращения, 30 марта 1880 года, в кафедральном соборе Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге он был хиротонисан во епископы.

Дневниковые записи, сделанные во время этого второго возвращения, подробно рассказывают нам о том, с кем был связан о. Николай и какие люди в России оказывали поддержку работе Православной Миссии в Японии. В этом смысле прежде всего необходимо назвать имя митрополита Исидора (Никольского), который был наиболее мощной опорой для о. Николая в его миссионерских трудах в Японии. О. Николай до конца своих дней почитал и с любовью вспоминал митрополита Исидора как своего учителя и благодетеля. Вот что он пишет в своем Дневнике в праздник Успения Пресвятой Богородицы: «Двадцать четыре года тому назад в этот день я служил Литургию в Крестовой Церкви Высокопреосвященного Митрополита Исидора в Петербурге вместе с ним и после нее уехал из Петербурга сюда. Накануне хотел уехать, но владыка удержал: „Зачем так торопиться? Завтра помолимся вместе, тогда и отправляйтесь”. Сегодня вспомнил это и грустно и бедно молился, стоя в алтаре» (15*28 августа 1904 года)*.

Кроме того, в дневниковых записях этого периода можно встретить, например, такие излияния души о. Николая, уже полностью посвятившего всего себя миссионерству в Японии: «Теперь сажусь продолжать на станции Чудово, на пути в Новгород и Юрьевский монастырь просить 2 тысячи, последние недостающие, так как Киевский Митрополит, от которого я только что еду, дал 2 тысячи. Запустил дневник, а между тем хотелось обозначить каждый день в кратких чертах, чтобы после – в Японии, когда взгрустнется и захочется в Россию, при взгляде на дневник

останавливалось прихотливое хотение. „Хорошо только там, где нас нет”. В Японии хочется в Россию, а в России прожил ли хоть один день, чтобы не хотелось в Японию! Где счастье? Нет его на земле; везде, где бы ни быть в данную минуту, полного спокойствия и счастья никогда не испытываешь; всегда стремишься к чему-то вперед, жаждешь перемены; а придет перемена, видишь, что не того ждалось, и возвращаешься помыслами к прежнему. В России лучшие из лучших минут – это, конечно, часы, проводимые мною у Ф. Н. Быстрова. Маленький земной рай это милое семейство, – и нет, кажется, – не видал лучше его на свете. […] Расцветаю я душой и согреваюсь в этом милом семействе, – но что и в нем наполняет меня? Та же вечная мысль об Японии и Миссии! Разогретый и расширенный душевно, – я становлюсь лучше относительно Миссии; значит, и тут главное Миссия, – и вечно и везде – одна Миссия и Япония, и не скрыться мне от них, и не найти другого – лучшего на земле, другого счастья, кроме Миссии и Японии. Так о чем же я скучал в Японии? Чего искала душа? Не убежишь от того, что приросло к ней, – и счастье мое па земле – это одно – хорошее течение дел по Миссии. […] Дай же, Боже, мне поскорее вернуться туда и никогда уже не скучать там и не хотеть в Россию! При прочтении этих строк, когда какая досада или тоска станет одолевать в Японии, дай, Боже, всегда успокоиться и отрезвиться от недельной мысли искать счасться – хоть бы во временном отпуске в России» (28 сентября (26 октября) 1879 года).

Душа о. Николая уже была полностью отдана японской миссии, и, таким образом, уже к тому моменту он был «Николаем Японским».

В апреле 1906 года о. Николай был возведен в сан архиепископа, а 6 лет спустя, 16 февраля 1912 года скончался в возрасте 75 лет на территории Миссии в Токио. Борясь в последние годы жизни со страданиями, причиняемыми сердечной болезнью и астмой, он до самой смерти занимался переводом и редактированием богослужебных книг и даже в день своей смерти давал своему преемнику епископу Сергию (Тихомирову) последние инструкции по ведению миссийских дел.

Перед его кончиной, в 1911 году, православие в Японии насчитывало 31 984 верующих, 265 приходов, 41 священника, 15 хоровых регентов, 121 катехизатора. Единое пшеничное зерно дало плод многий.

В 1970 году, через 58 лет после кончины, о. Николай был прославлен Русской Православной Церковью в лике святых с наименованием «равноапостольный».

Дальнейшая судьба основанной о. Николаем Японской Православной Церкви сложилась непросто: после кончины своего основателя ее одна за

другой начали захлестывать волны различных несчастий.

Наиболее серьезный удар от русской революции 1917 года в Японии как непосредственно связанная с Россией испытала на себе именно Японская Православная Церковь – и шок от этого удара был не из тех, что быстро проходят. А в 1923 году, словно вдогонку, произошло другое несчастие: Великое кантосское землетрясение нанесло серьезнейший ущерб Собору Воскресения Христова в Токио (широко известному под названием «Николай-до» – «храм Николая»), восстановление которого потребовало долгого времени и больших трудов как священнослужителей, так и верующих Японской Церкви.

После этого Церковь вынуждена была страдать от преследований со стороны поднявшего голову японского милитаризма.

После Второй мировой войны на волне времени и при поддержке зарубежных миссий в Японии активизировалось христианство, пришедшее из Америки и Западной Европы, но в Японской Православной Церкви, которая была оторвана от Русской Матери-Церкви, такого «возрождения» не произошло. Наверное, можно сказать, что проблему взаимоотношений между церковью и международной политикой в Японии наиболее остро на своем опыте прочувствовала именно эта маленькая Церковь. Размышляя о проблеме восприятия японцами гигантского социально-политического разрыва, происшедшего при переходе от Царской России к Советскому Союзу, также нельзя игнорировать опыт Православной Церкви в Японии.

Из Дневников св. Николая в Японии

Святитель о. Николай иногда отправлялся в поездки по местным приходам. Естественно, что, занимаясь миссионерской деятельностью в Японии целых 50 лет, он объездил всю страну. В своих Дневниках он подробно записывает состояние каждого прихода – от количества прихожан до таких деталей, как состав семей верующих, размер средств, необходимых для постройки храма, и т. д.

Он также описывает виды природы, рек и гор, которые встречались по дороге, впечатления о том, насколько бедный или богатый поселок или село, где он побывал, какая прослойка там больше – самурайского дворянства или простого народа, какая промышленность есть в той или иной местности, как ведутся сельскохозяйственные работы в деревне. Путевые заметки о. Николая можно назвать также своего рода полевыми записями о состоянии японской деревни в эпоху Мэйдзи.

Например, во время посещения района Цугару он записывает в своем Дневнике: «Местность бедная; кто мечтает о чистоте японских жилищ, будто бы повсюдной, пусть приедет сюда и посмотрит, в каких грязных соломенных лачугах живет бедный японский люд, по крайней мере, в Цунгарской области» (5*17 мая 1893 года). Надо сказать, что в эпоху Мэйдзи было не так много иностранцев, которые настолько хорошо знали японскую деревню.*

Много записей и о гостиницах, в которых о. Николай останавливался в дороге. Например, в путевых заметках во время объезда района Дзёсю весной 1881 года он пишет следующее: «Один из везших меня ямщиков, пробежав 10 ри и не переставая бежать, пред Кумагая, стал вслух восхищаться горами направо! Как тут не сказать, что японцы – народ, расположенный к поэзии и мягким чувствам! В Кумагая добрались еще засветло, но остановились на ночлег, так как дальше нет хороших мест для ночлега, а до Маебаси нельзя сегодня добраться. В гостинице прямо объявили, что с иностранца за ночлег 50 сен. Комната порядочная; дали теплой воды вымыть голову. Ама [Амма?] мущины и женщины три раза уже приходили набиваться своим искусством. Спать хочется; но заснуть едва ли скоро придется, так как кругом гомон и шум» (7» 19 мая 1881 года).

В путевом дневнике во время поездки по Тохоку в июне того же 1881 года есть подробная запись о производстве лака около города Фукуока в

Иватэ – сколько его добывается, какова его стоимость, как ухаживают за деревьями. «Закупщики лака приходят из Эцинго и откупают деревья совсем», – пишет о. Николай (4*16 июня 1881 года). Он также подробно фиксирует свои наблюдения о разведении шелковичного червя в Дзёсю – как и каких видов производится шелковая нить, куда она продается, каковы условия труда работниц фабрики (1*527 июня 1881 года).

Похоже, о. Николай любил осматривать различные места производства – в его путевом дневнике часто встречаются описания впечатлений от посещения заводов по изготовлению соевой пасты «мисо», соевого соуса, соли, рыбных консервов, керамики и т. д.

А когда он находился на своем рабочем месте в Токийской Миссии, к нему каждый день приходили со всей страны письма с рапортами и просьбами от священников, катехизаторов, верующих. «Вчера пришло еще письмо из Акита, деревни Ооюю, от христианина Тимофея Циба, тоже с просьбою посодействовать искоренению ужасного обычая давить новорожденных и бросать в реку. Сегодня посланы письма к нему и к Ефрему Ямазаки с укорами и убеждениями. Авось, даст Бог, хоть у християн-то не будет этого» (13*25 января 1882 года).

Таким образом, и находясь в Токио, о. Николай через священников и катехизаторов из местных приходов постоянно соприкасался с жизненными реалиями японской провинции. Поэтому его Дневники являются ценным материалом по истории не только Японской Православной Церкви, но и различных областей Японии.

Особенное впечатление в поездках по местным приходам производит то, как о. Николай обращает особенное внимание на верующих, способных к пению, и даже в самой захолустной общине ревностно старается повысить уровень исполнения церковных песнопений.

«Поет одна Раиса, девочка, бывшая несколько лет в Хакодатской Миссийской школе, дочь о. Николая – врача, кажется, жившего в Хакодате, и поет превосходно и смело; голос у нее также отличный. Наказывал ей научить и других, способных петь» (29 мая*10 июня 1881 года).

О. Николай также очень чутко реагирует на качество исполнения песнопений.

«Поют 3-е: Иоанн Кон и 2 девочки, учившиеся пению от Василия Такеда. Девочки поют хорошо, Кон же до того дурно, что во время богослужения я должен был попросить его перестать петь и удовольствоваться одним чтением; читает же он хорошо» (13*25 июня 1881 года).

«Вечером было много катехизаторских писем; везде помаленьку дело идет вперед. Больше и больше открывается потребность в учителях пения; Роман Цибауслан на север, Яков Маедако – на юг, в приход о. Павла Таде, оттуда должен в Оосака, а пения и сам-то путем не знает; в Преображенской же Церкви слепец Александр Комагай обучает, и тому везде рады» (20 января*1 февраля 1882 года)*.

Развитие проповеди означало также увеличение количества людей, способных исполнять церковные песнопения.

Православные японцы эпохи Мэйдзи еще за 30 лет до введения Министерством образования программы пения в школах (которая начала распространяться около 1910 года) уже исполняли русские церковные песнопения, переложенные для пения на японском языке. Православное богослужение немыслимо без пения, поэтому умение владеть европейской техникой пения было насущной необходимостью. Таким образом, Православная Церковь вместе с проповедью веры способствовала также распространению среди японцев западного стиля пения и умения его воспринимать.

Мало кто знает о церковных хорах Японской Православной Церкви, которые в действительности владели западной техникой пения настолько хорошо, что во второй половине периода Мэйдзи их искусством восхищались студенты Музыкального училища в Уэно, одного из первых музыкальных учебных заведений в Японии. Это означает, что в тогдашней Японии в этой области им не было равных. Репутация этих хоров была настолько высока, что послушать торжественные рождественские или пасхальные песнопения в соборе Николай-до в Токио собирались даже многие англичане и американцы.

О. Николай с большой ревностью и в то же время строгостью относился к обучению церковному пению, что можно объяснить кардинальным отличием его позиции по этому вопросу от представителей других христианских конфессий.

«Это не протестантская церковная беднота, пробавляющаяся несколькими ветхозаветными псалмами, своими слезливыми стишками и самодельной каждого пастора проповедью – „чем богаты, тем и рады“, – и не католическая богомольная тарабарщина с органными завываниями». Православная же церковная музыка целиком и полностью основывается на Священном Писании и Священном Предании – «нужно только в церкви внятно читать и петь, а молящемуся внимательно прислушиваться, – и целое море христианского научения вливается в душу, – озаряет ум познанием догматов, оживляет сердце святою поэзиею, одушевляет и

движет волю вслед святых примеров», – записывает о. Николай свои мысли по этому поводу (11*24 октября 1904 года).*

Для него церковное пение занимает в православном богослужении безусловно приоритетное положение и само по себе является «авторитетной проповедью»: тот, кто с благоговением внимает прекрасным песнопениям, тем самым уже воспринимает божественное учение.

Из дневниковых записей о церковном пении можно получить хорошее представление о том, что представляет собой христианство для св. Николая, да и вообще для русских людей. Православие – не просто система догматов и моральных ценностей, а религия, одно из центральных мест в которой занимает величественное, пронизанное радостью богослужение, где церковные песнопения служат как проводником учения Божия, так и молитвенным ответом на него людей.

О. Николай хорошо владел «камбуном» и читал буддийские тексты. Он также иногда беседовал с бонзами в буддийских храмах. В его работе о Японии, которая была опубликована в России, можно встретить даже сочувственное отношение к буддизму – например, о. Николай пишет, что, слушая иную проповедь в храме буддийской секты Монто-сю (Дзёдо-синсю), «можно забыться и подумать, что слышишь христианского проповедника» (Япония с точки зрения христианской миссии).

А каково было отношение о. Николая к народным верованиям японцев? Здесь можно увидеть здоровое религиозное чувство о. Николая, не отравленное современным, чисто гуманистическим, восприятием мира.

Путешествуя по различным областям Японии, о. Николай видел, как широко распространена среди простого народа вера в таких языческих богов, как Инари или Дзидзо, что, однако, не вызывало в нем и тени презрения. Он воспринимал это как проявление «живого религиозного чувства» и даже считал, что местности, отличающиеся ревностным отношением народа к религиозным верованиям, наиболее подходят для христианской проповеди.

Вот что он пишет в своем Дневнике: «По дороге встречались группы разряженных богомолок, плетутся куда-то около Ямада – к идолу, кажется – Дзидзо, покровительствующему жатве. Это после посадки риса – молиться, чтобы был урожай. […] Но замечательна вообще эта потребность народа в богомольных хождениях. Ее нельзя не иметь в виду при водворении христианства между народом» (10*22 июня 1881 года).*

"В Акуцу, 2 1*2 ри от Уцуномия, и около Акуцу по дорогам множество разряженного народа, особенно женщин и детей, все богомолицы,*

*стекающиеся к Инари в Акуцу. […] А факт все-таки тот, что молящегося народу бездна, значит, религиозное чувство в этой местности живо, нужно иметь это в виду, чтобы не упустить назначить проповедников в Уцуномия и Кицурегава» (20 июня*2 июля 1881 года).

Это же касалось и буддизма – вот что, например, о. Николай говорит о Нагано, где находится известный буддийский храм Дзэнкодзи: «Место, совсем готовое для проповеди: между прочим, и то, что там знаменитый идольский храм, делает народ более готовым к восприятию истинного учения, чем в других местах; все же таки почва ума и сердца приготовлена, хоть думою об идоле» (1*729 февраля 1882 года).*

О. Николай был христианским миссионером, но он не отрицал религиозных чувств простого японского народа, ходившего на поклонение в буддийский храм или к синтоистскому богу Инари, поскольку считал, что эти чувства являются универсальными и взаимозаменяемыми. Он чувствовал, что проповедуемая им христианская вера имеет все возможности быть воспринятой религиозным чувством японцев. Думается, что англо-американские протестантские миссионеры, находившиеся в Японии в то время, скорее всего, этого не понимали. Протестантские конфессии христианства, как будет сказано далее, стали основной силой в модернизации Японии («буммэй кайка» – курс на просвещенную цивилизацию). По существу, они несли в себе дух современного рационализма и индивидуализма и были своего рода обоюдоострым мечем: являясь религией, они в то же время подвергали «средневековые» религиозные чувствования рациональной и этической критике.

В японских народных обычаях нет религии, которая имела бы строго определенное учение, однако верующих людей очень много. Судя по всему, о. Николай считал, что на почве религиозных чувств таких людей можно посеять семена истинной веры, то есть православного христианства.

Нельзя также сказать, что о. Николай воспринимал христианство как основу обладающей несравнимым превосходством западной цивилизации, подчеркивал его абсолютное значение или хотел «осчастливить» японцев, выведя их в христианский мир с помощью «западной науки» путем отказа от всего японского и предмодернистского, средневекового. Это можно объяснить тем, что в числе прочего он с усердием изучал «камбун», занимался историей Японии и чувствовал, что японцы – народ, обладающий незаурядной культурой. Он признает, что Япония, будучи языческим государством, в то же время является выдающейся страной. Находясь в Японии долгое время и путешествуя по различным областям, о.

Николай практически каждый день сталкивался с особенностями духовной культуры японцев, где синтоизм, буддизм и конфуцианство составляют одно неразрывное целое, и ощущал своеобразие и незаурядность этой культуры. Вот что он пишет, в путешествии по району Хокурокудо встретившись неподалеку от Фукуи с толпами народа, собравшегося на день памяти Рэннё, одного из основателей секты Дзёдо-синсю.

«Среди многих десятков, быть может, сотни тысяч не было ни единого пьяного и ни на волос никакого неприличия, никакой грубости, никакой неблаговоспитанности. Нужно сказать правду, японский народ тремя своими религиозными пестунами – буддизмом, конфуцианством и синтуизмом, и еще своим строгим правительством воспитаны для сей жизни замечательно хорошо; и это доброе воспитание вполне сохраняется еще в местностях, закрытых для иностранного влияния, как в Хокурокудо» (20 апреля*2 мая 1893 года)*.

О. Николай не был согласен с вестернизацией японского образования. Уже в своей статье «Япония и Россия», опубликованной в журнале «Древняя и новая Россия» в 1879 году, он пишет: «Буддизм – самая глубокая из языческих религий, и конфуцианизм – высшая из языческих нравственных философий. Многими прекрасными нравственными качествами, конечно, японцы обязаны этим двум своим педагогам». Кроме того, несмотря на то, что буддизм и конфуцианство проникли во все уголки японского общества, «не умерло и национальное учение – синтуизм: оно нейтрализировало почву для самостоятельных умов Японии, которые, без злобы и зависти видя разлив по стране иностранных учений, нашли возможным отстоять против них и свои убеждения, показав чрез то, что иностранные учения не безусловно хороши и не вполне удовлетворяют Японскому духу. В самом деле, Синту именно оказал великую услугу Японии тем, что он не дал слиться буддизму и конфуцианизму с Японским духом».

О. Николай был, пожалуй, единственным христианским миссионером, обладавшим в эпоху Мэйдзи таким глубоким пониманием Японии.

Существует еще один важный момент: о. Николай был все-таки русским миссионером и, в отличие от протестантских и католических миссионеров из Европы и Америки, принадлежал к миру православия, которое еще сохранило в себе действительную религиозную сущность. Христианская вера, которую он проповедовал, вероятно, была близка «японскому духу» эпохи Мэйдзи с его остатками средневекового мироощущения.

«Японцы, кажется, и обнаруживают наклонность именно к православию. Не нравится им гнет католичества. […] Не нравится японцам и протестантство. Протестантство, давая лишь библию в руки, но предоставляя каждому понимать ее как угодно, не может удовлетворить их религиозной жажды», – пишет о. Николай (Япония и Россия. – Древняя и новая Россия, ноябрь 1879 г.).

Как русский человек, приехавший в Японию уже в зрелом возрасте, о. Николай, естественно, делает о Японии различные наблюдения и сравнивает ее с Россией. Например, в работе «Япония с точки зрения христианской миссии» (1869) он пишет, что Япония – не страна «восточной тупости и неподвижности», как ее представляют в России; что в Японии не наблюдается «абсолютный деспотизм сверху и безответное раболепство снизу, невежество, отупение и вместе с тем невозмутимое самодовольство и гордость»; что «деспотами, в том смысле, какой мы привыкли соединять с этим словом, [японские] императоры никогда не были»; что «образование здесь разлито почти равномерно по всем слоям народа» и т. д., предлагая таким образом свои представляющие большой интерес наблюдения о Японии в сравнении с Россией.

В другом месте, узнав в процессе изучения японской истории, что с эпохи Муромати фактическая власть перешла от императоров к сёгунам, о. Николай, словно обнаружив что-то редкое и необычное, пишет: «Япония, не задумываясь долго, создала себе новую форму правления. Вышло нечто очень оригинальное: император, по-видимому, продолжал быть тем же императором; титулы и почести на словах и в книгах остались за ним, но власть перешла к более живым и сильным деятелям – сёогунам» («Япония с точки зрения христианской миссии»),

В дневниковых записях также часто встречаются сравнения Японии с Россией. Так, во время поездки по Дзёсю о. Николай сравнивает японских соловьев со своими родными, причем в пользу последних: «По окраине дороги – внизу, в мочевине[1], много тальника, любимое местопребывание для соловьев, и сколько же зато их здесь! Жаль только, что они не так хорошо поют, как наши, например курские», – или, сравнивая японских и русских ямщиков, пишет, что в Японии они «не такие нахальные» (*7/19 мая 1881 года).*

Делал он и крупномасштабные сравнения Японии и России. Например, точка зрения о. Николая, изложенная в Дневнике от 20 мая*2 июня 1905 года, где он сопоставляет морскую державу Японию и континентальную державу Россию, представляет большой интерес и сегодня.*

Особенно часто о. Николай выделяет по сравнению с русскими такую особенность японцев, как их законопослушность. Во время русско-японской войны японское правительство приняло решение охранять Православную Церковь и о. Николая, для чего в токийской Миссии (Николай-до) постоянно дежурили полицейские и жандармы. Охрана была устроена чрезвычайно серьезно и простиралась до самых мелочей. Часто действия охраны казались о. Николаю проявлением чрезмерной приверженности правилам, упрямым нежеланием отступить от них ни на йоту. Он даже писал с некоторым негодованием: «Формалисты эти японцы!» Однако в то же время и ценил японскую приверженность правилам и законам: «Но это же и хорошая черта их и сила их: закон они исполняют точно и аккуратно. Сёогунство своим строгим режимом так воспитало японцев» (4*17 февраля 1904 года)*.

О. Николай, приехавший в Японию в конце эпохи сёгуната, чувствовал преемственность между эпохами Эдо и Мэйдзи и знал, что основы социального поведения и характера японцев были сформированы именно в эпоху Эдо. А как в этом отношении обстояло дело с Россией? Вот что о. Николай пишет по этому поводу: «Здесь [в Японии] закон и правило царят. В России не закон, а „усмотрение”» (19 июля*1 августа 1905 года)*.

Русско-японская война стала для о. Николая и для Японской Православной Церкви периода Мэйдзи величайшим бедствием. В то время как все сотрудники русской дипломатической миссии в связи в началом войны вернулись на родину, о. Николай один остался в Токио. Он продолжал без устали работать – стоять у руля молодой Японской Церкви для того, чтобы сохранить ее и не дать потерять японским верующим присутствие духа, – а также трудиться для «религиозного утешения» русских военнопленных, в большом количестве попадавших в Японию с поля битвы (окончательное их число превысило 70 тысяч человек).

Во время этой войны о. Николай делает дневниковые записи, не пропуская почти ни одного дня, и дневники этого периода можно назвать, наверное, самой интересной и примечательной частью из всего текста его Дневников.

В период русско-японской войны японское правительство заняло официальную позицию, признающую, что война не имеет отношения к религии, и приняло решение оградить Японскую Православную Церковь от водоворота войны. Для этого японская полиция приступила к охране Православной Миссии на Суругадае. Но даже несмотря на это православные японцы подвергались упрекам и нападкам со стороны своих

обычных сограждан – «по всей стране на православных христиан часто возникали гонения». Православные верующие, по причине принадлежности к «русскому христианству», подвергались со стороны соседей остракизму, разрушению домов и имущества и другим преследованиям.

«Местные организовали против верующих своего рода союз и отказывают им в торговых и прочих сделках»; «в начальной школе дети верующих подверглись со стороны других учеников избиениям, в результате чего один из них стал глухим»; «хулиганы в количестве 3040 человек, напав на дом [православного] катехизатора, начали беспорядочно бросать камни и черепицу, сломали двери и перегородки и ворвались внутрь» – эти и подобные происшествия происходили одно за другим. Газеты же «по распоряжению полиции писали об этих событиях лишь в опровержительных тонах». Православные в Кусиро для того, чтобы «откупиться» от окружающих, вынуждены были отдать своих лошадей, которые были очень нужны им самим, на военные нужды. Бывали также случаи, когда опрокидывали все до одного могильные камни на православных кладбищах.

Страдания японских христиан причиняли воспитавшему их о. Николаю сильную душевную боль. Слушая рассказы о гонениях на верующих в разных уголках Японии, он каждый раз приходил в такое негодование, как будто мучили его собственное дитя. А когда приходило известие о смерти на поле боя японского юноши, преподававшего в семинарии, он погружался в глубокую печаль и молился о упокоении его души. Душа о. Николая слилась воедино с душами японских христиан.

Однако в то же время о. Николай каждый день слышит новости о поражениях русской армии, и ему, как русскому человеку, не дают покоя патриотические чувства.

«Какое горе, какое великое горе! Красота и сила русского флота – Макаров, потонул!» (2*15 апреля 1904 года).*

«Несчастная эта война с мыслей не идет, ко всему примешивается и все портит; знать, патриотизм такое же естественное чувство человека, как сознание своего „я“» (4*17 августа 1904 года).*

«Сложная моя печаль. […] Любезные мои японцы торжествуют; но, как я ни люблю их, на этот раз не с ними: Отечество милей и дороже; и крайне печально, что не Отечество бьет японцев, а они нас» (5*18 апреля 1904 года).*

Сердце о. Николая, любившее и Японию, и Россию, из-за русско-японской войны страдало и разрывалось надвое.

Видя ликующих японцев, он понимал, что их радость естественна и резонна, но в то же время глубоко скорбел о том, что его отечество терпит поражение. Из-за этого он даже вынужден был отказаться от участия в общественном богослужении. Патриотизм о. Николая – не что-то абстрактное или идеологическое. Это чувство глубоко укорененное в его душевной и физической природе.

Получая известия о сплошных поражениях России, о. Николай записывает в своем Дневнике следующие горькие слова о любимой родине: «Дворянство наше веками развращалось крепостным правом и сделалось развратным до мозга костей. Простой народ веками угнетался тем же крепостным состоянием и сделался невежествен и груб до последней степени; служилый класс и чиновничество жили взяточничеством и казнокрадством, и ныне на всех степенях служения – поголовное самое бессовестное казнокрадство везде, где только можно украсть. Верхний класс – коллекция обезьян – подражателей и обожателей то Франции, то Англии, то Германии и всего прочего заграничного; духовенство, гнетомое бедностью, еле содержит катехизис – до развития ли ему христианских идеалов и освящения ими себя и других?» (18*31 июля 1904 года).*

Когда в мае 1891 года произошел «инцидент в Оцу», [2] правительство Японии попросило о. Николая о посредничестве между Царевичем Николаем и японскими властями. Как хорошо показывает этот случай, о. Николай был своего рода мостом, соединявшим Японию и Россию в период Мэйдзи. Дневники о. Николая во время русско-японской войны также свидетельствуют о его неутомимой деятельности в качестве связующего звена между Японией и Россией.

Общее количество русских офицеров и солдат, взятых в плен в русско-японской войне, составило внушительную цифру в 72 тысячи человек. Военнопленные отправлялись в лагеря, которых по всей Японии насчитывалось около тридцати. В этой ситуации о. Николай прилагал все усилия для «религиозного утешения» русских воинов: мобилизовав всех японских священников, владевших русским языком, он направил их в лагеря военнопленных. Практически остановив миссионерскую деятельность среди японцев, о. Николай, поддерживая связь с посольством Франции в Японии и японскими военными властями, посвящал все свое время исполнению просьб, с которыми к нему обращались в письмах военнопленные и их родственники в России. Офицерам он посылал книги и газеты на русском языке, а неграмотным солдатам, радуясь, что они изъявляют желание научиться читать и писать во время плена, в большом

количестве отправлял карандаши и тетради.

Кстати говоря, Япония, ощущая пристальное наблюдение за ходом войны со стороны развитых стран – Европы и Америки – и желая показать себя «цивилизованной страной», старалась обращаться с русскими военнопленными очень гуманно. Так, в лагере в Мацуяма на о. Сикоку, где находилось в неволе около 6 тысяч человек, разрешалось получать денежные переводы с родины, обменивать их на японские йены и пользоваться ими. Офицеры могли свободно покидать территорию лагеря, снимать дом или квартиру. Они любили развлечения, часто кутили в ресторанах с участием гейш, а гостиница с горячими источниками («онсэн») в Дого благодаря русским военнопленным даже пережила невиданный за свою историю расцвет.

Российский Император Николай II через французского посланника в Японии направил епископу Николаю приказ об обеспечении «религиозного утешения» для русских военнопленных, оказавшихся в Японии (24 марта*6 апреля 1904 года). А российский Синод отправил для военнопленных 129 посылок с книгами на русском языке. Эти факты стали впервые известны благодаря Дневникам св. Николая.*

Однако о. Николай трудился на благо военнопленных не по приказу. Его служение имело различные формы: он в большом количестве отправлял находящимся в лагерях русским офицерам ободряющие письма, на Рождество для утешения пленных посылал к ним молодых преподавателей семинарии с «волшебными фонарями». Конечно, в основе его деятельности лежало сострадание к своим соотечественникам, потерпевшим поражение и оказавшимся в плену у вражеской Японии, но в то же время он делал это не только ради самих русских.

Вот что пишет об этом сам святитель: «Усердное служение наших священников у военнопленных и хорошее обращение японцев с военнопленными вообще немало принесут пользы для Японской Православной Церкви и для сближения Японии с Россиею вообще: больше тысячи пленных, вернувшись, разойдутся в тысячи мест России и везде молвят доброе слово о японцах и Японской Православной Церкви» (23 июля» 5 августа 1904 года).

Также в письме к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву о. Николай просит его передать Императору, как хорошо японцы обращаются с русскими военнопленными (4*27 января 1905 года).*

Получив от томского епископа письмо с просьбой прислать для находящихся в Томске японских военнопленных книги на японском языке, о. Николай сразу же отсылает большое количество японских Библий. А

когда из России приходит просьба отца солдата, погибшего при Порт-Артуре, узнать хотя бы от японцев обстоятельства гибели сына, он старается удовлетворить и эту просьбу.

Таким образом, со страниц Дневника перед нами предстает образ о. Николая, который прилагал все усилия для того, чтобы не оборвать нити, связывающие Японию и Россию.

Русские военные, вернувшиеся на родину после заключения мира, много рассказывали о своем пребывании в Японии. Солдаты хвалили японских врачей и медсестер, которые ухаживали за ними, а среди офицеров были и такие, кто выпустил о своем японском опыте объемистые книги с фотографиями, – например «646 дней в плену у японцев» Г. Г. Селецкого (1910) или «В японской неволе» Ф. П. Купчинского (1906).

Война, оставившая такое благоприятное впечатление у военнопленных, наверное, редкость.

Сразу после окончания русско-японской войны, в июне 1906 года, японский писатель Рока Токутоми совершил путешествие в Россию. Он рассказывает о том, что благодаря военнопленным, вернувшимся из Японии, среди русского народа распространилась репутация о японцах как о «хороших, добрых людях» (Рока Токутоми. Путевые заметки. 1906).

Не только во время русско-японской войны – всю свою жизнь о. Николай последовательно стоял на позиции, что Япония и Россия – страны, которые не должны подвергать опасности основные условия существования друг друга. Он убеждал представителей научных кругов в России в необходимости многогранного изучения Японии, принимал мальчиков из России для обучения с тем, чтобы в будущем они стали переводчиками, а также посылал на учебу в Россию способных японских семинаристов. Для русских, приезжавших в Японию с целью научных исследований, о. Николай был своего рода принимающей стороной и научным руководителем. Так, известный ученый-японист Д. М. Позднеев пишет: «Можно без преувеличения сказать, что все приезжающие в Токио и вообще в Японию русские пользовались постоянным содействием покойного архиепископа и его учеников. Это факт всем нам хорошо известный» (Позднеев Д. М. Архиепископ Николай Японский. 1912). Читая Дневники, можно часто встретить подтверждающие эти слова записи о различных посетителях, которые приходили к о. Николаю.

Русские генералы и представители Красного Креста, приехавшие в Японию сразу после окончания русско-японской войны с целью репатриации русских военнопленных, также прежде всего в Токио посещают о. Николая и просят его о разных услугах. Даже агитатор,

приехавший из России для распространения революционных идей среди русских военнопленных, посчитав о. Николая полезным для своей деятельности человеком, старается завязать с ним связь.

В эпоху Мэйдзи в Японию кроме православия проникли такие христианские конфессии, как католицизм, различные направления протестантства, а также англиканские церкви Великобритании и США (последнюю о. Николай в своих Дневниках называет «американской епископальной церковью»). Из этих конфессий с о. Николаем в тесных отношениях находилась Англиканская церковь.

Как видно из Дневников о. Николая, с ним состояли в дружеском общении, а иногда даже пытались завязать сотрудничество такие миссионеры Англиканской церкви в Японии, как Райт, Джефферис, Одри, Сесил, Уильямс, Макким. Может быть, одним из факторов, вызвавших подобное сближение, было то, что православие и англиканство имели между собой сходство как государственные религии, которые отвергли папство и оказывали должное почтение по отношению к императору или королю.

Приведем несколько примеров дружеского общения между о. Николаем и англиканскими миссионерами.

Судя по всему, о. Николай уже в довольно ранний период познакомился с У. Б. Райтом, первым миссионером Английской заграничной евангельской миссии в Японии. В своих поздних дневниковых записях о. Николай пишет следующее.

«Ответил на письмо Rev. Wm. Ball Wright, бывшего одним из двух самых начальных англиканских епископальных миссионеров в Японии и оставившего Японию в 1882 году (надо сказать, что о. Николай до самого конца жизни четко помнил все даты); с тех пор он служил в разных местах в Англии и Америке; ныне – приходским священником близ Йорка в Англии. Я с ним и его сослуживцем Rev. Shaw был в добрых отношениях. Ныне он прислал мне длиннейшее письмо, в котором, между прочим, пишет следующее: „Помните ли Вы наши разговоры об «общении святых» и как Вы говорили, что мы, англикане, не понимаем его смысла или что мы должны молиться за усопших во время общественных богослужений и просить молитв Божией Матери и святых. Вы не убедили меня тогда в правомерности последней практики. Однако причиной тому были мои предвзятость и невежество. […] В нашей церкви в последнее время произошли большие изменения. […] Учреждены два общества с целью стимулировать процесс воссоединения между православными и старокатоликами. Все это наверняка будет весьма интересно для нас с

Вами, столько раз обсуждавших эту проблему”.

…Как не ответить было старому приятелю на такие приятные новости!» (1*14 августа 1909 года; в оригинале письмо Райта – на английском языке).*

Райт приехал в Токио в 1873 году, то есть на следующий год после переезда о. Николая из Хакодате в Токио. Наверное, среди западных миссионеров того времени редко можно было встретить человека, проявлявшего понимание и уважение к Православной Церкви.

Как пишет Тацуя Мориясу, еще в XIX веке «в Западной Европе было распространено представление о православии как о народно-обрядовой форме христианства, которая остановилась на уровне языческой древности и не имеет ничего общего с Евангелием». Более или менее правильную оценку православию на Западе стали давать лишь после революции. «В результате потрясшей нынешнее столетие революции 1917 года многие православные священнослужители и мыслители, спасаясь от революции и возникших после нее гонений на религию, эмигрировали в Европу и Америку. Там они заново строили храмы, занимались вероучительной деятельностью среди эмигрантов. Благодаря этому на Западе стали больше узнавать о православии» (Т. Мориясу. Православное христианство. 1978).

Действительно, в Дневнике о. Николая за 1900 год мы находим запись, где выражено его негодование по поводу невежества одного английского миссионера, который считает православие чуть ли не язычеством.

«Сегодня, когда перед сумерками я гулял на площадке перед Собором, один молодой английский миссионер подходит и просит показать внутренность Собора, который в то время уже был заперт. Отворяю и подвожу к иконостасу, который издали и рассмотреть уже нельзя было. Спрашивает, вплетая русское слово:

– Is that your Bog? (Это и есть ваш Бог?)

– Бог наш Творец Неба и земли и Искупитель человеков, а это только святые иконы, – отвечаю.

Смотрит и улыбается, как будто не веря.

– Смотрите, – продолжаю, – вот Спаситель учащий, вот Он на руках Матери, вот благословляющий детей, а вот на царских вратах Благовещение, Евангелисты… Словом, это – Евангелие, изображенное красками и понятное для глаз, точно так же, как читаемое понятно для уха…

– А какая у вас Библия? – спрашивает.

– Как какая? Да, разумеется, такая же, какая у вас. У нас всякий

семинарист знает довольно подробно все главное о протестантстве, а вы так невежественны о нашей Церкви, – не стыдно ли это вам? И когда же вы станете изучать нас?..» (13*26 октября 1900 года)*.

Однако упоминавшийся выше Уильям Райт, который также был английским миссионером, благодаря своей встрече в Токио с о. Николаем в 1870-е годы, когда иностранных миссионеров еще можно было перечесть по пальцам, уже был знаком с учением Православной Церкви и даже говорил о диалоге между англиканством и православием. Мы не знаем, было ли это его идеей, но незадолго до революции в Англиканской церкви возникло движение за поиск путей воссоединения с Православной церковью. Райт, являвшийся сторонником этого движения, несомненно, не был нетерпимым или одержимым чувством собственного превосходства человеком, однако он смог понять и почувствовать значение православия именно благодаря встрече с о. Николаем.

Представляют интерес отношения между о. Николаем и Генри Джефферисом, американским епископальным миссионером, долгое время занимавшимся проповедью в Маэбаси и Сэндае. Джефферис уважал и любил о. Николая, словно своего брата. Во время своих приездов в Токио он обязательно появлялся на Суругадае, пел в православном соборе, после чего о. Николай угощал его у себя чаем. Пасху Джефферис также встречал в Православной Церкви.

О. Николай не принимал посетителей в утренние часы, которые он посвящал переводу Священного Писания и богослужебной литературы. Это правило соблюдалось всегда, даже если посетителем был русский Посланник. Джефферис был исключением из этого правила. Однажды утром между о. Николаем и пришедшим навестить его Джефферисом состоялся следующий диалог:

«- Получил шестимесячный отпуск (furlough), – говорит.

– Поздравляю! Вам, должно быть, очень приятно это после долгого усердного труда в Японии. И что же Вы намерены делать? – спрашиваю.

– Отправляюсь, – только не в Америку, а в Китай. Потому пришел просить Вас: дайте письмо к начальнику вашей Миссии там и упомяните в нем, что я очень расположен к Православной Церкви.

– О, конечно, это я знаю по Вашим действиям здесь с самого приезда Вашего в Японию» (16*29 ноября 1900 года)*.

В целом о. Николай находился в хороших отношениях с миссионерами всех христианских конфессий, которые находились в Японии. Однако во время русско-японской войны он испытывал сильную неприязнь к протестантским миссионерам из-за того, что с началом войны

они в соответствии с курсом Англо-японского союза в один голос начали превозносить Японию и выражать открытое презрение и ненависть к России. В Дневниках о. Николая периода русско-японской войны часто встречаются записи, подобные следующей, где он выражает по этому поводу свое негодование: «Никто так ненавидит Россию и не желает ей зла, как протестантские миссионеры» (19 ноября*2 декабря 1904 года).*

В обстановке, когда среди иностранных миссионеров все больше и больше распространялись антирусские настроения, только Джефферис остался на стороне о. Николая и Русской Церкви: «Из всех иностранцев, кажется, один Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер, искренно расположен и к Православной Церкви, и к России: чуть что доброе находит в получаемых им религиозных журналах, тотчас делает вырезку или целый номер шлет мне с красной отметкой» (*215 июня 1904 года).*

В период Мэйдзи все христианские конфессии сталкивались с большими проблемами по поводу захоронения своих усопших. Японское правительство и буддийские круги ставили всевозможные препоны, не давая христианам приобретать для себя кладбищенские участки. Когда в Сэндае местный губернатор помог организовать кладбище для американцев и протестантов-японцев, Джефферис любезно предложил о. Николаю воспользоваться случаем и приобрести участок под кладбище и для Православной Церкви (22 октября*4 ноября 1903 года).*

Позднее Джефферис уговорил о. Николая вступить в общество по поиску возможностей «соединения с Англиканской церковью». Англиканская и Православная Церкви в Японии даже несколько раз проводили заседания по вопросу «воссоединения».

О. Николай был в дружеских отношениях также с англиканским епископом У. Одри, который приехал в Японию в 1898 году. Они часто наносили друг другу визиты, и, как видно из Дневников, у них были добрые дружеские отношения, включая супругу Одри.

Кроме того, о. Николай несколько раз имел беседы с епископом Сесилом по поводу методов ведения миссионерской работы. Сесил также просил у о. Николая совета о том, каким образом можно наиболее эффективно включить в работу катехизаторов-японцев.

Конечно, благодаря такому дружескому общению с англиканскими миссионерами расширялось поле видения и у самого о. Николая.

В Дневниках св. Николая много записей, которые свидетельствуют о том, что он имел большое количество знакомых и друзей среди иностранных миссионеров, представлявших в Японии не только

Англиканскую церковь, но и другие конфессии. При случае они часто оказывали друг другу взаимное содействие. Приведем несколько примеров. Приехав в Киото с намерением построить там храм, о. Николай ищет надежного подрядчика. И вот, узнав о подрядчике по имени Кодзима, который занимался строительством Университета Досися, о. Николай отправляется в это протестантское учебное заведение.

«Так как о Кодзима было сказано, что он строил в Досися – заведении конгрегационалистов – и христианин сам, то я отправился собирать о нем сведения у протестантов, – кстати, и сделать визиты. Но бишопа Партриджа не застал – уехал в Америку, должно быть, казать свое новое бишопство; старика бишопа Вильямса нашел, и как же мы обрадовались взаимному свиданию! Старые приятели!» (22 июля*6 августа 1900 года)*.

Прочитав в «Japan Daily Mail» заметку о кончине Вильямса, о. Николай записывает в Дневнике: «“Japan Mail” извещает о смерти в Виргинии Bishop’a Williams’a, престарелого пионера христианской проповеди в Японии. Мы были с ним в дружеских отношениях. Святой человек по жизни, всецело посвятивший себя Христу; был целибат, хотя и твердил мне: “Я могу жениться, могу жениться”» (22 ноября*5 декабря 1910 года). Так Вильямс подсмеивался над о. Николаем, который, будучи монахом, жениться не мог.*

На следующий день после посещения Досися о. Николай навещает католического священника.

«Мы отправились с отцом Симеоном осмотреть кое-что в Киото. Прежде всего зашли в Католическую Миссию, заправитель которой здесь патер Ориенци (как значится по-японски на его карточке). [Он] встретился со мною когда-то в вагоне железной дороги и приглашал к себе. Миссия занимает в центре города 1200 цубо земли, на которой построен великолепный каменный собор и миссийские здания. […] Всех католиков в Кёото шестьсот. […] При усердном объяснении патера от него отдавало вином; может быть, от того, что он пообедал недавно, а быть может, и от скуки. Живет он в Японии двадцать три года, „но надеюсь прожить столько, сколько Вы (то есть сорок лет)“, – заключил он свои объяснения» (25 июля*7 августа 1900 года)*.

О. Николай, приехавший в Японию еще в эпоху, когда христианство было под запретом, и руководивший миссионерской деятельностью на протяжении целых сорока лет, пользовался уважением среди миссионеров других конфессий как «старший товарищ».

Иногда в Дневниках можно встретить записи, свидетельствующие о широкой известности о. Николая в миссионерской среде.

«За Всенощной были четыре протестантских миссионера и миссионерка, дождавшиеся конца службы и даже меня, выходящего перед затвором храма. Изъявили сожаление, что я не был на их только что кончившемся митинге с пятьюстами заседавших.

– Я и хотел побывать, но мне дали понять, что неудобно, „протестантский“-де митинг, – ответил я.

– Напротив, на митинге не раз упоминалось, что жаль, что нет с нами вместе бишопа Николая, а также католических миссионеров.

– Конечно, существенное в христианстве у нас у всех одно и то же. Мне, впрочем, хотелось только послушать, а не участвовать в совете протестантских миссионеров, что, быть может, оказалось бы и не совсем удобно.

– И это было бы желательно, – подхватила дама, – но я слышала, что Вас в это время совсем нет в Токио, что оказывается неправдою; какая жалость! – и так далее. Взаимные любезности, между которыми младший из миссионеров передал мне поклон от Mr. Mott’a, молодого американца, ревнителя Христианской ассоциации молодых людей, бывшего и в Японии (и посетившего меня)…» (22 октября*3 ноября 1900 года).*

«Утром получил письмо от американской путешественницы и, как видно, писательницы, Miss Ackerman, в котором она изъясняет: „Нам очень хотелось бы встретиться с Вами и поговорить о Вашей работе. Епископ Макким сказал мне, что Вы, без сомнения, величайший миссионер, когда-либо бывший в Японии. Мы были в церкви на вашей Пасхальной службе и были поражены ее величественностью…“ и прочее. – Так поражает иностранцев успех православия сравнительно с иностранными миссиями! Ну какой же я миссионер! Сижу на одном месте и занимаюсь переводами и чтением катехизаторских писем. По моему глубочайшему убеждению я и имени-то миссионера не заслуживаю» (11*24 апреля 1901 года).*

«Прочел в русско-американской газете „Свет”, что на собрании, где было 106 американских епископов и были наши православные, я объявлен был „первым в свете миссионером”. Сильно сказано! Тоже идеализация, не неполезная, впрочем, для нашей церкви» (3*16 ноября 1910 года).*

Мы часто склонны оценивать святителя Николая лишь как основателя Японской Православной Церкви или как личность, внесшую большой вклад в развитие дружественных отношений между Японией и Россией. Однако он сыграл значительную роль еще и как православный миссионер, благодаря которому многие западные миссионеры, находившиеся в то время в Японии, смогли познакомиться с православием и Православной

Церковью. Большинство из них получило возможность встретиться с православным миссионером впервые в жизни, и благодаря этой встрече многие из них смогли осознать, что считать православие «не имеющим ничего общего с Евангелием» ошибочно.

Западные миссионеры, имевшие возможность общаться с Николаем, приобретали к нему чувство доверия. Первый русский консул в Хакодате И. А. Гошкевич в своем запросе о направлении в Японию священника писал, что это должен быть человек, который «своею частной жизнью в состоянии был бы дать хорошее понятие о нашем духовенстве не только японцам, но и живущим здесь иностранцам». Можно сказать, что желание Гошкевича было выполнено, и в этом большая заслуга святителя Николая.

Значение Дневников

Можно сказать, что движение за «цивилизацию и просвещение» в Японии было, по существу, вестернизацией, происходившей в широких областях японской политики, социального устройства, производства и т. д. В религиозной сфере это западное просветительство выражалось в распространении христианства, которое, будучи принято весьма многими японцами, быстро пустило корни в их религиозном сознании и даже вне конфессиональных рамок глубоко повлияло на японскую духовность, затронув саму систему ценностей.

Однако оттенки религиозной «вестернизации» были различными. Христианство, принятое японцами в период Мэйдзи, – это, говоря конкретнее, католицизм, православие, а также различные толки протестантизма, включая англиканскую церковь, и в каждом направлении «вестернизация» имела свои особенности. (Пришедшее из России православное христианство также было для японцев одним из направлений вестернизации, начавшейся с открытия страны.)

Процесс проникновения протестантизма в Японию и особенности его влияния уже охарактеризованы во множестве исследований. Более всего оно распространилось среди молодой японской интеллигенции, желавшей изучать «западные науки». Протестантское миссионерство с самого начала было связано с английским языком. Краткие и весьма толковые комментарии и библиографию по протестантскому прозелитизму можно увидеть в статье Масао Такэнака «Протестантское миссионерство» в «Большой энциклопедии истории японского христианства» издательства «Кёбункан» (1988).

Что касается исследований по истории распространения католичества с эпохи Мэйдзи, то, судя по статье Аримити Эбисава «История японского христианства» в той же энциклопедии, они очень отстают во всех областях, за исключением так называемой темы «возрождения христианства» (поскольку впервые японцы познакомились с католичеством еще в XVI веке). Выходит множество изданий, в которых исследуется история католицизма во внешних отношениях, летописи отдельных церквей, конгрегаций, колледжей, но общий очерк истории пока отсутствует.

Относительно же состояния японского православного проповедничества исследования отстают еще больше, чем в случае с католицизмом, хотя по численности верующих Православная Церковь

эпохи Мэйдзи следовала непосредственно за Католической. До сих пор остаются невыясненными общая картина миссионерства, его связи с Россией, сущность самой веры и ее особенности. Среди исследователей истории японского христианства практически не было людей, интересовавшихся историей православия. С другой стороны, в самой среде православных верующих не было людей, готовых заняться реконструкцией истории собственной церкви.

Разумеется, это не означает, что сбор материалов или попытки воссоздания истории церкви отсутствовали вовсе. В числе основных источников по истории православного проповедничества эпохи Мэйдзи можно назвать «Церковные ведомости» (Кёкай Хоти; выходили дважды в месяц с 1877 по 1880) и «Православный вестник» (Сэйкё Симпо; выходили с той же периодичностью с 1880 по 1912). Однако обобщающий очерк на основе этих материалов создан не был. Примером собрания документов по миссионерству может служить изданное в 1901 году Кидзабуро Исикава «Описание православного проповедничества», но с тех пор заметных явлений в этой области не наблюдалось. В 1957 году вышли «Деяния архиепископа Николая» Дзюнко Сибаяма. По сути это ценный исторический очерк, фиксирующий важнейшие события в жизни Японской Православной Церкви от прибытия о. Николая в Японию до его кончины. Однако это история церкви, писавшаяся в расчете на верующих, и остается открытым вопрос о том, насколько исчерпывающе в ней отражена объективная реальность.

Таким образом, история Православной Церкви эпохи Мэйдзи оказалась за рамками интересов исследователей. Проповеднические труды о. Николая, японских священников и более сотни катехизаторов, плоды их деятельности и оказанное ими влияние остались без обсуждения до настоящего времени.

Но в последние годы в истории мэйдзийского православия показался просвет. Особенно много статей и монографий по истории Православной Церкви появилось с конца 1970-х годов: были переведены на японский язык статьи самого о. Николая, одна за другой издавались «столетние истории» местных церквей, подошедших к этому рубежу.

Все эти статьи и монографии, комментарии и примечания к переводам, истории отдельных церквей выдержаны в духе научно-объективного исторического исследования и написаны с целью пролить свет на доселе неясные факты в истории японского православия. Благодаря этим работам быстро проясняется облик Православной Церкви в период Мэйдзи, когда ее окормлял о. Николай.

Итак, предлагаемые читателю Дневники св. Николая Японского дают чрезвычайно обширный и ценный материал для исследований по истории мэйдзийского православия, столь активизировавшихся в последние годы. Эти Дневники открывают массу прежде неизвестных фактов.

Разыскания по Православной Церкви периода Мэйдзи с помощью этих Дневников, несомненно, обретут новую степень объективности и смогут приблизиться к истинному положению вещей. Особенно они проясняют события, связанные не с провинциальными приходами и ситуацией вокруг них, а положение в центральном руководстве, определявшем курс всей православной системы. Доступ к Дневникам еще более стимулирует исследования по японскому православию. Дневники св. Николая Японского – это записки основателя и организатора Японской Православной Церкви, то есть документальный памятник, в котором ориентацию православного миссионерства и его подлинную картину рисует в точных фактах сам дирижер всего процесса проповеднической деятельности.

В основе истории Японской Православной Церкви есть обстоятельства, известные лишь ее основателю о. Николаю, а единственный заслуживающий доверия источник таких фактов – его Дневники.

Выше мы изложили значение Дневников св. Николая в основном с точки зрения исследования истории Японской Православной Церкви. Но, конечно же, они представляют собой ценный материал не только для японцев, но и для Православной Церкви в России. Например, дневниковые записи, сделанные о. Николаем во время своего второго возвращения на родину в 1879–80-х годах, в живой форме рассказывают об иерархах, стоявших в то время у руля Российской Православной Церкви, а также о близких друзьях о. Николая, искренне поддерживавших его миссионерскую деятельность в Японии. Вероятно, найдется немного русских православных миссионеров, оставивших такие подробные записи о своей работе.

Дневники являются ценным документом, повествующим о православной проповеди на Дальнем Востоке во второй половине XIX века, и с этой точки зрения представляют интерес как для священнослужителей, так и для простых верующих современной Русской Православной Церкви. Кроме того, о. Николай был величайшим миссионером, какого редко можно встретить. В 1970 году за свою пламенную веру, выдающиеся личные качества и апостольское служение он был причислен Русской Православной Церковью к лику святых. Таким

образом, Дневники документ, написанный рукой святого. Кроме того, современный русский человек, читая Дневники, вероятно, проявит интерес к таким темам, как Япония глазами русского, встреча Японии и России.

Имя св. Николая Японского известно и среди многочисленных православных верующих, которые раньше были частью Русской Православной Церкви, а ныне живут в удалении от нее за пределами России – в странах Европы и Северной Америки. Познакомившись с Дневниками, они смогут в деталях узнать о миссионерской деятельности о. Николая и её духе и ясно увидеть, что православие может жить и в сердцах людей, находящихся вдалеке от России. Дневники св. Николая могут сказать очень многое людям не только Японии, но и других стран.

Начало изучения дневников св. Николая Японского

Слово признательности

Мы знали, что Николай писал дневник. Епископ Сергий (Тихомиров) говорит в своих воспоминаниях «Памяти Высокопреосвященного Николая» (1912), что Николай писал о своей болезни в дневнике. Но мы не предполагали, что его дневники сохранились. Люди, связанные с Японской Православной Церковью, и исследователи истории русско-японских отношений считали, что хранившиеся в токийском соборе бумаги Николая сгорели при пожаре во время великого Кантосского землетрясения 1923 года. Советские японоведы знали, что Николай был крупнейшим связующим звеном русско-японских отношений в конце эпохи Токутава и в эпоху Мэйдзи, но они и предположить не могли, что его дневники находятся в Ленинградском государственном хранилище архивной литературы.

После смерти Николая в 1912 году епископ Сергий (Тихомиров) по указанию Синода отослал в Россию дневники, письма и другие многочисленные бумаги покойного, и они сохранились в архиве Синода.

Малая часть духовенства Русской Православной Церкви и студенты духовных академий советского периода знали, что дневники Николая хранятся в ленинградском ЦГИА (ныне РГИА). Однако в СССР под властью компартии общение ученых разных областей было очень редким, и факт существования дневников не был известен широким кругам научной общественности за пределами православной церкви.

В Японии первым о существовании дневников узнал профессор университета Ооцума (тогда профессор университета Хоккайдо) Кэнноскэ Накамура. Архивный код дневников – фонд 834, опись 4. Установив этот факт осенью 1979 года, он получил при посредничестве АН СССР микрофильмы с текстом дневников. С этого времени дневники Николая стали объектом научного исследования.

В конце 1981 года Кэнноскэ Накамура обратился к ленинградскому (в настоящее время санкт-петербургскому) специалисту по Священному Писанию, представителю Северо-Западной Библейской комиссии и ученому секретарю Патриарха Константину Ивановичу Логачеву с просьбой о расшифровке текста дневников, на что он и его супруга Лариса Николаевна Логачева согласились. С разрешения АН СССР и СЗО ВААП (1983 год) они занимались работой по расшифровке дневников. (О поисках дневников Кэнноскэ Накамурой и о его просьбе супругам Логачевым о расшифровке текста см. запись беседы «В поисках дневников Николая» в

сборнике статей «Япония и Россия», Наука, 1990).

В 1994 году Кэнноскэ Накамура, Есикадзу Накамура, Рёхэй Ясуи и Мицуо Наганава совместно составили и выпустили в свет через издательство

Хоккайдского Университета одну седьмую часть полного текста дневников под заглавием «Дневники святого Николая Японского».

В подготовке к изданию этой книги кроме супругов Логачевых и вышеуказанных составителей приняли участие многие люди, среди которых особенно хочется отметить самоотверженную помощь г-на Харуо Тамия из издательства Хоккайдского Университета и г-на Сюндзи Мори из библиотеки Университета Саппоро.

Имена этих людей перечислены в начале вышеуказанного тома «Дневников святого Николая Японского». Перечитывая их, мы каждый раз с благодарностью вспоминаем их любезную помощь.[3]

Эта книга была издана с благословения Архиепископа Токийского и Митрополита всей Японии Феодосия (Нагасимы). С помощью г-на Эйити Окамото она также была подарена Русской Православной Церкви – презентация этой книги состоялась в издательстве Московской Патриархии 25 сентября 1997 года при участии епископа Бронницкого Тихона. На этой презентации присутствовали председатель Общества российско-японских связей г-н Романенко, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ В. П. Мазурик и многие другие заинтересованные лица (см. Московский церковный вестник, № 10 (135), 1997).

В 1996 году Северо-Западная Библейская комиссия также издала часть дневников в виде двухтомника под заглавием «Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского по его своеручным записям». На это издание было получено благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. И эту часть текста дневников, конечно, мы получили от Северо-Западной Библейской комиссии.

Таким образом, дневники Николая стали приобретать известность в России. Однако в двух вышеуказанных изданиях существует недочет, который необходимо исправить: там не выражена благодарность архиву, где хранятся оригиналы дневников.

Кэнноскэ Накамура убедился в существовании дневников Николая в 1979 году, когда он по приглашению Академии наук СССР занимался научными исследованиями в ИРЛИ (Пушкинский дом). Это было в советскую эпоху, когда ЦГИА подчинялся АН СССР и иностранные

ученые, приглашаемые Академией паук, через отдел внешних дел АН СССР могли свободно пользоваться материалами, хранящимися в ЦГИА, и при необходимости даже получить в Японию копии этих материалов в виде микрофильмов. Все это время мы занимались исследованием дневников св. Николая с чувством глубокой благодарности к АН СССР.

Однако только сейчас понимаешь, что это стало возможным благодаря любезному содействию со стороны ЦГИА (ныне РГИА). Супруги Логачевы смогли в течение долгого времени заниматься работой по расшифровке дневников также благодаря содействию ЦГИА. Хотя К. И. Логачев и придерживался мысли, что дневники св. Николая являются достоянием Русской Православной Церкви, но долгое время они хранились в ЦГИА (РГИА).

Хотя и с опозданием, выражаем здесь глубокую признательность ЦГИА (РГИА).

После выхода в свет «Дневников святого Николая Японского», изданных Хоккайдским Университетом в 1994 году, новые партии расшифрованного Северо-Западной Библейской комиссией текста дневников большими объемами доставляли из Санкт-Петербурга в Москву Котаро Отани и г-н Кохэй Цутида из газеты «Иомиури Симбун», а из Москвы в Токио их доставляли г-н Хироюки Сираи и г-жа Минако Мори из московского филиала компании Мицуи Буссан. С г-ном Сираи нас познакомил наш друг г-н Сигэру Нодзима из Мицуи Буссан. Выражаем этим лицам свою глубокую признательность.

Таким образом у нас в руках впервые оказался полный текст дневников св. Николая. Мы выражаем глубокую благодарность Северо-Западной Библейской комиссии за ее работу по расшифровке текста дневников.

Мы сделали уменьшенную двустороннюю ксерокопию всего текста дневников в машинописном виде на русском языке, за исключением текста, уже опубликованного в издании Хоккайдского Университета, и вдвоем с супругой Эцуко приехали в Москву. Это было летом 1997 года.

Введение в компьютер текста настоящего издания «Полных дневников святого Николая Японского», за исключением текста, опубликованного в издании Хоккайдского Университета, выполнялось старшими научными сотрудниками московского Института российской истории О. Г. Агеевой, Т. В. Бойко и В. П. Румянцевой.

Введение текста в компьютер осуществлялось с разрешения директора Института российской истории доктора А. Н. Сахарова. Содействие оказали также ученый секретарь этого института Л. П.

Колодникова, старший научный сотрудник К. А. Черевко, а также профессор ИСАА при МГУ В. П. Мазурик, который давал нам много полезных советов в процессе подготовки настоящего издания.

Однако, к сожалению, в введенном в компьютер тексте оказались пропущенные места. Проверку и дополнение этого текста, которые также потребовали длительного времени, выполнили Кэнноскэ Накамура, Алексей Потапов, А. Першц и Нобуаки Какинума.

Таким образом, к весне 2001 года мы, наконец, имели готовый (введенный в компьютер) полный текст дневников. Тексты, опубликованные в вышеупомянутых «Дневниках святого Николая Японского» (1994) и «Праведном житии и апостольских трудах святителя Николая» (1996), также полностью включены в настоящее издание «Полных дневников святого Николая Японского».

В 2003 году проверку и дополнение текста выполняли и Мицуо Наганава, Хитоси Ясумура, Тосиюки Симидзу, Нобуаки Какинума, Еко Куманоя, Кадзуя Госима, Такэси Сайто, Ёко Саканоуэ, Кэнъитиро Такахаси, Каёко Накадзава, Мотоки Номати, Сиро Ханъя, Сюнсукэ Миёси и Куми Мори.

Для осуществления издания «Полных дневников святого Николая Японского» мы смогли получить финансовую помощь от Японского фонда (The Nippon Foundation). Выражаем глубокую признательность председателю этого фонда г-же Аяко Соно и главному директору фонда г-ну Ёхей Сасагава, а также начальнику международного отдела г-ну Такаси Ито и начальнику отдела планирования этого же фонда г-ну Масанори Тамадзава, который проявил понимание и прислушался к нашей точке зрения, что хотя издание полного текста дневников коммерчески несостоятельно, оно имеет большое научное значение, и оказал содействие в получении финансовой помощи от Японского фонда.

Мы хотим также поблагодарить г-на Ёсукэ Кусакабэ из Японского фонда (The Japan Foundation), любезно давшего полезные для нашего проекта издания советы.

Мы также признательны вице-президенту компании «Кёсэра Коммьюникейшн Системз» г-ну Хидэо Токунага, оказавшему финансовую помощь в работе по проверке текста дневников.

Комментарии от редакции, сопровождающие настоящее издание «Полных дневников», были написаны нами заново, используя комментарии издания Хоккайдского Университета. Перевод на русский язык Комментариев от редакции и Слова признательности в настоящем издании осуществил Алексей Потапов, которому мы также выражаем

нашу глубокую благодарность.

Мы глубоко благодарны также г-ну Саркисову из Института востоковедения РАН, который давал полезные для реализации проекта советы, проявив понимание важности издания для развития научных связей между Японией и Россией.

Мы благодарны директору издательства «Гиперион» Сергею Смолякову и всем сотрудникам этого издательства, которое осуществило издание «Полных дневников».

Мы благодарим также Ксению Кумпан и Альбина Конечного, которые составили именной и предметно-тематический указатели к первому тому Дневников св. Николая. Эти чрезвычайно подробные указатели, несомненно, будут полезны всем читателям дневников.

Мы выражаем признательность за предоставленные ценные фотографии, связанные со святителем Николаем и Японской Православной Церковью, следующим лицам: митрополиту Даниилу (Нусиро), протопресвитеру Иустину (Ямагути), Кэйдзи Оотэра, Нака Канэиси, Тадао Есимура, Эцуко Накамура, архиву института Байка Гакуэн, Кооти Префектуральному ботаническому саду имени Т. Макино, учебно-воспитательному учреждению Токио Икусэйэн и Государственной Парламентской библиотеке Японии.

Мы также глубоко благодарны священнику Николаю Дмитриеву, который искренне трудится на благо Японской Православной Церкви, основанной святителем Николаем, и Русской Православной Церкви, сыном которой был св. Николай.

Настоящее полное издание «Дневников святого Николая Японского» смогло увидеть свет благодаря содействию большого количества людей, перечисленных выше, в том числе и составителей и всех оказавших помощь в выпуске «Дневников святого Николая Японского» издания Хоккайдского Университета. Выражаем всем им глубокую признательность.

Мы также от всего сердца благодарны нашей супруге Эцуко Накамура, которая самоотверженно помогала на всех этапах работы по изданию «Дневников» на протяжении 24 лете момента обнаружения их в 1979 году. Без ее понимания и поддержки эта книга не появилась бы на свет.

Мы выражаем здесь глубокую признательность директору РГИА А. Р. Соколову, проявившему понимание значения публикации Дневников св. Николая Японского для международных японо-российских научных исследований и согласившемуся на настоящее издание.

В заключение мы выражаем глубокую благодарность Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II и Высокопреосвященнейшему Даниилу, Архиепископу Токийскому и Митрополиту всея Японии, с благословения которых издана настоящая книга.

Желаем, чтобы «Дневники св. Николая Японского» внесли свой вклад в укрепление взаимопонимания между Японией и Россией.

Кэнноскэ Накамура

Март 2003 года

PREFACE

By the middle of 19th century the Tokugawa shogunate was being forced to terminate its Sakoku (’National Seclusion’), which had been adopted in 1639 and maintained ever since. On the 8th of июля, 1853, the American Commodore Matthew C. Perry arrived off the coast of Japan with a squadron of four ships, which frightened the Japanese people. Perry demanded that the Japanese government conclude a treaty of amity with the United States. It was the sort of strong pressure from outside which Japan had never experienced for a long time. As a result, in марта, 1854, the Kanagawa Treaty of Peace and Amity between the United States and Japan was signed. In August, 1856, the first American consul-general, Townsend Harris, arrived in Japan, reopening the country to the world.

One month and a half after Perry’s visit, on August 22, 1853, the Russian Vice-Admiral Evfimii V. Putiatin arrived at Nagasaki on the flag ship Pallada, accompanied by four other vessels. And next year (1854) he came to Japan again with a single vessel, the frigate Diana. Although Putiatin negotiated with the representatives of the Japanese government peacefully, he had been assigned a task similar to that of Perry – to initiate relations with Japan and to reopen the country.

For the Japanese people, the Russian delegation was also perceived as frightening Kurofune (’black ships’) from abroad. However, in Feburuary, 1855, the Russo-Japanese Treaty of Amity was concluded. Later (in August, 1858) the Russo-Japanese Treaty of Friendship and Commerce was signed.

In сентября, 1858, Iosif Antonovich Goshkevich (the first Russian consular representative) arrived in Hakodate with his staff. He had previously visited Japan in 1854–1855 as a Chinese-language interpreter for the Russian expeditions under Putiatin.

In июля, 1860, Vasilii Makhov, chaplain of the consular chapel, returned to Russia due to ill health. Goshkevich had sent in 1859 through the Asiatic Department of the Ministry of Foreign Affairs a letter requesting the Holy Synod in Russia to send to Hakodate a successor to the post of chaplain. In the letter he wrote that «the chaplain of our church will also be able to promote the propagation of Christianity in Japan». It is worthy of notice that Goshkevich saw the prospect of missionary work in Japan as early as this time, when Christianity was still strictly prohibited throughout Japan.

Goshkevich was the son of a village priest. He was educated at the seminary in Minsk, and graduated from the Theological Academy in St.

Petersburg. He

worked in Peking as a member of the Russian Orthodox Mission for nearly 10 years. Upon his return to Russia, he became a member of the Asiatic Department of the Russian Foreign Ministry and (as previously noted) served as the Chinese interpreter for Putiatin during the Russian expeditions to Japan. In Goshkevich, we can find the genesis of Russian Orthodox missionary work in Japan. When he was appointed as the first Russian consular representative in Japan, Goshkevich must have expected that the prohibition of Christianity there would be removed in the near future.

When Vasilii Makhov was about to leave for Russia, Goshkevich must have sensed the opportunity to realize his long-cherished dream. He asked the Holy Synod to send not a chaplain who would merely handle church functions for the consular staff, but a highly-educated missionary who could preach the gospel to the Japanese people.

Goshkevich wrote in the letter to the Holy Synod that the next chaplain should be «one who had completed the course of the theological academy and will be competent not only in ecclesiastical functions, but in scholarly activities as well, and who will present an excellent example of our clergymen through his private life, both to the Japanese and foreigners living here». (RGIA, f. 796, ed. khr. 572, d. 1859).

In response to this request, there arrived in Hakodate from St. Petersburg the 25 year-old Hieromonk Nikolai. To the great good fortune for the Japanese, this young priest was equipped with all the abilities that Goshkevich had asked for, though this was not proved for certain until Nikolai began his work. It can be said that Goshkevich recognized that the Japanese people were fairly cultivated, and thus endeavored to bring to Japan the sort of excellent missionary who was qualified to teach them Christian doctrine.[4]

Goshkevich returned to Russia in 1865, worked in the Asiatic Department of the Russian Foreign Ministry and retired from public service in 1867. About that time, he informed the Orthodox Missionary Committee that Hieromonk Nikolai had secretly begun to engage in missionary activity in Hakodate, and arranged for Nikolai to receive financial assistance from the Committee. Moskovskie vedomosti (The Moscow Herald) of октября 8 (20), 1867, reported that «the Board of the Orthodox Missionary Committee received very encouraging news of the work of Hieromonk Nikolai Kasatkin in Japan… Can we leave this respectable Hieromonk without help? In western countries everywhere these missionaries enjoy the general support of the people. We hope that our society will also respond to the appeal by the Committee for subscription. Only recently, on сентября 13, the Committee learned for the

first time through Mr. Goshkevich of the activities of Hieromonk Nikolai and of the needs of our mission in Japan».

We do not know whether Goshkevich after his retirement had any opportunity to provide support to Nikolai. But E. V. Putiatin, the former Russian delegate to Japan (and under whom Goshkevich had worked as interpreter), succeeded Goshkevich and supported Nikolai's missionary work in Japan. Putiatin had moved from the Navy to the political world, and was playing an active role there as a member of the National Congress.

There were many clergymen in Russia who were supporting Nikolai – for example, Isidor (Metropolitan of St. Petersburg), Fyodor Bystrov, Ioann Dyomkin. Among the lay believers supporting Nicholas, Putiatin was one of the most influential, and Nikolai made special mention of Putiatin's support in his «Annual Report to the Executive Committee of the Orthodox Missionary Society» for 1878:

«Our Mission must express its deepest gratitude to Count Evfimii Vasilievich Putiatin. He is always providing for the Mission with love, and continues to perform good deeds for it not only by his own subscriptions, but also by explaining its needs and persuading others to contribute to it. The new stone building of the Mission, the foundation of which was made possible by the donations from the Grand Duke Aleksei Aleksandrovich when he visited Japan in 1872, would never have been completed if Count Evfimii Vasilievich had not undertaken to raise the funds for them».

Later, in 1879, when Nikolai was in St. Petersburg, he was able to meet Putiatin. Nikolai wrote in his diary for сентября 16: «When I was going out [from the Theological Academy – ed.], at the exit, I met Count Putiatin. It was just as though I met my true father. The Count dropped by my room. He promised to give me every support… He invited me to his house, to Gatchina. I promised to visit on Thursday».

We мая know from Nikolai's diaries in St. Petersburg that there was a very friendly relationship between Putiatin and Nikolai and that the former was like a patron of his missionary work in Japan.

Nikolai мая have been introduced to Putiatin by Goshkevich during the time of his first return (1869 to 1870).

In октября, 1883, Putiatin died in Paris. In октября, 1884, his daughter Olga Evfimovna Putiatina arrived in Tokyo to serve in the Orthodox Mission as a deaconess, as if to succeed to her father's dedication to thejapanese Mission.

Nikolai came to Japan in the twilight years of the Tokugawa shogunate and worked in the new Japan of the Meiji era. His way to Japan was prepared by Goshkevich and his missionary work was supported by Putiatin.

Hieromonk Nikolai, whose original name was Ivan Dmitrievich Kasatkin, was born on August 1, 1836, in the village of Beyroza in Smolensk prefecture. His father, Dmitrii Kasatkin, was the village deacon. Ivan's mother, Kseniya, died when he was five years old. Ivan was the second son. There are many folksy expressions in Nikolai's diary entries, which show him to be a man of common origins. After completing his courses at the theological school and the Smolensk Seminary with distinction, he entered the St. Petersburg Theological Academy on a scholarship.

While he was a seminarian at Smolensk, Ivan was already aspiring to join an Orthodox mission in a foreign country (specifically in China). However, during these years at the Theological Academy, he read Captain Golovnin's famous Memoirs of a Captive in Japan, During the Years 1811, 1812, and 1813, and had a new dream – to go to Japan.

Some 44 years later, in 1904, Nikolai wrote from Tokyo to Archpriest N. V. Blagorazumov, his friend and classmate from the St. Petersburg Theological Academy:

«I wish to ask you a favor of you. Please send me a helper, that is, a good young missionary…. To tell you the truth, my friend Nikolai Vasilievich, our time was much better than now. You remember that as soon as an application appeared on the desk, it was filled up with names. Oh, what names! You and M. I. Gorchakov, the cream of the youth of the Academy, were included among them. And applying for what post? For the post of chaplain of a consular church». (Nikolai's letter of апреля 8, 1904.)

Blagorazumov, the addressee, made the following memo about that letter: «At that time, ten or twelve student volunteers applied, all on condition of marriage, but Kasatkin alone decided to go as a monk and he beat the others». (See Nikolai Kedrov; Archibishop Nikolai in the Letters to Archpriest N. V. Blagorazumov.)

These young applicants represented the elite of the Theological Academy, and the post of chaplain of the consular church in Hakodate was only a small one for them. But ten or twelve student volunteers applied for the small post. They did not wish to protect their own interests, and did not desire to advance up the steps of the hierarchy in the Russian Orthodox Church. They wished to devote themselves to the cause of a Christian mission in one 'heathen' country in the Far East.

Nikolai also wrote in his letter to Fr. Blagorazumov that «our time was much better than now». Herein lies one of the principal motives which spurred Nikolai and his classmates to missionary work. Their time was the 1860s, when Russia (having been defeated in the Crimean War) was trying to regenerate

itself and build a new regime under the new Tsar Alexander II. This was the time of 'Great Reforms', when Russia successively carried out new progressive reforms such as the emancipation of serfs, restructuring of judicial administration, establishment of local autonomy, and the like. Intense expectations for a new life pervaded the entire country.

The elite group of the students at the Theological Academy in the capital city of Russia were, although belonging to the naturally conservative world of the Orthodox Church, a kind of intelligentsia who had acquired high culture, had a good knowledge of European languages, and were well read in politics and 'belles lettres'.

Thus they were quite aware of the backwardness of their own country.

The application of elite students for the small post of chaplain in Hakodate clearly shows that they were influenced by the idealistic expectations of the 1860s. Though they were theological students, they were contemporaries of and held the high idealistic view of life in common with ' Men of the 1860s ('Shestideshatniki'), the democratic writers noted for their criticism of the old regime of Russia.

In февраля, 1869, about eight years after his arrival in Hakodate, Nikolai published a long report entitled «Japan Also Will Be Fruitful – A Letter of a Russian in Hakodate» in Khristianskoe chtenie (The Christian Reading), in which he wrotë «Eight years ago I declared my wish to accept the post of chaplain of the consular church here with a missionary purpose. Who among the students at the Theological Academy would be determined to come here only in order to serve in a church, which is often completely empty, as there are not more than ten Orthodox Russians including babies here? At that time, by the way, there was much discussion about the necessity for a missionary academy in Russia and, if I am not mistaken, they set about to founding one. Thus I could expect that when it became necessary, comrades would join me and I would not remain here alone».

It must have been that the expectations of the advent of a new era had awakened the Russian religious world, paving the way for Orthodox missionary activity abroad was and prompting the plan to found a missionary academy. Stimulated by the renewed religious zeal of the time, Nikolai must have decided to go to Japan with the Word of God.

On июня 23, 1860, Ivan Kasatkin was tonsured as a monk with the name of Nikolai and was ordained as a hieromonk on июня 30. On August 1, 1860, the 24 year-old Nikolai set out across Siberia on his journey to the Far East. He arrived in Nikolaevsk-on-Amur at the end of сентября. By that late date, travel by ship had been halted and he was forced to spend the winter in Nikolaevsk.

Fortunately he met there a man of great missionary experience, Archbishop Innokentii (Popov-Veniaminov) of Kamchatka, who was also wintering there.[5] Innokentii gave Nikolai much valuable advice and instruction. He advised Nikolai to translate the Bible and prayer books into the language of the people who were to be converted to Christianity, and to make the belief rooted in their native culture. This was, as it were, valuable personal guidance for missionary activities.

In апреля, 1861, Nikolai departed Nikolaevsk on the warship Amur and arrived in Hakodate on июля 2. [6] Hakodate at the end of Edo period was a small but lively port city with residents from various parts of Japan and even from foreign countries. However, it was a difficult time for a Christian missionary, because the preaching of Christian doctrine was still strictly prohibited.

At first the young Nikolai was deeply disappointed in his expectations. He later said to Father Sergii (Stragorodskii) that «When I was on my journey, I dreamed much about Japan. It appeared in my imagination as a bride awaiting my arrival with a bouquet. I expected that soon the good news of Christ would spread into its darkness and everything would be renewed. Having arrived here, I saw that my bride was enjoying the most prosaic sleep and was thinking nothing of me». (Archimandrite Sergii. In the Far East (Na Dal'nem Vostoke, 1897).

Young Nikolai immediately began to prepare himself to awake the 'sleeping bride'. While attending to his duties as the consular chaplain, Nikolai studied the Japanese language with untiring enthusiasm, learned the history of Japan, and tried to establish first-hand contacts with Japanese people. He wrote in the above-mentioned «Letter of a Russian in Hakodate» how he learned Japanesë

«When I arrived in Japan, I summoned up my strength and began to study the local language. Much time and effort were lost while I was getting acquainted with this barbaric language, no doubt the most difficult language in the world… And people such as the notorious Frenchman Rosny, half knowing the language, dare to write Japanese grammars. You have to throw such grammars into the corner like useless junk after a week in Japan. For a long time to come students of Japanese will have to learn by instinct through the reading of books and the mechanical memorization of various phrases of the spoken and written language. In this way I have somehow finally learned to speak and to be able to use the simplest written forms for translations and original compositions. Having so much knowledge, I immediately began to translate the New Testament into Japanese». (Trans. by Fr. John

Bartholomew.)[7]

Nikolai also wrote in «the Letter» that he had secretly begun to preach Christianity among the Japanese.

«By the way, I tried to do all that is possible directly for missionary purposes. Firstly, of course, it was necessary to find men who, having accepted Christianity, would be able in their turn to devote themselves to the propagation of Christianity.

Four years after my arrival in Japan, God sent me one man. A year later he found himself a friend and in the course of that year they found a third colleague». (Trans. by Fr. John Bartholomew.)

«From all that has been stated above», Nikolai concluded, «it seems we can expect that there will be an abundant harvest in Japan, at least in the immediate future… Catholicism and Protestantism have occupied the whole world… But here is still a country, the last one in a number of newly discovered countries. If only we could stand here coping with other Christian confessions… God will provide that I will not be deserted and will not remain here alone, doomed to fruitless solitary work. I came here with that hope and have been living here with it for seven years. Realization of the hope has been my earnest prayer…

So I submitted an application to grant me leave. When I obtain permission, I will go to St. Petersburg to petition the Holy Synod for establishing a mission here».

Nikolai returned to Russia at the beginning of 1869 and stayed there for nearly two years. In St. Petersburg he petitioned the Holy Synod and influential persons of the Church for the establishment of a Russian Orthodox mission in Japan.

The Diaries of St. Nikolai of Japan open with an entry for марта 1, 1870, written at the Alexander Nevsky Monastery in St. Petersburg.

His efforts were crowned with success. On апреля 6, 1870, foundation of the mission was approved by the Holy Synod and Nikolai was appointed its head and promoted from Hieromonk to Archimandrite.

The mission had a small staff which consisted of three priests besides Nicholas and one subdeacon. It was provided with an annual budget of 6,000 rubles. Nikolai visited all four theological academies in Russia and attempted to persuade some of the students to join him in missionary work in Japan, but to his disappointment none of them responded to his call.

In февраля, 1871, Nikolai returned to Hakodate with a colleague, Father Grigorii (Volontsov). However, Father Grigorii turned out to be (according Nikolai's diary entry for января 1, 1872) too idle to be a missionary, and

Nikolai had to send him back to Russia in июня, 1871.

In декабря of that year, Hieromonk Anatolii (Alexander Dmitrievich Tikhai), a graduate of the Kiev Theological Academy, arrived in Hakodate to assist Nikolai.

In января, 1872, Nikolai left Hieromonk Anatolii in charge at Hakodate and set out for Yokohama by sea, eventually arriving in Tokyo on февраля 4. He immediately began preaching Orthodox Christianity in the new capital of Japan. Since then, for more than 40 years, with untiring zeal, Nikolai continued to promulgate Orthodoxy in Japan.

In August, 1879, Nicholal returned to Russia for the second and final time, staying there until ноября, 1880 to collect contributions for construction of the Cathedral of the Holy Resurrection in Tokyo. During his stay in St. Petersburg, on марта 30 (O. S), 1880, Nikolai was consecrated as a Bishop.

The greatest misfortune to befall Nikolai and the Japanese Orthodox Church of the Meiji era was the Russo-Japanese War of 1904–1905.

Although the entire staff of the Russian Legation returned to Russia, Nikolai himself remained in Tokyo to defend his flock against the attacks of non-Christian and Protestant Japanese. He also worked for the welfare of the Russian captives in Japan (who numbered more than 70000) and sent Japanese Orthodox priests and Russian-speaking catechists to the prisoners' camps to provide the Russians with some religious consolation.

Throughout the war, Nikolai wrote his diary; indeed this period marks the climax of his diary writing. The war ended in сентября, 1905. In апреля, 1906, Bishop Nikolai was elevated to the dignity of Archbishop. Six years later, on февраля 16 (3 O. S.), Nikolai – the Apostle to Japan – passed away.

In 1911, just before his death, the Japanese Orthodox Church numbered (in addition to Archbishop Nikolai) 1 bishop, 40 priests and deacons, 15 precentors (regents), 121 catechists, 31984 Orthodox Christians, and 265 churches and houses of prayer.

The enlightenment of Japan during the Meiji era encompassed the westernization of Japanese politics, social relations, industry and so forth. The westernization of Japan in the field of religion meant the implantation of Christianity, which has since then obtained a considerably wide acceptance in the Japanese people and has had a great influence upon their spiritual life.

However, the Christianity newly implanted in Meiji Japan was not a single kind. It comprised at least three varieties: Catholicism, Protestantism, and Orthodoxy, each of which had its own characteristic influence on the Japanese people. (For the reopened Japan, Orthodoxy introduced from Russia was one of the 'western' faiths.)

The history of Protestant missions in Japan has been investigated in detail. Protestantism spread mostly among those young Japanese intellectuals who were eager to study 'Western science'. From the start, Protestant missionaries in Japan made use of the English language (the indispensable key to Western learning) to attract young Japanese. (Please see the article «Protestant Mission» by Masao Takenaka in The Cyclopedia of the History of Christianity in Japan, Tokyo, 1988.)

The history of Catholic missions in Japan, according to the article «The History of Christianity in Japan» by Arimichi Ebisawa in the above-mentioned Cyclopedia, has not yet received a thorough study, except in the area referred to as ' the revival of early Christianity in japan'. Studies of the diplomatic history of the Catholic Church and of monastic orders have been published, but we do not yet have a complete history of Catholicism in Japan.

The history of the Orthodox Church in Japan, though it was the second largest Christian sect after Catholicism, has received much less attention than that of the Catholic Church. The entire picture of its missionary activities, its relation with the Russian Orthodox Church, and the characteristics of its faith has not yet been provided. There have been few students of the history of the Orthodox Church in Japan.

It is true that we have basic data for the compilation of its history during the Meiji era – for example, the twice-monthly newsletters Kyokai-Hochi (1877–1880) and Seikyo Shimpo (1880–1912). And two attempts at the history of the Church, Nihon Seikyo Dendoshi, edited by Kisaburo Ishikawa, and The Life and Deeds of Archbishop Nikolai, edited by Fr. Peter Shibayama, were published in 1901 and 1936 respectively. But they don't give us a 'bird's-eye view' of the whole history of the Church. We must say that the history of the Japanese Orthodox Church and the achievements of Nikolai and his faithful followers during the Meiji

era have long remained outside the mainstream of research interests concerning the history of Christianity in Japan.

Only recently have some researchers begun to shed light on this subject. Since the late 1970s, they have been writing books and papers about these subjects, and have produced Japanese translations of the papers and reports written by Nikolai which were published in Russian journals. Also, many local Orthodox churches in Japan, upon celebrating their centennials, published their own histories. As a result of these recent works, various aspects of the history of the Japanese Orthodox Church are gradually being brought to light.

The Diaries of St. Nikolai of Japan provide materials of inestimable value for the study of Church history. In these diaries, we find many interesting and

valuable facts (especially about the main center of the Orthodox mission in Japan) which have remained hitherto unknown. With these diaries, the field of study will move forward with rapid strides and will rest upon much firmer and objective bases.

The Diaries contain the private diaries kept by Nikolai, founder and head of the Japanese Orthodox Church. They are the first and most reliable source for historical knowledge of the Church. There were many hidden facts in its history which were kept secret between Nikolai and the persons concerned, and which we could not possibly be aware of without seeing his diaries.

From that source we мая learn, for example, how Nikolai was supported financially by the Holy Synod and Missionary Society, and how he felt about the living conditions of Russian prisoners of war in Japan, as well as how he rated the efficiency of his Russian colleagues and Japanese catechists.

Nikolai sometimes made extensive tours, visiting local churches throughout Japan. He kept up his diary during these tours, giving a full account not only of parish congregations but also of life in rural communities. We can know from his travel diary, for example, how eagerly Japanese Orthodox farmers of the early Meiji years were practicing new styles of Western singing, and under what conditions young women were laboring in provincial towns. Few foreigners knew Japanese provincial life of the time so well at first hand as did Nikolai. His travel diaries are, as it were, the field notebooks of a sociologist gathering materials on the rural life of Japan.

The Diaries of St. Nikolai possess, in addition to historical values, an autobiographical aspect. In Japan Nikolai had no trusted adviser with whom he could talk freely. His diary was thus an indispensable companion to which he had been making a full confession for many years.

For example, in the diaries for 1871 and 1872 we can read a long and harsh criticism of his first colleague Father Grigorii, which faithfully reflects the genuine missionary enthusiasm of the young Nikolai, which we could never know without his diaries.

In his diaries for the period of the Russo-Japanese War, we can learn his views of the Japanese people and Russo-Japanese relations. The comparison ofjapan (a maritime power) and Russia (a continental one), which he made in the diary entry for мая 20, 1905, is an interesting topic even today.

Nikolai’s diaries are full of frank confessions and straightforward thinking. They will captivate not only those persons who are interested in the history of the Japanese Orthodox Church, but also those who are interested in vital human documents in general. Reading Nikolai’s diaries, we can reach the conclusion that he was of good health in both body and mind. He was not

excessively intellectual or logical. He was very abundant in his feelings of both joy and anger. He was candid and sincere. Together with this richness in emotion, he was also a man of coolness and stoicism.

According to many of Nikolai's Japanese pupils, he readily displayed feelings of joy and anger. In the diaries he himself acknowledges his weakness of having a hot temper, but he often had ample reason for angry. He was stirred to anger when the faithful of the Japanese Orthodox Church were persecuted by 'heathen' Japanese, or when his Russian and Japanese colleagues were intolerably lazy in their missionary efforts, or when someone lied to him intentionally. Of course he felt deep sorrow when his Seminary pupils were drafted into the military and were killed in battle. In the diaries, he expressed his sincere gratitude to those colleagues and laymen who worked diligently for the Church. Nikolai was apt to become excited, but he was fair in his feelings and dealings.

As a monk, Nikolai held deep religious beliefs, which were 'unspoiled' by modern rationalism. Nikolai was not a visionary mystic such as Fyodor Dostoevsky, who was anxiously expecting a sudden transfiguration of the universe. Nikolai kept his firm belief in the sacred invisible (about which he wrote, for example, in the entry for октября 5, 1903). When he learned of the 1905 revolution in Russia, he had an eschatological foreboding that human history was drawing to an end. He firmly believed in miracles, though he did not speak of them in public. He had such a fear of blasphemy that he became furiously angry when he heard that the Church in Kyoto had been used as the site for an enlightening lecture foreign to religious worship.

Nikolai did not despise the popular beliefs of Japanese people, but regarded them as a rich 'soil' full of religious feelings. He made extensive travels throughout Japan, and everywhere encountered archaic folk beliefs of Jizo (a guardian deity of children) and Inari (the fox deity), writing in his travel diary: «Along the way, I met groups of dressed-up pilgrim women. They were dragging themselves, it seemed, to Jizo… On the whole, there is everywhere the desire of the people for pilgrimage. It is remarkable. It is impossible not to bear in mind this desire of the people when you introduce Christianity among them». (June 10, 1881.)

American or English Protestant missionaries probably thought much differently of such cherished beliefs of the Japanese people.

Of Buddhism, Nikolai wrote, «the teachings of fullness of Buddha's love, of his readiness to save men at their first appeal, of insufficiency of men's power for salvation, and of grace (tariki) irresistibly amaze us. It is possible that, listening in a Buddhist temple to some sermon, you will forget yourself

and imagine you were listening to a Christian preacher». («Japan from the Viewpoint of Christian Mission», 1869.)

Nikolai thought that Japanese people, although they were 'heathens', were experiencing deep religious feelings and that Christianity could become firmly rooted in such natural religious feelings. This was how Nikolai intended to go about implanting Orthodox beliefs in the minds of Japanese people. He did not want to lure them out of their native religious feelings by Western learning, but attempted to transplant Christianity into the traditional religious 'soil' of Japan – to infuse Orthodox Christianity into the Japanese spirit. His good knowledge of

Japanese religious culture and history must have suggested to him this way of propagating the Gospel. He was convinced that by this method, he could gain an advantage over Protestant and Catholic missionaries in Japan.

In general, the Japanese Orthodox Church has had a tendency to put more value upon Japanese traditional formalities than other Christian groups. It мая be said that its conservatism has been partly due to Nikolai's respect for Japanese culture.

During the Russo-Japanese War of 1904–1905, few Orthodox Japanese were tortured by spiritual conflict between their Orthodox faith (introduced by Russian missionaries) and their own patriotism. Although they were Orthodox Christians, they prayed fervently for divine favor to Japan. Nikolai himself, in one speech and two circular letters to his flock, summoned Orthodox Japanese to fulfill their duties as faithful subjects – to pray for the victory of the Japanese Imperial forces. His diaries also tell us that he thought it was natural for Orthodox Japanese to pray for the victory of their fatherland. Nikolai seems to have regarded the Orthodox belief, once implanted in Japan, as Japanese Orthodoxy.

Nikolai himself was a truly patriotic Russian. His patriotism was not an abstract idea but an ardent emotion. And so he was terribly depressed when he heard the news that Russian army had suffered defeats in Manchuria and that Japan won the naval battle in the Sea of Japan.

He also had a genuine and steadfast love for Japanese Orthodox Church, which had been established and developed by him, and which was like his child. When the Russo-Japanese War broke out, he was forced to devide his love into two – his mother country (Russia) and his 'child' (the Japanese Church). He understood that it was natural for the Japanese people to openly rejoice over the news of Japanese victory, but he could not help feeling so sincere pity at Russia that he sometimes could not participate in the liturgy.

As we have seen, The Diaries of St. Nikolai of Japan are a document of

great value both to historians and to the reading public. With these diaries, together with the newsletters Kyokai Hochi and Seikyo Shimpo, we will be able to obtain a complete picture of the Japanese Orthodox Church in the Meiji era. In other words, we cannot relate the truth of the Church history without these diaries.

It had been known that Nikolai was writing a diary. Bishop Sergii (Tikhomirov), Nikolai's successor in the overall control of the Japanese Orthodox Church, wrote in his memoirs on Nikolai («Before and After the Passing Away of Archbishop Nikolai» of 1912), that Nikolai was writing about the state of his disease in his diary. However, it was not expected that his diaries would come down to us. Most of the archives relating to Nikolai had disappeared during the chaos following the Great Earthquake of 1923, and no diary was found at the Cathedral of the Resurrection in Tokyo (Nikolai-do, Nikolai's Cathedral). No Soviet Japanologists or historians were aware that Nikolai's diaries had been safely kept at the Central State Historical Archive in Leningrad (now St. Petersburg).

It appears that between the time of Nikolai's passing away (1912) and the Great Kan to Earthquake (1923), a certain Russian who was close to Nikolai sent the diaries to Russia, perhaps into the keeping of the Archive of the Holy Synod. The person who sent them to Russia must have been Bishop Sergii.

A few clergy of the Russian Orthodox Church during the Soviet era knew of the preservation of Nikolai's diaries in the Archive, but during that time Soviet sciences and the Church were under the complete control of the Communist Party. There was so little interdisciplinary communication or interchange that research fellows of the Soviet scientific institutions never learned of the existence of the diaries from the churchmen. Of course, there was no attempt made to decipher the handwritten diaries and publish them.

The first Japanese reader of Nikolai's diaries in the Archive at Leningrad was Prof. Kennosuke Nakamura of Hokkaido University, the author of this preface. In the autumn of 1979, he confirmed the existence of the dairies and acquired a microfilm copy of them from the Soviet Academy of Sciences. Since then, Nikolai's diaries have become the focus of much academic research.

In декабря, 1981, K. Nakamura asked Mr. Konstantin Ivanovich Logachev (a Slavic researcher in Leningrad) and his wife Larisa Nikolaevna Logacheva, a couple to whom he had been introduced by Prof. S. Batalden of Arizona State University in 1979, to decipher the texts of the didaries for him. They readily consented to his request.

Subsequently, K. Nakamura, Yoshikazu Nakamura (Hitotsubashi

University), Ryohei Yasui (Waseda University), and Mitsuo Naganawa (Yokohama National University), collaborated in translating a portion of the deciphered diaries into Japanese and published them serially in the quarterly Mado (The Window) (Tokyo), from 1986 to 1988.

K. Nakamura
June 1994

Дневник в С.-Петербурге и в Хакодате

1870–1876

Чтоб научить других, научись сам.
Чтоб направить других, направь себя самого.
Чтоб научить других, научись сам.
Чтоб направить других, направь себя самого.

1870 г.

1 марта 1870. 9 часов вечера.
СПб. Александро-Невская Лавра

Прилично начать мне свой дневник описанием виденного мною второй и, быть может, последний раз в жизни «Торжества Православия», совершавшегося сегодня в Исаакиевском Соборе. Собор был залит народом: то было живое море, тихо, без шума колебавшееся тем колебанием, когда на море видны только легкие струйки. Если в Пасху Собор вмещает, как мне говорил староста соборный, до 20 тысяч народу, то сегодня, наверное, было не меньше 15-ти тысяч, так как народ втеснился и на клиросе, и между певчими, и везде, где было место. Трогательно зрелище такой массы народа, стоящей как один человек в молитвенном духе пред Лицом Всевышнего! Не кажется особенно великолепным и Исаакиевский пред этим живым храмом; понимаешь тут нужду предстателей пред Богом и правителей Церкви Божией – иерархов и священнослужителей; понимаешь даже нужду сильных диаконских голосов… Но что за трогательная и торжественная минута, когда в конце молебна

протодиакон (Пятницкий) взошел на кафедру и запел: «Кто Бог велий, яко Бог наш: ты еси Бог творяй чудеса Един!» То настала минута, единственная в году, когда Церковь, как Богоучрежденное Общество, торжественно повторяет свои Правила, положенные в основу общества, – свой Символ, и торжественно же заявляет, что все, кто не хотят держаться этих правил, отвергаются ею как не ее члены, а чужие ей, прежде ее слова сами собою уже отлучившиеся от общения с нею. Было время, когда Церковь Божия скрывалась в тиши катакомб и уединенных мест, и тогда у нее было то же знамя, что ныне, и тогда сначала ставших под это знамя, но потом изменивших ему она отлучала от себя, но тогда это свершалось так же тихо и таинственно, как таинственно было существование Церкви; а теперь это совершается в слух всего мира, так как знамя Веры водружено на вид всей вселенной: не торжество ли это Православной Веры? Было время, когда горизонт Церкви помрачился облаками ересей, верующие ходили в сумраке и не знали, кому и чему следовать; а теперь горизонт Церкви светел и ясен, ярко блистает на нем Крест Христов, ясно начертаны твердо определенные и неизгладимые навеки Правила Веры: не торжество ли это Православной Церкви?.. По прочтении Символа, Протодиакон громогласно прочел: «…сия Вера Православная, сия Вера

Отеческая, сия вера вселенную утверди». То твердый голос Церкви, провозглашающей свои правила: нет в нем мягких нот, нежных звуков, нет надежды врагам церкви на слабость ее, малодушные уступки и сделки; веяние Духа Божия, сказавшего: «врата адова не одолеют ей» слышится и ощущается во время того пения. По восхвалении Бога, Зиждителя Церкви, и св. [святых] Отцов, богозданных столпов ее, Протодиакон стал провозглашать: неверующим в Бога-Творца вселенной, а мудрствующим, что мир произошел сам собой и держится случайно – анафема! Неверующим в Искупителя и искупление – анафема; неверующим в Св. [святого] Духа – анафема; неверующим в Св. [святую] Церковь и противящимся ей – анафема; непочитающим Святые иконы – анафема; изменникам отечеству и престолу – анафема! При каждом провозглашении слышалось троекратное пение слова: анафема. Боже, что за впечатление этого пения! Там, среди волн народа, посреди Собора виднеется сонм иерархов (Митрополиты: С-Пбургский [Санкт-Петербургский] – Исидор, Киевский – Арсений, Московский – Иннокентий; Архиепископы: Псковский – Василий, Виленский – Макарий, Рязанский – Алексей и Епископ Ладожский – Павел) и Священнослужителей: то Богом воздвигнутые, поседелые в своем служении современные хранители Веры и Церкви и руководители народа; оттуда, как будто от лица их, слышится голос невидимых певцов, подтверждающий голос Церкви, отлучающий несчастных, уже отлучивших себя самих; но то голос, растворенный печалью и любовью: то рыдающая мать, отвергающая своих недостойных детей, но еще не без надежды для них: им вслед звучит нота материнской любви, без слова зовущей их опять на лоно матернее: не опомнятся ли несчастные, не тронет ли их скорбь матери, не оглянутся ли они на свое положение и не познают ли весь ужас его? Без слез, без рыданий невозможно было слышать это трогательное: анафема, так чудно петое трио из двух теноров и баса. Я думал, что вслух разрыдаюсь: слезы душили меня; и не я один, много я видел плакавших. Это чудное, и грозное, и любвеобильное анафема еще звучит у меня в ушах, им полна моя душа, и я плачу в сию минуту слезами умиления. Да не умрет у меня в душе эта минута «Торжества Православия» – там, на далекой чужбине! Да воспоминается она мне чаще и да хранит непоколебимым в вере и надежде среди волн угрюмого и мрачного Язычества! Не услышать мне, быть может, еще в жизни это пение и не увидеть этой минуты: а как бы хотелось! Для нее одной – этой минуты хотел бы каждый год переноситься в Православную Россию! – После анафемы провозглашена «вечная память», пропетая

хорами митрополичьих и Исаакиевских певчих: царям – греческим Константину, Елене и друг., нашим – Владимиру, Ольге и проч., патриархам – восточным и нашим, митрополитам и проч.; заключено многолетием: Царю, Св. [святейшему] Синоду, Митрополиту Исидору – первенствующему Члену Синода, восточным Патриархам, причту и всему православному народу, и наконец песнью: «Тебе Бога хвалим!». Народ хлынул из Церкви, но сколько еще осталось молящихся там и здесь у образов и прикладывающихся к образам, – и как молятся! Видно, что человек весь погружен в молитву; проходя, боишься нарушить эту его минуту. Жива вера на Руси! Живо и действенно Православие, – и широкий, царский путь ему на Земном шаре!

1871 г.

4 марта 1871. 12 часов ночи. Шанхай

Когда же это? Боже, когда же? Скоро ли? Да и будет ли это когда-нибудь? – вопрошаю я, перечитав прошлогодние впечатления и остановившись на последней фразе. О, как больно, как горько иной раз на душе за любезное Православие! Я ездил в Россию звать людей на пир жизни и труда, на самое прямое дело служения Православию. Был во всех четырех Академиях, звал – цвет молодежи русской, по интеллектуальному развитию и, казалось бы, по благочестию и желанию посвятить свои силы на дело Веры, в которой она с младенчества воспитана. И что же? Из всех один, только один отозвался на зов – такой, каких желалось бы иметь: воспитанник Киевской академии, П. Забелин; да и тот дал не совсем твердое и решительное слово, и тот, быть может, изменит. Все прочие, все положительно – или не хотели и слышать, или вопрошали о выгодах, о привилегиях службы. Таково настроение православного духовенства в России – относительно интересов Православия! Не грустно ли? Посмотрели бы, что деется за границей, в неправославных государствах. Сколько усердия у общества – служить средствами! Сколько людей, лучших людей без долгой думы и сожаления покидают родину навсегда, чтобы нести имя Христово в самые отдаленные утолки мира! Боже, что же это? Убила ли нас насмерть наша несчастная история? Или же наш характер на веки вечные такой неподвижный, вялый, апатичный, неспособный проникнуться духом Христовым. И протестантство, или католичество овладеют миром, и с ними мир покончит свое существование? Но нет, не даром Бог сходил на землю: истина Его должна воссиять в мире. Но скоро ли же? Не пора ли? Да, пора! Вот Православие уже выслало в Японию – миссионера, о. Григория, с которым я теперь еду. Боже, что за крест Ты послал мне! И за этим-то я ездил в Россию? Истратил два года лучшей жизни? Все четыре Академии дали пока вот только это сокровище, с которым я теперь мучусь и от разговора с которым, я думал, сегодняшний вечер у меня голова поседеет. Едет православным миссионером, а оспаривает постановления православной Церкви, непогрешимость вселенских соборов; утверждает, что таинства православной Церкви взяты с языческих мистерий, что ковчег Завета построен был по образцу египетских капищ, что в Библии кое-что белыми нитками сшито и проч. И это человек, бывший 7 лет священником и прошедший академическую мудрость! Хороши у Православия священники

и академии! И что за характер у этого человека! Беспечный, каких свет мало создает: не озаботится узнать ни о Японии, ни о деле миссионерском; о миссионерстве вообще не любит и слушать: когда я рассказываю ему, что видел здесь у миссионеров или что вычитал в миссионерских отчетах, и когда прибавляю, в виде естественных выводов и нравоучений, как и нам следует действовать, он сердится, принимает на свой счет, утверждая, что это я все нотации читаю ему, и никак не желая понять того, что мне просто хочется разделить с человеком свои мысли и чувства. Всякое мое дружеское и простое замечание или совет принимает за кровную обиду себе и сто раз попрекает ею; даже шутки мои запоминает и ставит мне в укор как обиды, хотя бы эти шутки вовсе не к нему относились. Апатичен до того, что даже в Палестине не хотел беспокоить себя много, чтобы побыть во всех тех святых местах, где можно было и где я успел побыть. Не интересует его ничто окружающее, как ни любопытно наше путешествие. Ленив он до того, что до сих пор никак не могу побудить его заняться ни японским, ни аглицким языком, хотя мы уже вот около 3-х с половиной месяцев в пути – на судах, где удобно заниматься. Ни поговорить о чем серьезном, ни пошутить. – Боже, что за человек! Какая мне мука с ним в пути! И при этом еще в перспективе – испытанная уже (в Петербурге) его наклонность к пьянству! Хорош миссионер! И такого одного только дала пока Россия? Бывают же случайности, хуже которых и вообразить нельзя. Долго искал и нашел наконец такого, непригодней которого трудно найти, как будто такого именно и нужно было! И еще другое несчастие: из Иерусалима напросился в слуги какой-то пройдоха – послушник – теперь друг и приятель моего милого о. Григория. Ленивый, беспечный. избалованный монастырскою жизнью краснобай и к тому же – бессовестный лжец. Что ни день, то все больше убеждаюсь, что самый непригодный слуга, с которым мне еще больше дела, чем без него; а мой собрат на меня же воздвигает бурю, что я журю его, не даю ему покою. Да что же это такое? За что столько бед на мою голову? А! Некто виноват! Имей мудрость, умей выбирать людей! А не сумел выбрать хороших. так постарайся сделать дурных хорошими! Будем стараться, дай Бог успеть! Как ни думаю о том, как мне поступать с моими сокровищами, надумал пока одно: держаться ровней, избегать всевозможных замечаний и резких слов и вспышек: начнешь учить – все равно ничего не выходит; оскорбляются – не только собрат, но и слуга, и поступают еще хуже; начнешь молчать – опять скверно: думают, что сердишься, и поступают опять-таки еще хуже. – Да будет слово мое от сего времени – кротость, крайняя снисходительность и любовь. Не выйдет

ли проку? А там, быть может, мало-помалу можно направить одного и другого. Если же нет, то – слугу можно во всякое время отправить в Россию; о. Григория – тоже в Россию – немедленно после того, как устрою о. Анатолия в Нагасаки и Забелина в Хёого. Из этих-то, кажется, выйдет прок, особенно из последнего, если только приедет.

18 марта. Ночь.

На барке, в 400-х мил. от Хакодате

Тяжело на душе. Боже! Как страстно хочется иногда поговорить с живым человеком, разделить душу, и – нет его, – с самого рождения моего до сих пор Бог не судил мне иметь друга, единомысленника. В юности, помнится, терзала меня жажда дружбы, и не нашел я друга во всю свою юность. Раз блеснул мне теплый луч солнышка дружбы, но тотчас померк. Теперь нет тех идеальных стремлений: холодная рефлексия заняла место нежных порывов юного сердца и воображения. Но и рефлексия, как живой родник мысли, естественно, ищет сосуда, куда излиться, ищет другого родника, с которым бы слить свои струи: вместе они сильнее и живее были бы, обильнее бы струились, и светлее играл бы на них луч света Божия. Десять лет в Японии я мечтал о сотруднике-единомысленнике: то были лучшие мои мечты, сладкие отдыхи от тяжких трудов. И вот он – этот вожделенный сотрудник едет со мною. Но Боже! Что это за бедный душою человек и как горько мне с ним! Не делить с ним можно мысли, а скрывать их нужно от него, чтобы избавить святыню от поругания! До того беден он, что страшусь показаться с ним в мою дорогую страну труда. Был случай ехать в Хакодате чрез Нагасаки, Хёого и Йокохаму. Какой прекрасный случай – мимоходом узнать состояние инославных миссий и сделать предварительные соображения касательно своих станов. Но в числе других причин – одна из важнейших, побудившая меня избежать этого пути, – нежелание казать людям такую пародию на миссионера, как о. Григорий. Совестно показаться с ним в люди: ни языка, ни мысли, ни разумного вопроса, ни любознательного взора, ни вида порядочности и благовоспитанности, ни даже наружного вида. Пусть себе заявляется в Хакодате: небольшой уголок, не так страшна компрометация, да и сопоставлять здесь не с кем моего, кроме двоих католич. [католических] патеров. Чувствую, что не выйдет из него никакого проку, и только то, что не на кого оставить Церковь в Хакодате (Сартов уедет в отпуск), и опасение разных неприятных комбинаций от слишком торопливой поспешности удерживает меня от того, чтобы не отослать его в Россию тотчас же, по приезде в Хакодате. Из 100 – девяносто девять невероятностей, чтобы он был когда-нибудь миссионером. Куда ему!

Простого смысла и логики не хватает у него – для обычного разговора, – как будто у него вместо мозгу разжиженный мусор в голове, – через две мысли он уже забывает нить разговора и метается в сторону, – куда же ему спорить с крепкоголовыми японскими рационалистами или передавать им смысл Веры! Веру он готов поносить сам же, – где же ему возбуждать уважение и сочувствие к ней. Он вообще – ниже общества самой обычной порядочности и недалекой образованности и развитости: общество слуги – вот для него по плечу, деннонощные разговоры с моим слугой – Михайлом, ни к какому делу, впрочем, кроме краснобайства, негодным, – вот его пища, услаждение. И дружбу он с таким человеком, и хлеб-соль водить может: штоф сивухи бы к этому – так не нужно, кажись, и рая для о. Григория! Стал бы обниматься, целоваться, брататься с Михайлом, – речь рекой с той и другой стороны, песня, пожалуй, или по крайности – насвистывание, – так как, сколько ни хвалился он, что петь мастер и голосом обладает, до сих пор еще я не мог упросить его спеть что-нибудь… Вот его сфера, его мир. И такому ли человеку – стройная, серьезная, строго упорядоченная жизнь миссионера, всегда – в труде, в сфере мысли и религиозного чувства! Пародия на человека может ли даже мысленно быть поставлена в положение миссионера, носителя и проповедника Слова Божия! И вот однако – на самом деле эта пародия – в звании миссионера. – Сотрудник, собрат, с которым я постоянно – с глазу на глаз; но, о Боже! Сколько ни принуждаю себя, часто я решительно не нахожу силы сказать слово с ним, посмотреть на него: мутит, из души воротит, по вульгарному меткому выражению. Что за ничтожество нравственное и бессилие воли и характера! Не может принудить себя решительно ни к чему: способен двое суток пролежать в койке не евши только потому, что одеться и выйти из каюты не совсем удобно по причине качки, хотя и не укачивает его. Упорен как осел: на самый ласковый совет отвечает точно собачьим лаем, хотя бы совет клонился к его комфорту и удовольствию. Словом, с которой стороны ни посмотришь, – такое сокровище, что я чуть не схожу с ума. Но терпение и надежда на Бога! Авось, Бог вышлет в Японию миссионеров!.. Несчастный дневник, слушай хоть ты иногда мои терзания душевные! Как-то легче, когда выскажешься хоть тебе – безответному. Больше – некому, да и не к чему: никто не может помочь моему горю, кроме Бога – и меня же самого, если Бог внемлет моим стенаниям и мольбам и пошлет мне терпение, силу и разум.

1872 г.

1 генваря 1872. В два часа
по встрече Нового года. Хакодате
Tempora mutantur[8].

Давно уже нет тех мук, о которых говорилось выше. В конце июня отправил я обоих – о. Григория и Михайлу. Прошлый Новый год встречал я в Иерусалиме у о. Антонина. На что было лучше предзнаменований? Святейшее место. Толпою рвущиеся в душу святые мысли, впечатления, воспоминания, картины, неизъяснимо сладкие чувства, – радушие прекрасного кружка русских: последний привет удалявшейся из глаз милой родины. И увы! В каком году я был более несчастлив, чем в минувшем. Неприятное – скучно-однообразное путешествие, с горькими мыслями по поводу неудачного выбора миссионера, отравлявшего мне и последние радости тягостного пути. Неприятности от Михайлы, этого, – по правде сказать, мерзейшего из людей, каких только случалось встречать и каким одарил меня – увы – святой же град Иерусалим (не он, конечно, виноват: а виновата моя экзальтация, поспешность и неопытность. хотя на последнее качество в 35 лет стыдно сваливать, – горбатого могила исправит, знать!) Но что Михайла! Мешает и не служит, как взялся – вот, и делу конец! 200 долларов из кармана за урок, не брать вперед пройдоху – по дороге, несколько неприятных выговоров, порча нескольких капель крови – и только. Не то с о. Григорием. Боже, как мучил меня этот человек. Пришлось же ведь нарваться! К делу – ни малейшей способности и охоты. Хоть бы на каплю заинтересовался, хоть бы на волос стал заниматься! Да кроме того – точно помешался на том, что я хочу держать себя его начальником, хоть я был буквально его слугой, – чуть не на побегушках у него. И какая раздражительность – чисто болезненная. Из трех месяцев, которые мы прожили здесь вместе. три раза мы не говорили с ним – без того, чтобы он не пустился бранить меня, – по поводу чего почти все время пришлось молчать с ним: что за жизнь, что за мука! По неделям ежедневно встречаться несколько раз с человеком, завтракать и обедать вместе, жить комната с комнатой и – ни слова! Между тем это был помощник, товарищ святого дела распространения религии любви и мира! Предрешал я дорогой, что будь он хоть самый дурной миссионер, но три года – пока вся миссия будет налицо – ему должно прожить здесь, – но невтерпеж было – прожить в таком аду и трех месяцев, и я, при всех мучительных мыслях касательно будущей судьбы Миссии, при таких

решительных шагах, счастлив был несказанно тем, что нашел благоприятный случай отправить его в Россию, снабдив средствами на проезд до Петербурга. Пусть ищет счастия в России, и да простит ему Бог за вред, быть может, невольно причиненный Миссии! И аминь! Баста с ним! Да не всходит он мне никогда на ум! Думать только об нем уже составляет муку! Точно кошмар мне – этот о. Григорий. А там – беспрерывные труды по исправлению Церкви, по работам с лексиконом, литографией, учениками русск. [русского] языка и катихизуемыми! Немалая отрада иногда думать – труды-де не бесплодны; но горем убивает следующая за тем мысль: какие труды! Так ли нужно действовать настоящему миссионеру! Тут просто от обстоятельств Японии зависящий прилив людей, желающих лучшего, чем у них свое! И удовлетворяются ли их желания? Ничуть! Как манны небесной ждут от меня уроков христианских, а я вожусь с Церковью, с лексиконом. Но как бросить и это? Просто – сплетение мучащих обстоятельств, и нет счастия, нет покоя – ни душевного, ни телесного! Да куда тут счастие! Провались оно совсем. Вались, как пень через колоду моя судьба! Разбейся пустой сосуд моей горькой жизни, и – чем скорее, тем лучше! Вечно один с своими мыслями, своими неудовлетворяемыми стремлениями, желаниями, начинаниями, мечтами. И все – точно – пузыри с горохом: звонки и пусты. И не тешат, а гремят и терзают слух и сердце! Для чего ты породила меня на свет, моя мать! Для чего ты не приняла меня до сих пор, мать сыра земля? Успокоиться бы. уснуть хоть раз без забот! И если милостив Господь, то ужели он пошлет меня навеки в ад? Хоть бесплодны мои глупые тревоги, но не злонамеренны они, окромя моих разных человечьих грехов! Грехи – грехами, но не ими и не для них я жил, а была у меня идея жизни – служение Вере и Господу, и если бесплодна она была, то моя ль вина, что не было у меня ни сил, ни счастья? Сотвори, Господи, суд и прю[9]! И вот жду, жду я себе другого товарища. Не ждет с таким нетерпением влюбленный жених свидания с невестой, как я жду его! Но мне ли, горемыке, счастье скорого свидания! Исполнится вся мера всех возможных и невозможных препятствий, замедлений, отсрочек, просрочек, и уж когда самая злая и хитрая судьба не найдет больше никаких мер, прибудет он. Но каков будет? Больно уж проучил меня один, чтобы лелеять сладкие мечты насчет другого. Успокойся, моя злая судьбина!

Не жду я себе счастия. Рано покинула меня одного на свет родимая матушка! Не привык я, чтобы чья-то ласковая рука гладила мою русую голову. И не дам ее ласке! Жду всех бед и несчастий! И идите все – все вы, адские чудовища, идите, терзайте: поборемся! Сломите ль? Проклятие, сто

раз проклятие тебе, ад! Выходи на борьбу! Готов и в этот год, как в прошлый!

1876 г.

*20 декабря 1876*1 генваря 1877

Больно уж хитро? закончено начало 1872 года. Эк ведь экзальтация! Она и в гроб со мной пойдет. Чувствую, что и перед самим собой выражаюсь дико, пиша дневник, а как избежишь фразы, привитой с детства, вроде оспы? Именно – фраза – мучение – и все, от чего будто бы волос должен поседеть, что – выше. Слава Богу, волос не сед. Значит, природа здравее, чем воспитание. И иди-ка воспитание в направлении природы, из нас выйдут богатыри взамен мелких теперешних людишек, что пред глазами, – не исключая и себя самого. Да-с, природа родит, – то Божье дело; воспитание или недостаток воспитания – портит, то – несчастие наше. Ну-с, что же природа тебе дала и что воспитание испортило? А природа дала мне – прямой здравый смысл, не совсем дурную натуру, – воспитание же из здравого смысла сделало парадоксальную мечтательность, из доброй натуры – тревожную, подозрительную, стеклянно-хрупкую душу.

Дневники в С.-Петербурге и Москве

1879 г.

С.-Петербург

12 сентября 1879. Среда

В 6 часов вечера прибыл в Петербург и в 7 12 *часов остановился в Знаменской гостинице. Переодевшись, тотчас отправился к сотруднику Миссии, о. Феодору Николаевичу Быстрову, спросить, не послана ли денежная помощь Миссии в то время, когда я был в дороге, а также в каком часу лучше всего явиться к Высокопреосв-му [Высокопреосвященному] Исидору. – Что за радость свидания с товарищем и другом после девятилетней жизни в чужой стране! – Оказалось, что помощь послана двукратно: 1. Из Синода 5 тысяч руб., должно быть, построечные, и от Высокопр. [Высокопреосвященного] Исидора 2 тысячи руб., всего 7 тысяч посланы в конце июля по почте. 2,5 тысячи руб. от Миссионерского общества и 1 тысяча от Московской кафедры, всего 6 тысяч руб. посланы телеграммой 14 августа ст. ст. [старого стиля]. Значит, телеграммы мои к Митрополитам С.-Петербургскому и Московскому, вопреки нашим мнениям в Японии, не были тщетны, и о. Анатолий на некоторое время обеспечен.*

13 сентября 1879. Четверг

К Высокопр. [Высокопреосвященному] Исидору лучше всего являться в половине 9-го утра; но я с дороги проспал и явился в 9; застал у него уже ректора Академии, после которого был принят. Говорил Владыка[10] так, что совершенно неоткуда добыть денег на Миссию; но общее впечатление было таково, что я еще более укрепился в надежде, что деньги будут. Вообще, принял очень ласково. Явился потом к Лаврским властям: наместнику, казначею, благочинному и ризничему, и, наконец, к брату о. Александру, к которому пришел, отыскивая меня, о. Моисей, очень любезный и радушно помогающий. Так как у Владыки и наместника испросил позволения поселиться в Лавре, то после обеда, вместе с Сергеем – племянником – отправившись в гостиницу, отдал ему чемоданы для отвоза в Лавру, а сам отправился опять к о. Феодору Быстрову и от него на Вас. ост. [Васильевский остров] к о. Ивану Ивановичу Демкину, сотруднику Миссии. Также радостно было и с ним увидеться. Хотел было тотчас же отправиться в Москву, чтобы спросить у Высокопр. Макария и Мис. [Миссионерского] общества, сколько они дадут определенного ежегодного содержания на Миссию, но Ив. Ив. [Иван Иванович] отговорил, резонно представив, что Петербургские благодетели

оскорбятся, узнав, что был в Петербурге и не явился к ним. Ко всенощной в Лавру немного запоздал; как же чудно пели, особенно при воздвижении Креста Преосвященным Варлаамом – викарием!

Забыл прибавить: вчера о. Федор сообщил еще, что 1 тыс. руб. [тысяча рублей] получена для Миссии от г-жи Гранье из Ростова-на-Дону, и 1 тысячу пожертвовал В. И. Сушкин, брат Афонского о. Макария; эти деньги сам г. Сушкин скоро и пошлет, если не послал уже. Слышал еще Ф. Никол. [Федор Николаевич], что 1 тысяча пожертвована Киевским Митрополитом[11] и 1 тысяча – Троицко-Сергиевской Лаврой, но где эти деньги, не знает.

14 сентября 1879. Пятница.

Воздвижение

Утром зашел познакомиться Афонский иеромонах, о. Арсений. Что за добрый и благожелательный человек! Был на поздней обедне в Соборе; певчие пели превосходно. Выходя из Собора, случайно познакомился с Иваном Петров. [Петровичем] Корниловым, Почетным Опекуном, членом Совета Министерства народного просвещения, который очень заинтересовался Миссией и тут же пригласил к себе на обед в 5 час., сказав, что у него будет брат, член Государст. Совета.

После обеда заехал к о. Феодору, чтобы взять экземпляры рапорта, один из которых обещался доставить Корнилову; от него был у графа Путятина, которого со всем семейством не оказалось в Петербурге, – у графини М. Вл. Орловой-Давыдовой, которой тоже не оказалось в Петербурге, наконец, у Ламберт – графини Елис. Егоров. [Елисаветы Егоровны]. Безукоризненно добрая женщина! Как я был неправ пред о. Владимиром, не доверяя его рассказам о добрых людях Петербурга. Заржавели мои убеждения о людях! Нужно будет покаяться пред о. Владимиром, который своею молодою душою принимал впечатления так, как они есть, – в добре прямо видел добро, без всяких экивоков и вычуров, которые мы, люди пожилые, любим величать опытностью, состоящею иной раз ни более ни менее, как в грязных, запылившихся очках.

Графиня Ламберт, еще не выходя ко мне, уже припрятала в кармане 500 руб., которые в течение разговора и передала – на книги для Миссии, упомянув, что на храм 1000 руб. она отвезла Высокопр. Исидору, прося его заняться дальнейшим сбором, а еще 500 руб. пожертвует на женское училище. Видел и мужа ее, больного генерала. В 7-м часу прибыл к Корнилову, намеренно опоздав к обеду, так как голова болела, и я же не обещался безусловно прибыть к обеду. Весьма любезно приняли и с глубоким интересом слушали о Миссии. Брат, Феодор Петрович

Корнилов, дал адрес и просил быть у него также. Здесь же был Петр Андреевич Гильтебрандт, редактор «Древней и Новой России», обещал помочь статьею и заказал написать о политической важности Миссии в Японии – для ноябрьской книжки. Встретился еще здесь с моряком Скворцовым, бывшим флаг-офицером адмирала Штакельберга. Все сочувственно относятся и все молвят истинно теплое слово в пользу Миссии.

15 сентября 1879. Суббота

Утром был у Преосвященных Викариев Варлаама и Гермогена; первый очень расположен к Миссии; обещался и еще пожертвовать икон. Познакомился с цензорами-архимандритами: Сергием – очень добрым человеком, Арсением – довольно сердитым, и был у Геласия – моего старого знакомого, все еще живущего цензором.

Возвратясь в комнату, застал у себя сестру М. Ал. Черкасовой, ту, что за новгородским помещиком; успокоил ее касательно Марьи Алек. и просил успокоить другую сестру, что за доктором.

В 11 часов был на Акафисте в Крестовой. Чудно пели! В Церкви столкнулся с Архим. [Архимандритом] Мемноном, очередным, – бывшим наставником в Смол. [Смоленской] Семинарии.

После обеда поехал в Новодевичий монастырь; по дороге туда заехал к Як. Апол. [Якову Аполлоновичу] Гильтебрандту; семейство его, – мать, сестра и брат – студент медицины, приняли как родного; хотели даже отложить положенное завтра отправление в Крым. Не застав Якова Апол., обещался приехать еще после всенощной.

В Новодевичьем монастыре приняли совершенно по-родственному. Когда я стал рассказывать об о. Владимире, матушка Евстолия позвала Аполлонию, Агнию и Феофанию, и все слушали с материнскими улыбками о подвигах в Японии их любимца. Матушка Агния тут же сказала, что они уже заказали 10 холстов для икон в храм, предпринимаемый к постройке о. Владимиром; «только подивились мы дешевизне материалов в Японии: будет храм такой же, как наш Собор, а стоить будет всего 60 тысяч; а наш Собор стоит 350 тысяч; но мы холсты заказали такой же величины, как у нас иконы в нижнем ярусе». Я сказал, что храм за 60 тысяч едва ли можно построить такой, как Собор, что материалы и в Японии не очень дешевы; но что иконы пусть они пишут, согласно уже принятому решению и просьбе о. Владимира, что если эти иконы не будут по размерам годны для предпринимаемого храма, то они будут 12-ю запрестольным» иконами для 12-ти других храмов. Но матушки ответили, что им хотелось бы, чтобы их иконы были именно в

этом храме, и потому две иконы, холсты для которых завтра принесут, они напишут, заготовление же других холстов остановят до времени, когда определены будут размеры храма. Кстати, во время разговора пришел их архитектор Александр Ив. [Иванович] Поликарпов, с которым они и познакомили меня. Он обещался поговорить со мною о храме и дать много других храмовых планов или указать место, где добыть их. Матушки направили меня также к благотворителю Григ. Мих. [Григорию Михайловичу] Петрову, у которого и нужно побыть во вторник к 8-ми ч. утра.

Заехал к о. Феодору за экземп. рапорта еще, потому что, действительно, как говорил о. Владимир, об Японской Миссии нигде и никто ничего не знают, и нужно всем подробно рассказывать; я вернулся к себе и застал здесь человека от графини Ламберт с письмом, в котором выражается вся ее удивительнейшая доброта: во-первых, она принимает все меры, чтобы дать мне доступ к Императрице [12], которой, к несчастью, нет в Петербурге теперь; во-вторых, прислала еще 500 руб. на женское училище. Что за люди есть! Как освежается душа таким теплым участием других к любимому делу! И как хорошо, что я приехал сюда! Заржавел бы и закостенел бы в недоверчивости к людям и подозрительности! Здесь стряхнется это пыльное бремя, воскреснет юношеская вера в людей, и с удвоенными силами хорошо будет вновь приняться за дело. Чувствую, что я приеду в Японию другим человеком, не тем – кисло-жестоким. каким выехал.

В 9-м часу, устроив с помощью о. Моисея, чтобы ворота в Лавру не были затворены после 10-ти часов, я отправился к Гильтебрандту и в дружеском семействе хорошо провел вечер. Лег спать около 2-х часов.

16 сентября 1879. Воскресенье

Чтобы написать статью, положил вставать, как и в Японии, в 3 часа: Андрей и разбудил; но такое полусонное состояние было, что спустя час опять лег. Побыл за ранней обедней в Крестовой. Служил сам Владыка Исидор. Пели, конечно, превосходно. После обедни отправились с Афонским о. Арсением к В. И. Сушкину. Славный старец, и по лицу – точно праведник, – редко можно видеть такое светлое, тихое, доброе лицо. Пообедали. К сожалению, я скоро должен был уехать, так как хотелось побыть в Академии на магистерском диспуте М. Чельцова, на который еще вчера нашел приглашение на столе и который имел начаться в час. Вернувшись к себе на минуту, был задержан вошедшим Ив. П. [Иваном Петровичем] Корниловым, который привел с собою еще генерала (в звездах) Ив. Феод. [Ивана Феодоровича] Золотарева; они зашли от

Митрополита. Золотарев – горячий старик; слушая о порядках Японии, вдруг схватил меня за руку и воскликнул: «Батюшка, нельзя ли оттуда прислать человека к нам – поучить нас!» Удивительное недовольство у всех текущим порядком вещей! Революция, или – важные государств. [государственные] перемены, – в воздухе. Золотарев звал также к себе.

На диспуте приятно было вновь увидеть старых учителей, актовую залу, послушать умную речь Кояловича. взглянуть на молодежь. Защищался магистрант очень плохо; впрочем, провозгласили магистром. Выходя, у крыльца встретился с графом Путятиным. Встретился точно с отцом родным. Граф зашел ко мне, обещал все содействие; но у него на руках теперь еще дело об Иерусалимской Миссии. Что за возмутительное! Хотят закрыть духовную Миссию, – чем в корень было бы подрезано все православие в Палестине. Авось, граф отстоит ее. Звал к себе в Гатчину; обещался приехать в четверг.

Еще когда граф сидел у меня, пришел барон Ф. Р. Остен-Сакен; тоже принимает горячее участие в Миссии, выражается, что это дело мировое. Дал мне благую мысль прямо обратиться к Министру Финансов Грейгу; кажется, так и сделаю, приготовив записку. Зашел к эконому Лавры, который очень любезно обещал, когда я буду опаздывать из города, свободный пропуск в ворота Лавры, – а также предложил пользоваться монастырской лошадью и экипажем для выезда в город, что будет значительным пожертвованием для Миссии, так как расход на извозчиков огромный. Гулял в Митрополичьем саду, о чем мечтал еще в Японии, так как не знаю более поэтического места для прогулок.

17 сентября 1879. Понедельник

Утром, в лаврской пролетке, отправился на Васил. [Васильевский] остров, к М. Ф. Цивилькову; чрезвычайно приятно было увидеться с старыми Хакодатскими друзьями. Взяв от него сведения, когда и с кем увидеться в Министерстве ин. [иностранных] дел, заехал к Ив. Ив. Демкину и, не застав его дома, нашел записку с адресами; по указанию записки отправился к Ив. Ив. Суздальцеву. Что за милое семейство! Обласкали точно родного и оставили завтракать, после чего отправился на квартиру к Мих. Ник. [Михаилу Николаевичу] Никонову поблагодарить его за выдачу мне курьерских из Японии, – болен он; я оставил карточку. Отсюда заехал в Азиатский департамент и явился Вице-директору Мельникову, он представлен Управляющим за министра Жомини; отсюда поднялся в Департамент личного состава и увидался с Алферьевым, который доложил обо мне Гамбургеру и ввел к нему; повидался с Крушевским; сделал визит барону Остен-Сакену, директору Депар.

[Департамента] внутренних сношений. Все принимают дело Миссии очень сочувственно, особенно Мельников и барон О. Сакен; только все говорят, что деньгами Министерство помочь не может, а нужно просить из Государств. казначейства, причем барон Сакен выражается, что «деньги должны найтись – миллионы тратятся на пустое, а на это дело „мировое” (как он выражается), как не найтись!» Гамбургер настаивал, «чтобы рельефно представлена была польза от связи с Японией; тогда Государст. Совет не постоит».

Виделся еще в Азиат. депар. [Азиатском департаменте] с генер. [генералом] Воеводским; как же он постарел! Совершенный кощей! А в Департ. личного состава со священником Образцовым из Стокгольма, женатым на дочери бывшего кафедр. [кафедрального] протоиерея Смол. [Смольного] Жданова. Из Министерства заехал к графине Ламберт поблагодарить за пожертвование; застал у нее жену Товарища Министра Внутр. Дел Мартынова, с которой графиня и познакомила меня; обе с интересом слушали об Японии. Графиня сказала, чтобы я, в видах пользы для дела, побыл у Мартынова, и указала время – утром. Говорила еще, что получила письмо от Черкасовой, в котором ни слова обо мне, из чего графиня заключила, что она не спокойна и имеет нечто против меня (хотя графиня, выражаясь весьма мягко, не сказала именно так).

Вернувшись в Лавру, познакомился с соседом, Архиманд. [Архимандритом] Арсением, настоятелем Новоезерского монастыря Новгородской губ. [губернии], живущим здесь по тяжебному делу, – так как от монастыря мошенническим образом отняты три озера. Рассказывал он много об упадке нравов нынешнего времени. В 8 часов отправился к товарищу по Академии, очередному архимандриту Анастасию. Запросто и весьма приятно провели вечер во взаимных рассказах. Из него вышел замечательный проповедник, к сожалению, весьма мало пишущий. От него вызывали к цензору Иосифу, у которого сидел и хотел меня видеть Пермский протоиерей о. Евгений Попов, трудившийся тоже по миссионерству между местными язычниками; он писал раз ко мне в Японию; очень хочет иметь Японскую Библию для подарка кому-то. Я обещался прислать, когда будет ехать сюда о. Анатолий, наши переводные христианские книги.

18 сентября 1879. Вторник

Утром пришел какой-то преуморительный и замечательный в своем роде субъект – Лазарев, предпринимающий устроение Лавры на Елеонской горе, будто бы с благословения Иерусалимского Патриарха Иерофея. Враль, каких я не видел доселе. Он и поэт – читал стихи свои, и

музыкант «чудотворных» пьес, и издатель икон и картин, которые, однако, в Мюнхене, и друг Императоров; Наполеон III предлагал ему жениться на своей родственнице – Богарне, но он отказался. И при всем том, может быть и вредным человеком; об Антонине – почтеннейшем и добродетельнейшем, говорит мерзопакостно; о Митрополите выражается неучтиво; а невежество всему наглому готово верить; и верит, – недаром у Лазарева багровое лицо, пить на что-нибудь нужно же, – и все то кровь и пот русского невежественного народа. Прискорбно! Таких смердящих людей на каторгу бы или в сумасшедшие дома! А русский народ питает и поит водкой их до сизости. В 8 часов поехал к Григорию Никиф. [Никифоровичу] Петрову. Старец. Вот – Божий-то человек. Даст он на Миссию или не даст – праведна была его молодая жизнь, или порочна, но он – несомненно будущий житель рая. Застал Скорбященскую Божию Матерь в доме.

Молебен только что был кончен. Батюшка – Георгиевский, пожертвовавший снимки Богоматери для Миссии, сидел на диване и пил чай. Гр. Никиф. [Григорий Никифорович] тихо и скромно вышел и провел меня в гостиную, чтобы усадить за чай. Скоро стали отпускать икону. Видел весь процесс благочестия… Явился к Преосв. Палладию Рязанскому. члену Синода. Совет – поскорее принимать Епископство, не споря много о деньгах для нужд Миссии!.. Да и куда же вникать в дела Церкви, живя временно и имея обузу своих собственных епархиальных дел. Здесь же, у подъезда, я встретил мужичка-рязанца, пришедшего к Владыке; то дело, конечно, решит Владыка здраво. В доме Духовного Ведомства, на Литейной, явился: Н. И. Смирнову, причем смешно сконфузился камердинер, сказавший сначала, что его нет дома. – К. А. Вощинину, неподражаемо любезному, хотя, по словам Ф. Никол. [Федора Николаевича] – двоедушному, А. Гр. [Андрею Григорьевичу] Ильинскому, замечательно умному человеку, Ил. Ал. [Иллариону Алексеевичу] Чистовичу, принявшему чрезвычайно любезно, и В. Егор. [Владимиру Егоровичу] Расторгуеву с супругой – очень милым и добрым людям, бывшими любезными еще в прошлый мой приезд в С-Пбург. – Все – за дело Миссии всей душой; но денег нет. И правда: Ильинский ясно и просто рассказал мне, что из Св. Синода последнее отдали на Миссию: дальнейшее зависит от Госуд. казначейства. Смирнов и Ильинский пожелали иметь к приезду Обер-прокурора[13] краткую записку – с цифрами – что и на что. Чистович сказал приятное слово, что Толстой – человек с принципами, хотя и ошибается, доверяясь людям, которые раз овладели им. Ив. Ал-чу [Ивану Александровичу] Ненарокомову,

живущему в следующем доме, оставил карточку. После обеда был у генеральши Лукьянович. Она еще в имении и, вероятно, 6 недель не будет сюда, так как муж помер 14 сентября. Заехал к Ф. П. Корнилову – не застал дома. До 1 часу можно только застать его. Бажанова В. Б. [Василия Борисыча], члена Синода, тоже не застал дома – оставил карточку. Генерала Лошкарева застал за живописью; доктор и дочь были в мастерской; генерал болен. Что за оригинал! Прежде всего притащил Конфуция на китайском и стал читать из него. Потом разлился в любезных фразах, выразил готовность списать с меня портрет, – словом – умный человек, но артист, – живой и не совсем последовательный, хотя и старый. По пути к Ив. В. [Ивану Васильевичу] Рождественскому заехал к Ф. Н-чу [Федору Николаевичу], да и просидел у него часа три, после чего не оставалось ничего лучше сделать как вернуться домой. С Ф. Н-чем просто отдыхаешь и воскресаешь душой. И семейство у него такое милое!

19 сентября 1879. Среда

Утром, при выезде в город, встретился у подъезда с Конст. Иларионович. [Константином Илларионовичем] Платоновым, который шел ко мне. Зашел, поговорили, – звал к себе, только просил наперед предупредить, чтобы он мог позвать еще знакомых, – послушать об Японии. Нужно будет еще сделать предварительный визит; и не знал того, что он живет в том же доме Духов. [Духовного] Ведомства на Литейной, где вчера был. – Был у Сивохина – не застал, оставил карточку. У Демиса в конторе на Садовой, – просил на обед к себе часов около пяти. У товарища министра Внутр. Дел Мартынова; принял весьма любезно; жена подвела троих дочерей под благословение и ушла с ними, оставив нас говорить о деле. Мартынов обещал ходатайствовать о Миссии у Обер-прокурора, а также в Государст. Совете, если нужно будет. Заехал к Вере Ив. [Ивановне] Анненковой – не застал дома; можно застать утром часов до 11-ти.

К Скорбященской Бож. [Божьей] Матери, чтобы сделать визит Н. Н. Делицину. Застал его служащим обедню; по окончании обедни и молебна пошли к нему, и просидел я у него до 4-х часов; получил от него тетрадь архитектурных чертежей церквей; не нужно ли еще Новых Заветов, спрашивал он, но – не нужно в Миссию, – много прежде присланных; а он может доставать от кого-то из Общества распространения Свящ. Писания.

Был у Ив. Вас. [Ивана Васильевича] Рождественского; принял любезно; говорил, что постоянно хлопочет о Миссии и теперь рад помочь ей; но денег ни в Синоде, ни в Госуд. казначействе нет; запрещено даже из Госуд. казначейства просить на что-либо новое; но советовал хлопотать о

помощи из Лавр и монастырей; напр. в Петерб. Лавре обратиться прежде всего к наместнику[14], попросить его – конечно, Лавра может в год тысячи две давать; если наместник согласится, – тогда обратиться к Митрополиту, пот. ч. [потому что] Митрополит не знает хорошо денежного состояния Лавры; могут также помочь Троицко-Сергиева Лавра, Киевский[15] Юрьев монастырь, где 2 1*2 миллиона капитала, Воронежский Св. [Святого] Тихона монастырь. – Воронежский Епископ-де, будучи здесь, тратил 15 тысяч на одних певчих, – хотел удивить монастырь; на теперешнего министра Финансов – нельзя расчитывать – он не войдет в дело, – протестант, – хотя есть и протестанты, хлопочущие о Миссии, как К. Н. [Константин Николаевич] Посьет… Сделал визит Высокопр. [Высокопреосвященному] Аполлосу Вятскому. Старец – о Миссии ничего не знает, – говорит – недавно и сам в Петербурге; обещался поддержать в Синоде, если нужно будет; заговорил о бедности архиереев, о малости жалованья (он получает всего 900 руб., а в Петербурге за карету только в год нужно платить 1300 руб.) и проч.; весьма благодушный старец; долго бы слушал его тихую, кроткую речь, но нужно было спешить по предварительному обещанию к В. И. Сушкину, где уже застал о. наместника Лавры и о. Арсения Афонского. Вечер прошел в разговорах и угощении со стороны В. И. Был еще местный о. протоиерей.*

20 сентября 1879. Четверг

Согласно данному графу Е. В. [Евфимию Васильевичу] Путятину обещанию, утром отправился в Гатчину, но на утренний поезд запоздал; совершенно как с Чичиковым [16]; «не запоздай», – говорил я кучеру лаврскому; «не запоздаю, как можно», – отвечал он и не тревожил свою жирную лошадь; приехали на Варшавскую, при нас машина свистнула; «вишь ты, запоздали», – хладнокровно заметил Семен; приехали на Балтийскую, – «запоздали», – протянул он опять, – и повернул назад. Возвратившись, встретил несчастную какую-то у дверей; Боже, что за бедность и голь на Руси! «Семь раз на день ломает"… В ожидании послеобеденного поезда пошел разменять 96 английских фунтов, бывших у меня из Японии из курьерских. В одном месте давали 9 р. 20 к. за фунт, в другом 9 р. 35 к., в третьем 9 р., в четвертом, в банке, 9 р. 40 к. Здесь я и разменял. Заказал еще сто визитных карточек.

В час тридцать пополудни отправился в Гатчину. Граф и Ол. [Ольга] Евфимовна встретили на станции; остальное семейство на полдороге к дворцу, где живет граф. Что за милое семейство! Полтора дня прожил точно у родных. К несчастью, все время был болен простудою. Что за парк в Гатчине! Гуляли, но сыро и холодно было, и ломало меня так, что едва

терпел.

21 сентября 1879. Пятница

К 5-часовому поезду граф и Ольга Евф. [Евфимовна] опять до вокзала проводили меня. В Петербурге должен был зайти с железной дороги к В. И. Бахштейну, случайно встреченному при отправлении в Гатчину, в качестве кассира 1-го класса на вокзале; но не мог – спешил домой, чтобы сходить в баню, напиться малины и лечь в постель.

22 сентября 1879. Суббота

Баня и малина – чудесное лекарство. Проспал ночь без бреду и встал без головной боли. Только слабость. Написал письмо в Японию и приготовил к отсылке деньги по адресам о. Владимира. Но, кажется, нужно будет просидеть дома целый день, чтобы завтра быть здоровым. Ребятишки пред окнами шумят и резвятся, что напоминает Миссию: только ребятишки больше белоголовые, и мелюзга же такая, что заметил некоторых играющих еще в лошадок (час дня).

Всенощная, без звону, с Воздвиженья бывает в Духовской Церкви; отстоял там; митрополичьи певчие хуже, чем прежде были; басы довольно плохи; впрочем, когда весь хор поет, сильны. После всенощной позвал к себе о. Моисей слушать игру на фисгармонике и пение о. Вениамина, иеродиакона, регента хора монахов; артист; но Моисей мешал слушать болтовней.

23 сентября 1879. Воскресенье

Утром, когда писал статью для «Др. и Нов. Рос.» [Древняя и Новая Россия], помешала Ставиская Ан. Алекс., пришедшая с поручением от мат. [матушки] Евстолии – звать в монастырь посоветоваться касательно икон. Ставиская звала и в свой институт – посмотреть; была вместе с племянницей Катей – воспитанницей института, рожденной на Амуре в Хабаровске. После поздней обедни в Соборе зашел ко мне гимназист Сергей Соколов, жертвователь. Пообедали вместе. Приходил о. Арсений Афонский – принес несколько адресов благотворителей и советовал ездить с книжкой и тотчас же просить пожертвований.

Отправился в Новодевичий монастырь в два часа и там провел все время до половины 8-го. Слушали о Миссии. Что за добрые матушки! Обещали написать иконостас и для училищной Церкви в Миссийском доме, лишь только испрошу на то благословение Владыки Исидора. Остальное время до 10-ти вечера провел у гр. Путятина, где сначала застал только Ольгу Евфимовну. Как она желает служить в Миссии и как полезна она была бы, если бы Господь исполнил ее желание; но больная она чахоткой; кашляет очень нехорошо; впрочем, теперь лучше ей.

24 сентября 1879. Понедельник

Сдал письма на почту: денежные о. Владимира в Константиноград 75 р. и в Казань 100, и в Японию. В почтамте долго приходится ждать, пока дойдет очередь сдачи. А русский народ что за адресы пишет! И мне пришлось одному ярославцу переписать адрес, пот. [потому] что у него там ни слова нельзя было разобрать. Часов до 7-ми вечера потом провел время у Ив. Ив. [Ивана Ивановича] Демкина. Был с ним в Церкви на вечерни; понравились очень маленькие приделы – с одною дверью – северною в обоих. В Японии в маленьких Церквах нужно будет подражать; и иконостас занимает весьма мало места:

цар. вр. [царские врата]

дверь иконы

Показывал он потом свою богадельню: старушки и дети, бывшие бесприютными, живут совершенно счастливо; дети ходят в училище. На втором этаже дешевые квартиры: за 2 1*2 руб. в месяц две жилицы вместе имеют просторную теплую комнату. В кухни проведена вода. Со временем и 2-й этаж имеется в виду отдать бесплатно – бесприютным. Совершенно в духе первых времен христианства: церковь призирает своих вдов и сирот. В подражание Благовещенской богадельне теперь во всех петербургских Церквах заводят такие же. Замечателен великолепный образ святит. [святителя] Тихона в богадельне: когда Ив. Ив. Демкин был очень болен ревматизмом, один прихожанин дал обет построить этот образ и киот, если он выздоровеет. Вот так любят дети духовные своего пастыря и молятся о нем! Началась богадельня постройкой – почти без денег; главный возбудитель и осуществитель доброго приходского дела о. Иоанн Демкин. Образцовый пастырь он: вечно – по требам и церковным делам: и всякого приходящего звать его на дело – встречает с такою любовью, каким бы делом ни занят был, или как бы ни был уставши в то время: «кого Бог дал там?» или: «а вот Господь и еще посылает дело», только и слышатся его слова. Побольше бы таких пастырей! Оттуда заехал к Ф. Н. [Федору Николаевичу] Быстрову; взял сборную книжку; испрошу благословение Владыки с нею ездить по гостям; или, быть может, он разрешит сделать другую маленькую книжку для сбора на храм и женское училище. Отдал ему пока на сохранение 925 р., что М. А. Черкасова привезла сборных в Японию и 1000 р., что от гр. Ламберт. – Опять очень возбудилась мысль иметь иконы для нашей церкви в Миссийском доме – византийского стиля. Отыщу академика Солнцева и посоветуюсь с ним: если в Петербурге могут хорошо написать, непременно закажу, хоть бы и дорого взяли: в итальянском же – будут –*

в большом храме, – напишут в Новодевичей обители.

25 сентября 1879. Вторник

Утром было скучно и грустно. Не мог писать статью. Тревожит все время мысль о сущности дела, о постоянной сумме на Миссию. Раздумавшись, написал следующую схему для представления или показывания кому следует в виде memorandum'а.

Для Духовной Миссии в Японии необходимы:

Епископ

7 миссионеров

3 певчих и вместе учителей пения в Семинарии и катихиз. [катехизаторское] училище и помощников преподавателя в Семинарии.

Иконописец и вместе учитель иконописи и храмовой архитектор

2 диакониссы.

Имеются на лицо:

4 миссионера, с содержанием их

1 певчий и регент миссийского хора, без содержания

1 диаконисса, без содержания.

Нужны вновь: Рубли серебряною монетою

Епископ, с содержанием каждому 3695

3 миссионера, с содержанием каждому 2000 руб., всем 6000

Содержание нынешнему регенту хора 1500

2 певчих, с содержанием каждому 1200 руб., обоим 2400

Содержание для нынешней диакониссы 1200, и другая диаконисса, с тем же содержанием, обеим 2400

Иконописец, с содержанием 2500

Итого 18 495

На нужды Миссии и Церкви, как изъяснено в моем рапорте Св. Синоду от 18-го текущего генваря 46 000

Всего 64 496 [sic]

Эту сумму предполагается добыть из следующих источников:

От Рижского викариатства 3695

Обещано

от Св. Синода, из капитульных 3000

от Миссионерского общества 23 800

из Государственного казначейства 26 000

от Александро-Невской Лавры 2000

от Троице-Сергиевой Лавры 2000

от Юрьевского Монастыря 2000

от Киево-Печерской Лавры 2000

Всего 64 495

Примеч. Больше сей суммы Миссия никогда не попросит никакой помощи ни от какого учреждения. Нужду в построении миссийского храма и женского училища рассчитывается удовлетворить добровольными пожертвованиями.

Вечером, согласно совету о. Протоиерея Ив. В. [Ивана Васильевича] Рождественского, пошел предварительно посоветоваться с о. Симеоном, наместником Алек. – Невской [Александро-Невской] Лавры, касательно возможности этой Лавры удовлетворить моей просьбе. Он нашел возможным, но предупреждал не говорить о том Митрополиту, обещаясь, если Митрополит спросит его потом, сказать, что можно дать 2 тысячи ежегодных от Лавры. От наместника отправился к гр. Путятину, так как обещался быть там попозднее, ко времени, когда он возвратится от всенощной. Показал расписание и графу. Он скептически отнесся, сказав, что не дадут, по его мнению, особенно в Миссионерском обществе.

26 сентября 1879. Среда.

В 8 часов утра пошел к Митрополиту. Усадил пить чай с собою. «Вот схема нужд Миссии», – «Что схема! Вы думаете, не хотят делать: не не хотят, а нет средств: в Синоде – нет, в Государст. казначействе не дадут"… И пошел, и пошел. Улучив минуту, я сказал, что просил бы, если возможно, от Лавры 2 тысячи ежегодно. «Я вам дам не от Лавры, а от кафедры эту сумму». Почтительнейше поблагодарил. Все равно, откуда бы ни шло, лишь бы было. «А от Юрьевского монастыря можно ли просить?» «Там все суммы распределены – что на что; впрочем, из остатков от статей, быть может, найдется». Не запретил съездить мне попросить от настоятеля. «Благословите поехать в Москву, просить помощи Миссион. Общества». – «А я думал, что уже вы там были; я и не знал, что вы здесь». – «Хотел было тотчас же ехать, да сотрудники остановили, сказав, что неловко, – приехав в Петербург, не явиться к благотворителям Миссии; визиты и задержали меня».

Так как нашел в комнате письмо гр. О. Е. [Ольги Евфимовны] Путятиной, писанное еще вчера утром, в котором она говорила, что узнает предварительно у К. Н. [Константина Николаевича] Посьета, когда можно быть у него, чтобы не сделать даром такого длинного конца к нему, так как он часто занят делами по Министерству до невозможности принять, – вчера же вечером я не сказал, что сегодня еду в Москву, ибо и ехать так внезапно сегодня только решился, то нужно было съездить к графу, чтобы предупредить О. Е-ну [Ольгу Евфимовну] осведомляться у Посьета. Не застал дома, – были еще у обедни (День Иоанна Богослова). На возвратном

пути купил небольшой саквояж, сапоги и пр. мелочь. Возвратясь и уложившись, опять поехал к гр. Путятину и, простившись, в 3 часа отправился в Москву. На вокзале встретился с Мордвиным, бывшим Секретарем Синода, служащим теперь по Министерству юстиции. Растолстел; звал к себе, – по Знаменской 8 Н [номер]. Соб. д. [Собственный дом].

В вагоне 2-го класса сидел в отделении с стариком вдвоем. Спать способно было. Старик угрюмый; разговорами и расспросами не мешал.

Москва

27 сентября 1879. Четверг

Остановившись в Москве, на Никольской ул. в Шереметьевских номерах, по совету моего соседа в Невской Лавре о. архим. [архимандрита] Арсения, я отправился к сотруднику Миссии о. Гавриилу Сретенскому. Принял по-родственному, он и сестра его. Но немножко многоглаголет. На слова его положиться – станешь на ходулях. «Вы теперь и то, и это в Москве"… Верно одно, что дело Миссии любезно всем, а «мы» теперь, как и всегда, – ровно ничего сами по себе, без Миссии; так нужно и смотреть и так бы и говорить ясно и просто. Отправился к Преосвящ. [Преосвященному] Амвросию; не застал дома. В 4 ч. поехал к Высокопр. [Высокопреосвященному] Макарию. Необычное время его приема; впрочем сказали, что доложат. Разговорился старый келейник Высокопр. Иннокентия – очень сокрушался о смерти его. Приятно было видеть преданность старого слуги. Высокопр. Макарий принял любезно; тотчас же согласился жертвовать от кафедры 2 тысячи в год, заметив лишь, чтобы инициатива шла не от него, «а если Высокопр. Исидор обещался, то и я обещаю». Значит, уважение – к старшим; добрый пример для желающих подражать. Касательно Лавры – Троицко-Сергиевской – сказал, что она теперь не в состоянии, так как сама, по случаю произведенных построек, в долгах теперь. Касательно же 23800 р. в год сказал, что он согласен; но, кстати, – завтра заседание Совета Мис. [Миссионерского] общества; он скажет, но настаивать не будет, чтобы не стеснить. Я предложил прийти на случай, если бы в Совете понадобились личные объяснения касательно Миссии, но он отклонил, сказав, что будут стесняться выражать свои мнения. Вечером опять был у Преосв. Амвросия. Принял с распростер, [распростертыми] объятиями: «ваши письма о нуждах Миссии за сердце хватают»: должно быть, разумел корреспонденцию с дороги. «Рады бы сделать все, что просите, да средств нет; в нынешнем году сбор меньше"… «Ваше пр-во [преосвященство]! Дайте в год 23800 – больше ни копейки не попросим: ведь все равно же,

почти столько уже жертвуете – за прошлый год переслали до 17 тысяч, – но помощь не определена: прибавьте еще несколько и определите твердо, чтобы нам знать, что мы имеем». «И расписку дадите, что больше не будете просить?» – «С удовольствием: и честное слово вдобавок даю, что исполню обещание, – больше беспокоить не буду; даже все, что будет поступать непосредственно в Мис. общество для Японской Миссии, пусть будет в числе 23800 р.». «Я с своей стороны согласен, но согласятся ли члены Совета, не знаю; побывайте у казначея Общества В. Дм. [Василия Дмитриевича] Аксенова, попросите его и скажите, что я согласен: а расписку к завтрему приготовьте». – заключил преосвященный, смеясь. Стали к нему сходиться для заседания члены Комитета по сокращению епархиал. [епархиальных] приходов. Представил всем; познакомил; заставил рассказывать о Миссии, чтобы заинтересовать их, попросил прочитать «Отче наш» по-японски. Тут же пришла ему мысль собрать общее миссионерское Собрание для того, чтобы выслушать рассказ об Яп. Церкви и утвердить смету на нужды Миссии. Когда пришло время Комитету начать свои совещания, Преосвященный сказал о том, и я откланялся.

Съездили с о. Гавриилом к Аксенову на дом, но не застали; зашли по соседству к зятю о. Гавр., но и его не было дома. Прождавши с полчаса возвращения Аксенова, вернулись по домам.

28 сентября 1879. Пятница

Утром отнес к Преосв. Амбросию, в Богоявленский монастырь, прошение в Сов. М. О. [Совет Миссионерского общества] с обязательством в нем не просить больше. Потом сделал визиты ко всем членам Совета. Андрей Ник. [Николаевич] Ферапонтов, которого нашел в его книжном магазине, на Никольской, благодушнейший муж; тотчас уверил, что все будет хорошо, что Аксенова он уломает, – он-де и сам служил казначеем Общества и знает, что средства найдутся; пошел вместе со мной к Аксенову, на Чижовском Подворье, здесь же, напротив Богоявл. Монастыря; но В. Дм-ча [Василия Дмитриевича] еще не было в его лавке. Отправился по другим членам Совета. Князь Ник. Петр. [Николай Петрович] Мещерский принял любезно, обещал содействие; даже об отношениях между католич. [католичеством], протест. [протестанством] и правосл. [православием] с принципиальной точки зрения судит очень правильно; удивило меня это в аристократе. Алекс. Мих. [Алексей Михайлович] Иванцов-Платонов принял просто, ласково и несколько излишне учтиво. Милый человек; жаль только, что с его большим авторским талантом … (Вышеозначенное, начиная с половины 25-го ч.,

писал в Москве, ночью на 22 октября).

Теперь сажусь продолжать на станции Чудово, на пути в Новгород и Юрьевский монастырь просить 2 тысячи, последние недостающие, так как Киевский Митрополит, от которого я только что еду, дал 2 тысячи. Запустил дневник, а между тем хотелось обозначать каждый день в кратких чертах, чтобы после – в Японии, когда взгрустнется и захочется в Россию, при взгляде на дневник останавливалось прихотливое хотение. «Хорошо только там, где нас нет». В Японии хочется в Россию, а в России прожил ли хоть один день, чтобы не хотелось в Японию! Где счастье? Нет его на земле; везде, где бы ни быть в данную минуту, полного спокойствия и счастья никогда не испытываешь; всегда стремишься к чему-то вперед, жаждешь перемены; а придет перемена, видишь, что не того ждалось, и возвращаешься помыслами к прежнему. В России – лучшие из лучших минут, это, конечно, часы, проводимые мною у Ф. Н. [Федора Николаевича] Быстрова. Маленький земной рай это милое семейство, – и нет, кажется, – не видал лучше его на свете. Что за милый юноша этот вечно вдумчивый и серьезный Коля! Весь рой юношеских мечтаний и идеалов мне чудится на его лице. И благоуханною струею проносится пред воспрянутым духом свое собственное молодое время, – всегда – вдаль – вдаль: настоящее американское let go,[17] идеализированное и облеченное в лучшие, прозрачно тонкие, нежные формы человеческой жизни и деятельности. Чистый, девственный румянец лица, скромный взгляд, наклонность к музыке – все показывает в моем милом Коле – будущего честного деятеля, идеалами руководящегося. Дай Бог ему! И дай Бог родителям вечно радоваться на него. А милый игривый Миша, чистенький и красивый, как зайчик, что за прелестное дитя! Судя по взгляду и по физиономии его, из него выйдет еще лучший юноша, чем Коля. Этот, пожалуй, выйдет в жизни – или несколько слаб, или, наоборот, тяжеловат; Миша же – веселый, живой и быстрый, шуткой и юмором будет скрашивать неровности своей жизни и будет, даст Бог, идти твердо и честно к лучшим целям в жизни, – точно так же, как теперь твердо знает – какой у него урок и честно готовит его, – честно же не утаивает, если по географии двойку получит. Маленькая Людмила – точно хорошенькая куколка; никогда не забудется прелестная картина, достойная кисти даровитого художника, как она – с больными зубами – на коленях и на груди матери успокаивается и минуту спустя опять обращается в серьезно улыбающегося ангела. Ольга Петровна – лучшая из матерей, виденных мною на сем свете, и конечно – лучшая из супруг. Да и какая супруга не была бы ангелом при таком муже, как мой неподражаемый по доброте и

мягкости и вместе честности и твердости во всем добром Ф. [Федор] Николаевич! Дай Бог, чтобы многие-многие годы это семейство было счастливо и для себя, и на счастье и радость всем, кто имеет счастье близко видеть его! И в Японии я буду отдыхать душою, переносясь мысленно в этот маленький рай земной – на 3-м этаже Михайловского замка! Но все это к слову, а главное-то – относительно моей непоседливой и бесприютной души – расцветаю я душою и согреваюсь в этом милом семействе, – но что и в нем наполняет меня?

Та же вечная мысль об Японии и Миссии! Разогретый и расширенный душевно – я становлюсь лучше относительно Миссии: значит, и тут главное Миссия – и вечно, и везде – одна Миссия и Япония, и не скрыться мне от них, и не найти другого – лучшего на земле, другого счастья, кроме Миссии и Японии. Так о чем же я скучал в Японии? Чего искала душа? Не убежишь от того, что приросло к ней. – и счастье мое на земле, это – одно – хорошее течение дел по Миссии. Оно и правда! Не был ли я счастлив каждое утро в Японии, – счастливее даже, чем в семействе Ф. Н. [Федора Николаевича], – возвращаясь с класса Догматики в Катих. [Катихизаторской] школе? Душа тоже согрета и расширена, и хотелось бы говорить и говорить, хотелось бы поразить все зло, всю ложь, неправду, католицизм, протестантизм, все, что против Христа! Да. так, пожалуй, – для меня единое истинное счастье на земле! Дай же. Боже, мне поскорее вернуться туда и никогда уже не скучать там и не хотеть в Россию! При прочтении этих строк, когда какая досада или тоска станет одолевать в Японии, дай, Боже, всегда успокоиться и отрезвиться от недельной мысли искать счастья – хоть бы во временном отпуске в России. Боже, да какое же это счастье! Напротив, не несчастье ли? Дорогой тоска смертная: здесь вот до сих пор мечусь как угорелый из угла в угол, – ни покоя, ни отдыха: ласки и любезности – не прелесть, – я наслушался их и в Японии гораздо больше, чем могу слышать в России: свидание с родными – не особенно манит, – вероятно – увижусь – в два дня наскучит: с друзьями, – так вот и с лучшим когда увижусь – только и речи и мысли об Японии же. Э-эх, именно хорошо там, где нас нет! Правда, быть может, перемена мест и лиц много значит в экономии возобновления сил, т. е. отдыха. Но в таком случае можно отдыхать и в Японии, заменяя одно место другим и одни лица другими, т. е. путешествуя по Японии – по Церквам, или временно уходя в горы. Пусть же никогда, с этих пор – не заскучаю в Японии по России! Оно, пожалуй. не скучал и до сих пор: но множество пережитых неприятностей, необходимость выветрить из головы кое-какие лица и сиены, нужда материальная. недостаток служебного штата – все это

порядочно тянуло из Японии сюда. А здесь, дай, Господи, поскорее кончить дела и уехать в мой мирный уголок! Как все там родственно и мило душе! И как здесь все беспокойно и лишено истинного удовольствия! Устал уже здесь. Вот и теперь, 26 октября, пятница, – вечером в 5 с половиной часов остановившись в Чудове, чтобы ждать поезда, который только завтра в 4 часа утра пойдет в Новгород, – какая скука! Весь вечер глазел, как лакеи вокзала готовили все для гостей, – и вдруг – гости – никто ни одного блюда не спросили: пожимая плечами и переглядываясь, лакеи убрали обратно в задние карманы свои белые перчатки и убрали со стола: только буфетчик был в небольшом авантаже, – человек 7 вытянули по рюмке очищенной. Наконец все улеглись спать, кроме ночного дежурного; слышался только шум из зала 3-го класса – где много новгородцев, должно быть, ожидают завтрашнего поезда; я лег было на диван, любезно предложенный прислугой в зале; но, так как спать не хотелось, принужден был встать и вот теперь пишу сие, под говор – и взаимное угощение служащих при дороге, поместившихся у буфета. При всем том нужно, по возможности, восстановить дневник, по дням, припоминая недавно прошедшее. 10 часов вечера 26 окт. спать все не хочется; железнодорожники, выпивая, громко толкуют о своих служебных и всяких других обстоятельствах; съел порцию судака, выпил стакан чаю. Скучно однако. Голова от езды точно деревянная; из Москвы – в понедельник 22 окт. – в 12 с половиной часов; теперь пятница, ночь; в Киеве пробыл с 7-ми часов вечера 23-го окт. до 11-ти 24-го – все прочее время в вагоне: все дорога. вечно дорога! И вся жизнь наша – одна беспрерывная дорога. Скучно! Скоро ль из сей жизни на покой? Часто приходит в голову мысль эта. Быть может – предвестие близкой смерти. Что ж. в тот момент, когда я умру, двое родятся на свет – рождений больше ведь, чем смертей, – о чем же думать? Мысли не стоит: колесо жизни вертится, – мы теперь еще на нем, а завтра, быть может, – под ним, и раздавлены будем, – общий удел всего живущего – материального. Что-то с душой будет? О-ох! Да пусть и ее – гибнет, лишь бы Япония сделалась православною. Надоело писать. Попробую спать. Остановился выше на А. Мих. [Александре Михайловиче] Иванцове. Да, так жаль, что при его большом авторском таланте он несколько ленив писать. «О католичестве третью книгу написали ли?» – «Нет, как уяснишь себе предмет, так и скучно станет писать, – вот и теперь – о ересях – продолжать скучно, потому что предмет для самого себя уяснен». Обещал дать продолжение о католичестве в рукописи. – О. Николай Лавров, сотрудник Алтайской Миссии, прототип и наших сотрудников, принял отечески ласково,

обрадовался, стал угощать рябиновкой, пожертвовал иконы. Старенек и слабенек уж. Спасенный человек! – Протоиерей Ив. Ник. [Иван Николаевич] Рождественский, тоже старец, обещал и от себя содействие. – Кончив визиты к членам Совета, побыл у О. П. Тюляева, но не застал дома; говорят, все разъезжает по монастырям и ездит, точно Иоанн Калита, с мешком денег для нищих. – С Ферапонтовым опять зашли к Аксенову, в лавку; порядочно поломался старик, пока обещал, что не станет возражать против ассигновки. – Вечер провели вместе с о. Гавр. [Гавриилом] Сретенским у о. Гавриила Вениаминова, куда едва добрались в темноте чрез бесконечное Девичье поле. Вспоминали про Владыку Иннокентия, незабвенного благотворителя и благожелателя Японской Миссии. Угощали закуской; исподтишка я наблюдал за маневрами доброй и кроткой Катер. [Катерины] Ивановны – чтобы не дать Гавриилу Ивановичу напиться; немножко поставила в графине водочки – и ту скоро же унесла; поставила и мадеры, но и ее скоро убрали.

29 сентября 1879. Суббота

Положительно, скука и пустота здесь, в России. Встал теперь ночью с 30 на 31-е октября, чтобы продолжать дневник; не пишется. Вспомнился мотив одной песенки Я. Д. [Якова Дмитриевича]. Пахнуло Японией: там мои привязанности, там моя работа: и теперь встал в 3 часа – бессознательно природа будит на дело в Японии, а какое дело здесь? Одно в настоящую минуту – лечь опять и заснуть.

С.-Петербург

28 октября 1879. Воскресенье

Ночью с субботы на воскресенье прибыл в Петербург. Поезд запоздал. Вечером в вагоне – черкес с рассказами об обвалах на Кавказе; грубость выпившего железнодорожника. Андрей рассказал, между прочим, что были два раза из Новодевичьего монастыря. На столе нашел, в числе других записку К. П. [Константина Петровича] Победоносцева о С. [Сергее] Рачинском.

В воскресенье к обедне отправился в Новодевичий монастырь. Жаль, что не был извещен об имеющемся на этот день диспуте на Магистра в Д. [Духовной] Академии – Болотова. Из монастыря заехал к Путятину.

29 октября 1879. Понедельник

Утром – у А. Гр. [Андрея Григорьевича] Ильинского. К Министру финансов послано официально от Обер-прокурора о необ… [продолжения записи не сохранилось.]

12 ноября 1879. Понедельник

Ночевал в Петергофе, у П. А. Благовещенского, в бывшем кабинете Н.

А. Булгакова, ныне комнате его дочери Анны, воспитывающейся в Смольном. Утром П. А., несмотря на то, что вчера проговорили до 4-го часа ночи, озаботился встать раньше меня, чтобы напоить меня чаем; говорил, что дочь – маленькая Варя (9-ти лет), ночью в 5-м часу, пробудившись, спрашивала про меня, – боялась, чтобы я не уехал – без свидания с ней. Но утром проспала, и уехал я не видавшись с ней. Милая идиллия! Отец и мать – Елена Павловна – такие добрые и радушные; детки – вчерашние – Булгаков Коля и Сережа Благовещенский, рукоплескавшие, когда услышали, что я приехал в Петербург, и так неохотно вчера уехавшие в гимназию. – Сережа – все отговорки представлял, чтобы остаться дома, хотя и безуспешно, и поминутно карабкался на диван, чтобы взглянуть на часы и сказать «еще рано», – что за милое семейство! Бог наградит их за их доброту и чисто родственное радушие!

Что за добрые люди в России, и так хотелось бы. чтобы они вечно-вечно были счастливы! Но – мимо светлые явления мирных, тихих уголков! Не для нас они. – бесприютным путникам жизни нельзя долго останавливаться в теплых номерах гостиницы, – расплачиваться нечем будет.

Заехал с железной дороги к А. Гр. [Андрею Григорьевичу] Ильинскому – не мог видеться, – отправлял мать на московскую чугунку. Дома застал письмо от Ив. Ив. [Ивана Ивановича] Демкина, – ответил по городской почте, что буду завтра у Суздальцевых, и карточку Я. А. [Якова Аполлоновича] Гильтебрандта с устным, чрез Андрея, наказом – известить, когда буду дома; написал, что в среду до 4-х часов; хворал потом – расстройством желудка; что за притча – не знаю; неделя уже, как желудок страшно расстроен; неудобно для подвижной жизни.

В 5-м часу, согласно предварительному обещанию, отправился к В. Я. [Василию Яковлевичу] Михайловскому, протоиерею Спасо-Бочаринской Церкви на Выборгской. В первый раз вечером проезжал Литейным мостом. Электрическое освещение – великолепно. Но на мосту – страшная давка; должно быть, скоро найдут нужду построить еще мост. У В. Я. [Василия Яковлевича] – видно, что к обеду готовились; не может быть, чтобы ежедневно у него была такая роскошь, – рябчики, вина и проч. – на славу. За столом познакомился с дочерьми – Олей и Аней, – которых видел когда-то маленькими девочками, – теперь почти невестами – старшая живая и веселая, младшая тихая и задумчивая, без улыбки; обе гимназистки, знатоки языков – немецкого – от матери-немки, французского и даже английского. После обеда они тотчас же ушли заниматься с пришедшей учительницей. Мы с В. Я. – в кабинете получили

послание от неких Морозовых – девиц со вложением 100 руб. на Японскую Миссию. Решили – справить на них утварь, с надписью жертвовательниц. Во время письменного ответа о сем пришел какой-то богач, которого В. Я. предварительно зазвал для знакомства со мной, потом староста его Церкви. Я вышел в крестах по совету В. Я., и целый вечер проговорили о Японской Церкви. Богач расспрашивал весьма разумно. На прощание сказал – «посмотрим»; мы с В. Я. заключили, что бы стоило такому человеку – одному – взять на себя построение храма или женского училища. В. Я., между прочим, рассказывал, какую проповедь он вчера сказал на ранней и поздней обедне, – оба раза об Японской Миссии. Порядок проповеди – точь-в-точь, как в Миссии. Сторож выносит ему епитрахиль и камилавку, а он еще не знает, о чем будет говорить. Крестится и выходит, а народ придвигается к амвону. Мелькает мысль об Японии, и он начинает: «Спаситель молился, чтобы все было едино, – и послал на проповедь: тогда было малое стадо, но – Слово Спасителя разрастается в дело"… Плач ребенка заставил его остановиться, и он позвал сторожа, чтобы отвести бабу в паперть, до времени причастия. Заговорил потом об Яп. Миссии – и результатом проповеди было – тотчас же после нее – сбор 60 руб.; потом старуха принесла собранных 60 руб.; потом еще старушка из богадельни принесла собранных по койкам в богадельне 6 руб. – В числе собранных – огородник-мужик, отправляясь домой, занес В. Я-чу рубль на Миссию; а инвалид-артиллерист принес 1 рубль и попросил прочитать письмо, писанное когда-то Виссарионом Авано – (преплохое письмо). Еще сегодня – 100 руб., от Морозовых – итого 226 руб. – Боже, что за добрые христиане русские! Но не пробужден дух сочувствия Миссиям – не знают! Если бы так хоть половина священников русских поступила, как поступил В. Яковлевич, то, конечно, миллион собран был бы на Миссию, – и это без ущерба России, а, напротив, с пользою – для возбуждения религиозного чувства. Но не знают и священники, как именно возбуждать дух благочестия! Придет лучшее время, восстанут люди живого религиозного чувства, тогда не то будет, что теперь! Мы с того света порадуемся!

13 ноября 1879. Вторник

Утром пришел Д. Д. [Дмитрий Дмитриевич] Смирнов, чтобы в 10 часов отправиться вместе к ректору Академии Художеств. Федору Ив. Иордану, с которым возобновлено было знакомство 9-го ноября, в пятницу, в Новодевичьем монастыре, на именинах Игуменьи Евстолии, и который вместе с его супругой Варварой Александровной пригласил к себе в этот вторник, в 11 часов, обещаясь рекомендовать художника для

Японии. Идя заказывать монастырский экипаж, в коридоре столкнулся с Я. А. [Яковом Аполлоновичем] Гильтебрандтом и его братом, студентом Медицин. [Медицинской] Академии, Владимиром. Проболтали до половины 11-го, вспоминая Японию, причем Я. А. явил новый знак сочувствия к Миссии, рассказал, что возбудил участие к ней и в Ялте, куда ездил с сестрой, по случаю ее болезни, и рекомендовал писать туда к Софье Ив. [Ивановне] Зибер, содержательнице общественной библиотеки и читальни. У Иордана встретила супруга его, заявив, что Ф. Иван. [Федор Иванович] уже оделся и ожидает. Старик, работавший в то время над гравированием портрета В. К. [Великого Князя] Владимира Ал. [Александровича], принял задушевно-просто; бросил работу, повел в гостиную; рассказал, что нашел художника для Миссии, совершенно русского: Ив. Ив. [Ивана Ивановича] Творожникова; «творог! – Это совершенно по-русски! bon!». Варвара Ал. [Александровна] пригласила к чаю, под предлогом, что прозябли (было градусов 10 морозу); дочь их наделала тортинок из икры. Д. Д. отказался от чаю и заинтересовал В. Ал-ну. После чаю пошли осматривать Мозаичное заведение. Сам Иордан повел, представил художникам и рассказывал главное. Художники оставили свою работу и были весьма любезны: один рассказал в подробности у своей работы – бичевание Спасителя – весь процесс мозаичного производства. Все работы для Собора Св. Исаакия. Что за грандиозные произведения! Это – слава России! Нигде в свете нет лучшего мозаичного заведения! Наши мозаисты и на выставках и de facto – лучшие в мире! Поцелуй Иуды, Великие Князья Св. Михаил Тверской, Александр Невский, Св. Сергий, Св. Царица Александра, бывшая на Парижской выставке и получившая первую золотую медаль (были еще состязатели итальянцы, но далеко отстали), Св. Ев. Иоанн Богослов, – громаднейшая картина, с ангелами. – Св. Дмитрий Царевич, – все эти художественные создания и через тысячу лет будут свидетельствовать о высоте художественного таланта русских! – На втором этаже, где с лестницы любовались прелестью икон, лежащих внизу, видели под НН-рами [номерами] образчики мозаичных столбиков, которых числом по колерам до 20-ти тысяч, по словам Иордана; потом мелкое мозаичное производство – небольшая икона в 2 тысячи рублей, и художник – со странно глядящими глазами, п. ч. [потому что] на такой работе нельзя не испортить наконец зрение (и будущность бедных художников – ничем не обеспечена! При нас к Иордану приходила вдова мозаиста-художника, третий год уже хлопочущая о каком-нибудь пособии себе, – плакала, бедная! А Иордан: «забыли поместить в уставе о пенсии"…). Были, наконец, в химической

комнате, где по требованию художников тотчас же изготовляются столбики потребных цветов. Мне предложили указать цвет, какого приготовить столбик; я указал на синий, щепоть белого чего-то, ляписа, – у очага в две минуты смесь была растоплена, на вертеле смешана и по моему же желанию – вытянута в 4-угольную палочку, которая сейчас же была разделана на мелкие куски, завернута в бумажку и отдана на память. Чудо, как все приспособлено! – Когда были в химической, пришел Ив. Ив. Творожников; некогда было разговаривать и хорошо знакомиться здесь; но физиономия его с первого же раза мне понравилась. – На возвратном пути в комнаты Иордана заглянули в другие мозаичные комнаты, между прочим в парадную приемную, – где стол неизвестного происхождения, но великолепной мозаики, и произведения итальянской мозаичной школы по стенам. У Иордана опять был пирог и кофе. Явилась Mm Плетнева. В. А. Иордан заказала мне быть в понедельник у Гофмейстерины Бартеневой, чтобы посетить Вел. Княгиню Александру Петровну, которая лежит теперь в постели. Творожников был очень скромен; Смирнов возбуждал интерес, что не ест ничего мясного и рыбного; Иордан припоминал Буфеланда, рекомендующего то же. – От Иордана Творожников повел нас в Академию Художеств. Выставлены архитектурные проекты на тему: «инвалидный дом». Превосходные рисунки. Картины, русскую древнюю иконопись и статуи – видели мельком, пот. что было поздно. Прощаясь, условились, что Творожников придет ко мне в четверг утром – поговорить о службе в Миссии. Вернувшись домой, отправился опять тотчас же к Ив. Ив. Демкину, который настоял, чтобы я взял его шубу и бобровую шапку вместо драпу, им же прежде данного, и Суздальцевым, вместе с ним. Вечер прошел очень оживленно за обедом и после – разговором с Шарлоттой Алексеевной о намерении ее служить делу общественной благотворительности, а также воспоминаниями их всех о раненых воинах, лечившихся в госпитале, устроенном Шарл. Ал. [Шарлоттой Алексеевной] – в 10-й линии Васильевского острова. Альбом больных.

14 ноября 1879. Среда

Утром написал ответ В. Я. [Василию Яковлевичу] Михайловскому на вопрос о здоровье и брату Василию. Поехавши в город к П. А. [Петру Андреевичу] Гильтебрандту, видел город, иллюминированный флагами, так как сегодня день рождения Цесаревны.[18] С Гильтебр. к А. И. [Александру Ивановичу] Резанову, ректору в Академии Художеств по архитектуре. И он хорошо отозвался о Творожникове: «скромный-де, могущий писать в иконописном стиле», – порекомендовал и архитектора – для написания плана нашего храма, – у него же работающего молодого

человека; с архитектором условились, что он в пятницу утром придет ко мне с рисунками разных стилей. Затем Резанов прямо протянул руку и «до свидания». П. А. Гил. [ьтебрандт], как видно было, немало смущен был холодностью приема, так как прежде говорил о Резанове: «прекраснейший, милейший человек»; должно быть, старику просто некогда было возиться с нами. Заехали в редакцию «Древней и Новой России». Влад. Ив. [Владимир Иванович] Грацианский – был в воинственном азарте и уговаривал сотрудника – пискливого юношу – написать что-нибудь в воинственном роде, а не мирное, которое не будет подходить под тон нынешнего настроения общества. В воздухе пахнет войной. «Мы зарядим Номер"… По вчерашнему условию поехал к И. И. [Ивану Ивановичу] Демкину, чтобы сделать надписи на 12 экз. [экземплярах] рапорта – жертвователям на Миссию в его приходе. Оттуда – к Путятину, по приглашению запиской сегодня утром. После обеда съездил к Тертию Ив. [Ивановичу] Филиппову, – который говорил об уничтожении нашей Церкви и о том, что мы накануне разрыва со всеми Патриархами, – и только неистощимому миролюбию их мы обязаны тем, что еще не в разрыве. Вернувшись опять к Путятиным, виделся с Лид. Дмит. [Лидией Дмитриевной] Шевич, которой говорил о ее сыне, виденном в Нью-Йорке. Дама – лорнирующая подходящего к ней, Хеврон называющая горой, картинно разваливающаяся. Неудивительно, что один из ее сыновей стащил жену у Свербеева, другой теперь в Нью-Йорке- Пришел Титов с женой, желавшей говорить со мной, – служивший когда-то в Константинополе, ныне член Госуд. Совета. Условились в субботу в 9-м часу – опять быть у графа. Получив лекарство от Ол. Ефим. [Ольги Евфимовны] от болезни горла, ныне хриплого, д. б. [должно быть], потому что сегодня говорил на воздухе, когда ехал с Гильтебр. Ну уж и климат здесь!

15 ноября 1879. Четверг

Утром пришел студент Академии Устинский. изъявивший желание ехать в Японию: отказал ему, – непостоянен и странен. Пришел Творожников – сам отказался, под предлогом, что хочет ехать в Италию усовершенствоваться в живописи. В то время, когда он сидел, от Митрополита пришли звать. Послал к Варваре Петровне Базилевской: «Съездите; вчера я был у нее и обещал прислать; возьми те мою лошадь, кучер знает – где. А дело как?» «Я знаю чрез чиновника Министерства финансов, который сам подносил дело к подписи Министру, что оно вышло от Министра». «Да может быть это только о 3-х тысячах рублей. Съездите в Канцелярию Обер-прокурора, спросите там Ненарокомова или

Чистовича и справьтесь у них». Когда я шел к Митрополиту, встретил меня человек гр. Путятина, сказавший, что граф и графиня Ольга Евф. [Евфи-мовна] в Соборе на обедне и зовут меня после обедни в магазин Ракочего [?] смотреть иконы. Я отвечал, что иду к Митрополиту и не могу. По возвращении, когда говорил с сидевшими еще у меня Творожниковым и Смирновым, опять пришел лакей графа: «не можете ль через час». Пошел я в Собор и объяснил графу, что через час должен ехать к Базилевской по воле Митрополита, – а на обед вечером приду. Поехал к Базилевской. Простая старушка в чепце, угостила стерлядями – остатком вчерашней трапезы Митрополита. Расспрашивала о Японии вразброд, без толку и интересу. Когда услышал я «те», – «хорош ли народ-те японцы», – то начал и говорить по-простому, – «матушка-де В. П. [Варвара Петровна]». После чаю у нее стали слипаться глаза, и преловко отделалась от меня, – «а вы от меня куда?» Я встал и стал раскланиваться: «помогу чем можно, – поговорю ужо с Владыкой» – были ее слова на прощанье. – В Канцелярии Обер-прокурора Ненарокомов вышел и уверил, что дело вышло от Министра Финансов в желательном порядке, – «вы умеете ворожить»; «а 3695 р. тоже дал?». – «Это само собою, кроме 26 тыс.». Чиновники Канцелярии сказали еще, что из Министерства иностранных дел пришло извещение, что к поставлению Епископа в Японии не имеется никаких препятствий; «речь готовить нужно», слюбезничали чиновники. В 4 с половиною ч. отправился обедать к графу; в 7 часов – к Митрополиту.

«Видел Ненарокомова – говорит, что министр финансов дал 26 тыс., кроме 3-х».

«А написано ль там, что ежегодно?»

«Бумаги не видал, но, конечно, ежегодно – так и прошено было».

«То-то, конечно; а вы спросите бумагу и сами посмотрите, – тогда я поверю».

Когда зашла речь о Государст. Совете, то Митрополит стал пугать, что еще там могут не дать и что нужно попросить гр. Путятина походатайствовать в Департаменте экономии, чтобы не остановили. О Варваре Петровне [Базилевской] сказал, что она поможет, но «нельзя же на чужой карман очень нападать» (в ответ на мое замечание, что она сделает так, как В. В-во [Ваше Высокопреосвященство] посоветуете ей, так как она благоговеет перед Вами). Рассказал об Елисееве, что строит совсем ненужную Церковь на Охте, над гробом своего брата, тогда как лучше бы построить в Японии. Когда я сказал ему, что завтра придет архитектор из Академии Художеств говорить со мною о плане Церкви, он вытащил заранее приготовленный листок бумаги, с очерком базилики, и советовал

построить в таком роде; я попросил листок, чтобы завтра показать архитектору.

«А правда ли, что у вас там женская школа в таком дурном здании?»

"Правда".

«Детям холодно зимой?»

«Это еще ничего, что холодно, и хуже всего то. что здания могут рухнуть от ветра, и дети все будут передавлены». «Ну вот! Как же можно это допустить! У вас там 500 р. от графини Ламберт на женскую школу; я дам еще 500, отошлите скорей и напишите, чтобы наняли хороший дом для школы».

16 ноября 1879. Пятница

Утром сходил в баню; не успел осушиться, как пришел архитектор, рекомендованный Резановым. – Павел Иван. [Иванович] Реутов. Базилику Митрополита разбил; свой план византийского храма с куполом начертил весьма отчетливо, после некоторых расспросов у меня о местных условиях. Видно, что архитектор – делец; но за план назначил 600 р. (по проценту с 60 тысяч), – говорит, что месяца два придется проработать. Во время разговора с ним пришел Ф. Ник. [Федор Николаевич] Быстров. Вместе с ним пообедали монастырской трапезой. Часа в 2 пришел Евг. Кар. [Евгений Карпович] Бюцов. Приятно было вспомнить с ним прежнюю жизнь в Японии. И в Китай нужны миссионеры; я советовал Бюцову сходить к Митрополиту и попросить – молодых людей из Академии. Звал к себе, чтобы условиться о времени крещения его новорожденного сына, так как Елена Вас. [Васильевна] хочет, чтобы все ее дети были крещены восточными архимандритами – По уходе Бюцова часа в 4 пришел сосед о. архим. [архимандрит] Арсений; проболтал с ним – он все жалуется на обиды в суде монастырю, – и поздно стало идти в город куда-нибудь. Послал Андрея за солеными рыжиками, поужинал и лег спать.

17 ноября 1879. Суббота

Утром испугался, что опухоль под языком делается все больше и больше. Отправился к Ф. Ник. [Федору Николаевичу] Быстрову, чтобы спросить у него какого-нибудь доктора посмотреть. Пошли к доктору Замка; он успокоил, сказав, что просто «одна желёзка опухла», и прижег опухоль ляписом; за что я оставил ему 3 рубля. Просидел почти до вечера у Ф. Н., пот. ч. [потому что] надоело метаться целый день по городу, да и говорить больно было. На прощание Ольга Петровна дала ромашки – настоять и полоскать во рту. По возвращении, когда пил чай у соседа о. Арсения, во рту распухло еще больше и сделалось очень больно, так как кожа от прижигания сошла. Я испугался, что, пожалуй, если опухоль

продолжится – задушить может. Послал за лаврским фельдшером, между тем стал полоскать ромашкой, от которой тотчас же чувствовалось успокоение боли; а Андрея с записками отправил к гр. Путятину, что не могу быть у него сегодня вечером по болезни и чтобы он извинил меня перед Титовым, – и на Выборгскую ко. Михайловскому, что завтра утром не могу приехать в Церковь принять от прихожан пожертвование, и чтобы это отложено было до следующего воскресенья, – Фельдшер успокоил меня и прислал полоскание, которое, впрочем, не оказалось на ощущение так хорошо, как ромашка.

18 ноября 1879. Воскресенье

Опухоль железы значительно опала; но так как ухо было заложено и вообще чувствовалась простуда (в предупреждение которой вперед, я вчера, возвращаясь от Ф. Н. [Федора Николаевича], купил валенки и шерстяные кальсоны), то я положил целый день просидеть дома. В 9-м часу позвал Митрополит и вручил 500 р. на женскую школу; я захватил с собою рисунок плана Реутова; Митрополит рассказал много случаев, как купола и в России падали и давили людей; опять мои мысли значительно были поколеблены в пользу базилики; советовал Митрополит поговорить с его знакомым архитект. [архитектором] Щуруповым и велел спросить адрес в Секретарской. Вернувшись к себе, читал ноябрьскую кн. «Древней и Новой России». От обедни зашел гимназист Соколов с письмом от отца о физическом кабинете. Не успели мы с ним пообедать, как пришел Павел Алексеевич Черкасов, инспектор Академии Художеств, вследствие разговора с ним Ф. И. [Федора Ивановича] Иордана о том, что в Миссию требуется живописец. Черкасов пришел яснее узнать положение художника в Миссии и условия, на которых должен отправиться. Положение – образовать живописную школу, между тем заведывать заготовкой потребных иконостасов, для чего – под руководство его наняты будут из японских живописцев – копиисты. Условия – прогоны, подъемные – половина жалованья, жалование 2500 метал, [металлических] рублей, после 5 лет отпуск в Россию на 10 мес., причем прогоны и в виде награды полугодового оклада. – Когда Черкасов еще сидел, пришел товарищ по Семинарии К. С. Назаревский: он так постарел, что я едва признал его. Он остался после Черкасова и – немножко тягостно стало с ним: вспомнив товарищей и Семинарию, не о чем стало говорить с ним: между тем он рюмку за рюмкой пил очищенную, отказавшись прежде от портвейна. Вот от чего так постарел он! По уходе его, когда я грустный сидел один перед печкой, вспоминая Японию и сидение пред камельком (отправив предварительно Андрея с запиской к Бюцову, что по болезни не

могу быть сегодня у него), пришел гр. Путятин, которого послали ко мне графини Мария Вас. [Васильевна] и Ол. Евфим. [Ольга Евфимовна] звать, пока выздоровею, к ним. Я отказался, сказав, что, вероятно, завтра буду уже совсем здоров. Графини прислали корзину с виноградом, мармеладом и зеленым чаем.

19 ноября 1879. Понедельник

Встал совершенно здоровый, кроме небольшой опухоли железы. Напившись японского чая, что еще больше ободрило, напомнив Японию, отправился в город, в монастырских санках. Дорогой опустил в ящик письмо к Т. И. [Тертию Ивановичу] Филиппову, что завтра в 8 часов вечера мы с Смирновым будем у него; заехал в переплетную за рапортами, но еще не сброшюровали; к Андр. Григ. [Андрею Григорьевичу] Ильинскому спросить о деле; он показал бумагу к Обер-прокурору от Министра Финансов – весьма определенную, что даются 26 тыс. метал, [металлическими] рублями вдобавок к 3695 р., показал и как он разграничил расходы на Миссию – гораздо лучше, чем у меня в записке было. Просил еще я его выдать находящиеся в Хозяйст. упр. 1500 р. жертвованных на Миссию, для отсылки их в Японию. Сказал, чтобы я завтра после 2-х часов заехал в Хозяйств, управление за ними.

Заехал к Ф. Н. [Федору Николаевичу] Быстрову, чтобы взять у него несколько рапортов, а также сказать об отсылке денег; не застал. К 11-ти часам поспел в Академию Художеств, чтобы сделать визит Конференц-Секретарю Академии, Д. С. Сов. [Действительному Статскому Советнику] Петру Федоровичу Исееву, к которому меня направила запиской добрейшая Варвара Александр. Иордан, рекомендовав ему наше миссийское дело, а меня известив, что он может помочь художеств, произведениями. К сожалению, не застал его дома, отправился к В. К. [Великому Князю] Владимиру Ал. [Александровичу], председателю Академии; оставил карточку. П. А. [Павла Алексеевича] Черкасова также не застал – ушел в классы. Иорданы приняли весьма любезно. Старик Ф. И. [Федор Иванович] не перестает хлопотать о художнике для Миссии; советовал на бумаге написать условия; Варв. Ал-на [Варвара Александровна]: «а вот я их сейчас запишу», и записала. У них встретил Мих. Петров. [Михаила Петровича] Муханова, который пригласил вечером в 9 часов на заседание «Общества взаимного вспомоществования русских художников», в д. [доме] Кнопа, на углу Моховой и Пантелеимонской, сказав, что там будет 15–16 художников, из которых, быть может, кто-нибудь и согласится ехать в Японию, по выслушании от меня условий. Во всяком случае я не иначе возьму, как по рекомендации

Ф. И-ча, который, как ректор, знает художников. За завтраком Ф. И. преусердно угощал, советуя все есть, а не говорить; тут же между прочим услышал, что Мирского осудили на повешение.

Варвара Ал. до того добра, что, заметив, что у моей шубы оторвалась вешалка – велела пришить ее, заметив – видно, что некому позаботиться. (Сопоставление – повешение и вешалка! Да что делать! Оно и на деле такое стечение речей было. В жизни все так мешается – важное с пустяками!) Чрез посредство той же В. А. Иордан, сделанное по внушению ее доброго сердца, без всякой моей просьбы о том, в 2 часа я был во дворце Ник. Ник. [Николая Николаевича] у Гофмейстрины В. К. [Великой Княгини] Александр. Петровн.. – Веры Арсеньевны Бартеньевой. Приняла весьма ласково; предложила образ для Миссии; советовала побыть у них в Церкви, посмотреть, как хорошо она устроена, послушать певчих и служение прекрасного Протоиерея В. Н. Лебедева. В среду на Введение к обедне я обещался быть. Пришел адъютант кн. [князя] Лейхтенбергского с известием, что умер Ламберт, муж Елис. [Елисаветы] Егоровны. От Бартеневой заехал на Невском купить сборную книжку по совету Митрополита, что нужна книжка почище, чтобы и во Дворце показать можно было. Оставил до завтра прошнуровать.

Побыл в Новодевичьем монастыре, чтобы сказать, что иконы для нашей домовой Церкви, наконец, нужно решить писать на гладком золотом фоне, с бордюром насечкой; решили еще писать на цинке, без шпаклевки.

Матушка Аполлония больна – простудилась; в ее комнату пришла и матушка Евстолия, и угощали чаем. После слушал спевку; учит – регент из Импер. [Императорской] Капеллы; как спокойно он управляет, и как прекрасно поют!

Заехав домой, чтобы оставить монастырскую лошадь, к 6-ти вечера отправился к гр. Путятину; обещался завтра с Смирновым служить у них всенощную. – По пути к графу заезжал взять сброшюрованные рапорты. От графа побыл у Ф. Н. Быстрова, чтобы посоветоваться об отсылке денег. Здесь же получил письма от о. Анатолия и о. Владимира – об оклейке Церкви, классной и пр. [прочих] обоями, о начале постройки Яп. дома женской школы за 400 дол. [долларов]. Стало быть, место будет занято бараком.

В 9 часов, в Обществе Художников, объяснил о положении предположенного художника в Миссии и сказал несколько об Японии. Выслушали внимательно, кроме секретаря, должно быть, продолжавшего писать счеты, – и обещали через недели две дать ответ – найдется ли

желающий.

20 ноября 1879. Вторник

Утром пришел Д. Д. [Дмитрий Дмитриевич] Смирнов, вызванный моею запискою, чтобы договориться с ним служить в 6 часов вечера всенощную у гр. Путятина, оттуда в 8 к Т. И. [Тертию Ивановичу] Филиппову. При нем принесли от Митрополита прочитать письма о. Анатолия и о. Владимира к нему. Очень милые письма. Письмо о. Владимира я дал г. Смирнову прочитать и другим, кому хочет; трактует письмо об Эдекой Семинарии. Пришел о. Севастьян – пригласить завтра в половине 8-го служить литургию вместе с Владыкой. В 10 часов отправился к архитектору, рекомендованному Владыкой Исидором, Мих. [Михаилу] Арефьевичу Щурунову. (Просил монастырскую лошадь, – отказали сегодня, – все в разгоне). На улице было около 20 градусов мороза. Страшно вспотел в шубе И. И. [Ивана Ивановича] Демкина, пока нашел Щурупова. Взобрался по указанной черной лестнице, прескверной, – а живет Щурупов очень хорошо, и принял – он и взрослые дети – мило. – Он предложил еще план храма круглого, как самый лучший в видах обеспечения против землетрясений. Завтра в 6 часов вечера обещался быть вместе со мною у Владыки, чтобы поговорить о храме. – От него заезжал взглянуть на греческую церковь внутри, – круглую, – но было заперто. В 12 ч. был у графини Александры Андреевны Толстой в Зимнем Дворце. Почти первый вопрос: «отчего нет книжки для сбора пожертвований? И мы поусердствуем, чем можем». Сидел два часа; были граф Перовский и его дочь, – сестра графини и еще какая-то дама; все расспрашивали и внимательно слушали об Японии и Миссии. Графиня – известная Ред-стокова почитательница,[19] и потому я не воздержался, чтобы несколько горячо не напасть на протестантов. На здоровье! Дорога – не помощь, а истина Православия! Из Дворца отправился в Хозяйственное управление Св. Синода. Вл. Егор. [Владимир Егорович] Расторгуев, Ан. Гр. [Андрей Григорьевич] Ильинский, Остроумов и старик К. Илар. [Константин Иларионович] Платонов – казначей – приняли весьма любезно и тотчас же выдали 1500 р., пожертвованные на Миссию из Киево-Печерской Лавры и Почаевской Лавры и хранившиеся там до востребования; я взял их, чтобы вместе с 1000 руб. от граф. [графини] Ламберт, 925 руб, – на книги, привезенные еще в Японию М. А. [Марией Александровной] Черкасовою, 500 р. от Митрополита Исидора, с дополнением недостающего до 4-х тысяч из пожертвования о. Иосифа Сахарова, – всего 4 тысячи руб. отослать к о. Анатолию чрез о. Ф. [Федора] Быстрова, – каковые все суммы и сдал ему – прежде и сегодня; – а завтра или послезавтра он отошлет их в

Японию. На пути к о. Федору купил в Синодальной лавке Служебник и Каноник, а в бумажной лавке взял прошнурованную книгу для пожертвований и купил календарь Гоппе. От Ф. [Федора] Николаевича отправился к гр. Е. Е. Ламберт, чтобы поклониться праху ее мужа. Читали – по русскому православному обычаю Псалтирь, и в комнате, где тело графа Иосифа, – все весьма, – он под кисеей, в генеральском мундире, кругом подсвечники – наши православные в трауре, и несколько родных. Доложили графине; она вышла; много плакала, рассказывая, какой он добрый человек был, как мирно скончался, без боли и страданий, хотя у него было сужение пищепроводного канала, так что он мог пить только молоко, – болезнь мочевого пузыря и печени; исповедался и приобщился у Патера, ибо был католик. Жаль было смотреть на рыдающую графиню, вспоминавшую, как мирно она прожила с ним 37 лет, и вспоминавшую при этом еще о рановременной смерти своих детей. В то же время она выражала радостную надежду, что муж ее спасен. Послали за причетником, я отслужил панихиду. После – графиня позвала к себе и вручила 300 руб. на Миссию и 25 руб. на телеграмму в Японию, в Миссию, с просьбою, чтобы и там помолились за него. Я обещал молитву Миссии о графе, как нашем благотворителе. Телеграмма будет послана завтра, а деньги приобщатся к 4000, отсылаемым теперь.

Заехал домой, чтобы пообедать, взять требу и – ко всенощной. Во время просматривания предстоящей службы с Д. Д. [Дмитрием Дмитриевичем] Смирновым пришел художник, желающий отправиться в Японию, с письмом от Ф. И. [Федора Ивановича] Иордана, – Гавриил Павлович Кондратенко. Я назначил ему прийти в субботу утром, чтобы поговорить. По уходе его подали с почты письмо от Вар. Ал. [Варвары Александровны] Иордан с известием, когда быть у Исеева, а также с советом не давать решительного слова Кондратенко до личного разговора с Ф. Ив. К гр. Путятину запоздали на полчаса. За всенощной читали и граф и граф, [графиня] Ольга Евфимовна – и очень хорошо. После всенощной – в карете графа отправились к Т. И. [Тертию Ивановичу] Филиппову – принял любезно, говорил о раскольниках, о греко-болгарском вопросе, порицал Митр. [Митрополита] Макария – за угодливость – по-моему очень резко и неприлично для светского сына Церкви, -дал прочитать свои статьи о греко-болгарском вопросе и раскольниках. Жена – простейшая – жаловалась на желудочный катар и угостила чаем с вареньем, а дочь в соседней комнате сочиняла ноты. – Карета графа привезла в 11 часов меня к Невскому монастырю, а Д. Дмитрича повезла доставить в Академию.

21 ноября 1879. Среда. Введение

В 7 часов утра в Крестовой Церкви участвовал в совершении литургии Выс-м [Высокопреосвященным] Исидором. Как благоговейно старец служит и как раздельно произносит каждое слово! На часах же передали приглашение Владыки на обед в половине 1-го. Была маленькая трудность – совместить с предварительно данным обещанием быть сегодня в Церкви В. К. [Великого Князя] Николая Николаевича, где обедня начинается в половине 11-го. Поэтому после обедни тотчас отправился в Церковь Н. Н-ча. Видел высящегося о. Протоиерея Вас. Ив. [Василия Ивановича] Лебедева; познакомил он меня с певцом Никольским, поющем в хоре на клиросе; получил от какого-то генерала, которому Вера Арс. [Арсеньевна] Бартеньева, ожидавшая меня у себя (но я не обязан был явиться к ней, так как она сама тогда говорила – «пройдите или прямо в Церковь или ко мне»), поручила познакомить меня с Протоиереем, – приглашение на Воскресенье к обедне, с обещанием его представить меня В. К. [Великой Княгине] Александре Петровне; послушал – действительно превосходное пение хора и с началом чтения Апостола удалился, чтобы поспеть на обед к Владыке. Обедали втроем (был еще эконом Лавры). Разговор ничтожный, большею частию о рыбе, раках и устрицах. Эконом покушался рассказать чудо о каменном горохе в Палестине, но Владыка заподозрил сказание. Между прочим, Владыка сообщил о новом покушении на жизнь Государя[20] близ Москвы – взрывом вагонов 19 ноября. Я впервой от него услышал; он же сообщил рассказ Государя ему о подробностях покушения Соловьева, – как действительно чудесно, – только мгновенным соступлением Государя с тротуара, – он избежал пули. Здесь же, от эконома, услышал, что Мирский помилован – избавлен от смерти и наказан каторгой ямой. – Хотел передать Владыке вчера присланные для прочтения письма оо. Анатолия и Владимира, но он заметил: «можете оставить у себя». Письмо о. Владимира я взял обратно для прочтения другим, – о. Анатолия, слишком лестное для меня, – возвратил. В 5 часов был у Щурупова – попросить его от [имени] Владыки прийти не сегодня в 6 часов, ибо Владыка вечером плохо видит, как сам сказал, а завтра утром. Шурупов начертил эскиз храма совершенно в византийском стиле. Тяжеловато. Посмотрим, что выйдет. Отправился к Ф. [Федору] Николаевичу передать 300 руб. для приобщения к 4000, отсылаемым телеграммой к о. Анатолию, и попросить завтра подать также телеграмму о. Анатолию о смерти Ламберта. – Виделся у него с А. И. [Алексеем Ивановичем] Парвовым. Отправились с Ф. Н., оставив Парвова любезности О. [Ольги] Петровны, к П. А. Лебедеву, на Петербургскую. Бесконечно ехали туда и обратно. У Лебедева – скучно, мне кажется, он и днем

рисуется; как же, даже партитуры сочиняет, не умея просто пропеть что-нибудь… Жаль Марии Михайловны Богословской, что попала за такого человека, вдобавок ко всем своим «гениальным» талантам, бесплодного физически, так как у них до сих пор нет детей, что делает угол их еще более скучным. Возвращаясь, встретил сцену у монастырских ворот: мерзнущего курьера, ругающегося городового и оправдывающегося привратника. Померз и я с ними, пока попал в келью.

22 ноября 1879. Четверг

Утром принесли от Владыки фунт чаю и 10 ф. [фунтов] сахару. Вчера приносили, но меня не было дома. Что за доброта Владыка! С Щуруповым в половине 9-го часа пришли к Владыке. Шурупов показал набросок храма – совершенно в визант. [византийском] стиле. «Что вы, что вы! Там у них ни копейки; если какой-нибудь богач вздумает строить Церковь и вы представите этот план, я вам низенько поклонюсь, а в Японии вроде храма Спасителя в Москве – это невозможно». «Ваше Выс-во [Высокопреосвященство], в Японии кирпич дешев», – вставил я. – «Если ты будешь мешать, то я брошу все, и делай, как знаешь, – ничего не выйдет», – сердито обратился ко мне, -"Не буду, не буду», – поспешил я успокоить ворчливость старца, – и речь двух старцев продолжалась (Шурупов тоже весь седой). Вытащил Владыка новый набросанный план храма. «Он хочет, чтобы Церковь крестом была, вот и крестом». Ни базилика, ни визант. стиль, ни тоновский, но очень практичный храм, с тремя престолами. Долго было объяснение, вставлял замечания и я, а архитектору, видимо, не нравилась неопределенность стиля; но как человек практический он во всем соглашался с Владыкой и взялся сделать карандашом набросок. Владыка все-таки потребовал карандашного эскиза предварительно, – что за опытность, умение говорить с людьми, – словом целая практическая философия! Хоры, по-видимому, любимые Владыкой, не были забыты в храме: а по поводу их обнаружилось, что письмо о. Владимира о Семинарии, написанное так простодушно-юношески, произвело свое действие; у Владыки засела в голове Семинария – засело и женское училище, должно быть, вследствие записок М. А. [Марии Александровны] Черкасовой, подновленных письмом о. Владимира. И пришло мне в голову, что у этих людей, высокопрактических и престарелых, несмотря на то, что они, по-видимому, о деле мало говорят, – быстро, разом, вследствие безотчетного навыка к комбинированию фактов, признаков, малейших штрихов, являются прямо готовые результаты в виде постулатов к неотложному выполнению – точь-в-точь как у людей, способных к математике и воспитанных для нее, мимо простых

арифметических действий, пишутся готовые, мгновенно в голове образовавшиеся выводы. Да, старческая опытность – своего рода гений! Мне вот (должно быть, я слишком плох, если в 43 года поступаю. как мальчишка) хотелось бы много рассказывать о Миссии, и я отчасти недоволен был, что Владыка не дает мне разболтаться и высказаться, но у Владыки, по небольшим штрихам, все нужды Миссии – как живые, – и среди тысячи других дел он ясно сознает их и сильно хлопочет! Преклоняюсь пред светлым старчеством и укоряю свое грошовое воодушевление делом – и притом исключительно одним делом, с полным безучастием ко всему другому в мире! Что за бедность, узость натуры! Знать для Японии я только и годен – для незаметного уголка земли! А люди настоящие способны замечать и нас – микроскопических насекомых, и вести дело широкое, дело Православия вообще. Да будет хвала Господу, что всегда есть в мире и такие люди. Иначе мир обратился бы в каплю инфузорий.

В 10 часов поехал к Иордан, согласно письму В. А-ны [Варвары Александровны]. Старик Ф. И. [Федор Иванович] стал расхваливать живописца Кондратенко; но В. А-на сказала тишком от него, чтобы «быть осторожней в выборе, – Ф. И. – де очень горяч, и его приходится нередко поправлять. – Кондратенко в последнее время занимается пейзажем, способен ли он?» И усадила за чай, селедку и вареный картофель, вопреки Ф. И-чу, который: «чай о. Архим. [Архимандрит] везде найдет, а лучше идти к Исееву, который ждет; по-моему, дело прежде всего». П. Ф. [Петр Федорович] Исеев, Конференц-Секретарь, по словам Ф. И-ча – «воротила» в Академии, а по словам его жены – не ко всем любезный, – принял весьма ласково (Вар. Ал. предупредила меня только, чтобы не упоминать в разговоре с ним Черкасова, инспектора, ибо они враги); сейчас же отрекомендовал художника для Японии, Романова, которого увидел в Правлении пришедшим за билетом на педагогические курсы – как раз в то время, когда ему пришли сказать обо мне. Позван был сейчас же Романов – с первого взгляда очень симпатичный; условились мы с ним завтра у меня, в 4 часа, поговорить, и отпущен он был Исеевым довольно властно; затем Исеев подарил альбом церк. [церковных] фотографий; пришли дочери его, и он вместе с ними стал искать духовных эстампов и фотографий и дарить на живописную школу в Миссию; так. обр.

[таким образом] он положил первый камень в основании школы. Но что за затруднение в выборе художника! Иордан сильно стоит за Кондратенко, а Исеев говорит, что Романов несравненно лучше, как опытный уже в преподавании живописи, между тем как Кондратенко еще

на школьной скамье сам.

Возвращаясь, встретился в вагоне от Никол. [Николаевского] моста с японцем Андо; потом хотел зайти в Исаакиевский Собор, но молебен уже кончился. Сегодня молебен служил Митрополит – благодарственный, по случаю избавления 19-го числа Государя от смерти. Пригласили сесть в лаврскую карету возвращавшиеся диаконы; по Невскому нельзя было ехать – весь занят был войсками, ожидавшими приезда государя. Приезд назначен был утром в 10; но очевидно – с намерением сделана неопределенная отложка. Бедный Государь! Его преследуют, как гончие зайца! Великую душу нужно иметь, чтобы не сойти с ума или не сделаться тираном! Народ, несмотря на мороз, с утра толпился около вокзала и Зимнего дворца. По возвращении в Лавру, в 4 часа, после вечерни, участвовал в служении акафиста Св. Александру Невскому по случаю завтрашнего праздника. Да не забудется никогда светлый чин и стройность служения! Архиерей (Гермоген), 4 архимандрита (я стоял против наместника о. Симеона), 4 иеромонаха, архидиакон – за Архиереем, снимающий митру с него, два диакона кадящие пред ракой со св. мощами, обратясь к лицу святого, два диакона с дикирием и трикирием, стоящие по обе стороны раки, или предходящие Евангелию, послушники в стихарях – за архиереем и архимандритами… Когда, по приложении к мощам, я возвращался в алтарь, встретила Mme Эммануель, записала мне свой адрес и просила к себе, представила тут же и своего племянника, – все это весьма торопливо.

Так как в 7 часов обещал быть у Бюцова, то, к сожалению, нельзя было пойти ко всенощной. Отправившись раньше, заехал к Ф. Николаевичу предупредить, что завтра не могу прийти в Замок смотреть парад, ибо назначен Митрополитом в служение в Соборе, в 10 часов, вместе с ним, а также посоветоваться – оставить ли уже совершенно на произвол Владыки стиль храма или еще добиваться, чтобы он был – правильно византийский. Решили – предоставить Владыке, ибо все-таки план, конечно, будет хорош. – К Бюцову приехал в половине 8-го; условились, чтобы крещение их сына Бориса было в воскресенье в половине 9-го; записать потом в метрику в Сергиевской Церкви, откуда взять и купель, и псаломщика; кстати, у меня там знакомый протоиерей Д. Я. [Дмитрий Яковлевич] Никитин, академический товарищ. Семейство Бюцова было весьма мило; пили чай и вспоминали Японию и Китай. Между прочим, узнал от Бюцова о положении состоявшего прежде при Дух. [Духовной] Миссии в Пекине художника Игорева: жалованья получал руб. 900 или 1 тыс. [тысячу], жил 6 лет, – ленился и только в конце своего

пребывания там второпях написал иконостас в Северном подворье, – плохо; пенсии за 6 лет ежегодно получает теперь 600 руб.

Ф. Н. [Федор Николаевич] Быстров сегодня отослал телеграммой к о. Анатолию чрез банк Мейера, 4400 руб., данных мною ему, – а также телеграмму о смерти гр. Иосифа Ламберта и о том, чтобы помолились в Миссии о упокоении его.

23 ноября 1879. Пятница. Св. Александра Невск.

Встал в 3 ч. утра, чтобы пойти в Собор к утрени. Служащий иеромонах о. Александр – брат мой троюродный; главным на Литии выходил о. Казначей; народу было весьма мало. Утреня продолжалась почти три часа.

Литургию в 10 часов совершали: Митрополит Исидор, его старший викарий Гермоген, 8 архимандр. [архимандритов] и 2 иеромонаха. Торжественная встреча: диакон ожидает у двери, старший диакон с мантией и посошник с посохом у ковра; служащие по обеим сторонам в мантиях, а иеромонах – чередной – с крестом на блюде посредине против Владыки, за ним 2 диакона с кадилами, на амвоне архидиакон Валериан и диакон Кирилл… Хором управлял сам Львовский; пели чудно, особенно концерт. После литургии молебен – у раки св. Алексан. [Александра] Невского. При выходе из Собора граф Путятин попросил сегодня вечером отслужить у него всенощную. Из Церкви все отправились в трапезу. Обед великолепный, с официантами и приготовления кухмистерского *. Владыка обедал в мантии. Чтец жития Св. Ал. Нев. – в стихаре. Много было и чужих гостей – светских, напр., один грек – рыжий, шатающийся по всем Церквам и праздничным обедам. Владыка был очень любезен – заставил меня яблоков взять в карман, – за обедом наместник провозгласил здоровье Владыки, а архидиакон сказал многолетие, и все пропели; потом Владыка провозгласил благоденствие Лавре и здоровье монашествующих в ней – пропели: «спаси Христе Боже». Кончился обед в 3-м часу. По возвращении пришел Павел Сергеич Воронов, капитан-лейтенант, привозивший Пр. [Преосвященного] Павла в Хакодате, – затем, в 4 часа, – живописец Романов, принесший и произведения свои – портреты мельника и смеющегося мальца; не понравился мне Романов – вял и денежен, по-видимому. Постараюсь отделаться от него, хоть бы и рассердить пришлось Исеева; а последний явил новый знак своей любезности, прислав телеграмму с приглашением на всенощную, ибо в Академической Церкви завтра праздник, и после на чашку чаю. Должен был телеграммой же отказаться, так как нужно было, к сожалению, идти

Заведение для дешевых обедов (в нем и на вынос) – *примеч. сост.*

Указателей.

к графу служить всенощную. Смирнова не оказалось дома; выпросил я у о. Севастьяна требу и пошел один; граф и графиня О. Е. [Ольга Евфимовна] пели и читали и продлили всенощную на два часа. Едва смог возвратиться к 10-ти, чтобы возвратить о. Севастьяну нужную завтра на утрени месячную минею.

24 ноября 1879. Суббота

Утром принесли книги от о. Ризничего, Архим. [Архимандрита] Митрофана, пожертвованные им в Миссию. Когда разбирал их, пришел Смирнов, потом художник Г. И. Кондратенко. Понравился далеко лучше Романова: о деньгах не говорит: есть идеальные стремления – служить Церкви и России: тороплив, быстр, юн: опасно немножко. Но не лучше ли и художника, как миссионеров, взять прямо из-за парты? Не знаю, что Бог даст; пусть будет Его воля! Трудненькая комбинация; рассердится Исеев и не поможет учебными рисовательными пособиями. Да и есть ли достаточное искусство у Кондратенко? Взялся он написать образ Св. Иоанна Богослова. Посмотрим. А не мешало бы сделать и конкурс, как говорили ему в Академии [Художеств]… Пошел в 11 часов к акафисту, молился под превосходное пение и просил Царицу Небесную разрешить еще одну несообразность, если избран будет Кондратенко. В 4-м часу поехал к графине Ламберт. У ней уже было приготовлено письмо ко мне и 2000 р. из денег покойного графа. Что за святая женщина! Разговор ее и готовность жертвовать – возбуждают благоговение у меня перед нею. Передал ей просфору, вчера принесенную за упокоение души графа Иосифа, рассказал, что и Владыка Исидор одобрил мою панихиду по графе, оставив копию телеграммы в Миссию о молитве за графа. Ее в самом деле враг смущает, навевая мысли, что, быть может, у покойника остался какой-нибудь затаенный грех и чрез это он не может быть спасен. «Страшные псалмы, грозящие судом», – нужно же ей выйти и прислушаться именно к ним, а не к другим!..

Заехал к Д. Як-чу [Дмитрию Яковлевичу] Никитину, протоиерею Сергиевской Церкви, чтобы попросить у него назавтра в 2 с половиной часа купель и псаломщика для крещения сына Бюцова, Бориса, и вместе – чтобы сделать визит товарищу. Принял совершенно по-товарищески, даже называет И. Д-м [Иваном Дмитриевичем], по-академически. Супруга его тоже почтенная дама, которую видал когда-то в Москве; у него 4 детей, сам уже с седою бородкой. С чрезвычайною любезностию предложил и метрику, и купель, и псаломщика, а на следующее Воскресенье пригласил слушать певчих графа Шереметева – в Церковь его, где Д. Я. служит.

Заехал к Ф. Н-чу [Федору Николаевичу], чтобы сдать только что полученные 2000 р. Застал только выводок его – малых его детей, – он же и матушка ушли к А. И. [Алексею Ивановичу] Парвову на званый вечер по случаю праздника сегодня в его Церкви. – Постоял немного за всенощной в Казанском Соборе. Певчие прекрасно пели – особенно щеголяли альты, заглушавшие весь хор. Бросился в глаза глубокий смысл свечей пред иконами: в полутемном храме – п. ч. [потому что] такую громаду достаточно осветить нужны тысячи свечей, – два подсвечника, – пред чудотворной иконой, и направо пред Спасителем, – точно яркими звездами на небе сияли бесчисленными светами жертвованных молящимися свечей. Когда стали читать Шестопсалмие, отправился в Исаакиевский Собор. Должно быть, более тысячи было молящихся, но Собор казался довольно пустынным. Постояв немного за народом, отправился в алтарь. Служащий протоиерей надоел разговорами в алтаре. Гимназисты Леля Храповицкий, Нефедьев и Дмитриев – из реальной гимназии – пришли из противоположной стороны за благословением, и Леля зазвал к себе после всенощной. Подошел под благословение и какой-то католик, попросивший его на французском языке. Начиная с ирмосов вышел к клиросу. Что за чудное пение! А когда сошлись оба клироса для пения «Слава и ныне пред великим славословием», и потом – «Слава в вышних Богу», когда запели – среди великолепия храма, когда море голов православных христиан – видится тут же – мне сказалось, что только великий народ в таком великолепном храме таким дивным пением может восхвалять Бога, – и дрогнуло чувство и религиозное. и патриотическое! Слово «свет» – пропето было так сильно и полно и с таким медленным замиранием звука, что мне казалось – в Японии в это время занимается заря, и – оттуда шлется радостное известие, что и там – свет! Вот – где, в таких храмах можно воспитывать прочное религиозное чувство, основу всех добрых чувств на земле!.. У Храповицких просидел до половины 1-го ночи. Что за любезное семейство! Мать – умная и при этом не забывающая угощать наливками, отец – с жилкой юности (когда говорил о завтрашней проповеди Полисадова), и любующийся, и улыбающийся на либерально-религиозные речи и увлечения своего 16-тилетнего Лели, истинно русского юноши, розового, милого, умного и скромного (на безрыбье и рак рыба – о своем первенстве в гимназии)…

25 ноября 1879. Воскресенье

В 5 час. утра был разбужен привратником и отправился на Выборгскую ст. [сторону] в Спасо-Бочаринскую Церковь – принять пожертвование добрых прихожан о. Василия Як. [Яковлевича]

Михайловского и лично поблагодарить их. Беднейший из Петербургских приходов – мастеровые, артиллеристы и лавочники – прихожане; но вследствие проповеди о. Василия 11 ноября – собрано было на 3 серебряных позолоченных прибора свящ. [священных] сосудов и 3 прибора воздухов. Что, если бы хоть 10-я часть священников в России так благорасположенно отнеслись к заграничной Миссии, как добрый о. Василий! Поспел к обедне – к пению «Единородный Сыне» – и прошел в алтарь; просто и задушевно служил о. Василий, просто пели на клиросе – видно, что самородные и доброхотствующие певчие; но чувствовался глубокий вздох теплой сердечной молитвы массы молящихся, плотно наполнявших храм. Сельскую Церковь напоминал Спасо-Бочаринский храм! После «буди имя Господне» о. Василий сказал проповедь на текст: «и ины овцы имам». Проповедь была совершенно простая и безыскусственная – еще более безыскусственная, чем проповеди миссионеров. В конце ее я принял пожертвование, поблагодарил В. Я-ча и прихожан. После обедни повидался с Никифоровичем, который нес 60 р. на часы, но, услышав проповедь В. Я-ча, пожертвовал их на Миссию, и с двумя жертвовательницами (одна из них – Любовь). Зашедши к В. Я-чу и напившись чаю у него, отправился в Церковь В. К. [Великого Князя] Ник. Ни-ча [Николая Николаевича]: зашел к Бартеневой. Генерал – повел показать пещеру Гроба Господня, устроенную наподобие Иерусалимской. Прихоть богатства! За обедней пели хорошо – еще бы! Певчих 50 человек; между ними знаменитый Никольский; был В. К. [Великий Князь] Петр Ни-ч [Петр Николаевич] – долговязый отрок с подвязанной щекой. Пришел генерал Радецкий. герой Шипки – очень симпатичный по лицу. Концерт вместо причастна был чудный, но ему место было в концертной зале. Протоиерей – у жертвенника – размахивающий головою в такт пению – возбуждал удивление. После обедни разбитый на ноги генерал Ростовцев имел покушение представить В. К-не [Великой Княгине]: но представляющихся было много, – в том числе и Радецкий, и для меня Княгиня оказалась «усталою». Как будто я искал представления! Комедией для меня казалось все окружающее. Публика. поди, невыгодно подумала о монахе – «добивается» – мол: а монах думал: «коли добиваются, так чего артачатся». В сером, т. е. презрительном расположении духа, хотел было уйти, но лакей завел к Бартеневой. Волконскую – княгиню – встретил; удивила такая бойкость в светской барыне; ум сверкал в металлических глазах; о Китае даже судила недурно. К себе звала; побыть надо. К Д. Я. [Дмитрию Яковлевичу] Никитину приехал, селедку ел. К Бюцову крестить его сына – Бориса – отправился со снабжением от Сергиевской Церкви.

Познакомился с родителями Елены Васильевны. Милая семейная сцена – валяющиеся дети и пр. Наконец надоели – к гр. Путятину отправился. Скукой и усталостью полный, вернулся, наконец, домой.

26 ноября 1879. Понедельник

Утром нездоровилось. В 9-м часу с Щуруповым, принесшим новый план, по мыслям Владыки, отправился к Владыке – сказался занятым и в 5 часов вечера назначил. Хворал желудком, сидел дома, написал ответ Саблеру, что завтра явлюсь в Михайловский дворец для представления В. К. [Великой Княгине] Екатерине Михайловне. Печники переделывали печь. Андрей изощрял свою осторожность, и запирал, и отпирал плохие замки. В город поехал – к Полякову за сборной книжкой; прождал долго – русские магазины не то что заграничные, – всегда что-нибудь неисправно; доказательство, кроме моего случая, – тут же была дама – «разве я дура?». В 5 с Щуруповым явился опять к Владыке – неудачно; Громова заняла все время до всенощной. Владыка принял – одетый ко всенощной: «меня уже четверть часа ждут – растягивают меня, – в среду или утром в четверг». Завтра он служит и потому неотложно должен был спешить в Церковь. На вечер остался дома и послал Андрея за груздями.

27 ноября 1879. Вторник

В 12 почти часов, ко времени, когда возвращаются от обедни, был у графини Марии Владимировны Орловой-Давыдовой; познакомился со всеми дочерьми П. А. [Петра Александровича] Васильчикова, которых после смерти матери воспитывает графиня: Александрой – 18 л. [лет] превысокого роста, Марией – 17-ти, Екатериной 14-ти, Ольгой 10-ти, Евгенией 8 лет. Представлены были и гувернантка и нянюшка, которые все интересуются Миссией, засели за стол. Видимо, хотелось, чтобы я рассказал им о Яп. Церкви. Кое-что рассказал и дал фотографию Собора. Мария Владимировна высказала самое ясное знание всего, что мною было писано о Миссии; а в промежуток, пока собирали детей, она сказала: как бы хорошо, когда бы туда отправилась Ольга Ефимовна. – Поспешил оставить их, чтобы дать им возможность позавтракать, так как стол уже был приготовлен, когда я входил. Зашел к Ф. [Федору] Николаевичу – до 3 с половиной часов, – и в 3 с четвертью отправился к Великой Княгине Екат. [Екатерине] Михайловне, по приглашению от Влад. Карлов. [Владимира Карловича] Саблера, которому говорил обо мне Конст. Петр. [Константин Петрович] Победоносцев. Приехавши в Михайловский дворец, застал уже Саблера, который тотчас же и представил меня Ее Высочеству. Вопросы ее очень напоминали вопросы об Японии и Миссии Варв. Пет. [Варвары Петровны] Базилевской. Тот же беспорядок и то же

недослушивание. Удивительно, зачем она пожелала видеть меня. Должно быть, и в самом деле они скучают. Заметил, что стул был очень мягок, – совершенно пуховый и на пружинах; не знаю, как это делается, – только в первый раз встретил такой удобный стул. Чашку чая выпил. Прощаясь, Саблер звал к себе, говоря, что он знает меня чрез профессора Моек. [Московского] университ. И. Д. Беляева. Обещался быть у него. Поехал в Новодевичий монастырь. Решили писать иконы для нашей домовой училищной церкви на меди, позолоченной гальванизмом; у них же застал двух мастеров по сему предмету. Матушки угощали, говорили об о. Владимире, о Миссии – обещались испытать художников для выбора в Японию. Я обещал для сего прислать им Кондратенко на днях.

28 ноября 1879. Среда

Утром был у Кондратенко – на Петербургской; для художника – комната порядочная, хотя серьезных работ не видно. Условились в субботу съездить в Новодевичий монастырь. Вечером с Щуруповым был у Владыки [запись не была закончена автором.]

1880 г.

С.-Петербург

Только что пробило 12 часов ночи на 1880 год. Встречаю Новый год в келье Александро-Невской Лавры. Скучно! Не от одиночества. Мог бы встретить Новый год в обществе. К десяти часам вернулся от графов Путятиных; думал было там встретить – скука; к товарищам в семейства пойти бы – опять скука, в Лавре к кому-нибудь – еще больше скука. И вот общий тон моей жизни в Петербурге – скука. Или уж я сделался негоден ни к чему, что только скука одолевает? Но отчего же, когда – или внезапно двинется дело по Миссии, или большое пожертвование кто сделает, точно на крыльях весь день летаешь? То обман или это? При скуке думаешь, как бы умереть поскорей, при успехе – рано еще – куда! И везде-то хорошо, где нас нет, – и все то интересно, что предпринято и не доведено до конца. Завтра узнаю, прошло ли дело о 29 695 металлических рублях для Миссии чрез Государственный Совет; если да, радостен будет Новый год, нет – тоска задавит; озлюсь разве на несколько дней, а там опять скучная процедура. Скоро ль же в Японию! Там хоть дело – прямо к делу, не вялое и выжидающее, а живое и жизненное. О, не дай Бог заскучать в Японии – нет больше спасения от скуки на земле, по крайней мере, в России всего менее.

1 генваря 1880. Вторник.

8 часов вечера

Скука и тоска целый день. Обедню – позднюю – в десять часов,

отслужил на клиросе Лаврского Собора. Служил Преосвященный Варлаам. Певчие превосходно пели символ веры, херувимскую, и притом на память, без нот, – также «Милость мира» и прочее. После обедни зашли Сережа и Катя – племянники, дал пять рублей. Пообедавши, поехал к графам Путятиным, отслужил молебен Нового года в комнате болящей Ольги Евфимиевны. Звали обедать: сказал: «Если в Государственном Совете решено, приду, нет – поеду топить горе в Невской проруби». К Тертию Ивановичу Филиппову, от которого и можно было узнать – решено или нет. Не застал дома. Апатия. Не знал, куда направиться. Поехал к Константину Петровичу Победоносцеву. Не застал тоже и оставил роспись на листе. Дошел до Невского, припомнил Демиса. К нему. Милый старик; тотчас мысль – созвать сочувствующих Миссии на обед, и назначил на воскресенье – 13 числа; поручил мне пригласить Демкина и Быстрова. Провожая, – об опубликовании «что-де самое главное – народу не дать знать, мол, там-то кто, что имеет сказать – приходите». – Милый старец!!! Народ ни аза не смыслит в миссиях, и нужны деньги. Устроим, посмотрим; по крайности, отдохнем душою, – с этими людьми только и отдых в России; нравственная поддержка в них именно. По деликатности, Демиса не стал задерживать, и я чрез пять минут визита очутился опять на улице, а не знал, куда направиться и что с собою делать. Вспомнил про Гильтебрандта Якова Аполлоновича, недалеко живущего. Встретили мать Софья Яковлевна и сестра Мария Аполлоновна. Что за милое и доброе семейство и как мне совестно, что не нахожу в себе достаточной полноты деликатности чувства ответить на их искреннее расположение – истинно удивительное. Редкий человек и моряк Яков Аполлонович! – От них – куда? Уверял, что еще нужно делать визиты, а не знал, куда идти. Тоска и скука давили невыносимо. По пути заглянул к П. П. [Павлу Парфёновичу] Заркевичу. Милая гурьба детей встретила и не дала уйти, хотя хотел, так как П. П. оказался отдыхающим пред вечерней. Разбудили. Мило принял. Славные детки – сын, гимназист, и три дочурки. Удовлетворил томившую жажду стаканом пива, и отправились – он служить вечерню и крестить, я делать визиты, то есть куда глаза глядят. Сел в конку,[21] доехал до неопределенного места, откуда взял извозчика и приехал к себе. Напился зеленого чаю и прочитал серьезную статью в «Древней и Новой России» о Севастопольской войне. Приходил певчий – Василий, дискант, поздравить меня с тем, что он сегодня именинник. Дал двадцать пять копеек. За стеной стали было порядочно играть на гитаре и петь, да какой-то визгливый женский голос все испортил, и теперь совсем перестали. Тоска!

3 генваря 1880. Четверг.

2 12 часа ночи

Вчера утром, в одиннадцатом часу, отправился к Тертию Ивановичу Филиппову узнать о деле в Государственном Совете. Извинился чрез курьера, что еще прикладывает примочку к глазам и выйдет в халате. Вышедши, сказал, что дело о Миссии еще не пришло. В последнее заседание утверждение государственного бюджета заняло часов пять, и некогда было рассуждать о других делах; выразился, впрочем, что дело в пристани и, вероятно, в следующее заседание пройдет. Я хотел было и раскланяться, но Тертий Иванович ласково удержал; между прочим, в разговоре пришла ему мысль, что хорошо бы в Японию взять одного грека из Константинополя, и обещался написать письмо Патриарху о том. Пришел еще гость, разговор продолжался чисто богословский – о строгости Церкви касательно вторичных и третичных браков и о правиле Святого Василия о сем. Тертий Иванович – истинно полезный человек в смысле религиозно-богословского пропагандера в обществе. Вернувшись к себе, поскучал до трех часов, после чего направился к Федору Николаевичу, где столкнулся с Иваном Ивановичем Демкиным, с которым и уехал к нему. Ночевал у него, вечер провел довольно весело, среди детей при игре К. [Катерины] Семеновны на фортепиано, между тем как Иван Иванович освещал елку. Шли разговоры об Японии, о нападках графа, зачем-де койки и матрацы дал ученикам и прочее. Ночью было мало свежего воздуха в комнате, в которой мы спали на диванах с Иваном Ивановичем, сегодня, встав в половине девятого и прослушав сказку о «Бабе-Яге», которую читал Миша, и напившись кофе, в двенадцатом часу прибыл домой. Страшно скучал до пяти. Отправился к Путятиным, читал письмо Черкасовой к графине М. В. [Марье Владимировне] Орловой и, пообедав, отправился к Павлу Парфеновичу Заркевичу – протоиерею при Введенской Церкви в Измайловском полку[22] (против Царскосельской станции). Там был юный учитель гимназии из семинаристов, Д. Я. [Дмитрий Яковлевич] Никитин и некто Тимофей Федосеевич, подвыпивший мещанин, любитель духовенства, подаривший тут же воздухи в Японскую Миссию. Павел Парфенович очень уж пессимист касательно ближнего его и оптимист касательно дальнего. Семейство его весьма милое: жена Анна Петровна, дети – Володя, семинарист, Миша – гимназист, Надя, Вера, Люба, Соня и Саша, лет двух. Продержал хлебосол вот до сих пор, хотя, должно быть, очень ругают в этих случаях хозяюшки нашего брата-гостя.

4 генваря 1880. Пятница.

12-й час ночи

Утром написал докладную записку в Канцелярию Ее Величества о нуждах Миссии и сходил в одиннадцать часов к заказной обедне вынуть из просфоры о здравии Тертия Ивановича Филиппова, сегодня именинника. Во втором часу поехал в Канцелярию Ее Величества. «Если сборная книжка потребуется, после дадут знать», – сказали и вернули назад книжку, отнесенную туда еще 31-го декабря, по приказу оттуда. Тертия Ивановича не застал дома – был в Контроле; жена, Мария Ивановна, приняла любезно и сказала, что теперь все надоедают вопросами, правда ли, что Тертий Иванович заменит графа Толстого, так как в городе слух, что последний – в отставку.

Побыл у Федора Николаевича Быстрова; нашел письма из Японии от 14 (26) ноября с «Церковным Вестником» и первым номером газеты семинаристов «Сейгаку засси». Очень порадовался. Когда в седьмом часу вернулся, пришел И. П. [Иван Петрович] Корнилов звать на завтрашний вечер, так как у него будут Белецкий и Ковгригин. Отказался, так как завтра Сочельник и мне нужно быть у всенощной, ибо на шестое число назначен Высокопреосвященным служить во Дворце. И. П. обещался после устроить вечером и пригласить тех же, еще Скачкова и своего брата. Необыкновенно добрый человек; видимо, хлопочет о священнике для Швейцарии, куда и прочит Ковригина; а тут опять дело – им же с П. Алек. [Петром Александровичем] Васильчиковым выдуманное – устроенье храма на Шипке, в память наших воинов.

5 генваря 1880. Суббота.

10 часов вечера

Утром, в девять часов, побыл за обедней в Духовской Церкви. Как славно поют послушники и что за голоса, особенно первый тенор заливался, точно соловей. Стоял у входа из коридора, впереди виднелся о. Мемнон, по правую сторону архидиакон Валериан в косичках – Съездил купить почтовой бумаги и взять на углу газеты. В газетах везде придавленность видна, точно наступили на хвост. Вернувшись, только стал просматривать, пришел Яков Аполлониевич Гильтебрандт – из моряков самый усердный благожелательный к Миссии. За ним пришла Н. А. Песлян, – жаль, что очень пожилая, – с ее духом и характером поехать бы в Японию. Когда она сидела еще, пришел Влад. Ал. [Владимир Александрович] Соколов, механик с «Соболя»; тоже необыкновенно благожелательно относится к Миссии и чрез его тестя, протоиерея Крюкова, можно, кажется, добыть кое-что для Миссии у знакомых ему петербургских богачей. – В два часа началась вечерня в Соборе и за ней Водоосвящение. Совершал богослужение Высокопреосвященный; я

назначен был в служение, в чем и расписался вчера в книге. Ставлен вторым после Наместника. Порядка службы не знаю; спасибо, обок становится ризничий о. Митрофан и, подталкивая, напоминает, что надо делать. Водоосвящение совершается очень торжественно. Благословляет воду Владыка, опуская сложенные для благословения персты в воду, – очень истово, медленно и правильно; подумалось, что совершенно точно так же следует делать это и в Японии, освящая воду для крещения. Крест погружает, держа за верхнюю перекладину и потом крест лицом кладя в воду и обертывая в воде, после чего стекающую воду принимает диакон в два сосуда; воды стекает много, ибо крест, нарочно для того употребляемый, литой, имеет много впадин. Во время всего Водоосвящения над кадкою воды держат рипиды, а впереди стоят диаконы с дикирием и трикирием, на аналогиях – на правом икона крещения, на левом – Евангелие, за аналогиями и чаном – подсвечник; во время последней ектении и молитвы Владыка кадил. После троекратного «Во Иордане», в продолжение которого единожды Владыка погружает крест, Владыка, сам подставив руку под стекающие со креста капли Святой воды, орошает себе глаза и лицо и кропит крестообразно Церковь и народ, после чего пьет воду из ковшика и идет с кропилом и крестом к Алтарю, кропя по обе стороны народ, затем кропит Святой Престол, весь Алтарь, иконостас и передает крест наместнику, а с другим крестом следовало бы отправиться мне, но о. разничий сам отправился, при них диакон с серебряными сосудами, наполненными Святой водой; оба отправляются единовременно в обе стороны церкви и кропят Церковь, иконы и народ. Между тем пели в это время. Владыке стоящу на амвоне, на орлеце, и сослужащим пред амвоном, в порядке соборного стояния, архидиакон на архиерейской кафедре, среди Церкви, произносит так называемую «выкличку», то есть великое многолетье Царю, с упоминанием всех древних его титулов, царице, Святейшему Синоду, Митрополиту, четырем Патриархам, Архиепископам, Епископам и всему священному числу и всем православным христианам. Уже второй раз я слышал эту выкличку. Первый раз – в Сочельник пред Рождеством, когда тоже служил Владыка викарий. После обедни, начавшейся в двенадцать часов тогда,

Владыко и все служившие вышли на средину Собора и крестясь пред лежащею на аналое иконой Рождества Христова – «Рождество Твое Христе Боже наш», а певчие большое «Дева днесь», после чего Владыка и все служащие перешли на амвон и к амвону, как ныне, и была «выкличка», после чего целование креста. Сегодня при целовании Владыка Исидор окропил Святой водой, причем священнослужащие принимали воду на

руки. Священнослужащие вошли в Алтарь и разоблачились. Владыка остался давать крест и кропить народ; после его сменил иеромонах. За выкличкой поется многолетие разных композиций, между тем как Владыка крестом осеняет народ на три стороны. Для Водоосвящения приготовляется огромнейший чан воды, а полевую сторону – огромная чаша для употребления самой Лавры. На чане, обложенном парчой, – перекладина для положения креста; чан закрыт также парчой; пока кончается многолетие, чан закрывают пеленой. Потом чан открывается, и народ, ожидающий с сосудами, какой у кого есть, бросается брать воду. Детей полиция предварительно убирает; около меня стоявшего мальчика увели назад; при всем том и на сегодня не обошлось без детского крика; какого-то мальчика притиснули так, что полиция должна была спасать его. После службы князья Шаховской, Бибиков и какой-то смоленский урожденец – председатель окружного Суда – пролили воду любезностей – «де столько об вас слышали», – и смольянин, видимо, и в помышлении не имевший никогда Японскую Миссию – туда же вторит. – Когда вернулся от Водоосвящения, иеромонах и три послушника приходили пропеть тропарь с ектенией и окропить Святой водой комнаты. Дал послушникам один рубль. На всенощной был в Духовской. Певчие ирмосы пели обиходные, но как прелестно выходит, когда голоса и искусство хороши! О. наместник не успел помазать елеем до окончания всенощной, поэтому, и когда всенощная кончилась, пение прекратилось и все выходили, помазывал еще оставшихся – В алтаре о. Моисей с своим неудачным «нужно же чем-нибудь жить» подтвердил мою уверенность в неспособности его для Японии, а врач Илья Иванович, что не нужно пускать светских в алтарь, – разговаривают только, – впрочем, и духовные не хуже. – И все-таки скука, и скука! Скоро ль в Японию!

6 генваря 1880. Воскресенье.

Во 2-м часу ночи

Утром, в шестом часу, привратник подал письмо от Константина Петровича Победоносцева с извещением, что Цесаревна желает меня видеть в понедельник, 7-го числа, в 2 часа пополудни, но, что прежде того, мне побыть у него в 4 часа, или часов в 7 или 8 пополудни сегодня, или от 11 с половиной до 12 с половиной завтра. – В десятом часу, предварительно прислави одного узнать – «можно ли», пришли маленькие митрополичьи певчие пропеть кант Нового года; они приходили и в Новый год раза три, но не застали меня дома. Дал четыре рубля на двенадцать человек. – В десять часов в лаврской карете с о. ризничим и о. Моисеем отправились во Дворец для участия в

Водоосвящении на Неве. До литургии, в галерее, где собирается духовенство, осмотрел портреты Дома Романовых, начиная с Михаила Феодоровича. Осмотрел еще залу французской живописи, где готовился стол для угощения митрополитов, архиереев и их свит, другую залу – русской живописи, где «Потоп» Айвазовского, «Нимфы» Неффа, «Жертвоприношение Авраама» и другие. Попросил, чтобы открыли следующую залу, где «Помпея» Брюллова, «Змей в пустыне» Бруни и прочее. «Помпея» – всегда одинаково поражает и привлекает. Между тем началась литургия в Большой Церкви дворца. Ее совершал Высокопреосвященный Исидор, два архимандрита и два придворных священника. В Церкви стояли: Цесаревич Великий Князь Алексей и другие Великие Князья и чины. Государя и жениных лиц царской фамилии не было. Певчие пели неподражаемо, особенно хороши дисканты – нигде не слыхал таких, – точно мягкая, бархатная волна переливается. Во время литургии пришли Митрополиты Макарий и Филофей; прочие члены Святейшего Синода пришли еще прежде; не было только Ивана Ивановича Рождественского, который прежде отслужил литургию в Малой Церкви. Протодиаконы – Червонецкий – поражали басами. Пред «Верую» архимандриты вышли облачаться; потом облачились Преосвященные. На Апостоле Владыка и священнослужащие не сидели. Наследник[23] во время ектений при упоминании царских особ истово крестился. По окончании литургии открылся крестный ход. По случаю холода (было градусов 12 мороза), а также, быть может, болезни Государыни, парада не было; был скромный ход прямо из Дворца на Неву. По обе стороны – далеко от хода, жандармы удержали народ, который виднелся на бесконечную линию по Николаевскому мосту и даже по ту сторону Невы. – При ходе городское духовенство облачалось и вышло заранее, так что мы увидели его в ризах, стоящим по обе стороны от подъезда до реки. При ходе же впереди шли со свечами, потом певчие в стройном порядке – маленькие вперед; все и регент были в красных кафтанах; пели «Глас Господень» и прочие стихи; когда дошли до незнакомых на память, опять стали петь «Глас Господень». За певчими диаконы со свечами и кадилами, за ними – младшие священнослужащие с иконами, потом архимандриты, архиереи, Митрополиты и, наконец, Высокопреосвященный Исидор с крестом на главе, ведомый двумя главными архимандритами – наместником о. Симеоном и цензором о. Иосифом. За ними Наследник и Великие Князья. По сторонам священнослужащих шли назначенные в процессию из разных министерств; например, около меня случился чиновник из Департамента личного состава Министерства иностранных дел. В залах, по которым

проходили, было почти пусто, стояли только со знаменами, которыми, кажется, и заключалась процессия, так как с этими же знаменами стояли потом на Иордане, позади священнослужащих. На Иордане, под куполом, поместились священнослужащие, певчие, знаменщики. Стали в таком же порядке, как в церкви: Митрополит Исидор, по сторонам – первым Киевский, вторым Московский Митрополиты и так далее. Под конец, так как места не хватило, стали в два ряда. По самой средине устроен ход вниз на реку, куда и спустились к самой воде – Митрополит Исидор и протодиакон. Внизу – стол. Водосвятная чаша на нем и впереди прорубь на воду. Перила завешаны полотном, – все место, начиная с крыльца и под куполом устлано красным сукном. Водосвятие было возможно краткое: Апостол, Евангелие, ектения, молитва. По окончании ее, когда началось погружение креста и запели «Во Иордане», дан был знак и с Петропавловской крепости началась церемониальная пальба, возвещавшая об Освящении воды; пальба продолжалась во время троекратного пения «Во Иордане», с этим же пением тотчас процессия двинулась обратно в прежнем порядке. Наследник стоял в теплой шинели около балдахина. Его и других окропил Владыка. Еще со Святою водою и кропилом (из зеленых ветвей) шел в процессии Сакелларий Церкви Зимнего дворца – он и окроплял комнаты Дворца, по которым проходили, а также и почетный отряд, поставленный в одной зале. По возвращении священнослужащие остановились на амвоне, и Червонецкий сказал многолетие; царской фамилии в церкви не было. По окончании пения все разоблачились и направились в залу, где приготовлен был завтрак. Закуска и завтрак были превосходные. Икра, кулебяка, уха, жаркое, пирожные, вина – все носило печать царского яства, не знающего оставлять голодным; заведывал угощением Чеботарев, выслужившийся из простых, но, говорят, чрезвычайно распорядительный и честный (что-то – один заказ, за который просили 180 тысяч, он исполнил за 20 тысяч). В центре стола сидел Митрополит Исидор – по обе стороны его другие Митрополиты, архиереи и так далее. Протодиаконы и все лаврские были тут же. Когда налили шампанское, митрополит Исидор провозгласил здоровье Императора и Императрицы; потом провозглашено было здоровье его – Владыки Исидора; потом прочих Митрополитов и архиереев; всегда при этом пели многолетье, вставши. – По окончании завтрака и он – Чеботарев – советовал мне обратиться с просьбою о пожертвовании икон к Министру Двора. «После Каракозова много осталось», – говорит.

Из Дворца, уже в третьем часу, отправился к Влад. Ал. [Владимиру Александровичу] Соколову, бывшему механику на «Соболе», так как

обещал быть у него в три часа. Жена, дочь протоиерея Семеновского полка о. Евстафия Васильевича Крюкова, очень миленькая, и две малютки дочери. Пришли казначей, должно быть, Семеновского полка и отец протоиерей. Едва ли что можно добыть из их Церкви Введения. Впрочем, может, что и найдут; казначей говорил, что покровов много у них. К четырем часам был у Константина Петровича Победоносцева. Вот труженик-то и что за добрый человек! При многосложности своих важных обязанностей еще находит время и сердце хлопотать о Миссии; наследнице он рекомендовал меня, и я застал его за моим рапортом – готовил послать его к Наследнику. Дал мне наставление, что Наследнице следует рассказывать о Миссии, не дожидаясь вопросов, так как она стесняется говорить по-русски, хотя понимает все хорошо; советовал говорить по-английски, но я стеснился, ибо и сам плохо говорю. Видно, что и поесть ему некогда, он вернулся в другую комнату и вернулся жующий что-то. «Я как белка в колесе», – говорит. Звал к себе по четвергам; советовал быть у Посьета по воскресеньям; заговорил и о Сергее Ал. [Александровиче] Рачинском, которому писал обо мне, на случай, что я поеду на родину. Об Екатерине Дмитриевне выразился, что его очень беспокоит неугомонное желание ее приехать на родину: «Опасно расставаться с молодым мужем на долгое время». – От него отправился к Путятиным. Как сестры обидели Ольгу Евфимовну, заявив ей, чтобы «она не забирала себе в голову, что может рассчитывать на их послушание»; а вышло только из-за того, что она посоветовала им теплее одеться, когда они собирались выехать куда-то; «ты-де и своего здоровья не умела сберечь – можешь ли заботиться о других». Бедная, вынесла одно утешение для себя, но забота о сестрах никак не может остановить ее от поездки в Японию, так как сестры не хотят этой заботы о них. А и они, как видно, не совсем виноваты: до того им надоела домашняя ферула[24] и вечное стеснение их отцом и матерью, что они просто обрадовались, что со смертью матери приобрели часть свободы и самостоятельности, и очень боятся, чтобы опять кто-нибудь не посягнул бы на эти сокровища; все, как видно, из-за этого. Но старшую сестру, тем не менее, они очень оскорбили. Вот мученица-то! От всех приходится терпеть. – В шесть часов отправился смотреть живые картины у о. Федора Николаевича Быстрова. Показывали: «Фортуну и нищий», «Демьянову уху» из Крылова; «Саула и Самуил», «Купидон», «Ангела-Хранителя», «Девушку у колодца» – при бенгальском огне; распорядительницею и сочинительницею была Анна Ивановича Парвова. Не понравилось. В Японии у нас семинаристы, пожалуй, лучше устроят. На будущий год сделаем. Потом были танцы;

распорядителем – Петя – сын Алексея Ивановича Парвова; множество французских кадрилей; больше всего понравилась русская, протанцованная несколько раз маленькими гимназистами под музыку гимназиста же. Обещался всей этой «молодой России» прислать по вееру из Японии. Были еще дядя и два двоюродных брата Федора Николаевича; первый – старец, и у него сын, большой гимназист и музыкант; самое занимательное было – это последнего наслоения молодежь. Был еще Разумовский – протоиерей Смольного монастыря, тесть Федора Николаевича. Начались фанты у молодежи, а мы поужинали – и стали расходиться; был еще В. Гер. Певцов – в карты играл со старухами. – При прощанье, привыкши в Петербурге целоваться со священниками, поцеловал, забывшись и под болтовню с провожавшими Федором Николаевичем и жену его Ольгу Петровну, что пресмешно вышло. Вернулся во втором часу.

7 генваря 1880. Понедельник.

12 часов ночи

Утром принесли две иконы: Спасителя и Божией Матери, – пожертвованные в Миссию о. Космой Преображенским, священником Опечиненского Посада Боровичевского уезда Новгородской губернии, по старанью архимандрита Крестовой Митрополичьей Церкви, о. Исайи. Он показал иконы Владыке; прислали три, еще Архангела Михаила, и Владыка велел написать к ней парную – Архангела Гавриила. – Пришел и сам о. Исайя, чтобы объяснить это. В десятом часу отправился в Европейскую гостиницу на Михайловской улице, чтобы повидаться с Белецким Владимиром Алексеевичем, консулом в Сан-Франциско, которому я привез оттуда бумаги от славян, но с которым до сих пор не виделся, так как он уезжал в деревню, хотя и оставил ему раньше бумаги в гостинице. Оказалось, что он не догадался или притворился не догадавшимся, кто оставил бумаги (хотя я с ними оставил и свою карточку). Так как он накануне отъезда в Сан-Франциско, то отказался по бумагам хлопотать и поручил мне же показать их Митрополиту и о результате известить его в Москве, где он пробудет три недели (бумаги составляют просьбу христиан к Синоду построить им Церковь). В Белецком сквозит крайнее предубеждение против Преосвященного Нестора и тамошнего протоиерея; видно, что под влиянием Ковригина и вздорливых славян, которые под видом уважения к нему, Белецкому, клевещут на архиерея и протоиерея. Сам он добряк и не весьма далекий, как видно; облить его ничего не стоит, а славяне проникнуты до мозга костей ссорливостью и дрязгами. Испортит все это жизнь Преосвященного

Нестора и благонамеренного человека, хотя и горячего, о. протоиерея. Не выйдет пути и опять от пребывания там архиерея! Хотя, дай Бог, чтобы я ошибся. – Там же, в гостинице, зашел к А. Ф. Филиппиусу, который на год думает остаться в России отдохнуть, а также, чтобы приобрести пароход, так

как «Курьер» его уже оказывается малым для торговых операций. – В двенадцатом часу отправился в Еврейский приют на Песках, у Преображенского плаца; нужно было собственно увидеться с протоиереем Аничкина дворца, Никанором Ивановичем Брянцевым, чтобы спросить у него, можно ли попросить у Цесаревны риз и икон из Церкви Дворца. Весьма счастливо попал на храмовый праздник приюта. Совершалась литургия о. Никанором и двумя другими священниками. Пели приютские дети очень стройно; даже концерт вместо причастного пропели; голоса звонкие, но резкие немножко и чуть-чуть с еврейским акцентом; певчие почти все едва от земли видны – совсем крошки. Я стоял у крещальни, над которой балдахин очень красивенький; над купелью висит металлический голубь, по сторонам, под балдахином три иконы: Спасителя, Божией Матери и Иоанна Предтечи. Купель сделана так, что можно крестить и больших, и малых; в последнем случае вставляется другое дно; вода нагревается в котле, в соседней печи; вода вливается из водопровода; пол покрыт красным сукном и сверху холстом; есть лавочки для раздеванья, даже коробка для свечей не забыта. Крещальня устроена по рисунку и советам самого Владыки Исидора. После обедни был молебен, за которым провозглашены многолетия царской фамилии, Митрополиту, как первенствующему члену благотворительного заведения, и его помощнику Ивану Михайловичу Гедеонову – сенатору, наконец, всем благотворителям, начальствующим, учащим и учащимся. За обедней еще познакомился со старостой Николаем Андреевичем Груздевым и получил от него приглашение на закуску после обедни; после обедни с Гедеоновым, самим о. протоиереем Брянцевым, с адмиралом Алек. [Александром] Ильичем Зеленым и увиделся с Ильей Алек. [Александровичем] Зеленым, воспитателем детей Великого Князя Константина Николаевича, и его женой. После службы повели всех осматривать заведение; видели очень чистенькие спальни; внизу, в столовой собраны были дети – двадцать девять мальчиков и восемнадцать девочек; столовая очень чистенько убрана; впереди великолепное распятие. Дети пропели «Отче наш», и им стали подавать обед, а гости ушли наверх к закуске; но в это время уже было половина второго, и я должен был уйти для представления Цесаревне. Ровно в два часа был в

Аничкином дворце. По докладе, Цесаревна приняла в гостиной среди зелени; между прочим, у меня над головой стоял горшок с светло-красной азалией, совершенно такой, как у нас в Японии; вдали виднелась другая такая же азалия. Недаром Цесаревну все любят. Как она проста и приветлива, как скромно села на диване, указав мне ближайшее кресло! Сразу развязывается язык, и я без малейшего стеснения стал говорить о Миссии, вытащил из кармана пакет с фотографией группы нынешнего Собора, с номером «Сёогаку-засси», письмом из Японии о. Владимира и в течение речи показывал ей то и другое. Она несколько раз повторяла: «Да, нужно поддержать Миссию, я скажу Великому Князю»; о петербургских властях выразилась: «они здесь спят немножко», хотя я не мог себе дать отчета, о ком собственно говорит. Когда встала, я попросил, если найдутся излишние, из ее Церкви риз и икон, она сказала: «Да, я скажу, непременно скажу». При аудиенции никого не было; по крайней мере, я никого не видал, да и некогда было рассматривать. И эта Императрица будущая огромнейшей в свете Империи вместе с тем скромнейшая и добрейшая женщина в свете! Дай Бог ей много радостей и много добрых дел! Когда вышел от Цесаревны, было три часа. Вернувшись домой, вечером хотел было идти в город, как пришел протоиерей Митрофаньевского кладбища Николай Данилыч Белороссов, бывший брюссельский священник, с которым я виделся десять лет назад в Лондоне у Е. И. Попова, и просидел весь вечер. Учит христианству ныне какого-то графа немца, который на днях и будет присоединен к Церкви. Рассказывал много неутешительного про своего главного протоиерея Муретова, бывшего прежде Исаакиевским, и вообще про духовенство, читал свою недавнюю проповедь, в которой довольно остроумно сопоставление людей, желающих равновременно реформ с евреями, прогнанными от Кадис-Варни; приводил изречение одного архиерея, что возвышение начальствующих не в угнетении подчиненных, а в поднятии их; вспоминал своих академических товарищей – Максодонова, Капит. [Капитона] Белевского и прочих.

8 генваря 1880. Вторник.

7 *часов вечера*

Утром написал благодарственное письмо к о. Косме и отнес к о. Исайе вместе с брошюрками для отсылки к нему. Отправился в десять часов к Никанору Ивановичу Брянцеву, чтобы предупредить его насчет обещанного Цесаревной касательно пожертвования. Застал его беседующим с несчастнейшим по виду персиянином магометанином, желающим присоединиться к Православной Церкви. Персиянин весьма плохо понимает по-русски и, видимо, хочет креститься для того, чтобы

добыть себе какую-нибудь материальную помощь. Вот тут и поступай как знаешь! О. Никанор собственно еврейский миссионер; он уже крестил человек шестьсот евреев; но к нему шлют людей всех национальностей, желающих креститься. Рассказал он мне одну очень трогательную историю крещения и венчания одной еврейки, насчет которой отец ее выразился о. Никанору: «Мне хотелось не то что убить ее – это я могу сделать каждую минуту, а хотелось бы изрезать в мелкие кусочки». Рассказывал много о препятствиях на его пути; к счастию, – человек не слабый и притом глубоко опытный и крайне храбрый – не стесняется ни перед кем (случаи его препирательств с С. Бор. Потемкиной, – где он просто приказывал ей: «замолчите»). – Тут же пожертвовал на Миссию пятьдесят рублей из суммы, присланной ему для добрых дел Стахеевым из Елабуги, и советовал написать ему. Насчет вещей из Дворца сказал, что много есть икон, которые можно отдать, и обещался поговорить с управляющим Дворца. Насчет моего представления Цесаревне выразился, что это необыкновенный факт: «До сих пор только двое были представлены и имели разговор с Цесаревной – Митрополит Макарий и вы». – От него заехал к Владимирскому протоиерею, благочинному Соколову, чтобы спросить о пожертвованиях из Церкви, – дома не застал. Заезжал к Путятиным. Ольга Евфимиевна – прибледная и слабая, простудилась, но перемогается; просила меня поверить списанное русскими буквами с японских нот «Хвалите», – японскую азбуку знает верно.

9 генваря 1880. Среда

Утром пришел о. Николай Ковригин из Сан-Франциско. Много рассказывал тамошних дрязг и оправдывал себя. Бедный, жаль его – семь человек детей; Духовное начальство дало ему пенсию в полжалованья – 1500 рублей в год; но он без места и без репутации. Обещался говорить за него пред Митрополитом и Иваном Петровичем Корниловым, чтобы ему попасть в Швейцарию. При нем же пришел член Археологического Общества Александр Николаевич Виноградов, рекомендуя себя в живописцы для Японской Миссии. Говорит красно и учено, Восток знает превосходно, но, кажется, больше теоретик, чем практический хороший живописец. Обещался быть у него сегодня вечером, чтобы видеть его коллекции по иконописи. Вышедши вместе с Ковригиным в двенадцать часов, отправился к Петру Андреевичу Гильтебрандту. Марья Максимовна, супруга, принявши очень ласково, угостила семгой, за которой сама же и сбегала, и наливкой. – Петр Андреевич, по-всегдашнему, мило ораторствовал, между прочим, о том, что «Новое

время» развращает нравственность, с чем и я согласен, читая иногда «Новое время» и наталкиваясь на грязные рассказы вроде «Нана». – В Новодевичьем монастыре показали распоротые ризы и прочие облачения, собранные доселе мною, – сказывается, что почти все годно только на выжигу. Просил известить, когда мать Ювеналия будет выжигать, чтобы поучиться. От них поехал к Константину Васильевичу Белевскому, законоучителю Морского корпуса, не застал; к Иордану – обедали, не захотел мешать; к Виноградову – не застал, ибо немного раньше обещанного пришел; опять к Белевскому – отдыхал, – не захотел беспокоить. К Федору Николаевичу Быстрову – нашел письма из Японии, писанные вслед за получением моего письма, и второй номер «Сёогакузасси». Прочитавши, заехал к Путятиным; Ольгу Евфимиевну застал больною в постели; рассказал кое-что из писем, но не все, ибо были и сестры.

10 генваря 1880. Четверг

Утром позвал Митрополит и объявил, что Обер-прокурор сказал, что деньги на Миссию вошли в Государственный бюджет. «Значит, можно поздравить», – заключил. Потом заговорил о сборах на храм, я откровенно признался, что у меня плохо идет. У него оказалось лучше. Базелевская привезла ему десять тысяч, прося только не сказывать никому о ее жертве, Лесникова – вдова, одну тысячу; еще кто-то, кажется, тысячу; затем Митрополит сказал, что он обещает на храм и те девятнадцать тысяч, которые ему дал один жертвователь в его распоряжение еще давно, так что теперь процентов наросло, кажется, около трех тысяч, и рассказал историю пожертвования этих денег, касающихся отчасти о. Алексея Колоколова, о котором Владыка выразился очень сочувственно. Сущность в том, что жертвователь хотел, чтобы он погребен был близ о. Алексея, чтобы над его могилой выстроен был храм, но о. Алексей переведен сюда в Георгиевскую общину, жертвователь похоронен в другом месте; деньги же по завещанию, засвидетельствованному чрез Владыку от нотариуса, предоставлены в распоряжение Владыки. Я заговорил о Сан-Франциско, о бумагах, привезенных мною Белецкому и оставленных им мне на руки; Владыка взял прошение славян в Синод о постройке храма (копия его, как бесполезная, осталась у меня) и сказал: «Ответь, что передал мне»; о храме же сказал, что знает наперед все. «Позвольте замолвить словечко о Николае Ковригине». – «Что же, для него сделано все – дело уничтожено, пенсия дана», – и пошел рассказывать… Знает всю подноготную о тамошних дрязгах и нехороших делах и помнит все. «Пусть просится в какую хочет епархию, а в свою я не возьму», – считая тут и заграничье,

подлежащее ему. – Вечером заехал к Щурупову; план храма и нравится и не нравится; посмотрим, что скажет Владыка; будет строиться так, как он благословит. В восемь часов был у Константина Петровича Победоносцева; расспросил он подробности моей аудиенции у Цесаревны и сказал: «Наследник очень жалел, что не был при этом; он известит, когда можно быть и у него». – Я просил доставить мне случай представиться Наследнику. Была госпожа Абаза – плохо говорит по-русски, но почти все было говорено по-русски – такая любезность; Катерина Александровна, когда принимает, неподражаемо любезна; любоваться нужно на эту черту, в высшей степени развитую и необыкновенно милую у наших великосветских. Был еще барон Остен-Сакен. К. [Константин] Петрович о деле Миссии сказал, что действительно оно вышло в бюджет, но условно, – послан еще запрос в Министерство иностранных дел. Сакен говорил, что это, верно, недоразумение, ибо Святейший Синод уже спрашивал у иностранного министерства и отвечено, что препятствий нет. Сакен сказал, между прочим, что приехал барон Розен, – и очень неловко было заговорить о Пеликане и его жене; я поспешил остановить его. От Константина Петровича узнал, что брак между Софьей Гавриловной Пеликан и А. [Адамом] Петровичем Чеботаревым уже состоялся.

11 генваря 1880. Пятница.

11 часов вечера

Утром написал письмо к Иордану в ответ на его любезную вчерашнюю записку. Отправился за сбором на храм. Штанковский, как его ни рекомендовали в Новодевичьем и ни старались разжалобить письмом, – не принял. «Дома?» – «Нет дома, в контору ушел». – К Ивану Петровичу Лесникову, которому писал письмо. «Дома?» – «Занят, чрез час». Обождал у Федора Николаевича. – Являюсь. – «Нет дома», – резко и строго. Заехал к Василию Николаевичу Хитрово – об Иерусалиме. Греки в Иерусалиме: «Арабы уйдут? Что ж, доходы не уменьшатся, а забот меньше"… У Федора-Николаевича пообедал. – У Путятиных напился японского чаю; приехала туда и Мадам Посьет; долго просидела и мало говорила, между прочим, об устройстве комнат Императрицы в Зимнем дворце, где даже у окон температура совершенно равномерная с общей комнатной, ибо вокруг окон устроены трубы, – и о том, что Константин Николаевич на днях отправляется для сопровождения Императрицы, возвращающейся из Канн в Петербург. В шесть, по обещанному, был у протоиерея Никанора Ивановича Брянцева. Тоже рассказывал множество интересных историй про евреев (как хотели похитить заграницу одного крещеного и как потом отец его просил креститься и прочее), про гонения и доносы на него (пр.

[преподобный] Тихон); расспрашивал и про Миссию. У него сидел один доктор из евреев – полковник, главный врач в военном госпитале, – приобретший все до крещения и крестившийся совершенно по убеждению, даже креста не нужно было от восприемника (арх. [архимандрита] Виталия); при мне же здесь он дал пять рублей одному приведенному с полицией бедняку. В восемь часов Николай Иванович отправился в какой-то комитет, а я поспешил в лаврскую баню и мылся среди рабочих – теснота, хороший пар, вольный разговор и не в меру усердие забалканца – Ивана.

12 генваря 1880. Суббота.

В 3-м часу ночи

Скучный и тягостно проведенный день, как скучно и тягостно и все пребывание в России. Скучал нередко в Японии, скучаю почти всегда в

России. Где же лучше? Там и тогда, где есть настоящее дело. Пусть помнится и чувствуется это, когда буду в Японии. – Утром пришел о. Исайя. Часто приходит. Если бы не был я в фаворе Владыки, не пришел бы. Принес сосуды от Жевердеева – не купил бы; обещался купить. Условились в следующее воскресенье ехать вместе в Мраморный дворец – ему служить, мне посмотреть Дворец и побыть у Ильи Александровича Зеленого, звавшего меня в это воскресенье. – Была Авдотья Дмитриевна Кованько – на алтарь Миссии принести только свое пылающее и плачущее сердце. Спасибо и за это. Звала в четверг к своей приятельнице Мадерах (чуть не Седрах…), которая собрала для Миссии тридцать рублей. Пообещался. И все-то благо, все добро! Но было бы более благо, если бы не быть людям, имеющим серьезную нужду, в положении нищих. Возмущает меня сбор – необходимость стучаться и получать грубые, вроде вчерашних, прогоны – в буквальном значении. Для приобретения смирения – пожалуй, но что же. если подобные факты возбуждают, как у меня вчера, злой хохот. Я хохотал в нескольких местах, а на дне души – злость, дурной осадок. Ненатуральное, насильственное что-то в этих сборах для собирающих. В Священном Писании нет этого. Давид только предложил. Павел только посоветовал и определил правило. – Господь с ним, с этим делом сбора! Не знаю, что из него выйдет; знаю, что в Японии будет храм, но как устроится – не знаю: нравственного мучения моего в этом деле будет немало, думаю. Что ж? Хоть на куски, лишь бы было христианство в Японии! Пошел на Акафист в Крестовую. Чуть-чуть делано, с полутонами и как-то с перерывами. Читает Преосвященный Гермоген. Не нравится. Поют превосходно, но отсутствие Сахарова в басах чувствуется. Что за мелодичный и сильный бас был! В него, бывало,

только и впиваешься слухом. И это не мешало эффекту молитвенности, а нынешнее пение немножко мешает: изредка только чувствуешь слезу. – Скучал и тосковал. В четвертом часу отправился к о. Николаю Ковригину; нашел под небесами. Семь человек детей, старик в постели. Обещался просить за него у И. П. [Ивана Петровича] Корнилова. У Федора Николаевича взял несколько копий рапорта. Одновременно со мной поднимался к нему старый граф Орлов-Давыдов. На ступеньках: «Пошел вон» – слуге, помогавшему ему. – Пришел просить, кажется, Федора Николаевича быть духовником семейства вместо умершего протоиерея Шишова. Федор Николаевич очень просто принял его, нисколько не изменив ни костюма, ни приемов, хотя предварительно знал, что он придет. – Константину Петровичу Победоносцеву оставил пять копий рапорта с «Японии и России», согласно его прежней речи о том. – Всенощную отстоял в Крестовой. В певчих – дискант старый, по-видимому, производит не особенно приятное впечатление. С о. Иосифом, цензором, условились во вторник быть у адмиральши Рикорд. – В девятом часу был у И. П. Корнилова. У него собираются в субботу по вечерам. Я пришел первым; за мной В. В. [Василий Васильевич]

Григорьев. Умнейший из всего бывшего собрания и интереснейший. Затем Александр Львович Опухтин, попечитель Варшавского Учебного Округа, Бычков – библиотекарь, Грот – академик, Савельев – военный археолог, П. А. [Петр Андреевич] Гильтебрандт – редактор «Старой и Новой России», Золотарев, Коссович, Савваитов, П. А. [Петр Александрович] Васильчиков и прочие. Все ропщут, все недовольны. Александр Львович рассказывал про Коцебу, генерал-губернатора Варшавы, как он льстит полякам, как поляки опять поднимают головы и верховодят; все – о чем-нибудь нехорошем ныне в России. А мне хотелось спросить этих пожилых, лысых большею частию или седых господ – так отчего же вы не соединитесь, не оснуете, например, честный журнал и прочее… Пустота, малосодержательная в таком серьезном многоученом обществе. Представить бы собрание таких господ в любом из западных государств – куда больше бы содержания! Чай в начале, яблоки и виноград в средине, ужин из двух блюд и пирожного в конце. – С Григорьевым говорил об удельной системе в Японии. – Много табачного дыму. Больше всех занимали меня – Григорьев и Опухтин – о Польше (он сегодня представлялся Государю, который поцеловал его в голову и сказал: «Выдержите» (в Польше)), и занимала также рассеянность милейшего и добрейшего хозяина.

13 генваря 1880 года. Воскресенье.

В 9-м часу вечера

Утром, в десятом часу, позвал Владыка и долго беседовал. Велел отдать из икон, пожертвованных им, Святого Исидора Пелусиота афонскому архимандриту Феодориту, по просьбе с Афона. «Вам-де там икон святых много не нужно», – и рассказывал, что на Кавказе горцы икон женских святых не чтут – странностию им кажется, по униженному состоянию женщин; чтут больше всего из святых Илью Пророка и просят дать дождя, Архангела Михаила и просят победы, Георгия и прочих. На замечание, что в Японии христиане о житиях святых еще мало знают, я ответил, что, напротив, христиане ничем столько не интересуются, как жизнеописанием святых. О христианских именах советовал не давать имен трудно произносимых и рассказал, как один жаловался архиерею на священника, что дал сыну его имя Иуды, – «никто-де проходу не дает – Иуду родил», – архиерей определил пред причастием переменить имя; а Московский Филарет рассказывал ему слышанное о Московском Платоне – о мальчике Спасе, во имя Спаса Нерукотворенного.

Я выразил сетование, что нет хорошо исследованных житий Святых Апостолов, но, видно, и в самом деле нельзя написать более полных по совершенному неимению материалов нигде на свете. Владыка сам несколько раз велел архимандритам, жившим в Риме, достать возможно полное и лучшее жизнеописание Апостола Петра: «Уже, кажись, где бы и быть такому, как не в Риме? Но – нет, быть может, впрочем, и по невозможности доказать двадцатипятилетнее пребывание Апостола в Риме, паписты не написали полного жития его; на каком же основании Метафраст перечислял страны, где был он; но более обстоятельных сведений неизвестно; то же и о других Апостолах». И рассказал, как он писал о Петре, что «всегда, как к Петру сказано что-нибудь особенное, на что ныне ссылаются католики – тотчас же за сим следует искушение для Петра: „Ты еси Петр” и тотчас „иди за мною, Сатана”; „молился о тебе, да не оскудеет вера твоя” и троекратное отречение Петра… Значит, Петру и говорится особенное – по предвидению его падения, чтобы научить смирению его и всех, а не для римских целей». Я рассказал о клевете на меня протестантов по приезде моем в Едо, когда я стал в Сиба изучать буддизм, – и о житии царевича Иосафа по исследованию М. М. [Макса Мюллера]… Зашла речь о Фомитах[25] в Индии, и Владыка выразил желание узнать обстоятельнее о них. Нужно найти источники сведений и доставить ему в русскую печать. Рассказал о посещении его в прошлом году английским епископом. «Надеюсь, вы найдете у нас что-нибудь хорошее, а не так, как другие из вас – называют нас идолопоклонниками за

то, что мы имеем иконы, сообразно с Вторым Вселенским Собором, имея в них писанное красками Слово Божие и поклоняясь на иконе Богу, как Он явился людям"…

Вышедши от Владыки в половине одиннадцатого, отправился к обедне в Исаакиевский Собор. По дороге зашел к А. И. [Андрею Ивановичу] Предтеченскому, но совестно было попросить у него «Христианское Чтение» за 1838 год часть 1, которую я обещался достать для М. В. [Марии Владимировны] Орловой-Давыдовой; А. И. лежит в постели уже с месяц; харкает кровью, но глаза все те же – живые, умные, блестящие. Ласково, просто и задушевно принял. Около него кипа газет. Просил писать о Миссии для «Церковного Вестника»; пенял, что не пишем. В Исаакиевский Собор поспел во время проповеди; говорил Вишневский, молодой магистр, с Волкова кладбища, еще прежде принесший мне (когда меня не случилось дома) свое исследование «О происхождении Псалтири» и рекомендовавший [в] Миссию Сивохина, который вследствие этого и сделал пожертвование в Миссию облачениями и утварью. Здесь впервой познакомился с этим незнаемым доселе благожелателем Миссии (после проповеди, в алтаре). О. Иосиф, цензор, сказал, что Адмиральша Рикорд зовет, – условились с ним отправиться к ней; о. протоиерей Лебедев – настоятель Исаакиевского Собора любезно обещал найти что пожертвовать из Собора в Миссию; Корашевич посоветовал еще обратиться к о. ключарю Благовещенскому. Обращусь. Здесь же встретиться с о. Вениаминовым из старшего курса; красив, как и тогда был. – К Капитону В. [Васильевичу] Белевскому. Расспрашивал его о братьях; жаль Алексея Белевского, славного человека и отличного доктора, умершего на войне от тифа. Мир, тебе там, милый товарищ! Рассказал кое-что о Миссии. – К Ивану Ивановичу Демкину; застал у него Павла Абрамовича Аннина, ныне служащего по Министерству народного просвещения, по народным школам. – К Демису Иван Иванович идти не мог – требы. Я к Федору Николаевичу; уехал, но, вероятно, не попадет к Демису, ибо он переменил квартиру. Так и оказалось – Федор Николаевич не явился, и мы в пять часов сели обедать. Демис написал краткое извещенье, которое думает поместить в газетах, – что нужны церковные вещи и туда-то их доставлять; взял проект, чтобы посоветоваться с сотрудниками; не мешает спросить и Владыку. За столом занимал сынок Демиса, Петя: «А вот как наш класс сделается генералами, мы тогда покажем Японии», а он во втором классе. После обеда генералы затеяли беготню по комнатам и одному из них пришлось плакать, так как ссадил себе палец.

14 генваря 1880. Понедельник.

В 6 часу вечера

Утром лишь пришел о. Исайя поздравить с Владимиром третьей степени, как пришел Евфимий Васильевич Путятин, третьего дня вернувшийся с похорон графини.[26] О. Исайя ушел, а граф стал просить прийти вечером и остаться на ночь, чтобы поговорить с Евгением о женитьбе. Евфимий Васильевич хочет женить на второй Васильчиковой дочери, а Евгений не хочет, а хочет опытной в житейских делах невесты – Васильчикова же совсем ребенок. Оба упорные: отец не хочет больше говорить с сыном касательно женитьбы, будучи оскорблен его письмом. Трудно положение посредника, нужно как-нибудь успокоить графа и упросить, чтобы он не настаивал так скоро на решении судьбы Евгения, тем более что нет и сорока дней по смерти матери. Когда граф еще сидел, пришел Павел Парфенович Заркевич. Зашла речь об иерусалимских делах, граф разгорячился, говоря. Чуть ли не сделает Министерство иностранных дел по-своему, то есть закроет Духовную Миссию, – тогда конец и православию между арабами – все перетащут себе хитрые католики и протестанты. Не дай Бог! По уходе Заркевича пришла Юлия Георгиевна Эммануэль. Тип особенного класса женщин, увивающихся около духовных высшего класса. На груди – черный большой крест и золотое сердце, в котором выписочки из писем Митрополита Исидора, Евсевия Могилевского и другие, а в груди, видимо, сердце, расположенное к благочестию, в голове же мозгу весьма мало, – о чем я думал, когда она болтала мне о своем роде, родных с точнейшим разбором родственных связей, и – все это о людях, которых я никогда не видал и никогда не увижу, так как и самое-то ее вижу в первый раз, после того, как в Соборе она навязалась ко мне с своим знакомством. Именно, язык ворочается у женщин в десять крат быстрее, чем у мужчин: болтала она бойко, не уставая, с захлебываньем, а я, не слушая ее, думал, как образуются такие личности? От пустоты и ничего не деланья, должно быть. Надоедают же они архиереям, надо полагать; вот и эта пришла ко мне прямо от Владыки, с картинкой и иконкой в благословение кому-то из ее родных, которому сегодня день рождения или смерти, не упомню. И Владыка должен терять время на выслушиванье захлебывания таких особ. С интересом только рассматривал в браслете миниатюру отца Эммануэль, генерала, которому когда-то поднесли ключи Реймса. Когда она еще сидела, пришел о. Сергий, иеромонах архиерейского дома Высокопреосвященного Евсевия Могилевского, который поручил ему узнать обо мне. Непременно надо побыть в Могилеве, чтобы получить благословение маститого иерарха,

благословившего меня двадцать лет назад в Иркутске и отечески напутствовавшего на дорогу и жизнь.

15 генваря 1880. Вторник

Вчера вечером, когда собрался было идти к Щурупову, пришел А. Н. [Александр Николаевич] Виноградов и проговорил об иконописи с час. Видно, что теоретик и археолог по части иконописи превосходный. Если бы оказался и практически таким хорошим живописцем, то лучшего и не надо для Миссии. – У Щурупова спросил о цене плана храма с деталями; запросил 750 рублей. На мои слова, что дорого, и чтобы он подумал и уступил, рассыпался в болтовне на эту тему, выбежал даже на лестницу, все уверяя, что меньше нельзя. – У графа Путятина, после чаю, пошел наверх с молодым графом уговаривать его согласиться; но после обстоятельного разговора о деле оказалось, что он и не противоречит; он, полушутя, полусерьезно, написал свои условия женитьбы на указываемой Евфимием Васильевичем Васильчиковой, и я взял листок, чтобы утром показать Евфимию Васильевичу. Долго потом Евгений Евфимиевич показывал свои книги и коллекции. В четвертом часу улеглись спать. Утром сегодня, после короткого объяснения с Евфимием Васильевичем, оказалось, что отец и сын во всем совершенно согласны; граф – рад и припрятал записочку, должно быть, на случай, чтобы Евгений не отказался от своих условий: «Это и хорошо, что он написал», – промолвил он. Экая горячка Евфимий Васильевич, даже с сыном и о таком важном предмете, как женитьба сына, не может объясниться спокойно, а у Евгения характер его же; ну и выходят недоразумения и гнев. После чаю отправился в Лавру; оттуда в Исаакиевский Собор, где сегодня назначено молебствие о здравии Государыни. По пути купил газет, чтоб читать в дилижансе; был в клобуке, что не составляет помехи ездить в общественной карете. – Молебен в Исаакиевском Соборе совершали все члены Святейшего Синода; народу было немного для Собора, должно быть, потому, что не успели узнать. После молебна в карете с цензорами оо. Иосифом и Геласием доехал до Владимирской, пошел посетить Катерину Дмитриевну Свербееву, по ее записке, что желает меня видеть до отъезда в Москву; она приехала ухаживать за больной женой брата Михаила Дмитриевича. К сожалению, не застал дома. Что за милое семейство Свербеевых! У их очага многим-многим тепло и уютно. Вернувшись в Лавру, у о. Иосифа виделся с Евграфом Ивановичем Ловягиным – все так же добрым и простым. С о. Иосифом отправились к адмиральше Рикорд; в три часа она очень жива и мила; раньше того – еще не разгулялась, после утомляется; неудивительно, ей за восемьдесят лет. Очень интересуется Японией; о.

Иосиф весьма ловко приговорился, чтобы оставить у нее книжку для пожертвований на храм; сколько-нибудь подпишет. – Заехали к земляку о. Иосифа, протоиерею Скорбященской Церкви о. Николаю Георгиевскому; жена – красавица, дети – купидоны; приняли весьма радушно, но мне к пяти часам нужно было спешить, по обещанью, к Заркевичу. Посетил там о. протоиерея Крюкова, Евст. [Евстафия] Васильевича. Тринадцать человек детей у него! Две дочери уже замужем, одна за механиком Сокольским, другая за Вяземским помещиком Жиголовым, которого там и видел. Пожертвовать из храма очень любезно обещался – что можно; но, кажется, пожертвования не будет, ибо о. Аполлос был у Бажанова, и оный, должно быть потому, что я не просил у него, сказал, что без Святейшего Синода нельзя жертвовать, а Введенье, как полковая Церковь, подведома Бажанову. – У П. П. [Павла Петровича] Заркевича были еще – Горский и о. Анастасий из товарищей, о. Желобовский – выше курсом и с десяток других гостей. Скучновато было и спать хотелось, а пришлось уйти в третьем часу. Экий хлебосол Заркевич!

16 генваря 1880. Среда

Утром с Щуруповым были у Владыки – план Владыка одобрил. Зашел Щурупов ко мне, тут же пришли граф Евфимий Васильевич и Ольга Евфимиевна от обедни. Граф едва взглянул на три алтаря подряд, как и рассердился и закричал, что теснота будет в алтарях, – и руки у него затряслись. Что за раздражительность, в высшей степени неприятная и для других, на нервы как-то действует. По уходе их я стал опять толковать с Щуруповым о цене, просит опять 750 рублей. Я предложил 500, ссылаясь, что Реутов за более трудный план с деталями просил всего 600 рублей. Щурупов рассердился, наговорил грубостей, вроде «коли нищенствуете, нечего и заказывать», «художники с собой шутить не позволят», – бросил план и ушел. Видно, что старик очень жаден до денег и нечестен же притом. Увидим, что дальше.

Приходил о. Иосиф, цензор, и рассказывал про службу в семинарии, и архимандрит Михаил – ревизор. В втором часу был у графини Орловой-Давыдовой, чтобы повидаться с ее сестрой Натальей Владимировной Долгорукой из Москвы. Попросил ее оставить собранные ею деньги до моего приезда в Москву, чтобы куплены были книги или священные картины действительно полезные. Там же виделся с бывшим моряком Бартеневым. – У о. Федора Быстрова получил очень неприятную корреспонденцию из Японии от о. Анатолия о семинаристах и певчих, певших в Посольской Церкви, а также Кудзики и Яманако. – В четыре часа был у Федора Ивановича Иордана, где и обедал постным вместе с

Варварой Александровной. Очаровательно всегда принимают эти истинно добрые и благочестивые люди. – Заехал к Дмитрию Яковлевичу Никитину, читал отрывок из приготовляемой им проповеди об обязанности повиновения для детей; рассказывал, как однажды, когда он в Исаакиевском Соборе, кончив проповедь, сходил с кафедры, к нему пристала одна дама: «Что Вы, батюшка, не сказали, что дети должны повиноваться родителям».

17 генваря 1880. Четверг

Утром был о. Исайя, чтобы условиться о времени отправления вместе с ним в воскресенье в Мраморный дворец. Потом принесли шесть икон и два прибора воздухов от Государыни-Цесаревны в Миссию, переданные ею Константину Петровичу Победоносцеву, и от него теперь присланные. То и другое – в высшей степени изящно. Письмом попросил Константина Петровича поблагодарить Государыню-Цесаревну. Дар ее, конечно, будет храниться Японскою Церковью, как святыня. – Так как Свербеев обещался быть с сестрой, то до двенадцати часов должен был сидеть дома. Их, однако, что-то нет, хотя теперь ровно двенадцать.

В час был у Варвары Алек. [Александровны] Модерах, как обещался. Застал там Евд. Дм. [Евдокию Дмитриевну] Ковалько, двух пожилых сестер и старушку. Модерах собрала шестьдесят семь рублей. Сестры пожертвовали кресте мощами Святой великомученицы Варвары, знакомый Ковалько – прекраснейшее произведение – икону Тысячелетия

России. Сама Ковалько от умиления плакала. Как посмотреть, сколько добрых людей в России! И закуску приготовили, но не до нее было, хотя и усадили за нее. Я глубоко тронут был благочестием этих добрых христиан, и сердце расширилось для разговора с ними, хоть ехал и искал номер Варвары Ал-ны с утомлением и апатией. – В третьем часу был у А. Н. [Александра Николаевича] Виноградова. Тотчас же явился и граф Евгений Евфимиевич Путятин, по любви к старым произведениям учености и искусства. Пока стемнело, смотрели коллекции по церковной архитектуре и иконографии. Виноградов серьезностию отношения к своему делу все больше и больше нравится мне. Нужно будет, кажется, подвергнуть его испытанию в практике иконописи в Новодевичьем монастыре. Вернувшись в Лавру, побыл у Владыки, чтобы спросить, что делать с Щуруповым; велел не ссориться. Увидим. Быть может, по пессимизму моего воззрения на людей, Щурупов кажется мне плутом, который еще огреет карман Миссии не на одну сотню, не говоря уже о 750 рублях, которые я должен буду отдать ему, вследствие приказания Владыки не ссориться. – Сходил в баню. Явился Обер-прокурорский курьер. Что?

Поздравить с Монаршею милостию. Мелочи не оказалось, хотел занять у Андрея – ушел; велел курьеру после прийти. Бедный люд, – тоже живет одними подачками, а жалованье поди самое незначущее.

18 генваря 1880. Пятница

Утром пришел Д. Д. [Дмитрий Дмитриевич], вернувшийся от родных; перечитал он письма из Японии. Пришел Мих. Алек. [Михаил Александрович] Резанов с планом византийского храма. Показал ему план Щурупова. Не одобрен. – По уходе Резанова поехали на Петербургскую в Троицкий Собор; застал одного диакона, который вместо обещанных Горским многих икон дал всего семь; киотов не взял я. На возвратном пути заехали в домик Петра Великого поклониться иконе Спасителя. Вечером был у В. И. [Василия Ивановича] Барсова, благочинного у Знаменья. Рассказывал он много интересного про скопцов (погребенье белого голубя), про других раскольников (старухе, дающей за требы; попе у Николы, товарище Барсова по академии), про службу свою в Мариинской женской гимназии и про ревизию после покушения в 1886 году (Вышнеградский). Вернувшись, застал письмо Шереметева, приглашающее в Церковь к нему.

19 генваря 1880. Суббота

Утром Д. Д. [Дмитрий Дмитриевич]; ответ на письмо Шереметева; записка к Катерине Дмитриевне Свербеевой с отказом прийти сегодня на завтрак. – В Музее Общества поощрения художников с А. Н. [Александром Николаевичем] Виноградовым. Картина Сверчкова «Балканы»; освещение лампами. Знакомство с секретарем Общества Дмитрием Васильевичем Григорьевым – хозяином у себя, довольно неприветливым; осмотр Музея. Покупка Библии в картинах и прочее. Вечером, пред всенощной, в Крестовой – гимназисты: Храповицкий, Соколов и Нефедьев. «Ни один из новых архиереев не избегает наших рук» (прислуживают при архиерейских службах). «Хотели качать, да утек» (товарищи Храпов [ицкого], после актовой речи).

А тоска-то, тоска во все эти дни! Как один с собою останусь, так хоть умирай от недостатка живого дела! Ужель это дело – собирать тряпье по Церквам? И как же надоели мне все эти разъезды всегда почти впустую. Собирать пожертвования – мука. И дают как же плохо. Сегодня, например. адмиральша Рикорд суетилась-суетилась и вынесла пятьдесят рублей. хоть книжка лежала у нее уже три дня. – Каждый день в разгоне, и почти каждый день – нуль!

20 генваря 1880. Воскресенье

Утром заехал к графу Путятину отдать Ольге Ефимовне

«Христианское чтение» за 1837 год, часть 1, нужное для чего-то графине Марье Васильевне Орловой, и Ветхий Завет в картинах, купленный вчера в Музее по просьбе Евгения Ефимовича. Оттуда к обедне отправился в дом графа Сергея Дмитриевича Шереметева по его приглашению. Обедня начинается в одиннадцать часов; служил сегодня старец о. Платон из Сергиевского Собора. Я пришел рано; потому седой дворецкий, держащий себя очень достойно, повел показать образную графов. Комната по стенам до потолка сплошь уставлена иконами; по одну сторону иконы, принадлежащие графу Сергию, по другую – юному графу Александру; в смежной, в стеклянных шкафах – походная Церковь фельдмаршала графа Бориса Шереметева. Есть очень древние иконы, например благословение от папы графу Борису с лампадой редкой работы, мальтийский крест Бориса; везде блестят бриллианты, аметисты и золото; одна небольшая икона стоит двадцать тысяч. Ровно в одиннадцать началась обедня. Певчих пятнадцать человек; голоса превосходнейшие; управляет Ломакин; певчие – все любители, получающие притом от графа большое жалованье; есть люди в больших чинах – например, один, кончивший курс в Киевской Духовной академии. Поют, конечно, превосходно. – После обедни граф Сергий позвал к себе. Большое общество. Между прочим – Константин Петрович Победоносцев. Он-то и есть благодетельный гений Миссии, внушивший графу пригласить меня. Прошедши ряд великолепнейших комнат, в одной, должно быть, в библиотеке, все собрались и стали пить чай. Графиня [27] усадила меня около себя. И начались расспросы про Миссию в Японии. Константин Петрович помогал мне, вызывая на рассказы. Все слушали внимательно. Когда зашла речь о католиках и я стал характеризовать их, некоторые из гостей встали и ушли, – должно быть, католики, и не по вкусу пришлось. поделом! Не православию с поля уходить. При речи о протестантах кто-то промолвил: «Вот здесь бы быть редстокистам». видно, в этом доме нет их. Я уже довольно устал говорить, когда пригласили к завтраку; графиня повела меня впереди и пред столовой предложила закусить – я, кажется, один и воспользовался закуской; стаканчики к водке в виде шариков – впервой видел. В столовой накрыт был огромный стол, и оказалось, что все места не остались пустыми; для детей еще в углу накрыт был другой столик. Завтрак состоял из пирога и рыбы для меня и того же пирога и котлеты для других; из напитков подавали херес, красное вино и пиво. После завтрака подали полоскальницы. Все кончилось весьма скоро; украшений в столовой и на столе – никаких; посуда очень простая; только дворецкий разукрашен был в великолепную ливрею. После завтрака тем же порядком отправились в

прежнюю комнату. Дети шумно разбежались по комнатам; в столовую также вбежали шумною толпою; графиня иногда кое-кому из них делает замечание тихо. Вообще, счастливее и лучше дома, кажется, и представить нельзя. Граф и графиня – оба молодые и красивые; у них четверо детей, кажется, все мальчики; одеты в белых русских рубашках; игривы, милы и хорошо направляются, как видно; кто подвернется под руку, тотчас же просит благословения и непременно целует руку. В обществе были и старые люди, но больше молодежи. Графиня сама стала варить кофе, а меня опять заставили говорить о Японии. Граф Сергий был особенно оживлен и сказал, что хочет еще поговорить со мною отдельно, для чего спросил, когда может приехать ко мне; я предоставил ему назначить время и заранее известить меня. Должно быть, собирается пожертвовать на храм. Авось либо сделает достойное его имени пожертвование. Много интересовались рассказами еще двое мужчин – старик и пожилой – как видно, член Совета Миссионерского общества, и звал к себе в Москве. Стеснился спросить у них – кто они; нужно будет узнать у Константина Петровича. Граф подарил книгу рисунков храмов и иконостасов, и старик надписал ее; должно быть, он и есть князь Вяземский. Была еще старушка, заговорившая о профессоре Григорьеве, которого я встретил в Японии и который будто бы писал, что японцы называют меня великим мудрецом!!! Нужно будет побыть у матери Григорьева. Когда я встал, чтобы уйти, попросили по-японски прочитать «Отче наш», что я и сделал, затем раскланялся с графиней. Граф и некоторые гости проводили до лестницы. Что за роскошь везде! Такой богатой лестницы, устланной богатейшим ковром, с превосходнейшими статуями, да и вообще такого роскошного дома никогда еще, за исключением дворцов, не видал. И что за приветливость! Я вернулся в восхищении, конечно, потому, что льстится надежда получить от графа на храм. Без той тайной надежды, увы, скука одолевала бы и все казалось бы в другом свете. Ведь скучны же дворцы и не манит в них, например в Зимний, к графине Толстой, к Николаю Николаевичу, к Бартеневой. И теперь вот в Мраморный – к Ил. Ал. [Илье Александровичу] Зеленому на обед – невесело отправляться.

В первом часу ночи. Только что вернулся от Зеленого. Не столько весело было, сколько удерживало желание наблюдать. Илья Александрович положительно добрейший человек. Счастлив К. Н. [Константин Николаевич], что напал на такого воспитателя для своих детей. Он – искренен, умен, откровенен; Великие Князья, конечно, получали от него самое благотворное направление. Замечательны его характеристики, откровенно высказывается при гостях, при своих детях:

«Великие Князья в семействе, как в гостях, и только в своих комнатах, как дома"… «Стесняются до совершеннолетия, как малые дети, а потом разом получают двести тысяч в год в бесконтрольное распоряжение и начинают делать глупости» и прочее. Илья Александрович постарался вести дело так, что князья и в детстве не чувствовали постоянного над собою насилия, оттого старший, сделавшийся совершеннолетним, с недоумением спрашивал: «Да в чем же различие моего прежнего состояния от нынешнего?» И любят Князья Илью Александровича искренно, как он говорил. – Константин Петрович при покупке старается тотчас же, не видя вещи, отсчитывать деньги и прочее. Учителя и выбор их воспитателем… человек в комнате для свидетельства. Жена Ильи Александровича, Александра Николаевна, чуть-чуть, кажется, кокетка, хотя очень добрая, судя по тому, как она заботится об устройстве концерта в пользу слепых воинов. Дети – четверо – премилые; старший, Саша, все время занимался растоплением каминов; второй – ушибся и прелестно жаловался на это; самая младшая храбро лезла целоваться, прощаясь на сон. – Отец, Александр Ильич, добрейший адмирал, каким я знал его по рассказам моряков, – благодушнейший старец. Киреев – адъютант Константина Николаевича, бравый офицер, по виду и добрая душа; увлекся слушанием рассказов об Японии, так что на два часа опоздал куда-то. – Митусов назначил на 31-е генваря осмотр его богадельного заведения и потом обед у себя; хотел было сделать 29-го, но только потому, что мне в этот день нельзя (обещал день для осмотра заведения слепых Красного Креста), избрал 31-е число. Прочие гости за столом и после пребывания были милы и внимательны. Последняя прибывшая – графиня Орбелиани, молодая красавица. Обстановка Ильи Александровича вполне роскошная; живет в служебном Дворце, около Мраморного. Каждый день с утра у Великих Князей и отвечает за каждый шаг их. С совершеннолетием младшего князя обязанность его кончается. – Я ушел после чая, но там только засели играть в карты. Погода сегодня совершенно теплая; утром, когда выехал, пахнуло весной и что-то молодое, очень приятное пронеслось на душе. Возвращаясь, едва нашел извозчика почти на полпути от Лавры. Шуба Ивана Ивановича бременила плеча и вгоняла в пот.

21 генваря 1880. Понедельник

Утром назначено было идти в Знаменскую Церковь за пожертвованными вещами, но получил записку от протоиерея Василия Ивановича Барсова, что сегодня староста и причт не могут принять. Целый день проскучал, сидя дома, так как сделалась совершенная оттепель и в шубе Ивана Ивановича трудно выходить, камлотка[28] же у него арестована.

Нанял прогоняемого Андрея в слуги, пока здесь, и вечером послал его на Васильевский остров за камлотовой рясой и шляпой; Иван Иванович прислал и свою драповую и строго наказывает беречься именно в это время выходить легко одетым. Вечером поехал к Феодору Николаевичу. Дорогой на санках по камням едва добрался до Инженерного замка; извозчик должен был идти у саней, подгоняя лошадь. Федор Николаевич поздравлял с орденом; Иван Васильевич Рождественский рассказывал ему, что Император едва согласился: «Отчего же не четвертой степени?» И только, когда объяснили. – мол, скоро архиереем, – подписал. Федор Николаевич наказывает еще пять десятилетий прослужить. Не в меру! При возвращении он завел меня на Моховой в часовню Черменецкого монастыря, откуда обещались пожертвовать облачений. Восьмидесятилетний о. игумен Никодим ласково обещались жертвовать, и тут же о. игумен указал две иконы, которые отдает. Он хлопочет об увольнении его от игуменства за старостию, так как память ослабела, говорит; впрочем, очень добрый старец с светлыми умными глазами.

22 генваря 1880. Вторник

Утром написал письмо к Щурупову, соглашаясь дать семьсот пятьдесят рублей за план. Пришлось нарваться на человека! Только благодаря вчерашним советам Федора Николаевича и под влиянием прочитанной затем сцены из «Одиссея», как он укротил свой гнев при виде беспутных служанок, отправлявшихся на свидание с женихами, я осилил себя и написал ласковую записку после грубостей архитектора.

В 10-м часу вечера. Письмо с приложением рисунков храма не было отослано тотчас же только потому, что Андрей куда-то отлучился. Вдруг является Щурупов – мягкий, ласковый по-прежнему, и волнующийся. «Прошу шестьсот пятьдесят рублей, не хочу стать наравне с каким-нибудь учеником». – «Согласен, но зачем вы прошлый раз так нерезонно рассердились? Я имел такое же право желать исполнения заказа дешевле, как вы ценить свой труд дороже (из вчерашнего наставления о. Феодора)». Щурупов рассыпался в уверениях, что он вовсе не сердится, что у него такой способ говорить, и предложил написать условие, то есть то, чего я сам хотел от него как-нибудь добиться. Я дал ему бумаги и усадил за письменный стол, предварительно удалив копию с письма к нему. Он написал безграмотный контракт, но в нем ясно прописано, что он должен сделать все детали и рисунки иконостасов. Я дал ему сто пятьдесят рублей задатку; контракт с его подписью остался у меня, а я спишу копию и с моею подписью отошлю к нему, что уже и исполнено. Таким образом сто рублей, висевшие на волоске, сбережены. Видно, что Щурупов боится

Митрополита, то есть чрез него потерять в будущем возможность рисовать планы для духовенства. – Андрей захотел отправиться домой, чтобы отдохнуть и поправиться здоровьем; действительно, он истомился, как видно, на трудной службе многим господам. Я уволил его. – В половине первого часа пришел о. Иосиф, цензор, чтобы отправиться вместе посмотреть некоторые богоугодные заведения, к которым он близок, как член или как участвовавший при основании. При выходе столкнулись с бароном Романом Романовичем Розеном, на днях приехавшим в отпуск из Японии. Весьма приятно было встретиться с японским знакомым. Вернувшись в комнату, полчаса превесело проболтали. Он уже представился Государю; говорил, что утомляется на балах, живет в Hotel de France на Большой Морской, ездит в отличной карете; в Японию, кажется, не очень хочет. – Когда еще сидели, пришел посол от Великой Княгини Екатерины Михайловны с приглашением сегодня на обед к ней в шесть с четвертью часа. – С о. Иосифом прежде всего отправились в приют «Святого мученика Мефодия Патарского» на Песках. Приют начался лет десять тому назад, почти незаметно: один добрый чиновник, по имени Мефодий, стал принимать к себе бесприютных девочек, которые прежде просто прислуживали ему, а он их одевал и учил. Девочек стало собираться больше, а Мефодий, постепенно увлекаемый своим добрым делом, пожертвовал всем своим состоянием на приобретение участка земли, построение на нем каменного дома с Церковию и разведение сада. Когда все это было заведено, Мефодий подарил свой приют Великой Княгине Александре Петровне, которая в настоящее время и есть главная попечительница его. Теперь в приюте живут тридцать пять девочек и приходят мальчиков и девочек до пятидесяти. Принимаются в приют дети самые бедные, без различия состояний, имеет право принимать сама Великая Княгиня; приходящих принимает ближайшая начальница – Мещерская, которая нам показывала приют (Мещерская сама вдова; сын и дочь ее живут при ней и ходят в гимназию). Встают дети в половине седьмого, через полчаса молитва и чай; приходящим дается сбитень; они остаются здесь на целый день и кормятся обедом. На детей, живущих в приюте, расходуется в сутки на пищу тринадцать копеек. Но значительную часть провизии жертвуют случайные благотворители, так что из кассы приюта в сутки выходит на девочку не более восьми копеек. Приходящих в сутки положено расходовать, кажется, по три копейки. Приходят все крайне бедные. По правилу положено, чтобы приходящие все были чистые и чистенько одеты; а иной придет грязный. «Отчего?» – «Воды дома нет». – Ему дадут мыла и воды, и он вымоется здесь. Приют

уже начинает процветать. Мещерская, видимо, с радостию рассказывала, что за прошлый год уже триста пятьдесят рублей заработано девочками шитьем белья, метками платья (и я заказал себе пометить буквою «Н» дюжину платков, которые просил их же и купить). Деньги заработанные оставляются – и после, при выходе из приюта, девочки получат свою часть. В год расходуется на содержание приюта до пяти тысяч рублей, считая тут жалованье начальницы четыреста рублей в год и учительниц по пятнадцать рублей в месяц. Из учительниц одна в самом младшем классе, краснощекая серьезная девушка лет семнадцати, уже из воспитанниц самого приюта. Она же и регентша. Прежде всего нас повели в Церковь по лестнице, уставленной горшками с зеленью. Церковь чистенькая и светлая; народу дозволено приходить молиться, и потому священник и диакон за службу довольствуются доходами, не имея нужды в плате от приюта. Когда мы вошли в Церковь, на хорах раздалось пение: «Достойно есть» входного; пели очень стройно, голоса – чистые и прекрасные, особенно сопрано. Затем пропели концерт и многая лета. В алтаре над жертвенником, на каменной доске, просьба Мефодия – молиться о нем. Против Церкви, во втором этаже, спальни детей, очень чистые; почти над каждой койкой образок – собственность девочки. Там же фортепьяно, пожертвованное кем-то, в углу комнатка, крошечная, – учительницы – бывшей здешней пансионерки; Мещерская рассказывала, что она очень рада этой своей комнатке. Отсюда я зашел на хоры к певицам; в это время они неудачно начали «многая лета», – я просил их окончить петь; но регентша, как видно, не желала кончить так неудачно, переназначила тон, и пошло хорошо; я дал два рубля певчим. – Повели потом осматривать классы. Когда мы еще входили в приют, для детей был отдых и слышалось их пение какой-то песенки и шум. Теперь все чинно сидели по классам; приходящие и пансионерки, мальчики и девочки все вместе; всех классов четыре; начали осматривать с младшего; в двух первых спрашивали Священную Историю; бойко рассказывают с рассказов учительниц; лишь только один запнется, как многие другие поднимают руки, чтобы показать, что они знают и готовы отвечать; в третьем – арифметику – раздробление; в четвертом – более взрослые девочки занимались рукоделием: одна шила на ручной швейной машинке; есть у них и большая, чтобы вертеть колесо ногой, но доктора запретили употребление ее, как вредное для развития организма; другая обрубала платки, третья шила шелковое платье. Начальница с гордостию сказала, что им заказывают уже и подвенечные платья – должно быть, это и есть. Потом видели кухню, еще помещение учительницы (другие учительницы –

приходящие) и, наконец, зашли в комнаты начальницы, где угостили нас чаем; у нее две комнаты – приемная, она же и кабинет; на столе приходо-расходная книга, – и спальня, где кровати для нее и сына. Из девочек назначаются две дежурные, которые в спальнях, когда встанут и уберут свои койки, везде обметают пыль, а в кухне приучаются и помогают стряпать; у них платьица другого цвета и с короткими рукавами для удобства при работе. Великая Княгиня, когда здорова была, часто приезжала в приют и совершенно матерински обращалась с детьми; теперь недавно она прислала в приют девочку – двухлетнюю, которую тут же и видели мы. На Елку, бывшую в Рождество, разные благотворители надавали больше трехсот рублей; и дети все получили платье, обувь и много конфект; дети приводили своих маленьких гостей, так что яблоку негде было упасть в приюте, – и все были очень счастливы. – Дети гурьбой проводили нас из приюта. – Отсюда поехали на Петербургскую сторону осматривать Марьинский приют Красного Креста, – куда принимаются дети убитых в минувшую войну офицеров. Он под покровительством Великого Князя Сергея Александровича; главной же начальницей Софья Ильинишна Ермакова. Ее тоже застали в приюте, и никогда не забыть мне чувств при виде всех этих крошек – мальчиков и девочек, детей наших павших героев. У каждого последняя мысль, верно, была об остающихся сиротах, – и вот здесь они призрены и воспитываются. И как же заботятся о них! Везде такая чистота, изящество; пища такая хорошая; при нас они обедали вместе с своими воспитательницами; показывали наперерыв свои тетрадки, пели «Боже, Царя Храни!» и разные детские песенки вроде: «Ох, батюшка, не могу», «Петушок, Золотой Гребешок»; двое пели привезенную из дому песню «О воле». Трогательны рассказы Ермаковой о детях, как они исправляются, – о двух малютках Оглоблиных из Смоленска, детях капитана, привезенных матерью – один был точно дикарем, – теперь как все. Двое из детей приготовляются уже к поступлению в военную гимназию. Прочие все такие малыши; но как стройно поют! И трехлетние, пища, точно комары, поют очень правильно, – учатся петь под фортепьяно; показывали еще комнатную гимнастику; казачка Варя (из Ростова-на-Дону), черноглазая девочка лет восьми, была образцовой. – Дай Бог процветания этому приюту. В высшей степени отрадно видеть, что дети людей, умерших за Отечество, не бросаются на произвол судьбы. – Оттуда нужно было спешить домой, чтобы не опоздать на обед к Великой Княгине; но о. Иосиф убедил на пять минут заехать в «Приют Благотворительного Общества в приходе Святого Владимира». Дети пропели; всех человек шестнадцать, приют только что устроен;

назначенье – ремесленное; дети дали на память коробку их работы и книжку их переплета с надписями. Дал один рубль. – По приезде домой, наскоро переодевшись, отправился к Великой Княгине. Кажется, минута в минуту поспел в четверть седьмого. Были еще барон Остен-Сакен, Саблер, сын Княгини – младший, дочь и какая-то дама и еще в золотых эполетах кто-то; застал всех уже за закуской. Великая Княгиня встретила очень приветливо, сама подала тарелку и предложила икры; обед весь был постный и, конечно, превосходный, блюд в семь; но мне едва удавалось отведывать каждого блюда – нужно было удовлетворять вопросам; рассказал о Хидеёси, о харакири, на вопрос Княжны – мягки ли японцы и прочие. После обеда барон Остен-Сакен прочел немецкие стихи, поданные ему Княгиней; все похвалили, а я похлопал глазами. Княгиня спрашивала, много ли жертвуют на храм, – сказал – совсем мало. Должно быть, собирается сама пожертвовать, при прощанье сказала, что до отъезда в Японию еще увидимся. Сидели после обеда в Красной Гостиной, обитой шелком, на стене большая картина Архангела Михаила, освещенная двумя лампами. Княжна, по-видимому, очень простая и милая; Князь – молодой офицер, серьезно высматривающий. Минут тридцать пять [спустя] после обеда княгиня, княжна и князь, вставши и раскланявшись, ушли к себе. За обедом мне пришлось сидеть по правую руку княгини, между ею и княжной. В разговоре все время держались русского языка.

23 генваря 1880. Среда, в 11 часов вечера

Утром пришел укупорщик от Федора Николаевича и взял мерки с икон Владыки, чтобы сделать жестяные и деревянные ящики. Всех будет шесть ящиков, в том числе один для резных икон и книг. О цене условится сам Федор Николаевич. Ящики предположены к отправлению на судне Добровольного флота из Одессы до Нагасаки. Константин Петрович Победоносцев предложил это безденежно. Ящики будут готовы через неделю, но до Одессы со всеми перекладками по железным дорогам нужно полагать месяц; судно же отправляется в первых числах марта. Попрощался с о. Анастасием (о. Василий Опоцкий). Бедняге не хотелось очень опять ехать инспектором Минской семинарии; сам виноват – зачем отказался от ректуры в Пермской Семинарии. Вообще, из вдовых священников выходят поломанные натуры: такой и о. Анастасий, хоть сам он не сознает это. Обещался писать ко мне, и я к нему. Слуга его Степан поступает ко мне на место Андрея, сегодня отправившегося восвояси. Вечером заехал к Путятиным. Ольга Евфимовна очень одушевлена мыслью об Японии; но долго, пока граф будет жить, ей не быть там. У Федора Николаевича, по обыкновению, провел приятно час. Пришедшее сегодня

письмо о. Анастасия так же печально вестями о Семинарии, как прежние. О. Владимир – плохой администратор и психолог, видно. О пьянстве, биче Савабе – плохие вещи, и они там не умеют устранить их! – У Александра Алексеевича Желобовского, протоиерея Кавалергардского Полка, на Захарьенской, досиделся до разнокалиберного общества; скучно стало, попросил для просмотра книжки его, чтобы решить, нужно ли их в числе пятидесяти экземпляров, и ушел около десяти часов. Ему это, кажется, неприятно было; мол, «не пожертвую из Церкви сосудов»; но едва ли сделает это. Сын его уже чиновник; воспитывался в коммерческом училище; жена в отлучке по случаю смерти дяди. Интересен рассказ его о приеме его Владыкой – прежде и в сегодня рассказанном случае: по выслушании, молча благословение, – значит, удаляйся, – просьба тщетна. – Вернулся по сквернейшей дороге на дрожках. Там-сям горели плошки – знаменовать радость, что сегодня вернулась из Канн Государыня; приехала благополучно. Идя к Желобовскому (обещался быть у него в прошлую среду у П. П. [Павла Парфеновича] Заркевича, с которым он там мило пел песенку), застал его в Церкви, только что окончившим свадьбу. Он ушел еще дать молитву, а я остался осмотреть Церковь; видел Георгиевские штандарты, данные за 1812 год; кавалергард, показывавший церковь, оказался не знающим, чей мундир под стеклом (Николая Павловича, а он назвал Екатерины)… Рассказ потом Желобовского, как кавалергарды разорвали у него одеяло выстрелом, – как лошади ранят их. Желобовский с расстегнутым воротом и Ал. И. [Алексей Иванович] Парвов и гости; его приветствие в Церкви «все ждал Вас» и рекомендации к алтайским миссионерам; встреча с Василием Ивановичем, секретарем Митрополита и его рассказ о доме в Боровичах, арендуемом И. Суздальцевым за 300 рублей в год.

24 генваря 1880. Четверг

Целый день пробыл дома. Утром был у Дмитрия Дмитриевича, потом пришел Андо и просидел до третьего часа. Он серьезно занимается; с большою пользою слушает университетские лекции и, кажется, вполне понимает их. Прочитал ему из письма о. Анатолия место о певчих и о «благочестивейшем», и он находит возмутительным. Дал брошюрки «Япония и Россия» ему и чрез него Ниси и Оомаю. – В четыре часа сходил в баню, после чего опасно было бы идти куда-нибудь в город. Да и надоело же таскаться все; на одних извозчиков сколько расхода – почти единственный пока расход мой здесь. – Сегодня, когда просматривал вчерашний номер «Кёоквай Хооци», так зазвучала внутренняя струнка, манящая на дело…

25 генваря 1880. Пятница

Утром зашел от Митрополита протоиерей Рождественской на Песках Церкви, о. Николай Парийский, со списком пожертвований от Больше-Охтинской Духовской Церкви; посоветовал, между прочим, завести светских сотрудников Миссии из купцов, как есть у афонцев такие, посоветовал также попросить у каждого архиерея по облачению, в знак духовного единения; звал к себе обедать в воскресенье и обещался сходить со мною к Гвоздеву касательно починки и почистки риз на иконах и прочем к какой-то старухе-жертвовательнице. По уходе его я отправился на Большую Охту в дрожках; дорога прескверная, где не расчищен с улиц лед; ехали чрез Неву по лужам, впрочем, начавшим замерзать от поднявшегося холодного ветра. Сначала проехали в Кладбищенскую Георгиевскую Церковь; там две Церкви – служенье везде кончилось; прошел по кладбищу, чтобы взглянуть на памятники; что за густота населения на петербургских кладбищах! До конца кладбища не мог дойти. Вернувшись, заехал в Духовскую Церковь. Пока пришел о. дьякон – Георгиевский, полчаса осматривал Церковь. Архитектура правильная, стройная; купол – подражание Александро-Невскому; с окон в куполе проведены трубки для стока с подоконников воды от потения стекол, – чем сохранена чистота купола; внизу у подоконников также везде устроены жестяные желобки с отверстиями в одном конце и четвероугольными водоприемниками, подвешенными снизу. Так как на Большой Охте народ все больше резчики, золотильщики и столяры, то резьба и позолота иконостаса превосходная, киот тоже; над престолом устроена резная сень в виде красной с золотом занавеси с летящими с четырех углов ангелами; вообще, резных ангелов везде множество; даже клироса украшены ими, и крылья у них истерты руками причетников; в иных местах устроены ангелы, держащие в руках довольно большие иконы Спасителя и Божией Матери. В алтаре в первый раз здесь видел икону: «Жертву не восхотел, тело же совершил ми еси», – и Бог Отец держит на коленях умершего Бога Сына, а кругом ангелы с орудиями крестных страданий. Икона на холсте очень большая и довольно хорошая – по правую сторону от престола. О. диакон, пришедши, показал жертвуемое: воздухи и пелены – очень хорошие есть; прочее взял больше из вежливости; образов же в другой Церкви, куда повели показать, – на холсте – больших, совсем не мог взять – старье ужасное, и все очень неизящно. Сюда же подошел священник о. Измаил Спасский, бывший на старшем курсе, когда я был в Академии. Долго потом с о. диаконом в Церкви мы ждали покровов из кладбищенской Церкви и тридцать рублей денег от старосты; покровы

принесли, и о. диакон смело пожертвовал оба, хотя один из них был вычеркнут протоиереем из списка; за деньгами велели после побыть у о. протоиерея. О. диакон рассказал, между прочим, как инспектор Семинарии Нечаев несправедливо преследовал его детей и заставил исключиться; оба они теперь уже на службе, кончив курс в других заведениях. – Привезши воздухи и покровы домой, отправился во Владимирскую Церковь, когда звонили к вечерне. О. протоиерей Соколов оказался отдыхающим, и я безуспешно вернулся. Вечером отправился к Путятиным, застал всенощную, служимую о. Алексеем Колоколовым, – завтра сорок дней после смерти графини. – После всенощной чай; были княгини Орбелиани, Дашкова; спор с графом о способах улучшения духовенства; он ужасно против нынешних семинарий. После у Евгения Евфимовича, у которого застал молодого Дашкова, собирающего старые гравюры, как Евгений – старые книги. Ночевал там; на сон прочитал в «Новом Времени» фельетон, где описывается «захудалая» знать и образчик ее Чернышев, мутящий Миссию в Иерусалиме.

26 генваря 1880. Суббота

Думал встать в половине седьмого, чтобы к семи поспеть к Обедне в Лавру, помолиться о графине и вынуть просфору, так как не могу быть на Обедне и Панихиде с графом и семейством в Георгиевской общине, ибо обещался в двенадцатом часу отправиться с протоиереем В. И. [Василием Ивановичем] Барсовым к их церковному старосте. Проспал до восьми, наскоро одевшись и умывшись, отправился в Лавру. Утро было превосходное, небо чистое, отсутствие снега и утренний холодник при этом совершенно напомнил Японию, как по холодным утрам ранней весной гуляешь над обрывом. По улицам бежали ребятишки в школу, шел, побрякивая шпорами, кавалерист с корзинкой в руках; должно быть, у жены, а не то у кумы ночевал, которая прогнала его теперь в мелочную лавочку за провизией… Зашел в просфорную за просфорой; пять послушников катали тесто для просфор. Зашел потом в Собор, чтобы попросить на проскомидии вынуть частицу за упокой графини Марии. К о. Иосифу, чтобы попросить его несколько позднее отправиться к Ермаковой, так как хотелось до того побыть с Барсовым у старосты. Чрез о. Иосифа получил от Вахрушевой двадцать экземпляров азбуки с предложением еще сколько нужно. О. Иосиф согласился и сам заехать к старосте, несколько знакомому с ним. Но вернувшись домой, я нашел записку от Барсова, что к старосте нужно к двум часам, находя невозможным совместить два визита, я попросил Барсова после познакомить меня со старостой; и в первом часу мы отправились с о.

Иосифом к С. И. [Софье Ильиничне] Ермаковой – в наемной карете, три рубля с двенадцати до шести часов. Когда прибыли, оказалось, что Софья Ильинична давно уже ждала нас, приготовив закуску и чай; вместе с нею ждал и архитектор Александр Васильевич Малов (внук известного протоиерея Малова), чтобы показать нам ремесленное училище Цесаревича Николая, стоящее, кажется, под главным заведыванием Николая Андреевича Ермакова. Хозяйка приняла с крайнею предупредительностию; совестно было, что заставили ее долго ждать, но вина была о. Иосифа, который условливался о времени, и дурной дороги. Тут же была ее племянница, поступающая в Крестовоздвиженскую Общину сестер Милосердия, – кроткая, тихая, вдумчивая девушка. Падчерица Ермаковой – курсистка, слушающая у Бестужева-Рюмина и других высший курс словесности, истории и математики; ее не было. Обещалась приехать Анна Ивановна Громова, жена Ильи Федулыча, но почему-то не приехала. Была приготовлена закуска, за которую тотчас и усадила хозяюшка; племянница угощала кофе и чаем. Софья Ильинишна рассказывала, как основался ее приют для детей убитых офицеров; началось с небольшого кружка ее с знакомыми – сначала помогали сербам, потом вдовам убитых добровольцев, затем вдовам убитых на войне, и кончилось теперешним. Капиталу собрано ею более двухсот тысяч – и это основной капитал, процентами которого будет содержаться заведение; предполагаемые же каменные здания будут строиться экономически: Малов безденежно составил проект и будет заведывать постройкой, кто пожертвует кирпич, кто дерево и прочее. Ермакова рассказывала, как приют хотели отнять у их общества под Великих Князей Сергия и Павла, то есть под управление канцелярии их, как она отстояла его, – как она собирает деньги, развозя по знакомым билеты на благотворительные маскарады и прочее, как трудно было собрать детей, ибо матери не решаются расстаться с ними; дальнейшие наборы в приют предположены из детей бедных офицеров, так что он никогда не прекратится. – После закуски Малов повел показать ремесленную школу. Она существует шесть лет, и ныне был первый выпуск; четырех отправили за границу усовершенствоваться в ремеслах, прочих расхватали в разные ремесленные заведения. Учеников триста, но желающих поступать до того много, что на двадцать вакансий было до трехсот кандидатов; принимают из всех сословий; много гимназистов, не могших продолжать учение в гимназии. Курс шестигодичный; преподают, кроме ремесел, почти все гимназические науки, за исключением языков; принимаются с двенадцати лет; первые три года занимаются только науками; дальнейшие три –

науками и ремеслами, по желанию; столярным, и вместе резчичьим, и слесарным. Работы задают, точно задачи на сочинения; самый первый урок – выстрогать доску, потом – брусок, шестисторонник, – сделать ящичный спай и так далее. Если что испортил – начинать сызнова. Вместе с тем преподается рисование и лепка; кому назначена какая резьба, тот должен сам прежде сделать рисунок вещи, потому вылепить ее из глины, потом из гипса и затем уже вырезать. Мы осмотрели классные комнаты, весьма светлые и чистые, небольшой музей вещей, сделанных воспитанниками – стальных, медных, резных и столярных; некоторые из этих вещей, как шкаф с резьбой и стол, были на Парижской выставке и получили медали; на некоторых вещах написаны цены для покупателей; осмотрели потом химический и физический кабинеты, Церковь, спальни – с американскими матрасами, набитыми травой; ученики в то время собирались в город, в множестве переодевались в спальнях, – столовую, где только что кончен был обед, – мастерские: столярную, резчицкую и слесарную; в последней идет приноровление ее к употреблению первого двигателя станков, – машина в три лошадиные силы ставится в соседнем отделении; доселе ученики ходили работать в технологический институт, когда требовалось делать что-либо трудное; здесь же указывали рабочие станки, уже сделанные учениками. Так как ныне, в субботу, нет послеобеденных классов, то ученики ходили толпами по комнатам, коридорам и за нами. В заключение слушали пение: учитель под фортепьяно разучивал с тенорами и басами какой-то концерт, где басы кричали: «честь» – очень сильно, хотя и так молодые. – Зашли к архитектору в соседнем доме; рассказал про себя, как он бедствовал, пока не стал работать по благотворительным учреждениям, gratis,[29] а теперь у него уже дом, значит gratis-то иногда бывает очень полезно. На стене портрет знаменитого деда, протоиерея Малова; дал на память вид школы, а в школе подарили стальную спичечницу. – Вернувшись, просидел у себя с о. Иосифом часов до семи; он рассказывал об о. Геласии, которого совершенно в руки забрал его келейник Пимен и потворствует его слабости; о другом цензоре – о. Арсении, авторе Летописи, его нелюдимстве и неровности характера, об Аскоченском и отношениях его к цензуре, об издателе «Рассвета», еврее, к которому и согласились вместе съездить. – В девять часов отправился к И. П. [Ивану Петровичу] Корнилову; и то еще было рано, застал у него одного барона Эренбурга, обратившегося в Православие чеха, ныне киевского помещика; мало-помалу собрались гости, все больше лысые или седые, – ученые или служащие по Министерству народного просвещения. Между прочими

были Князь Павел Петрович Вяземский, [30] брат поэта и дядя жены графа Шереметева, – поэт Полонский, служащий цензором, опять Александр Львович Апухтин, Василий Васильевич Григорьев, П. И. Савваитов, П. А. [Петр Андреевич] Гильтебрандт и прочие. Говорили в разных группах разное: князь Вяземский – об иконописи, Полонский – нечто из своей жизни, Апухтин – о Польше и о том, что там скоро опять будет восстание (распоряжение его о «форме» в Варшавском университете, наполовину недосказанное и послужившее причиною волнения студентов)… Часов в двенадцать сели за закуску – два блюда – жаркое и желе, для меня – рыба – веселый разговор старых университантов, – на мой вопрос Григорьеву о спиритах Бутлерове и Вагнере, рассказ его о Дале, – о том, как Бутлеров и Вагнер только утверждают, что «что-то» есть, и исследуют. Вернулся домой в половине третьего, когда уже время было отворять ворота к утрени.

27 генваря 1880. Воскресенье

Утром с о. Исаиею отправились в Мраморный дворец к обедне. По приезде он стал совершать проскомидию, а я осматривал Дворец: ротонда, где посредине яшмовая ваза, – направо парадная столовая, – зала, где на хорах певчие спевались к литургии, налево – семейная комната, несколько зал с книгами и коллекциями монет и медалей, – сад и белая зала, где посреди орган и каждую пятницу бывают концерты, – модели судов, разных машин, пушек, – оружие (плеть, которую разбойник убивал до смерти, штык, которым в Риме часовой убил бешеного быка и прочее), вещи, поднесенные Великому Князю: два гусара, кадет с штурвалом – серебряные группы, – каменные пресс-папье и прочее до бесконечности. В Церкви: частицы животворящего креста, разных мощей, камней от гроба Господня и Божией Матери, крест из дерева, сделанного самим Великим Князем в Палестине, – палец Святой Мученицы Марины, в день которой в 1857 г. Великий Князь спасся при крушении; маленькая молельня посредине Церкви со множеством молитвенников на аналоях и сиденьями для Великого Князя и Александры Иосифовны. В церкви были: сам Константин Николаевич и его дети – Константин и Дмитрий; Великая Княгиня больна рожею на лице и ноге. На Великой эктении поминали царскую фамилию до детей Великого Князя Константина Константиновича; на Великом выходе – до наследника с детьми, как и везде. Певчие хороши, иконопись строго византийская – После службы, продолжавшейся час с четвертью, мы с о. Исайей выпили по чашке кофе в семейной. Илья Александрович Зеленый звал на будущее воскресенье, чтобы представить Великим Князьям. – Заехали к Ивану Васильевичу

Рождественскому поздравить его с Ангелом, где застали Чистовича и Нильского, – к Жевержееву, где наверху закусили икрой и сардинками, – к протоиерею Парийскому у Рождества на Песках, который ждал меня обедать, пригласив и серебряных дел мастера Груздева; он у двух женщин своего прихода на Миссию выпросил тридцать пять рублей, которые тут же и сдал мне. – В восьмом часу пришел А. Н. [Александр

Николаевич] Виноградов; вызывается даже на свой счет, при предполагаемом жалованье, взять техника-живописца в Японию; зашел вновь приехавший чередной архимандрит о. Аркадий Филинов (Смоляк), сосед. В восемь с Виноградовым отправились к графу Путятину, где я и ночевал, вечером долго проговорил с Ольгой Евфимовной по поводу письма к ней ее духовника о. Ювеналия, довольно сердитого по поводу ее желания ехать в Миссию.

28 генваря 1880. Понедельник

На возвратном пути от Путятиных заехал к Владимирскому протоиерею Соколову по поводу церковного пожертвования. Опять неудача: любезные слова и обещания, когда будет досуг съездить со мною по Церквам его благочиния. – Вернувшись, застал на столе письмо Бюцова и написал ответ. Во втором часу отправился в «Департамент личного состава» к М. Н. Никонову, согласно извещению барона Розена о том, что ему нужно видеться со мной. Должно быть, по неопределенности выражений в бумаге Государственного Совета, Никонову представилось, что четыре тысячи восемьсот рублей хотят отнять у них, тогда как эти деньги по-прежнему нужны им для содержания священника, псаломщика и Церкви при Посольстве. Я объяснил, что настоятелем Посольской Церкви предполагается о. Анатолий, викарий же будет довольствоваться данными из другого места 3695 рублей, и дело тем уладилось. Никонов со всею любезностию обещал тотчас же написать ответ Государственному Совету, что со стороны Министерства иностранных дел нет никакого препятствия к учреждению викариатства в Японии, говорил, между прочим, что Струве много способствовал здесь проведению мысли об епископстве Духовного Ведомства. Вот-те и раз! Кто кого боится и кто кому препятствует? Министерство иностранных дел – Святейшему Синоду, или наоборот? – Встретился у Никонова с настоятелем нашим в Риме. – На обратном пути долго искал «Hotel de France», прошедши мимо его у самой арки на Большой Морской; встретился на Морской с Осада и Оомаем; поклонился проезжавшим в колясках Великим Князьям Константину Константиновичу и Алексею Александровичу; последний особенно красив и великолепен; как он величественно поднял руку к

козырьку! – Барона Розена не застал и оставил карточку: направляясь же в Лавру, видел все великолепие Невского проспекта в три часа; день был редкий в Петербурге, и потому по Невскому, к устью его, гуляющие шли сплошною массою: дамы, позирующие в колясках, кареты, дрожки, треск, шум, – сколько жизни, движения и какая масса мыслей, мечтаний, волнений, зависти, ненависти, интриги – испаряется к небу от всего этого места! Для контраста зашел в Лавре на оба старые кладбища: только отдаленный городской гул здесь слышен: а как мирно и тихо покоятся все эти, когда-то также блиставшие и жившие на Невском: при входе занял меня мальчик, разбивающий деревянным осколочком свою ледяную гору, а там что-то особенно остановила могила М. Сав. [Марии Саввишны] Перекусихиной – она ли не была в свое время в центре всех интриг при Екатерине! И вот она тоже безмолвна под этим камнем, над которым как-то скандалезно бьёт в глаза её имя. – В три четверти девятого отправился к Василию Васильевичу Григорьеву, ориенталисту, ныне начальнику Управления по делам печати, по его приглашению у Корнилова («а я, признаться, ждал вас», – и назначил время – в понедельник вечером, его дом). В гостиной сидела жена с дамами и проводила чрез библиотеку в кабинет; там уже были трое старцев и один молодой какой-то ученый, только что вернувшийся из Германии. Василий Васильевич представил меня под видом якобы «знаменитого миссионера японского», но не назвал никого из присутствовавших. Ученый уступил место «ближе к хозяину», а сей шуточно стал рекомендовать старца-соседа в миссионеры в Японию, старец же начал рассказывать, как он однажды написал проповедь на Страстную Пятницу в образец законоучителю, и оная была произнесена последним. Стали собираться еще старцы. Константина Андреевича Скачкова я не признал, и он меня, и мы некоторое время сидели и разговаривали друг против друга, как незнакомые, пока я не спросил: «Да не господин Скачков ли?» Н. П. [Николая Петровича] Семенова тоже не узнал, и он уже после сказал о себе и рассказывал об индейце, племяннике «Нана Саиба», ныне живущем в Петербурге, подружившемся было с Великим Князем Константином Константиновичем в экспедиции и оттертым от него. Пришел и И. П. [Иван Петрович] Корнилов, мило зазвавший при прощанье на обед к себе, на который тут же и расположил, кого позвать из «восточных». Приходящим подавали чай, потом виноград и яблоки. Был еще молчаливый кавалерист, адъютант Скобелева в минувшей войне, очень умный, судя по вопросам об Японии. В двенадцать часов я ушел, получив два экземпляра книги хозяина «Россия и Азия» и обещание собрать еще книг для Миссии.

29 генваря 1880. Вторник

Утром Д. Д. [Дмитрий Дмитриевич]: «Если я отдаю себя на служение Миссии, то, что же говорить о жалованье?» (После чтения письма Пр. [Преосвященного] Нестора о сладком и горьком). Увидим, на деле так ли будет. – Студент третьего курса Медицинской академии Владимир Аполлонович Гильтебрандт. До часу пробыл. – Пуля – от дерева на охоте, – «я тебе говорил – не попадешь». Дарвинизм (в смысле поэтизма) в чтении (на собрании Общества Естествознания), что дитя переживает все эпохи человечества, начиная от животного. Грубость и гримасы… В два часа был в «Училище слепых воинов», на Петербургской, в Большой Белозерской; восемь человек слепых; поводырь полуслепой, только что женившийся. Без него – слепцы в Церковь – и под лошадей: «А где же наши слепые?» – четверо лежали разметанными. Учитель плетенья корзин – здоровый немец Карл Петрович. Учитель для киевского заведения, здесь практикующийся. Авдотья Дмитриевна Кованько и – «что же, баба!» Пожертвование двух корзин и жертва по пятнадцать копеек; чернобровая казачка, жена слепца – кухарка. – Я рассказывал о слепцах в Японии. – «Глаза на мокром месте». – В четыре часа к Цивилькову, – сотня гиацинтов, тюльпанов и прочих. К пяти часам у Николая Петровича Семенова. Он только что из бани. Старший сын с уроком пения. Обед. Страхов. О Данилевском и чтение его неразборчивого письма о Дарвине. Рассказ о Коссовиче. – «Великий ученый – дитя в житейских делах», – как Коссович обманут и состарен был преждевременно Головиным (что «печатня»), Рамчендер – индийский принц, племянник «Нана Саиба». Статьи и переводы Семенова. – Домой вернулся во втором часу ночи.

30 генваря 1880. Среда

Утром у наместника, по заказу его вчера вечером в десять часов; о беспокойстве Владыки касательно дела Миссии, Обер-прокуроре и Абазе; объясненье истинного течения дела. Наместник посоветовал успокоить этим Владыку. У последнего о. Исайя из Новгородского Юрьевского монастыря. – Краткое объяснение. Владыка о Никонове – «не любит монахов», о Мельникове – «хороший человек». – К П. А. [Петру Андреевичу] Гильтебрандту. Жена – Мария Максимовна, волнующаяся и с некоторыми признаками начинающейся горячки. – У Федора Николаевича письма из Японии, где – Марии Александровны, Анны из женской школы и Романа о камертоне. Федор Николаевич читал, что я принес вчера вечером. Около двух часов у доктора Пясецкого. Рамчендер важно представил всех бывших – полковника какого-то, мичмана Арсеньева (у которого уже было заготовлено письмо ко мне от Свербеевой), японец

Ямамото (военный агент). Рассматривание акварелей Китая, силуэты; Арсеньев показал мне панораму путешествия. Пясецкий очень любезен (Ф. [Федор] Н. [Николаевич] – один). Жаль будет в самом деле, если коллекция его уйдет за границу. Десять тысяч стоит. Панорама его – единственное в своем роде создание. По этому пути больше не нужно никому ходить, имея ее. А труд-то! Почти не верится, что один человек мог написать во время путешествия и такую неподражаемо великолепную вещь, как панорама, и столько превосходных картин. – У Ивана Ивановича Демкина. – К Павлу Александровичу Кузнецову, из крестьян, о крестиках и штампах. – На Соборование. Прекрасная и тихая обстановка вокруг семидесятипятилетней старухи. Семь стручков и семь свечей, елей, и вино. – Евангелие над головой, сокращение молитв, торопливость причетников, прощанье вслед за елеосвящением, после краткой речи о. Иоанна. – О. Феодор; спор, и Иван Иванович, прижатый в споре – улыбающийся и махающий рукой. Вечер, втроем проведенный. – Вернулись до Инженерного замка вместе с о. Феодором. К себе сыскался во втором часу.

31 генваря 1880. Четверг

Утром принесли пожертвование из Екатерининской на Васильевском острове Церкви, куда я третьего дня заходил и где, упавши в воротах, разбил колено. Пришел Д. Д. [Дмитрий Дмитриевич], потом Иван Иванович Демкин. Смутил он нас словами, «что нужно кончить курс Дмитрию Дмитриевичу». О. Макарий, Орловский архимандрит, чередной, – три месяца тому назад поступивший в монашество из вдовых протоиереев. – Общество распространения книг Священного Писания; хвалебный гимн ему, – но нечто и протестантское в нем (в совершении молитвы при священниках, без благословения, светскими – экспромтом). Миссия в Индии в проекте с о. Макарием, его «матушка, дети». Пришедший между тем еще раньше укупорщики упаковывали сорок два больших и шесть малых икон, пожертвованных от Владыки Исидора и книги от о. Митрофана. Всех вышло пять ящиков, предполагаемых к отсылке чрез суда Добровольного флота, согласно предложению Константина Петровича Победоносцева. Д. Д. повез облачения на выжигу или поправку в Новодевичий монастырь. Следы смущения от Ивана Ивановича он так и увез с собой. – Я также был несколько не в духе, вследствие чего довольно негостеприимно объяснился с дамой, искавшей приезжего архимандрита или архиерея, – оказалось, приехавшего из Витебска соседа о. Аркадия. После пришла еще дама – рязанская – с пожертвованием пятидесяти рублей (Любавская) – и как просто, как

православно! – Вечером получена записка от Т. И. [Тертия Ивановича] Филиппова с извещением, что «дело в Государственном Совете кончилось благополучно». – Дав укупорщикам, еще не кончившим работу, на чай, отправился к Владыке, чтобы порадовать его извещением Тертия Ивановича, а также показать план храма в византийском стиле, нарисованный Дмитрием Александровичем Резановым. У Владыки сидел Преосвященный Палладий Рязанский; я ждал с час, прочитав «Голос» и кое-что из «Странника», наконец ушел в намерении завтра утром пораньше побыть. Отправился в баню, чтобы излечить вчера добытую болезнь горла (в восьмой раз болею в Петербурге). Мылся один, так как в баню ожидался о. наместник. Сегодня еще в половине девятого следовало отправиться к Митусову, но он вчера известил, что по случаю падения с экипажа и болезни откладывает обед. И кстати отложил, так как без того укупорка пяти ящиков не поспела бы.

1 февраля 1880. Пятница

Утром, в половине восьмого, был у Владыки с вчерашней запиской Тертия Ивановича о благополучном окончании дела в Государственном Совете и с планом Византийского храма Дмитрия Александровича Резанова. Застал его за кипою бумаг с пером в руке. На извещение, что дело прошло в Государственном Совете и на последнюю славянскую фразу в записке Тертия Ивановича Владыка улыбнулся; видимо, ему приятно было. Когда показал план Резанова, дал мне нагоняй, так что пот выступил у меня. «Бескорыстным трудом можно пользоваться только тогда, когда прямо можно употреблять его на доброе дело; а тут молодой человек трудился для ничего, оставил бы план свой здесь, – быть может, и осуществится когда-нибудь». -На мое возражение, что может осуществиться и в Японии, когда, например, крестится Император. – «Гордость это – Бог может наказать за нее – нужно молиться Богу». – На просьбу поблагодарить от его имени Резанова, сказал: «Это можно». – На донесенье, что пять ящиков с иконами укупорены, сказал: «Что ж не взял икон Варвары Петровны» (Базылевской), и обещался прислать их ко мне. Задумался я по приходе от него. «Гордость», но в чем? Между тем слова Владыки нужно ценить. – Предостережение и урок. – Пришедшему Д. Дмитриевичу откровенно рассказал, какой нагоняй мне дал Владыка. Дмитрий Дмитриевич не согласен с Владыкой и защищает план Резанова и возможность осуществления его. – Вместе отправились к графу Путятину, ибо с Евгением Евфимовичем я сговорился сегодня в сопровождении Виноградова осмотреть Академию Художеств. Подъезжали, когда по Кирочной уже проходила похоронная процессия адмиральши Овиновой.

Графа Евфимия Васильевича и Ольгу Евфимовну не застали – они были в процессии, но заехали взять Елизавету Евфимовну, причем я и показал план Резанова графу Ефимию Васильевичу. Прямо разгорячился: «Вот план настоящий, а тот (Шурупов) не понимает ничего…» – «Да двести тысяч нужно, а тот – за шестьдесят тысяч». – «Можно то и то сократить, строить долго – но построить настоящий Храм». В Академии Художеств осмотрели вновь, более основательно то, что я видел прежде с Творожниковым. Ученики Академии во множестве писали с оригиналов, между ними (еще даже и не ученики Академии) особенно занял тринадцатилетний мальчик, писавший масляными красками превосходный ландшафт по заказу. – Картины на темы: «Грешница», «Дочь Иаира»; Попов, ученик Виноградова в Ярославской Семинарии, с его «Грешницей в момент прощения». – Зала ученических картин, выставленных для продажи; зала скульптур и обман князя Путятина – Кушелевская галерея – живопись XVI-XVII веков, – учительская школа, – морские виды, шапка с камнями. – Залы церковной иконописной археологии, – Святой Николай Чудотворец в простейшем архиерейском облачении, украшенном крестами, – фелони – длинные спереди, полотняные с нарисованными иконами, аллегорические изображения – распятие Спасителя в виде ангела, – ада и прочее, – кресты, чаши, – спускающиеся рисунки – с Афона и прочее. – По окончании осмотра, часа в три, пошел к Резанову. Больная – за фортепьяно, отец – старец, мать больной – за рисунками, с улыбкой, Дмитрию Александровичу рассказал, как Владыка распек меня за вовлечение его в труд, передал благодарность Владыки и попросил снять фотографии с его рисунков. Авось, Господь поможет при содействии графа Путятина, если возьмется он, осуществить прямо его план. Если бы собралось сто тысяч, то прямо и стали бы строить. Оставил двадцать пять рублей на три дюжины планов – с каждого рисунка с раскрашением их. – При прощании мать просила перекрестить больную – за фортепьяном, – а она и слова не может сказать, – голос пропал – грудь до того расстроена. Как печально видеть молодость в таком положении! – Заехал к Федору Николаевичу рассказать ему об окончании дела, о плане и распекании Влыдыки. В спальне напились кофею. – К пяти часам, согласно приглашению, был у И. П. [Ивана Петровича] Корнилова. – На обеде за столом были одиннадцать человек, двенадцатый – Константин Петрович Победоносцев, не мог прийти по нездоровью. И. П., его брат Григорий Петрович, [31] Василий Васильевич Григорьев, Василий Павлович Васильев, Иван Ильич Захаров, Касьян Андреевич Коссович, Тертий Иванович Филиппов, барон Феодор Романович Остен-Сакен,

Константин Андреевич Скачков, Афонасий Феодорович Бычков и я – все знатоки Востока. Пили за счастливое окончание дела Миссии в Государственном Совете. Тертий Иванович рассказал, что дело чуть не провалилось; Абаз сильно возражал графу Д. А. [Дмитрию Александровичу] Толстому – мол, «если в России идет так, что нужно закрывать храмы, уничтожать диаконов», то и прочее. Адмиралы Департамента экономии поддерживали его, «возражая междометиями»; Тертий Иванович, призвав на помощь Константина Петровича Победоносцева, убедил, наконец, решить дело в пользу Миссии. – Комплименты Тертия Ивановича, Васильева, Коссовича. – Под конец вечера я сконфузился в вопросе о разведении чая. Вернулся домой около десяти часов.

2 февраля 1880. Суббота.

Сретение Господне

Утром Груздев, серебряник, снял ризы с икон – взять их для чистки, пришлет в понедельник. – Принесли две корзинки от слепцов-воинов, с Петербургской, пришли и четыре слепца в Церковь. Служил обедню в Соборе Владыка Исидор (приславший мне сегодня в восемь часов для прочтения отношение Морица о пожертвовании Государыней пятисот рублей на храм и письмо о. Владимира от 12 декабря). Я поспешил к обедне во время Великого Выхода. Досада на разговаривание в алтаре (доктор Илья Иванович). После обедни – скука и тоска до болезни. В восьмом часу поехал в Казанский Собор, откуда после «Слава в вышних» – к Константину Петровичу Победоносцеву; посоветовал он написать письмо о пожертвовании на храм графу Александру Дмитриевичу Шереметеву; разговор об отсылке вещей чрез суда Добровольного флота; «долг удерживает здесь, а из-за границы теперь как желать сюда?» (по поводу речи о поездке сюда племянницы его). – В одиннадцатом часу вечера, когда пишу, отвратительнейшая пискотня женщины в песне вместе с мужчинами, из квартиры соседа налево, какого-то учителя. – Скверно жить на свете!

3 февраля 1880. Воскресенье

Утром, увидавшись в комнатах о. Исайи с новгородским протоиереем Орнатским и в аллее с Новгородским Преосвященным Варсанофием, приехавшими ко дню Ангела Владыки, направился с о. Исаей в Мраморный дворец. После обедни, в комнате пред Церковью, Великий Князь Константин Николаевич очень ласково расспросил «о деле, – скоро ль посвящение, ужель назовут немецким? Каким путем опять в Японию?» И сказал, чтобы не уезжать, не увидевшись с ним. Потом Дмитрий

Константинович пригласил на завтрак. (Константин Константинович был на службе.) Пред завтраком Илья Александрович показал комнаты Великих Князей – небольшие, но, конечно, изящно убранные; койки – железные – очень просты. С половины завтрака Дмитрий Константинович должен был уехать с Ильей Александровичем на концерт. Я остался, наконец, с одним гофмейстером – Грейгом (братом министра финансов) и проговорил о Миссии и Японии, пока готов был экипаж, на котором и доехал до Инженерного замка (виделся еще во Дворце с героем Шестаковым, который припомнил знакомство со мной в Хакодате). От Феодора Николаевича получил письмо, в котором о. Анатолий извещает о покраже у него пятисот йен. – Вернулся в Лавру ко всенощной, которая длилась два часа в Крестовой; певчие пели превосходно – особенно ирмосы и – «всяк мужеский пол"… После службы в Церкви встретился с Варварой Александровной Иордан, а дома прочитал в «Новом Времени» фельетон о «Пашкове и его проповеди», и явилось желание познакомиться с Пашковым и посмотреть, что за субъект сей господин.

4 февраля 1880. Понедельник.

День именин Высокопреосвященного Исидора

Только что кончилась литургия (одиннадцать часов утра), совершенная Высокопреосвященным, ныне восьмидесятилетним старцем, Исидором в сослужении Преосвященного Варсонофия Старорусского, шести архимандритов, новгородского протоиерея и трех иеромонахов, – всего служащих было двенадцать. Я был в числе служащих. Литургия совершалась в Крестовой Церкви; началась в восемь часов. Невыразимое умиление, невольно слезы просятся на глаза, – видеть благоговейное служение маститого иерарха и помышлять, что это, конечно, последняя литургия, совершенная с ним, в день его Ангела. После литургии был молебен Пресвятой Богородице и Преподобному Исидору, после многолетия ему, разоблачившись, в мантии он вышел благословлять народ.

В четыре часа. Сейчас с обеда от Митрополита. Обед был на девяносто пять персон (по восемь рублей на каждого, кроме вин; прислуга и посуда официантские). Был весь Святейший Синод, Обер-прокурор, Зуров (немного опоздавший), старейшие профессора Академии, Семинарское и Училищное начальство, главные лица по Синодальному управлению, двадцать два архимандрита, немало почетных протоиереев и прочих. Обед начали в два часа. Видел в одном фокусе собранное все – главное по Церкви Русской. До обеда Владыка был с главными гостями в гостиной, прочие толпились в зале. Во время обеда Владыка провозгласил здоровье «Императора, Императрицы и всего царствующего дома», кое-

кто слабо вскрикнул «ура». Потом Обер-прокурор сказал тост за Владыку, пропели «многая лета»; затем Владыка – «за членов Святейшего Синода» – тоже «многая лета»; последний тост сделал Владыка за гостей – опять пропели «многая лета». Коньяк и ликер разносили, когда встали из-за стола; за столом же после шампанского подавали еще «Токайское» (венгерское). По выходе из-за стола гости почти тотчас же стали прощаться.

11 часов вечера. Согласно обещанию, данному Д. [Дмитрию] Дмитриевичу, в пятом часу отправились к его знакомой, Александре Филипповне Николаевой. Барыня, по-видимому, хорошая; три дочери в Смольном, желает собирать на Миссию, показывает, по-видимому, родственное расположение к Д. Дмитриевичу (она крестовая сестра его), – чего же больше? Посмотрим, что будет дальше. – Заехали к Никандру Ивановичу Брянцеву; встретили желающего креститься еврея, какого-то изобретателя по части механической арифметики, и Николая Ивановича Григоровича, биографа князя Кушелева-Безбородко. Никандр Иванович, по обычаю, потопил в потоке речи. А Дмитрий Дмитриевич, выходя, молвил: «Какие все хорошие люди». Счастлива юность и неопытность! Впрочем, Никандр Иванович авось-либо достанет от каких-то благотворителей прибор или два священных сосудов. – Всякому своя натура; и у Никандра Ивановича, должно быть, именно такая, чтобы быть еврейским миссионером в Петербурге. И нужно удивляться и склоняться в почтении, что он, при множестве своих дел, находит время и смысл заботиться о Японской Миссии. Моей натуры и сил не хватило бы для того. Я весь гвоздем засел в одном, и, кроме одного, нет ничего. Узко и мелко! Да что делать? Иначе распустишься в ничтожестве, как мыло в воде.

5 *февраля 1880. Вторник*

Утром тщетно прождал Груздева, чтобы сдать ризы икон для почистки и серебрения. На досуге сделал визит к соседу о. Аркадию, бывшему настоятелем Рославленского монастыря после о. Феодора. В десять часов отправились с Дмитрием Дмитриевичем в Новодевичий монастырь. Был еще Киевский о. Полихроний. Дело об иконах, старье-облачениях. Пробыли до пяти часов; немножко тягостно. Вернувшись в седьмом часу, писал письмо к графу А. Д. [Александру Дмитриевичу] Шереметеву.

6 февраля 1880. Среда

Утром пришел старик Вишняков, портной; должно быть, больше по привычке, или для говору, хочется, чтобы и я не ушел от его рук; обещался заказать ему хороший подрясник. В начале девятого часа отправился к

Николе Морскому, чтобы побыть у Яхонтова, который встретил очень радушно; его супруга тоже. Когда показывал мне свой кабинет, подана была ему телеграмма, – оказалось приказание Митрополита отслужить благодарственный молебен по случаю избавления Государя от опасности при новом покушении вчера вечером. Здесь я только что узнал об этом покушении – уже пятом на жизни Государя: злоумышленники хотели взорвать Государя во время обеда, причем восемь человек из караула убито и сорок пять ранено: взрыв был из подвала, взорвал над ним находящуюся дворцовую караульную, но над караульной находящуюся царскую столовую немного только повредил: Государь на этот раз почему-то замедлил к обеду на двадцать минут, почему опасность его нисколько не коснулась: взрыв был в двадцать минут шестого часа и такой сильный. что весь дворец потрясся. Все эти подробности я слышал уже в речи Митрополита на молебне в Исаакиевском Соборе, куда отправился из Никольского Собора, по осмотре с о. Яхонтовым прекраснейших икон в алтаре Нижней Церкви, а также по осмотре Верхней Церкви – удивительно роскошно отделанной… Дорогой в Исаакиевский Собор купил бюллетень о вчерашнем покушении (10 копеек листок) и газеты, где в «Новом Времени» глухо сказано, будто вчера был взрыв газовых труб в Зимнем дворце; бюллетень же уже перепечатка из «Правительственного Вестника». В Исаакиевском Соборе собрались на молебен три Митрополита, четыре архиерея, несколько архимандритов (я в том числе) и духовенство Собора. Народу было почти полный Собор. Вышедши на амвон, Митрополит Исидор со слезами на глазах, едва удерживаясь от рыдания, сказал краткую речь, начав: «Вот, братия, новое ужасное несчастие постигло нас», и затем рассказал, как злоумышленники вчера произвели взрыв. Упомянув, что Государь почему-то опоздал к обеду, Владыка сказал: «Но вера напоминает нам: „Ангелам своим заповесть о тебе, хранити тя“. – Они и удержали его». Во время речи оба Митрополита стояли полуобращенными к говорившему. Из священнослужащих Оболенский – протодиакон и о. Вениаминов пытались плакать; из молящихся некоторые плакали, особенно женщина, стоявшая за мной. – После службы, у Алтаря виделся с К. Д. [Катериной Дмитриевной] Свербеевой. Приехал домой в карете с чередным архимандритом, соседом Аркадием. – Вечером были у меня Н. П. [Николай Петрович] Семенов и Цивильков. Первый – добрейший из сенаторов и потопляет в речи; из рассказов его особенно печально, как один наш академик-немец, проживая, вопреки уставу Академии, издал Санскритско-Немецкий Лексикон, на что наша Академия Наук издержала сто тысяч (!), между тем

как лексикон с множеством ошибок, и Академия предпринимает другое, сокращенное издание его, которое тоже обойдется во много тысяч, а того же жучка, поедающего хлеба в России, Академия и не думает исследовать; немцы все, бременящие даром Россию! – Ну же и времена в России, судя хотя бы по вчерашнему и сегодняшнему дню! Поскорей бы в Японию!

7 февраля 1880. Четверг

Утром Киевский иеродиакон о. Полихроний привел тенора хора Высокопреосвященного Филофея, Григория Семеновича Бережнецкого. Мне очень понравился; весьма приличный и скромный. Не знаю, устроится ли поездка его в Японию. Пришел потом японский студент, изучающий военную топографию, князь Мадено Коодзи, виденный мною теперь в первый раз. По-видимому, дельный молодой человек. Немножко запоздавши за ним, отправились с Дмитрием Дмитриевичем к протоиерею Яхонтову, согласно вчерашнему приглашению, на обед. Он и матушка приняли и накормили совершенно по-родственному. За столом была их младшая дочь, девушка двадцати шести лет, стриженая и кончившая все женские курсы, имеющая ныне школу в пятьдесят мальчиков; Дмитрий Дмитриевич говорит, что нигилистка. – В пять часов с четвертью были у графа Путятина; нашли уже тоже приглашенных на обед Ивана Ивановича Демкина и Федора Николаевича Быстрова. Скучновато было. После обеда читали письма и молитву Высокопреосвященного Филарета Московского, которые граф и согласился отдать для напечатания. По уходе сотрудников и Дмитрия Дмитриевича я остался ночевать. Ольга Евфимовна играла на фортепьяно, потом болтали с Евгением Евфимовичем, причем он, по обычаю, забрасывал старыми книгами; между прочим, показал историю Пуффендорфия, напечатанную при Петре ?.

8 февраля 1880. Пятница

На обратном пути от графа заехал к Груздеву – серебрянику, а по приезде домой сдал посланные от него для поправки серебряные и прочие ризы с икон, кадила, кресты и прочее. – Зашел о. Феодорит, афонский архимандрит, которому Высокопреосвященный Исидор велел передать икону Преподобного Пелусиота в благословение Афону; взамен ее о. Феодорит прислал мне вчера еще две иконы, писанные на Афоне. Он-то и постригал на Афоне моего бывшего келейника Михайлу и очень огорчился, когда я сообщил ему, что Михайла во Владивостоке уже женился. – Пришел на секунду секретарь Владыки показать бумагу о награждении Орденом Владимира третьей степени. В двенадцатом часу зашел цензор, о. Иосиф, чтобы вместе ехать в Университет на публичный акт. Приехали во время молебна в университетской Церкви –

благодарственного. Служил университетский протоиерей Солярский и профессор Василий Гаврилович Рождественский; певчие были киевские, в числе которых я заметил и Бережницкого. Молодежь толпилась везде массами, но Церковь далеко не была полна молящимися; впрочем, стоявший около меня, видимо, студент, молился очень усердно. По окончании молебна, на котором превосходно было спето «Тебе Бога хвалим», все собрались в университетской зале, которая битком и наполнилась публикой и студентами. Хоры вокруг всей залы также полные были студентами. В зале прямо против входа между двумя колоннами огромный портрет Императора; перед ним подковой красный стол, отверстием обращенный к публике – для профессорского персонала Университета с приколотыми бумажными надписями, чье место; посредине зеленый стол, на котором приготовлены были золотые и серебряные медали и за которым сидели самые почетные посетители; на этот раз – Преосвященный Гермоген и попечитель Учебного Петербургского округа – князь Вяземский; затем следовали сначала кресла (плетеные), потом стулья для публики. В полукружии между красными столами и зеленым немного в стороне направо от входа стояла кафедра. Вошедши, все встали, и певчие на хорах пропели «Коль славен», после чего, когда сели, вышел профессор и с кафедры прочел (очень торопливо) отчет о времени с 8-го февраля 1879 по 8-е февраля 1880. Сначала об утратах лиц за смертию, потом – хозяйственную часть и учебную; преподавательский персонал из 91 человека, тогда как по штату положено 83; студентов ныне больше 800 человек, между тем как в 1861 году было менее 400; показано было на доске в рисунке, как шло постепенное возрастание, за исключением времени от 1871 до 1875 года, когда черта не возвысилась; тут же четыре черты показывали процентное содержание студентов четырех факультетов. В заключение сказано о работах профессоров вне их прямых обязанностей – в «Журнале Министерства народного просвещения» и прочее. – По прочтении отчета профессор Ламанский прочел речь о причинах силы турок в Европе в XIV-XVII веках. Латиняне тогда угнетали Православный Восток, Византийский же престол был слаб защищать; поэтому и сами греки и сербы, болгары скорее желали турок в Европе, чтобы иметь защиту против Запада и прочих. Ламанский, смачивая горло водой, читал свою речь очень одушевленно, но довольно монотонно, и сидевшие налево от меня генералы погрузились в сладкую дремоту. По окончании речи, щедро награжденной аплодисментами, вышел профессор Фамицын и прочитал, кто из студентов и какими сочинениями заслужили золотые и серебряные медали. Это была самая

интересная часть акта. Говорилось, с какими девизами и какого достоинства сочинения были поданы, причем читалась рецензия их. Девизы были характерные; на вторую золотую медаль с начала чтения было сочинение с девизом: «Дела не испортишь, мастером не будешь»; еще девиз: «Полюби нас черненькими» и прочие (так и в чтении было). Сколько внушающей, трогательной скромности показывают такие девизы! – Первую золотую медаль получил Владимиров, которого в рецензии расхвалили донельзя: «Виден навык к юридическому мышлению» и прочее; приличный молодой человек, скоро вышел, получил медаль из рук Преосвященного Гермогена, сделал наклонение головы, ушел за массу студентов; второй сделал поклон потом профессорам; следующие подражали ему. Больше всех аплодировали первой золотой медали по физико-математическому факультету, – как видно, – за трудность самой темы, что-то о равновесии твердых тел при разных состояниях жидкостей, причем приведены были формулы из высшей математики; весело было смотреть на получение одной серебряной медали двумя студентами за сочинение, как видно, напечатанное вместе; мило они вышли и получили медаль, передав друг другу при рукоплесканиях и улыбке их самих. – Аплодисментами награждены все получившие медали – семнадцать человек. – Пред окончанием пропето было с хор киевскими певчими «Боже, Царя храни!» Вяло пропето и прослушано. При выходе старался узнать имена более замечательных профессоров; видел Чебышева – математика и прочих; между прочим, и сам прослушал рецензию: х. ц. в. ч. ф. с. д. -"Наука – на своих ногах», вследствие чего извозчика нашел уже за Зимним дворцом. У Федора Николаевича, в Инженерном, О. П. [Ольга Петровна] накормила обедом и напоила кофеем. Пришел Николай Якимович Шестунов, штурман, отправляющийся в Японию; симпатичный молодой человек, дал ему адреса В. И. [Веры Ивановны] Анненковой, С. Г. [Софьи Гавриловны] Чеботаревой. – Вернувшись домой, сходил в баню, чтобы вылечиться от скопившейся простуды и боли в правом боку.

9 февраля 1880. Суббота

Вчера получено было восемь писем по городской почте. Между прочим, конфиденциально – Ненарокова об О. Евфимовне. И до сих пор не дает покою этот господин! – Поехал утром по письму Барсова в Знаменскую Церковь за пожертвованием. Много и хорошего – Евангелие, хотя и бронзовое, утварь. Староста – рыжий, видно, из простых. Вернувшись домой, вместе с встреченным Дмитрием Дмитриевичем, застал запись, а потом и самую личность И. В. [Ивана Васильевича] Махова. Курьезный господин, хвастун во все сани; о. Митрофан,

библиотекарь, между тем прислал из библиотеки проповеди Никанора. – Чай – для Махова и о. Митрофана. -Акафист, читанный самим Владыкой Исидором; я поспел только к Евангелию. Страх Новодевичьего монастыря быть взорванным 19 февраля и наказ чрез Дмитрия Дмитриевича взять миссийские вещи. – Около двух часов завтрак у Михаила Дмитриевича Свербеева по приглашению Катерины Дмитриевны Свербеевой. – Господин из Варшавы: отзыв самого Государя: «Один поляк – хорош, два – заговор, три – один доносит». – Бледная Марья Вячеславовна, жена Михаила Дмитриевича. На всенощной был в Крестовой. После всенощной прочел фельетон в «Новом Времени», сегодняшний, – «Религиозное врачебноведение и адвокатура», – о почетном члене Академии – Евгении Попове и цензоре о. Иосифе.

10 февраля 1880. Воскресенье

Никогда не был в таком скверном расположении духа, как сегодня целый день. Этот дурак Степан вчера вечером жарко натопил обе печи и закрыл трубы рано, отчего я ночью угорел, и. если бы не проснулся в первом часу и не открыл на всю ночь окно, то, быть может, и совсем не проснулся бы. Утром, в шестом часу, пошел гулять по аллее на морозе, чтобы проветрить угар, тем не менее голова болела целый день. На обедню пошел в Николаевскую Единоверческую Церковь: пение странное: на «Достойно» выходят оба клироса на средину Церкви: сообразно было бы выходить на «Тебе поем», или как у них «Поем Тя»: для диакона на амвоне небольшое четвероугольное возвышение, мешающее ходить священнослужащим: для поклонов в землю – подручники, мешающие молиться: проповедь из Иоанна Златоуста по-славянски диакон полу-пел, – по новости впечатление довольно хорошее, как будто отчитывают покойника: перед причастием дают крест целовать и выходят с чашей на край авмона – нехорошо: в конце обедни, давая крест, священник прежде каждого перекрестит крестом. Был молебен за Царя; на молебне певчие стояли посредине Церкви и пели весь канон. – После богослужения священник Алексей Петрович Соловьев пригласил к себе на закуску и обещал из Церкви сделать пожертвование в Миссию. После я отправился в Гуслицкую часовню просить на Миссию (уж как же опротивело это попрошайничество, притом так малоплодное!). Главного иеромонаха о. Гедеона не застал, карточку оставил. Зашел в Казанский Собор приложиться к иконе Божией Матери. Оттуда – в Певческую капеллу на духовный концерт. Был и Феодор Николаевич с о. Петром, – Яхонтов, Лебедев – П. А. [Петр Александрович], кажется, – завсегдатель концертов, на том основании, что и сам, мол, композитор. Пели, как всегда, чудно:

впрочем, бахметевское все – скучно. Возвращаясь, не нашел места в карете, поэтому взгромоздился на карету и оттуда глазел на гуляющих по Невскому. Вернувшись голодный, пообедал объедками от обеда Дмитрия Дмитриевича и Степана, напился зеленого чаю; следует ехать к Посьету и Путятину, но никуда не поеду – надоело! Умереть бы, или – в Японию.

11 февраля 1880. Понедельник

Хорошо, что не пошел вчера вечером в город; по крайней мере, отдохнул и встал сегодня совершенно здоровый. Утро ясное; в семь часов уже светло, так что можно читать без свечи. Но что за время теперь в Петербурге! Эти беспрерывные покушения на жизнь Государя какую-то панику и уныние нагоняют на всех. А впереди еще что – Бог весть! Поскорей бы в Японию, чтобы глаза не видали и уши не слышали всего этого сумбура, в котором все равно ничего поможешь… (семь с половиной часов утра).

Привезли ящик икон и куль старых облачений от Знаменья. Вслед за тем пришел рекомендованный о. Исаею живописец Барков – развел руками, посмотрев на иконы – все почти не годны для возобновления; я думал – старые доски годны, а он говорит, что новая доска стоит 30 копеек и на ней написать новую икону легче, чем на старой доске; придется почти все бросить в печь или отдать кому; я отобрал было ему шесть икон; он за переписку их положил двадцать пять рублей, тогда я дал ему только две поправить. Уехал к А. Г. [Андрею Григорьевичу] Ильинскому спросить, пришло ли дело о Миссии из Государственного Совета в Синод; еще не пришло – на подписи у министров и членов Экономического департамента. Заехал к Феодору Николаевичу, где трактовали о нынешнем скверном положении дел в России, – речь общая у всех. – В Черемецкую часовню на Моховой. – К графу Путятину. Он только что вернулся из Государственного Совета, поздравлял с окончанием дела, рассказывал о коменданте Дворца в элеваторе среди двух этажей в момент взрыва, на три четверти часа, о найденном еще динамите, беспаспортных, проживающих в подвалах Дворца, и прочее и просил прийти вечером поговорить с Евгением об ускорении сватовства. – Дал для передачи Митрополиту просфору из Вифлеема от Митрополита Анфима, вынутую в Рождество за здравие Митрополита. Вернувшись, перечитал сегодня купленные газеты и в седьмом часу отправился к Митрополиту передать просфору. Владыка в разговоре, между прочим, спросил, в чье имя будет престол в предполагаемом храме? – «Главный во имя Воскресения Христова, предельные – один во имя Введения Божией Матери, другой хотелось бы во имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла, или во имя

Преподобного Исидора». – «Нет, уж лучше во имя Апостолов Петра и Павла. В таком случае запрестольные иконы нужно заказать», – и посоветовал обратиться к Пошехонову, который сам единоверец и пишет в строго византийском стиле. Зашла речь, между прочим, об о. Анатолии, я стал хвалить его и сказал, что его непременно нужно уволить в отпуск. «Да нужно бы сделать его хоть игуменом». – «Нет уж, я буду просить, чтобы ему дали сан архимандрита». – «Пред отъездом тебе нужно будет взять об этом указ». – При речи о постройках рассказал, как в Мингрелии из одного бревна вырубают только одну доску и из таких досок есть построенные целые домы, разумеется, не дешевые; между прочим, показал присланные ему о. Владимиром две фотографии буддийских идолов и девушки в дзинрикися. При речи о теперешнем смутном в России времени и моем упоминании, что даже Новодевичий монастырь угрожают взорвать, Владыка рассмеялся и рассказал, как, когда он еще был ректором в Орле, тамошняя игуменья встревожилась слухами о комете и как он успокаивал ее шуткой, что действительно комета сметет монастырь. «Ну кому нужно баб пугать?» И позволил мне передать его разговор игуменье. – В девятом часу вечера отправился к Дмитрию Яковлевичу Никитину, у Сергиевского Собора, по зову его на товарищеское собрание. Было мало гостей. Между прочими, Леон. А. Павловский, которого я уже спустя полвечера только узнал; мне казался кто-нибудь из молодых священников. – Горский и Певцов засели в ералаш; прочие толковали о нынешней сумятице в городе. Доктор Орлов и анекдот о казаках и калиб гардии (кавалергардах). Скучновато было. – В двенадцать часов ушел к графу Путятину ночевать. Накормили ужином, и с Евгением мы проболтали почти до четырех часов. Отец хочет, чтоб он женился по его выбору, и потому немедленно объяснился с невестой (Марией Васильчиковой); сын вправе поступать в этом деле неторопливо; но больно горд он и резок с отцом, а я меж двух огней. – Показывал два кубка – Петровский, данный Петром I одному из их предков, и поднесенный сослуживцами графу Евфимию Васильевичу по экспедиции в Японию. Теперь между детьми графа идет раздел имущества – и Ольга Евфимиевна хочет доставшиеся ей золотые и серебряные вещи отдать в Миссию или передать в пользу Миссии; я удерживал ее сегодня днем от того.

12 февраля 1880. Вторник

Утром во время чая говорили с Евфимием Васильевичем касально женитьбы Евгения; пришел и сам Евгений, и побранились почти отец с сыном; первый вскипел, что Евгений не хочет так быстро и решительно идти к цели, как требует он. Но Евгений положительно прав. После уезда

отца он, бедный, заплакал. – Когда пришел домой, сначала явился Мадено Коодзи, при нем инспектор Семинарии Петр Иванович Нечаев – земляк, зашел от Митрополита; потом пришла еще Прасковья Николаевна Вестли, после того, как мы с князем японским пообедали монастырской трапезой, причем он рассказывал о жизни топографов на практических съемках («солдат» и «ухо сам себе откусил»). Бедная Вестли, как видно, мыкает горе. Рассказы ее о «папаше» очень подозрительны. Так-то вредит людям нынешнее верхоглядство! И она, оторванная от своей среды, гибнет, и муж, сочетавшийся с не принадлежащею к его среде, погиб. Вечером поехал на Петербургскую во 2-ю Военную гимназию к П. А. [Петру Александровичу] Лебедеву, которого жена Марья Михайловна сегодня именинница, что узнал от Нечаева. Были: Иван Васильевич Рождественский – член Синода, Павел Васильевич Рождественский – протоиерей Николаевского института (кажется, брат первого), Кап. В. [Капитон Васильевич] Белявский, сын Мих. Измайлов. Богосл. [Михаила Измаиловича Богословского] – чиновник, какие-то две дамы и я. Скучно было. Иван Васильевич рассказал о даме, сегодня бывшей у него: «Если закроете Церкви (в Московской епархии), я сделаюсь редстокистской», – и как он пристыдил ее, – о чуде от Иверской Божией Матери с протестантом-полковником (внезапно при поклонении выздоровел от пострела и ревматизма), – об угнетении бароном православных латышей на Эзеле (Церковь в конюшне), – о бывшем миролюбии шести законоучителей в дворянском полку (две муллы). До ужина уехал. Разнокалиберные стаканы к чаю, грязный виноград, ужин с подаваньем с правой руки, – три тощие блюда, осунутость, быть может скряжничество, вообще – невеселость жизни сказалась во всем этом. – С Капитоном Васильевичем, довольно хвастливым, мы доехали до Зимнего дворца в первом часу ночи.

13 февраля 1880. Среда

Утром – немножко скуки с Дмитрием Дмитриевичем. Псаломщик (или послушник Лосев) был, пришел проситься в Миссию; к сожалению, совсем неученый. В десять часов Дмитрий Александрович Резанов принес фотографии своего плана византийского храма. Прекраснейший молодой человек; жаль, что в их семействе двое больных – младший брат его и сестра, оба в чахотке. – Пришел о. Иосиф, цензор, с статьей в «Новом Времени» против него и своим ответом; автор статьи Лесков – недобросовестный человек; грязный намек его на куплеты непристойного свойства по поводу о. Иосифа – положительная клевета на последнего. Владыка звал для объяснения о. Иосифа и требовал для просмотра

брошюру Попова. Владыка – вот человек, стоящий на почве. О. Иосиф объясняет это примером. «Если сказать ему: „Сегодня 13-е число“, он и тут возразит: „Ну вот”; – да ведь вчера было 12; „А ну разве!”, – промолвит он и тогда. Совершенно верно. „О. Анатолию нужно здесь полечиться, у него ревматизм”». – «А вот доктора скажут, что ему не нужно опять в Японию ехать, он и останется здесь». – «Да его, Владыка, так же, как меня, палкой не прогонишь из Японии"… В четыре часа пришла Вера Федоровна Герц и проболтала битых три часа. Вот идеальная, образцовая «болтунья-лгунья»! По ее рассказам, она и А., бежавший из Йокохамы от долгов – сущие ангелы, а все прочие люди – Пеликан, Струве, моряки, Савченко (Петр Николаевич) – ужасные, неблагодарные. Мне чуть тошно не сделалось от ее болтовни, и я стал терять всякое терпение и безмолвно уставился лишь на поднос с чайным прибором. Учащенные приемы такой болтовни могут просто с ума свести. Вчера одна докторша, сегодня другая, и все жалоба, и все ложь, – нужна баня! – В восьмом часу отправился к графу Путятину, чтобы передать Ольге Евфимовне фотографии плана Резанова в слабой надежде, что, авось-либо старик граф будет побужден собирать на храм, тогда бы, конечно, план Резанова мог быть осуществлен. В девятом часу был у Желобовского, протоиерея Кавалергардского полка. Застал там, между прочим, заседание «Комитета Общества Вспомоществования Бедным Студентам Духовной Академии». Просматривали список членов, внесших и еще нет деньги; невнесших члены Комитета разбирали себе – кому удобней получить деньги. В это время хозяин – казначей Общества – и рассаживал других гостей играть в карты, и занимал их, и вместе участвовал в работе Комитета, давал книги для подписи. Это смешение дела с бездельем и нравилось, и не нравилось: дело лишено было сухости, но в то же время и за прочность его, по-видимому, нельзя твердо ручаться. А дело, собственно, весьма плодотворное: сколько бедных умных людей получат возможность быть полезными Церкви и Отечеству! – П. П. [Павел Петрович] Заркевич часто приглашал сопутствовать ему к закуске. Е. И. [Евграф Иванович] Ловягин флегматически осторожно играл в преферанс, причем, однако, и ремизился; его визави – гений в игре – тоже ремизился по молодости. А. Г. Вишняков расспрашивал об Японии и Богомолове. Придворные певчие превосходно пели; старик – тенор поражал своей чистотой и силой. Много табачного дыму. За ужином, за который сели в первом часу, радушный хозяин и хозяюшка, ходя вокруг столовой, одушевляли веселостию; старик Гиляровский и Щапин смешили остротами. В. В. [Владимир Васильевич] Никольский, инспектор Лицея, серьезничал. После ужина еще некоторые

засели играть в карты, другие пели или уходили; так как мой крест хозяином был спрятан под замок, то я едва в начале третьего часа ушел; но истинно доволен был вечером – так все было радушно, просто, непринужденно и весело. В половине третьего пришел к Путятину и лег спать, с сожалением узнавши, что самовар был на столе в ожидании меня до двенадцати часов.

14 февраля 1880. Четверг

Вставши в девятом часу, за чаем слушал соображения графа Евфимия Васильевича о мерах, которые следовало бы принять в теперешнее смутное время. Одна из них очень разумная: «Дать свободу печатать что угодно, а между тем правительству привлечь лучших писателей и чрез них самому издавать несколько весьма дельных газет и журналов, которые пустить возможно дешевле, почти за ничто, и в которых опровергать все нелепое и учить истине – и религиозной, и гражданской». «Так отчего же вы не предложите эту меру в Государственном Совете?» – «Да разве это можно? Чуть кто-нибудь скажет что новое, председатель останавливает – это-де не относится к делу, – Государственный Совет не имеет инициативы"… В одиннадцатом часу утра вернулся домой. – Получил письмо от Бережницкого, что он по непредвиденным обстоятельствам не может ехать в Японию. – Сходил в баню и просидел дома, читая газеты и прочее.

15 февраля. Пятница

Утром Дмитрий Дмитриевич рассказал о вчерашнем разговоре с Бережницким, в котором оказался плохим дипломатом, – потом повез в Новодевичий тюк старого облачения из Знаменской Церкви. Щурупов приходил получить двадцать три с половиною рубля за фотографии плана и сказать, что неудобно устроить три престола подряд, – тесно будет. Нужно будет поговорить с Владыкой. – О. Евгений, сосед, зашел, – настоятель Новгород-Северского монастыря (Черниговской губернии), – земной поклон от его страны Миссии! – О. Александр Касаткин завернул и пусто поболтал. О. Исайя принес показать пропечатанную в сегодняшнем номере «Голоса» награду Владимира 3 степени. После обеда побыл у Путятиных, потом у Федора Николаевича, где был и Дмитрий Дмитриевич. Получил там корреспонденцию из Японии, где, между прочим, письма Якова Дмитриевича, о. Павла Савабе и П. [Павла] Ниццума. Жаль, что бесследно обокрали о. Анатолия на 700 ен. Дмитрия Дмитриевича убедили ехать в Японию священником на судне с преступниками, что для него будет полезно для практического знакомства с людьми, особенно в сообществе такого человека, как Митрополов.

Последний был сегодня у меня после обеда и чрезвычайно понравился – такие светлые глаза, симпатичное лицо и умная речь. – По возвращении домой в семь отправился к Владыке с фотографиями храмового плана. Он не позволил переместить придельные алтари, сказав, что для служения не тесно будет, иконы же можно сделать уже. Советовал мне взять деньги, собранные им на храм, так как Лавру угрожают поджечь и ограбить. «Если Лавра потерпит разграбление, то пусть вместе погибнут и миссийские деньги, не до них будет». – «Да Лавра-то потом может поправиться, а Миссии трудно"… «Придется в таком случае раньше из города возвращаться, между тем как до сих пор приходилось иногда во втором и в третьем часу». «Вот это и нехорошо – я не знал этого». – «Да ведь мне приходится бывать в таких домах, где собираются люди ученые, почтенные, – притом у меня есть для позднего ночлега комната у графа Путятина». – «Все-таки нехорошо; хороший монах скажет: „Мне нужно вовремя возвращаться”"… «Правда это», -невольно должен был согласиться я, беря прощальное благословение. – Послушал рассказы о. наместника в секретарской; охотник рассказывать он. Вернувшись к себе, застал Ивана с коробкой книг и вещей от графини Ольги Евфимовны и получил приглашение от соседа о. Евгения выпить стакан чаю, после чего взял от него сегодняшний «Голос», где напечатан «Указ Правительства Сенату об учреждении в Санкт-Петербурге верховной распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, с назначением главным начальником оной графа Лорис-Меликова, которому и дана совершенно диктаторская власть». О, tempora! [32]

16 февраля 1880. Суббота

Какая мелочь событий! Дотянувши до вечера, едва помнил, что было с утра. Такая мерзкая, отвратительная жизнь может быть только при неимении настоящего дела. Для чего я тяну здесь изо дня в день? И сам скучаю и бездельничаю, и в Японии по Церкви идет расстройство и ждут меня. Форма заела. Старье, рухлядь все в России: не диво, что и бунтуют. О. как многое нужно переменить и улучшить! Не живем и действуем мы – прозябаем! А тут паника, сумбур… не диво! Э-эх! Горько, обидно, жалко! Лесть, гнусность, чаянье живой воды везде между строк… Сегодняшние газеты стоит сохранить для воспоминания потом. – Потянем лямку… Утром о. Исайя с крестом, – в … решили, и другую Церковь ему, не Коодзимаци, названную, по вчерашней корреспонденции, Богоявленской. – Он пригласил на Акафист, который будет читать сам Владыка. – Побыл у Щурупова и сказал, что Владыка не позволил вынести приделы в Церковь.

– После обеда ходил по иконным лавкам, чтобы найти икону святого Феодора Тирона для подарка завтрашнему имениннику Феодору Николаевичу; не нашел и потому купил в Гостином икону Тихвинской Божией Матери в серебряном окладе, довольно благолепную (за десять рублей). Проходил все время пешком в холодной рясе, так как была оттепель – На всенощной был в Крестовой – продолжается часа два с половиной; на «реках Вавилонских» пели хоровое, – не особенно понравилось. – Как все поздравляют с «Владимиром 3 степени» – вот нашли-то радость! Вернувшись, читал накупленные сегодня газеты. Скверно в России! И скоро ль будет лучше?

17 февраля 1880. Воскресенье

Однако Дмитрий Дмитриевич прескучный – придет, сядет, молчит. И неисполнителен он – по-японски учиться бросил, письма Филарета к Путятину полторы недели, как взялся переписать – всего несколько страниц – и до сих пор не переписал, возьмется побыть где (как у Бережницкого) и не исполнит. Плохой элемент. Быть может, от молодости, – и со временем пройдет. – Но экая скука здесь! – В половине десятого освятил икону Божией Матери для Федора Николаевича на мощах святого Александра Невского, потом принес просфору за здравие его с семейством. – За обедней стоял один на левом клиросе. Всю обедню пели одни певчие; на «Тебе поем» и «Достойно» выходили на солею; выходили также на пении, вместо причастна, «На реках»; сегодня понравилось больше, чем вчера. – После обедни зашли Иван Петрович Корнилов и гимназист Соколов с актовой речью Храповицкого, которой экземпляр, по прочтении, тут же вручен был Корнилову. Последний, надев голубую ленту, отправился вместе со мной и гимназистом на акт в Духовную академию, приглашение на который получено было и мною. В один час собрались. Из архиереев были: Рязанский Палладий и викарий Варлаам; меня ректор усалил по правую руку от Палладия, но во время чтения отчета я чуть не слетел с кресла, подушка которого соскользнула: к счастию, я знал устройство сих кресел по старой памяти и почти незаметно поправил подушку, после чего только нужно было сидеть осторожно. Отчет прочитал профессор Рождественский, превознося последнее десятилетие по преобразованию устава; учащихся действительно вдвое больше; учащих тридцать три человека. Дай Бог! Отчет награжден был аплодисментами (существованию Академии ровно семьдесят лет; в прежние шестьдесят лет было только двадцать докторов Богословия; за последнее десятилетие явилось семь докторов и прочее). – После отчета пропето было «Боже, Царя храни» студентами по нотам, и

пропето превосходно. Затем при аплодисментах М. О. [Михаил Осипович] Коялович выступил на кафедру с речью «О смутных временах России – самозванщине», с приложением к текущей неурядице. Речь написана больше для печати, чем для произнесения с кафедры; половину ее лектор сократил, но и все-таки вышла длинна и скучновата; И. П. [Иван Петрович] Корнилов, вежливейший из людей, отчасти спал. Речь, впрочем, умна. Главная мысль, что иностранцы, именно иезуиты, мутили тогда Россию, – и она была спасена тремя актами подъятая и проявления народного духа. – Михаил Скопин, Дмитрий Ляпунов и архимандрит Дионисий – все одинаково старались лишь внушить единение и любовь – и этими, вызванными к проявлению, актами Россия была спасена; будет она спасена и в настоящее и в время, – и России долго жить. – Заключение речи было покрыто аплодисментами. Пропели «Достойно есть» (при открытии акта пропето «Царю Небесный»). – Этим акт и закончился. Аплодисменты студентов не умолкали, пока Коялович вышел из залы. О, юность!.. А мне казалось все очень прозаичным. При чтении речи я старался перенестись в былые времена и вообразить. что слушаю Михаила Осиповича еще студентом: очарование было полное: голос его совершенно тот же. Но и теперь я не мог представить себе лучшего выбора, как какой двадцать лет назад сделал. В священника? В профессора? В светскую службу? – Кстати, тут виднелись и невесты. Нет и нет! И мысленно не нашел и тени возможности отречься от Японии. Пусть вперед будет, что будет, но до сих пор так. – Потом казалась мне неправдивою речь лектора в приложении к современности. – Ну. что тут смутные времена, подобные самозванщине? – Притом правительству нужно исправиться и быть современнее – и дело пойдет хорошо. В противоположную сторону следовало бы направить речь, да видно хитрить – безопасней и выгодней. Ну и пусть! Только от этого все тошней: конец смутам нескоро предвидится. – После акта хотел было уйти (кончился он больше половины четвертого); но Ив. Ф. [Иван Федорович] Нильский, а потом и ректор – Янышев, удержали. Закуска и обед в ректорских комнатах. Спичи, что за мастер говорить Янышев! Встает, и из ничего, по-видимому, у него возникает спич, – фразы так и льются – одна другой умней. – Пели здравие Государя, членов Синода, Исидора и Варлаама (Палладия не было), ректора, гостей; так как о. эконом сказал ректору, что еще будет шампанское, то о. ректор в очень милом спиче предложил здоровье сосед соседа, а потом Н. И. [Николай Иванович] Барсов – «за здоровье идей», – над чем втихомолку (я сидел по правую руку ректора) о. ректор очень остроумно подсмеялся. Япония не была забыта в одном из тостов. – А мне

между тем нужно было спешить на обед к графу Путятину, на котором имели быть В. Н. Хитрово и В. О. Кожевников – причастники иерусалимскому делу. Вставши из-за стола, не дождавшись кофе, я ушел и в шесть часов был у Путятина. Показали вид, как будто я и не заставил ждать. Где предел тонких светских приличий! И как совестно злоупотреблять ими! После обеда, когда Евфимий Васильевич рассуждал и горячился с Хитрово и Кожевниковым, я, зная наперед все то, болтал с Евгением Евфимовичем, княгиней Орбелиани и сестрами о животрепещущем в доме вопросе – сватовстве Евгения Евфимовича к Марии Васильчиковой. Граф Евфимий Васильевич портит все своею торопливостью. Но делать нечего; парламентером теперь назначена Ольга Евфимовна, – авось, хоть успокоится. В девять часов был у именинника Федора Николаевича, отдал ему подарок Ольги Евфимовны, какую-то японскую коробку и фотографию Гефсимании, а также свои икону и просфору. Гостей было много: в кабинете сидели батюшки, в зале молодежь танцевала (Делицын, Парвов (с звездой), Коля, Певцов и прочие). Я выпил стакан чаю, две рюмки водки и поспешил уйти, чтобы исполнить слово Владыки, что «добрый монах должен вовремя возвращаться домой». Приехал к десяти и испытал любезность лаврских монахов: не нашлось у извозчика сдачи с трех рублей – я остановил проходивших монахов, и они с величайшею предупредительностью отослали меня и взяли на себя распорядиться с извозчиком; один из них подъэконом о. Иринарх, – завтра нужно расплатиться с ним.

18 февраля 1880. Понедельник

Единственное счастье человека на земле – в труде, сообразном с его наклонностями и собственным выбором. Сегодня день был солнечный, прекраснейший; я совершенно здоров; при всем том – несносно проскучал и был несчастен целый день. Утром пошел пройтись по Невскому, купил газет и сыру. В газетах – льстивая галиматья, или полуприкрытая злонамеренность. Пошло как все! После обеда, отдыха и чая от нечего делать пошел осматривать Лаврский Собор. Некоторые картины – высокохудожественны, но кое-что есть слишком реально, например на правой стороне – снятие со креста Спасителя, при нем сетующая Богоматерь с руками, воздетыми к небу, и Иоанн Богослов, показывающий Ангелу рану на левой руке Спасителя; Спаситель здесь изображен просто в виде окончневшего трупа, поразительно верного природе, но не мыслимого о Богочеловеке, в котором уже на кресте началось преображение смертного естества нашего в бессмертное и невообразимо прекрасное, что видно было в излиянии из ребра крови и воды, – факт,

неприложимый к простому мертвецу. На правой стороне Собора, у алтаря, снятие с креста гораздо лучше (кстати: рана в ребре – на первой иконе – в правом боку, на второй – в левом, – художнические вольности!) Обошел потом кладбище и посетил моих милых ангелов на могилах Константина и Леонида Десим: ангел первого молится, второго – с беспечнейшею улыбкою смотрит на небо. – Завернул к о. Иосифу – цензору, чтобы попросить что-нибудь для чтения, и получил последний номер «Христианского Чтения» (январь и февраль 1880 года); за чтением его и убил остаток дня. Потом сходил к всенощной в Крестовую Церковь, так как завтра назначен в служение в Исаакиевский Собор. После зашел на всенощную в Собор, там еще читали кафизмы, когда в Крестовой кончилось. Простоял, пока прочитали Евангелие, и вернулся к себе. – Ныне, в десятом часу, когда пишу сие, величественный трезвон возвещает, что всенощная и в Соборе кончилась. – В ознаменование завтрашнего Торжества Владыка Исидор отдал приказание во всех петербургских Церквах отслужить сегодня всенощную со звоном к ней в шесть часов. В Лавре даже иллюминована была колокольня плошками. Народу, впрочем, очень мало было, как в Крестовой – так и в Соборе. Завтра Владыка и все члены Святейшего Синода служат молебен в Зимнем дворце. В Исаакии же – два викария и архимандриты.

19 февраля 1880. Вторник.

Восшествие на престол и двадцатипятилетие царствования Государя

В девять часов вместе с о. Евгением, соседом, и о. Николаем, архимандритом Рижским, в лаврской карете поехали в Исаакиевский Собор.

Дорогой видели множество флагов и приготовления к иллюминации. В Соборе встретили приятели-гимназисты 5-й гимназии – Соколов, Нефедьев, Храповицкий – все в Соборе как дома: Соколов вызвался держать митру у меня, Нефедьев был книгодержцем у викария Варлаама, Храповицкий посошником у главного Преосвященного – викария Гермогена. Владыка Исидор и все члены Святейшего Синода поехали на молебен в Зимний дворец, и литургию в Исаакиевском Соборе совершали оба викария и все наличные архимандриты – всего четырнадцать митр – и протоиереи Исакиевского Собора. – Я стоял первым архимандритом, и Храповицкий со своим деликатным и едва слышным «тише, о. Николай», когда я спешил пройти в алтарь, – чтобы благословить начало литургии, показал, что он знает подробности Исаакиевского ритуала так, что может учить новичков. – Мрачно в Исаакии, жалость смотреть на незримые

плафоны, расписанные гениальными художниками и пропадающие даром; печально было мыслить пред самым началом Богослужения, что кто-то на молебне в Почтамте, во время самого молебна вел себя неприлично (за что, впрочем, тут же был арестован); грустно было знать, что первейшие иерархи не могли быть на служении в первейшем Российском Соборе только из-за того, чтобы быть там, где предполагалась опасность «хозяину России», при все том тепло и свободно молились как-то (быть может и потому, что скромные викарии не стесняли своим присутствием). Певчие – два хора – митрополичий и исаакиевский пели неподражаемо, особенно «Тебе поем» и «Достойно» – оба хора вместе не солее, при управлении Львовского; такой силы и полноты в исполнении – в свете нет нигде, конечно, и только в Исаакии и при таком пении можно постигнуть всю грандиозность Православного Богослужения! Между прочим, тронула меня молитва посошника Храповицкого, первого посошника видел молящегося усердно. Проповедь говорил Янышев. Голосовые средства – первые в России: при всем том – когда он обращался в противоположную сторону – слов нельзя было разобрать, несмотря на то. что я стоял на солее и внимательно слушал. Невольно приходит мысль о непрактичности больших соборов. Ныне, по словам протодиакона Оболенского, было не менее шестнадцати тысяч в Соборе (а могут быть двадцать две тысячи); из них половина не могла слышать проповеди. Конечно, не слышно было всего богослужения, кроме пения певчих. Проповедь – односторонняя, как и вся журналистика, и вся гомилетика, и вся неоткровенная речь нынче. Люди говорят вполовину не то, что думают. Пункты в памяти: «Долг» – буду иметь проповедь печатную; способ произношения: десять лет тому назад я слышал и видел Янышева на кафедре, и меня до слез тронуло – теперь мне иногда было смешно; у нас в Японии тоже жестикулируют при проповеди – и, кажется, гораздо естественнее. Голоса такого (для такого Собора) еще нет в Японии: себя самого я никак не осмелюсь поставить на Исаакиевской кафедре вместо Янышева, но Янышева ни в каком случае я не пожелал бы на японской кафедре – первый Яков Дмитриевич Тихай убил бы своим сарказмом. Нет; неестественно, искусственно (не к делу) рьяное тыканье руками в землю – когда речь не о земле, хлопанье по воздуху – когда воздух ни в чем не причастен. Чтобы заинтересовать публику (согласен) Иван Леонтьевич Янышев – хорош (все же особенность, невиданность, кипение на кафедре): но истинная, живая, от сердца и души, естественная проповедь все еще ждет для себя выразителей в России. Явись неистовый проповедник католичества (вроде Савойяра, или Сайяра, леший их разберет, – я слушал и видел его в бытность в

Академии), Илья Леонтьевич Янышев мог бы быть противовесом ему: «Мол, и в нас – тоже», сказал бы православный, мало смыслящий в Православии по духу. Да простит мне Бог – тысячекратные комбинации нашей достоуважаемой матери. Церкви Русской, совсем не могут идти в параллель с прямым положением Церкви Японской: но мне казалось во все время слушания проповеди, что мы с Павлом Ниццума сказали бы совершенно иную проповедь, более полезную слушателям, чем проповедь мною слышанная. К молебну собрались человека двадцать четыре столичного духовенства – все камилавки; приятно было видеть такое торжественное служение (голос протодиакона Оболенского в состязании с Янышевым; но и жалость видеть его в действительном служении, тогда как ему следовало бы быть на пенсии). Певчие двумя хорами пропели «Тебе Бога хвалим» так, что инославным в «Te Deum»,[33] конечно, никогда не приходится слышать такого великолепия «вокального изящества». – Хотел было дать на конфекты митродержцу Соколову, но он не взял. После всего приехали в Лаврской карете домой с о. Евгением и рижским о. Николаем. Проехали Дворцовою площадью – карет и разных экипажей было множество; народ тоже был, но, видимо, разошелся после утренней серенады. О. Евгений зазвал к себе пить чай и угощал икрой двух видов, сдобными булками и мадерой в серебряном бокале, поднесенным ему в Херсоне. Пожить любит и прихвастнуть непрочь. «Из евреев», – как говорил о. Исайя. Господь с ним! Спасибо за доброту! Превосходный лаврский обед Степан испортил, смешав заливное, пирожное, соленый огурец все вместе. – Пообедав, отправился к Федору Николаевичу, – окольным путем, чтобы видеть торжество города. Флаги и приготовление к иллюминации – в одном месте и проба ее, хотя было днем. – На Царицыном Лугу – масса серьезного народа, – по панели и у пяти театров – «Развлечение…», «военных представлений», «Семенова», «Берга» и «Малафеев» – за ними еще сколько других театров – не видно. Публика брела в разные стороны. У Федора Николаевича заболтался до девяти часов. – При возвращении видел иллюминацию, а прежде того – иллюминованный дом графа Адлерберга, видный из Инженерного замка. – Замок свечами – по четыре на каждое окно – иллюминован был очень эффектно; на Невском горели вензеля «А» и «М». Но грязь и слякоть. Взял извозчика у Аничкина моста, чтобы не опоздать к десяти часам в Лавру, так как идти при медленно двигающейся массе народа было бы очень нескоро.

20 февраля 1880. Среда

Утром серьезный разговор с Дмитрием Дмитриевичем – о

неисполнительности, отчасти вследствие вчерашнего совета о. Федора. Он заплакал. Мне очень стало жаль, видно, что человек способный на все, но вследствие непривычки придавать серьезное значение тому или другому попадается впросак, вопреки собственной натуре, созданной для дела верного и прямого. Дал обещание, что вперед подобные разговоры не будут иметь случаев повториться – Еще до прихода Дмитрия Дмитриевича, гуляя на новом кладбище, сделал визит о. Иосифу, который оказался еще спящим в девятом часу. – После отправился к Путятину, где и пробыл целый день. Там ужасная тревога по поводу неудачного сватовства чрез Ольгу Евфимовну молодого графа на Марию Васильчикову, вследствие настояний Евфимия Васильевича. Последний в отчаянии – два дня почти ничего не ел; все семейство в смущении. Графиня Ольга Евфимовна в постели. – Здесь же услышал о бывшем сегодня покушении на Лорис-Меликова; подробности не забудутся. Вернулся к десяти часам, так как Владыка Исидор сделал выговор за позднее возвращение из города.

21 февраля 1880. Четверг

В восемь часов, согласно вчерашнему обещанию, был Дмитрий Дмитриевич с переписанными письмами Митрополита Филарета к графу Путятину, попросил его отнести их к Федору Николаевичу. Отправился к Путятину, тоже согласно вчерашнему слову, хотя очень не хотелось, – был дождь. Ольга Евфимовна все еще в постели. – С княгиней Орбелиани, разговорившись, узнал, что она именно и была в плену у Шамиля, о чем я читал с таким интересом еще бывши семинаристом; рассказы ее о сыне, бывшем в плену грудным младенцем и ныне лихом гусаре, в высшей степени интересны. И княгиня сама показалась мне истинно примерною, идеальною матерью. – Граф сегодня совсем спокоен. – Был потом у Федора Николаевича, куда при мне же зашел и Дмитрий Дмитриевич. Мы ушли с Федором Николаевичем – он на лекцию в Морскую, я домой, а Дмитрий Дмитриевич остался, чтобы дождаться

Федора Николаевича. Дорогой завернул к Вольфу купить молитвенник, о котором такая реклама была в «Голосе», но оказался в сорок рублей – в папке; рисунки же не совсем понравились. – Дорогой оттуда столкнулся с И. П. [Иваном Петровичем] Корниловым, шедшим к А. Ф. [Афонасию Федоровичу] Бычкову в Публичную библиотеку; он пригласил меня с собою; пошли, но Бычкову, как по всему видно было, был недосуг, и я поспешил уйти, получив не совсем нравящееся приглашение И. П. в субботу к нему вечером. – Дома сходил в баню часу в шестом, и – есмь со всем недовольством своим собственным

существованием. Утром, дорогой к графу, купил главные газеты, и там же, отчасти при помощи самого графа, перечитаны были все вчерашние новости о покушении на жизнь Лориса. Федора Николаевича нашел восхищающимся адресом Государственного Совета и недовольным адресом Сената. – Вернувшись к себе, нашел карточку Хидемару Маденокоодзи, уже в четвертый раз посещающего, при краткости знакомства. Поменьше бы Японии здесь, чтобы вполне предаться Японии в Японии! Помню, с каким неопределенно туманным радостным чувством, ибо туманна была сама погода, я оставлял Японию (Йокохаму – утром). Теперь я скучаю по Японии. Нужно, чтобы наскучался вполне, чтобы уже никогда не скучать в Японии.

22 февраля 1880. Пятница

Вчера вечером и сегодня утром прочитал принесенный вчера от Федора Николаевича роман его знакомой Долгиной: «Фиктивный брак». Роман читается легко и с интересом, хотя богат вымыслом или психологией. Долгины – две сестры; одна из них, младшая – сочинительница; обе уже в летах и не знают, что с собой делать. «А сколько таких у нас!» – говорит Федор Николаевич. – В полдень пришел Маденокоодзи, пообедали и собрались вместе быть у Коссовича в ближайшую среду. Он просил меня взять с собою в Японию одного русского мальчика, бывшего певчего в капелле, но что с ним делать там? О Рамчендере говорил, что он вовсе не пользуется пособием японского правительства и что с ним нельзя быть во всем откровенным, так как он уж слишком откровенен со всеми. – Пошел к графу Путятину. Ольга Евфимовна крайне расстроена была сегодняшним зрелищем провезенного по Кирочной и Надеждинской на казнь Младецкого (покушавшегося на жизнь Лорис-Меликова); его казнили повешеньем на Семеновском плацу. Евгений Евфимович показывал свою работу по гравировке, которою только что стал заниматься, голову серны и миниатюрный портрет Крылова. Скучно было и там, – тоска, точно змея, сосала сердце. Развлекла немного группа Собора и воспоминание о катихизаторах. Как бесцветна, как противна жизнь здесь без живого дела! Из-за чего держится? Все сочувствуют Миссии, и дело идет хорошо, но несносная формалистика тянет в бесконечность. Такова система! Хороша ли? – И сам-то сделаешься скучным, гадким, точно неживым.

23 февраля 1880. Суббота

Утром Дмитрий Дмитриевич, на пути к Пашкову слушать его объяснение Священного Писания, потом племянница Никандра Ивановича Брянцева, принесшая два прибора сосудов, выхлопотанных для Миссии с

дядей. Она же сказала, что на Смоленском кладбище приготовили порядочное пожертвование. *Я*туда – к главному протоиерею о. Захарию Образцеву. Но сегодня Родительская суббота – множество панихид и дела. О. Захарий показал мне ризы и Евангелие одно, приготовленные для Миссии, сказал взглянуть на иконы – в коридоре в Церкви, – оказались годными; затем я просил его, чтобы, когда пожертвование совсем будет приготовлено, он дал мне знать. Осмотрел обе Церкви кладбища – большую направо, – два покойника ждали отпевания, и малую – налево, – один из певчих читал Часы, другие в траурных формах бродили по Церкви и хорам. – Прошелся по кладбищу. Вот крестов-то! И как это осмысленно – ставить крест на могиле, – не крест ли человеку жизнь эта, – будь он кто хочет! И – вот с креста – в могилу, а крест, как живое доказательство, что человек был, насколько мог, подражателем Первому Крестоносцу, и что во имя Его обетований он ждет себе спасения… Едва достало терпения дойти до конца кладбища по одному направлению; по дороге – балаган, где можно иметь чай. Венков сколько на могилах и крестах, и слезно молящиеся там и сям. Вокруг Церкви – памятники богатых, между прочим, актера Каратыгина с его бюстом и усами на лице. – Невольно всегда припоминается рассказ, что он живой был похоронен… На обратном пути зашел в одну мастерскую памятников – кое-что, например модели памятников, ангелов, хоть для украшения комнаты покупай. – Дорогой туда и обратно перечитывал газеты – между прочим, о подробностях казни Младецкого; что он поцеловал крест – утешит Ольгу Евфимовну. Заехал к Федору Николаевичу, чтобы взять денег. Он долго не возвращался из Церкви, так как много усопших нужно было поминать. Вернувшись, рассказал, что болен правым боком, так что вздохнуть трудно. После обеда Коля, идя в лавку купить бумаги, купил и горчичник – готовый – Федор Николаевич, перекладывая с места на место три раза, продержал на боку минут сорок… Вот беда-то была бы для Миссии, если бы он серьезно захворал! До прихода его Ольга Петровна, между прочим, рассказывала, что, отпуская Колю в гимназию, когда ему пришло время определиться, всегда плакала, пока он вернется, и во время классов ходила повидать его, а теперь не знает, куда отдать Людмилу; не решается – в институт, так как жить ей там нужно, а без нее для Ольги Петровны будут слезы! Вот примерная-то, нежная мать! И при всем том уже забирает себе в голову некоторые тенденции, могущие впоследствии сделаться источником страданий для нее и детей, например думает, что Людмила, если со временем выйдет замуж, то должна выйти не позже восемнадцати лет, а после этого Ольга Петровна не позволит, так как только не позже

этого времени вышедши можно перевоспитаться, если то потребуется, то есть приноровиться к мужу. Я старался внушить ей, что не сообразно с Волею Творца так ограничивать дитя, так как Творец вложил в природу людей, как регулирование и освящение времени супружества, – любовь; сия же не известно, по разности природы людей, когда и как и к кому возбудится; родители должны только устранять для детей опасные пути, предостерегая от опасных людей, во всем же прочем предоставлять им свободу. – О. Феодор рассказывал смешные вещи о первом знакомстве детей его с природою: «Уже ли и без шляпы можно выходить?» (в деревне у матери Федора Николаевича); испуг Коли, когда он в восхищении, что можно бегать по саду (в деревне), упал и оцарапал и загрязнил себе руку (а в городе ему внушаемо было, что, если обрежет палец, тотчас говорил бы, чтобы в ранку не забралась грязь). «Да чего же ты испугался? Это маленькая царапина». – «А грязь-то?» И Коля был почти без чувств, пока его не успокоили. – А что за радость детей, когда им говорили, что можно взобраться на этот камень в лесу! Людмила же, трехлетняя, попав в траву, которая выше ее ростом, вздумала облокотиться на траву и, разумеется, полетела. – «Так отчего же вы каждое лето не ездите в деревню?» – «Средств нет»! Бедный Федор Николаевич! Как бы хотелось доставить ему средства. А как? Нет средств… Всенощную отстояли в Крестовой Церкви. – Живот болел – или от ветчины, которой три куска съел за разговором и угощеньем радушной Ольги Петровны, или от кофе, который два раза пил, так как, когда ни придешь, Ольга Петровна всегда предлагает превосходный кофе; после же обеда еще кофе. Пели «На реках» – отлично; мне более и более нравится это хоровое «На реках»; особенно есть нота на слове «нам» – неподражаемо хорошая. «Помощник и покровитель» также превосходно пели, и ирмосы «Манием Твоим» – лучшие, кажется, из гласовых ирмосов. – После всенощной пошел на полчаса к И. П. [Ивану Петровичу] Корнилову. Застал Сухомлинова, профессора университета, и Кояловича Мих. [Михаила Осиповича].

Речь была сначала о речи Кояловича на акте Академии, потом о социалистах, Лорис-Меликове, казненном жиде. Пришел А. Ф. [Афонасий Федорович] Бычков. – Суждения о социалистах не такие, каких желалось бы от людей, глубоко ученых, приравнивание их к французским коммунарам, – «там разом расстреляли с тысячу, все успокоилось» (Бычков), – о бегстве Мирского («Правда ли?» – Сухомлинов, молчавший больше), о солдатской выбранке Лорис-Меликова при покушении и о том, что подвалы Духовной академии хотели изучить для взрыва (Коя-лович). – При прощании дал И. П. – чу экземпляр речи Храповицкого – в дверях

столкнулся с входившим В. В. [Василием Васильевичем] Григорьевым. – К десяти часам прибыл в Лавру.

24 февраля 1880. Воскресенье.

Заговенье пред Масляной

Утром раздосадован был слугой Степаном, его глупостию, вечным скрыпом и стуком его двойной двери, не дающей покоя, и его ротозейством – уходит из своей комнаты, оставляя дверь отпертою и ключи на двери от моей и его комнат, так что могут обокрасть и его, и меня. Согласно письму от матушки Аполлонии, отправился к обедне в Новодевичий монастырь. Проехал все время на конке, и от Технологического института до монастыря по неимению места внутри, на дилижансе (был не в клобуке); созерцание окрестностей развлекало в дурном расположении духа. Поспел к началу обедни. Пели, как ангелы. В алтаре – молящийся по-католически, с молитвенником в руках, какой-то молодой генерал, разнивший при подпеванье. Влиянием молитвенной храмовой благодати дурное состояние духа во время литургии совершенно прошло, и душа сделалась ясна и спокойна. Во время обедни пришли сказать, что матушка игумения просит после службы к себе, что она больна. После службы было отпевание какого-то богача – несколько протоиереев, певчие на обоих клиросах в полном составе, – ребенок Груша, с улыбкой расхаживающая от клироса к клиросу, – умилительное пение ирмосов и «Со святыми упокой"… Не дождавшись окончания, отправился к матушке Евстолии; она простудилась 20-го числа при погребении графини Протасовой, и у нее грипп: я застал у нее доктора Исаева в белом галстуке, очень тихого и приличного; разговор о нынешних смутных обстоятельствах. Кроме того, матушка рассказывала, как она в доме Протасова была приветствована Государем и получила его благодарность за поднесение иконы 19-го числа. «Оробела совсем и только поцеловала руку Государя», – говорила она. При ней, также у Протасова, была и казначея, мать Агния. Тут же матушка Евстолия дала мне прочитать письмо о. Владимира и карточку мою, присланную при письме, пронзенную в шею гвоздем, с надписью на обороте: «секкёо танен… коогенрейсёку сюусин о докусу: (исидзукари) дзюудзика-дзёноритэ"… Письмо о. Владимира говорит, что в последнее время на воротах Миссии нередко являются такие казненные мои карточки. От настоящих врагов-язычников или иноверных – лестно бы; но мелькнула у меня тревожная мысль – не от своих ли это, которые могут быть и хорошими христианами, но в то же время раздраженные и введенные в заблуждение бестактностию о. Владимира, заподозрили меня в служении видам политическим со

стороны русского правительства на Японию. Эта мысль до того обеспокоила меня, что, когда я пришел в комнаты матерей Аполлонии и Феофании и там оканчивал чтение письма, мать Феофания по сумрачному выражению моего лица не удержалась от вопроса: «Вы, кажется, испугались?» Не испугался, а больно уж обидно, если не от врагов, а от врагов, так не более, как лестно… У них я застал Олферьева, генерала, служившего некогда по Духовному Ведомству. Матери Ушаковы возлагают теперь на него всю надежду в возвращении им их капитала, доверенного какому-то пройдохе, предпринявшему оздоровление Петербурга. Едва ли будет успех, хоть генерал и ломается. – После закуски смотрели приготовленный совсем комплект икон для Духовской Церкви в Сиба-кёоквай, написанный по привезенным мною размерам. Мне очень понравились иконы; Церковь будет миленькая, хоть и очень малая. Пообедали потом, после чего мать Аполлония дала мне отчет в деньгах Миссии, собранных ими на иконы и вырученных за выжигу серебра из старых облачений. Спустились вниз к матери Евстолии. Она с чисто святою простотою дала мне два пакета с деньгами – один для о. Владимира – «на красное яйцо», – «пусть употребит, как знает», – оказалось пятьсот рублей; другой – «хотела на ваше посвящение, но пусть уже теперь, – я не знаю, быть может, скоро и умру», – оказалось тысяча рублей. Я, конечно, записал это на храм – от неизвестной, так как она просила не говорить о пожертвовании. – Да сохранит ее Господь! Истинная родная мать Миссии. Простившись с нею, осматривал в ризнице, что сделано из моего собранного старья, почти все перемыто и исправлено, так что немало выйдет путного, благодаря усердию матушки Аполлонии с ее помощницами. Просил дать последним, а также живописцам рубля по два из миссийских денег. – На обратном пути купил зеленого чаю; за ним вспоминал Японию и читал газеты, а также думал о врагах Миссии в Японии.

25 февраля 1880. Понедельник.

Масленица

Утром Дмитрий Дмитриевич с рассказом о том, как у них прошлую ночь в два часа полиция окружила Академию, потребовав секретаря; пришли ректор и инспектор – и обыскала младший курс исторического отделения, до осмотра белья и платья. Значит, Лорис-Меликов разбудил полицию, и неизвестно, нашли ли что. – Зашел старик Блюм – ювелир, искавший собственно римского о. Николая. Пришел о. Николай Ковригин советоваться, поступить ли сюда в Покровскую общину (что, впрочем, для него невозможно, так как Митрополит Исидор не хочет иметь его в своей

епархии), или в Ревель, либо в Варшаву, где место предлагает ему выхлопотать протодиакон Оболенский. В Сан-Франциско опять неурядица: Преосвященный Нестор просит отозвать оттуда протоиерея Владимира Николаевича Вячтомова, – жаль, что Преосвященного взял в руки этот, видимо, интриган Герман, и жаль бедного Владимира Николаевича, честнейшего человека, но неопытного и горячего, с такою же притом занозой-бабенкой, как его жена. – О. диакон Церкви Кавалергардского Полка принес пожертвование от о. Желобковского, с письмом от него; пожертвование-то небогатое, хотя и утварь – старье, годное только для продажи в лом; придется променять в лавках на новую утварь с приплатой. – После обеда отправился к Федору Николаевичу отдать на сохраненье полученные вчера полторы тысячи рублей. – Оттуда в четвертом часу отправился к Цивилькову, чтобы вместе с ним идти к Н. П. [Николаю Петровичу] Семенову на обед. Каролина Густавовна недовольна невыгодным упоминанием мною о протестантстве в статье «Япония и Россия». На обеде у Семенова был, между прочим, и Владимир Карлович Саблер, служащий у Великой Княгини Екатерины Михайловны, – любезнейший человек. Семенов, по обычаю, ораторствовал, – между прочим, о нелепости адвокатуры (так как один из адвокатов заведомо неправое дело защищал) и о рациональности третейского суда, чтобы тяжущиеся избирали для себя судей, но чтобы плата шла не по рукам, а институту судей… К десяти часам вернулся к себе.

26 февраля 1880. Вторник.

День рождения Наследника

Утром написал письмо к Константину Петровичу Победоносцеву, что Дмитрий Дмитриевич не может поспеть к отправленью в качестве священника на судне Добровольного флота в половине апреля и прочее. Обедню отстоял в Лаврском Соборе; монахи пели превосходно «Милость мира» и прочее, так что мне казалось, что митрополичьим певчим, тут же стоявшим на правом клиросе и поющим всегда самое простое, должно было быть стыдно. – Во втором часу – к Сивохину просить на храм; не застал дома; к Сушкину – отдыхал; к Ивану Ивановичу Демкину; читал письмо о. Владимира – о скуке его одиночества и о казне-нии моих карточек, из-за того будто бы, что Россия заключила с Китаем союз против Японии; вот уж подлинно «слышали звон"… Катерина Семеновна играла детям кадриль, множество накупленных птиц, между прочим, скворец, премило раздвигающий пальцы дающему пищу, посмотреть, не осталось ли там еще чего, – два щура, клест с еловыми шишками, московка. – Опять к Сушкину; немного запоздал и должен был ждать его, читая газеты, почти

час, – ходил он прогуляться. Попросил на храм – обещал; пришел и Иван Иванович Демкин; пообедавши, за чаем, так как нужно было спешить к десяти часам в Лавру, попросил подписать обещанное; Иван Иванович думал, что даст рублей двадцать пять, но дал сто рублей. Возвращаясь, проезжал по Невскому, видел на нем, равно как во многих местах и на Васильевском острове, газовую иллюминацию; к сожалению, ветер везде задувал много рожков; но газовые огни – точно бриллианты! Еще и того лучше были два электрические солнца на Невском – одно против Казанского Собора, из фотографии Левицкого, другое против Аничкина дворца, освещавшее особенно ворота Дворца – А как прекрасна бесконечная линия огней по ту сторону Невы, когда едешь с Васильевского.

27 февраля 1880. Среда.

Масленица

Так как много нужно было ездить, то попросил Лаврской лошади и в половине девятого утра был у Сивохина; он и жена его, Неонила Афонасьевна, люди совершенно простые, и приняли просто, угостили кофеем (причем Ев. Ник. высморкался в пальцы, предварительно вытащивши красный шелковый фуляр, и уж потом пальцы и нос вытер фуляром). Показал потом Ев. Ник. свои комнаты и моленную – вся уставлена превосходнейшими в ризах образами; много и мощей у него с Афона; на полу стоят иконы Божией Матери, писанные на Афоне; я говорил ему, что не худо бы ему отделить часть святых мощей для Миссии, испросив на то благословение Митрополита. Одну икону Божией Матери – Скоропослушницы – он тут же пожертвовал в Миссию, попросив предварительно отслужить молебен когда-нибудь на днях, «а там мы ее и уложим в ящик». Так как ему нужно было идти в Апраксин (где у него свои двадцать четыре лавки), то я поспешил проститься, получив на завтра приглашение на обед. К старосте Исаакиевского Собора – Богдановичу (генералу, Евгению Васильевичу). Так как было рано, – он, вероятно, еще спал, то заехал в Исаакиевский Собор, чтобы повременить, а кстати, и спросить имя и отчество старосты. Он чрез кого-то приглашал меня к себе – очевидно, поболтать; я же имел книжку в кармане, чтобы попросить на храм. Прождавши близко часа, поехал и застал еще в постели, оставив карточку. Проезжая по Невскому, встретил пять покойников, а при повороте на Надеждинскую – шестого. Заехал на Надеждинской к о. Александру Сыренскому, священнику Александрийской больницы чахоточных женщин и родовспомогательного заведения. Он оказался тем священником, от которого я в ноябре получил пожертвование – пять

рублей в Крестовой Церкви на Акафисте (когда выпивший мешал ему молиться). Его жена – Ольга Алексеевна, дочь-малютка Ольга, бабушка восьмидесяти лет; приняли чрезвычайно ласково; о. Александр повел показать свою Церковь, из которой тут же и пожертвовал в Миссию все, что можно было. Заведение это устроено в память Александры Николаевны, Великой Княгини, дочери Императора Николая Павловича, умершей от чахотки после родов. Перед Церковью на платформе вверху лестницы – бюст и портрет Великой Княгини – в зелени, в Церкви – походный иконостас, любимый Николая Павловича, балдахин, бывший над гробом Александры Николаевны, драгоценный прибор сосудов (3400 рублей) с бриллиантами, принадлежавшими ей. По обе стороны Церкви коридоры с комнатами для больных; всех – пятьдесят кроватей, и все заняты; принимаются женщины разных званий безмездно; жалость смотреть на них – почти все прямо обречены смерти; в комнате по десять, кажется, коек, отделенных перегородками и занавесками одна от другой; чахоточный кашель так и слышится в разных направлениях. Чрез улицу принадлежащее Собору же родовспомогательное заведение на шестьдесят кроватей, которые также почти всегда заняты; рождения и крещения каждый день; там-то, верно, стонов и криков! О. Александр рассказывал, какие несчастные иногда бывают роды, как кусками вынимают младенцев и, между прочим, доброе слово сказал о «стриженых» фельшерицах и акушерках: «Когда им заниматься волосами, когда столько и такой суетливой работы!» Приходят родить большею частию бедные во время, когда им, по освидетельствованию, скажут, когда они должны быть в заведении; но можно иметь койку в ожидании родов и с месяц, платя по тридцать пять рублей в месяц. Оба заведения принадлежат к Марьинской больнице, выходящей на Литейную, учрежденной в 1803 году. В больнице – мест шестьсот; но теперь, по множеству заболевающих тифом, прибавлено еще 250 мест. Заехал на Литейную к А. Гр. [Андрею Григорьевичу] Ильинскому спросить, не пришло ли дело о Миссии в Синод. Еще не пришло. «Это еще что! В Государственном Совете по году тянутся дела. Больше всего там медленности"… К графу Путятину; он – точно ртуть, волнующийся и раздраженный по поводу письма Васильчикова о рановременности сватовства Евгения на его дочери. – К графу Игнатьеву, командиру Кавалергардского полка, согласно Совету о. Желобовского, – поблагодарить за пожертвование сосудов; имел в виду попросить и на Церковь; не застал и оставил карточку. – К Желобовскому. Он отсоветовал просить у Игнатьева, а обещал добыть пожертвование от какой-то Хомутовой. Угостил закуской. Рассказывал, как иные

несочувственно относятся к Обществу вспоможения бедным студентам. Яхонтов: «Академия убила мой журнал»; Горчаков: «Нищих разводить!» – Я подписался в члены и внес за нынешний год шесть рублей, обещав высылать за следующие чрез о. Феодора Быстрова. В Азиатский департамент. У Мельникова, вследствие его записки вчера, попросил выдать мне на руки присланные из Троицко-Сергиевой Лавры пожертвованье тысячу рублей и чрез минут двадцать получил под расписку, заготовленную заранее. Между тем поднялся в департамент личного состава спросить, как пересылаются в Посольство деньги, – «Берется в „Особом учреждении по кредитной части” вексель на Baering Brothers и пересылается, а по векселям Беринга в банке тотчас же платят»; попросил мне настоятельское жалованье за первое полугодие; хотя оно уже послано в Японию, но любезно обещались написать в «Учреждение по кредитной части», чтобы удержали его или вернули, и в следующую среду сказали явиться за получением. Никонов представил новому директору Департамента личного состава, молодому человеку, кажется, барон Фридерикс. У Мельникова спросил о новостях из Японии и узнал, что по полученной телеграмме там все министры переменены. Вечером от японцев у Коссовича услышал объявление сего: сделано разграничение законодательной и исполнительной частей – почему все бывшие прежде министрами оставлены лишь членами Дайдзёокван – «санги», как корпуса законодательного, а вновь назначенные министры уже не «санги», а только исполнители. Заехал в Хозяйственное управление при Синоде, чтобы узнать точно, как переслано содержание Миссии за второе полугодие; также взять векселей в Особом учреждении по Кредитной части на Baering Brothers и послать чрез Азиатский департамент. Просил выдать мне 600 рублей, назначенные Тихаю в награду, для отсылки в Японии; сказали – во вторник на будущей неделе явиться за получением. – Вернувшись домой, в шестом часу отправился, согласно условию с Маденокоодзи, к Коссовичу на Васильевский остров. Пришел первым. Каэтан Андреевич принял весьма любезно и подарил все свои сочинения – персидские надписи, еврейскую грамматику и прочее. Мало-помалу собралось много гостей; оказалось, что у него званый вечер. Были: Н. П. [Николай Петрович] Семенов, Страхов, А. Ф. [Афонасий Федорович] Бычков, И. П. [Иван Петрович] Корнилов, незнакомые профессоры, из японцев – Маденокоодзи, Оомай, Андо и Рамчендер. Хотел было уйти, чтобы в Лавру поспеть к десяти часам, но совестно было, когда еще не все собрались, а нужно было уходить в половине девятого. Вечер прошел оживленно. Семенов бранил англичан; Коссович рассказывал про

Хвольсона, как он мешает другим, а сам серьезного не делает; на мой вопрос, сколько языков знает, насчитал двадцать три иностранных, начиная с санскритского, пракрита, древнеперсидского и прочих; за ужином угощал винами, «которые достает дешево, чрез приятеля купца прямо из-за границы», и был вообще оживлен и мил; дурных людей для него нет; «был один, хотел немного надуть, но это только дало случай приобрести еще двадцать пять друзей». Сущий младенец – этот знаменитейший ученый! Хорошо таким на свете. Жена его и бережет, как ребенка, по рассказам. – Вернулся домой в третьем часу и лег спать в четыре.

28 февраля 1880. Четверг. Масленица

Спать пришлось очень мало, потому что Степан мой стал стучать своими певучими дверьми. Полусонный напился чаю. Пришли Дмитрий Дмитриевич и племянник Сергей Касаткин. Первый известил, что пожертвование из Единоверческой церкви будет, о чем справиться просил я его. Спасибо, на этот раз показал аккуратность. По уходе, одевшись, зашел к о. Исайи спросить имя супруги Сивохина; оказалось, знает только имя – Неонила, а по батюшке не знает; и в этом оказалась добрая черта Ефр. [Ефрема] Николаевича; значит, за него и его супругу молятся, хотя по общежитию не совсем знакомы с ними; нужно же сделать себя с домом достойными молитвы! – Заехал к Феодору Николаевичу. Оказались письма из Японии. От о. Анатолия – что денег нет; от Марьи Ал. [Александровны] – просьба похлопотать о ее жалованье – единственная, мол, – и письмо к Владыке Исидору о том же – открытое. Бедная! Видимо, раба Божия, но испытывает свойственное всем человекам. Зачем же она не верит, что жалованье ей будет выхлопотано? И раздражительность видна в обоих письмах. Но, тем не менее, мне жаль стало ее, и я смутился – следовало бы давней умаслить хоть ласковыми словами, чтобы даром не терзалась. Письмо от Хорие о браке двоюродных – Иоанна Нода с Варварой Оонума и просьба разрешить им исповедь и причастие. Большое письмо Павла Сато. Видна обстоятельность и логичность в нем. Письмо содержит мало нового, но видно желание представить все, как есть, с японскою осторожностию, впрочем. От о. Владимира давно нет ничего; видно, не в духе; понял, знать, что в Семинарии не умел обратиться; а о. Павел Сато пишет, что и Катехизаторская школа его не любит, хотя, по-видимому, у него нет к ней никаких отношений. Из новостей – самая неприятная, сообщаемая о. Павлом Сато, что вышло военное положение – всем, кто не «косию», не «цёонан» и не больным, служить в военной службе – три года, затем три года в резерве и четыре года по второму призыву. Кого же после этого

иметь нам в Семинарии и Катихизаторском училище? Трудно дело. О. Павел представляет свои соображения. Увидим. С дрянным расположением духа, навеянным безденежьем и жалобами, отправился к Сиво-хину, к часу. У Неонилы спросил ее отчество; оказалось «Афонасьевна». К обеду пришел еще доктор, видимо, привыкший держать себя запросто и несколько наставительно. – За обедом кулебяка превосходнейшая, уха, блины, стерлядь под соусом, мороженое, кофе. Когда Еф. Н. [Ефрем Николаевич] несколько усиленно предлагал что-нибудь, доктор восставал: «Поставлено, ну и бери, кто хочет», вообще, деликатности не показал; зато ж и Е. Н. с супругой, видимо, сбитые с панталыку порядками богатых домов, иное – усиленно предлагали, иное – брали сами прежде всех, а о гостях нисколько не заботились. Еф. Н. рассказывал о маклерах: «Приходит, примерно, и предлагает чаю пуд по 1 р. 60; я нахожу, что так мне антересу нет, даю 1 р. 40 к., а на 1 р. 50 мы сходимся, и ему процент» и прочее. После обеда Еф. Николаевич, кажется, не совсем здоровый, пошел в отдельную комнату с доктором, и сей вынес, что «Е. Н. немного полежит»; мы малость посидели с Неонилой Афонасьевой и побаловались яблоками, после чего я стал прощаться, и при прощаньи служанка сказала, что Е. Н. просит во вторник на второй неделе поста отслужить молебен утром в восемь часов. – По приходе сюда, пред обедом, читал брошюру о последних днях о. Арсения Афонского, моего доброго знакомого, умершего в Москве в ноябре. Истинно, Божий угодник был, о чем и я могу свидетельствовать. – Поехал к графу Путятину, чтобы сказать, что сегодня на обеде у них не могу быть, так как-де нужно вечером идти к Митрополиту просить денег из собранных на Церковь – послать в Японию; после того имел в виду отказаться и от обеда у Бюцова. Но оказалось, что сегодня день рождения графа Евгения Ефимовича и что на меня располагали при устроении обеда. Совестно стало, и я поспешил извиниться и принять приглашение. Княгиня Орбелиани рассказывала, что терпели больные раненые и как высоких лиц вроде Великих Княгинь Алек. [Александры] Петровны или Ал. [Александры] Иосифовны обманывали при посещении ими госпиталей – мучили больных переодеваньем, а потом опять – одежду со вшами и прочее. Ал. Петр. – у мнимых дезинтериков, у которых воздух дурной, но долженствовавший быть особенно хорошим, потому что дезинтерики. – «А, ну ладно», – и успокоилась. – Поехал к Бюцову отказаться от обеда; он принял ласково, дипломатически, а жена вышла совсем одетою для выхода. «И вам нужно ехать?» – «Да, с женой», – тогда только я догадался, что не вовремя пришел; а по-нашему бы прямо и заявить: «Жаль, мол». Я поспешил уйти, хотя затем и пришел, чтобы

поспешить уйти. – У графа Путятина за обедом были: Посьет с женой, Пещуров, ныне назначенный товарищем морского министра, граф Орлов – старик, и Орбелиани. – Граф Орлов был позван, чтобы показать, что Ефимий Васильевич с его семейством вовсе не разошелся по поводу сватовства Евгения Ефимовича на его внучке, – позван под предлогом, между прочим, познакомиться с Товарищем Морского министра, – так как у Орлова сын – моряк (не особенно удачный). Но граф не особенно познакомился с Пещуровым. Быть может, и для него он особенно старался щегольнуть разговором за обедом, но вышло неудачно, – «обломки вагонов из Англии в Норвегию»; «это Гольфстрем, деревянные обломки – ничего удивительного» (Пещуров); «но и тяжельче"… (железные? – Орлов, видимо, зарапортовался, став рассказывать морякам вещь, в которой мало смыслит). Еще: «Вы пили „Кедронское" вино?» (вместо «хевронского»)… После обеда граф Орлов скоро ушел, видимо, не успев сойтись с Пещуровым, который

(должно быть непредупрежденный, или в самом деле такой независимый) на него решительно не обращал внимания. По тому, как он пренебрежительно кивнул головой Евгению, видно, что он не за брак, если только можно догадываться. Посьеты были, как всегда, очень милы и приветливы. Из разговоров К. Н. [Константина Николаевича] Посьета: «Храм Славы Александра II»; «изобретений нет, а Бог только допускает людей усмотреть то или другое из Своих творений, всегда бывшее»; «употребленье каменного угля на чугунках в России теперь 7*10 из всего топления»; «водный путь чрез Сибирь соединением небольшими каналами рек». «И скоро?» – «Сейчас деньги – чрез три года будет готово». – Вернувшись с чухной*[34]* к десяти часам, нашел на столе приглашение Владимира Васильевича Никольского – в Лицее – завтра на обед; не могу из-за обещания быть у Бюцова, – и приглашенье Тер. И. [Тертия Ивановича] Филиппова и И. Н. Полисаду за пожертвованьем от сего последнего вещей в Миссию, и – в общество его (Т. И. Фил. [Филиппова]) и Преосвященного Палладия. Опоздал.*

29 февраля 1880. Пятница.

Масленица

В восемь часов отправился к Владыке Исидору просить денег из пожертвованных на храм для отсылки в Миссию. «Садись и говори скорей – некогда»; перед ним лежали три кипы бумаг. Я объяснил, что Миссия – без денег, и так как дело формальностями затягивается, то из Государственного казначейства еще нельзя получить, поэтому попросил дать заимообразно из собранных на храм; сказал, что и Черкасовой нужно

жалованье, причем вытащил из кармана ее письмо, – «вот она сама пишет Вашему Высокопреосвященству». Митрополит сильно наморщился – «не надо»; «но письмо на Ваше имя, позвольте оставить», и я положил его в стороне от кип – незапечатанное, как и прислано было. – «А сколько денег нужно?» – «Восемь тысяч; у меня еще есть собранных на храм две тысячи – я и пошлю все вместе». – «Зачем так много? Притом же там все банковые билеты; я оттого тогда, в смутные дни, и не передал тебе на храненье, что сверток довольно большой, с собой носить неудобно; кредитными билетами там всего 2500». – «Дайте хоть эти; с имеющимися у меня будет пять тысяч; пошлю хоть это», – «Так нужна же бумага; в Духовном Совете внесено в протокол». – «Я сейчас напишу». – Вернувшись домой, написал прошение о выдаче заимообразно 2500 рублей, и, когда чрез полчаса понес, в приемной уже набралось просителей. Секретарь рассказывал о множестве и быстроте дел у Владыки: «Вчера после девяти часов остались у него бумаги, а сегодня еще до нашего прихода они уже сданы в канцелярию с резолюциями». Сданные бумаги в канцелярии заносятся в книгу и помечаются номером и сейчас же идут куда следует. – Я взошел, чтобы только подать прошение; Владыка перевернул страницу и успокоился, увидев, что там всего одна строка. – Эх, нужно быть кратким и из Японии и не часто беспокоить! Тут и без нас столько дел, что просто совестно и грешно занимать собою. Чрез полчаса прошение с резолюциею «выдать под расписку» и номером принесено было ко мне секретарем; я понес к наместнику о. Симеону; он сделал надпись «к докладу и изготовить предписание казначею», – «а предписание пусть принесут ко мне в Церковь, там в алтаре найдется перо» (он шел к обедне). – К о. Моисею – делопроизводителю Духовского Собора. – «Сейчас будет готово». – Через час слуга о. Моисея пришел сказать, что подписанное наместником предписание уже у казначея, и деньги получить можно. К казначею: «Подождите минутку – еще не занесено в книгу – я пришлю к вам деньги и книгу для расписки». Минут чрез двадцать послушник принес 2500 рублей и – расписаться в книге. Написана вся эта процедура, чтобы не забыть, как в порядке вести подобные дела. Между тем в продолжение всего этого ко мне пришел Павел Павлович Костерев, сын П. М. и Раисы Ник., – теперь уже юнкер в Павловском военном училище. С радостию увидел я его, когда-то нянченного мною, – ныне весьма приличного и благовоспитанного молодого человека; угостил его чаем и обедом и дал пять рублей на масленицу; круглому сироте едва ли часто приходится получать на карманные расходы, хотя дядя у него, как видно, очень добрый человек. Рассказывал он и о том, как хороша дисциплина в

Павловском училище. Спасибо, хоть не все заведения распущены. И самим воспитанникам, как видно, нравится строгая и точная дисциплина. В прошлом он воспитывался в Первой военной гимназии, где законоучитель В. Г. Певцов, от которого прежде я и слышал о нем. – Тут же пришел К. С. Назаревский, семинарский мой товарищ; выпил четыре рюмки водки и не захотел больше, говорил, что идет к Нечаеву на блины, и дрянно отзывался о Нечаеве и П. А. [Петре Александровиче] Лебедеве, как сочинителе духовной музыки и как желающем попасть в ректора Семинарии, но боящемся забаллотировки. – Во втором часу все вместе вышли, так как мне нужно было спешить свезти деньги в банк. С Костеровым я доехал до Знаменья и отправился к Феодору Николаевичу; его семья отправилась в балаганы, а он играл в шашки с крошкой Людмилой, которая, пока он собирался, и меня обыграла раз. К Мейеру – банкиру; сдали деньги для пересылки телеграммой из Лондона о. Анатолию. В Лондоне от Мейера переводится на Ротшильда. – Заехал в Гостиный купить кое-что детям Феодора Николаевича; накупил рублей на семь, больше все письменных принадлежностей и кукол для Людмилы, причем Феодор Николаевич журил меня за трату денег: «Ну тебе ль в настоящем положении так расходоваться?» Когда обедали, пришел и Дмитрий Дмитриевич Смирнов; ели блины и прочее. К шести часам отправился на обед к Бюцову, как вчера обещал ему. Обед был плохой, ибо Михайла был пьян. За обедом был разговор о переходе К. В. Струве в православие, причем Елена Васильевна говорила, а мать ее, старушка на костылях, поддакивала: «И зачем перешел? Разве не все веры одинаковы? Нужно и умереть в том, в чем родился». Хороши понятия! Наперед можно предсказать, что у детей не будет прочного религиозного воспитания, что очень жаль. После обеда Бюцов, между прочим, показал коллекцию медалей Толстова – двадцать штук – бронзовых, аллегорических, касающихся войны России с Наполеоном. Художественнейшая вещь! Коллекцию эту он получил от о. Палладия; а у него в Духовной Миссии была она в числе подарочных Китайскому правительству вещей. Показал еще он сапфир с вырезанным превосходно образом Богоматери, с перстня католического епископа, купленный им случайно за тридцать пять рублей; Костя, залезши за диван, декламировал французские стихи, а Нина там же пела. К десяти часам вернулся в Лавру.

1 марта 1880. Суббота.

Масленица

Утром, часов в восемь, пришли граф Евфимий Васильевич Путятин и Ольга Ефимовна подтвердить то, о чем вчера известила письмом Ольга

Ефимовна, – что Высокопреосвященный Макарий обещался, по безденежью Миссии, дать из Миссионерского общества денег из положенных на Миссию. Они напились чаю и отправились к Владыке Исидору испросить благословение на пост. При них же лакей Владыки принес приглашение сегодня в час с половиной на обед. Написавши прошение Высокопреосвященному Макарию, отправился на Троицкое Подворье. При выходе столкнулся с секретарем Макария и получил от него икону для Миссии – преподобного Макария Египетского, присланную княгинею Натальей Оболенской Владыке для передачи в Миссию. Владыка Макарий встретил очень ласково, обещался дать денег из Миссионерского общества, но велел мне написать и к Преосвященному Амвросию, «чтобы мне не оскорбить их», говорил. Какой он осторожный и деликатный! «Япония и в адресе нашем Государю не забыта. Читали? Еще когда черновой составляли». «А Японию поместили?» – «Поместили». – «Вот как вас любят». Дай-то Бог, чтобы Япония и вперед возбуждала любовь! Вернувшись, пошел на Акафист; читал сам Владыка Исидор; я стоял в алтаре у жертвенника, пред иконой Спасителя, пред которой придется молиться и в Японии. – Тотчас же, после Акафиста, из Церкви в комнаты Владыки; на обед были приглашены еще оба Викария (Герман и Варлаам) и Наместник. Первые уже были в приемной. Потолковали о Сан-Франциско и тамошних запутанностях. Я защищал протоиерея Владимира Николаевича Вечтомова, так как знаю его за честного, хотя слишком горячего и неопытного, человека. – Когда пришел Наместник, несколько замедливший по службе, отправились в столовую. Наместник прочитал: «Пресвятая Троица» и «Владыко, благослови»; Владыка Исидор: «Христе, Боже, благослови ястие и питие"… Выпивши по рюмке вина и закусивши, сели за блины со свежей икрой, потом были уха, жареная рыба и пирожное, из вин херес, красное вино, пиво и мед. Разговор шел шуточный больше. Владыка говорил, что в нынешнюю масленую лучше всех блины ему случилось есть у Великой Княгини Александры Петровны, рассказывали также, что Император очень любит блины, и – как он – Владыка – за столом у Государя просил тихонько сидевшую около фрейлину Милютину говорить ему, какое блюдо постное, она и шептала ему – «это постное», – тогда он брал. Рассказывал про немцев, они тоже любят есть и блины, и свежую икру, только не любят угощать; немец (какой-то) пригласил к себе на завтрак, была и свежая икра; один русский, по-русски, положил себе толстый слой на хлеб – а немец: «Постойте, постойте, вы – не так», – и соскоблил икру с замечаньем «ведь икра восемь рублей фунт»; рассказывал про грузинского царя Георгия, что он всякий

раз съедал за обедом барана, но уж из-за стола его под руки уводили: «А что ж пива никто не пьет? Мы в Академии играли бывало в карты на пиво – кто выиграет, тот и угощает». – Преосвященный Герман пресмешно рассказывал, как какая-то нищенка выморочила у него пятиалтынный: «Будущий наш Митрополит, дай!» – «А если бы Патриархом повеличала, то и рубль бы дал», – с улыбкой заметил Владыка. – После обеда отправился смотреть выставку картин Верещагина. Народу была бездна; у русских картин весьма трудно было протискаться; у индийских свободней. Впечатление нескоро изгладится; невольно слезы навертываются при виде массы страданий и русских, и турецких воинов; неудивительно, что плачут на выставке, как вчера Дмитрий Дмитриевич рассказывал. Цепь, на которой болгар таскали на казнь, какое чувство возбуждает! – После русских картин на индийские почти и взглянуть не хочется; последние и днем освещены электричеством Яблочкова. Возвращаясь, видел множество народу, катающегося, особенно на санках чухонцев; погода, кстати, превосходная; а у балаганов, над Царицыном, издали виднеется море народу. Вернувшись и напившись чаю, пошел ко всенощной в Крестовую: пришел, когда пели «На реках». «Так не забуду и Тебя. Россия, на реках японских!» – думалось, и слезы невольно катились по щекам. Превосходно поют это «На реках» хоровое, все больше и больше нравится.

2 марта 1880. Воскресенье.

Заговенье пред Великим Постом

Утром записал дневник за прошлые два дня и отправился к поздней обедне в Лаврский Собор. Стоял на левом клиросе с братией и пел басом. Служил обедню Преосвященный Варлаам с двумя архимандритами и двумя иеромонахами. Народу был полный Собор. Странно, что левый клирос, то есть второстепенные певчие, поют самые важные места в литургии – «Милость мира» до «Тебе поем» включительно и «Отче наш», только при митрополичьем служении поет это правый клирос. Вместо причастна певчие пропели «На реках Вавилонских», управлял ими не Львовский и не Богданов, а второй подрегент. – Обед был сегодня щи с осетриной, уха из стерляди, жаркое из леща и слоеный пирожок, да бутылка меду. В предыдущие три дня давали братии блины. Часа в два пришел Митрополов; очень ему хочется, чтобы Дмитрий Дмитриевич отправился священником на судне с арестантами, – понравился и ему очень, а прежнего священника не хвалил, – резок с офицерами-де; если бы успеть, хорошо и полезно Дмитрию Дмитриевичу отправиться. – Сам Митрополов – чрезвычайно добрый и деятельный, взялся хлопотать об отправлении миссийских ящиков – пудов по сто пятьдесят – даром до

Одессы чрез Губонина и Полякова, а в Одессе выхлопотать для Миссии китайских, французских, немецких и аглицких Библий и Новых Заветов. Если сделает, спасибо; если нет, и за готовность спасибо. В три часа был звон к вечерне (братию всегда до всякого звона предупреждают за полчаса колокольчиком по коридорам). Народу был не только полон Собор, но и солея и алтарь – все было полно; даже на клиросах стоять было тесно от народа. Прочитали Девятый час. Потом встречали Владыку Исидора; служащих было – шесть архимандритов и четыре иеромонаха. Встречали в конце Собора, как обыкновенно. Когда Владыка взошел на амвон, служащие, получив благословение, пошли в алтарь облачиться в ризу и епитрахиль. При облачении Владыки на амвоне певчие чудно пропели: «Свыше пророцы Тя предвозвестиша»; управлял сам Львовский. Облачившись, священнослужащие вышли к амвону, и – как на обедне – первый архимандрит отправился, поклонившись Владыке, в алтарь благословить: «Благословен Бог наш"… После прочтения 103 псалма и ектении все священнослужащие вошли в алтарь. На «Господи воззвах» пропели покаянных четыре стихиры (по две на оба клироса; я стоял на левом клиросе, с канонархами) и из Общей Минеи две; на Слава – выход всех священнослужащих к Владыке, к амвону и при «Свете Тихий», потом священнослужащими (с четырьмя малыми певчими, выходящими для этого в стихарях) Владыка, дикирием и трикирием с амвона осенив четыре страны – с предшествием служащих, начиная с иеромонахов вперед – вошел в алтарь, наперед осенив с солеи на обе стороны дикирием и трикирием и поцеловав на Царских вратах образа Спасителя и Божией Матери. Прокимен «Господи, услыши Отрока Твоего, яко скорблю…» певчие пели превосходно. Паремий не было. На стиховне все монашествующие и я в том числе в мантиях вышли пред солею, оставив место для священнослужащих, – прощаться с Владыкой. При окончании Вечерни Владыка долго молился у Престола; потом в предшествии священнослужащих, сошедших вниз солеи, вышел на солею и всем, поникшим к земле, прочитал отпустительную молитву Великой Вечерни. Затем певчие запели «Покаяния отверзи ми двери», а Владыка подошел поклониться к иконе Спасителя и Богоматери, после чего в сопровождении и поддерживаемый двумя архимандритами сходил приложиться к мощам Святого Александра Невского. По возвращении его на солею певчим сделан был знак, чтобы они скорее окончили «Покаяния…». И когда они замолчали, Владыка проговорил: «Простите ми отцы и братия, яже согреших словом… Бог же да благословит и простит вас», после чего троекратно поклонился всем в землю на три стороны.

После этого взял в левую руку крест; подходящие священнослужители и вся братия целовали крест и руку Владыки, правою же он благословлял и давал целовать ее и плечо, говоря: «Христос посреди нас», и целовал плечо священнослужащим, которые отвечали: «И есть, и будет». – Владыка прощался с братиею очень растроганный – глаза его блестели и на них были слезы! Всегда ли это так, или, быть может, это предчувствие, что не долго еще просить прощения, и будет только молитва на небесах за братию? – Простившись, все уходили в алтарь и прощались взаимно; там же были и оба викария, к которым все подходили под благословение. – Ко мне признался некто Лыкашев, сказавший, что он видел меня десять лет назад у Высокопреосвященного Иннокентия; здесь же он познакомил меня с графом Гейден, сыном графини Г., начальницы Георгиевской Общины Сестер Милосердия, очень религиозным, по-видимому, молодым офицером; были за вечерней мои любезные юноши. Храповицкий и Яхонтов – гимназисты: «А что, этот Собор не вам принадлежит?» – «Отчасти и нам». – «Знаете, где стихари?» – «Как не знать?» – Когда Владыка прощался с братией, певчие пели продолжение – «множество содеянных»; потом отслужено было повечерие. Владыка едва освободился от толпы, жаждавшей его благословения; вошедши в алтарь, он, благословивши и тут собравшуюся толпу, прошел малыми дверями, – но и тут ждала его толпа – всех благословил он, а мы – о. Иосиф, бас и прочие, ждали выхода – пока он кончит; севши, наконец, на санки, он подъехал к своему крыльцу, но и здесь толпа ждала его за благословением. И это ли еще не признак благочестия на Руси – эта жажда святительского благословения! – Идя домой, встретил Мадено-коодзи, сказавшего, что генерал Савельев звал меня 12 числа. Одевшись, отправился в город, а в аллее опять встретил его же, прогуливающегося. Хорошо, если бы ему зародились серьезные религиозные мысли. А может, и так зря бродит. Японская молодежь не очень надежна. Дай Бог, чтобы я ошибался насчет Маденокоодзи; он может большую службу сослужить своему государству по части религии, – Феодора Николаевича не застал, и никого у него. Графиню Ольгу Ефимовну видел подъезжающею к себе, а я в это время расплачивался с выпившим извозчиком, который едва нашел у себя гривенник для сдачи мне. Ольга Ефимовна вернулась из Подворья Киевского Митрополита, рассказывала, как он прощался, – со всеми своими в лицо поцеловался, даже с малыми певчими; теснота была такая, что перекреститься нельзя было. Граф Евфимий Васильевич с Ольгой Ефимовной на первую неделю отправляются говеть в Сергиеву Пустынь. Пообедал у них и простился с ними. – К восьми часам прибыл в Лавру,

чтобы видеть на трапезе прощание братии с Наместником и взаимно. В Лавре братии до ста человек с послушниками, служащих иеромонахов до четырнадцати, всех иеромонахов и с киновийскими до тридцати. – По собрании в столовую и приходе о. Наместника пропета была молитва и о. Наместником благословлена трапеза; все сели; один иеродиакон взошел на кафедру читать, и читал, нужно сказать, вещь очень хорошую – о посте и покаянии. Я сидел по правую сторону о. Наместника, около меня о. Моисей, налево от Наместника иеромонахи; архимандритов было только двое – о. Наместник и я. Кушанья были: холодное из рыбы с хреном, уха и манная каша на молоке сладкая; перед ужином всем налили по рюмке водки, потом давали пиво или мед – в оловянных стаканах и затем по рюмке хересу. По окончании каждого блюда о. Наместник звонил в колокольчик, причем чтец говорит: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». – Наместник говорит: «Аминь» и он, и все крестятся. Это служит и знаком подавать другое блюдо, и знаком для братии каждое блюдо начинать есть с молитвой. По окончании трапезы Наместник прозвонил в колокольчик, чтец: «Молитвами» и Наместник: «Аминь» и пропета была молитва благодарственная, в подтверждение которой Наместник приложился к образам и отошел в сторону за стол; я за ним сделал то же и, подошедши к нему, простился с ним, поклонившись ему в ноги, и он мне, и стал за ним; следующие делали то же, прощаясь с о. Наместником, мною и становясь последовательно. В это время пето было начатое непосредственно за благодарственной молитвой «Помощник и покровитель»; пропеты были все ирмосы, пока братия прощалась; о. Наместник иеромонахам кланялся в ноги, затем кланялся, затем просто целовался, я делал то же самое, не имея в чем просить прошения, а привлеченный из мысли – авось, пригодится в Японии. Дай Бог! Через тысячу лет, конечно, и в

Японии будет не хуже, чем здесь. За ужином о. Наместник рассказывал, как он в 1877 году в Благовещенье, в Лаврский престольный праздник, пришедшийся в Великую Пятницу, сочинил из грибов и манной каши с миндалем стол такой, что «старики: „Что за каша?“ и съели по две, по три тарелки». Во весь Великий пост в Лавре рыбы не употребляется, кроме праздников: Благовещения, Лазаревой Субботы (храмовый праздник тоже) и Вербного Воскресенья. – При прощанье братии интересно было видеть, как, кажется, это был один благочестивый обряд, а не необходимость, – все улыбались друг другу, и вражды не виделось ни у кого ни на кого (половина двенадцатого часа).

3 марта 1880. Понедельник

1-й недели Великого Поста

Службы 1-й седмицы – в Соборе, как и всегда: утреня в четыре часа, часы или преждеосвященная литургия в десять, вечерня в четыре часа. В Крестовой: часы или преждеосвященная обедня в девять, вечерня и утреня вместе – в пять часов вечера. Сегодня только в Крестовой утреня была в шесть утра. Я проспал, к несчастию, обе утрени. На часы пошел в Собор; продолжались два часа с четвертью; народу было мало, монашествующие пели на оба клироса; «Господи, иже Пресвятого Твоего Духа», «Иже в шестый день же» и подобное пели на глас. Монашествующим, впрочем, и помолиться за себя не дадут – их беспрестанно требуют то туда, то сюда на службу. Сейчас, например, уже в конце часов, они пели катавасию; вдруг приходят сказать им что-то – и потянулись – с обоих концов – в алтарь, а там из церкви; очевидно – на панихиды, или молебны вытребованы; на катавасии осталось человек десять. Сегодня в одной Церкви служится даже литургия Святого Иоанна Златоустого – сам Наместник служит, отпевая кого-то. Литургия Златоуста служится с разрешения Владыки Исидора. – На вечерню и утреню пошел в Крестовую Церковь; вечерня продолжалась полтора часа, утреня почти столько же, так что вышли из Церкви в восемь без десяти минут. Вечерню пели певчие – большие и маленькие; канон читал Преосвященный Варлаам; ирмосы «Помощник и покровитель» пели так хорошо, что я вышел стоять на клирос, чтоб лучше слышать. Остальной хор в это время пел в Соборе вечерню; канон Андрея Критского читал там Преосвященный Гермоген. По окончании вечерни Преосвященный Гермоген и певчие пришли в Крестовую на утреню, причем маленькие певчие наделали шуму, идя в ряд попарно и поднимая стук сапогами; очевидно, они говеют и пришли к утрени, чтобы завтра рано не тревожиться. Бедным им порядочно работы пения, особенно в первую Страстную Неделю Поста. Народу в Крестовой была полна Церковь.

Служит седмицу о. Никон, рассказывавший мне на кафизмах о своем учительстве в Перервинском Московском училище и прочее. Сильно вздыхал он при напоминании игуменом «Аллилуйя» (на «Бог Господь» – на утрени); очень напомнило Японию со спевками Якова Дмитриевича, отпевания, и всколыхнулись нервы, слезы выступили на глаза; как-то теперь моя милая Миссия! – В продолжение дня были два пожертвования: из Церкви Департамента уделов псаломщик принес ящик с прибором священных сосудов – старых; после обеда – две монахини привезли ящик с двумя иконами – жертва Новгородского Покровского Зверина монастыря. Не имея чем открыть ящик, мы со Степаном придумали, наконец, купить

орудие откупорки. – Пища сегодня раз в день: белая капуста, вареная с грибами и в кочане сырая, четверть кочана, вареный картофель и укруг хлеба; желающим дают редьку и квас также. – День был очень хороший, морозный, но солнечный; утром, до часов, я гулял по кладбищу.

4 марта 1880. Вторник

1-й седмицы Великого Поста

Утром Дмитрий Дмитриевич, потом о. Тимофей Раздоборов – из беспоповских раскольников, перешедших в православие вместе с о. Павлом Прусским. Он теперь в Петербурге для сбора на построение Церкви в своем приходе; я подписал от Японской Миссии три рубля, а он оставил свою брошюрку – «Письмо к другу». В девять часов пошел на часы в Крестовую; продолжались полтора часа. Кафизму на девятом часе Владыка разрешил опускать, равно как на утрени вместо трех кафизм велел читать, как всегда, две и на Первом часе кафизму не читать; притом кафизмы не вполне вычитываются. – После часов отправился в Церковь Удельного ведомства – на Литейной – взглянуть, стоит ли взять жертвуемый оттуда большой образ Бога Отца с рамой. Церковь очень роскошная; молящиеся – все народ чистый; поют военные певчие весьма хорошо, псаломщик читает выразительно; при Церкви всего – протоиерей и два псаломщика. Протоиерей о. Канидий (Каченовский) жаловался, что необходимость заставляет служить весьма сокращенно; если немного длинней служба, сейчас и жалобы: «Что это, батюшка?». Образ и рама оказались годными, и псаломщик Василий Матвеевич Кудрявцев, знакомый Сартова, обещался доставить; кроме того, предлагал свои услуги писать что-нибудь, укладывать и тому подобное, что отправил перед тем накопившиеся у него миссийские вещи для укладки в ящики. Пообедал у него совершенно постной пищей: грибы, пирог, суп грибной и сладкий пирог с яблоком. К трем часам был в Хозяйственном управлении, где Владимир Егорович Расторгуев и Казначей Синода сейчас же и выдали 600 рублей – Якова Дмитриевича Тихая наградные для отсылки к нему. Вернувшись, был на вечерни и утрени в Крестовой; ефимоны, как и вчера, читал Преосвященный Варлаам. – Готовился завтра к служению Преждеосвященной литургии в соборе с Высокопреосвященным Исидором.

5 марта 1880. Среда

1-й седмицы Великого Поста

До часов гулял по новому кладбищу, которое всегда родит хорошие мысли и мечты. На этот раз размышлял, что высокое религиозное настроение сердца родится только высоким умственным парением.

Оттого-то Святые Отцы так любили красоту природы: что, как не порождение высоких мыслей давала она им. и чрез то ценилась. В десять часов начались часы в Соборе. Во время их приехали в Собор Великие Князья Константин и Дмитрий Константиновичи и простояли всю обедню в алтаре, который для оных застлан был новым красным сукном. Когда часы кончились, сослужащие встретили Владыку, отслушавшего часы в Крестовой. Облачение все – не черное, а из темной парчи. Служащих было шесть архимандритов и четыре иеромонаха. Владыка вошел в алтарь с пением «Свете тихий»; на паремиях не садился – он и все служащие из уважения к Великим Князьям. «Да исправится» пели на солее малые певчие – трое – не совсем хорошо. При облачении же Владыки «Свыше пророки Тя предвозвестиша» пели превосходно. Народу был полный Собор. Великие Князья вели себя очень скромно; Дмитрий Константинович по книге следил за службой; воспитатель – какой-то молодой офицер – стоял в стороне. Я поздравствовался с ними пред началом обедни, так как был представлен Дмитрию Константиновичу. Вошли они и вышли дверью в пономарскую за алтарем; Владыка вышел так же. За вечерней и утреней был в Крестовой. После службы зашел Владимир Александрович Соколов – механик, с несколькими иконами, полученными им для Миссии из Выборга; к сожалению, живопись очень плохая. Он изъявил готовность собирать для Миссии иконы у своих знакомых и в иконных лавках, если я дам ему лист; я обещал. Так как мне нужно было спешить к графу Путятину, вследствие вчерашней телеграммы, что Евгений Ефимович в четверг уезжает, то вместе вышли и доехали до Знаменья. У Путятиных встретил графа Евфимия Васильевича и Ольгу Ефимовну, вернувшихся из Сергиевой пустыни, где они собирались провести всю первую неделю; вернулись – частию по случаю отъезда Евгения, которому нужно спешить в имение, так как управляющий заболел; частию потому, что Ольга Ефимовна захворала; еще бы! Ходить несколько раз в Церковь по прибрежному ветру, когда и без того еле ходит. Простившись с Евгением, вернулся в Лавру к десяти часам. Утром

сегодня заходил Дмитрий Дмитриевич и сказал, что у них в Академии в прошлую ночь в два часа полиция арестовала двенадцать человек студентов – исторического отделения, квартирных одиннадцать человек также арестовано в то же время; а один студент – Лукин – куда-то без вести пропал уже несколько дней. – Лорис-Меликов при такой деятельности, должно быть, доберется до гнезда социалистов.

6 марта 1880. Четверг

1-й седмицы Великого Поста

Встал ночью в третьем часу и написал письмо с просьбою о пожертвовании на храм графу А. Д. [Александру Дмитриевичу] Шереметеву для передачи вместе с брошюрами чрез Константина Петровича Победоносцева, как последний сам советовал. В записке к Победоносцеву просил похлопотать, чтобы дело скорей пришло в Синод из Государственного Совета; тогда, быть может, еще успеет Дмитрий Дмитриевич отправиться священником на судне Добровольного флота в половине апреля. В семь часов отослал пакет к Победоносцеву со Степаном, которому большого труда стоило разобрать полууставом написанный адрес и запомнить его. Послал с ним опустить в ящик листы с надписью Владимиру Александровичу Соколову для сбора между его знакомыми икон и других вещей, нужных для Церкви. – В восьмом часу пришли укупорщики укладывать шестой ящик миссийских вещей; в него войдут книги от Федора Николаевича и собранные у меня.

Вошли в этот ящик еще: три прибора сосудов, что пожертвованы прихожанами о. Василия Михайловского, и все, что было из облачений у меня, два прибора воздухов от Цесаревны, риза из Знаменской Церкви, покров погребальный от Большеохтинской Церкви, воздухи, ладан и разная мелочь от Феодора Николаевича. К десяти часам ящик был уложен. – От Знаменской Церкви о. диакон принес прибор сосудов, большое Евангелие и два креста, оставленное там для позолоты. – К часам опоздал из-за укупорки, в Крестовую; и в Собор поспел только к «Господи воззвах». По окончании часов постоял несколько на Акафисте Святому Александру Невскому, который служится круглый год каждый четверг по окончании обедни; всегда служит о. Наместник; к нему особый звон. К трем часам был в Департаменте личного состава за жалованьем, как сказано было на прошлой неделе; но забыли написать в кредитное учреждение, чтобы выслали в Департамент на 1500 рублей (полугодовое за этот год) дубликат кредитива, так как известят в Посольство, чтобы первый ордер остался недействительным; назначили прийти в субботу. На обратном пути завернул в Hotel de France к барону Розену; но его можно застать только утром. Заехал к Феодору Николаевичу, чтобы сдать ему 600 рублей, данных в награду Якову Дмитриевичу Тихаю от Синода. Он купит на эти деньги банковских билетов, которые и будут переданы Якову Дмитриевичу, когда он приедет в отпуск в Россию. Положили даже не извещать его, что ему даны 600 рублей, чтобы он наперед не располагал на них и не тратился; приятней и полезней ему будет неожиданно получить их. До прихода домой Федора Николаевича, не думая дождаться его, деньги передал Ольге Петровне, она рассказывала, между прочим, о

посещении с детьми выставки Верещагина. Маленькая Людмила: «А вот картина, что штык замерз»; как иногда курьезно дети выражаются; рассказывала также, будто Феодор Николаевич с сожалением поговаривает, что мне немного остается побыть в России. И мне-то как жаль будет расстаться с этим истинно дружеским семейством. – Вернувшись, был на вечерни и утрени в Крестовой; после сходил в баню и мылся один, так как в баню ожидался о. Наместник.

7 марта 1880. Пятница

1-й седмицы Великого Поста

Сверх всякого чаяния встал утром больной; простуда ли, не выгнанная и вчерашней баней, или слишком грубая пища без облегчения пищеварения и рюмкой вина, вернее всего то и другое вместе, произвели то, что едва поднялся с постели и, хотя напился чаю, но не мог ничего делать и до обедни опять лег в постель. К часам и преждеосвященной обедне пошел в Крестовую в девять часов. Стоял в приделе Святителя Тихона, – это значит, – не молилось и певчие дурно пели, потому что, стоя здесь, нужно обрекать себя на помеху разговором или хождением церковной прислуги. Престол этот – самый первый по времени, устроенный в прославление Святителя Тихона после открытия мощей его. – Владыка Исидор обыкновенно выходит к службе в свою молельную за четверть часа или за десять минут ранее начала службы. Но сегодня кто-то помешал ему, и он вышел ровно в девять. А мешают ему в подобных случаях обыкновенно светские, не знающие расположения его времени. Отец Ризничий тут же рассказывал, как светские дамы приезжают к нему между часом и тремя – единственное время, когда Владыка, утружденный множеством дел, предается покою, а они, обращающие ночь в день и наоборот, в это время только встали, накушались кофе и куда? К Владыке, мол, побеседовать о душе! И Владыка имеет терпение пересиливать себя и благодушно принимать этих козлиц. – Здесь же часы слушал Преосвященный Варлаам, имевший ехать служить литургию в Исаакиевский Собор. Там, между прочим, располагали быть и Великие Князья, бывшие в среду в Лаврском Соборе. На мои вопросы о. Митрофан, ризничий, рассказал, что для первой недели приготовлено было в лаврских Церквах четырнадцать агнцев; девять из них употреблены для совершения Преосвященных литургий, прочие будут потреблены завтра; в Лаврских Церквах каждый день несколько Преждеосвященных литургий, не исключая вторника и четверга, по заказу молящихся – по случаю погребения или поминовения. Литургия Златоустого, как совершенная Наместником в понедельник, бывает по особому разрешению Владыки.

Так как мне нужно было сегодня исповедаться, то о. ризничий объяснил, чтобы я выслушал молитвы пред исповедью заранее здесь же, в церкви, – они будут читаться после литургии для всех исповедников, так как о. Ираклий, духовник, очень слаб и для него трудно читать каждому отдельно; потом советовали дать после исповеди рубля три на масло (у него много бедных родственников). Сам о. ризничий уже исповедовался до обедни. – Часы, обедня и молебен Святому Великомученику Феодору Тирону, совершающийся после вторичной «Буди имя Господне» продолжались два часа. (Сию минуту, в десятом часу вечера, пришло извещение от Владимира Е. [Егоровича] Расторгуева, что дело о Миссии, разрешенное Государственным Советом, пришло в Святейший Синод, и в понедельник предложение Святейшему Синоду будет подписано Обер-прокурором. Слава Богу! Авось, теперь скорей пойдет! И не дождаться мне освящения храма Спасителя в Москве, в августе, на каковое торжество, быть может, приедут Восточные Патриархи, о чем хлопочет Великий Князь Константин Николаевич. – Сегодня же о. ризничий говорил: «Вот бы вам побыть на освящении храма», и у меня мелькнула мысль – хорошо бы побыть; но еще лучше уехать в Японию, чтобы там дело не пало) … Молебен Святому Феодору Тирону всегда совершается в пятницу 1-й недели Великого Поста, ибо именно в этот день Святой Феодор предупредил христиан не покупать яства на торжищах, а пропитаться колевом. На молебен выносится на солею кутья (рисовая и с изюмом); пред нею выходят священнослужащие и на «Бог Господь» первый священнослужащий с кадилом, с свечою крестообразно кадят кутию – раз; потом – припевы (молебен сокращенный, состоящий из одних припевов и молитвы в Триоди); при окончании кутия кропится Святою водою и уносится в алтарь, после чего поют третие «Буди имя Господне» и оканчивается литургия. Во время причащения священнослужащих игумен о. Макарий в епитрахили носит антидор и теплоту Владыке; архимандритам же подает антидор послушник. Во время чтения «Благославлю Господа» сегодня антидор раздавался народу из чаши, похожей на водосвятную: и нам в Японии нужно будет так делать вместо возни с тарелками. После обедни прочтены были молитвы к исповеди. Я отправился к Лаврскому духовнику о. Ираклию. Вот у кого нужно поучиться терпению и любви к служенью: он болен или ослабел от старости; только во время прихода моего был в постели, но тотчас встал, едва держась на ногах, облачился в епитрахиль и выслушал исповедь; дал еще прочесть для ясности исповедания изложенное им перечисление грехов, довольно длинное, в котором грехи особенные и написаны

особенно; сделал наставление и прочитал молитвы разрешения – все любовно, не торопясь; а сам едва стоит на ногах. Так ли мы-то служим! Э-эх! В России – свет! Здесь – и самые незаметные, по-видимому. лучше нас, стоящих там на свещнице! Стыд нам! Избаловались мы именно своею исключительностью. За то же и как накажет нас Бог, если не сделаемся лучше! – Зашел в Собор; там еще пели на «Господи воззвах»; отправился на клирос и простоял до конца обедни. Служил Преосвященный Гермоген. Народу полный Собор. Митрополичьи певчие пели очень хорошо. «Да исправится» на солее трое маленьких. Как все напоминает ангельское служение Богу на небе! – Был посвящен один диакон. Молебен святому Феодору и благословенье кутьи на солее было так же, как в Крестовой. – Обед сырой капустой, вареной капустой и отваренным весьма плохим картофелем. – В четвертом часу съездил поздравить с Ангелом Василия Борисовича Бажанова – не застал и расписался. Заехал к Путятиным поздравить с именинником Евгения (который теперь на пути в свое имение), Ольгу Ефимовну застал в постели, больна простудой. Вернувшись, выслушал в Крестовой малое повечерие и утреню, стоя в приделе Святителя Тихона с о. Иосифом, цензором,

о. Варсанофием, очередным архимандритом, о. Митрофаном, ризничим; пред жертвенником, как всегда, стоял Преосвященный Гермоген. После утрени для причастников прочтено правило. – День сегодня был – то солнце, то пасмурно, то метель, – зима борется с весной.

8 марта 1880. Суббота

1-й седмицы Великого Поста

Приготовившись к служению, в половине седьмого пошел в Крестовую. Там же купил большую просфору, чтобы вынуть за здравие графини Ольги Ефимовны, которой сегодня день рождения, – она же лежит больная и просила меня вчера помолиться. Но к жертвеннику тотчас нельзя было подойти: толпа с просфорами стояла, ожидая очереди; почти половину составляли маленькие певчие, в формах, держащие каждый просфору в руке. – В семь часов Владыку Исидора сослужащие четыре архимандрита и четыре иеромонаха встретили в его комнатах и провели ко Входному и на амвон. Служил и Преосвященный Варлаам, облачавшийся в алтаре. Я стоял первым из архимандритов, но в служении уже не путался, порядок изучил; притом же около меня был о. ризничий (церемонимейстер и полицмейстер, как его называет о. Иосиф). После «входа» Владыки в Алтарь, на «испола» первый дискант, поя, расплакался, – оказалось, что у бедного живот заболел, поет, не рознит, а у самого слезы градом; жаль было смотреть на малютку; и как же подрегент потом

утешал его, гладя по голове и целуя, – видно, что малых певчих берегут.

На «Великом Выходе», так как чаша была полная, Владыка, передавая ее мне, промолвил: «Не пошатни». Когда священнослужащие приобщились, иеромонахи раздробили Агнец и по исполнении чаши тут же в Алтаре по левую сторону приобщены были послушники и малые певчие; затем, по отверзении Царских врат, сам Владыка, держа чашу, проговорил для повторения народом «Верую, Господи…» и сам стал приобщать. Архидиакон помогал держать чашу, два диакона стояли по сторонам, один утирал губы приобщившимся, другой охранял Владыку от теснившихся. Когда архидиакон устал, его сменил помощник его – Николай Михайлович (белый диакон). Когда частицы в Потире все были потреблены, потир вновь наполнен был оставшимися на дискосе частицами; при этом я заметил, стоя все время приобщения за Владыкой, что частиц недостанет, если давать по две и по три, как делал Владыка, и сказал об этом ему, он стал давать осторожнее. Когда он очень устал, то передал чашу Преосвященному Варлааму, который и кончил приобщение. Частиц, действительно, не хватило, и Владыка велел приобщать «исполнением», а когда и оно было истощено, то положили в Потир частиц двадцать запасных Святых Даров, таким образом все, желавшие приобщиться в Крестовой – человек пятьсот, были приобщены, и не пришлось никого отсылать в Собор. – После обедни съездил поздравить Ольгу Ефимовну с днем рождения и отдать ей просфору. Она лежала больная в постели. – Вернувшись, после обеда поехал сначала в Казанский Собор. Народу множество, и все больше женщины; поют хорошо, лучше всего альты, между которыми один есть замечательно хороший голос. Во время богослужения то и дело, что пересылают свечи «Царице Небесной» или «Спасителю». – Когда стали читать шестопсалмие, отправился в Исаакиевский Собор и застал пение «Хвалите имя Господне». В алтаре пробраться не мог за множеством народа. Ирмосы и «Слава в вышних» пели бесподобно; ирмосы 1-го гласа, что Яков Дмитриевич перекладывал при мне в Японии; в «Слава в вышних» всегда оба хора на солее; «Свят» – неподражаемо. Когда в Японии взгрустнется, или уныние будет одолевать, да припоминается всегда Всенощная в Исаакиевском Соборе с этим пением, этим множеством молящихся, этим великолепием! Здесь именно чувствуется сила и непоколебимость Церкви. Стоял я у двери направо, где, наконец, нашел покойное место от пробирающихся вперед.

9 марта 1880. Воскресенье.

День Православия

Утром в карете с оо. Геласием и Феодоритом, афонским

архимандритом (постригавшим Михаилу), отправились в Исаакиевский Собор. Дорогой о. Геласий бранил настоящие порядки в России, покровительство немцам и прочее. В Соборе множество гимназистов – снимать митру во время молебна, на который следовало выходить. Народу – полон Собор – до того, что для встречи и шествия Высокопреосвященного Филофея, имевшего совершать литургию – два ряда солдат – плечо к плечу – были поставлены для того, чтобы возможно было пройти. Я вышел с о. Иосифом, служившим, на средину, чтобы посмотреть встречу; здесь же столкнулся и познакомился с Ев. В. [Евгением Васильевичем] Богдановичем, старостой Исаакиевского Собора. Во время литургии, на Малом Выходе. Высокопреосвященный Филофей упал в обморок, так что в алтарь священнослужители внесли его: думали, не умер ли: но первый архимандрит начал было продолжать служение вместо него: но он скоро оправился и стал служить. Испостился, говорят. Вот святой-то жизни человек! У алтарей собралась толпа народу, так что нельзя было выйти, и глаза всех были прикованы к Владыке, видно, как чтут его. На молебен и анафемаствование собрались члены Святейшего Синода, кроме Высокопреосвященного Исидора, который сегодня тоже захворал – так что не мог служить раннюю литургию, как собирался, – и утром уже прислал сказать викарию Варлааму, чтобы отслужил вместо него. – Высокопреосвященный Макарий, Аполлос, Палладий и викарии Гермоген и Варлаам, – всего шесть архиереев с Владыкой Филофеем. По сторонам восемь митр и двенадцать камилавок; архиереи на кафедре все рядом. Во время анафематствования архиереи сидели. Анафему провозглашал протодиакон Оболенский – слабым голосом, но зато с приемами вполне опытного протодиакона (даже на память все говорил). Пели «анафема» четыре диакона и восемь певчих, то есть шесть теноров и шесть басов; диаконы стояли по два напереди и назади; стояли ниже митр, рядом в том же порядке, как стоят священнослужащие, отстранив несколько народ – камилавки. Пели: «Анафема, анафема, анафема». Удивительно трогательно это пение – прекраснейшими голосами – грустное-прегрустное. Я едва мог сдержать слезы. – Певшие вышли пред самым анафематствованием и, поклонясь архиереям, стали в порядке; по окончании анафематствования, поклонясь, удалились; певчие были в своих формах, диаконы и стихарях и орарях. Высокопреосвященный Филофей несколько раз садился от слабости и освежал голову намоченным полотенцем. – «Верую» протодиакон произнес особенно громогласно с широким крестом. – По окончании службы я поехал с Феодором Николаевичем, приезжавшим после своей службы в Собор, до

поворота в Инженерный замок в лаврской карете. У Феодора Николаевича обедал и проговорил с ним до его всенощной, после чего отправился к Путятиным, где и провел остаток вечера у постели больной Ольги Ефимовны. К графу приходил Рамчендер и жаловался, что его не пускают из Петербурга в Персию.

10 марта 1880. Понедельник

2-й седмицы Великого Поста

Утром пришел о. Исайя сказать, что Константин Константинович говорил ему: «Великий Князь Алексей Александрович, когда я говорил ему, что у нас был о. Николай, выразился: „А что ж он у меня не был?“» Значит, нужно представиться ему. – Пришла посланная от Ольги Ефимовны с «жаворонком, которым вчера забыла попотчевать, так как вчера было 40 мучеников» и с утешительной запиской, так как вчера я ей показался тоскующим; приложена была выписка откуда-то рукой графини Ольги Ивановны Орловой, что «несмотря на то, что мир нам кажется погрязшим во зле, Царство Божие зреет"… После обеда отправился к Ольге Ефимовне, застал ее все еще в постели. Что за одухотворенная личность! Вполне воспитала себя для Царствия Небесного! Но как жаль будет, если умрет раньше, чем послужит делу Божию в Японии хоть лет десять. – Вернувшись к себе, скучал; да и простудился в последнее время; по моему счету уже одиннадцатый раз болел в Петербурге, и почти всегда простудой; решительно в полверсте отсюда тот свет.

11 марта 1880. Вторник

2-й недели Великого Поста

Утром, к восьми часам, – у Е. Н. [Ефрема Николаевича] Сивохина отслужить молебен Божией Матери. Причетником был старик – серебряник. Отслужили водосвятие, а после панихиду, так как у Е. Н. на прошлой неделе помер его приказчик, простудившийся во время иллюминаций 19 февраля. Ризы, книги, чаша и прочее, – все тут же налицо, и все превосходное; молились он и жена истинно по-христиански; и я служил совершенно так, как мы, бывало, служили с Сартовым в Хакодате. не торопясь и от души. – После службы чай и знакомство с моряком Н. М. [Николаем Михайловичем] Головачевым, известным ревнителем по устройству прибалтийских Церквей. Он сначала стал было противоречить возможности распространения Евангелия в Японии – без миллионных затрат, но кончил тем, что и от себя пожертвовал икону – с тем, чтобы она была поставлена над жертвенником, так как икона в память родителей его. Е. Ник., как обещался, после службы подарил икону Божией Матери Скоропослушницы, афонского письма, в Миссию; сказал,

что уложит ее в ящик и пришлет ко мне; Головачев к нему же пришлет икону для Миссии. Просил Е. Николаевича пожертвовать и на храм; отвез ему и фотографии храма. Оставил книжку у себя и звал в воскресенье к часу обедать; к тому времени и на храм подпишет. – Между тем, пока я ездил, Степан мой припас из лавки баночку варенья: «Малинка ягодка» и, вместо свежего печенья, сухарей, так как по вчерашней телеграмме у меня собирались быть Я. А. [Яков Аполлонович] Гильтебрандт с сестрой Марьей Ап. [Аполлоновной], едущей за границу для леченья груди и желающей проститься со мной; Степана же с одиннадцати часов я обещался отпустить получать его выигрыш в лотерею; вчера: «Какое мне счастье!» – «А что?» – «Да двести рублей выиграл вместе с келейником о. Иосифа»; оказалось, что выиграли вдвоем одну серебряную ложку. – В одиннадцать часов Гильтебрандты пришли; долго сидели, чай пили; пришел потом студент Владимир Аполлонович Гильтебрандт; мы с ним обедали монастырской трапезой, а Яков Аполлонович и Мария Аполлоновна смотрели, – неловко выходило, а каким же обедом их угостить в Лавре внезапно, да еще в пост. По уходе их Владимир Аполлонович остался, и мы с ним болтали о медицине, когда рассыльный от графа А. Д. [Александра Дмитриевича] Шереметева принес письмо от графа, что он жертвует на храм в Японии двадцать тысяч рублей. Легко представить, как я обрадован был. – По уходе студента отправился к о. Иосифу, чтобы условиться насчет посещения сегодня вечером «Общества распространения Священного Писания». Подняли его с постели в четвертом часу, – жаль было, что помешал ему отдохнуть. О. Макарий, чередной архимандрит, дал мне программу сегодняшнего заседания Общества. – В пятом часу побыл у Владыки сказать о пожертвовании двадцати тысяч и попросить и от его имени поблагодарить Шереметева. – Он велел написать, что «и он весьма обрадован», – и, видимо, был обрадован. Он же, в свою очередь, сообщил мне, что дело о моем епископстве решено сегодня в Синоде и велено заготовить доклад Государю. «Что это ордена тебе не присылают? Иван Васильевич говорил, что все вышли на награды за войну, – да ужели одного не найдется?» Чтобы успокоить его, я промолвил: «Да ведь можно купить, если благословите!» «Ну вот, покупать! Тебе каждая копейка теперь дорога. Ты и на панагию не траться; у меня лишняя есть, как раз для твоего роста», и вынес сделанную из двухцветного сибирского камня; рассказал про камень и хотел передать мне, но я просил его оставить пока у себя. – Перед тем как идти к Владыке, приходит дама – пожилая, весьма прилично одетая: «Чем прикажете служить?» – «Да я пришла только

посмотреть на вас». Вот-те и раз. Что за личности! – «Вы – в Японию! Я слышала об вас от Ушаковых и прочее». Я стал разъяснять ей, что в Японии служить нисколько не труднее, чем здесь, священнику, стараясь избегать многословия, так как пришла она не вовремя; оказалось, впрочем, что она зашла ко мне от нечего делать; шла к Владыке, да рано, так она и завернула; обо всем этом я догадался, догнав ее на лестнице к Владыке, когда после ее ухода пошел туда; да и обо мне, которому изъявлять удивление пришла, она не имела никакого понятия, так как не знала даже, что я уже был в Японии; оказалось, на мой вопрос ей, что она какая-то княжна Шаховская. – В седьмом часу, согласно приглашению при встрече на прошлой неделе в Соборе, был у Лукьянович; Александра Николаевна, дочь, положительно увлечена живописью, – и таланту нее очень порядочный; пишет иконостас для Церкви в женской Миссии нашей; большая половина уже готова: сегодня видел – Запрестольный образ Бога Отца и Архангела Михаила; руководить ее ходит один академик (из крестьян), исторический живописец. Александра Владимировна не советовала мне записываться в члены «Общества распространения Священного Писания», как и ей не советовал Высокопреосвященный Филофей под тем предлогом, что там веет протестантским духом. В восьмом часу отправился на Васильевский остров, в «Общество распространения Священного Писания». Приняли радушно и вежливо; из духовных лиц был один Иван Иванович Демкин, около которого я и поместился за столом. Председатель Астафьев, весьма симпатичная личность, лицо предоброе. Меня хотели тотчас же записать в члены – сотрудники Общества, но я уклонился под предлогом, что не имею еще понятия об Обществе; дали отчеты, чтобы ознакомиться. Шло рассуждение о предложении Американского Библейского Общества – способствовать его средствами распространению Священного Писания в России; если дан будет отдельный район – на восток от Волги. Здраво рассуждали, хотя Астафьеву часто приходилось браться за колокольчик, чтобы прекратить спор; был и американский агент Библейского Общества, порядочно говорящий по-русски. Барон Мирбах – один из разумнейших и, по-видимому, усерднейших членов. Подавали чай с булкой. К сожалению, так как было поздно, нужно было уйти прежде окончания заседания. Мы вышли вместе с Иваном Ивановичем Демкиным. Он очень опечален все более и более развивающейся болезнью своей жены – временным умопомешательством; припадки теперь каждый день, и он думает уже отдать ее в больницу. Большой крест послал Бог человеку! Помоги ему, Боже, и перенести – за все его добродетели!

12 марта 1880. Среда

2-й недели Великого Поста

Утром написал благодарственное письмо к графу А. Д. [Александру Дмитриевичу] Шереметеву и, посылая опустить его в ящик, велел купить газет, которые и читал до обеда. Скучал, да и нездоровится все. В четвертом часу отправился к Маденокоодзи попросить его извиниться за меня сегодня вечером пред А. И. Савельевым, который сегодня звал к себе на вечер, но у которого не могу быть, так как по письму от Константина Петровича Победоносцева нужно быть у него последнего. Маденокоодзи в квартире на Знаменской живет очень чистенько и прилично в каком-то семействе. Говорил он, что посланник из Японии сюда назначен Янагивара из Кунге. – К Федору Николаевичу; посидел у него, пока время было идти к Победоносцеву, – на дороге туда встретиться с прогуливавшимся Иваном Васильевичем Рождественским, который обещал дать икон из подносимых ему; велел прийти когда-нибудь часу в пятом. В семь часов был у Победоносцева; и обрадовался, узнав, что Шереметев пожертвовал двадцать тысяч. У него были: князь Шаховской, начальник Дуи на Сахалине, и Николай Михайлович Баранов, герой минувшей войны, ныне служащий при Добровольном флоте. Неловкость моя при вопросе. – Константин Петрович и Баранов обещали дать место миссийским ящикам на судне, что в мае из Кронштадта, а также место на судне в половине апреля Дмитрию Дмитриевичу, если он будет готов в путь к этому времени. Вчера я спрашивал у Митрополита, хорошо ли отправить так Дмитрия Дмитриевича, и он очень одобрил, так как прогоны при этом останутся для собственных расходов Дмитрия Дмитриевича. Часов в девять вернулся домой.

13 марта 1880. Четверг

2-й недели Великого Поста

Утром написал коротенькое письмо Ненарокову в ответ на его конфиденциальный запрос об Ольге Евфимовне; между тем послал записку Дмитрию Дмитриевичу, чтобы он пришел; когда пришел он, сказал, чтобы к одиннадцати часам, если окончательно решился, приготовил прошение в Святейший Синод об определении его миссионером. По уходе его пришел Шурупов с планом иконостаса для храма; дал ему денег – 50 рублей. В одиннадцать часов с Дмитрием Дмитриевичем поехали к Вощинину передать прошение в Синод – не застали; я передал в Канцелярию Обер-прокурора мое письмо к Ненарокову. – К Андрею Григорьевичу Ильинскому. Советовались, как пересылать деньги в Японию; он придумал, что самое лучшее – высылать

двукратно – в сентябре и феврале – за полугодия вперед – разом всю сумму из Хозяйственного управления и тотчас же оттуда вытребывать из разных мест, откуда идут деньги, сумму стоимости отосланной металлическими рублями суммы. Касательно прогонов Дмитрия Дмитриевича сказал, что их неоткуда взять; а придется мне из миссийской суммы выгадывать (!) – Отправился на завтрак к Евгению Васильевичу Богдановичу, согласно его приглашению в воскресенье. Были еще: Ниси, японский поверенный в Делах, Петров-Батурич, редактор Азиатского отдела газеты «Голос», Завойко, сын адмирала, и прочие. Жена и сестра ее до завтрака набрали для меня проповеди «Исаакиевской кафедры». Генерал – бойкий человек и немного хвастун, кажется. Когда сели за стол, вошел еще Губонин (Петр Ионыч), железнодорожник, прямо от Государя, которому сегодня представлялся и представлял свой подарок: какую-то редкостную пирамиду из серебра с моделями новоизобретенных локомотивов и с надписью «От бывшего крепостного». Государь благодарил его за полезную деятельность и пожал руки, при рассказе о чем Губонин хватил себя по лбу – «как-де я забыл поцеловать у него руку»; лицо у него совершенно русское, купеческое, костюм и разговор тоже, глаза весьма умные. После завтрака хотел показать Богдановичу план иконостаса и посоветоваться «у кого бы попросить денег на устройство его», но гости мешали, да и не внушил он доверчивости; звал еще когда вечером, часов в семь, поговорить: «всегда дома; в театр – вот двадцать лет живу в Петербурге, ни разу не ездил». – К Пешехонову – иконописцу; старец – почтенный и скромный; в мастерской мужички и мальчики пишут. Обещался сделать смету на иконы и самый иконостас и в субботу утром принести. – К Путятиным. Ольга Евфимовна встала, но еще в своей комнате. Баронесса Розен, которую я встретил у Победоносцева вчера, была у них и уже рассказала, что Шереметев пожертвовал двадцать тысяч. Все от души поздравляли. Граф рассказал, как он советовался с Высокопреосвященным Филофеем о своих семейных делах, то есть о сватовстве на Васильчиковой. Влыдыке показалось, что в письме Васильчикова прямо отказ, и потому советовал бросить мысль о женитьбе Евгения на М. В. [Марии Васильчиковой], равно как выдать Лизавету Ефимовну за молодого графа Орлова, который ей не нравится, так как, по его словам, свадьба может быть только по взаимному расположению. Граф Евфимий Васильевич, по крайней мере, успокоился теперь. – Вернувшись домой, нашел карточку, между прочим, от доктора Савченко, приятеля по Японии. Нужно будет повидать его. Сходил в баню и лег спать.

14 марта 1880. Пятница

2-й недели Великого Поста

Думал, что вчерашнею банею простуду, как рукой, снимет, как бы не так! Тот же кашель и насморк и тяжесть головы утром, так что в десять часов не мог ехать с Дмитрием Дмитриевичем к Вощинину, – он передаст прошение в Синод, я – попросить, чтобы это было сделано скорей, и Дмитрий Дмитриевич отправился один. А. Н. [Александр Николаевич] Виноградов, прощавшийся перед поездкой долгой и надоевшей советующей болтовней. – В двенадцать часов зашел Михаил Дмитриевич Свербеев – от обедни из Собора; жена у него совсем поправляется; сам он – что за джентльмен и настоящий москвич, любящий потолковать о Митрополите Филофее. – В третьем часу пришел инженер-механик Николай Иванович Бураков с сестрой своей жены, совершенно незнакомые мне, но знающие меня по слухам от моряков. Он принес пять рублей и показывал подписной лист, по которому это собрано на Миссию; я расписался на листе в получении. Угостил их чаем, а они звали к себе в Кронштадт; от меня отправились к дяде своему – иеромонаху Савве, тут же. Скучно было весь день вместе с нездоровьем. Благочинный взял у меня диван, а прислал другой вместо его. – В шестом часу отправился к графу Путятину. Графинь застал делящими имущество – сегодня был ящик с письменными принадлежностями; всего такое обилье, что и в Японию обещались снабдить. Ольга Ефимовна играла на фортепьяно «Молитву», «Колокольчики», всегда грустно напоминающие время болезни графини Марьи Васильевны, и из Мендельсона чудную вещь. Сказала она, что Марья Владимировна Орлова получила от Марьи Алекс. [Александровны] Черкасовой описание Елки в Женской школе в Миссии; заключил из этого, что письма пришли из Японии, и отправился к Феодору Николаевичу; действительно, пришли; между прочим, от семинаристов Кикуци и Овада; особенного ничего, но спешить нужно в Японию. Феодора Николаевича не видал, у него сегодня много исповедников; сегодня исповедывалась и Ольга Петровна у своего духовника и завтра будет приобщаться в Церкви дома. К десяти часам поспел в Лавру. Опять шел снег – и большой.

15 марта 1880. Суббота

2-й недели Великого Поста

Когда вернулся вчера вечером, Степан сказал, что в седьмом часу за мной присылал Владыка, и потому в семь часов утра отправился к нему. Посадил и, взяв бумажку, на которой написано было по пунктам о чем говорить, начал говорить: 1. На Благовещенье будет посвящение, так как в пятницу, вероятно, сделан будет доклад Императору, а в понедельник

сделают экстренное заседание в Святейшем Синоде для наречения. О сборе в Москве. «Чудак! Когда теперь». 2. Съездить поблагодарить Шереметева и попросить двадцать тысяч золотом, или, по крайней мере, кредитными билетами, иначе будет две тысячи потери. Рассказ о матери Шереметевых и неладах ее с пасынком. 3. Нужно речь приготовить «краткую – в формальность обратилась», причем выговор мне за резкость и горячность и наставление держать себя ровней и спокойней: «Ну. потребуют во Дворец, к Государю и Наследнику. – нехорошо: здесь-то дома, а там осудят». 5. В Ревеле есть «мыза – что ли», принадлежащая викарию, – «так нужно повидаться с рижским Епископом Филаретом и поговорить, – ему ли, или еще кому поручить, чтобы доход высылали в Японию». 6. Об укупорке рипид и прочих металлических вещей, пожертвованных им для Миссии. 6. Дар священных облачений, тоже им жертвуемых, икон со стеклами, «непременно войлок нужно положить между иконой и стеклом», и о пересылке ящиков. 7. «Я велел ризничему здесь приготовить архиерейское облачение; еще казенное нужно потребовать – должны дать; да и мантию – казенную, ведь они стоят сто пятьдесят рублей; митру также; пригодится там, когда поставишь Анатолия архимандритом, а там где взять?» 8. Чтобы из Азиатского департамента написали ему, что желают о. Анатолия настоятелем Посольской Церкви; тогда он и будет наименован настоятелем, и с того числа ему жалованье настоятельское. 9. Черкасовой выдать жалованье (со времени ее прибытия на службу). «Сколько ей?» «1200 металлических рублей». – «Не много ли? Лучше потом прибавить». «Позвольте потом испросить Вашего совета касательно распределения жалованья». 10. Непременно испросить указ, чтобы позволено было остаточные суммы употреблять на Миссию, иначе их в Казначейство потребуют. – «Да есть уже указ». – «Это насчет прежней суммы, а теперь другой нужен». 11. «Посошнику, свещеносцу, книгодержцу дадут стихари, какие найдутся, отсюда; иподиаконам орари только благословить, и чтобы они в Царские врата не входили, иначе потом жениться нельзя». 12. После наречения обеда не делать. – «Это архимандриты завели сами, а после хиротонии я сделаю. Икон никому из хиротонисавших не подносить, а просто съездить, поблагодарить и извиниться, что икон не могу, дорого»; рассказ об обеде на именины его прошлого года, несостоявшемся, так как его потребовали во Дворец. – «Так касательно обеда можно и сказать всем, что Владыко не велел?» – «Так и скажите». 13. Орден к посвящению нужно занять у кого-нибудь. 14. Отправляющемуся миссионером можно ехать и студентом, там посвятить, – и священником; но священнику дадут больше прогонов,

поэтому священником лучше. «Да прогонов совсем не дадут, из положенных на Миссию нужно выгадывать», – «Как бы не так! Прогоны непременно должны дать – они стараются там экономить». – (А. Гр. [Андрею Григорьевичу] Ильинскому не понравится!). – В заключение я спросил разрешение на брак двоюродных Иоанна Нода и Варвары Оонума, уже перевенчанных гражданским браком по принужденью их отцов – язычников. «Разумеется, разрешить; наши русские строгости там нельзя применять во всей силе; только чтобы примером не было». – Еще сказал, что имею предложить на разрешение Святейшего Синода возможность празднования неподвижных праздников в Японской Церкви по новому стилю, ибо, например, какой же пост при встрече Нового года? – Сказал Владыка, что он сам поговорит в Синоде частно; официально же туда подавать велел повременить. «Синод будет поставлен в затруднение и, пожалуй, не разрешит, чтобы не было примера». Рассказывал о своем затруднении разрешать браки записанных 12 и 13-летними, чтобы не платить за них подати, а на деле таких, что «кулаком быка убьет»; Митрополит Филарет посоветовал решать епископскою властию, а в Синод не обращаться. – Вернувшись от Владыки, застал у себя В. М. Пешехонова и Дмитрия Дмитриевича. Первый принес смету на иконы и иконостас – больше девяти тысяч рублей. Авось, Господь поможет найти жертвователя, который устроит это. Пешехонов с планом иконостаса отправился к Щурупову, чтобы он дополнил рисунками резьбы кое-где. Дмитрий Дмитриевич, сказав, что вчера неудачно был у Вощинина, с шести часов утра ушедшего куда-то, отправился в Новодевичий монастырь. Я пошел к рижскому Филарету переговорить о мызе, но не застал его дома. – Писал дневник. Перед всенощной заходил о. Исайя сказать, что Великие Князья все спрашивают, когда будет посвящение; сказал ему, что на Благовещение, вероятно; Великим Князьям надобно будет присутствовать. – Пошел к Преосвященному Филарету. Говорили об о. Анатолии, о путешествии Филарета с ним по Святой Земле, как о. Анатолий повредил ногу, как они на Синае были без чаю, потому что верблюд о. Анатолия заблагорассудил вернуться домой; о мызе преосвященный с помощью келейника сказал, что она дает в год 650 рублей. – Ко всенощной пошел в Крестовую; тут же были оба Викария, Преосвященный Филарет и чередные архимандриты, из которых о. Макарий из орловских протоиереев, особенно симпатичная личность. Дух грустной молитвы и мысли об Японии: служил о. Александр – брат. После всенощной нашел на столе письмо о. Анатолия от октября, чрез К. В. Струве присланное барону Розену, с планом построенной Женской школы.

Надписав рапорт и брошюрку «Об Японии и России», понес к Преосвященному Филарету, так как из предварительного разговора увидел, что он о Миссии в Японии не знает ничего; застал его и должен был выпить стакан чаю; а за чаем Преосвященный Филарет рассказал о даче викария, что она у самого Дерпта отдана на аренду на двадцать пять лет, и тогда еще цена ей была 650 рублей в год, что в 1882 году конец срока, и она, вероятно, пойдет за 2000 в год, или больше; мыза состоит из огромного участка земли, с пахотной землей, лесом, выгоном и постройками; недавно рига сгорела, и арендатор хочет получить пять тысяч рублей за свой хлеб, сгоревший в ней, от архиерейского дома (тогда как по контракту сам должен выстроить ригу, ибо должен был застраховать ее; она и была застрахована им, но только в одну тысячу рублей), или же просит отсрочить сдачу земли. Вероятно, не удастся. Именье – лучшее в окрестностях Дерпта. Арендатор – немец, или чухонец. Согласно совету Высокопреосвященного Исидора, просил Преосвященного Филарета взять на себя заботу о мызе и о том, чтобы доход высылаем был в Японию. Он обещался поговорить с Исидором. – К нему пришла княгиня Кочубей, и я поспешил уйти, боясь помешать, быть может, также очень нужному и духовному разговору.

16 марта 1880. Воскресенье 2-й недели Великого Поста

Вчера вечером, в одиннадцатом часу, только что разделся спать – «стук-стук». – «Кто?» – «Афонасий; тут из Лондона иеромонах приехал и желает Вас видеть». – «Где остановился?» – «А вот в соседнем помещении». – «Так завтра увидимся». Опять, только что начал засыпать, – стук и гром, Степан ломится, он у меня путно войти не умеет. – «Что такое?» – «От графа Путятина вещи принесли»; графский Иван подает два ящика с письменными и разными другими вещами, отобранными графинями для Миссии, и запиской Ольги Ефимовны. Стоило труда ему должно быть вломиться в Лавру в это время; не задерживая его ответом, сказал, что завтра сам приду, и отпустил. Потом разобрал вещи. Сколько доброты у графинь, особенно Ольги Ефимовны, к Миссии. – Утром лондонский иеромонах, о. Амфилохий, состоящий при Марии Александровне и вызванный ею сюда, два раза помешал писать речь. Кое-что копошится у него в голове касательно мирового значения христианства – одну брошюру выпустил, другие готовит. – «Православное Обозрение» не удостаивает просьбой о помещении их, называя его инославным обозревателем, – в «„Христианском чтении” не принимают его писанья», и прочее, и прочее, – с Тейлором признает первичные религии – грубым фетишизмом, а с Коссовичем, что древняя форма

Богопочитания у всех – единобожие, и не думает согласиться… Надоел и в два раза. Принесли от Груздева подновленные ризы на иконы. – Дорогой к Исаакию зашел к живописцу Баркову, у которого пишутся иконы, заказанные о. Исаией в дополнение к присланным из села, чтобы вышло на всю церковь. Баркова дома не застал, жена в виде стряпухи сидела у печки; порядочный живописец, судя по работам в комнатах. Но с такими не следует торговаться о дешевизне – бедный люд, изо дня в день трудом живущий. В Исаакиевском Соборе обедню неподражаемо хорошо пели – два хора – митрополичий и исаакиевский; управлял хорами лысый Львовский; «Херувимская», «Милость мира» Василия Великого нигде лучше не поют; о концерте сегодняшнем и говорить нечего. О нем и в газетах объявлено было, что сто двадцать певчих будут петь Бортнянского из 88 псалма. – Пели, сошедшись оба хора на солее, дивно; особенно трудная партия альтов, с соло и высочайшими нотами. Народу было море голов – должно быть, двадцать тысяч; я стоял на солее, и тут теснота, хоть сторожа не пускали. – «Тебе поем, достойно и всех, и вся» также поют два хора, сошедшись полукругом на солее; и пропевши «Тебе поем», певчие делают земной поклон, а после «всех и вся» – поясной, и возвращаются на клирос. Присутствующие христиане тоже молятся – как усердно; кругом меня все бобровые воротники и военные шинели то и дело опускались на колена. Много благочестия, много благочестия в России! И да утешает это меня в Японии в трудные годины. – После обедни у Евгения Васильевича, старосты, взял листок сегодняшнего концерта. – Отправился, по предварительному просу, к Е. Н. [Ефрему Николаевичу] Сивохину обедать. Был и афонский архимандрит Феодорит. Неонила Афонасьевна с ним кушали грибное, – я с Е. Н. – рыбное, ибо он не совсем здоров. Пред обедом должник Евгения Николаевича – в ноги ему; Евгений Николаевич простил ему долг сто пятьдесят рублей, а он еще в долг просил;

одет прилично – На Миссию Евгений Николаевич пожертвовал сто пятьдесят рублей и икону в сто пятьдесят, потом еще две малых иконы. Нравится мне это милое русское простое семейство – Евгений Николаевич, сморкающийся в кулак с шелковым платком в руке, Неонила Афанасьевна, видимо, любящая кулебяку (кто ж ее не любит! Взять хоть бы нас с о. Феодоритом – монахом), но не зазнавшиеся, благотворящие направо и налево и молящиеся так, как дай Бог монахам молиться! Невпопад выехал сегодня в драповой – Ивана Ивановича – рясе, холодно, точно зимой, ветер лютый; вернулся, сробевши, что еще простужусь, что некстати на этой неделе. – В четвертом часу пришел Андо; мне интересно сознание его: «Мы презирали ваше дело, когда я был в Японии, а теперь я

оценил», – и все говорит о себе; видно, что кое-что в человеке есть, ибо выскребся из крестьян и пользу отечеству принесет, но не из самородков редких; занимается путно. – К пяти часам был у Путятиных; всех графинь поблагодарил за пожертвование вещей для Миссии вчера. Ольга Ефимовна просила не говорить ей, что неприезд ее было бы большою потерею. Вот святая-то душа! Совсем готова для неба! В мире живя, приобрела скромность и любовь к молитве ангельские! Едва ли ей в самом деле быть в Японии. Бог таких, готовых в рай, берет в рай. – Поехала Ольга Ефимовна с отцом в Георгиевскую общину ко всенощной в половине восьмого, ибо завтра именины о. Алексея Колоколова, достойнешего, действительно, из иереев; я же вернулся домой.

17 марта 1880. Понедельник

3-й недели Великого Поста

Утром писал речь; потом пришел Дмитрий Дмитриевич. Посоветовал ему отнести прошение в Канцелярию Святейшего Синода; дал три рубля, в долг, на марки, которые, как ему говорили, нужно наклеить. Прежде Дмитрия Дмитриевича, впрочем, принесли пожертвование на Миссию от Великой Княгини Екатерины Михайловны: прибор священных сосудов, Евангелие, Крест, дарохранительницу и дароносицу. Привез управляющий ее Конторою Е. Е. Мельников; условились, чтобы мне явиться поблагодарить Великую Княгиню по производстве меня в Епископа, если оное состоится в Благовещенье. – При Дмитрии Дмитриевиче пришла дама, о которой вчера Степан заявил, что была «дама с Афона» – некая Меланья Степановна Чернова; краснощекая и с неприятными глазами, окруженными поблекшим матерьялом. Вот личность-то на Руси! Писать все – в три короба не вберешь ее болтовни, хотя она с час посидела. Я было любезно предложил ей брошюры о Миссии в Японии, но потом рад был выручить их при забывчивости ее и неловкости хотевшего услужить Дмитрия Дмитриевича. Видение ее в Пасху двух старцев последовательно на кафедре Исаакиевского Собора, троекратное чудесное исцеление, чудесные сны, вследствие одного из которых она желает пожертвовать в Миссию два подсвечника в две и три свечи; при сем ее незнанье «Отец» или сам «Дух» изображен на огромной иконе, стоявшей пред нею, катафалк (вместо митры) на голове явившегося старца, «олтарь» и прочее. И как образуются подобные личности? У всех богачей Петербурга, с которыми, однако, незнакома, обещалась просить для Миссии, а об Миссии не имеет ни малейшего понятия… – Приходил о. Исайя, доставший у Жевержеева орден Святого Георгия 3-й степени на подержание. Спасибо! – Был Преосвященный Палладий Рязанский,

подписавший пятьдесят рублей. Отправился к Ивану Ивановичу Демкину и к Павлу Александровичу Кузнецову на Васильевский остров. Полтора часа туда езды только – по каретам от Знаменья, и дешево – всего десять копеек. К Павлу Александровичу отнес кресты с японскими надписями трех сортов. Должен был извиниться пред ним за долгую неявку. А он сказал, что собственно немец беспокоил его, как бы не принял заказ его за ложь. У Ивана Ивановича провел все время до восьми часов, возня его с детьми при больной жене, участие его при этом и к Миссии истинно трогательны. Мы с ним ни на десять минут не оставались, рассуждая, на одном месте, а он ходил, исполняя домашние дела, я за ним, причем серьезные разговоры не прекращались. Внушал он речи, что главное – нужно напасть на неосновательность исключительной заботы о России; я же при сем выговорил себе право сказать и о «католичестве и протестантстве». К десяти часам вернулся в Лавру в омнибусах, издержав десять копеек до Знаменья от квартиры Ивана Ивановича. На столе застал письмо Ольги Ефимовны о похвале. Скучновато, когда не понимают!

18 марта 1880. Вторник

3-й недели Великого Поста

Утром, встав довольно трудно, думал о речи; много мыслей, мало – на бумагу. – Вследствие замечания Дмитрия Дмитриевича, что в Новодевичьем обидятся, если до хиротонии не побуду там, отправился туда. По дороге заехал к П. А. Гильтебрандту. К нему нужно всегда не ранее одиннадцати часов, потому что он по ночам работает для журнала «Древняя и Новая Россия». К этому времени я и был. Он и жена его Марья Максимовна – мило радушны: угостили груздями и сардинкой. П. А. прочел свою статейку в февральской книжке «Древняя и Новая Россия» – к 19 февраля. Русское чувство и русский смысл. Марья Максимовна на первой неделе говела, но простудилась. Славно ладят между собою они. – В Новодевичьем всегда принимают как родного. Матушка Евстолия угостила обедом – грибным, блинами, киселем с маковым молоком, сладким пирогом. Матери Аполлония и Феофания при этом были и кое-что ели, отзываясь, что прежде пообедали и не могут есть всего. – Живописная – и рой пчел, трудящихся над своими сотами; только маленькая Груша работает по своему произволу, малюя губы и уши. – В чеканной – все стучат «Отверзи нам двери милосердия»; как изменилась едва держащаяся на ногах слабенькая матушка Феофания. И я сделал несколько точек долотом и молотом на иконе Вознесения, на самом верху в орнаменте. Чаю выпил у матушек Аполлонии и Феофании пять стаканов; Наталья Александровна, матушка из Великосветского круга, начальница

приюта, сидела возле. Матушка Феофания восхищалась, что у нас переводится Православное Исповедание Петра Могилы, которое она любит больше Катехизиса Филарета, холодного и непонятного. С С. П. Синаревой они читали «Песнь Песней» и смущались непониманием; как же довольна была матушка Феофания общим объяснением ее! Для Марьи Александровны Черкасовой матушка Феофания отделила, чтобы послать, экземпляр творений Святого Дмитрия Ростовского. У нее три экземпляра были, один другого старее изданиями, и все на славянском. К концу беседы пришел А. Н. [Александр Николаевич] Виноградов, пожертвовавший в Живописную свой снимок с одной древней иконы в Новгородской губернии – «Софии – Премудрости Божией». Снимок действительно превосходный; объяснение к нему и замена Петра Спасителем – также. Вызвался он поучить в живописной рисовать на яйце; а я просил испытать его в живописи вообще. Быть может, он и достаточен будет для Миссии или только хорошо владеет техникой масляных красок. – Пришла и матушка Евстолия; пожурила матушку Аполлонию, что не доложила ей о Виноградове, но матушка Аполлония, кажется, действительно, как о. Иосиф рисовал ее, искусная и опытная в управлении… Рассказывала матушка Аполлония о Лазареве (Абиссинском маэстро), как он в Пасху являлся. – В седьмом часу был дома. Дмитрий Дмитриевич с рассказом, что отдал прошение в Синодальную Канцелярию и что обещают проволочки, «справки-де». – Преосвященный Филарет Рижский посетил и поболтал о Японии и о Карле Николаевиче Струве; читал сам письмо Овада; я ему прочел письмо о. Анатолия от 26 января. – Принесли письмо от Константина Петровича Победоносцева, что священник у него отказался и что желательно, чтобы Дмитрий Дмитриевич поспел к отправлению 2 апреля священником на судне с преступниками из Одессы. Ответил, что завтра утром пойду с его письмом к Владыке, и если есть какая-либо возможность успеть, успеем.

19 марта 1880. Среда

3-й недели Великого Поста

Утром, в семь часов, был у Владыки. Болен он: «Завтра не буду в Синоде; у меня по временам эта болезнь» (должно быть, геморрой).

Несмотря на то, принял, стоя. Выслушав, сказал, что формальности в Синоде касательно назначения Дмитрия Дмитриевича можно кончить после, а что ускорить его отправление можно, – продиктовал прошения, какие должны быть поданы от меня и Дмитрия Дмитриевича ему, и велел подать. – Вернувшись, послал за Дмитрием Дмитриевичем. Он сказал, что к 15-му апреля отправиться может, а к 1-му никак нельзя. Поехали было к

Победоносцеву собственно узнать, не предвидится ли отсрочка судна, числа до 15-го. Но дорогой я раздумал ехать; видимо, даром, так как без определенности в отходе от Победоносцева и письма не было бы, а повернули к Федору Николаевичу, чтобы, между прочим, с ним посоветоваться. В моих глазах чудо превращения совершилось и невозможное сделалось возможным. Мне щекотливо было убеждать Дмитрия Дмитриевича ехать теперь, а Феодор Николаевич, как отчасти посторонний, мог говорить прямее, и как же дельно он говорил! С своею тихою улыбкою и неподражаемо мирною и спокойною физиономиею, он каждое «нельзя» Дмитрия Дмитриевича принимал совершенно так же, как оно было сказано; но, начиная с ноты Дмитрия Дмитриевича, чрез две минуты он оканчивал совершенно противоположною нотою и заставлял противника или в тон взять ему, или молчать в раздумье. – «Нужно научиться служению». – «Да, действительно, нужно, без этого нельзя. Но собственно приобрести навык, это дело долгой практики; узнать же порядок, он ясно прописан во всякой богослужебной книжке, и следует только заранее прочесть». И рассказал, как он служил первый молебен, не имея даже ни минуты времени приготовиться к нему. – «Хотелось бы недели полторы побыть у родителей пред отъездом». – «Вот-те, действительно, тут нельзя ничего сказать», и тихая, сердечнейшая улыбка и сиротный жест обеих рук. «А нельзя ли как-нибудь полторы недели сжать в полтора дня? Долгие проводы – лишние слезы"… Следует длинное рассуждение, сообразно возражениям, что к знакомым можно только написать, а не видеться с ними и прочее. Сильно задумывается Дмитрий Дмитриевич. Это самый сильный аргумент в его «нельзя», но ясность и очевидность противоположных резонов берут верх над недоконченною логикою в студенте, и он вдобавок к своему качеству резонности, к удивлению Феодора Николаевича, являет еще качество необыкновенной сообразительности: чтобы дольше пробыть с родителями, ему приходит мысль выписать родителей в Петербург к своему посвящению и отправлению. На сем пункте окончательно истощились наши «нельзя», с которыми, точно с заряженными бомбами, мы входили в квартиру Феодора Николаевича, мы с Дмитрием Дмитриевичем перекрестились и помолились. Дело немедленного отъезда было решено. Дмитрий Дмитриевич написал телеграмму к отцу, я записку к Победоносцеву, что дело устраивается, и отправились: он на телеграфную станцию, я завезти письмо к Константину Петровичу Победоносцеву. Феодор же Николаевич еще раньше ушел к себе в Церковь служить обедню. Вернувшись к себе, застал артельщика, принесшего от неизвестного из Апраксина рынка

пожертвование: двенадцать икон – месяцеслов и в киоте икону Святого Николая, – первые плохой суздальской живописи. Запиской на имя неизвестного поблагодарил. Застал также Я. А. [Якова Аполлоновича] Гильтебрандта, принесшего письмо его брата, Владимира, к пианисту Рубинштейну о том, чтобы он устроил концерт в пользу Миссии. Мысль оригинальная, но я не мог дать согласие, не испросив позволения Владыки. – По уходе его скоро пришел Дмитрий Дмитриевич. Мы с ним написали по прошению Владыке, чтобы ускорено было его пострижение и посвящение. Затем я дал сто пятьдесят рублей, чтобы он заказал себе платье тотчас же. В два часа отправился в Департамент личного состава и хозяйственных дел за жалованьем. Дал второй ордер за первое полугодие 1880 года и бумагу в «Особенную Канцелярию по Кредитной Части», удостоверяющую, что я – именно то лицо, которому следует получить по ордеру. В Канцелярии тотчас же и получил: 2293 рубля кредитными билетами, равняющиеся 238 фунтам стерлингам 17 шиллингам 1 пенсу - 1500 серебряных рублей (по 25 пенсов за 1 рубль). – В пять часов с Дмитрием Дмитриевичем отправился к Владыке подать прошения. Сказал: «Сейчас же отошлю к Наместнику»; предварительно спросил: «Кто будет постригать: Наместник или Исайя; а ты постригал?» – «Нет, вот теперь посмотрю и поучусь». – Прежде чем быть у Владыки, о. Исайя позвал меня к себе взглянуть на две пары облачений, присланных из провинции каким-то помещиком для болгарских Церквей, но Владыка сказал: «Что там в Болгарию? Вот в Японии много церквей; покажи Николаю и, если годятся, отдай туда». – Я доложил Владыке, что облачения очень годятся. Спросил также; можно просить Рубинштейна дать концерт? «Программу покажите; не нравится мне, что там херувимские». – «Это будет все светская музыка». – «Что ж, для Церкви не совсем хорошо, но там есть училища, людей нужно питать"… Значит, разрешил. – К о. Исайи. Он подарил рясу, подрясник, клобук и параман для Дмитрия Дмитриевича, что мы тотчас же и отнесли к портному приладить по комплекции Дмитрия Дмитриевича. О. Исайю попросили быть восприемным отцом Дмитрия Дмитриевича; другим должен быть я. К о. Наместнику – Симеону, попросить постричь. – После того Дмитрий Дмитриевич отправился в Академию, чтобы побыть у Ректора и узнать, будет ли справлена казенная монашеская одежда. Ректора он не застал, а секретарь сказал ему, что на это нет сумм. – В седьмом часу были у Константина Петровича Победоносцева; там же был и И. Д. Митрополов, только что вернувшийся из Москвы, где собирал деньги для снабженья судна книгами, чаем и прочим. Константин Петрович, видимо, был доволен. Дмитрию Дмитриевичу – до Одессы сто

пятьдесят рублей на дорогу, и там по двадцать два рубля золотом в месяц, высадят его в Нагасаки после высадки ссыльных на Сахалине. На судне для богослужения все есть. – От Победоносцева

Дмитрий Дмитриевич пошел покупать книги, на что я ему дал тут же сто рублей, я – к Федору Николаевичу, где немного подождал его и известил о ходе дела, которого он же был главный виновник; потом к графу Путятину известить о завтрашнем пострижении. К десяти часам поспел домой.

20 марта 1880. Четверг

3-й недели Великого Поста

Утром думал о речи, потом, по напоминанию о. Исайи, написал записку в Новодевичий монастырь с просьбою привести в чистый вид вчера подаренные ризы. Но ее и ризы взял свезти в Новодевичий подоспевший Дмитрий Дмитриевич. Потом пришли: Афонский архимандрит о. Феодорит; он-то и оказался вчерашним неизвестным жертвователем святцев и иконы Святого Николая; художник Романов, сказавший: если не берете, пойду учителем рисованья куда-то; с Богом, отвечено; о. Иннокентий, казначей Андроньевского монастыря в Москве, с которым десять лет назад собирали пожертвования, земляк, – ныне настоятель Супрасльского монастыря, Белостокского уезда, Гродненской губернии, Литовской епархии, архимандрит, говорит стихами, делец – дело с немцем, и выигрывает. После – служанка от Ольги Ефимовны Путятиной принесла что-то запечатанное для Дмитрия Дмитриевича, и о. Моисей с двумя присяжными листами для Дмитрия Дмитриевича. В три часа пришел Дмитрий Дмитриевич и отправился к духовнику исповедаться. Между тем пришли взять платье, нужное для пострижения. Как в Лавре все в порядке и по чину! И не думаешь, а за тебя думают. Платье сдал, башмаков не оказалось – дал черные о. Исайя. Дмитрий Дмитриевич, не застав о. Ираклия (был в бане), пришел – что делать? Отправился к о. Иннокентию (эконому). Ждал его, и когда отзвонили к вечерне, ушел в Духовскую Церковь; дорогой вспомнил, что четок нет в числе предметов облачения, и вернулся, чтобы взять иерусалимские – тяжелые, от о. Еф.; столкнулся на обратном пути с Дмитрием Дмитриевичем. Он поисповедался. Пошли в Духовскую Церковь. О. Наместник рассказал мне порядок пострижения (книга рукописная, советовал для Японии списать): между тем Дмитрия Дмитриевича о. благочинный и приготовил; увидел его в конце повечерия в чьем-то теплом подряснике. Мы с о. Исайей вышли как восприемные отцы, монашествующие в мантиях собрались провожать с зажженными свечами,

и когда кончилось повечерие, мы, прикрыв мантиями раздетого Дмитрия Дмитриевича, повели из Благовещенской Церкви в Духовскую. При входе в Церковь – распростереться, на средине – тоже, на амвоне – тоже. На амвоне – аналой с Евангелием и Крестом; о. Наместник в митре и ризе – двое иеромонахов в ризах – соборне. О. Наместник отступал за аналой направо, сослужащие – у Царских врат. Сопровождавшие монашествующие окружили нас. Трогательное пение. Слезы и вскрик кого-то. Пострижение и речь о. Наместника. В Церкви были человек сорок студентов, граф Евфимий Васильевич Путятин, Ольга Ефимовна Путятина и, кажется, Евгений Ефимович Путятин. Я заметил еще инспектора Академии Нильского. По окончании о. Наместник в мантии провожал до порога Церкви; потом мы с о. Исайей – до святых мощей Александра Невского, к которым, приложившись, о. Димитрий в мантии отправился представиться Митрополиту. Я пошел, чтобы проводить потом о. Дмитрия в Крестовую. О. Наместник представил вновь постриженного монаха Владыке, который благословил его иконою и двумя четками. – После я проводил о. Дмитрия в Крестовую Церковь и, сходивши домой, чтобы положить икону и четки, вернулся в Крестовую на всенощную. После всенощной о. Дмитрий отправился к духовнику о. Иннокентию, чтобы подписать, что не находит препятствий к рукоположению в иеродиаконы, а я – к себе с графом Евфимием Васильевичем и Ольгой Евфимовной. Пришел и о. Амфилохий – лондонский; после них долго ждал о. Дмитрия и, приготовивши вещи ему от Путятиных и Владыки с записками, отправился в баню, но ее застал запертою, ибо о. Наместник пошел мыться; вернулся и вернувшемуся о. Дмитрию, передав его вещи и двести рублей на покупки, отпустил его домой готовиться к завтрашней хиротонии.

Дневники и карманные записные книжки (в конвертах) св. Николая

Вид г. Мацуяма. Справа на втором плане видна Православная церковь, построенная в 1908 г. на пожертвования московских благотворителей и русских военнопленных

Русские семинаристы в Суругадаи, одетые в форму, и учителя семинарии (ок. 1909 г.).

Рождественская елка в семинарии. Поют русские семинаристы, одетые в кимоно. В центре архиепископ Николай и посол Н. А. Малевский-Малевич с дочерьми

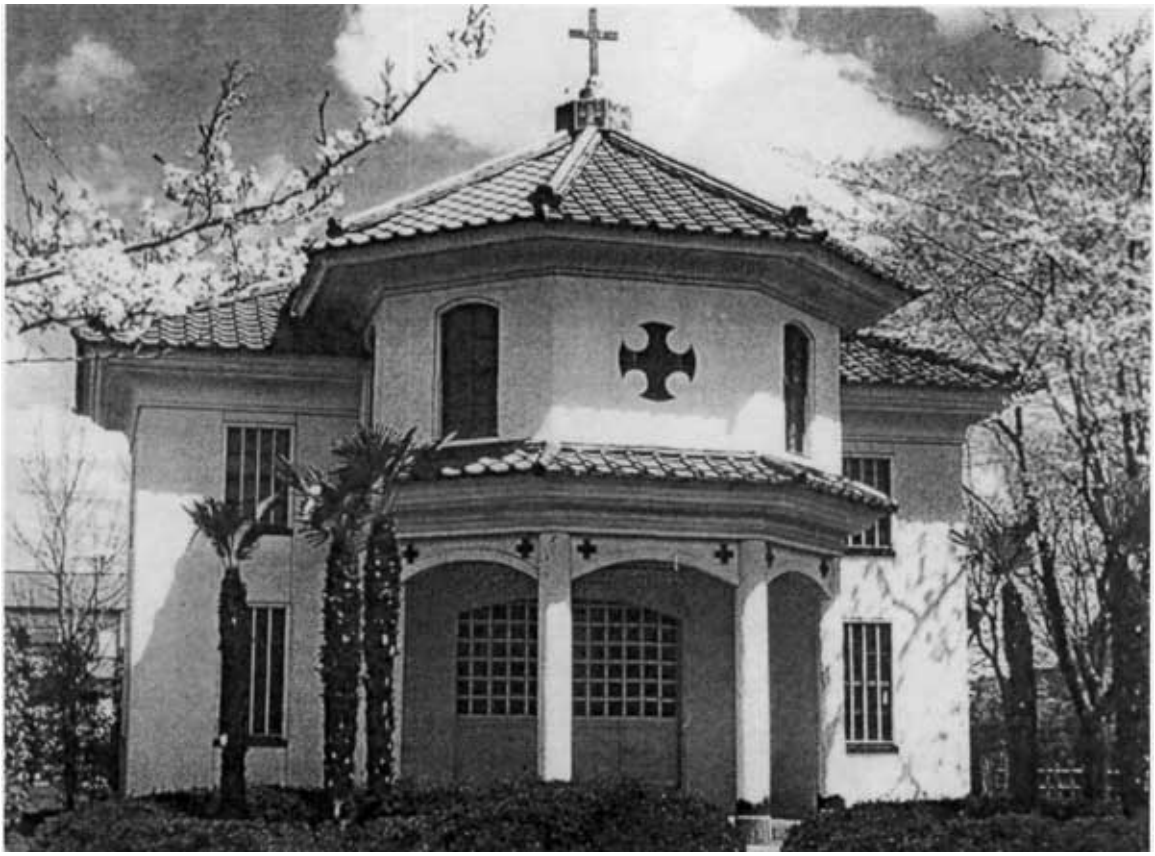
Епископ Николай и Павел Накаи за переводом Священного Писания

(октябрь 1903 г.)

Кружок дзюдо в семинарии.

В центре архиепископ Николай, слева от него епископ Сергий (Тихомиров)

Празднование рукоположения о. Николая во архиепископа (11 июля 1906 г.)



Церковь в г. Исиноками в префектуре Мияги. Построена в 1880 г.

Пасха в Суругадаи. Апрель 1909 г. В центре о. Николай и Сергий (Тихомиров).

Семинария в Суругадаи

Первая Православная церковь в Хакодатэ

Обложка журнала «Сейко Симпо», № 1 за декабрь 1880 г. Рисунок на обложке Ирины Ямасита

Японские катехизаторы, приехавшие в Токио (май 1874 г.).

Слева направо: Яков Такая, Павел Цуда, Иоанн Оно, Матвей Кагета, Павел Сато

Токийский Воскресенский собор в Суругадаи.
Начало строительства – март 1884 г., освящение – 8 марта 1891 г.

Русские военнопленные в Мацуяма (ок. 1905 г.)

21 марта 1880. Пятница

3-й недели Великого Поста

Утром писал речь. В семь часов Владыка потребовал, чтобы сказать, что нареченье будет в четверг следующей недели, хиротония в воскресенье. О речи: «Принято на память говорить, поэтому-то не нужно большую; ну, что в речи? Я не достоин, да надеюсь, на помощь Божию, прошу молитв, – вот вся речь; вот Воронежский Александр (Кожев) написал большую; я говорю ему – скажешь ли? Отлично выучил, скажу, – отвечает, – а Бог и наказал; начал говорить, да и забыл; он молчит, а мы сидим; я говорю ему, наконец: вытащи бумагу"… Дал крест Владимира и ленту, – ленту Анны также: «У тебя запачкана очень», – этих лент две; одна должна быть его старая – несколько поношенная; дал и панагию. – Потом пришел о. Исайя ко мне; я объяснил ему, что не смел доложить Владыке, что он (о. Исайя) уже достал мне на подержанье орден Владимира и отдал о. Исайи Владимира, занятого у Жевержеева. Условились, чтобы сегодня в Крестовой о. Дмитрий служил всенощную. – В девять с половиной пришел о. Дмитрий. В Соборе приложились к мощам Святого Александра Невского. Собирались певчие; мне очень

понравилось, что они, входя, все прикладываются к мощам Святого Александра Невского. Малютки – все, видимо, ведутся в духе благочестия. Литургию преждеосвященную совершал Преосвященный Варлаам Выборгский; я стоял на клиросе. При хиротонии о. Дмитрий вошел в Алтарь и стоял насупротив о. Димитрия – отца своего о. Дмитрия, – я и не знал, что он подоспел к этому времени (хотя о. Дмитрий говорил, что отец должен быть уже здесь, в Петербурге). По окончании служения я повел отца и мать о. Дмитрия к себе; но так как Преосвященный Варлаам пригласил о. Дмитрия, то я, отпустив его, взял его родителей и угостил их чаем и монастырским обедом; между тем пришел и о. Дмитрий. Оставив их у себя, отправился к о. Иосифу, так как он звал предварительно, сказав, что у него будут ждать меня протоиерей Яхонтов и Ишимова, писательница. Яхонтов не был, она принесла от какой-то благотворительницы двое воздухов и свои книжки. Говорунья и старуха весьма симпатичная. С о. Иосифом вкупе – двое, с которым можно провести время нескучно. Вернувшись, никого не застал дома и, так как был голоден, послал Степана за пирожками. Спал, а Степан мешал. В четверть шестого пошел в Крестовую ко всенощной; уже началась; о. Дмитрий опоздал; пришел, впрочем, еще до шести; сегодня особенно рано началась, так как рано вышел Преосвященный Гермоген. На всенощной условились с о. Иосифом, чтобы завтра он позвал к себе родителей о. Дмитрия и сказал им утешительное слово, так как мать о. Дмитрия очень плачет. После всенощной, отпустив о. Дмитрия к родителям, сходил в баню.

22 марта 1880. Суббота

3-й недели Великого Поста.

Хиротония о. Димитрия во иеромонаха

Так как сегодня и я должен был участвовать в священнослужении, то, приготовившись к служению и дождавшись о. Дмитрия, отправился с ним в Собор. Трудно было уговорить батюшку о. Дмитрия участвовать в служении, хотя он и приготовился: «Все люди важные, как я?» Доложили Владыке Гермогену; он разрешил, и иеромонах о. Владимир очень рад был отправиться раньше к своим обязанностям хлебодара. – Совершилась хиротония о. Димитрия в иеромонаха. Дай Бог, чтобы со временем совершилась и в Епископа! Я обводил его вокруг престола. При хиротонии был граф Путятин, стоявший в алтаре; я подносил ему теплоту. Вне стояла Ольга Евфимовна – бледная. По окончании от какой-то Штосс доставлена была о. Дмитрию корзина; я понес ее домой, а о. Дмитрию с родителями сказал идти к о. Иосифу, цензору. Но, пришедши потом к о. Иосифу, не

нашел их там; какая-то «святула», как выражается о. Иосиф, держала их. – О. Иосиф был очень любезен, совсем разговорил печаль матушки; сегодня она совсем не плакала; о. Иосиф подарил много книг и картин и угостил чаем, икрой, пирожками и вином; между тем и я послал его слугу за пирожками и икрой. По возвращении ко мне усадил родителей и о. Димитрия за обед и пирожки. После чего родители отправились на квартиру, а мы с о. Димитрием на выпрошенной мною пред обедней у о. эконома лошади отправились делать прощальные визиты к лицам, особенно важным для Миссии. Были у графа Путятина. Ольга Ефимовна благословила о. Димитрия образком. Граф Евгений, вернувшийся из деревни, ворчал на черный люд. – К Вере Ивановне Анненковой. Застал дочерей княгини Голициной – ее внучек и маленьких ее внучек, одна из которых очень мило читала стихи: «Ангел» (Хераскова), «Парус» и прочие; другая, ровесница дочери Марьи Николаевны Струве, читала по складам. Варвара Николаевна: «Ну, как это о. Владимир до сих пор не умеет служить?"… Рады придраться хоть к чему! – К Феодору Николаевичу. С чувством простился с о. Дмитрием. Показал письмо от Сретенского, извещающего о пожертвовании четырех тысяч на женскую школу, материи мне на рясу и прочее. – К Ивану Ивановичу Демкину. Удержал на обед. Радушие. Обед с кучею детей, причем «Московские Ведомости» со статьею о Гартмане; кисель: «клей», оказавшийся в конце очень вкусным. – Что за бремя лежит на плечах сего нравственного великана! – Жена – «в бешенстве» иногда – Боже, спаси его! – Сестру бы милосердия хоть в дом. Поговорю с Ольгою Ефимовной. Так как Владыка велел сегодня всенощную и завтра обедню служить о. Дмитрию, то с дороги я отправил о. Дмитрия домой к всенощной в Крестовую, а сам в Гостиный пошел покупать для него мироносицу, дароносицу, чемодан и саквояж; купил дорого, но вещи хорошие. – Вернувшись и отправившись в Крестовую, застал служащим о. Дмитрия. Возгласы говорил шустро; видно, что не робеет, но голосом нехорошо владеет, «певчим не был», как заметил о. Иосиф. Сегодня выносили крест; следующая неделя – Крестопоклонная. Делал это о. Мардарий. Крест всю всенощную лежал на престоле в венке. На пении «Слава в вышних Богу» священнослужащие окадили вокруг престола три раза; всю всенощную пред престолом и крестом стоял подсвечник со свечами со стороны священнослужащих. На «Святый Боже», заупокойной, при окончании, о. Мардарий взял крест на голову и при поддерживании его под руки двумя священниками (из которых один был о. Дмитрий, другой лондонский о. Амфилохий) чрез северные двери вышел и, вошедши в Царские врата, сказал: «Премудрость,

прости», – после чего певчие пели три раза «Спаси, Господи», во время которого крест был положен на аналое посреди Церкви и окажден три раза. После сего певчие запели «Кресту Твоему», и священнослужащие приложились. Затем один из священников остался при кресте, прочие вошли в алтарь, и продолжилось окончание всенощной. Еще до окончания всенощной и о. Мардарий вошел в алтарь, так что аналой с крестом остался под надзором одного церковника.

Венок, вынесенный и положенный на аналой при каждении, пред целованием снят был и внесен в алтарь. Преосвященный Варлаам при выходе похвалил служение о. Дмитрия, что он лучше служил о. Владимира, – После всенощной зашли Храповицкий и Нефедьев с предложением услуг при хиротонии. Ныне же они приходили в Крестовую, чтобы предложить услуги завтра служащему в Демидовском училище Преосвященному Филарету Рижскому, и ушли с митрой его для завтрашнего служения. Мы с о. Дмитрием отправились к Константину Петровичу Победоносцеву. Он (Константин Петрович), видимо, доволен. Выдал от. Дмитрию 150 рублей на проезд до Одессы и обещался завтра к ректору И. Л. [Ивану Леонтьевичу] прислать документ о. Дмитрию на судно. Пришел и И. Д. Митрополов. – Советовал о. Дмитрию побыть день в Москве. – Возвращаясь, расстался с о. Дмитрием для следования его на квартиру к отцу и матери.

23 марта 1880. Крестопоклонное воскресенье

(3-й недели Великого Поста).

День отъезда о. Димитрия в Японию

Утром, в пять часов, еще темно, о. Димитрий со своим братом Дионисием, семинаристом, пришел за чемоданом. Потом Дионисий принес связку книг о. Дмитрия, которые со мной пойдут. В семь часов отправился к обедне в Крестовую. О. Дмитрий под руководством игумена Мардария совершал проскомидию. Поминальниц было столько, что и я стал помогать читать, какие же неразборчивые и плохо написанные есть! Читали вплоть до херувимской. Обедню служили трое: о. Мардарий, о. Амфилохий (лондонский) и о. Димитрий. Певчие пели очень скоро и не совсем хорошо – одни большие. После обедни Владыка велел прийти о. Димитрию к себе; возвратился о. Димитрий с книгами от Владыки и отправился прощаться в город. За ним я – к Владыке спросить: можно ли мне свой наперсный золотой крест одолжить о. Дмитрию, а я за него здесь получу; ответил: «Можно, и возьми расписку»; еще просил дать билет из Духовного Собора ему до Японии, велел написать билет и дать о. Наместнику подписать и приложить печать. Велел мне также взять у о.

Дмитрия доверенность на получение за него прогонов здесь, а между тем не говорить, как он уехал, а когда-де в Синоде решится дело о нем, тогда и требовать прогоны: «Я ему дал сто рублей до Одессы, дал еще книг, чтобы дорогой занялся; служит он плохо; Евангелия читать не умеет», – промолвил Владыка; я ему ответил, что и все так начинают. О хиротонии сказал, что будет в следующее воскресенье, хотя еще не получил известия, состоялся ли вчера доклад Обер-прокурора Государю: «А обещался вечером еще прислать известие». – Касательно службы для новичков рассказал, что «и высокопоставленные люди иногда при других робеют: тульский Высокопреосвященный просил в Синоде, чтобы доклад для подписи прислали ему на дом: имя только подписать – и не может при других, рука дрожит». Сказал еще: «Да послужи почаще пред таким великим таинством: во вторник отслужи, в субботу на Акафисте также». – Встретившись с о. Наместником, шедшим к Владыке спросить, будет ли моя хиротония во вторник (чтобы заготовить стол для Владыки, если будет), и узнавши от меня, что не будет, – после чего он и не пошел к Владыке, – попросил у него билета для о. Дмитрия до Японии; он велел сказать о. Моисею, чтобы сейчас был приготовлен для подписи и приложения печати ему, – до службы, так как он служит сегодня. – К о. Моисею. Он также служащий; но «сейчас, несколько минут». – Собираясь к графу Шереметеву, снес портному приладить ордена к лентам. Орден Владимира в первый раз – для графа Шереметева сегодня надел. И все-таки не могу привыкнуть к этому украшению груди монаха красным цветом, точно надувающихся индюков хотят из нас сделать намеренно. Когда кончится это крестопоклонное варварство! И моя грудь, не бесчестная к службе, украсилась цветами. Спасибо, конечно. Но гораздо лучше было бы. если бы не бесчестная служба была у нас таким обычным явлением, что на нее никто не обращал бы внимания и не отмечали бы ее красным цветом. «Красное» в диво в России, видно! В ту и другую сторону можно понимать. Э-э-эх! – К графу Шереметеву в Церковь поспел в начале литургии. Служил батюшка, отказавшийся плыть на «Нижнем Новгороде», вследствие чего и состоялся неожиданный отъезд о. Дмитрия. Пели «Херувимскую» и особенно «О Тебе радуется» так, что нигде в России и целом свете не поют лучше. Век бы слушал «О тебе радуется». Голоса – по мелодии – ни одного звука негармоничного, по силе, кажется сильнее и нет, по искусству пения – совершенство современного периода пения. Ломакин, управляющий хором, – истинный артист. Хор Шереметевский – это истинно какой-то дивный музыкальный орган со всеми невообразимо совершенными педалями и регистрами. – Платит певчим он от 500 рублей

до 1000; поют только когда семейство графа здесь; летом свободны. – После обедни раскланялся с графиней. Графа Сергия не было – нездоров; Александра тоже не было. Графиня позвала к себе. Множество шлейфов. Графиня Шереметева Московская, встреченная десять лет назад, у Гавриила Ивановича Вениаминова. Помогла выпутаться из шлейфов, приложиться к кресту и пробраться в комнаты. Были: дочь Марии Николаевны – Великой Княгини, которую, впрочем, не узнал (которая – сказала Московская графиня), какие-то молодые девицы и несколько пожилых, дети графа Сергия, Шульц (товарищ Бюцова) и старый граф, который играл роль Даде при первом японском посольстве – Такеноуци, Самоцкеноками. – Когда сидели и говорили до завтрака, доложено было, по приказанию графини, что я пришел благодарить Александра Дмитриевича за его великолепное пожертвование – двадцать тысяч; оказалось, что он занимался в это время с учителем. Скоро, однако, вышел. Совсем мальчик – кадет. Я поблагодарил. Потом мы, ходя в соседней комнате, разговаривали. Очень резонный и сочувствующий православию: «Если бы Японский Император обратился». Я обещался писать ему об употреблении его двадцати тысяч, а также об успехах православия в Японии. Вообще, это – милое дитя. Дай Бог, чтобы он не испортился. А сколько искушений. Кому из юношей приходилось выслушивать хотя бы такие благодарности, какие сегодня я говорил ему! И человеческая натура защищается от порчи: он отвечал: «Да что же, это ничего…». Прискорбно, что у таких умирают отцы и матери раньше срока (едва ли пределом, положенным в Священном Писании). Английскими бы лордами им быть, хранящими честь своего отечества и поставляющими свою честь в служение ей! А будет ли? И я хоть на волосок заинтересован теперь в этом. Как мое сердце стремится к этому доброму юноше Александру Дмитриевичу, на помощь ему против соблазнов! – Скоро он ушел заниматься. – Мы пошли завтракать. Дети тише вошли, и я сказал графине, что в прошлый раз, когда они бурею ворвались, было эффектней. Подавали постное и скоромное. Постное было – жареная осетрина и белые грибы с рисом; то и другое очень вкусное, и я свободно завтракал, не считая себя обязанным болтать все время, хотя и рассказывал об осьминогах и каракатицах и больших японских реках. Питье – вода и квас; в рюмки наливали херес, потом красное. Пред завтраком закуска. – После завтрака, все, по русскому обычаю, благодарили графиню. Прежде и после все молились. Детям помешали рассыпаться по комнатам, о чем я сказал московской Шереметевой, а она графине. Кофе, за которым графиня велела всем детям подойти под благословение, так как я предварительно

говорил о прошлом разе, когда они – кто не подвернется – просит благословения. Самый младший, толстый мальчуган, на лошади в Японию. За кофеем сказали, что граф Сергий Дмитриевич, больной, желает меня видеть; между тем старый граф не переставал рассказывать об японцах: уголь на живот, мускусные пилюли от опьянения, – наперед заготовленные в неводе шесть форелей и «сасими» из них, отобрание ключей от комнат японцев. – Граф Сергий – расцеловался и сказал, что, «если нужно что, чтобы писать ему, а он доложит Великому Князю (наследнику); что – очень желательно, чтобы Японский Император принял православие». Трость с золотым крючком в руках. – Он и больной очень мил и красив. Доложили, что Титов желает войти к нему; я вышел. – Предложение графинь Шереметевых – о пожертвовании шлейфа на саккос[35] и прочее. Просил написать и меморандум об историческом платье и сказал, что и в Японии оно будет храниться как историческое. Графиня, супруга графа Сергия, просила известить о времени хиротонии, – хочет быть при этом. Московская графиня Шереметева все время была весьма любезна; супруга Сергия Дмитриевича сказала, что у нее есть небольшое денежное пожертвование, рублей сто; обещался после когда-нибудь вечером (часов в семь) быть и взять. Московская Шереметева проводила до лестницы. В Москве обещался быть у нее. – Был, между прочим, гвардеец – внук Высокопреосвященного Иннокентия – Ваня. На обратном пути заехал к графу Путятину, отдать графине Ольге Ефимовне просфору, вынутую сегодня о. Дмитрием – знак первой совместной с ним молитвы за нее и все семейство графа. Граф Евфимий Васильевич был очень весел и дал икону для о. Дмитрия и даже надписал ее. Тут же были княгиня Орбелиани (знаменитая пленница) и бывшая сестра милосердия в минувшей войне на Кавказе. Ужасы об обледеных раненых, о рубашке, заскорузлой от пролитой крови, возвращаемой казаку после выздоровления и оттираемой им, о невыдаче своего собственного белья и денег. – Вернувшись домой, снес на подпись Преосвященному Варлааму дело о рукоположении им о. Димитрия в диаконы и после отнес дело к о. Моисею; у него землячка Богоявленская, акушерка из Родовспомогательного заведения, – рассказы про труды и обмороки молодых учениц. – Студент Вихров приходил известить, что билет о. Дмитрию у секретаря Правления, – это значит, обещанный вчера Победоносцевым. Дионисий – и совет собрать ему в одно место все вещи о. Дмитрия. О. Иосиф – на пути к Василию Яковлевичу Михайловскому, – которому я раньше послал телеграмму с поздравлением с Ангелом и известием, что не могу быть у него сегодня. – В восемь часов – о.

Дмитрий; подписал доверенность, расписку в получении креста и в займе у меня 1000 рублей. Я сдал ему дароносицу с заранее взятыми мною у о. Севастьяна из Благовещенской Церкви Святыми дарами, билет от Духовского Собора и письма к о. Сретенскому в Москву и о. Анатолию. О. Александр Сыренский с илитоном и вязаным покрывалом; подоспел к проводу, не чая. – В Академию – проводить о. Дмитрия. Студенты сердечно провожали, пропели «Спаси, Господи» превосходными голосами и горячо расцеловались, просили меня беречь о. Дмитрия, долго ждали в комнате и внизу извозчиков. Я взял для доставления после книги от Аполлонии Черкасовой. Отец о. Дмитрия – у подъезда Академии, с открытой головой, ловящий поцеловать руку, в просьбе беречь его сына. Никогда не забуду этого момента. Я ответил, что о. Дмитрий не менее дорог теперь и мне, чем ему. Было всего три извозчика, и за множеством вещей невозможно было ехать проводить, поэтому распрощались здесь, у крыльца Академии, чтобы встретиться в Японии. С о. Сыренским прошли Лавру и простились. Он все настаивал, чтобы о. Димитрий взял его теплую рясу. Какой он истинно добрый! – Студентам говорил в комнате: «Не желает ли еще кто?» «Трудно-де, – отреченье от мира страшно».

24 марта 1880. Понедельник

4-й недели Великого Поста

Проспавши утром до семи часов, стал писать речь и принялся переписывать, надеясь кончить хоть завтра, так как речь до сегодняшнего утра была в отрывках. Пришли от о. Исайи спросить о теплой рясе его, одолженной Дмитрию Дмитриевичу, и ныне неизвестно, где находящейся. Обещался узнать у брата – Дионисия. Пришел А. [Александр] Сергеевич Бирюков, болтун, имеющий, как видно, страсть к вмешательству в духовные дела. Сказал, что спешу кончить речь к вечерне, и полчаса лишь потерял. Пришли в два часа Андо и Петров-Батурин, азиатский сотрудник «Голоса», согласно вчерашнему извещению Андо. Батурин, может, и способный публицист – не знаю, является порядочным самохвалом: «Биконсфильд, если бы знал его, не знаю, что сделал бы» (повесил бы, подсказал простодушный Андо), «Чунхоу из-за меня казнится – я внушил ему, Кульджа вся не может быть уступлена, а прежде он высоко держал голову», и прочее. Известил Батурин, будто уже двадцать тысяч регулярного китайского войска вторглось в пределы Владивостока, – соврал, нужно полагать. Вообще, после нескольких минут возвышенного разговора о себе как-то опустился. Угостил чаем и портвейном. – Таким образом, было мало помех, и речь поспела к вечерне. Понес к Владыке. Еще рано было; между тем пришла огромная почта ему – и газеты,

«Московские Ведомости» и провинциальные епархиальные, и письма. – Я удивился, что так много приходит; а мне ответили, что в день шесть раз приходит такая почта. Господи, когда же он успевает читать и делать все! А успевает! Никто не жалуется на застой дел. И при этом ему 80 лет. – После унесения почты сейчас же позвали и меня. Подписывал что-то, потом, зажегши в спальне восковую свечу, запечатал и, ушедши позвонить вместо того, чтобы велеть мне сделать это, так как и удобнее было, отослал пакет. «Почитай, что написал», – обратился ко мне. Я стал читать. Кое-где – небольшие литературные заметки («текущая» пресса – «настоящая», значит), но вообще слушал речь с видимым удовольствием; никогда не видел такой смеющейся его физиономии. Во время чтения заходила речь о католиках, по поводу корреспонденции о. Владимира, что мой портрет казнили; я рассказал, что видел здесь одну карточку казненную с надписью. «А как это у вас там христиане уважают Конфуция до вешания его изречений на стенах?» О. Владимир не сумел объяснить в корреспонденции японских «гаку». – По окончании чтения сказал, что нужно докончить речь, а то слишком обрывисто кончается, – «удалился от предмета; нужно выразить надежду, что-де многолетний опыт"… – «Вы изволили сказать однажды, что моя надежда на обращение Императора – гордость, я очень ценю Ваши слова, поэтому-то о надеждах тут мало». – «Да надежда не есть уверенность», – и прибавил: – «Такая большая речь не может быть сказана наизусть, придется по тетради, а то выйдет то же, что с Воронежским Митрофаном, а у него и речь была небольшая», – и, смеясь, стал опять припоминать. Я сказал, что постараюсь выучить. – Наречение будет в четверг, хиротония в воскресенье: «Сегодня и указ подписал». Касательно места: «Народ желает, чтобы в Исаакиевском Соборе происходили посвящения, потому что любит церковные церемонии; но нам трудно; туда покуда едешь, устанешь, оттуда еще больше». Значит, в Лаврском. – Сегодня на всенощную и завтра на литургию назначен был служить, в чем и расписался – Встретили у входа Преосвященного Гермогена; было шесть архимандритов и четыре иеромонаха. Служба сегодня на всенощной и завтра Обедня особенно торжественная, так как в Лавре праздник – престольный в Церкви Благовещения (около Духовской). Было – Великое повечерие, утреня и 1-й час (без кафизм). Великие поклоны с молитвой Святого Ефрема Сирина были по три после утрени и 1-го часа. Священнослужащие выходили на литию в мантиях и клобуках, на «Хвалите» – в ризах и митрах. Великое славословие сегодня по уставу читали. Целовали образ Благовещения, Евангелия не оставляли на аналое. Высота благолепия постирается до того,

что для открытия сосудов освящения выходят два иподиакона. Преосвященный окадил весь Собор; в это время певчие пели «Архангельский глас» – первое – трио из маленьких, второе – всем хором тоже – бесподобно. Монашествующие – тоже недурно. – Слезы печали подступали к сердцу – я стоял почти последний раз в числе братства: скоро придется стать одиноким – на кафедре: легко ли это? – За всенощной был и Бирюков со своим сыном, одиннадцатилетним Евгением, славным мальчиком; я показал ему делать правильный крест, и он после преусердно исполнял; в девять часов я убедил отца повезти его, почти спящего, домой. Всенощная кончилась около половины десятого. – После Иван от Путятиных привез корзинку, где пояс работы Ольги Ефимовны с крестом, варенье, херес, зеленый чай и жареная рыба. Что за заботливость!

25 марта 1880. Благовещение. Вторник

4-й недели Великого Поста

Вставши и приготовившись к служению, отправился в Собор. Смешение Предтеченского с Образцовым (первый, не оборачиваясь: «Мы родные братья», когда я и не назвал Образцова – сходство лысин замечательное). При облачении досада на ордена; лента Святого Владимира никак не хотела укладываться, как ей следовало; пришлось обратиться чрез посредство ризничего к его митродержцу и вместе портному. Служба торжественная: Митрополит и два викария его (в Исаакиевском Соборе литургию совершал Рижский Преосвященный Филарет), – восемь архимандритов и четыре иеромонаха (четвертый был, впрочем, не иеромонах, а возводимый в сан протоиерея – Предтеченский). После литургии молебен Пресвятой Богородице. По окончании службы все отправились в монастырскую трапезу. Об этом еще раньше было предуведомлено: в книге расписания на службы архимандритов замечено было, что после службы оо. архимандриты приглашаются в трапезу. Был и новопроизведенный о. протоиерей. Сам Владыка Исидор пришел в трапезу и в архиерейской мантии восседал на первом месте; по левую руку его – два викария, по правую – Филарет Рижский, около него – мое убожество, о. Иосиф, цензор и прочие. Напротив Митрополита – Наместник. Стол был рыбный, официантский, – превосходный, конечно. – О. Иосиф сострил, начав давать наставления через стол о. архимандриту Макарию (очередному): «Вот Вам не нужно писать устав для Б. (забыл, какой, – монастыря, управляемого им); стоит только описать сей стол, а чего недостанет, то требовать от Святейшего Синода». Владыка Исидор побуждал о. Наместника угощать. Филарет все время прислушивался к нему, и к другим – ни слова. О. Арсений, иподиакон (что о

Преосвященном Павле Кишиневском – ляск по лысине) громогласно читал превосходнейшую вещь (кажется, проповедь Митрополита Филарета); в заключение подошел принять из рук Владыки рюмку хересу, которую тут же и выпил, поцеловал прежде и после руку Владыки, – я заметил: «Начало положено», на что о. Арсений улыбнулся. – За жарким тосты – сначала о. Наместника – за Владыку, потом Владыка за «гостей братии и за процветание обители». Тосты пились шампанским. – Нужно заметить, однако, что стол не везде был тот же, как там, где сидел Владыка и главные монахи; на двух продольных – длинных столах – вина были хуже, стерляжьей ухи не было, как после объяснил о. Моисей, сидевший за главным столом и просивший все «лафиту». – После обеда с очень обременным желудком я отправился к Феодору Николаевичу; долго прождал его, беседуя с Ольгой Петровной и больным Колей; поговорил потом с ним (он назначен на производство в протоиереи в следующее воскресенье; Владыка: «Он об Японии заботится"…). От него отправился к Путятиным; поблагодарил Ольгу Ефимовну за присылку угощения и тотчас же, так как поздно было, простившись, отправился к Тертию Ивановичу Филиппову. Сей муж принял весьма любезно; переоделся из халата в сюртук, расцеловался трижды и в беседе посетовал, что, по случаю наречения в Епископа, нет обеда: «Ведь это торжество Ваше; следовало бы Митрополиту догадаться и сделать обед на счет Лавры; не кусок рыбы дорог, его можно купить и в трактире, но взаимное преломление хлеба"… Прав и он, не неправ и Митрополит. «Существенная» – то польза какая, хотя удовольствие и есть? – О том, что его прочат в городе, в речах духовенства, в Обер-прокурора, заметил, что «полезно было бы (ему быть), хотя бы для того, чтобы унизить званье Обер-прокурора"… Правда и это. Но малость подозрительно, не будет ли он Обер-прокурор с некоторыми особенностями (хотя бы насчет Греции и прочего)? – Вернувшись, поспел к десяти часам.

26 марта 1880. Среда

4-й недели Великого Поста

Написал в день тридцать два письма к разным лицам, просившим известить о времени наречения и хиротонии, так как вчера принесли из Синода официальное уведомление, что наречение назначено 27-го, а хиротония 30-го марта. Немного помешали: Адам Петрович и Софья Гавриловна Чеботаревы, приезжавшие сделать визит, объяснить свой брак и пожаловаться на Ал. Ал-ча [Александра Александровича], что он сердится. Письма в два приема приготовил и отнес сам в ящик насупротив монастыря. После того, вечером, зашел к о. Исайи расспросить порядок

завтрашнего наречения; пришедшие к нему две монахини помешали ему войти в подробности. – Вернувшись домой, думал, никто больше не придет, разделся и приготовился заканчивать речь, как вдруг – сначала протоиерей о. Дмитрий Соколов – Марьинского дома, с адвокатом насчет А. Н. [Александра Николаевича] Виноградова, потом священник о. Александр Сыренский с жертвовательницею ста рублей, обещавшей еще пожертвовать и сосуды. Долго сидели – наконец, Дмитрий Павлович прежде, те после, ушли около десяти часов вечера.

27 марта 1880. Четверг

4-й недели Великого Поста

Утром готовил речь; еще на постели два раза на память прочитал, вставши – третий; потом дописал речь, переписал остаток в свой экземпляр и, призвавши переписчика, дал переписать в приготовленные два экземпляра. – Заходили граф Путятин с о. Амфилохием и, не мешая мне, потолковали о каких-то своих делах. – Еще прежде того, в семь часов, призвал Владыка и насчет речи велел иметь ее наготове, чтобы, если нужно, тотчас же развернуть и читать; велел также произносить, не торопясь. В одиннадцатом часу пришел племянник Сергий, и в половине двенадцатого мы отправились на нареченье в Святейший Синод, которое имело быть в один час, в карете лаврской. В Синодальной Церкви подождали до часу. Собралось много – посмотреть нареченье и послушать речь; из светских: Корнилов, Семенов, Саблер, Розен, Коссович, Гильтебрандт (П. Анд. [Петр Андреевич]) и прочие, из духовных: Яхонтов, Быстров, Демкин, архимандриты и прочие. Во время наречения неудобное – ходить вокруг стола к членам Святейшего Синода, чтобы по порядку получить благословение; трогательное – как старцы иерархи поют молебен. Речь сказал довольно исправно, и она публике, по-видимому, понравилась. Поздравления, встреча с П. А. Благовещенским. Отъезд в карете с товарищами к Феодору Николаевичу (с Демкиным, Никит. [Никитиным] и Благовещенским). Обед у него. – Я рассказал И. И-чу [Ивану Ивановичу], как сегодня утром Митрополит спрашивал, не имею ли я в городе кого пригласить на обед, и я указал на него и защищал его от предубеждения против него Митрополита. И. И. опрокинулся на меня же: «Зачем-де?» – На обратном пути завез экземпляр речи в редакцию «Голоса», другой – опустил в ящик на имя Каткова в Москву. Домой пришедши, сходил в баню.

28 марта 1880. Пятница

4-й недели Великого Поста

Утром пришел ризничий о. Митрофана с поздравлением, потом о.

Исайя – сказать, что Владыка в воскресенье о. Демкина приглашает на обед. Я взялся свезти к нему приглашение. Поехал к Феодору Николаевичу. Он был в Церкви, исповедывал; мы с Ольгой Петровной раскупорили ящики из Москвы, где, между прочим, отличнейшие воздухи, там же шелковая материя на подрясник, цепочка и ложка от Калининой; ложку я тут же подарил маленькой Людмиле. Пошел потом к обедне в Инженерном, застал половину. – Пообедавши у Феодора Николаевича и прочитавши два экземпляра речи и проверивши, отвез одну в редакцию «Нового Времени», где не взялись всю напечатать, а обещались выдержку, другой экземпляр – в редакцию «Церковно-Общественного Вестника». Встретил Ивана Михайловича Павловского, товарища по Семинарии о. Владимира. Поповицкого не застал; он бывает дома по вторникам, четвергам и субботам. – «Речь будет напечатана», – сказал Павловский. – К Демкину; он был в Церкви и исповедывал; не дождался; с детьми напился кофе; Митя распоряжался; о приглашении Митрополита написал записку, оставил ее и ушел к Махову Ивану Васильевичу. Сам он – курьезный тип выдохшегося любителя и знатока Японии, немало эксплуатировавшего именем ее (карта, монеты). Семейство порядочное; просидел и проболтал об Японии часа два; старшая дочь – Наташа, гимназистка, подарок нашим ученицам обещалась послать. К десяти часам вернулся домой.

29 марта 1880. Суббота

4-й недели Великого Поста

В одиннадцать был на Акафисте; служил Преосвященный Варлаам; я сослужил. – После, попросив лаврскую лошадь, посетил графиню Ламберт, генерала Лошкарева, с ним княгиню Багратион; на минуту Путятиных, Кованько и вернулся к всенощной домой; заезжал еще к Маденокоодзи, так как и он просил известить, когда хиротония. На всенощной был в Крестовой. После с Путятиными зашел к о. Амфилохию. О. Митрофан между тем озабочен был достать где-нибудь мне на завтра цветную рясу и у ближайшего о. протоиерея достал.

30 марта 1880. Воскресенье

4-й недели Великого Поста.

День хиротонии[36]

В восемь часов исповедался у о. Ираклия. В половине десятого в Соборе. В алтаре, между колоннами, увидел улыбающегося Ивана Ивановича и серьезного Феодора Николаевича, первого в синей рясе, второго в темно-кофейной. – Много приветствий. Преосвященный Гермоген: «Сегодня на вашей улице праздник!» – Вона! Подробности

посвящения, думаю, не забудутся; притом значатся в книгах. Что до чувств, то вообще, так как я утратил, по-видимому, способность робеть, то воспринимал слишком хладнокровно, даже обидно для себя… Быть может, робость была бы причиною более глубоких чувств. – Впрочем, во время совершения самого Таинства Хиротонии, – чувства, кажется, без воли человека одолевают его: глаза делаются влажными, душа смущается, все существо под влиянием десниц восьми иерархов, как было сегодня, чувствует претворение. Встаешь совершенно иным, чем опускаешься на колена пред престолом – невольно должно сознаться в этом. Молился я, как всегда, о просвещении сей страны светом Евангелия и прочем… Пусть я – ничтожество, и пусть я был недостойный, но я не должен забывать (и да послужит это утешением и поощрением в трудные минуты в Японии), что в алтаре было совсем тесно от народа, на солее – тесно, что благодаря нынешнему посвящению Епископа для Японии. Много звезд, много нежных дам, как графиня Шереметева (по окончании службы даже протолкавшаяся между народом и получившая благословение). Корнилов, Семенов, Саблер, Коссович, Бычков, Цивильков. – За обедней Феодора Николаевича сделали протоиереем. – Замечание Ивана Ивановича об удержании меня Митрополитом на месте, когда не мне нужно было осенять, а Варлааму, в репдане[37] – к этому – за обедом заметили, как Владыка представляет – и пьяненький иногда в Пасху просит благословения… После литургии Владыка, вручая жезл, выразил: «До конца жизни, мол, служи взятому на себя делу и не допусти, чтобы другой овладел твоим венном». – Да памятуется это мне в Японии всегда среди раздумья, на улицах, на покое, или полях Маебаси и проч. Там нам иногда кажется, что «вот-де мы родину бросаем"… А здесь нам говорят: «Бросаете, так пусть это не будет беспутно». – После обедни и вручения жезла и благословения на все четыре страны с амвона – долгий труд благословения всех желающих принять благословение. – Знал я, что члены Святейшего Синода и Митрополит ждут к обеду, но не мог бросить без благословения всех, жаждавших принять его, ибо и здесь были, конечно, проголодавшиеся или такие, которых дома ждут… С друзьями целовался. – Из дам, между прочим, была графиня Шереметева (к удивлению, что такая нежная и решается выносить такую давку). Когда пришел в залу Владыки, где ожидали все архиереи. Владыка Исидор шутливо заметил: «А я думал, что вы ушли в Японию», – и тотчас же закусили и сели за обед. Садились, по-видимому, случайно, но вышло все по порядку. Было за столом двенадцать человек: Владыка Исидор, Митрополиты Филофей и Макарий, Вятский Архиепископ Аполлос, Рязанский Палладий, Рижский

Филарет, которого нарочно задержали по случаю хиротонии его викария (а он приезжал в Петербург, как говорил сегодня Чистович, в апреле, по поводу недоразумений с попечителем учебного округа), викарии Гермоген и Варлаам, протоиереи Быстров, Демкин и о. Наместник, сидевший супротив Митрополита. Наместник уж на что говорун, а и тот не имел возможность что-либо сказать, так Владыка хорошо исполнял обязанность хозяина, и это несмотря на то, что он простудился, когда ехал на наречение. За столом вначале, между прочим, о Миссии и о том, что семинаристы наши прислали ему письмо, вчера полученное. Не доверяет, что это было их письмо. – «Вы может, скажете, что у вас есть Цицероны». – Вернувшись в Японию, увидим, кто составлял письмо к Митрополиту; думаю, что это не подлог, а подлинное письмо именно семинаристов. Вернувшись от обеда, застал у себя разных поздравителей, между прочим – Дионисия Смирнова, который просидел дольше всех, с простодушием семинариста. Получил пять или шесть телеграмм с поздравлениями; между прочим, письмо от генеральши А. В. Лукьянович, не могшей быть на хиротонии по болезни, с куском материи на рясу – голубой. Побыл на всенощной, так как завтра Владыка назначил служить в Крестовой раннюю обедню. За всенощной о. Макарий уставил за жертвенник, в приделе Святителя Тихона, – на орлец, – как у них – крестовых, митрополичьих, – все благообразно и по чину! – После всенощной был Сыренский с иконами, пожертвованными от разных лиц. – Еще – Петр Лебедев с нотами.

31 марта 1880. Понедельник

5-й недели Великого Поста

В семь часов утра Сережа в стихаре пришел, чтобы сопровождать в Церковь; в Церкви встретили иеромонахи и диаконы. Под руководством архидиакона Валериана, диакона Николая Михайловича и других обедню отслужил и без смущения, и в порядке. – После обедни с просфорой к Владыке Исидору; принял в рясе и звездах; по болезни не мог быть в Церкви. «Что, не смущался, служа?» (Ну этого-то за мной не водится) – «Не нужно торопиться, притом, нужно придавать выраженье словам: например, „Призри с небесе, Боже“, – иные говорят, точно по книге читают, ну, и не хорошо, а здесь молитва». – Благословил ехать в Москву для сбора пожертвований: «Служить и там можно научиться; там только скорей служат»; на Страстной там тоже можно остаться – самое время для сбора. Я поблагодарил Владыку за все и простился, чтобы ехать в Москву. Вернувшись к себе в комнату, нашел графа Евфимия Васильевича Путятина и Ольгу Евфимиевну, купца с 200 рублями пожертвования,

живописца Фролова и целую фалангу поздравителей – нищих и прочих. Посуетился, пока разменял деньги и очистил дефиле[38] от поздравителей. Графа и купца угостил чаем. – Когда ушли гости, попросив лошадь у о. эконома, отправился в город благодарить членов Святейшего Синода. – Высокопреосвященный Макарий Московский весьма любезно велел в Москве взять три новых священнических облачения из заготовленных им куда-то, а когда вернусь в Петербург, дать еще здесь одно архиерейское, велел в Москве побольше служить и пожелал, чтобы Москва дала больше денег. – Высокопреосвященный Филофей Киевский крепко обнял и весьма приветливо обещал молиться: «Грех будет нам, если не будем молиться, – вот о вашем деле, о Преосвященном Несторе"… Оба Владыки позволили в Академиях искать сотрудников. – Побыл у Вятского Высокопреосвященного Аполлоса, старик болен был, но ласков, – у Ивана Васильевича Рождественского, – у него только что пред тем был Ковригин, и Иван Васильевич роптал на Высокопреосвященного Исидора, что он «что уже заберет себе в голову, то не выбьешь»; был у Василия Борисовича, старец тоже благодушно принял; у графини Ламберт; у графа Путятина, застал Ольгу Евфимовну, которая была рада; графа Евгения Евфимовича, который звал к себе на ночь меня. Хотел прийти на ночь ко мне, чтобы рассказать разные неприятности, я отказался, так как решительно нет времени, да и бесполезно для него, все равно ничего не переменить. С ним доехали до Инженерного замка, он отправился на почту, я – к Феодору Николаевичу, который со всем семейством взял благословение. – К А. Вл. [Александре Владимировне] Лукьянович, застал там и жениха А. [Александры] Николаевны, полковника Авинова; «Он помогает моей живописи тем, что не мешает"… К Преосвященному Рязанскому Палладию – «должок мой» – и отдал пятьдесят рублей, подписанные им на храм. – В Новодевичий – матушки встретили очень приветливо; только весьма жаль, что мать Аполлония больна, простудилась, просила руки возложить на нее и благословить… Певчие, собравшиеся в это время на спевку, пропели «исполла"… Поздравительная телеграмма от брата Василия.

1 апреля 1880. Вторник

5-й недели Великого Поста

Сегодня нужно было сделать визиты ко всем важным чиновникам по Духовному Ведомству. До выезда написал бумагу в Хозяйственное управление с просьбой, чтобы там собирались все суммы из разных мест в Миссию из Хозяйственного управления. Отправился сначала к Обер-прокурору, расписался, – к А. Гр. [Андрею Григорьевичу] Ильинскому –

передал прошение, – к Чистовичу – дал свою карточку, а с меня взял японскую подпись на книжке своего сына – очень не любит говорить о своей «Психологии». – У Платонова, Вощинина, Остроумова, Ненарокомова – расписался, – у Расторгуева – жену видел. – К графу Путятину, – видел там и княгиню Орбелиани, которая хотела быть у меня, чтобы получить благословение. Простился с ними для поездки в Москву – проводили до низу. Графа Евгения и Марьи Евфимовны не было – уехали по делам в Новгородское имение. – К о. Иоанну Демкину – ему же привез и ненужные теперь, ибо тепло, – его меховую рясу и бобровую шапку, и драповую рясу; пообедали; он рассказывал о жене, как она теперь каждый день в припадке бывает, что воображает, что «у нее кровь выпускают». – Хорошо, что Иван Иванович привык благодушно нести свой крест. – Вернулся пораньше домой, чтобы, собравшись, сегодня же отправиться в Москву; но к курьерскому поезду опоздал по неведению; с пассажирским же о. Исайя отсоветовал ехать, ибо много времени в дороге теряется. Кстати же завтра – сделать и недоконченные нужные визиты. Вечером скучно было и хотелось курить, а между тем – бросил с воскресенья: более чем двадцатилетнюю привычку не легко бросить, и только с помощью Божией можно сделать это. Епископу же, конечно, курить ни в каком случае нельзя.

2 апреля 1880. Среда

5-й недели Великого Поста

Утром долго гулял по новому кладбищу – утро было чудно ясное. Кажется, хорошее действие некуренье – то, что, по-видимому, зрение становится лучше. – К Обер-прокурору – сегодня у него приемный день – ласково принял, упомянул, между прочим, про гимназиста Нефедьева, что он в Святейшем Синоде после наречения сказал ему (графу Толстому), что и он (Нефедьев) будет миссионером. – В Михайловский дворец – поблагодарить Великую Княгиню Екатерину Михайловну за Священные Сосуды, – застал ее за Преждеосвященной литургией и после, тут же, в Церкви, поблагодарил; она промолвила что-то сегодня, – я сказал, что уезжаю сегодня в Москву, – она сказала, что, когда вернусь, надеется увидеть. – В книжный магазин «Нового Времени», купил Минаева «Очерки Цейлона» для чтения дорогой в Москву. К Великой Княгине Анненковой – не застал, – тут же на Сергиевской встретился с о. Н. Ковригиным, – к о. Димитрию Яковлевичу Никитину; видел у него мою речь, напечатанную в «Церковно-Общественном Вестнике». Он и матушка обласкали и угостили закуской. Он показывал анонимное письмо по поводу его воскресных бесед; вообще, прекрасно ведет дело, и славный

священник, с влиянием. К графине Орловой-Давыдовой – пожертвовала еще на храм 600 рублей, – 500 от себя, 100 – достала от знакомой; сказала, чтобы я потребовал от всех ее племянниц – от кого икон, ибо пишут хорошо, от маленьких – воздухов их шитья, что и сделал, когда они собрались. Старый граф Орлов и Петр Александрович Васильчиков также были. – Графиня Марья Владимировна сказала, что она нашла женщину для присмотра за детьми Ивана Ивановича и что она теперь ждет, чтобы с нею поговорили; по поводу сего я поехал к графине Ольге Евфимовне, потом к Феодору Николаевичу, которого, долго прождавши, привез к Ольге Евфимовне и, наконец, уехал к себе, чтобы собраться в Москву. У себя застал, между прочим, приглашенье Великой Княгини Екатерины Михайловны сегодня на обед к ней; теперь-то стало понятно для меня ее «сегодня»; но я не мог быть на обеде – отказался уже; и потому написал Саблеру и Соколову, чтобы они извинили меня пред Великой Княгиней. Первому написал еще, чтобы он исходатал вместо этого обеда другой, когда вернусь, о чем тотчас же тогда извещу его. – Более ценные вещи из моей квартиры переслал на храненье к о. Исайи, расплатился со Степаном, слугой, который порядочно надоел мне и глупостью, и ленью (в месяц ему по 10 рублей, с его пищей). К семи часам был на Николаевском вокзале; взял билет второго класса. – Дорогой – кондуктор: «Не вас ли спрашивает один господин, в первом классе, худой, бледный»; я отделывался незнайством; но господин, наконец, при одной остановке сам подошел ко мне: «Мне нужно видеться с Епископом Николаем, не доставите ли мне случай». – «С кем имею честь?» – «Владимир Соловьев», – а его карточку я сегодня же нашел у себя на столе; я очень обрадовался знакомству. Он едет в Москву на полугодовое поминание своего отца историка Соловьева, имеющее быть послезавтра, 4 апреля, и потом возвращается в Петербург, где в следующее воскресенье, 6 апреля, у него диспут на доктора философии, защита диссертации: «Критика отвлеченных начал». Ему о чем-то нужно поговорить со мною, что и условились сделать в Москве. Путь до Москвы был покойный и благополучный.

В Москве

3 апреля 1880. Четверг
5-й недели Великого Поста

В одиннадцать часов прибыли в Москву. Я отправился прямо на Саввинское Подворье, по предварительному приглашению Преосвященного Алексея, Можайского Епископа. – Он был на литургии; надевши панагию, я пошел тоже в Церковь, оставив саквояж у швейцара. Преосвященный Алексей уступил свое святительское место. Что за любезность! – После службы и чаю он дал мне карету для визитов; я отправился к Преосвященному Амвросию в Богоявленский монастырь. Он тотчас же подарил панагию, прекраснейшую, московской работы, и пригласил в три часа обедать. – К Г. Г. [Гавриилу Григорьевичу] Сретенскому, сотруднику. Встретила сестра его; рассказала про о. Дмитрия, как, между прочим, у него вытащили кошелек и двадцать рублей, – хорошо, если так, не больше ли? Вернулся с урока о. Гавриил, советовал, но многословно и с перебежками от предмета к другому. – Заезжал к А. Н. [Андрею Николаевичу] Ферапонтову и В. Д. [Василию Дмитриевичу] Аксенову – не застал их. У Преосвященного Амвросия обедал ревизор Лебедев (Смоленский уроженец, – прежде профессор Педагогического института). За обедом, между прочим, Преосвященный удивил меня: «А вы хитрый – хотите, чтобы вам 23 тысячи Миссионерское общество давало серебряными рублями». Вот тебе и раз! Москва дала маху, а я и не думал хитрить; у меня ясно значится везде – «серебряными рублями». – Побыл у Благоразумова, ректора Семинарии; просил порекомендовать баса и тенора из окончивших курс; обещал. У М. Н. [Михаила Никифоровича] Каткова; он поседел; ласково расспрашивал, он и его друг, бывший в кабинете; обещался напечатать в «Московских Ведомостях» о моем приезде в Москву, о чем я попросил его; вспоминал он про о. Владимира – тоже ласково. – К А. М. [Александру Михайловичу] Иванцеву-Платонову – дома не застал; к о. Николаю Лаврову, на Спиридоновку, – встретил старца выходившим к больному. – Вернувшись, застал у Преосвященного Алексея философа Владимира Сергеевича Соловьева и профессора Павлова. – Первый спустился со мною ко мне, чтобы интимно поговорить, и удивил меня, сказав, что хочет постричься в монахи и на первые годы просится пожить в Миссии, – будет полезен в это время преподаванием в Семинарии, – Я прямо стал отсоветывать ему монашество на том основании, что и для Церкви полезней, если он. стоя

вне духовенства, будет писать в пользу Церкви. – Побуждением к монашеству он выставляет «слабость характера своего» – тем более ему нельзя быть монахом. – Вообще, эта личность весьма яркая и поражающая, – смотрит истинным философом, довольно мрачным: ему всего двадцать семь лет. – Он поспешил кончить разговор, потому что пришел о. Гавриил Сретенский, – сей принес книгу адресов купцов и посоветовал кое-что. По уходе его я пошел наверх к Преосвященному Алексею и застал еще там его приятеля – канониста Лаврова, а когда и сей раскланялся, то Преосвященный Алексей с московскою угостительностию заставил меня плотно поужинать, хотя есть не хотелось, после чего не оставалось ничего делать, как лечь спать, что сделал я, однако, перебравшись с подушками и одеялом на диван, ибо в матраце заметил хозяев, которые стали бы угощаться гостем.

4 апреля 1880. Пятница

5-й недели Великого Поста. В Москве

Погода была скверная – дождь со снегом. Я в пролетке отправился к О. П. Тюлееву – дома не застал, – оставил фотографии храмового плана, – к Василию Дмитриевичу Аксенову – на дом; много просителей. Он принял хорошо; обещался, поговорив с братьями, пожертвовать и от себя на храм и посоветовать, к кому еще обратиться. Насчет 23 800 рублей из Миссионерского общества говорил, что они решительно не могут серебряными рублями давать; я говорил, что это расстраивает все мои планы. Не знаю, чем уладится. От него отправился в Новодевичий монастырь, где Преосвященный Алексей совершает литургию и панихиду по Соловьеве. На панихиду и я вышел, причем Преосвященный Алексей настаивал, чтобы я стал первым, – старый протоиерей, служивший тридцать два года при Митрополите Филарете, уладил, сказав, что Преосвященному Алексею следует стоять первым. После панихиды вышли отслужить литию на могиле; слякоть и дождь мешали. Нельзя без чувств смотреть на свежую могилу доблестного человека. Вся убрана цветами и зеленым мхом; на кресте – венки из роз и камелий и разных цветов, – у подножия креста – горшки с живыми левкоями. По окончании службы пригласили к игуменье на чай. Просил у нее на храм, – крепконька – ничего не дала. – В монастыре семьдесят штатных монахинь, но всех до 250. – На службе был университетский профессор о. Александр Михайлович Иванцев-Платонов. – Перед службой я заехал к о. Гавриилу Вениаминову. Матушка – Екатерина Ивановна, встретила по-старому, – она всегда кроткая и ласковая, как ангел; а о. Гавриил – бледный как смерть от потери крови горлом – лежит. Бедный, бедный! Едва ли

выздоровеет! – Отправился с визитом к Свербеевым, а Катерина Александровна уже была у меня этим же утром, без меня. Что за доброе семейство! Принимают точно родного. И благодарят за то, что отслужил 31 марта после обедни в Крестовой панихиду по Высокопреосвященному Иннокентию (день годовщины его смерти!). Тогда как их нам следовало бы благодарить за такую любовь к духовным. – Заезжал к графу Бобринскому и Ивану Сергеевичу Аксакову – не застал дома. – Поспешил вернуться, ибо Катерина Александровна говорила, что Преосвященный Алексей будет ждать меня обедать; действительно, ждал; но меня еще задержал на несколько времени А. М. [Александр Михайлович] Малиновский, с которым виделся в Японии в 1863, когда он был с чехами; он служит здесь по судебной части и, узнав, что я приехал, зашел повидаться; очень и я обрадовался старому знакомому. – После обеда к Преосвященному Алексею пришла по делу какая-то Ершова; я спустился к себе и встретил Коноплина, незнакомого доселе, – принесшего 110 рублей на храм, – первое в Москве пожертвование на этот раз. Говоря, что сочувствует Миссии, чуть не заплакал. Пришла и госпожа Ершова принять благословение и сказала, что в речи я точно про нее говорил; она до сих пор не одобряла забот о заграничном миссионерстве. В шесть часов ко всенощной; завтра похвала Богородицы и на всенощной читается Акафист; Преосвященный Алексей предложил мне читать, что я и сделал. После всенощной виделся с моряком Муратовым, его женой и детьми, – с К. А. [Катериной Александровной] Свербеевой и Кат. [Катериной] Дмитриевной – тут же в Церкви. К Преосвященному Алексею зашел некто Сухотин, служивший Директором по Духовному Ведомству при Ал. П. Толстом, – заставили говорить об Японии. От ужина отказался, ибо совершенно не хотел есть. – У себя дома нашел связки книг, пожертвованных Высокопреосвященным Евсевием Могилевским, присланные из Чудова монастыря. – В воскресенье Преосвященный Алексей предлагает мне служить вместо него в Чудовом монастыре, что я и сделаю, ибо в Москве нужно больше показываться, чтобы собрать на храм.

5 апреля 1880. Суббота

5-й недели Великого Поста. В Москве

Погода превосходнейшая. Встал рано и записал дневник; в седьмом часу напился чаю с московскими кренделями… В девятом часу пришел о. ризничий Чудова монастыря условиться о завтрашнем служении; тут же пришел о. Александр Михайлович Иванцев-Платонов и принес в подарок Миссии свои сочинения. Называли они, по моей просьбе, московских

богачей, к кому можно обратиться, я записал, не знаю, что Бог даст. Прибыла матушка Евгения, игуменья Страстного монастыря, с огромнейшей просфорой, на которой целая икона Богоматери. Постараюсь довезти до Японии. Весьма благожелательная матушка; не знаю только, много ли будет полезна и в материальном отношении Миссии; обещалась рекомендовать, к кому обратиться. – По уходе о. ризничего и матушки Евгении о. Александр стал рассказывать об одном бывшем офицере, который просится в Миссию; я сказал, что с удовольствием возьму, например, в качестве секретаря или иподиакона, но не на штатное место. Посмотрим, будет ли что; Иванцев не ручается, а говорит, что были с этим офицером какие-то увлечения молодости. Он теперь в Вязьме, я не просил нарочно писать ему и звать его сюда. – Еще прежде их была Феодосия Александровна Сладовникова – не отдумала; в Борятинскую общину для подготовки (и искуса) поступить согласна. Заходил потом вчерашний Муратов; я не поцеремонился и предложил идти к обедне, так как уже было довольно поздно. – Пред уходом в Церковь отдал келейнику образчик визитной карточки, чтобы заказал 300. В Церкви простоял обедню, служенную Преосвященным Алексием, – при начале молебна вышел, чтобы отправиться с визитами. – В карете поехал, около половины первого часа, к генерал-губернатору, князю Владимиру Андреевичу Долгорукову; дом на Тверской, близ Подворья. И вне, и внутри – часовые. Докладывает адъютант. – В приемной выставлены подарки, поднесенные князю за пятьдесят лет как офицеру и за двадцать лет как генерал-губернатору, – в двух витринах. – По докладе пришлось порядочно подождать, причем в гостиной, куда был позван, имел случай пересчитать число газет, почти все русских, выписываемых князем, – 32 насчитал; аглицких ни одной, немецкая одна, французских – несколько; а также сделать наблюдение, что гостей бывает много – дорожки по коврам не особенно свежие, мебель, видно, что с пользою служит, а не для парада больше, как в Петербургских дворцах, свечи полусгорелые. – Князь принял как-то вяло, сказал, что Миссионерское общество может помочь и основным капиталом, говорил, что пригласит когда-нибудь с Преосвященным Амбросием на обед; слугу зачем-то звал, но ординарец сказал: «Ваше сиятельство услали его». – «А, ну ладно». – К князю Мещерскому, попечителю, – нет дома, расписался. – К Г. Гр. [Гавриилу Григорьевичу] Сретенскому; пообедал с ним, отправился к Калининым – старцу Павлу Григорьевичу и его почтенной супруге Катерине Александровне. Очаровали старцы! Вот таких-то молитвами и усердием идет дело Миссии. Оказывается, что Спаситель в терновом венце и десять рублей на масло для лампадки к нему – от

Катерины Александровны Калининой, стразовый крест[39] с золотой цепочкой – ее же, и много еще (Фребелевы игры,[40] книги) – постепенно от нее. Теперь в Петербург прислала мне на подрясник атласу, цепочку к часам и серебряную ложку; а когда сегодня у них был, вынесли две чарки и стакан – серебряные – тоже для Миссии, и еще десять рублей на масло к иконе Спасителя. Как они свежи умом и сердцем! А и простецы – Павел Григорьевич служит смотрителем дома, прежде служил в Казенной Палате; имеет, впрочем, университетское образование. – К Княгине Екатерине Алексеевне Черкасовой (которой муж служил в Болгарии и помер в Сан-Стефано, а десять лет назад был головой в Москве); обрадовалась, видимо; я ей напомнил время десять лет назад, когда она была счастливей; звала еще; тогда будет и Катерина Павловна Баранова, которой я когда-то подарил коралл; брат ее уже на службе. – В Страстной монастырь. Матушка Евгения весьма радушно приняла и стала угощать кофеем; говорила, между прочим, что Ольга Ефимовна Путятина писала ей, чтобы она заботилась обо мне, – «я-де не берегу себя». – Позвали болгарских детей, девочек, воспитываемых от монастыря, взятых с войны, то есть спасенных; сначала пришли маленькие три болгарки и одна русская (моего знакомого Муратова дочь); как мило они читали стихи и представляли сценку разговора двоих мужиков! Пришли еще две побольшее, уже ходят в гимназию; пропели очень трогательные стихи, что они пели болгарскому князю при его проезде; потом маленькие рассказали и представили в лицах басню Крылова «Демьянова уха», – пресмешно и очаровательно! Имена их – самой старшей – Цветана (пятнадцать лет), потом Анна (тринадцатый год, младшая сестра героини), Паша, Маша. Когда прощался, они наказали поцеловать руку у Преосвященного Алексия, которого, значит, очень любят и уважают; проводили до низу. – К княжне Репниной, что на Спиридоновке, около о. Николая Лаврова. Застали двух ее воспитанниц и полковника Гопера, знакомца К. Н. [Карла Николаевича] Струве по Хиве. Княжны подарили тетрадь силуетов, – превосходнейшее, весьма художественное, произведение какой-то русской. Так как нужно было спешить ко всенощной, то отправились домой. – Я завез о. Гавриила к нему, сам же прибыл на Подворье. Застал о. Иоиля, из Миссионерского монастыря; Преосвященный Алексий сказал еще, что меня искала княгиня Мещерская и просила к себе. Преосвященный любезно заставил меня пообедать, что я сделал на скорую руку. Внизу ждал меня портной. которому я третьего дня заказал платье, ибо на мне только один теплый, рваный подрясник, и не в чем служить: оказывается, что московские портные хуже делают, чем петербургские. –

На всенощной был здесь же. в Церкви. – Преосвященный Алексий ставит все на первом месте и велит благословлять и священнослужащих, и народ: меня это смущало: но пришло в голову, что это-то и выражает дух любви, взаимного доверия. единства… И в Японии нужно будет следовать примеру, подаваемому Преосвященным Алексием. – Нравится мне еще, что на ектениях поминают болящих – архимандрита Пимена и протоиерея Гавриила, с молитвою об исцелении их: простота церковная, которой тоже и в Японии нужно подражать. После всенощной была монахиня из Страстного сказать, когда мне лучше быть у названных ими предполагаемых жертвователей; был еще Сухотин, брат вчерашнего, был Василий Дмитриевич Аксенов сказать, когда мне побывать у Третьякова, а главное записать от себя с братьями пожертвование, и записал четыре тысячи рублей! Спаси его, Господи! Дворяне сегодня ласкали много, а вернулся с пустой книжкой, купен же один пришел, и четыре тысячи есть. – Пожертвование свое Василий Дмитриевич записал весьма скромно, спустившись ко мне вниз. – Нашел на столе триста карточек, уже готовых, – стоят по два с половиной рубля сотня.

6 апреля 1880. Воскресенье

5-й недели Великого Поста. В Москве

Утром, приготовившись к служению, составил письмо к ректору Академии с вопросами, не желает ли кто из студентов в Японию, повидался с Преосвященным Алексием, спросил подробности посвящения в стихарь, ибо это предстояло сделать; занял четки, пояс же он предложил в подарок и в сопровождении лакея Преосвященного Алексия, в карете, в десять минут десятого часа отправился в Чудов монастырь, где был и удостоен совершить вторую литургию по поставлении в Епископа и первую – Москве. Под руководством протодиакона о. Варсанофия служение прошло без больших ошибок. Молитвы Святителя Алексия Митрополита Московского, у мощей которого была литургия, страдавшего душою от монголов, конечно, немало способствуют успеху Миссии среди монгольского племени. – На Часах было посвящение в стихарь псаломщика в Успенский Собор (у которого отец помер и шесть человек семьи осталось). Сослужили: наместник Чудова монастыря – о. Вениамин и о. ризничий Патриаршей ризницы – о. Иосиф. Певчие, особенно маленькие, пели отлично «Милость» – простую обиходную литургию Василия Великого. После литургии благословение мужчин в Соборе и по выходе за арку – женщин, которым не позволяется входить в самый Собор. Приглашенье мадам Катковой на обед в четверг; Малиновский – очень усердный; певчим исполлатчикам – на булки; к наместнику, по его

приглашению, на чай, – его рассказы об экономических производствах ремонтов по крыше, о Филарете, который не был практичен, но недоверчивостью делал, что его мало обманывали. – К Гавриилу Григорьевичу Сретенскому; у него была Варвара Владимировна Новосильцева и Елисавета Сергеевна Ханова, усердные доброхотки Миссии. Ханова особенно поразила меня; лицом она несколько похожа на Мадам Струве; дочь генерала, лет тридцати, лицо доброе-предоброе, на лету подхватила, что у нас довольно поношенная занавесь купели, и пожелала непременно сделать; к себе не звала; они вдвоем с больным братом живут. «Мне довольно, что я Вас видела», – повторяла она несколько раз, целуя руку, и слезы стояли у нее глазах. Вот таким-то усердием и молитвами таких добрых благодать Божия низводится на Японию! – Сюда же пришел художник Сергей Иванович Грибков с планом иконостаса; один доброжелатель Миссии желает пожертвовать иконостас, Грибков же от себя – иконы. Дай, Господи! Обещался побыть во вторник утром у него. – К двум часам отправился к Сергею Михайловичу Третьякову, купеческому голове; у подъезда столкнулся с Иваном Сергеевичем Аксаковым, который сказал, что сегодня был у меня, и теперь вместе со мной отправился к Третьякову. Роскошный кабинет; мраморный Иоанн Грозный Антокольского; хозяин – весьма изящный; любезно выслушал и подписал пятьсот рублей; еще два гостя каких-то. В карете ожидал меня Гавриил Григорьевич, с которым отправились к Александре Афонасьевне Богдановой; несколько дам, светлые комнаты, смеющаяся девочка в зеленом платье; расспросы об Японии с большим интересом. К Кошелевой, Елисавете Димитриевне, тут же и Варвара Владимировна Новосильцева, что «не чужая крыша, а Христова» – (язычники вне империи). Елисавета Димитриевна вышила отличнейший покров на аналой. Пришел и Азанчевский: Гавриил Григорьевич утешать мастер – «я и сам все потерял» (сына и дочь, а Кошелева – тоже), занимать тоже – о плохом переводе на славянский… К адвокату Плевако; кажет себя большим доброхотом – колокол обещал, сосуды выхлопотать тоже, у купцов рекомендовать нужды Миссии тоже; несколько монгольское лицо; умные глаза, живая речь, – превосходнейший альбом с множеством знаменитостей, привычка опираться на барьер. – В пять часов к Катерине Александровне Свербеевой. К обеду приглашен был и протоиерей Степан Иванович Зернов, большой доброхот Миссии. – Три студента, из которых младший – Миша, с бородой, – славный юноша. После обеда Дмитрий Свербеев из Варшавы, на свадьбе которого я был десять лет назад; теперь у него шесть человек детей. – К Зернову с Гавриилом Григорьевичем. –

Рассказ Зернова о целовальнике Михее Васильевиче Дворянчикове, отставном унтер-офицере, и его благочестии; 359 рублей он наносил о. Зернову на Миссию, которые тут же о. Зернов и сдал мне; Михей Васильевич за стойкой читает Псалтирь, пьяниц всегда у него много, есть примеры обращающихся к трезвой жизни… Завезши о. Гавриила домой к нему, вернулся на подворье в десятом часу и застал здесь Андрея Савельича Шустрова, духовного сына Афонского о. Арсения; он предложил свои услуги помогать мне по сбору, и на завтра вечером положили быть у его знакомого – Дмитрия Васильевича Анурова. – Повидался с Преосвященным Алексием и подписал бумагу о том, что сегодня посвящен мною в стихарь псаломщик…

7 апреля 1880. Понедельник

6-й недели Великого Поста. В Москве

Утром Гавриил Григорьевич Сретенский принес триста рублей от Александры Афонасьевны Богдановой, у которой вчера были; вчера вечером от нее к нему доставили с благодарностию за посещение. Я отдал о. Гавриилу сборную книжку, чтобы он завез к ней записать свою жертву. Приехал священник Сердцев с собранными им 530 рублями для Миссии. Все поражают неведомые благожелатели Миссии! Об этом о. Сердцеве я и не слыхал прежде. Именно заграничная Миссия совпадает с желанием благочестивых русских. – В девять часов поехал к о. Иоилю в Миссионерский Покровский монастырь; ища его, заехали сначала в женский, потом за Рогожскую заставу, где грязь непролазная. О. Иоиль еще и акцента купеческого не потерял; чистенько у него; несколько рисующиеся труды для Церкви. – Посмотрим, поможет ли, как обещает; а список предполагаемых жертвователей большой написал. Напротив него живет о. Геронтий – Пекинский, здоровеннейший; видел у него словарь Попова, пекинского драгомана; нужно в Азиатском департаменте попросить для Миссии. Виделся с прежним другом – о. Митрофаном, еще более седым, чем десять лет назад, но таким же добрым, тотчас за угощение рябиновкой. – С о. Иоилем доехали до Славянских номеров, к Марии Платоновне Бенкендорф, которая и содержит эти номера. – Немного обещала, хотя усердие есть. – К княгине Наталье Владимировне Долгоруковой; видел сына, толстого юношу, болеющего глазами; много превосходнейшего фарфора. Обещала небольшую лепту. – К Преосвященному Амвросию; говорил он об А. Н. [Андрее Николаевиче] Ленивове, что тот хочет целую Церковь построить в Японии, послал к княгине Марии Александровне Мещерской (супруге князя Николая Петровича, Попечителя Учебного округа). Приняла очень ласково,

познакомила со всеми детьми, старшим сыном, юношей, очень бывшим больным; младшим, хорошеньким мальчиком, и четырьмя дочерьми; говорила о каком-то Юрии Степановиче Нечаеве, считающем себя родственником Святителя Алексия; обещалась побудить его к жертве на Миссию. К концу моего визита подошел и князь и был тоже очень ласков. – Вернувшись домой, пообедал, причем Преосвященный Алексий угощал меня рыбным столом, а сам ел горох и кисель только. Стеснительна такая чрезвычайная любезность! – Ответил Ивану Сергеевичу Аксакову на найденное на столе его письмо, когда буду у него. Нашел также на столе письмо от мадам Вестли, просящей помощи, ибо у нее пятьсот рублей долгу, и она готова лишить себя жизни. Эвона! Книгоноша – Сергей Гаврилович Тихшенев – пришел просить благословения. – К пяти часам, согласно условию, был у Гавриила Григорьевича Сретенского; подождал его немного, и отправились к протоиерею Ромодановскому, духовнику П. Ион. [Петра Ионыча] Губонина, просить, чтобы посодействовал получить от Губонина пожертвование. Любезно обещал; угощал чаем и рассказывал, как он в своем благочинии не дает воли церковным старостам, обходится без спрашиванья их. – Видели Церковь их; живопись, писанная Сергеем Ивановичем Грибковым, превосходная. Губонин украсил Церковь превосходнейшими ризами на иконы и паникадилом. – В семь часов к княгине Ольге Петровне Мещерской в гостинице Бучумова; целый вечер пустейшей болтовни, а пожертвовала всего двадцать пять рублей. О. Гавриил неподражаем для разговоров с подобными барынями и рассказывает иногда пресмешные вещи (как вчера о крещении, где протоиерей и князь Четвертин, кум, по очереди были сконфужены взаимно). – К девяти вернулся домой и застал ожидаемого Андрея Савельевича Шустрого, с которым и отправились к Василию Дмитриевичу Анурову; умный купец – чайный торговец; растолстевшая супруга – весьма добрая; угощали чаем и вареньем; так привольно было разговориться; тысячу рублей пожертвовал Василий Дмитриевич: половину от себя, половину как душеприказчик, – от умершего племянника! Купцы гораздо лучше на деле, благочестивее дворянства. Спасибо и Шустрому! Советовал оставить здесь адресы, куда писать и посылать деньги, – литографированные. – Часов в одиннадцать вернулся. Утомительно, однако!

8 апреля 1880. Вторник

6-й недели Великого Поста. В Москве

Утром написал письма к ректорам Академий московской и киевской – нет ли желающих в Миссию. Приложил рапорты и брошюры.

Преосвященный Алексий взял отправить их как казенные пакеты. – К половине девятого – к художнику Сергею Ивановичу Грибкову; около него грязь непролазная. Мастерская во втором этаже, внушающая доверие к таланту хозяина. Воскрешение Лазаря – тут же предложил подарить Миссии. Были у него – священник о. Виктор Покровский, секретарь Совета Миссионерского общества, и И. А. Соколов, иконостасчик. Закуска: мадера, грибы, чай; молодая парочка – сын Илья Сергеевич и жена его Настасья Михайловна. – Соколов предложил иконы трех престолов из возобновляемой Церкви у графа А. Д. [Александра Дмитриевича] Шереметева. – Сергей Иванович взялся написать новые иконы в иконостасе, который будет сделан тоже даром одним жертвователем, по плану, виденному мною. – С о. Виктором – в Канцелярию Совета Миссионерского общества у Церкви Казанской Божией Матери, у Калужских ворот. Канцелярия помещается в комнатах, бывших когда-то о. протоиерея Ключарева, в которых и я бывал; о. Виктор живет наверху. В Канцелярии видел фотографии миссионерских домов и группы Собора на стенах, дела в порядке, архив, псаломщика-краснописца и диакона-делопроизводителя. Справился я, сколько о. Анатолию послали денег в конце года. Оказалось – пять тысяч. Потом о. Виктор позвал наверх поговорить о серебряных и кредитных рублях. Вот обстоятельство-то! В России только может быть! У меня в бумаге яснейшим образом – «рубли серебряною монетою», в следующей бумаге – определение общего собрания яснейше – «кредитные рубли». По глупости, или по упорству Аксенова, или кого другого произошло? – Хуже всего, что и я под бумагой определения подписался, не имея, конечно, возможности тогда на собрании в суете прочитать ее. – Не знаю, что выйдет! – К Ф. А. [Феодосии Александровне] Солодовниковой. Живут чистенько. Тетушка – разумная женщина. Приготовили в подарок Миссии приборы сосудов. Тетушка не прочь отпустить Ф. Ал-ну служить Миссии. Остается спросить о ней у ее духовников – угрешского о. Иова и о. Иоанна в Торговом ряду. – К о. Иосифу Сердцеву; а он от меня; зашли к нему; он еще достал от кого-то двести рублей. Пока он записывал пожертвование в сборную книгу, я занимался с его сыном, двенадцатилетним Гришей, которого он сам дома готовит в Семинарию, смотрел его карту Америки, экзаменовал с латинским. – Поехали с о. Сердцевым и добыли еще 1200 рублей, именно – 200 рублей от Обидиной, продержавшей долго нас под лестницей, и 1000 рублей от Спиридонова – с вопросами очень надоедливыми; у него – маленькая Тамара, внучка; деньги заготовлены в кармане; жена его – сестра адмирала Осланбекова. От странного генерала, не мывшегося

десять месяцев болезни (он был когда-то Товарищем Министра внутренних дел), получил десять рублей для раздачи бедным. Филиппова, булочнцка, не нашли дома; Лабутина, фабриканта лакированных вещей, нашли, но праздно пооораторствовали, а он показал свои лакированные ящики. Оказалось, что о. Сердцев всех предупредил, что мы будем. Чрез него всего Миссиею получено 1950 рублей. Спаси его, Господи! Если б побольше таких доброхотов! С ним были и у Николая Федоровича Самарина, пожертвовавшего четыре тысячи на Женскую школу (уже посланные о. Анатолию из Миссионерского общества в конце года); но и он, и вечером встреченный у княгини Черкасской Дмитрий Федорович Самарин отказываются от благодарности, говоря: «Это – не я». – Вернувшись домой и пообедавши, к семи часам отправился к княгине Катерине Александровне Черкасской; заехал, было, к Гавриилу Григорьевичу, чтобы вместе с ним – к княгине; но не застал его; сонно было, устал очень. У княгини собралось довольно большое общество: А. Н. [Александра Николаевна] Бахметева, Алексей Михайлович Иванцев-Платонов, оба Самарины, княгиня Долгорукова Наталья Владимировна (вручившая мне тут же тридцать шесть рублей, собранных ею, и взявшая расписку), княжна Катерина Павловна Баранова, ее сестра и прочие; дольше, чем до девяти часов, пришлось ораторствовать об Японии, что очень скучно; в начале десятого часа с Гавриилом Григорьевичем, пришедшим сюда же, поехали к Катерине Александровне Свербеевой, где ожидал и Дмитрий Александрович, сын знаменитого Хомякова, полный брюнет с умным лицом; вопросы его об Японии были все дельные, хотя о католической дисциплине, будто бы образцовой, понятие не совсем верное, кажется. Обещался пожертвовать богословские сочинения своего отца, ныне печатаемые, и другие его книги. Под конец вечера охрип, потому что говоренье – целый день. Около двенадцати часов вернулся на подворье.

9 апреля 1880. Среда

6-й недели Великого Поста. В Москве

Утро сонное, как и все утра, кажется, оттого, что воздух очень спертый в низкой комнате со сводами, не вентилируемой. – Посетители одни за другим: губернский секретарь, малоросс, желающий служить в Миссии, но чем? Хоть в Канцелярию, говорит. – Эвона! – Отказал, советовал обратиться во внутренние Миссии. Мусин-Пушкин, статский советник – Звал к себе, обещал книг для Миссии. Хирина Марья Ниловна – молоденькая дама (прежде всех была), предлагала икон; просил доставить; Ф. Ал. [Феодосия Александровна] Солодова – хлеб-соль принесла, то есть

булку; говорил про трудности, ожидающие ее в Японии при нештатности; крепка в намерении. – О. Стефан Никольский, священник Церкви Василия Кесарийского, приходил заявиться; говорит, «речь понравилась»; просил его позаботиться о сборе на Миссию, как сделал Сердцев, – обещался. Телеграмма о. Иоиля, вчера присланная и довольно неопределенная: «Завтра в двенадцатом часу обещался быть к вам Борисовский», делает то, что я не могу отлучиться в город, под опасением пропустить Борисовского. – Нездоровится. Думается все о делах Японии. – Дневник этот и пишется, чтобы в Японии потом напоминать, что в Россию – нечего желать, что хорошо там, где насущное дело. – Впрочем. дневник ведется только до Японии, там нельзя будет делать это: дневник все-таки отнимает несколько мысли и времени, и притом досужного. когда именно час успокоиться, одуматься, то есть озираться вперед и назад в интересах немедленного же дела: а тут целый час припоминай подробности бывшего за день и пиши. – Нет, в Японии не до этого будет, там все время и силу – на насущную службу. Японией мы. миссионеры, дороги России – вижу теперь, как дороги, на собственном опыте, на ласках, в таком изобилии встречаемых, – нужно же пенить это и расплачиваться честно с Россией. Да поможет Бог! – Часов в двенадцать приехал о. Иоиль. Отправились к Латышеву, принял весьма ласково и смиренно; все говорил: «Так точно»; семейство все подвел под благословение; а пожертвовал всего сто рублей; о. Иоиль несколько в смущении. Даром держал долго Латышев, пропустил я визит ко мне Дмитрия Александровича Хомякова, который был без меня, потому что я опоздал вернуться к двум часам. – Когда мы с Преосвященным Алексеем доканчивали обед, сказали, что ко мне прибыл князь Н. П. [Николай Петрович] Мещерский – попечитель Учебного округа. Спустился вниз и принял его; потом отправился на Угрешское Подворье к о. Пимену; еще болен икотою; весьма умный старик; надеется, что я в Москве соберу потребное на храм и училища. Пришел Александр Алексеевич Нейдгарт, кажется, которого я видел десять лет назад у графа А. П. Толстого; очень похож на нашего барона Розена, только волоса светлей. О. Пимен напал на него, чтобы он советовал графине Ан. Егор. [Анне Егоровне] Толстой пожертвовать недостающие теперь на храм двадцать восемь тысяч. – В Страстной монастырь – посоветоваться, когда служить. Матушка Евгения, и что при ней, приняли совершенно как родного; мать Евгения просто засуетилась от радости и забыла, что у нее очки надеты. Служить просили у них на 2-й день Пасхи – позднюю обедню. – В семь часов к княжне Варваре Николаевне Репниной. Были: ее воспитанница, еще дама, еще – Анна Христофоровна, еще доктор,

желающий познакомиться. С интересом слушали о Миссии. Я просил княжну похлопотать у ее приятельницы – А. Егор. Толстой, чтобы пожертвовала на Миссию; обещалась; подарили два экземпляра силуэтов. В половине девятого к Ивану Сергеевичу Аксакову; у него – его жена, и теперь такая же холодная, ее сестра, А. [Александра] Николаевна Бахметева, Сухотин, – все слушавшие с большим интересом. Иван Сергеевич говорил, что посоветует Аксенову собрать у себя купцов послушать о Миссии и пожертвовать. А. Н. Бахметева приготовила своих книг для Миссии; я просил ее сделать надписи лучшим семинаристам; завтра обещался быть у ней; сестра жены Ивана Сергеевича подписала сто рублей. Сухотин сказал, что он виделся с Александром Алексеевичем Нейдгарт, и он советует мне побыть у А. Е. Толстой не завтра, а послезавтра. – В половине двенадцатого часа отправился к себе на Саввинское подворье (преподобного Саввы, игумена Сторожевского).

10 апреля 1880. Четверг

6-й недели Великого Поста. В Москве

Утром Мария Ниловна Хирина принесла 32 иконы и иконки, принадлежавшие умершей куме ее, после которой муж Марии Ниловны оставлен душеприказчиком. Из икон одна – риза филигранной работы, другая – маленькая с алмазным украшеньицем, еще – некоторые в серебряных ризах – очень порядочные и годные для церкви; только во всех живопись нужно подправить. Мадам Хирина пыталась говорить о каких-то своих грешных мыслях, чтобы получить духовный совет, да не высказалась, откровенности не хватило; денег еще пожертвовала на Миссию 28 рублей и взяла мой адрес в Японии, чтобы, если случится, и туда прислать. – При ней же приехала и мадам Каткова, жена редактора Михаила Никифоровича, сказать, что сегодня не нужно к ней на обед, так как Михаил Никифорович очень занят и не может воспользоваться во время обеда беседой со мной, что ему хотелось бы; приглашала вместо сегодня в воскресенье, но так как в воскресенье я должен обедать у княгини Черкасской, то отказался, и приглашение отложено до какого-нибудь дня на Пасхе. Мадам Каткова советовала мне написать небольшую рекламу в «Московские Ведомости» о том, что я приехал сюда для сбора и столько-то нужно собрать; почти продиктовала, что нужно писать, – бойкая такая, стоит мужа! – Сходил в лавку купить чернил, марок и прочее. «Сколько численник?» – «2 рубля 50 копеек». – «У, как дорого!» (карапузы, от земли не видно). – Пришел А. И. Малиновский; поболтали, вспоминая Хакодате. Принесли письмо от княжны Варвары Николаевны Репниной; сегодня вечером в восемь часов графиня А. Е. [Анна Егоровна]

Толстая приглашает к себе поговорить о нуждах Миссии; отказался, так как, к сожалению, обещал быть у графа Бобринского, где едва будет такая польза для Миссии, какая ожидается от графини Толстой. – В первом часу приехал Николай Мартиньянович Борисовский; уже седой, весьма прост; говорил, что занят очень много, извинялся, что к о. Владимиру не пишет, не отвечает, по недосужеству, советовал, к кому обратиться с просьбою на храм, – к П. П. Боткину, Корзинкиным и прочим, но просил его имени не упоминать как рекомендовавшего; взглянув на план храма, прямо сказал, что «на 1500 человек этот храм за 60 тысяч рублей не построите, больше нужно»; при прощанье сказал: «Еще увидимся», значит, после пожертвует. В передней сострил: «Не беспокойтесь, я ничего не возьму здесь». – Когда он уходил, сказали о мадам Соловьевой, вдове Сергея Михайловича Соловьева – историка. Она привезла в подарок Миссии экземпляр Русской Истории своего мужа, в корзинке из лубка; немножко поплакала о муже, рассказывала о его болезни, о том, как все, касавшееся России, его волновало, бывало, «газету читая, дрожит». – Говорила о сыне – Владимире Сергеевиче Соловьеве. философе, о его детстве, как был серьезен, как все лошадь чистил и подгонял (деревянную). Говорила, что диспут в воскресенье продолжался с одного часу до пяти, что возражали очень много, и какой-то нигилист, возражая, от злобы был сам не свой; Владимир Сергеевич устал очень, но диспут выдержал блистательно. Его сестры ездили из Москвы, чтобы быть на диспуте. У Сергея Михайловича Соловьева осталось семь человек детей: три сына и четыре дочери. Мадам Соловьева очень добрая и умная, кажется. Уходя, предложила маленькое денежное пожертвование; оказалось, сто рублей. Когда Владимир Сергеевич приедет из Петербурга, обещалась адресовать его ко мне, а меня просила поговорить с ним о необходимости частого приобщения Святых Таин. – Только что хотел в город, приехал о. Иоиль с известиями, у кого рекомендовал меня; обещающее есть кое-что; существенного пока нет. О. Иоиль желает быть сотрудником Миссии и иметь книгу для сбора на Миссию; предмет довольно щекотливый; я еще не знаком с ним достаточно. Пообедали с ним вместе (Преосвященного Алексия дома не было) и поехали к о. Гавриилу, чтобы взять у него копии рапорта; дома не застали и, взявши что нужно, направились – о. Иоиль к себе, я – к Александре Николаевне Бахметевой. Она заготовила книг своих для Миссии, а я ей свез копию рапорта и указал, кому из семинаристов надписать книги. Она хотела было надписать и картинки, но я отсоветовал, для учеников Семинарии это мало ценно, а нужно что-либо посерьезнее. – Взял две карточки ее – одну для Семинарии, другую для

себя. В первый раз видел ее мужа; какой красавец он был в молодости! – К пяти часам – к Малиновскому, согласно его приглашенью; обед, за которым мадам Арсеньева (Наталья Юрьевна, рожденная княжна Долгорукая) и рассказ о Семинарии, что семинаристы совсем не так грубы, искусства в Семинарии довольно развиты, преподавание серьезней, чем в гимназиях; ее сын (племянник Дмитрия Сергеевича Арсеньева, воспитателя Великих Князей; она за его братом), теперь в Семинарии и не нахвалится Семинарией. Супруга Малиновского очень приветлива. После обеда, наверху показывали прибор, посредством которого лечатся сгущенным воздухом от болезни груди. У Малиновского в кабинете; рассказ о Кондоурове, желающем ехать в Японию служить в Миссии. Слезы на глазах у Малиновского: «Счастлив и теперь совсем верующий». – Внизу – свидание с пришедшим Кондоуровым и порыв его- «возьмите». – В восемь часов – к графу Бобринскому. Дом этот – родственный с графами Шереметевыми; и здесь показали приготовленное епископское облачение из придворного платья графини Шереметевой, справленного лет сорок назад, она была при Александре Федоровне. Облачение – малинового бархата с превосходным шитьем. Его отошлют отсюда в Петербург к графине Шереметевой, от которой и будет передано мне. – Много расспрашивали про Японию; одна дама, сидевшая направо, в досаду приводила внезапными пустыми вопросами во время рассказа. Чай. – Старый знакомый графа Шереметева, которого десять лет назад видел в доме Гавриила Ивановича Вениаминова. Граф Владимир Иванович Мусин-Пушкин, налево у стены, славная личность, по-видимому (первый раз видел его у Преосвященного Амвросия, хлопотавшим о священнике). Под конец вечера пришел и сам граф Бобринский, по-видимому, очень занятый; тоже с интересом расспрашивал об Японии. – Оставил там копию рапорта и подписную книжку, спрошенную хозяйкой (кажется, она – Катерина Сергеевна Шереметева). – Граф Бобринский и Шереметев проводили любезно до низу лестницы, а дамы, прежде того, до выхода из комнат. – Дома застал письмо от Слуцкого, просящегося в Японию, со стихами, что все читал, и заснул.

11 апреля 1880. Пятница

6-й недели Великого Поста. В Москве

Утром мадам Бенкендорф привезла выпрошенные ею из какой-то Церкви облачения, из коих воздухи – хороши, а ризы – не годны по ветхости и бедности, но что станешь делать с «усердием»? Взял и поблагодарил. То же и с иконами, из коих одну, впрочем, пришлось вернуть, потому что окончательно лика не видно, а между тем, говорит,

что раскольники за нее Бог знает что дадут, – «так пусть же дадут»; «а вы-то сами продайте, Владыко»; – «ну, уж, увольте». – Д. Д. Кондоуров, вдовец, отец четырех детей, заводчик; располагал на место секретаря при архиерее; отказался от мысли ехать в Японию, когда я дал понятие о службе там и о том, что секретари там если и нужны, то японские. Лишь только что, так сейчас и паразитство ладится завестись! Не хочет подумать человек, что он с разбитой душой (до сумасшествия, как сам говорит) и на место секретаря-то не годен. Из сострадания ему повреди служебное место помещением на нем струпа! – Сакелларий Успенского собора был условиться насчет службы послезавтра. – Андрей Савельевич Шустрый забегал напомнить, что вечером в семь часов к Ленивому. – В одиннадцать часов отправился к адмиралу Ивану Семеновичу Унковскому, согласно записке Ивана Сергеевича Аксакова. В первый раз видел этого человека, так известного в Японии, особенно в Нагасаки. Видно, что любит Японию и что добряк; лицо – простое, приветливое, большая лысина; здесь же был его брат, генерал, по-видимому, и жена – молодая и красивая; рассказывал, как японцы сделали ему модель судна, где и царапины на машине и прочее. Обещался поговорить с его родственницей – Марьей Сергеевной Мухановой – о помощи Миссии. – К Катерине Федоровне Тютчевой поблагодарить ее за сто рублей, полученные чрез Ивана Сергеевича Аксакова, дома не застал, была где-то в обедне. – К графине А. Е. [Анне Егоровне] Толстой – в Церковь. Отстоял преждеосвященную обедню. Служил иеромонах, пели певчие хора содержателя Лебедева – человека четыре. После обедни – к графине. Там же были – княжна Репнина, Наталья Юрьевна Арсеньева (вчера рассказывавшая о столкновении графини с старым графом Орловым где-то в Церкви, причем граф принял ее за салопницу, «посторонись, старуха», за что потом графиня грубо приняла его), князь Алексей Николаевич Шаховский (больной) и немало других. Графиня хорошо приняла; очень уж она стара; парик на голове напоминает крылья летучей мыши, и зачем делают такие? Расспрашивала кое-что про Миссию; обещалась потом пожертвовать. В половине четвертого – к Ивану Ивановичу Мусину-Пушкину. Его жена Варвара Дмитриевна приготовила книг для Миссии. Угостили чаем; принимали с трогательным радушием (чуть что нужно – чай или сухарь – Иван Иванович сам отправлялся и звал слугу с подносом…), так что я обещался непременно еще быть у них. – В пять часов был у князя Н. П. [Николая Петровича] Мещерского, согласно обещанию, только немного опоздал. Князь и княгиня (Марья Алек. [Александровна]) приняли очаровательно ласково. Обед был превосходный; меня усадили на первом месте – в челе

стола; но есть пришлось мало, ибо нужно было говорить. После обеда пришли и Екатерина Федоровна Тютчева. Детки княгини пакетик дали, в котором после оказалось десять рублей на Миссию. К сожаленью, скоро нужно было уходить, ибо в семь часов обещано к Ленивому; прощаясь, дал обещание отслужить в домовой Церкви князя Мещерского на Пасхе, в среду, 23 апреля. Андрей Савельевич Шустрый дожидался меня у кареты, и с ним вместе отправились к А. Н. [Андрею Николаевичу] Ленивому. Он и его жена так просты, а дети так милы, что тотчас же можно было быть с ними, как дома; я болтал безыскусственно про Японию, за чаем смешил ребятишек и играл с ними. А. Ник. высказал свое желание устроить небольшую Церковь в Японии, я предложил ему вместо того устроить несколько иконостасов, то есть прислать несколько комплектов икон, а стены-де японцы построят сами. Он тотчас же согласился. При выборе икон я сказал – «греческого стиля», но оказалось, что настоящего греческого письма и нет – старое неблаголепие, с неестественными лицами; тот же греческий тип, который я разумел – фряжское [41] письмо; Ленивов, как бывший раскольник, тонко разумеет все эти разности; и у него на божницах все – греческого письма; в Японию же мы положили сделать благолепнее, для чего он предоставил мне найти в Церквах образцы, с которых и будут списаны иконы для Японии, на цинке (о котором дал совет Шустрый, сидевший в соседнем кабинете и оттуда слушавший наш разговор). На прощанье А. Ник. пожертвовал несколько и на храм, хотя главное его дело другое; взяли пакетик тощий; жена что-то стала шептать ему; взяли пакетик обратно и принесли вместе с женою другой, оказалось, тысяча рублей. Видимо, Бог растворяет души любовью к жертве! – На обратном пути Шустрый был в радости по поводу удачи поездки и проговорил всю дорогу, мне же чувствовалась усталость.

12 апреля 1880. Лазарева Суббота.

В Москве

Утром, пересчитавши деньги, нашел, что собрал немножко более пяти тысяч рублей, да у Василия Дмитриевича Аксенова четыре тысячи, итого девять тысяч. Эти деньги заимообразно отослать на Миссию о. Анатолию, пока выдадут положенные с 1-го генваря из Государственной казны и Миссионерского общества. Отправился к Аксенову, чтобы попросить его перевести девять тысяч в Петербург на имя Федора Николаевича Быстрова. Они с братом говели и только что приобщились; застал у него приходского их священника (зятя о. Гавриила Григорьевича Сретенского! и диакона, и кого-то из Риги, ораторствовавшего против немцев. кажется, тоже сборщик на что-то. Рассердили, что все – с дивана и в даль. Ну. что это!

Как будто архиереем для того делается человек, чтоб от него все бегали! Пришел еще какой-то оратор, кажется, Пороховщиков, может, и хороший человек, но хвастун и все скромно о себе. Аксенов взял вексель на девять тысяч сегодня же доставить мне для пересылки в Петербург. – От него – в Воздвиженский монастырь (предоставленный для помещения Духовенству; монашествующих совсем нет) к протопресвитеру Михаилу Измайловичу Богословскому. По дороге видел вербный базар у стен Кремля; множество вербы на возах и на руках у мужиков и баб, а также брусничнику, который примешивают для зелени в пучки; цветы к вербам продавались в лавчонках под навесами; кстати, и другие лавчонки – с баранками, ситцем и прочим явились. – В Петербурге иначе; там верба с херувимами – как-то казистее и щеголеватее, зато здесь проще и задушевнее. – Михаил Измайлович Богословский – болен; сегодня служил с трудом, принял весьма приветливо и долго удержал, дольше, чем желалось бы; видно, что скучает здесь. Пожурил ласково, зачем об Иннокентии в речи не упомянул и прочем; рассказал, что Высокопреосвященный Филарет Московский был недоволен его Священной историей – «обширно-де», «а по-моему, какое же мы право имеем сокращать Слово Божие? Сокращенных историй и быть не должно». «Не имение при истории карты полезно в том отношении, что побуждает лучше изучать на память». – Зашел сделать визит к сакелларию – о. Павлу Рослякову. Сын его – ученик училища духовного, встретил на лестнице и проводил к отцу. – Отсюда отправился в Ново-Спасский монастырь побыть у преосвященных Порфирия и Иоанна. У первого – на столе коллекция древностей и восточных вещей; принял просто, подарил свои сочинения, показал свое помещение – очень просторное; два кабинета, из которых в одном, похожем на галерею, по стенам портреты Патриархов, в другом замечательнейшие по древности манускрипты – Евангелия VIII века, Псалтыри тоже, Кораны и прочее. Преосвященный Иоанн, стукнув по столу звонко сначала одною изнанкою ладони, потом другою, стал давать совет, чтобы вытребовать у Святейшего Синода свободу от формальностей и придирок («я дал казенных денег в долг под расписки, потому что квартирных было убийственно мало, и вдруг мне говорят – вы не имели право давать, не в правилах это!»). – Вернувшись домой и отправившись наверх к Преосвященному Алексию обедать, познакомился с его племянником, студентом Московской Духовной академии, весьма солидным молодым человеком, Александром Васильевичем Смирновым. Он сказал, что от ректора не было никакого предложения в Японию студентам. Значит, из Московской академии и на этот раз никого не

будет! – После обеда пришел Малиновский и принес «Мелочи Архиерейской жизни» и «Русские Богоносцы», «Нашел у себя», – говорит, но, видимо, купил, – книжки новешенькие; попросил представить его преосвященному Алексию, что я и сделал пред самой всенощной. Всенощную Преосвященный Алексий предоставил служить мне, то есть выходить в мантии на литию (в клобуке) и на величание (в митре). От литии до величания оставался в облачении. Жарко было, едва стерпел. Верба – бедная здесь, не то, что у нас – из зелени и цветов; освящается каждением и кроплением Святой водой; раздается всем, даже и тем, у кого принесена своя. Но какая давка при раздаче! У нас чиннее. – После всенощной у Преосвященного повидался с маленькими болгарками из Страстного монастыря. Ко мне зашла Катерина Александровна Свербеева с сыном Михаилом Дмитриевичем; угостил стаканом чаю. Ко всенощной приходил Василий Дмитриевич Аксенов и доставил мне вексель в девять тысяч для пересылки в Петербург.

13 апреля 1880. Вербное Воскресенье.

В Москве

Перед отправлением на служение Преосвященный Алексий принес и заставил принять в подарок голубые шелковые четки, «праздничные», мол, а с черными нельзя сегодня. За семь минут до девяти поехали в Успенский собор в Кремле. Встречали не с крестом, одевали не на главной кафедре, а ступенью ниже ее, – все это потому, что Успенский собор – Патриаршая кафедра, или теперь – всего Святейшего Синода, когда он весь здесь бывает, как при коронации, тогда Господин Собора. Пред служением прикладываются, кроме местных икон, к мощам Святых Петра и Филиппа. Народу был полон Собор; сослужащие – архимандрит Николай, протопресвитер Михаил Измайлович Богословский и два священника. Протодиакон – плохенек, не по Собору и не по москвичам. При воспоминании о Святителях, служивших в сем Соборе, особенные чувства наполняют душу. – По окончании литургии Златоуста и молебна Царского при выходе народ хлынул под благословение, но пришлось благословить не больше сотни людей: полиция, очищая дорогу, скоро вывела к выходу и усадила в карету; было без двадцати минут двенадцать часов. Недовольство мучило, что не удовлетворил религиозные чувства народа, но и досадно было, что такая давка до безобразия произошла: собственно, следовало мне устранить полицию, сказать несколько успокоительных слов народу, остановиться на амвоне и благословлять. – Дома, за чаем у Преосвященного Алексия, кончившего обедню у себя здесь, встретился с князем Алексеем Николаевичем Шаховским, больным, который обещал

книг из своей библиотеки. На столе у него нашел письма ректора Московской академии, протоиерея Смирнова, что из студентов никто не желает в Миссию. – Приехал с визитом Михаил Измайлович Богословский; на мой вопрос, отчего он не первым стоял, – «не понимают, что следует уступить, – я же был и главным священником, – становятся первыми (монашествующие), что станешь делать!» Лишь позвали было к обеду в три часа, как приехала Александра Николаевна Стрекалова и просидела почти час, говоря и о своих немощах, и о благотворительных заведениях, и о муже (в молодости кутившем). В четыре часа Преосвященный Алексий пошел к вечерне, ибо завтра служить, а мы с племянником пообедали; к концу обеда сказали, что ко мне приехала княгиня (Марья Александровна) Мещерская. Заботливая княгиня привезла на храм шестьсот рублей, из коих пятьсот – от Марьи Сергеевны Мухановой, что мне не особенно понравилось; с Марьи Сергеевны, по словам Аксакова, можно получить до трех тысяч, а она, пожалуй, этим и ограничится; привезла еще приборы воздухов от кого-то; просила рапортов, – только не записки Черкасовой – «сентиментально, а дела нет»; «отец же Гавриил, извините меня, скучен; он взбесил меня, когда стал сравнивать Филарета и Иннокентия»; говорила, что во вторник ко мне придет какой-то батюшка, которому понравилась речь; «Глаза открыл», – говорит. – Стало быть, на все можно найти отголосок! – В пять часов, запоздавши немного, явился я на обед к княгине Екатерине Александровне Черкасской. Видел молодого князя Николая Павловича Баранова, которого мальчиком знал, теперь служит в провинции по судебной части; пришли Иван Сергеевич Аксаков с женой, Самарины – три брата, о. Гавриил Сретенский и прочие. Обед начался окрошкой и был превосходный, но мне пришлось все говорить и мало попользоваться им, в каких видах я пообедал ранее дома. – После обеда, часов до одиннадцати, беседовали. Дмитрий Федорович Самарин прекрасно говорил о том, что в Русской Церкви следует восстановить соборность, то есть выборы в священники, совещание с прихожанами касательно, например. средств для улучшения быта духовенства и прочее. Иван Сергеевич Аксаков иногда вставлял свои замечания. Княгиня была радушной хозяйкой, но как же она поражена смертию мужа! И до сих пор не оправилась, все будто только что перестала плакать и опять сейчас заплачет.

14 апреля 1880. Великий Понедельник.

В Москве

Пишу уже 24-го апреля. Все это время некогда было; к каждому вечеру очень уставал; сутолока; впрочем, не без пользы; теперь имеется

уже двадцать одна тысяча, собранная в Москве на храм и училище. – Отмечу хоть кое-что из ежедневного. Утром в Великий Понедельник, в восьмом часу, незнакомый господин средних лет, белокурый, вошедши, подает три тысячи рублей на Миссию. «От кого?» – «От неизвестного». – «Скажите хоть имя Ваше, чтобы упоминать в молитвах». – «Что ж имя! Пустой звук». Так и не сказал ничего; в записочке при деньгах написано было лишь «за упокой Иоанна и Акилины». – В восемь часов отправился в Мироварную палату, чтобы присутствовать при начатии варения мира. Народу в палате было человек сто пятьдесят, погода не благоприятствовала сбору. Все приготовлено было для мироварения: от входа направо, пирамидой – материалы, внизу, в кувшинах – масло, выше – благовонные составы; под котлами разложены были дрова с подтопкой; у котлов сосуды с вином, елеем и серебряные тарелки с благовониями, – всего сортов двенадцать. Когда пришел Преосвященный Амбросий, прежде всего было совершено водоосвящение; после него Преосвященный, подошедши к котлам, прочитал молитву, окропил все Святою водой и с благословением елей, вино и все специи погрузил в котел (для каждого из двух котлов приготовлен был особый набор); потом Преосвященный подтопил печки под общим котлом, для чего приготовлено было по пучку растопки – с ручками из золоченой бумаги; после чего диаконы влили в сосуд весь елей, бывший в серебряных кувшинах, и стали по три диакона у котла лопатками мешать, а священники в облачениях же читали Евангелие; начал чтение сам Преосвященный, после чего он и удалился. Мне показалось, что во время длинной процедуры завариванья, производившегося в молчании, следовало бы петь что-нибудь.

15 апреля 1880. Великий Вторник. В Москве.

16 апреля 1880. Великая Среда. В Москве.

17 апреля 1880. Великий Четверг. В Москве.

18 апреля 1880. Великая Пятница. В Москве.

19 апреля 1880. Великая Суббота. В Москве.

20 апреля 1880. Светлое Христово Воскресенье. В Москве.

21 апреля 1880. Понедельник Светлой Седмицы. В Москве.

22 апреля 1880. Вторник Светлой Седмицы. В Москве.

23 апреля 1880. Среда Светлой Седмицы. В Москве.

24 апреля 1880. Четверг Светлой Седмицы. В Москве.

25 апреля 1880. Пятница Светлой Седмицы. В Москве.

27 апреля 1880. Фомино Воскресенье. В Москве.

28 апреля 1880. Понедельник Фоминой Недели. В Москве.

29 апреля 1880. Вторник Фоминой Недели. В Москве.

30 апреля 1880. Среда Фоминой Недели. В Москве.

1 мая 1880. Четверг Фоминой недели. В Москве.

2 мая 1880. Пятница Фоминой недели. В Москве.

3 мая 1880. Суббота Фоминой Недели. В Москве

Пишу в двенадцать часов ночи, наперед приготовив графы для предыдущих чисел дневника с 15-го апреля. Каждый день так полон и дела, и суетни, и утомления, что невольно упустил ежедневную задачу – записывать… Впрочем, и в Японии едва ли придется обратиться к записи этих дней, и там эти дни, обыкновенно, беспощадно заняты и суетливы. – Сегодня особенно жаль стало гибнущих безвозвратно, если не записаны, добрых впечатлений, и потому одолел себя. – Ах, если бы Господь дал мне прилежание и постоянство в труде! – День сегодня был чудный: тепло, блистательно ясно, почти весь день провел в садике, ожидая жертвователей и читая «Пророка» из апрельской книжки (1880 г.) «Русского вестника». Утром еще пробежал несколько писем Преосвященного Леонида из книжки, принесенной вчера Татьяной Васильевной Краснопевковой вместе с ящиком икон. Что за тихая, уютная душа! И все – нежность к родным и немало поэзии. Ручеек-то журчащий, которому мало дела до долины, но который сам в себе прекрасен и манит к отдыху и задумчивости. – Мало сегодня было пожертвований. Все мелочь приносили: кусок мишурной парчи – Палевая; картинки – Раевская, ругающая Синодальную канцелярию; сто рублей – о. Гавриил, порядочный пустозвон, с своим Плевакой; книжки – инспектриса Екатерининского института и прочее, Катерина Александровна Свербеева приезжала проститься, едет в Киев, – с Богом! – В семь часов вечера был в Никольском Сиротском институте На всенощной. Поют – прелесть; жаль только вместо «те» и «ди» выговаривают «тее» и «дяи». После всенощной все 530 воспитанниц пожелали взять благословение. Давка. В залу. Маленькие удалены были. Большие взяли благословение. Маленькая речь о детях, сидящих во тьме, – слезы близ сидящих. К начальнице. Воспитанницы наносили пожертвований до 27 рублей 85 копеек. – Просили быть еще. Обещался. Удивительно хороша в Церкви запрестольная икона благословляющего Спасителя – на стене, точно живой и – является, а поют, точно ангелы; истинно хорошо молиться! Милые русачки! Да ободряет меня воспоминание о вас на чужбине! – Вернувшись с Преосвященным Алексием, у него в кабинете пересчитал деньги, собранные воспитанницами, и медные и серебряные положил взять в Японию – раздарить нашим воспитанницам на память о их русских сестрах. – На столе застал букет цветов, присланный княгиней Марьей

Александровной Мещерскою, из роз и жасмина; вероятно, дети нарвали в саду и сделали. – Сегодняшний день по приятности в саду, при редкостной погоде и нежности впечатлений можно было назвать одним из весьма хороших в жизни; впрочем, и в Японии такие дни не редкость, например при отдыхе во время рекреаций.[42] Сегодня, между прочим, заняла меня скромность викариев: Преосвященному Алексию совсем тесно жить – и ничего, живут и молчат последовательно уже сколько викариев. Преосвященный Алексий говорит, что и Филарет Московский весьма скромно жил, имел кожаную мебель с гвоздиками. Заняла еще необыкновенная доброта Преосвященного Алексея: всех принимать и со всяким сидеть – сколько кому угодно отнять у него времени. Я не способен на такое самопожертвование, увы!

4 мая 1880. Воскресенье Жен Мироносиц.

В Москве

Прелестнейшее утро! Встал совершенно свежий, хотя прочитал вчера до четырех часов. Преосвященный Алексей поехал освящать Церковь одну; жаль, что мне нельзя посмотреть на это. Мне сегодня ехать служить в Церкви Святого Николая, явленного на Арбате, где протоиереем о. Степан Иванович Зернов, радетель Миссии, по инициативе Варвары Дмитриевны Мусиной-Пушкиной и ее мужа, добрейшего из смертных, Ивана Ивановича. Утром уже трое приходили с пожертвованиями: 220 рублей (отец, седой, – медаль) и три сына (продал и деньги – в Миссию), 5 рублей и штучный покров на аналой принесла и оставила у слуги какая-то трогательно скромная женщина, – сколько здесь труда и дум за ним было, и так смиренно отдать и уйти! Недаром княгиня Марья Александровна Мещерская третьего дня выразилась: «Стоит у вас посидеть. чтобы видеть, какие добрые люди есть: а мы думаем, что есть только дурные люди». При ней тогда, между прочим, принесла 15 рублей одна женщина и, не объявляя своего имени, сказала только: «Если милость ваша будет, помяните за упокой Михаила». Действительно, сбор этот в Москве чрезвычайно поучителен и утешителен! Сколько и каких трогательных пожертвований было!

В одиннадцать часов ночи. В Церкви Святого Николая Явленного о. Степан Зернов, тамошний протоиерей (товарищ по академии Преосвященного Амбросия) встретил речью, я ответил комплиментом русскому благочестию. – Чудовские певчие пели хуже Смирновских. Церковь блестит золотом. По окончании богослужения и благословений всех – к больной со сведенными пальцами рук и ног заходили, оттуда к Варваре Дмитриевне Мусиной-Пушкиной. Были служившие архимандрит

о. Афанасий Златоустовский и о. Иосиф, ризничий, Софья Петровна Каткова, княгиня Шаховская, молоденькая, – за завтраком в стороне сидело молодое поколение, дочери, после завтрака с волнением сказавшие маленькую речь. – Собрано сегодня рублей шестьсот да утварь от Варвары Дмитриевны. – Каткову просил извинить меня и Преосвященного Алексия пред А. Н. Стрек. [Александрой Николаевной Стрекаловой], что не можем быть сегодня у Стрек. на их собрании. – По возвращении кое-кто с пожертвованиями; между прочим, юноша, бедняк и служащий у купца Морозова, принесший новое облачение. Вернувшись, застал опять свежий букет цветов от детей князя Мещерского. Как они милы! – Глафира Ивановна Ремизова привезла за вчерашнее служение пятьсот рублей на Миссию. Вечером, в шесть часов, отправился к Василию Дмитриевичу Аксенову. Несколько купцов, приглашенных им, были, слушали о Миссии, но не особенно охотно и не поощряли к красноречию. Зато, когда до книжки дошло, подписали 1400 рублей. Совершенный контраст дворянству, где часто ораторствуешь впустую, хотя и поощряемый к ораторству. – Сдал Аксеновым для положения в банк на текущий счет: 21 тысячу 100 рублей; еще они отдадут в банк прежде сданные (в Великую Субботу) девять тысяч. – Итого теперь на Миссию собрано в Москве уже более сорока тысяч.

5 мая 1880. Понедельник. В Москве

День дождливый. Тоска. Надоело быть сборщиком. Целый день был дома, и сегодня последний, в который обязан был сидеть дома с семи до девяти утра и с двух до пяти после полудня по обязательству в газетах, для сбора. Приходили разные и приносили разное: иконы (ученица Сорокина. – Вяземская), облачения (она же), утварь, – дароносица для о. Сакая от княгини Мещерской, большая икона от Перфильевой, губернаторши, икона от столетнего старца и прочее. О. Зернов привез вчера собранные деньги; дети княгини Мещерской – двести рублей от какого-то Нечаева и цветов. – Написал прошение в Совет Миссионерского общества, чтобы выдавали 23 800 рублей серебряными рублями, а не кредитными, и отвез к Преосвященному Амвросию; сегодня вечером у него собрание Совета Миссионерского общества, приготовительное пред общим миссионерским собранием. – Преглупое положение мое, просил серебряными рублями и думал, что дали серебряными, а дали кредитными! И как это вышло, Аксенов или Покровский виноват, – не разберешь, – Так как завтра служить в Успенском Соборе, по случаю рождения Николая Александровича, то отстоял всенощную дома.

Но, что за скука, наконец, в России! Как бы хотелось все разом

бросить и уехать в Миссию! Комната моя завалена пожертвованиями, но ценного и истинно нужного немного.

6 мая 1880. Вторник. В Москве

К половине десятого в Успенском Соборе, где с сослужением о. протопресвитера – Михаила Измайловича Богословского, архимандрита Афонасия и двух сакелляриев совершил литургию и после благодарственный молебен. Народу было мало – пятую часть Собора занимали. Вернувшись, просидел весь день в комнатах – в саду холодно было; в город не поехал с Преосвященным Алексеем, ждал жертвователей, но почти ни одного не было – думают, должно быть, уехал, ибо в воззвании сказано было, что имею возможность остаться в Москве до 5-го числа. – Был семинарист Добров проситься в Миссию басом петь, зелен очень. 3-го курса. Из Афонской часовни книжки привезли на ломовом, – хотел не брать все, но для раздачи морякам взял. – Вечером была княгиня Марья Александровна Мещерская с княжной Александрой, привезли тридцать золотых от неизвестного. Сначала сидели у меня, потом поднялись к Преосвященному Алексею. Княгиня хочет по подарку послать нашим о. Иоанну Сакаю, о. Павлу Савабе, Павлу Ниццума, чтобы они молились о ее семействе; первому вчера уже прислала. – Скучно, бесцветно, в Японию безмерно хочется!

7 мая 1880. Среда. В Москве

Утром разбудили в шесть часов к утрени, ибо сегодня нужно служить в Малом Вознесенье на Большой Никитской у о. Гавриила Григорьевича Сретенского, день памяти его сына. – (Записано 8-го мая вечером). О. Гавриил в Церкви встретил с волнением – речью, в конце которой было: «Благословен грядый во имя Господне». Я мало слушал, а обдумывал, что сказать в ответ. Так, должно быть, и все, которых встречают речами и которые на них отвечают. Я стал говорить в ответ, и не только не волнуясь, а напротив, уж слишком спустя рукава, во время речи даже стал мечтать о чем-то. Японская кафедра уже слишком приучила не стесняться публичным говорением. После обедни панихида о рабе Божием Петре, сыне о. Гавриила. После у него поминки; блины и прочее. За столом, между прочим, дети дочери о. Гавриила, которую я знал десять лет назад. Бедный вдовец! Недаром он всегда угрюм, а бедные дети! – С Преосвященным Алексеем на экзамене на Арбате, в школе Катерины Николаевны Самариной. Девочки, нисколько не робея, превосходно отвечали. Новая метода – учение всех уроков со слов учителя, а не из книги (учитель рассказывает раза два, за ним лучшие ученицы и так далее, книга дается больше для имен только). Прекрасные результаты:

самообладание, всегда настроенное внимание, складность речи. Экзамен русского языка. Запись в книге на память. Осмотр рукоделия и рисованья, причем мы с Преосвященным Алексеем получили от Катерины Николаевны по дюжине платков на память с метками учениц. – Превосходный обед. – Осмотр приюта старушек во втором этаже – четыре комнаты. – Дома встретила фура с иконостасом из Новодевичьего монастыря. Догодили! Куда девать! Не спросясь, прислали! Преосвященный Алексей посоветовал «забыть» здесь этот подарок. Маленькие князья Мещерские – Александр и Петр – принесли дароносицу для о. Павла Савабе и кадило для архиерейского служения. – Голова что-то разболелась и ко всенощной не мог идти, а лег отдохнуть; после позвали к Преосвященному познакомиться с графом Толстым, автором «Русской Церковной Истории». Собрали в Вознесеньи 221 рубль 48 копеек.

8 мая 1880. Четверг. В Москве

Отстоявши раннюю обедню, на которой Преосвященный Алексей поставил одного диакона, поехали встречать Высокопреосвященного Митрополита Макария, сегодня приехавшего из Петербурга, после зимнего пребывания в Синоде в Санкт-Петербурге. Вся духовная знать собралась в Императорских комнатах – викарии, протоиереи, архимандриты. Митрополит почти всех благословил и тотчас же сел в карету – шестерней. Что за прелесть митрополичий цуг в шесть лошадей! И как это пристало Москве! Все, кто встречались, снимали шапки. Прямо видно, что Митрополит едет. Недаром москвичи требуют этого, и, когда Макарий стал было ездить на четверке, оскорбились. – За ним карета Викария Амбросия (который обыкновенно ездит четверней, как обычно всем московским викариям), за нею мы с Преосвященным Алексеем в карете и потом все духовенство; по Церквам, мимо которых проезжали, везде звон. – Заехали к Иверской, где при пении тропаря Митрополит приложился; за ним и мы. – В Чудов монастырь, принадлежащий Митрополиту. Все духовенство здесь ожидало уже. – Митрополит надел мантию и приложился к иконам, мощам Святителя Алексия и престолу; протодиакон сказал ектению, потом многолетие. Затем Владыка, в мантии, благословляя народ, дошедши до порога Церкви и снявши ее, отправился в свои кельи, духовенство здесь представилось ему; между прочим, игуменьи восьми девичьих обителей поднесли просфоры (подносили на блюдах или салфетках, после поднесения просфоры оставляли на столе, а блюдо или салфетку брали с собою). – Затем Митрополит, сам севши на диване,

главное духовенство пригласил сесть, на сколько достало стульев,

прочие стояли, и минут семь-восемь поговорил; велел было чаю подать, но чай поднесли ему, когда он уже оставался один; должно быть, так и нужно, где же набраться стаканов? – Дома у меня были – Роз … с книжками от Екатерининского института и деньгами от воспитанниц (52 рубля), Ленивов с бумагой, какая утварь жертвуется, и просьбой поговорить об нем Обер-прокурору и Митрополиту! Э-эх! Везде дрязги! Простодушного Андрея Николаевича, по словам Преосвященного Алексея, везде надувают; о. Георгий – вовсе не такой невинный, а несколько искательный. Кто их разберет! Всенощная пред праздником Святителя Николая. Я выходил на величание, после которого стоял в мантии у престола до конца службы. – Три просфоры с запиской от «Лильки» Мещерской, – Генерал Остелецкий – воспитатель юношества. Утром принесла Евангелие, то есть переплет с белыми листами, М. П. [Мария Платоновна] Бенкендорф, и дароносицу.

9 мая 1880. Пятница.

День Святителя Николая. В Москве

Утром маленький Алеша Муратов принес просфору с поздравлением с Ангелом; он побыл для этого в ранней обедне в Страстном монастыре. Потом пришел поздравить с Ангелом и тоже принес просфору о. Сергий, здешний иеромонах. – К десяти с четвертью прибыл для служения в Елохово, в Богоявленскую Церковь. Великолепнейший Храм! Огромный, изящно и богатейше украшенный. Народу было полно, должно быть, тысячи три. На обедне сказал небольшую проповедь, но не мог долго говорить, жаль было народу – жарко очень было всем от тесноты. После обедни всех благословил, причем о. диакон грубенько порядочил. После – на закуску к старосте – мяснику. Хор – причетника, и превосходный, здесь же был. – Закуска – кулебяка, свежая икра и прочее. Народ в этом приходе нельзя сказать, чтобы богатый, а средней руки, но каково же благочестие, когда воздвигли такой храм. – И священник о. Иоанн Березкин, по приходу – человек очень добрый. – Пожертвования, собранные для Миссии, обещались после доставить. – Вернувшись, принимал кое-какие пожертвования. – С поздравлением с Ангелом был о. Николай Александрович Сергиевский из Университета. Вечером был у княжны Варвары Николаевны Репниной. Были: о. Николай Лавров, Глафира Ивановна, Дмитрий Семенович Трофимовский (гомеопат, о. Анатолия просил к нему адресовать); пришла еще Катерина Дмитриевна Свербеева. – Болтал о жизни в Николаевске двадцать лет назад, где зимовал, и прочее.

10 мая 1880. Суббота. В Москве

Дома просидел, принимал пожертвования, хотел написать речь,

которую завтра произнести, но не сделал; скучал и зевал много. – Вечером всенощная, где выходил на величание Преосвященный Алексий, завтра служащий.

11 мая 1880. Воскресенье.

День Святых Кирилла и Мефодия.

Общее Миссионерское собрание. В Москве

Утром отправился к обедне в Успенский Собор. Служил Высокопреосвященный Макарий. К молебну приехали оба викария: Амбросий и Алексий. Я испросил позволения также облачиться к молебну. Во время причастна Митрополит подозвал и спросил: «Скоро ли же опять в Петербург?» и «Нехорошо публикации о служении делать; Владыка Исидор молчит, а Василий Борисович в Синоде посмеивается». – Преосвященный Амбросий заметил: «На всякий чох не наздравствуешься». Молебен служили четыре архиерея и двадцать четыре архимандрита и протоиерея. После молебна Митрополит съездил в Чудов монастырь выпить стакан чаю; между тем все собрались в Мироварной палате. Было не так много, как 21 октября. Когда Митрополит вошел, пропели: «Христос воскресе»; потом Митрополит стоя сказал речь, и все стояли. Затем все сели и секретарь прочитал отчет, в котором, как и в речи, было много о Японии, до стеснительности. – Затем Митрополит оборотился ко мне, чтобы я сказал, что имею. Речь вышла слишком проста и безыскусственна, хотя у многих, очевидно предрасположенных в пользу Миссии, слезы показывались. – Потом баллотировка членов Совета, те же секретарь, тот же Василий Дмитриевич Аксенов; помощник председателя граф Бобринский; способы баллотировки – закрытые конверты; при входе каждому дается карандаш и конверт с печатными листками и графами для подписей – кого. Князь Голицын и граф Бобринский занимались пересмотром и приведением в ясность, сколько голосов за кого. Митрополит в это время уже ушел; почти все разошлись. По окончании всего зашли наверх, где в комнатах синодального ризничего приготовлена была закуска. Были оба викария, Аксаков, Иванцев-Платонов, князь Голицын, граф Бобринский, Плевако и прочие. – Когда вернулся домой, пришел от Каткова сотрудник «Московских Ведомостей» Назаревский взять речь для помещения в «Московских Ведомостях». Митрополит уже отдал свою. Я обещался приготовить к послезавтрему. – В пять часов отправился с Преосвященным Алексеем к князю Мещерскому на обед. – С детьми там после обеда составили комитет для обсуждения проекта детского миссионерского общества. Дети Мещерского премилые, и их много: Екатерина, Мария, Александра, София, Вера, Наталья, Александр и

Петр. – Утром сегодня поблагодарил письмом Софью Михайловну Каткову, подарившую ковер своей работы в будущий собор наш, и послал ей карточку Собора. Ковер она доставила в пятницу вечером, когда я был у княжны Репниной; приезжала вместе с матерью, Софьей Петровной, а раньше того, когда мы с Преосвященным Алексеем обедали, приезжал Михаил Никифорович Катков поздравить меня с Ангелом (день Святителя Николая).

12 мая 1880. Понедельник. В Москве

Сидел дома; были посетители и жертвователи. Писал речь вчерашнюю. В саду было довольно хорошо; но лучше всего вечером – из гостиной Преосвященного при виде вдали шпицев Кремля мечталось. Насыщайся. душа моя, видами русскими, насыться слух звуками родных колоколов. и да будят они вечно душу к живой деятельности – там, вдали! Куда ни обернешься, везде, все русское – все русые головы и головки, все родная речь! А там-то опять десять лет – все чужое и чужое! Но не дай Бог опять скучать! Пусть памятуется, что и здесь в России теперь я чувствовал почти всегда одно недовольство и беспокойство. Счастье только в исполнении долга!

13 мая 1880. Вторник. В Москве

Рано вставши, дописал и переписал речь, сказанную в Миссионерском собрании (она напечатана в «Московских Ведомостях» 14 мая), один экземпляр для редакции «Московских Ведомостей», другой для о. Виктора, секретаря Совета Миссионерского общества, по его просьбе, для помещения в Отчете. Во весь день было немало и посетителей; о. Гавриил; в саду с ним говорили… Вечером съездил к о. Виктору, чтобы отдать список речи, не застал его, долго играл с его детьми, зашел в Канцелярию Совета, где готовились к ревизии.

14 мая 1880. Среда. В Москве. Преполовение

Поехал к обедне в Успенский Собор, откуда сегодня Крестный ход на реку. Служил Преосвященный Амбросий Дмитровский. Во время службы приехал Высокопреосвященный Митрополит. Я также испросил изволения облачиться на Крестный ход. Что за великолепие этот обряд!

Процессия была длиннейшая; сначала псаломщики в стихарях, потом диаконы, священники и протоиереи – все по два в ряду, должно быть, пар сто – все в белых или в золотых ризах, затем синодальные певчие по два в ряд в формах, затем почетнейшие протоиереи с иконами святителей московских, корсунскими крестами и иконою Корсунской Божией Матери, архимандриты, архиереи и Митрополит с крестом на голове. Пред процессиею идут по два в ряд с хоругвями, принесенными из соборов и

монастырей; хоругви все металлические, и потому их несут по три человека. – За процессией следует генерал-губернатор, почетные чины и жандармы. Народ сдерживается натянутыми канатами; народу здесь, в Кремле, по всему пути и за Москвой-рекой было, должно быть, сто тысяч. На реке, под великолепнейшим балдахином, устроена была Иордань, – в воде, в засмоленном сосуде, внутрь которого Митрополит и сходил для погружения креста. Погода стояла ясная. Нет ничего прекраснее и торжественнее подобного зрелища! Назад Митрополит возвращался в митре и с посохом, а крест нес диакон на блюде; иереи кропили по сторонам. – Дома, – приезжали с пожертвованиями, между прочим, утром о. Виктор Покровский, у которого вчера был, привез облачение из Казанской Церкви; единовременно с ним был о. Александр Иванцев-Платонов, приглашал в пятницу к себе; после обеда были с пожертвованием от учениц 1-й гимназии (125 рублей) и 4-й (150 рублей) – Начальной гимназии. – Вот трогательная-то лепта! Еще угодней вдовицы, потому что последняя может сама заработать, а эти бедные, данное им, отдают. Да воздаст им Господь! Прекрасный урок для юных японских христиан. Вечером, с семи часов, был у княгини Мещерской, по ее приглашению третьего дня. С детьми продолжали составлять проект детского миссионерского общества. Провел у них вечер почти до одиннадцати часов.

15 мая 1880. Четверг. В Москве

В семь часов утра отправился к художнику при Дворцовой конторе Струкову; видел у него раскопанные им в Крыму древние Церкви с престолами – у стены восточной, купели в полу, в Церкви в Херсонесе, где крестился Владимир Святой, – видел образчик и рисунки басменного украшения иконостасов, заказал ему срисовать пять иконостасов, – с ним же осмотрел басменные иконостасы в Соборе Спас-на-Бору, где мощи Святого Стефана Пермского, – там басменные церковки две, наверху, потом – древний басмен[43] в четырех церковках под куполами в Благовещенском Соборе; показывали там и всю свою ризницу; поклонился иконе Успения Божией Матери, пред которою в древности нарекали Митрополитов; осмотрел с о. протодиаконом весь Кремлевский дворец и терем Алексея Михайловича – Потом – в Архангельский собор, где литургию совершал Преосвященный Алексей Можайский, по случаю сегодняшнего праздника Святого Дмитрия Царевича. После литургии позваны были к о. протоиерею Благовещенского Собора на закуску; познакомился там с сыном его – прокурором. – Отсюда на экзамен с Преосвященным Алексеем к М. А. Нейдгарт в ее дом, где собраны из

разных училищ, что под ее ведением, ученики и ученицы. Отвечали бойко; она раздавала в подарки ситец и книжки, которые заставляла меня вручать. Тут же пожертвовала на Миссию двадцать пять рублей. – Отсюда на экзамен в Учительскую Семинарию, где почти все ученицы дочери священников бедных. Выпускные, человек более тридцати, экзаменовались и превосходно отвечали. – Домой вернувшись, застал у себя жертвовательницу, госпожу Романову, принесшую разные серебряные вещи на Миссию: ложки, чайник, сахарницу, корзинку и прочее. Что за умилительные жертвы! Я предложил ей сделать бы сосуд для мира из ее вещей. Завтра она известит, найдется ли еще кто-либо помочь ей, чтобы устроить сосуд. – К восьми часам отправился к Михаилу Никифоровичу Каткову, по вчерашнему приглашению Софьи Петровны, в экипаже их. Застал там О. Ал. [Ольгу Алексеевну] Новикову, известную патриотку-писательницу на английском, еще две дамы, очень усердно расспрашивавшие про Японию; Петра Михайловича, старшего сына Каткова, кавалергарда, дочерей – Софью Михайловну, жертвовательницу, и Наталью Михайловну, и мать. Михаил Никифорович входил на короткое время. Он в своей гостиной «весьма редкий гость», как выразилась Софья Петровна. Пришел еще некий Чингис-хан, офицер, магометанин. – Вечер очень оживленно был проведен за разговорами и угощением чаем и фруктами. К одиннадцати часам вернулся домой в карете Каткова.

16 мая 1880. Пятница. В Москве

Утром пришла М. [Марья] Платоновна Бенкендорф подписать свое Евангелие, принесла малахитовые четки. – Ал. Фад. [Александр Фадеевич] Лузин, обещавший пожертвовать три облачения; советовали оставить салфетки и прочее для употребления Миссии, а кружева М. Платоновна взялась продать. – В одиннадцатом часу с Преосвященным Алексеем поехали на экзамен в Единоверческое училище, у Церкви Святой Троицы, почти за городом, у Рогожской Заставы. Мальчики отлично отвечали, я им всем 5† поставил. После экзамена Иван Николаевич Рыжков пригласил в богадельню (у них на сто старух), где устроена была закуска. Сорокин и о. Павел Прусский вели беседу о раскольниках, что им нельзя дать свободу, которой у них и без того довольно. За столом были еще: Андрей Николаевич Ленивов с женой, архимандрит Григорий Высокопетровский и прочие. До экзамена были в храме; расписан по-старинному великолепно; облачения богатейшие, ризы на иконах – тоже. Пение старинное; благословлять нужно было по-старинному – двумя перстами, молиться тоже. Все сделал, как учил меня Преосвященный Алексей, хотя и путался, пока стали подсказывать и руководить. Показали также теплую

Церковь, где видел между прочим рассеченную французами икону. – Погода сегодня превосходная; молодая зелень, точно изумрудная. Ехали мимо Елизаветинского Женского института, где много садов и зелени. – Была вчерашняя жертвовательница с известием, что нашла с кем вместе устроить серебряный сосуд для Святого мира. – Из Конторы «Московских Ведомостей» присланные 372 рубля, скопившихся там пожертвований для Миссии. – В восемь часов поехал к Александру Ивановичу Иванцеву-Платонову.

(Во втором часу ночи). Совестно стало, когда приехал, что запоздал на полчаса. В одной комнате были дамы, в другой протоиереи и священники – цвет московского духовенства, редакторы «Православного Обозрения», спустя немного пришел Николай Васильевич Благоразумов. Спрашивали об Японии. Очевидно, собрание было собственно для знакомства с Японией, и потому я старался весь вечер занимать рассказами обо всем, чем интересовались. Во время рассказов дамы перешли сюда же, в нашу комнату, и потому нужно было занимать и их. Ужин с рассказами о России за границей. – За ужином сидели в подрясниках; на вечер все приехали одетыми просто, я один – в орденах, по незнанию и из желания быть вежливым, о чем и хотел дать знать: «Счел долгом явиться в форме»; «Нам весьма приятно видеть вас во всей красоте», – ответил мгновенно Петр Алексеевич Преображенский, редактор «Православного Обозрения». Видно, что за словом здесь в карман не лазят. Один из батюшек рассказал легенду обо мне здесь, якобы в Иерусалим, отец, – к царю и прочее. Вернувшись, нашел на столе записку от Ольги Алексеевны Новиковой и книгу ее «Russia and England» с несколькими брошюрками.

17 мая 1880. Суббота. В Москве

Утром пришли за ответом от Новиковой. Потом диакон Бухарев и художник Струков вместе приехали; первый пожертвовал свои книги и уехал; второй привез дрянь вместо заказанных ему снять копии пяти иконостасов: взял два рисунка, заплатил шесть рублей и отослал. Мерзко на душе стало на целое утро; мерзко, когда между такими людьми, как жертвователи, вдруг втирается эксплуататор и видишь грязные когти простертые, чтобы впустить в тебя, и губы протянутые, чтобы сосать. Был о. протоиерей Капустин (брат о. Антонина Иерусалимского) с пожертвованием и деньгами, и книгами, и даже микроскопом. Приехал вместо девяти в одиннадцать часов И. И. [Иван Иванович] Павлов, желающий сделать сосуд для святого мира; съездили вместе к Хлебникову; Павлов не прочь идти даже до полуторы тысячи, чтобы сосуд был

действительно хороший. Приезжали Шереметевы – дамы, привезли шитый покров на аналой и передали приглашение графа Сергея Дмитриевича в Кусково. Обещался быть. После был еще Шереметев Василий Алексеевич с пожертвованием сосудов; князь Алексей Николаевич Шаховской с пожертвованием. Принесли письмо от графини Ольги Ефимовны Путятиной со вложением письма из Японии от о. Анатолия и из Березы. – В первом приложен был план Церкви в Исиномаки. Приходил Рыжков – единоверческий староста – и плакался на А. Н. Ленивова; был некто Хорошкевич с письмом к нему от Дмитрия Петровича Победоносцева и с известием, что Катерина Дмитриевна Пеликан уже в Рязани; отец зовет туда служить в Соборе, обещая и сбор. Был Добров – печатный бурсак, бас недурной, по-видимому, но к науке не востер – рассердился на двойки, «дальше и экзамена держать не буду», – говорит. Ко всенощной отправился, как обещал о. Протопопову, в Николаевский сиротский институт, в Воспитательном доме. Поспел к началу; воспитанницы уже все стояли бесконечными рядами; певчие пропели «Исполла». Пели всенощную превосходно; образ Благославляющего Спасителя за престолом, освещаемый сбоку лампой с отражением света, – чудно хорош. Спаситель, точно шествующий. – После службы, в зале, все приняли благословение, начиная с маленьких. Потом я поблагодарил их за пожертвование; море русых головок и белых перелинок будет вспоминаться в Японии. Воспитанниц тут 580; все обер-офицерские дети – сироты. Учат их, по-видимому, прекрасно; видел записки их по физике, и грамотно, и подробно; учебник же физики Малинина и Краевича. – Просили пройти в больницу, больных человек восемь – все почти от утомления пред экзаменами; у одной девочки – пляска святого Витта, нервно дрожит. В Воспитательном доме до тысячи грудных детей и мамок при них с 800. Вообще в здании Воспитательного дома обитающих считается до семи тысяч! Заходили еще к одной больной чахоточной; подруга просила благословить; пили чай у инспектриссы Ю. Н. Кауфман, куда воспитанницы тоже приносили пожертвования. Около десяти часов сопровождаемый толпами их и начальства прошел по коридорам на подъезд и уехал.

18 мая 1880. Воскресенье. В Москве

День чудный. Утром жарко. Приглашен сегодня служить литургию в Златоустовский монастырь настоятелем его о. Афонасием, который помнит, как меня постригали, потом я был у него в Казани, десять лет назад, где он был инспектором Семинарии. И теперь доброхотствует Миссии. Несмотря на то что не нравится Василию Борисовичу Бажанову и

Митрополиту Макарию, объявил о службе в «Полицейских Московских Ведомостях», – иначе, говорит, сбору и десяти рублей не будет. В половине десятого часа пришлют карету, и нужно будет ехать.

В одиннадцатом часу вечера. Отслужил в Златоустовском литургию. После нее обед у о. Афонасия. – В конце литургии, за благословением, сказано было многолетие: 1. Государю; 2. Синоду, Митрополиту и мне – с богохранимыми их паствами; 3. Инокам и всем православным христианам (Подаждь, Господи, мир, тишину, благоденствие и сохрани на многие лета). Третий раз уже провозглашается в России многолетие японским христианам: в Церкви Николы Явленного, в Богоявленском в Елохове и здесь. – После обеда (за которым было два многолетия – настоятелю и мне; говорил протодиакон Скворцов) – к княгине Мещерской. Были в саду их; жарко было; для княгини, кажется, трудно было; так зачем не дала одним детям показать мне сад; сад чрез дорогу от дома; в нем большой ясень посредине, несколько лиственниц, много сирени, иедская роза (шиповник). – До саду дети водили показать их классную комнату. – Прощаясь, обещались писать взаимно. Что-то выйдет из этой пылкой и мужественной маленькой Саши (Лильки), которая учит старшего брата, боящегося стрелять, ездить верхом; возится с деревенскими бабами и прочее! – Вернувшись, принял пожертвование от Чудовского архимандрита о. Вениамина, от В. П. Мусина-Пушкина – крест с мощами и прочее и отправился в Страстной монастырь, согласно приглашению сегодня утром матушки Евгении. Гулял по монастырю в сопровождении ее и детей – болгарок. Был на колокольне, чтобы видеть Москву; болгарки маленькие и туда сопровождали. – Вид отсюда – лучший в Москве; просто не насмотришься. В одну сторону – Страстной бульвар, вдали Сухаревы башни, в другую – Тверской бульвар, Кремль и храм Спасителя, в третью – институты Екатерининский и Александровский, в четвертую – Петровский дворец; во все стороны – море города: с дворцами, садами, Церквами, монастырями. Чудный вид! Не то что у нас с Суругадая! – Чай в беседке; «Демьянова уха» – в лицах болгарочек; пение Цветаны и Маши; фонтан; сирень – Преосвященному Алексию с поручением поцеловать ему руку, что, вернувшись, я и исполнил. Вечер с громом и молнией. Мы с Преосвященным в саду любовались; когда стал дождь накрапывать, к нему пошли; разговор об о. Федоре Бухареве, снявшем сан когда-то; оказывается, что снял сан из гордости, что не позволили печатать толкование на Апокалипсис.

19 мая 1880. Понедельник. В Москве

Утром гулял в саду, совсем жарко было. – Пассек принесла и

подписала архиерейский служебник. Ю. Ал. [Юли? Ал?] Казанская – четки и образок из Страстного монастыря. Романов и Павлов, и от Хлебникова художник. – В Патриаршую ризницу. Смотрели ризницу и дивились дороговизне облачений, особенно справленного Грозным в память сына его Иоанна, – все из крупного жемчуга и драгоценных камней, – тысяч в сто. Смотрели и мироносные сосуды. Изображения на нашем сосуде должны быть: Богоявление, Воскресение, Помазание Давида и Сошествие Святого Духа. Сосуд должен быть очень изящный; на память от матери, Русской Церкви, – своей дщери, Церкви Японской. – В субботу художник принесет скомпонованный рисунок. Дома – купец Расторгуев сто рублей принес. – На экзамен к Тютчевой Екатерине Федоровне; хорошо отвечали выпускные девять человек. – Дома встретил мадам Фишер с воспитанницей, принесших от классической гимназии на Миссию сто десять рублей; детей князя Мещерского, пришедших проститься, – едут к себе в Дугино Сычевского уезда Смоленской губернии. Саша принесла от кого-то восемь рублей и дала, видимо, свой молитвенник Павлу Ниццума, а мне медальон с изображением Святого Николая и Святого Сергия. Жаль было расставаться с милыми детьми. После них грустно стало. – Княгиня была также проститься, но не застала. – За детьми приехал старший сын Александр. Принимал я их – Фишер и Мещерских – наверху, в гостиной Преосвященного Алексея. При них еще прибыла Свербеева и после – ее два сына, студенты здешнего университета, – милейшие молодые люди, бледные теперь и усталые, видимо, так как постоянно у них экзамены; теперь остался один только; после чего они, как кончившие курс – кандидатами, – должны будут месяца три прослужить в военной службе. Оба они принесли мне свои карточки. – В восьмом часу был князь Н. П. [Николай Петрович] Мещерский, только что проводивший своих на железную дорогу; они прислали его с их приветствием, особенно Александра. Князь приглашал также в Дугино; приглашал назавтра на экзамен в 1-ю Мужскую гимназию (где был Я. Д. [Яков Дмитриевич] воспитателем). Обещался быть непременно с Преосвященным Алексеем.

20 мая 1880. Вторник. В Москве

Утром проспал почти до восьми часов. После чаю стал писать к князю Александру Николаевичу Шаховскому (что не могу быть в третьем часу), к Новиковой (что не могу быть в один час), к Сорокину (что не могу быть завтра утром в восемь). Пришли от князя Шаховского с большой просфорой от преподобного Сергия, жертвовательница кисета, переделанного на сумку для дароносицы, – чахоточная, в монастырь

желающая, но и в мире нужная для тех девиц, которых учит шить и воспитывает. Что за ангельские души в мире есть! Хоть бы эта! – О. Виктор Покровский привез ящик с тремя сосудами – дар Миссионерского общества. К обедне опоздал; а сегодня хотелось побыть – праздник Святителя Алексия, – служил хозяин. К двенадцати часам поехали с хозяином в 1-ю Гимназию (против храма Спасителя) на экзамен. Плохо отвечали. Девицы – куда лучше! Хотя бы вчера – несравненно лучше знают Закон Божий и красноречивей рассказывают; здесь – все мямли какие-то, дар слова совсем не развит; а знают так плохо, что приходится выбирать самые простые вопросы, чтобы не поставить в затруднение. Или преподают плохо, или бездарность одна в классе. А вчера еще князь Мещерский так хвалился этой гимназией, и директор так хвалил! – А он – человек нервов; тут же стал горячиться и видимо, капризничать, ворчать на учеников, – совсем неприлично! Настоящий экзамен не оправдывает славы Гимназии. Ведь отсюда Соловьев – историк! Еще бы не быть ей славной! – К двум часам – в Чудове. Здесь ждали Преосвященного Алексея к обеду. Митрополит Макарий был весьма любезным хозяином. Из светских были – генерал-губернатор князь Долгоруков, Гражданский Губернатор Перфильев, Обер-полицмейстер Козлов, вице-губернатор Красовский и один гофмейстер, – и только; из духовных, кроме викариев, главные архимандриты и протоиереи. Обед, начиная с стерляжьей ухи, был изысканный; тосты – за Государя, за «Московского Митрополита Макария» (князь сказал), «за дорогого гостя» (князя, – Митрополит сказал), «за всех гостей», «за процветание Японской Миссии» (Амбросий), «за двух хозяинов Москвы – духовного и светского» (то есть в лице их – за гостеприимных жителей Москвы) – я предложил. – При всех тостах, протодиакон чудовский еще кое с кем пел «многая лета». – «Как по-японски многая лета?» – «Бан-сай». «Неловко петь». – «Да у нас еще и не поют; не знаем, как перевести; „Бансай“ значит „десять тысяч лет“ и весьма употребительное слово; а „многия лета“ собственно „тасай”, или „ооку-но тоси“, – но непонятно будет». – Митрополит «бансай» не посоветовал употреблять; а Преосвященный Амбросий – к «тасай» советовал прибавить «сю-я тамай». – Мнение Митрополита нужно не забыть. Преосвященный Амбросий здесь же за столом пообещал колокол для Миссии, – «Колокол есть у вас?» – «Нет». – «А нужно?» – «Как не нужно». – «Так поздравляю с колоколом». – За столом же был староста Успенского Собора, богач Попов. Преосвященный Амбросий с ним переглянулся и спросил: «Можно?» – «Можно», – тот ответил. – И колокола, кажется, будут! Даже не в сто, а в пятьсот пудов, и притом – с

полным прибором других колоколов!.. Что ж, хоть бы в триста пудов сделали! Перевезти – перевезем. За столом Митрополит, между прочим, советовал вести записи о Церкви, чтобы после нетрудно было делать исследования. Что у кого болит… Каждое утро сидит над хартиями, пиша Русскую Церковную Историю, так и об Японской уже думает. – Раненько! «Вы, конечно, будете знаменитостью», – говорит; эвона! Хорошо, что не молод я для легковерия. – К князю Алексею Николаевичу Шаховскому, – подарил несколько книг, между прочим, рисунки русских древностей. – К О. А. [Ольге Алексеевне] Новиковой (рожденной Киреевой). Застал ее поющею. Пришли потом православный англичанин, преподающий в Лицее Каткова, ее сын – студент третьего курса университета. – Заецкий; после пришла Анна Михайловна Евреинова – доктор прав (если не ошибка); последняя весь вечер говорила; вот говорунья-то! О Пушкине, о воздухоплавании (хочет к Северному полюсу на шаре)… Новикова премилая особа! А как ее книгу расхвалили, хотя бы в сегодня присланной ею статье «Варшавские дневники». «Russia and England» в два месяца потребовала уже второго издания. – О Гладстоне, – о брате ее Николае…

21 мая 1880. Среда. В Москве

Утром головная боль, должно быть, от цветов, которые присылают каждый день от князя Мещерского и которых стоит несколько стаканов и банок; вчера тоже прислали; видно, что князю, или, по крайней мере, прислуге наказано это от уехавших княгини и детей. – Погода прекрасная. Вышел в беседку записать дневник, и головная боль прошла. – К девяти часам нужно ехать в Успенский Собор на крестный ход к Владимирской Церкви, по случаю праздника Владимирской Божией Матери.

В одиннадцатом часу вечера. Перед тем как отправиться, Преосвященный Алексей снабдил наставлениями, что делать в крестном ходу. В Успенском, на кафедре, начать молебен (собственно весь крестный ход состоит из молебна), окадить Корсунскую Божью Матерь, сопровождаемую стеклянными крестами, крест, Евангелие и все иконы – московских Святителей, ризы Господни и другие, потом с каждением – пропустить мимо себя на кафедре все святыни, отдать кадило, взять посох и идти позади, благословляя на обе стороны народ. – До Чудова шли уж слишком скоро; видно, что с архиереем вовсе не соображались, не то бы было, если бы Митрополит; потом длинная процессия металлических хоругвей. – Остановка и приложение к кресту и иконе у Вознесенского монастыря (девичьего, в Кремле), – и благословение монахинь; то же против Церкви Василия Блаженного – остановка и приложение к кресту и иконе; между тем процессия бежит впереди (дал бы выговор). Пред

Лобным местом длинный ряд по обе стороны священников и все хоругви. Продолжение молебна, чтение Евангелия на Лобном месте и осенение народа на все четыре стороны, начиная с Кремля, крестом с каменного возвышения на Лобном. – Опять шествие и остановка и приложение к кресту и иконе и благословение священнослужащих против всех Церквей по Никольской; благословение народу на обе стороны беспрерывное и стоящим в верхних этажах. У Церкви Владимирской Божией Матери, в конце Никольской улицы, Преосвященный Алексей встретил процессию. Понесли крест и икону, к которым я приложился и сотворил приветствие Преосвященному Алексею. – Обедня, отслуженная Преосвященным Алексеем. – На обеде в Заиконоспасском монастыре. – Благословенье учеников Заиконоспасского училища; телята у стены Китайской – снаружи, – безжалостно связанные. – Медленно тянувшийся обед, при плохом разговоре с претензиею занимать, – протоиереев Романовского, Богословского; скучновато было. После обеда я осмотрел с Александром Алексеевичем Невским, смотрителем Заиконоспасского училища, – сущее на месте, где когда-то была основанная Ли-худами Заиконоспасская академия; а потом Семинария, ректором которой был и Исидор, Санкт-Петербургский Митрополит ныне, а учился в котором и Филарет Московский. Ребятишки плоховато одеты и не по форме, а кто в чем может, – даже, кажется, вольнее, чем было в наше время (и в рубашке, и в пальто, и в пиджаках); в классах – грубо, но воздуху довольно; в спальнях – чистенько; гимнастика плохая – у нас в Японии лучше и лучше делают. Впрочем, ученики смотрят не забитыми. По географии – один срезался, другой – поправил. Дал им пять рублей на конфеты. Приятно было видеть наших мальчуганов, духовных. Обстановка, если бедненька, то и содержание-то – 35 рублей в год – за пищу и жилище, то есть на полуказенном (по-нашему- древнему)! Ведь дешевле немыслимо! Да и трудно поверить! – В Думу на экзамен. Раздосадовал хозяин. Много вежливости уж тоже – приторно и мучительно. Это – печатный конфуцианист по вежливости! Не по нутру нашему брату – простому русскому человеку! Господь с ними, со всеми этими вежливостями! Может, он и святой человек – Преосвященный Алексей. – Недаром по целым часам люди (девица сегодня у лестницы) ждут его благословения. Но с Преосвященным попроще, например с Амбросием, было бы куда лучше ездить на экзамены. – Мука всегда с его смирением! Я не стал бы так мучить его в Японии, а делал бы проще, – шел бы впереди сам везде, где видел бы, что гостю тягостно – от незнания, что и как делать! – О, Конфуций! Ты меня и в России не перестаешь досадовать! – В Думу

приводят на экзамен из разных городских училищ. – Экзамен у разных столов, – в обеих залах; публика – бородатая за барьером и у столов… Попечитель – князь Мещерский, любезно показывающий залу думских заседаний с портретом Ю. Ф. [Юрия Федоровича] Самарина и других. – Но дом Думы нанимается у графа А. Д. [Александра Дмитриевича] Шереметева! Москва не имеет до сих пор своего дома для Думы! Чудовищно! – Домой. – Купец какой-то крест принес; чай – и счет деньгам – в беседке; о. протоиерей Капустин, принесший двести рублей. – К В. Д. [Василию Дмитриевичу] Аксенову, – и не застал дома.

22 мая 1880. Четверг. В Москве

Боже, скоро ль в Японию! Надоела Россия, то есть надоело безделье, как горькая редька! Кажется, скоро одурею!

В двенадцатом часу ночи. Утром поехал, как обещался, в восемь часов, к художнику Павлу Семеновичу Сорокину. Видел в мастерской много хороших вещей его и брата – Евграфа, приготовленных для храма Спасителя. Евграф рассказывал, как сделался живописцем, – из Ярославля, – чрез картину свою сделался пансионером Императора Николая в Академии Художеств. – Звал я Павла учителем иконописи в Японию. Колеблется. Показывал потом Павел остатки только что кончившейся выставки картин. – Поехал потом к иконописцу Рогожину смотреть иконы для Грузинской Божией Матери по рекомендации Федора Никитича Самойлова. Иконы в строго греческом стиле, то есть почти все – безобразие. Нет уж, для Японии лучше Пешехонова. – В Покровский монастырь. О. Иоиля не застал, – хотел его понудить к спору. Зашел к старому знакомому о. Митрофану. Выпили с ним рябиновой; ходили потом осматривать миссионерский дом, где я и помещался десять лет назад; комнаты, бывшие мои, заперты от безлюдья. Осматривали кладбище; много богатых хоронятся. Приехавши домой, застал о. протоиерея Приклонского с греческим Новым Заветом и Японскими Евангелиями. Последние – плохого перевода хираганой – и потому отказался взять как ненужные, а он чрез полчаса привез китайские. – Князь Александр Николаевич Мещерский с гувернером; поклон от княжны Александры Николаевны. Граф Сергий Владимирович Орлов-Давыдов – радостный, что женится скоро на Арсеньевой, дочери Натальи Юрьевны и сестре семинариста. Кое-кто с пожертвованиями вещей; между прочим, подрясник от игуменьи Никитского монастыря – уже сшитый. – После обеда в беседке, часу в седьмом – Иван Дмитриевич Лебедев, директор 1-й Московской гимназии, пришедший благодарить за экзамен. От него услышал, что Государыня Мария Александровна померла сегодня утром в

девять часов; он только что прочел телеграмму наверху у Преосвященного Алексея. Говорил о Гимназии, о Якове Дмитриевиче Тихае, служившем у него, и его пении. – Поехал к В. Д. [Василию Дмитриевичу] Аксенову сдать на хранение собранные деньги. Всего до сих пор в Москве собрано тысяч около 49; сегодня я сдал тысяч восемь с лишком. – У Преосвященного Амвросия, к которому заезжал собственно спросить о П. С. [Петре Семеновиче] Сорокине, застал Обер-полицмейстера Козлова – о завтрашней панихиде, – где служить – в Чудове или в Архангельском Соборе? Нетерпение Козлова. – Преосвященный Амвросий говорит, что Павел Сорокин решительно не умеет преподавать, хотя сам иконописец хороший и человек религиозный. Вернувшись, хотел сказать Преосвященному Алексею, что завтра он назначен на панихиду в Чудов, после обедни, но он спал уже.

23 мая 1880. Пятница. В Москве

Утром о. Гавриил Сретенский, принесший 18 рублей, – это и есть сегодня за целый день! Значит, истощились сборы! Потом игуменья Рождественского монастыря, мать Серафима, привезшая малое архиерейское облачение. – Граф Евфим Васильевич Путятин и Ольга Евфи-мовна. Обрадовался им очень. Они проездом в имение Глебово в Подольской губернии. – На панихиду по Императрице в Чудов монастырь. Преосвященный Амвросий служил обедню. Митрополит приехал в средине службы. После обедни вышли служить панихиду: Митрополит и три викария, 16 митр и камилавок – вплоть до алтаря. В Церкви были: генерал-губернатор – князь Долгоруков, стоявший по левую руку, несколько впереди всех, и – все московские высшие власти – в мундирах. – После службы – к Преосвященному Филофею Киевскому, сегодня приехавшему из Петербурга, на пути в Киев. Там же были Высокопреосвященный Макарий, – пришли – сенатор Федор Петрович Корнилов и Гротт – академик, – депутаты по Пушкинскому памятнику, открытие которого, значит, откладывается по Высочайшему приказу. – Дома – целый день скука. Обед в сообществе о. Ивана – родного Преосвященного Алексия. – В восемь часов – к графу Путятину, остановившемуся в доме графа Орлова-Давыдова на Страстном бульваре. Целый день до одиннадцати часов провел там. Разговор – о Грузине и проекте Миссионерской академии Митрополита Филарета, о Пашкове и письме Преосвященного Феофана. – «попы в черной и белой шляпе».

24 мая 1880. Суббота. В Москве

Утром принесли рисунок сосудов для святого мира. Очень понравился. Пришел жертвователь – Иван Иванович Павлов; ему тоже

понравился. От Хлебникова выражают желание, чтобы работой не торопить, а предоставить сделать на всероссийскую выставку. И хорошо бы, хотя чуть-чуть неловко – для Японии. Оставил спросить совета у Митрополитов – Киевского и Московского. С Преосвященным Алексием поехал к первому. Он первый пошел к Митрополиту, а я в это время был у Вениамина, наместника Чудова монастыря, который занимал рассказами о своем батюшке да бабушке; э! – Митрополит одобрил рисунок сосуда; насчет же выставки сказал, что это зависит от местного архиерея, то есть от Московского Митрополита. В ожидании кареты осмотрел Собор Чудова монастыря; персидские знамена; серебряные поделки (Царские врата – литые из серебра); облачения Святителя Алексия – и художник Сорокин, явившийся снять с них фотографию для помещения облачения в иконе; Вселенские Соборы на потолке, написанные с председящими Царями – нечестиво. – У нас между тем были Путятины. Я за день два раза был у них – в доме графа Орлова на Страстном, – дома не застал. Дома скучал, спал; у Преосвященного гости – ярославские духовные; пожертвования почти совсем прекратились. Скука смертная! Своды давят! Поскорей убираться отсюда, не то с ума сойти можно.

25 мая 1880. Воскресенье. В Москве

В девять часов служил литургию на Саввинском Подворье, за нею панихиду о Царице, после – чай у Преосвященного Алексея, где граф Путятин и Ольга Евфимовна. – В три часа у протоиерея Капустина. Осмотрели Церковь Святого Никиты Мученика – великолепные облачения, особенно воздухи – богатство, выше и изящнее которого трудно придумать; Евангелие поднять нельзя. У него обед; сын – цензор по иностранной литературе. – После обеда – таблица изобретения о. протоиерея; десерт в саду. – Визит к Путятину, и я оставлен был там часов до десяти с половиной. На Страстном бульваре – против окон графа Орлова-Давыдова – каскад – нисходящий и восходящий.

26 мая 1880. Понедельник. В Москве

С утра укупоривал облачения. – В одиннадцатом часу простился с графом Путятиным и Ольгой Евфимовной. Обещался быть в Глебове. – Вернувшись, укупоривал книги и прочее. Всего укупорено одиннадцать ящиков для Петербурга. – В шесть часов отправились с Преосвященным Алексеем к Надежде Заварыкиной, которая вчера взяла с меня обещание быть у ней. Рано приехали, и потому не в духе приняла и ничего не пожертвовала, хотя угощала вишнями и сливами – не с тарелок – не успела-де приготовиться. Просил взять пансионерок в школе Миссии, ибо она товарка по воспитанию Марии Александровны Черкасовой; не взяла, –

не имею-де ничего, а только распоряжаюсь по завещанию тетки. – К Высокопреосвященному Макарию – в Черкизово. Проезжали мимо Сокольников, Преображенского монастыря (о. Павла Прусского – вправе), по деревне Черкизово («Черкизово-сельцо – я купил на собственное серебрецо» – Святитель Алексий Московский, Чудотворец). – Дождик. – У Митрополита – любезно, насчет 2000 рублей кредитными или металлическими – уклончиво. Облачений архиерейских обещал, книг тоже, сосуд для мира – благословил, служить в Троице-Сергиевой Лавре на Вознесенье позволил. – На обратном пути осматривал Филаретовское женское училище для духовных девочек. Там теперь живут 340, ходят, кажется, с сотню. Видели девушек – в столовой за чаем, в Церкви за молитвой, в зале, где я им сказал несколько слов; видели их классы, дортуары,[44] умывальни. Все вообще производит очень хорошее впечатление. Заведение осматривали как оно есть – нас не ждали, – разложенные по окнам учебники… Чистота везде – и в этом, и во всех женских заведениях необыкновенные. – Не забыть бы сказать Марии Александровне Черкасовой об ее товарке – Заварыкиной – «пусть-де сама о своих нуждах пишет». Велела также напомнить о ней М. Н. [Марье Николаевне] Струве, – отцы знакомы были, кажется.

27 мая 1880. Вторник. В Москве

Утром укупорка ящиков. В одиннадцать часов отправились с Преосвященным Алексеем на экзамен в Катковский лицей – Цесаревича Николая. Великолепнейшее здание, специально для Лицея построенное. Встретили: законоучитель о. Виноградов, Катков и прочие. В зале и вместе Церкви – эффект неподражаемый: когда вступали, незаметною рукою отдернута была завеса, а певчие превосходно запели по-гречески: «Христос анэсти эк нэкрон».[45]

Я должен был пойти стать против алтаря по условию с Преосвященным Алексием. Певчие из лицеистов. – Экзаменовались из Закона Божия и греческого языка по Новому Завету выпускные. Отвечали прекрасно из Закона Божия, если взять во внимание, что у них всего один класс в неделю. Но из греческого языка мне кажется, неудовлетворительно, когда могли читать не все, а только Евангелие от Иоанна или Послание к Ефесянам. – После экзамена я должен был сказать несколько слов воспитанникам; стакан чаю, и я попросил посмотреть лицей. Сам Михаил Николаевич провожал вместе с инспектором. Заведение положительно образцовое: воспитанники имеют классные комнаты, занятые, рекреационные, тут же около спальные, для питья молока, – все это отдельно; потом общую столовую, гимнастическую залу,

баню – внизу, актовую залу, Церковь (с очень низеньким иконостасом, чтобы все богослужение было видно), больницу и сад. По словам Каткова, все это придумано и устроено Павлом Михайловичем Леонтьевым, которого портрет мы видели в библиотеке. – На самом верху – комнаты для студентов университета – из Лицея; у каждого студента – комната; столовая – общая… Воспитанников в Лицее до 300; пансионеров почти половина из этого числа. Платят пансионеры 500 рублей или 600 и больше, а есть и gratis. – Ломоносовская семинария. Словом, лучшее из заведений, какое мне случилось видеть. – Заехали в Классическую женскую гимназию мадам Фишер. Видели половину воспитанниц. Я поблагодарил их за пожертвование для Миссии. Осмотрели комнаты, попросили сыграть на фортепиано, что сделали две племянницы Преосвященного Алексея с двумя классными дамами – в восемь рук. Осмотрели сад, видели куропаток. – Заведение очень серьезное. Готовятся женщины серьезные по образованию, которые будут в состоянии приготовлять и мальчиков к поступлению в Гимназию. Дай Бог процветания! Вернувшись, продолжал укупоривать вещи. Была всенощная отдания Пасхи; но я только мимобеганьем слышал пение ирмосов «Воскресения день» – в Церковь, к несчастью, некогда было. Приготовили к отсылке 18 ящиков; гимназисты – карапузы сделали надписи. После всенощной вечером позвали к Преосвященному, где пили чай мадам Фишер с воспитанницами – человек восемь; они часто бывают у Владыки; «Мы – саранча Саввинского Подворья», – пошутила мадам Фишер. – С Филипычем, келейником Владыки, съездили в баню, на этот раз очень хорошую, только полы и скамейки каменные – холодно; цена 15 копеек. – Лег спать с головною болью – от усталости, должно быть.

28 мая 1880. Среда.

В Троицко-Сергиевой Лавре

Утром отослал ящики на железную дорогу – в товарный поезд. К обедне не поспел – и тоже только мимоходом слышал пение пасхальных часов. – Преосвященный Алексей поехал в Чудов монастырь по случаю совершающегося сегодня в Петербурге погребения Государыни Марии Александровны. – Митрополит совершает заупокойную литургию, а после будет панихида. Я с двенадцатичасовым поездом отправился в Лавру, вчера предудпредив телеграммою Наместника о. Леонида о том, что Митрополит позволил мне на Вознесенье служить в Лавре. – В Посаде – на станции встретил монах, и карета была прислана. Комнаты отведены очень приличные. О. Леонид любезно принял, угостил обедом, после чего я осматривал Лавру в сопутствии келейника о. Алипия, бывшего на Афоне

и в Иерусалиме. Богомольцев столько теперь здесь, что в Соборе Преподобного Сергия невозможно было пройти приложиться к мощам; по случаю свободы еще от сельских работ всегда в это время бывает много. Слазил на колокольню и оттуда любовался Лаврой и видами: на восток – скит, – несколько правее Вифания. [46] Церквей видно в Посаде пять, в дальних селах больше того. – Большой Собор поправляют теперь – под полом проводят трубы, чтобы не было сыро. – В шесть часов началась всенощная и шла до половины десятого; я выходил на литию и полиелей, после чего помазывал освященным елеем народ до самого отпуста, а осталось еще, говорят, на час, меня уже позвали в алтарь, а жаль было оставить народ – с таким усердием богомольцы подходят. – После всенощной с балкона о. Леонида слушали пение соловьев в Лаврском саду; причем он рассказывал о себе, как попал в Лавру, – о Кротковой и ее интригах и прочем.

29 мая 1880. Четверг.

Вознесенье. В Троицко-Сергиевой Лавре

Спал дурно: пуховики были, и вечером чаю напился. Утро прекрасное. Когда зазвонили, с наслаждением купался в волнах звуков дивного лаврского Царя-Колокола в четыре тысячи пудов. Звуки чистые, густые, заставляющие воздух дрожать. – До службы, с семи часов осмотрел литографию, где был десять лет назад. Всех произведений ее по экземпляру предложили в подарок. – В помещение фотографии; предложили и здесь по экземпляру; хорошо, если пришлют. И самого сняли здесь. – К обедне. После службы с час благословлял богомольцев. Обед, на котором был и ректор Академии протоиерей Сергей Константинович Смирнов, простой и дельный человек. Наместник взял меня в карету и повез осматривать Вифанию; в Церкви Платона – семинаристы, в Соборе – все по-старому, в Крестовой Церкви Платона – иконостас из занавеси, в комнатах – Леонид, кричащий. К счастию, отсюда уехал; а я спокойно осмотрел Семинарию с инспектором-архимандритом. – В классе, в жилых комнатах, где и койки же, – везде пыль и бедность; по полу от выбитых сучьев ходить трудно. Бедность поразительная. В библиотеке видел кипы царских писем к Платону, между прочим – письмо Павла с угрозами, что Платон не хочет ордена. – Семинаристы очень понравились: бодры, здоровы, лица осмысленные, благовоспитанные, одетые весьма порядочно. Приглашал в Японию, когда кончат курс в Академии. – В Скит. С трезвоном встречать и провожать везде велел наместник, – надоели. – Осмотрел Церкви – внизу и вверху, где все деревянное, но драгоценное, – столовую, где пил квас весьма хороший;

показывал все о. Антоний – игумен. Потом смотрел древнюю Церковь и комнаты Высокопреосвященного Филарета. Простота во всем поразительная. В домик Наместника против пчельника. О. Антоний принес подарок Скита – резные вещи. Малина и клубника – угощение; чай и мед. Съездили отсюда к пещерам; осмотрели пещеры; поклонился чудотворной иконе Черниговской Божией Матери и купил за шесть рублей иконку ее. Пономарь подарил свое произведение – живущий в пещере. В Киновии видел трех братьев – основателей ее, с отцом, – ныне умерших; кладбище лаврских иноков у озера. – Вернувшись в скит, с о. Леонидом съездили в

Пустыньку, – верст пять отсюда – в лесу. Женщины здесь, как и в Скиту, не бывают. Но на пещерах и в Киновии бывают; на пещерах – выстроены гостиницы. – Непочтительная дама в белом. – В Пустыньку и оттуда ехали шагом; о. Леонид страшно надоел болтовней о своих заслугах и бранью всего нынешнего, в котором забывает себя одного. – Тишина в Пустыньке привлекательная. Едва упросил не звонить. Красоты и великолепия всех храмов здесь и в Москве не опишешь и не упомнишь. – Вернувшись в Лавру, у себя виделся с магистром Соколовым – земляком, принесшим свое магистерское сочинение – о протестантах, – с о. Иосифом, которого звал в Японию учить певчих, и согласился. – К о. Наместнику ужинать. – Страшное явление неприличного гнева его, лишь только – о певчих. «Не позволю взять никого! Митрополиту пожалуюсь! Не подговаривайте!» Горькие чувства и мысли испытал я – не за о. Иосифа, которого, возможно, я и не взял бы, а за о. Леонида. Что за феномен! Поужинали мирно, но мне вспомнилось… Вот она дружба-то! И христианское участие тоже! Как до дела – и не выслушивают, сейчас в бороду готовы вцепиться. Впрочем, не из духовных, а из военных, – шпицрутенное и благочестие. Приятнейший из дней крайне испорчен был под конец. В первый раз в жизни наткнулся на такое непонимание интересов Церкви в лице видном.

30 мая 1880. Пятница. В Москве

Утром в восьмом часу – в Академию. О. ректор ласково принял, угостил чаем в кабинете. Пришел и Наместник о. Леонид. Ректор показал залу Академии с великолепнейшей росписью потолка и старинною печью. Дом Академии прежде был Дворец, построенный для Елисаветы Петровны, и потому стены, потолок и ниши окон изукрашены. Призванный ректором студент Ал. Вас. Мартынов показал остальное в Академии: аудиторию, комнату жилую, где не так чисто и элегантно, как в Петербургской академии, – паркетный пол не натертый, пыльно. –

Библиотеку показал библиотекарь; превосходное здание, нарочно для библиотеки построенное, – восемь зал с арками вверху и восемь внизу; в библиотеке много редких рукописей, многотомных редких изданий (acta Sanctorum[47]), – «Отче наш» на сотне языков – старая книга. – Вернувшись из Академии, осмотрел лаврскую ризницу. Если бы выключить пожертвования Анны Иоанновны, Платона и Филарета, что бы осталось! – А кричат о богатствах! Ризы преподобного Сергия, конечно, бесценное сокровище, но в другом роде. – Осмотрели живописную, начальник которой о. Симеон, автор «Приобщения пред смертию Преподобного Сергия», – земляк, вяземский, вчера познакомившийся вечером у о. Аполлинария. Обещал копию «Приобщения». Осмотрели все заготовленное по живописи и всю школу. – К молебну, пред которым простился с студентом Мартыновым и магистрантом Розоновым (которого видел сидящим в спальне студентов), принесшим для Миссии свое сочинение – «Евсевий». Отстояв конец обедни, вышел служить пред мощи преподобного Сергия. Пели все певчие; народу – полон храм. А мне грустно-грустно было, что до сих пор из Лавры и Москвы – нет тружеников для Миссии и. прикладываясь к мощам Святого Сергия, я не мог воздержаться умственно от жалобы: «Буду судиться с тобою пред Господом – отчего не даешь миссионера в Японию». – Наместник благословил иконой преподобного Сергия. – Пообедали у него. Прощаться пришел о. Алек. Сахаров. – О. ректор Академии – На станцию железной дороги; по правую руку дороги – дом Кудрявцева. – На вокзале в Императорской комнате – Варвара Дмитриевна Мусина-Пушкина. В вагон. – Николай Никитич Коцинский. Меня удивило в разных отношениях. – Дай Бог, чтобы нашелся миссионер из Московской академии. – До Хотькова монастыря с Коцинским. – После до Москвы Наместник терзал пошлейшими анекдотами. Видно, что не из духовных, и анекдоты-то все пустые и пошлые. До Саввинского Подворья Наместник так и не дал покою под предлогом успокоения. – Нашел на столе письмо Ольги Евфимовны, о Ф. Алек. [Феодосии Александровне], что ее теперь взять в Японию. Посоветовавшись с Преосвященным Алексеем, поехал в монастыри; Знаменский – о. Сергий дал пять экземпляров Апологии, 50 рублей, показал Церковь и Дворец Михаила Федоровича, где поразила одна комната, похожая на японскую, на втором этаже, – сосуд игрушечный и прочее. – В Сретенском о. Виктор, старик, едва вышедший, сказал, что вследствие указа Высокопреосвященного Иннокентия (вот, мол, это тебе за то, что ты не пожертвовал на Японскую Миссию – пропажа 30 тысяч) – уже пожертвовал тысячу рублей – а теперь не дал

ничего. – В Высокопетровский. О. Григорий – очень ласково. Его брат на фисгармонии сыграл кое-что; прогулялись в саду; братия монастыря пожертвовала сто рублей.

31 мая 1880. Суббота. В Москве

Утром – письмо к о. Исайи в Петербург с накладной, чтобы принял 18 ящиков, – к о. Феодору Быстрову – о том же, – к Ольге Евфимовне Путятиной, что Феодосию Александровну теперь в Японию взять не могу. – Сестра Феодосьи Александровны; отдал ей книгу из Петербурга, взяла еще пояс мой. Мадам Пассен пришла взять прощальное благословение, просил писать, дал адрес в Японию. Когда-то, шесть лет назад, писаное о Японии расположило ее к Миссии – можно видеть, как полезно писать о Миссии. – Поехал в Монастыри. Андрониевский. О. Модест показал храм, где под спудом мощи святого Андроника и Саввы, – первый был ученик преподобного Сергия. В комнате о. Модеста – великолепная икона двух чудотворцев – в серебре. – Накрапывавший дождь помешал подробнее видеть монастырь. – В Покровском о. Иоиля не застал. О. Геронтий своею суетнею возбуждал улыбку у одной из своих гостий. О. Митрофан угостил рябиновкой. В Новоспасском – Преосвященный Порфирий дал книги для Миссии, обещал и денег, поговоря со старшей братией. – Преосвященный Иоанн дал по шесть экземпляров своих брошюр о религиозном состоянии Америки – Показали Собор, наподобие Успенского, с отличною росписью, в коей, между прочим, представлен Страшный Суд, над которым и Император Николай Павлович призадумался, представлены Цари с сияниями, точно святые; гут же Церковь рода Шереметевых. В Симоновском монастыре, на конце Москвы, за рекой, – о. Евстафий подарил сто экземпляров своего сочинения о молитве Господней, сто рублей денег, брошюрки, угостил закуской, показал Собор, – Церковь, построенную Феодором Алексеевичем, с пятью престолами, Церковь у своих келий – над воротами. Вернувшись, нашел у себя студента Мартынова. – О Коцинском – хвалит, но какое-то сумасшествие, вследствие которого не мог учиться в Петербургской академии. – Михаил Никифорович Катков – благодарить, что был на экзамене у него в Лицее. Просидел минут десять. Обед в беседке. После – к всенощной в Вознесенский монастырь, что в Кремле; во время шесто-псалмия – в Никитский; стоял в алтаре. После всенощной к игуменье – матушке Алевтине. Повидался со слепой матушкой Флорою, бывшею игуменью, которая помнит, как я десять лет назад приходил в монастырь. Слепая старица дала на Миссию пять рублей и четки. – Вернулся в одиннадцатом часу; всенощная кончилась почти в десять часов, с семи начавшись.

1 июня 1880. Воскресенье. В Москве

Обедню отстоял в Церкви Саввинского Подворья. Преосвященный Алексей рукополагал, между прочим, диакона для Майноского селения в Малой Азии, с согласия Константинопольского Патриарха,[48] – Преосвященный Алексей употреблял при священнодействии двуперстный крест; за спиной стоявший старообрядческий монах – по лицу просто был счастлив. И в самом деле, быть может, – единоверчество – смерть для раскола. После обедни отправился к Трапезникову, вследствие вчерашней записки В. Д. [Василия Дмитриевича] Аксенова. Обещался – завтра или послезавтра привезти пожертвование, – теперь в доме-де ничего нет, а в конторе. Заехал к Тюляеву – старика не застал; сын, Иван Анисимыч, – тоже седой – обедал, обещал сказать отцу, что я был. – Только! Кажись, отец святошеством надоел семье. – Вернувшись, у Преосвященного Алексея встретил знаменитого писателя Феодора Михайловича Достоевского. Уверения его о нигилистах, что скоро совсем переродятся в религиозных людей, – и теперь-де из пределов экономических вышли на нравственную почву: о Японии: «Это желтое племя – нет ли особенностей при принятии христианства?» – Лицо резкое, типичное. глаза горят, хрипота в голосе и кашель – кажется – чахоточный. Приехала графиня Марья Владимировна Орлова-Давыдова с племянницами: двенадцатилетняя Ольга Васильчикова привезла своей работы воздухи, восьмилетняя Женя пояс сшила. Обещались участвовать в детском Миссионерском обществе вместе с Мещерскими, их родственниками. – Поехал к Мусину-Пушкину. Там ждали; совестно, что заставил дожидаться. Принимают в доме чисто по-родственному. Варвара Дмитриевна приготовила архиерейское облачение. Долго говорили – тоже о Детском Миссионерском обществе, в котором могут участвовать их дочери Лиза и Таня (одиннадцатилетняя). – К протоиерею Гавриилу Ивановичу Вениаминову. Застал у его постели Степана Ивановича Зернова. Просидели до половины двенадцатого, Гавриил Иванович заставил меня взять на Миссию из бывших вещей Высокопреосвященного Иннокентия: омофор, подушку и палицу; еще, по завещанию, из вещей Высокопреосвященного Иннокентия я должен получить – полное архиерейское облачение, две митры, посох, дикирий и трикирий, о чем написано в прошении Гавриила Ивановича к Высокопреосвященному Макарию. Екатерина Ивановна и дочь их Катя – уже взрослая девушка, угощали нас с Степаном Ивановичем закуской. Жаль бедного больного! Трудно поправиться ему!

2 июня 1880. Понедельник. В Москве

Утро бесцветное, хотя и хорошая погода. Не могу отлучиться до двенадцати часов – должен ждать Трапезникова. – Преосвященный Алексей очень звал вместе с собой в Филаретовское училище, чтобы повидаться с Митрополитом и поблагодарить его за облачения и книги. Но я не мог отлучиться, боясь пропустить Трапезникова. – П. П. Боткин прислал 100 рублей. Трапезников приехал и подписал 300 рублей, извиняясь за малое – иркутским пожаром и необходимостью там помочь. Поехал в Данилов монастырь. От о. Амфилохия получил его сочинения – денег, говорит, нет; старец очень симпатичный и преданнейший своему предмету археолог. Застал его за завтраком – скатерть грязная, кушанье простейшее, и тут же на окне – только что написанное для печати, – у ворот застал и лошадь, чтобы везти в типографию. – Поклонился могилам: Гоголя, Хомякова. Самарина. Никифора Феотоки. О. Амфилохий показал храм, поклонился и помолился святым мощам князя Даниила и чудотворной иконе Святого Кассиана Римлянина. – О. Амфилохий из окна алтаря показывал вид, по его словам, восхитительнейший (в сущности – грязнейший), на Москву-реку. – В Донской монастырь. Наместник о. Аркадий, не имея права без Преосвященного Хрисанфа распоряжаться имением обители, пожертвовал от себя сто рублей. Потом любезно показал храм Донской Иконы Божией Матери (где в это время работали красильщики), храм, в котором чернь на хорах нашла в моровый бунт Преосвященного Амвросия и убила, выведши; потом смотрели кладбище, где, между прочим, могила Гр. Мамонова, считавшегося сумасшедшим; видели теплый храм, в котором похоронен убитый Преосвященный Амвросий и мавзолей ему, граф Протасов – прокурор, Голицын и прочие. – Осмотрел потом Донское Духовное училище. Учеников около двухсот, из которых половина здесь же живущих. Смотритель – Александр Михайлович Боголюбский, кандидат Московской Духовной академии, сын Московского протоиерея и родной племянник Преосвященного Платона Костромского, которого «Догматика» переведена на японский. Училищем он управляет прекрасно. Видели классы, спальни, столовую – все чисто. Дети с ним свободно и ласково; показывали на счетах, пели много и стройно. Мне понравилось это училище больше, чем Заиконо-спасское, где все как-то уж очень бедно высматривает. – Вернувшись и пообедавши, отправился в Чудов монастырь спросить завещание от Высокопреосвященного Иннокентия. Получил от о. Вениамина: облачение, две митры и посох; дикирий и трикирий – нет, – говорят, принадлежат Перервину монастырю. – Пришел о. Гавриил и проговорил до зевоты. В десять часов принесли телеграмму от о. Исайи из Петербурга,

что ящики получены и что на мое имя много повесток.

3 июня 1880. Вторник. В Москве

Не надеясь на какой-нибудь сбор и не взяв книги, поехал к Тимофею Савичу Морозову поблагодарить за пожертвованную им тысячу рублей, когда служил я в Большом Вознесенье. Его дома не застал, а жену Марью Федоровну. Приняла ласково, благословения не просила и руки не целовала, поэтому только и видно, что принадлежит к староверам. Заговорила о Гильтебрандтах – совершенно по-родственному: «Я об вас знаю давно от Я. А. [Якова Аполлоновича]». – «Позвольте еще пожертвовать», – и принесла тысячу рублей. – Дама совершенно образованная, так что могла бы назваться и княгиней, притом благочестивая так, что в течение краткого разговора я два раза видел у нее слезы на глазах: «Как могут они (нигилисты) без Христа!» – и плачет от жалости о нигилистах. – В Ивановский монастырь. Вот изумил-то! Ново, свежо; первый корпус – с цветником посредине напомнил какую-то заграницу. Собор – точно на небе. Пение на хорах – ангельское. Больничная церковь – с живописью изящнейшею; кельи игуменьи… Все ново, изящно. Монастырь освящен в настоящем виде в октябре прошлого года. Игуменья Рафаила и главные монахини – из Аносинской пустыни. Монастырь общежительный, строгий. Дай Бог ему! В Рождественскую обитель. Игуменья Серафима и две ее сестры – Анастасия и Манида, пожертвовали еще сто рублей; – также четки, ладонные и шелковые; певчие пришли петь. Осмотрели церковь, прошлись по аллее за церковью; – малые домики – кельи, – тишина в самом центре столицы! – Александра Петровна – больная, и букет ландышей; речь о Преосвященном Викторине, знакомом ей по Казани. – Игуменья и ее сестры, знакомые М. Н. [Марьи Николаевны] Струве. Икон, пожертвованных ими, обещались принести завтра. Матушка, Леля (десяти лет) и ее рисунки карандашом; учительница Марья Анатольевна Вяземская. – Приехавши домой, застал у Преосвященного Алексея о. Павла Прусского, порадовались вместе пожертвованию на Миссию. После обеда и вечером Преосвященный Алексей отправился соборовать о. Гавриила Вениаминова, а я в Зачатьевский монастырь. Мать Калерия, хотя и больная, приняла: «А не могу ли что пожертвовать на Миссию?» И дала сто рублей. – Потом монахини показали свои Церкви; главная очень красива; три предела внизу и вверху, на хорах Церковь же; снизу – к востоку вид особенно хорош. – С балконов – во втором этаже Церкви – вид также превосходный. В теплой Церкви покоятся останки двух родных сестер Преосвященного Алексия, Митрополита Московского, который и основал монастырь. В

Церкви над воротами интересна картина Страшного Суда. – К Варваре Евграфовне Чертовой, поблагодарить за вчерашнее пожертвование воспитанниц ее и воспитательниц по 25 рублей на Миссию. Застал там княгиню Четвертинскую – 84-х лет, которая прежде была у меня. Пожертвовала 128 рублей. Пришел Хрущов, зять Полякова, с которым я виделся в Киеве десять лет назад. К восьми часам вернулся, чтобы встретить княгиню Мещерскую, два раза бывшую, чтобы видеться. Приехала по поводу воображаемого клеща в глазе Пети. Что за милое семейство! И что за разумная особа эта княгиня! Примерная мать! Долго говорила она про сельскую жизнь, про С. А. [Сергея Александровича] Рачинского, священника своего Смирнова (кажется, отца моего товарища Смирнова в Белом). Ее дочери Александре, от которой получил чрез нее такое разумное письмо, послал иконку Черниговской Божией Матери, купленную в Ските – у Пещер, на днях.

4 июня 1880. Среда. В Москве

Боже, да скоро ли это кончится русская жизнь! Когда же я буду чувствовать и знать себя опять в Японии? Если опять когда взгрустнется там, пусть вспомнится, что нехорошо чувствовалось здесь – Утром – письма к матушке Евстолии, – к о. Федору Быстрову, чтобы 800 рублей передал в Новодевичий – мастеровым по иконостасу, – к о. Исайи – с доверенностью на имя о. Феодора – получать за меня по повесткам, засвидетельствовать подлинность моей подписи в Канцелярии Митрополита. – Матушка Серафима, Рождественского монастыря, принесла иконы, вчера пожертвованные; мать Рафаила, Ивановского монастыря, принесла в благословение икону Предтечи Иоанна. Обе – еще просфоры. Мать Евгения, Страстного монастыря, зашла от Владыки Алексея и говорила, как народ ропщет, что к памятнику Пушкина будет духовная процессия для освящения его. О том же говорил о. Иоиль, принесший великолепное пожертвование Александры Филипповны Колесовой – 23 иконы прозрачные – на холсте, масляными красками. С о. Иоилем был какой-то подрядчик; тот в негодовании на освященье памятника; «вон „трухмальные“ ворота Филарет не пошел освещать"-де… Что за многознаменитейшее явление. – Этот взрыв народного религиозного чувства – и негодование на духовенство, что оно собирается (по напечатанной программе) выйти – освятить и прочее! Митрополиту делают поправку. Вот что значит Москва! Благочестие тут как крепко, и как чуток народ ко всему, что может компрометировать Церковь. – А дело – не шуточное. Уже генерал-губернатор и Обер-полицмейстер были у Митрополита сказать ему, что народ волнуется и не желает процессии.

«Что-де нас идолопоклонству хотят учить! Идола освящать!» Или: «Церкви и молиться за него (Пушкина) не должно, – он самоубийца – дал себя так легкомысленно убить» (Лузин – Преосвященному Алексею); пусть на него хоть бриллиантовый венок вешают, да не освящают идола, а то вон и теперь неверы смеются: «И Пушкин будет чудеса творить, – его освящают, как мощи» (подрядчик). «Что у нас за архиереи!"… (вслух в Церкви Страстного монастыря). Вот-де и народный поэт! И как велик нравственный характер лица! Говорят, что другому лицу так бы не сделали, а именно Пушкину. – Вечером съездил к Анурову – на дачу уехал, – к Преосвященному Амбросию – посоветовал отправить за сбором на Нижегородскую ярмарку о. Гавриила Сретенского; едва ли состоится; в Страстной монастырь попрощаться с маленькими болгарками; что за милые дети! Был еще студент медицины – болгарин – брат грустнолицей Анюты, и маленький Вася, брат Раины – болгарской королевны (Маша, большая – ее сестра).

5 июня 1880. Четверг. В Москве

Целый день укладывал иконы и прочее – всего два ящика. Прескучная работа. Утром был Сергей Михайлович Третьяков, московский купеческий

голова, – пригласить на завтрашний обед от города депутатам от разных мест, пришедших на праздник Пушкина; еще раньше того получил печатное приглашение в том же смысле. Затем были: Ю. А. [Юлия Александровна] Казанская с дамой, принесшей ящик пастилы; дама по имени Августина – ухаживает за восьмидесятилетним Муравьевым-Апостолом – ссыльно-каторжным декабристом, под руководством которого в Сибири сама воспиталась; студент Свербеев – Миша, сын Самарского губернатора, милейший юноша, болтавший о раскольниках битый час; опять Ю. А. Казанская с книгами и сибирским ковром; на этот раз я попросил ее помогать нам укладывать в ящик вещи, что она с удовольствием, по-видимому, исполнила. Обедал в три часа в обществе Елагина, говорившего все время обеда и больше о себе; Православие, по ему, кажется, им одним и держится. – Вечером видели аэростат, поднявшийся из Москвы, – на высоте верст пяти. Побыли с Филипычем (келейником Преосвященного Алексея) в бане за 60 копеек.

6 июня 1880. Пятница. В Москве.

День открытия памятника Пушкину

День, полный глубоких, неизгладимых впечатлений, который, конечно, не здесь передать и из которых часть утратится, но остальной части будет достаточно, чтобы доставить еще много счастливых минут в жизни – минут отдыха от тяжелого труда, минут услады разлуки с

родиной и прочее. – Обещал быть верен этим листам, пока в России; но здесь – скелет дней здесь, и притом изломанный и едва частями попадающий в коллекцию. Может, сгодится, чтобы крепче пригвождать к заграница. – Сегодня утром отправил в Петербург четыре ящика; потом с Преосвященным Алексеем – в Страстной монастырь. Дорогой – множество народу – у памятника. В Церкви Преосвященный Алексей очень раздосадовал пиханьем меня все вперед, что делает он, быть может, и по доброте, но жестоко; я – лицо совершенно случайное – и всегда впереди здешнего викария – что за нелепость? Красный от досады и конфуза, стоял я сегодня впереди его. – На панихиду мне не пришлось выйти, так как кафедра была тесна для четверых. – После панихиды речь Высокопреосвященного Митрополита Макария о значении Пушкина для русского языка с приглашением благодарить Бога, что дан был России такой талантливый человек. Речь немножко не по церковной кафедре. Пели чудовские певчие очень хорошо. После обедни я с колокольни смотрел открытие памятника. Казалось, что вот-вот Пушкин сойдет с пьедестала и пойдет среди бесчисленной толпы, собравшейся у его подножия. Музыка, – речь, – снятие покрывала в два приема, причем – «ура» – народа, – обход вокруг памятника принца Ольденбургского и всех главных лиц, – обнесение знамен и значков, положение венков у подножия – от разных лиц и учреждений (от Классической женской гимназии Софьи Николаевны Фишер венок в 57 рублей – говорил Ал. В. Мартынов вечером; от венков скоро почти ничего не осталось – все расхватали по цветку на память). – Видел славу – олицетворенную; другой славы здесь на земле – нет; разве – народу больше бы. Но Пушкин стоял со склоненной головою, как будто – или он виноват пред народом, или он думает о суете всего происходящего, то есть славе. – Спустившись с колокольни, зашел к игуменье. Там были еще – Принц Ольденбургский, Высокопреосвященный Макарий и прочая знать. Болгарки в белом были представлены Принцу. – У И. М. Рождественского попросил издания Общества любителей духовного просвещения, и он обещал прислать в Лавру. – С Преосвященным Амбросием – в университет. – В полукруглой зале, за библиотекою, было битком набито звездами и разною знатью. На хорах стояли студенты. Принц Ольденбургский, и два пальца – архиереям! – Речи Тихомирова, ректора Университета, о значении Пушкина для языка – недурно; Ключевского – об историческом значении Пушкина – превосходно; Старожилко – о влиянии иностранных поэтов на Пушкина. – К Преосвященному Амбросию. – Спустя минут сорок отправились с ним на обед в Благородное собрание, данный от города депутатам, пришедшим

из разных мест на праздник Пушкина. – Ожидание в зале, причем знакомство с Григоровичем – писателем – чрез Тургенева (на подъезде столкнулся еще с Достоевским), причем Григорович хотел попросить чего-то для музея, но другие развлекли. Алексей Алексеевич Гатцук предложил для Миссии Крестовый Календарь и другие свои издания – лишь бы известить, куда высылать; семейство Пушкина, – его сыны: полковник-гусар и статский, дочери: что за Герцогом Нассауским – бывшая красавица, и – бывшая за Гартунгом – седая; внук – офицер Дуббель – от первой, бывшей за Дуббельтом прежде. Новикова – любезность ее, Софья Петровна Каткова. Обед по 25 рублей с персоны. Неудивительно. Такие роскоши – редко. Музыка в соседней комнате (удовлетворяющая по исполнению, думаю, и Рубинштейна, которому только что был представлен), цветы, великолепное освещение. Закуска – с лобстерами почти в аршин; за столом – по левую руку – за неприездом Преосвященного Алексея прямо старший сын Пушкина, – по правую – Яков Карлович Гротт, потом – Иван Сергеевич Аксаков; напротив – князь Н. П. [Николай Петрович] Мещерский, Софья Михайловна Каткова. – Обед нам с Преосвященным Амвросием совершенно постный. – Тосты: 1-й – Министра народного просвещения Сабурова – за Государя; 2-й за Принца Ольденбургского (Голова С. М. Третьяков предложил); 3-й – за генерал-губернатора князя Долгорукова; и так далее – за депутатов, за гостей, за дам и прочих. Речи говорили: 1-ю Иван Сергеевич Аксаков, вставши против пустого места, где назначено было Преосвященному Алексею, и опершись руками на мой стул и – сына Пушкина, с ораторскими движениями сказал превосходно (все о свободе! Бедный русский!) Потом следовали речи: Каткова, Преосвященного Амвросия и много других, но мало было слышно, гостей слишком было много, и зала большая; гостей больше 200 было. – Словом, видел все самое блестящее в сем мире: цвет интеллигенции и талантов (Майков, между прочим, стихи читал, – которому, по выражению Каткова, Пушкин спустил золотую цепь), – лучший пир в материальном отношении. Бриллиантами горели предо мною хрустали на шандале, мечты разнообразились и искрились, как цвета, игравшие в хрусталях, но успокоения не было, – манило только в Японию. – Когда кончились спичи и обед, поспевая за Преосвященным Амвросием, я столкнулся, между прочим, с Константином Александровичем Ислaвиным, секретарем редакции «Московских Ведомостей», который просил кланяться в Японии Марье Николаевне Струве; опять с Гатцуком, с Горбуновым, молодым еще человеком, с очень живой физиономией (с Максимовым, который был на Амуре, – столкнулся

при выходе из Университета сегодня). – Вернувшись, застал Преосвященного Алексея одного и откровенно разболтался с ним о многом. В воскресенье нужно будет уехать в Казань, так сегодня и всем говорил. На обратном пути, между прочим, побыть у М. Н. [Михаила Никифоровича] Каткова – на даче, – он просил и говорил, что пошлет деньги о. Владимиру.

Конец этой книге; 12-й час ночи 6 июня 1880 года. Саввинское Подворье, на Тверской улице в Москве, – под сводами.

Епископ Николай.

В России

7 июня 1880. Суббота. В Москве

Утром – к В. Д. [Василию Дмитриевичу] Аксенову, – просил его свести все собранные в Москве деньги вместе и дать мне перевод на них в Петербург, а также дать половину ассигнованной от Миссионерского общества суммы для отсылки в Японию. Звал он для этого к себе в амбар, на Чижовское Подворье, после первого часу. – В фотографию Шимановского – порядочно помучили. – К первому часу – в Благородном Собрании на заседании Общества любителей Российской словесности по поводу открытия памятника Пушкину. Читали: председатель – Юрьев, Тургенев, Писемский, Полонский, Майков, Сухомлинов, депутат от Французского правительства, принявший на свой счет большую половину рукоплесканий, принадлежавших вышедшему в то время Тургеневу. Я сидел около Иванова – помощника попечителя Учебного округа, – князя Мещерского, Mm Новиковой и А. Д. [Александра Дмитриевна] Шереметева. Множество ума, красноречия, блеска, рукоплесканий; при выходе видел коллекцию портретов Пушкина в соседних галереях. Из духовных видел на заседании: Златоустого монастыря архимандрита о. Афонасия и о. А. М. Иванцова-Платонова. Кончилось заседание в четверть пятого. На десять минут был перерыв. Юрьев: «Объявляют заседание открытым», – … В амбар к В. Д. Аксенову. По сосчитании всех собранных в Москве денег, оказалось пятьдесят две тысячи. Оставил их у Аксенова до возвращения в Петербург, а из Миссионерского общества двенадцать тысяч он пошлет в Петербург о. Федору Быстрову для пересылки в Японию. Вернувшись и пообедавши с Преосвященным Алексеем, который из деликатности не обедал до сих пор, ожидая меня, отправился ко всенощной – здесь же, на Саввинском Подворье, где и выходил на Литию и Евангелие, – по случаю завтрашнего Великого Праздника Пятидесятницы. После всенощной зашли проститься Катерина Дмитриевна и Софья Дмитриевна Свербеевы, которых принял в комнатах Преосвященного Алексея.

8 июня 1880. Воскресенье.

Праздник Пятидесятницы

Утром рано вставши и прочитавши правило, уложил последний ящик с вещами из Москвы: посох, три митры и прочее. В половине десятого отправился в Успенский Собор, чтоб отслужить литургию – в последний, быть может, раз в Успенском. Сослужили: протопресвитер о. Мих. Изм.

[Михаил Измайлович] Богословский, о. архимандрит Иосиф – ризничий и два священника. После литургии – вечерня и чтение молитв Пятидесятницы с амвона, стоя на коленях, лицом к народу. Народу было – полон Собор, и все больше простой. По окончании службы всем желавшим преподал благословение. Вернувшись домой, был позван пить чай к Преосвященному Алексию, тоже только что кончившему литургию на Саввинском Подворье; звать прибежали две его племянницы: Саша и Анюта – в мордовских платьях, воспитанницы Классической женской гимназии М. Н. Фишер, которая и сама здесь же была. – Когда уехала она с воспитанницами (из которых одна, тут же бывшая, желает ехать в Японию), я пошел написать письмо – о. Исайи о ящике и прочем, но пришел прощаться едущий на каникулы в Дугино молодой князь Мещерский Александр, воспитанник Лицея Цесаревича Николая. Послал с ним фотографические карточки, только что принесенные, его матери и сестре Саше. По уходе его позвали обедать. Русская угостительность – отчасти пренеприятная черта. Мой хозяин до того неотступно всегда угощает, что против воли больше, чем хочешь, съешь и выпьешь; и это каждый раз; сегодня тоже; поэтому после обеда отдохнул и, окончательно собравшись, в семь часов простился с гостеприимным Преосвященным Алексием – в алтаре, пред началом всенощной, и отправился на Нижегородскую железную дорогу. Дождь шел, и холодно было. Совсем осенняя погода. Взял билет второго класса. Спать почти нельзя было – тесно, притом же крик ребят, которых мать, какая-то офицерша, тут же заставляла делать кое-что неприличное; все это заставило пожалеть, что не взял билет первого класса. Ночью просто озяб, несмотря на то, что был в двух рясах.

9 июня 1880. Понедельник.

Праздник Святого Духа.

На дороге в Казань, на пароходе из Нижнего Новгорода

Утром, в половине десятого, прибыл в Нижний Новгород. Здесь же на станции послал телеграмму в Казань Высокопреосвященному Сергию, согласно его желанию в телеграмме Преосвященному Амвросию, его товарищу по Академии. Прямо со станции, где купил и билет первого класса на пароход Самолетской Компании «Императрица», до Казани (стоит 8 1*2 рублей)*, – *на Самолетскую пристань. В одиннадцать часов пароход отправился в путь. Пароход берет пассажиров и кладь на обоих берегах реки. Пассажиров полно и на палубе, и в каюте. Когда выходили, смотрел на Нижний и окрестность, но без прежнего чувства. Целый день холодный ветер. К вечеру немного прояснилось, и заходящее солнце*

красиво играло на окнах деревенских домов по правую сторону Волги, или на глинистых холмах, придавая невыразимую красоту зелени, покрывающей холмы. Так как день праздничный, то группы народу виднелись по холмам там, где есть деревни.

В Козьмодемьянске на четверть часа остановились, чтоб взять дров, живо нанесенных бабами. В каюте – шестнадцатилетний князек Чернышев, журимый гувернером за то, что натюкался красным вином; крайная медленность прислуги; порядочная скука. Цвет речной воды далеко не так красив, как в море, и вечером вода мертвая, не искрящаяся тысячами звезд, подобно морской.

10 июня 1880. Вторник. В Казани

Утром видел с парохода направо Свияжск (где покоятся мощи Преподобного Германа), точно на блюдечке; в шесть часов пристали в Казани. На пристани нашел эконома архиерейского дома и карету в четыре лошади, присланную за мной. В карете должен был переодеться в клобук, так как все, завидя четыре лошади, кланяются карете. В архиерейском доме переоделся, умылся и после чаю отправился к протоиерею Евфимию Александровичу Малову – у Благовещенья. Застал его пишущим; насчет миссионера из Казанской Духовной академии наговорил он много, но – «торубеки кото» – ничего. – К Николаю Ивановичу Ильминскому, директору Учительской Семинарии, – за озером Кабан, в Татарской слободе. Постарел Николай Иванович – седая борода (58 лет ему), но все тот же говорун. Радушно встретил. В Церкви ученики пропели «Благословен еси» – под управлением Смоленского. Показывали всю Семинарию. Видно, что жизни много, – даже камень на лестнице истерт. Кроме наук, преподаются ремесла, видел механическое заведение. Смоленский подарил свою книгу пения, механическое заведение – свои металлические поделки, Николай Иванович угостил кофеем. К одиннадцати часам был в архиерейском доме, где нашел Гавриила Ивановича Горталова и его воспитанника Николая, гимназиста, которого я когда-то ласкал шестилетним. – Оба очень любят духовных. – Скоро приехал с экзамена Высокопреосвященный Архиепископ Казанский – Сергий, любезный мой хозяин; я встретил его на лестнице. Прибыл также Преосвященный Павел – викарий – маленький и слабенький по виду, аскет, служащий ежедневно со дня смерти Высокопреосвященного Антония. Когда Высокопреосвященный Сергий кончил кое-какие дела епархиальные, отправились в загородный архиерейский дом. Пообедавши рыбой, наловленной в Кабане, по словам Владыки, нарочно к моему приезду, отправились гулять в сад, потом в поле и на пчельник, версты

четыре от дома. Местность сельская – превосходная. На пчельнике видел рой, сегодня вышедший, но еще не посаженный в улей, – пчел огромный клубок, а внутри – матка. Вернулись в пролетке. Дома застали Николая Ивановича Ильминского и о. Академии – Александра Поликарповича Владимирского. Вечером все время почти говорил Ильминский.

11 июня 1880. Среда. В Казани

Утром, погулявши в саду, зашел в церковь во время Херувимской. Здесь, как и везде в архиерейских домах, тоже ежедневно служба: вечером в 7 часов всенощная (как в Москве), утром в 7 часов обедня. – Поехали с Высокопреосвященным Сергием в город, где он – на экзамен, я в Академию. Ректор принял любезно в своей квартире и показал потом библиотеку с великолепной залой и актовую залу – оба здания, которых я не видал прежде, пристроенные. Потом Владимир Владимирович Плотников и два доцента показали Академию. В Церкви студенты пропели. В кабинетах почти никого не было – разъехались на каникулы; в спальнях, в столовой, в аудиториях, – все чисто и в порядке, хотя беднее, чем в Петербургской академии, но лучше, чем в Московской. В учительской комнате, позвавши студентов, – всего двоих Плотников и нашел привести, – говорил о Миссии и звал желающих туда в следующем году. Видел также сад академический, в сопутствии Плотникова и других, и, ходя там, рассказывал о занятиях о. Владимира в Японии. – У ректора потом предложили закуску; пришел и Николай Иванович Ивановский, инспектор, несколько больной от падения с экипажа. – Когда вернулся на архиерейский двор, нашел в комнатах пожертвования ризами и разною церковною утварью из Собора, по распоряжению Высокопреосвященного Сергия, и от него лично – прекраснейшие два облачения. Петр Демидович Миловидов – протоиерей и ключарь соборный – носил вещи из Собора в дом. Осмотревши и принявши все, в втором часу отправился к Горталову. Высокопреосвященный Сергий велел пробыть там не больше пяти минут, а как сделать это, когда я запоздал на полтора часа и когда там приготовлен был завтрак, к которому так долго ждали! В три часа уже я прибыл к Преосвященному Павлу, с которым вместе должен был ехать в загородный дом Высокопреосвященного Сергия – к обеду в два часа. Пока Преосвященный Павел, уже думавший, что я не заеду за ним, и севший у себя за обед, решился ехать, и пока приехали, был пятый час. Очень совестно было, что так опоздал, но вина почти невольная. Пока приехал я – был сам не свой все время с утра от беспокойства, что забыл под подушкой деньги – полторы тысячи рублей, боялся очень, что слуга, перестилая постель, украдет совсем или часть: очень обрадовался, увидевши, что

сверток даже не был разворачиваем. У Высокопреосвященного Сергия, значит, очень честная прислуга. – Пообедали, причем Высокопреосвященный Сергий и викарий его очень любезно разговаривали; видно, что в мире и любви живут. Разговор был о памятнике Пушкина и о том, как Преосвященный Аполлос Вятский горячо восстал здесь, будучи проездом, против оказания ему почести со стороны церкви. По уходе викария мы с Высокопреосвященным Сергием долго ходили по саду, причем он сообщил мне много полезных сведений и замечаний касательно чина архиерейского служения, опираясь на авторитет московского Филарета, которого был ставленником в архиерейство. Весь вечер провели вдвоем; дождь был, и из города трудно было приехать.

12 июня 1880. Четверг. В Казани.

(Пишется на пароходе из Самары в Сызрань, 17-го числа)

Утром из загородного дома Высокопреосвященный Сергий отпустил меня одного в город, и я побыл в Семинарии; там были экзамены в некоторых классах. О. ректор любезно показал всю Семинарию: классные комнаты, спальни, рекреационную залу, переплетную, где желающие

учатся переплетному мастерству. Везде чисто, просторно; на дворе гимнастика; ученики держат себя очень свободно. Семинария помещается в верхнем этаже, а в нижнем – лавки, отдаваемые внаем. Ректор на мой запрос ответил, что есть из оканчивающих курс тенор и бас, и баса тут же показал – Вишневского, я застал его списывающим ноты (песни «Я холопа хороню» и пр.). Мне показался очень уж молодым, и я ничего не сказал ему. – Из Семинарии – в Собор, Петра Демидовича Миловидова там не застал, почему сходил к нему на дом – тут же в Консисторном доме. С ним пришли в Собор: подсвечник и иконы в Царские врата, оказались очень годными. Приложился к мощам Святителя Гурия. Кто-то, бывший здесь, пожертвовал один рубль на Миссию, стал выражать благожелания на путь и заплакал. – К Преосвященному Павлу – просить книг; от него – в Казанский монастырь – приложиться к Чудотворной иконе Божией Матери. Матушке казначея, вышедшей показать Собор, предложил пожертвовать на Миссию, по примеру московских обителей. – Опять к Преосвященному Павлу – везти его в загородный дом на обед. Едва решился. – Когда приехали, все гости уже были налицо: ректора Семинарии и Академии, Ивановский, Ильминский, Горталов, Разумов, Виктор Петрович Вишневский, о. Василий Тимофеев и еще несколько протоиереев. – Первый тост Владыка Сергий предложил за мое здоровье, и я должен был отвечать маленькою благодарственною речью и

предложением здоровья Владыке. За обедом же устроено было, что я останусь до воскресенья в Казани и отслужу в Соборе, – никак не мог отказать любезности хозяев, хоть и нужно спешить. После обеда гуляли и пили чай в саду; мошка очень мешала. Ильминский, Ивановский и о. ректор Академии долго вечером оставались, ужинали и много говорили. Высокопреосвященный Сергий являл себя в высшей степени радушным и угостительным хозяином.

13 июня 1880. Пятница. В Казани

Утром вместе с Высокопреосвященным Сергием поехали в город. Ко мне пришел Васильев – тенор, семинарист. Понравился, и я заказал ему прийти завтра вместе с Вишневским. Вместе с ним приходил проситься в Японию совсем мальчик – семинарист; отказал, конечно. – Получил письмо П. С. Шапкина, а потом и сам он пришел, просит озаботиться постройкой храма в Ханькоу и снабжением этого места священником; средства и на храм, и на содержание причта обещаются определенные. Жаль, что не могу ничего сделать – за двумя зайцами… С Высокопреосвященным Сергием побыли с визитом у Губернатора Скарятина. Дочь – артистка по живописи, показывала картины своей работы. Скарятин рассказывал, как он удерживает студентов Казанского университета от волнений.

Когда собирались уезжать в загородный дом, пришел В. [Владимир] Владимирович Плотников с желанием поговорить. Владыка посоветовал пригласить его для того в загородный дом, что я и сделал, пригласив – с пароходом в четыре часа. – В назначенное время он явился и предложил взять его миссионером в Японию. Пришел Ильминский и стал мешать нашему разговору; Владыка взял его к себе, и мы кончили; я дал ему 200 рублей на дорогу до Петербурга и посылку матери. Не понравилось мне, что он хочет держать это в секрете здесь и только из Петербурга написать в Академию. Но пусть делает, как знает. Владыке Сергию он сказал о своем намерении оставить доцентуру в Академии и ехать в Японию, и Владыка одобрил. – По уходе его, Николай Иванович Ильминский долго занимал разговором, пока, наконец, уехал с своим «абзой» (дядя – по-татарски, – извозчик его).

14 июня 1880. Суббота. В Казани

Утром, как и все утра, гулял в саду – прелестнейшем из загородных садов. Потом отправился один в город сделать визит Виктору Петровичу Вишневскому, почетнейшему соборному протоиерею, – не застал его, а только зятя его – Адоратского – тоже старика уже; Лепоринскому – законоучителю Родионовского института благородных девиц, – встретился

с ним на дороге; Разумову Николаю Васильевичу, секретарю Консистории, – дал две иконы в Миссию; – в Казанский монастырь – примерить митру, подаренную мне Владыкою, но по тесноте отосланную вчера туда для поправки; в монастыре оказалось приготовленное еще значительное пожертвование: двести рублей и облачения и иконы, что все и показала казначея за болезнию Игуменьи. Зашедши в Собор приложиться к иконе, отстоял обедню, которую застал в начале. В архиерейском доме – скоро пришли Васильев и Вишневский, пропели «На реках Вавилонских»: бас – не сильный, но приятный. Условились, что я беру их в Миссию, если родители их отпустят. – Заехали к Преосвященному Павлу, в Спасский монастырь (где покоятся мощи Святителя Варсонофия), – и домой – в загородный дом. Была гроза и дождь. Приехавши, сходил в баню, потом пообедали. В семь часов была всенощная в Крестовой, я стоял в алтаре; после с Владыкой просмотрели архиерейский служебник, и он сделал кое-какие замечания.

15 июня 1880. Воскресенье. В Казани

Утром, приготовившись к службе, отправился с Владыкой в город и в Соборе служил литургию в сослужении оо. ректоров Академии и

Семинарии, Виктора Петровича Вишневского, Ефима Александровича Малова и татарина о. Василия. Певчие поют недурно. – После обедни у Владыки – дамы – с пожертвованием, одна из них – дочь Марии Владимировны Толстой; купчики тоже, – и один из них просился в Миссию для какой угодно службы. Пересчитал деньги, собранные на Миссию сегодня в Соборе, – оказалось сто восемнадцать рублей двадцать шесть копеек. Собирал Николай Васильевич Разумов – В два часа отправились с Владыкой в Академию на обед – к ректору Александру Александровичу Владимирскому. Говорили, будто обед для меня. Много было благожеланий, спичей; между прочим, о. Николай Варушкин говорил по-славянски спич, при котором я очень боялся, чтобы он не провалился, ибо был он немного навеселе. Гостей было человек двадцать; из посторонних – Горталов, Разумов; были Ильминский, Малов, Знаменский – историк, Порфирьев, Беляев, Некрасов, Ивановский, ректор Семинарии – о. Никифор и прочие. Из дам – жена о. ректора. – Истинно трогательно участие всех их к Миссии; видно, что мысль о Миссии – привычная и любезная в Казани. Евфимий Александрович Малов даже заплакал, выражая сочувствие. – После обеда мы с Владыкой Сергием вернулись в загородный дом, где уже был губернатор Скарятин, жена его и дочь. Последняя (Александра Николаевна) привезла альбом свой, которым и угощала. Ходили по саду. Александра Николаевна рассказывала, что

татарки тяготятся своим положением и их легко бы привлекать в христианство. Когда уехали они, Владыка заставил меня закусить и, наконец, отпустил совсем в город, простившись. Заехал в городе к Горталову, которой ждал. Гимназисту Коле Горталову подарил фотографию Собора. – Вернулся в архиерейский дом в двенадцатом часу; здесь ждал меня о. Афонасий Каченовский из города Белый, знавший моего отца и деда. Приятно было увидеться.

16 июня 1880. Понедельник.

На пути в Сызрань

Утром уложившись и написавши коротенькие письма к родителям Васильева и Вишневского и надписавши им фотографии Собора, в семь часов отправился я в пролетке на пристань Общества «Кавказ и Меркурий», об отходе парохода которого «Новосельский», в восемь часов утра, вчера собрал сведения Коля Горталов. Билет второго класса до Сызрани стоит девять рублей двадцать копеек. Пароход больше и удобнее прежнего. Приехал проводить: Коля Горталов и А. А. [Александр Александрович] Некрасов. Последний проводил две станции и все время занимал разговором о своем маленьком имении и разведении ржи, о том, что в первоначальных языках есть только будущее и прошедшее время, а настоящего нет, ибо его на деле не существует, об академической истории и прочем – По расставании с ним, стал наблюдать публику. В каюте – старик с больною рукою, должно быть, помещик, – не только в рубашке, но иной раз и рубашку снимал. – Вот халатность-то! Другой – больной в лихорадке, третий – с дочуркою в сарафане – ночью спать не дал храпом своим. Симбирск проехали вечером, приставали на тридцать минут – нельзя было посмотреть. Много учащейся молодежи едет на каникулы. – Пообедал ухой из стерляди и селянкой, где тоже оказалась стерлядь, – везде она. Заход солнца был очень красив.

17 июня 1880. Вторник.

На пути в Сызрань и в Сызрани

В Самаре в три часа утра. Так как сосед не давал спать храпеньем и жарко было, то почти в это время и встал. Написал письма о. Федору Быстрову, чтобы отослал телеграммой в Миссию двенадцать тысяч и послал телеграмму: «Посылаю двенадцать тысяч, давайте жалованье о. Дмитрию. Привет Собору; люди имеются; в октябре приеду», и о. Исайи, чтобы принял ящика три-четыре из Казани с миссийскими вещами, об отсылке которых обещал озаботиться сам Владыка Сергий. Письма отнес опустить в ящик на Самолетскую пристань и потом нанял извозчика за пятьдесят копеек в час поехать посмотреть город. Заехал в Собор, где

готовились к сломке иконостаса в приделе для замены новым, по какому случаю не было утрени, о чем объявил мне сторож, зашивая меты; великолепие Церкви далеко не такое, как в Москве. Проехался по городским улицам – пыльные и как бедно высматривают. Извозчик показал дом губернатора, выходящий на площадь, в нижнем этаже которого лавки; дом, занимаемый Великим Князем Николаем Константиновичем, живущим здесь в опале, – красный, простой. На площади стоит толпа плотников, ожидая найма. Заехал в кондитерскую купить коробку конфект в гостинец детям брата; прочие лавки, где можно бы кое-что купить для гостинца, были заперты. – Скучно стало больше смотреть на пыльные дома – нигде ни прутика зелени, и потому поспешил вернуться на пароход; напился чаю; в восемь часов пароход снялся из Самары, – и ныне одиннадцать часов – плывем мы в чаянии скоро быть в Сызрани.

(Пишется в Рязани, утром 23-го числа, в понедельник). В двенадцать часов тогда был в Сызрани. Прежде того любовались все с парохода на великолепный мост чрез Волгу, еще недоконченный; под пролет наш пароход прошел, не нагибая флагштока. Сызрань стоит на Волжке, весьма красивый городишко, высматривающий свежо и чисто. Извозчик прямо привез меня к брату, священнику женского монастыря, в домик против монастыря. Брат и его семейство встретили весьма радушно; жена его, Марья Петровна, совсем растолстела и обрюзгла; дети – две дочери: Маша, двенадцати лет, и Люба, десяти лет; первая – необыкновенно бледная, но красивая девочка; вторую застал в простуде, лежащую в жару, но когда я сказал, что если она выздоровеет, то пойдем в лавки куклу покупать, то она действительно тотчас же выздоровела, – встала, несколько раз ее тошнило, но в постель уже не легла; и мы пошли в лавки и купили куклу, маленький самовар с прибором, мячи и прочее. Я думал, что Маша уже побрезгует куклою, но и она обрадовалась куклам в лавке, почему и ей купили. Обе они учатся очень хорошо в женской школе, которую тут же, проходя, показывали, и постоянно получают награды. Служит священником брат Василий, как видно, усердно и хорошо, – Стерлядью, свежей икрой, балыком и прочим закормили они меня.

18 июня 1880. Среда. В Сызрани

Утром сходили к обедне в женский монастырь. Служил младший священник – в первый раз здесь. – После обедни игумения Мария позвала к себе на чай, после чего показала монастырь. После обеда ходили в лавки купить племянницам на платье, причем обе они показали себя очень

умеренными, никак не хотели принять от меня по шелковому платью, а ограничились шерстяными. Вечер провели у брата одни. Хоть кратковременное убежище от официальности!

19 июня 1880. Четверг. В Сызрани

Утром в присланной из монастыря карете сделали (с братом вместе) визит наместнику мужского монастыря здесь. Наместник показал монастырь, храм, где Чудотворная икона Феодоровской Божией Матери, ныне носимая по городу, домик Преосвященного, когда он бывает в Сызрани, сад – весь из акаций, за ним часовню и прочее. Монастырь красиво выстроен, очень большой, древний, но братий мало. – На обратном пути сделали визит о. протоиерею Собора – толстому и приветливому весельчаку, и, как видно, очень доброму человеку. В двенадцать часов были у игуменьи на пироге. Она говела и сегодня приобщилась Святых Тайн. – Были позваны еще: полицмейстер города – некто Василий Александрович, которому я также сделал визит сегодня, протоиерей и наше семейство. После завтрака осматривали сад монастыря – фруктовый, где угостили свежею малиной. – После матушки пришли пить чай к Василию. Вечером были у о. протоиерея, который усердно угощал рябиновкой; вернулись на его рысаке. Вообще видно, что здесь люди живут в добром согласии и дружбе между собою. Часу в пятом с племянницами и братом ходили в город купить им конфект.

20 июня 1880. Пятница. В Сызрани

Утром с братом и Любой ходили гулять на берег реки, видели трепещущихся стерлядей, вынимаемых из садка. – К завтраку собрались гости: полицмейстер, игуменья, протоиерей, жена директора и Петр Афонасьевич Прозоров – соборный священник, родственник Марии Петровны. После завтрака сходили с племянницами в книжный магазин купить им басни Крылова, «Родину» и прочие книжки, какие нашлись здесь годные. – В пять часов из монастыря отправились в Никольскую Церковь встречать икону Феодоровской Божией Матери. Трогателен обычай этот – ходить по городу с иконой каждый год, на что дается городу две недели! По принесении иконы в монастырь брат в облачении встретил ее среди монастыря, а навстречу в Никольскую церковь высланы были хоругви и священник с диаконом, из Никольской же церкви провожали ее с своими хоругвями, иконами и причтом. – Всенощная шла в монастыре три с половиной часа; после нее чудотворная икона взята была Василием в его дом, несли ее туда Марья Петровна и Маша; отслужили молебен, приложились и проводили в дом другого священника, потом – диакона, а затем в монастырь, где целую ночь святую икону носили по келиям и пели

молебен, так как назавтра днем она должна была отправиться по соседним домам, а вечером – в следующую Церковь.

21 июня 1880. Суббота.

В Сызрани и на пути из него в Рязань

Утром – в обедне в монастыре, после которой был молебен Божией Матери. Мать игуменья позвала к себе на чай и пирог. В двенадцать часов отправились на завтрак к о. Петру Афонасьичу, который всячески хотел изгладить впечатление от того, что я во вторник застал его с очень красными глазами и носом. На возвратном пути зашли в лавки, где я купил по иконе в благословенье племянницам. Купили еще лото – играть им. Вернувшись, смотрели, как святую икону Феодоровской Божией Матери торжественно провожали из монастыря в Покровскую Церковь. Умилительное зрелище и умилителен дух благочестия, живущий в русском народе! Где, в каком государстве можно видеть, что народ вот два дня молится и воспевает хвалу Богу! Я объяснил Марье Петровне, обиженной моим скорым отъездом, что вот этот-то дух благочестия толкает и меня к делу, не позволяет долго засиживаться для своего личного удовольствия, как ни хотелось бы этого. Сходил в баню, играл с племянницами в лото, закусывал. Когда Василий вернулся от всенощной, то вместе с подъехавшим полицмейстером, в начале десятого часа вечера, они все проводили меня на станцию железной дороги, где неуместное участие очень уж любезного и исполнительного полицмейстера заставило меня взять до Рязани билет первого класса, стоющий двадцать шесть рублей девяносто копеек. Грустно-грустно было расстаться с добрым братом, его женой и милыми их детьми – бледнолицей Машей и вострушкой Любой – семейством, где во всем свете я и могу быть хоть несколько дома, – опять лет на десять, если не навсегда! Храни вас Бог, милые мои! И грусть, и скука одиночества в моем роскошном купе, и ночное время заставили меня скоро погрузиться в сон.

22 июня 1880. Воскресенье.

На пути из Сызрани в Рязань

Что за богатые, плодоносные места, которыми я проезжал сегодня! Все чернозем, и везде поле – бесконечное море полей! Изредка сосновый или березовый лес разнообразят ландшафт, заставляя еще более удивляться и радоваться богатству растительности. – В Моршанске и Ряжске была перемена вагонов. – Пенза – город, раскинувшийся на полугоре влево от дороги… Соседи по вагону не мешали ни думать, ни грустить, ни смотреть по сторонам, за исключением двоих, севших за несколько станций до Ряжска, узнавших меня по Москве, – и пошло – «а что, в Японии

грамотность?», «а многие ль знают по-русски» и так далее, – противно! Оттого-то везде и стараешься не сказываться – кто и откуда. – В Рязань прибыл в один час ночи, что очень неудобно, нужно было стараться не проспать. Извозчик привез в гостиницу Морозова, где за один рубль с четвертью очень чистенький номер. Остановился я здесь, чтобы повидаться с Катериной Дмитриевной Пеликан, приехавшей недавно из Японии; если она в городе, то завтра повидаюсь, и вечером – дальше.

23 июня 1880. Понедельник. В Рязани

Утром, напившись чаю, записал дневник и отправился отыскивать Дмитрия Петровича Победоносцева, отца Катерины Дмитриевны.

(Пишу в Ржеве, утром в среду 25-го числа). Встретил Дмитрия Петровича на тротуаре, когда ехал к нему, спросивши адрес в Почтамте. Он повел к сыну, Николаю Дмитриевичу Победоносцеву, живущему у тестя и несколько больному в то время глазами. Видел его тестя – севастопольца-генерала, тещу и семейство. Условившись с Дмитрием Петровичем через … отправиться с ним в Пущино, в восьми верстах от города, имение, принадлежащее старшей сестре Катерины Дмитриевны, Ольги, где в настоящее время и Катерина Дмитриевна, я отправился осматривать город. Видел Собор – превосходное в архитектурном отношении здание, с верандой кругом, с пятью куполами; около Собора соединенный с ним каменною открытою галереею находится архиерейский дом, в древности княжеский дворец, так и сохраняющийся в древнем своем виде. Строил его рязанский князь Олег. Поехавши отсюда смотреть Семинарию, на дороге встретился с Дмитрием Петровичем Победоносцевым, который и искал меня с намерением свезти в Семинарию. Там был праздник, и в семинарской Церкви только что отошел молебен. Победоносцев познакомил с о. ректором, протоиереем; зашли в Семинарию, где певчие пропели концерт. Я поблагодарил Семинарию за о. Иоанна Демкина. Семинария – древнее здание с чугунными плитами вместо полов. Странно выглядела великолепная чистенькая икона – плод усердия семинаристов к Царю – среди пыльной старой залы: не гармонирует свежее чувство снизу и пыльное невнимание сверху. Заехавши с Дмитрием Петровичем к нему, отправились потом с ним в Пущино. Болтливый старик-ямщик мешал разговаривать всю …. Пущино – именьице в красивом четвероугольнике из зелени, заключающее небольшой помещичий домик с двумя трубами и виднеющеюся прямо за домом аллеею огромных лип. Катерина Дмитриевна встретила меня очень весело и радушно, сестра ее (старшая, Ольга Дмитриевна) – так же; дети гуляли в саду. Отправились туда; Саша узнал – и все вместе ходили по

аллеям из акаций, смотрели, как в пруду ловили карасей, потом позавтракали земляникой со сливками, чаем и сардинками и отправились смотреть Церковь напротив дома, чрез овраг, очень ветхую и бедную, где в виде замечательностей показали Евангелие, печатанное при Феодоре Алексеевиче, Царские врата, на которых вместо четырех Евангелистов поставлены иконы Святого Иоанна Златоуста и Святого Василия Великого, и Царские врата с резными рельефами фигур. – Пошли потом гулять в парк, за оврагом – Маслова, весьма запущенный, но, тем не менее, красивый, с домом совершенно скрытым в зелени, цветником, тремя прудами, один выше другого. Погода была прекраснейшая, воздух чудный, и стали обедать, между прочим, отличнейшей ухой из только что пойманных карасей и карасями в сметане. После обеда все, за исключением Повалишина, отправились в гости к родным куда-то недалеко по железной дороге. Я, погулявши с хозяином по саду, отправился в Рязань, пока светло, чтобы полюбоваться окрестностями. Проезжали по деревне очень бедной, мимо винокуренного завода; ямщик, разыгравший благочестивого, не упустил случая содрать с меня при расчете. – Не зажигая свечи, лег отдохнуть, велев разбудить себя ночью, чтобы попасть на чугунку.[49]

24 июня 1880. Вторник.

От Рязани до Ржева

В первом часу ночи отправившись из Рязани, в первом же часу ночи прибыл в Ржев, стало быть, ровно в сутки. В восемь часов утра были в Москве. Не останавливаясь, я прошел на Николаевский вокзал и в девять часов с пассажирским поездом отправился из Москвы; в пятом часу были на Осташковской станции, оттуда я свернул чрез Торжок и Старицу в Ржев. Шли медленно, останавливались долго, соскучился ужасно. Из Москвы – узнавший некто Бороздин надоел вечными вопросами об Японии и болтовней обо всем и ни о чем. В Ржеве со станции за сорок копеек привезли в гостиницу Некрасова, довольно чистую, где и заснул скоро, несмотря на жару.

25 июня 1880. Среда.

Во Ржеве и из Ржева домой

Утро превосходное. Напившись чаю, когда встала прислуга, отправился по совету слуги на ту сторону Волги искать для найма ямщика Вящунова. Нашел его в доме Морозова, где, бывало, останавливался и я; подрядил до Березы за десять рублей – на паре. Возвращаясь, любовался на Волгу, видел батюшку в рясе: тип сельских батюшек, должно быть, – такой полинялый, загорелый, жалкий! И все же, однако, батюшка и почтенный

благодаря рясе и длинным волосам. А сними рясу и остриги волосы – право же, не задумался бы дать милостыню или подумать весьма дурно. И вот для чего, между прочим, нужна ряса и нужны длинные волосы! В лавках купил гостинцев: в одной ситцев и платков на двадцать три рубля, в другой шерстяных материй на платья на тридцать четыре рубля, в третьей – конфект, чаю и сахару на девятнадцать рублей – всего на семьдесят шесть рублей, в четвертой еще серег, поясков. Когда был в лавках, беспрерывно входили нищие, и какие все древние старцы, какие притом живописные (вот с кого бы нарисовать нашим охотникам до итальянских типов)! Видно, что бедность одолевает народ. В лавке, где покупал конфекты, для баб двух, пришедших купить полфунта баранков и задержанных из-за меня, купил два фунта баранок за восемнадцать копеек для ребятишек их гостинца, и как же они рады были, как благодарили! Вернувшись из лавок в одиннадцать часов, уже нашел у гостиницы ямщика – старика Сергея – с парою лошадей и небольшим тарантасом. Как не хотелось есть, так как и вчера не ел почти ничего, ибо в вокзалах постного нельзя найти, в гостинице опять ничего не могли дать для завтрака, кроме куска соленой белуги. В двенадцать часов отправился на трясучем тарантасе из Ржева. Сначала был сильный жар и ветер, что делало дорогу несносно пыльною; потом сделалась гроза и пошел дождь, заставлявший пас два раза стоять в деревнях под поветью. В последний из этих разов в деревне, принадлежавшей некоему Седловину, в двадцати шести верстах от Ржева, и я в избе спросил обедать, и не могли дать ничего, кроме хлеба, квасу и соли, каковыми продуктами я и воспользовался. А что за бедная и некрасивая жизнь в деревнях! Хоть бы в этой избе, что я заходил, – идти по навозу, в сенях гнилушки вместо полу, изба низкая, жара невыносимая! А старик – умный и живописный, сноха его – баба хоть куда, и в голову им не придет улучшить жизнь! Лень и невежество! – Часа в три остановились в постоялом дворе Баранова покормить лошадей. Хозяин спал и, когда я разбудил его, принял не весьма любезно и попросил занять комнату маленькую, каковая просьба показывает не совсем высокую степень уважения к духовным лицам. – Обедать дали – пустые щи, крупник со снетками – соленый и невкусный, и гречневую кашу, квас недурной, рюмку водки, с трудом найденную, после еще стакан чаю с сахаром в прикуску. Комнаты очень чисты, хоть мух и комаров множество. Теперь пятый час вечера в исходе; ямщик закладывает лошадей – писанье на постоялине прекращается до благоприятного времени. – Солнце опять выглянуло, пыль прибило, ехать будет хорошо, хотя – ох какой труд после чугунок и пароходов ехать в тарантасе по

проселкам!

(Пишется уже в Петербурге, 2 июля 1880). Тогда – опять дождь; приостановка по поветями не удавалась по причине канав. Вещун по дороге сдает меня без всякого спроса у меня другому ямщику за три рубля до Березы. – Ночлег на постоялом, где дети хозяина в школе получили свидетельства, дающие привилегии по воинской повинности. Сон на столе среди избы довольно покоен.

26 июня 1880. Четверг.

Из Ржева домой и дома

Рано утром ямщик, которому я сдан был, приехал, и я, напившись чаю из грязного чайника и стакана, отправился с ним. В седьмом часу были в Татеве, и здесь у усадьбы Рачинского, против сада, коренная лошадь с каким-то визгом разом повалилась и испустила пар. Отчаяние ямщика и помощь случившихся поблизости мужиков. Я поневоле увиделся с С. А. [Сергеем Александровичем] Рачинским. хотя намеревался заехать к нему на обратном пути. – В его тарантасе отправился домой. – Вид Березы – зеленая крыша Церкви, красная крыша – очевидно, кабатчика, – под селом… Дома застал племянника Александра и жену его Марью Петровну. Отправился тотчас же на реку Березу смыть грязь дороги. – На обратном пути встретился с о. Василием Руженцевым в рясе. – После – свидание с сестрой; в Церковь, где о. Василий пел «Исполла»; визит о. Василию, Марфе Григорьевне – просвирне (которой дочь Саша живет гражданским браком с соседом женатым), Лариону Николаевичу и прочим; между прочим, кабатчику с красной крышей – перекресту, эксплоатирующему Березу, и отказ сделать визит соседним мешанкам-содержанкам… Белиберда в душе, белиберда в людях кругом; одна природа искупала тоску и утешала злость, но люди мешали.

27 *июня 1880. Пятница.*

В Березе и на дороге в Пустоподлесье

Утром, отслуживши панихиду по отце и угостивши водкой причт, отправился в Пустоподлесье. (Прибежище в чувстве ужаса от обязательства быть дома до понедельника, так как С. А. [Сергею Александровичу] Рачинскому обещался быть у него в понедельник). – Саша на паре лошадей с колокольчиком повез. – Дорога невообразимо дурная, особенно по лесу. Заехали на Вязовку, чтобы видеть Аксинью Николаевну, – видели; понравилась ее дочь, девочка, которой если бы дать образование, была бы редкой женщиной. – Огород, бред?, лыки – все в исправности. Муж был в лыках. – Чрез Поникли – в ночь – до Пустоподлесья, куда приехали ночью и не застали тетки Анны Петровны

Савинской, сущей у старшей дочери, Анны, ныне. Невестка, вдова Василия, приняла; Арсений, промычавши, успокоился. – Лег на лавке, чтобы заснуть.

28 июня 1880. Суббота.

В Пустоподлесье и в Березе

Рано осмотрел село, побыл на колокольне, где понял, что село – именно Пустоподлесье; в двух Церквах – холодной и теплой – виделся с о. Жемчужниковым; видимо, с похмелья; обещался не обижать тетки и сваливал на дьякона; чрез минуту виделся с дьяконом, который сваливал на священника. – Но огород тетке, кажется, дадут. – Сын Анны Петровны – Александр, исключенный из училища, производит безотрадное впечатление. – Другой сын – идиот Арсений, радостно гукал и усердно налил воду, а при отъезде выразил желание поцеловаться. – Дорога обратно такая же трудная. Покормили лошадей в Пониклях. – Обед – хлеб с квасом. Поповны предложили бутылку браги. Домой вернулись далеко засветло. – Купался, ел раков, пойманных племянником Иваном, гулял по полю и пепелищу поля. Переливы цветов по полям чудные.

29 июня 1880. Воскресенье.

Праздник Святых Апостолов Петра и Павла.

В Березе

Утро прелестнейшее. Утреню был в Церкви. Служба истовая. Пел по-прежнему на клиросе. – После утрени ходил купаться, где, между прочим, раздавил очки, служившие десять лет; вид Березы чудный – зеркальная поверхность реки… В обедне пели ученики плохо. После обедни понравились группы празднично разодетых крестьян и крестьянок. – Сын о. Василия, только что приехавший на каникулы, зазвал пить чай, где виделся с Василием Георгиевичем Вастеховским. После чаю – к нам на поминки. Панихида и обед сытный, но без вилок, ножей и тарелок. Я сидел голодный. – После – купаться, – в поле на жаре заснул; вечером с о. Василием на Гайдуново к Анне Викторовне и Леонтию Иларионовичу Скрыдловым, согласно просьбе первой. Там мать героя Скрыдлова со вскруженной головой и порядочное общество. Поболтали и чаю напились. Брат Анны Викторовны несносный болтун. – Прогулка на Бутрилово – в дом Матвея Ивановича, сына Березк., и Пшени. Дома поменялись ролями. Вечером – поговорил с своими и дал им малость на нужды. Поражает бескорыстие родных, везде только: «Не нужно. Вам самим нужно».

30 июня 1880. Понедельник.

В Березе и на пути из нее

Утро скучнейшее, сбор в дорогу; нужно бы выехать в восемь часов, а

выехали в одиннадцать благодаря «лошадям овса нужно дать», «еще не спеклось на дорогу», – попрощавшись с своими и всем селом – по домам, отправились и часу во втором были в Татеве. Обед. Великолепный сад. – Ожидание сбора учеников и прогулка по саду. Училище действительно образцовое. – Прежде того – в Церковь, где ученики пели литию. – в школе пели концерт. Херувимскую и прочее: точно, очарование – мужичонки, поюшие труднейшую музыку…

Скучная дорога и ночевка на постоялом, где жена больна горячкой. Немного заснул на сене, на полу.

1 июля 1880. Вторник.

На пути в Ржев и из Ржева в Петербург

По ухабистой и пыльной дороге добрались в Ржев. Здесь – процессия – проводы чудотворной иконы Божией Матери в село; посмотрели, потом купили ножи, вилки, на сюртуки, к окнам и прочее. – Останавливались на постоялине Морозова. – В третьем часу – на станцию железной дороги. – По ней в Осташково, здесь – ожидание почтового поезда, – Теснота на поезде и негде заснуть.

2 июля 1880. Среда.

На Пути в Петербург и в Петербурге

Страшно измучившись всю ночь, так как спать хотелось, а спать нельзя было, утром, в десять часов, прибыл в Петербург, что весьма приятно было. О. Исайя показал ящики, присланные из Москвы, – все двадцать три ящика пришли исправно. Пришел Яхонтов и рассказал об учреждении Общества Православных. Брат о. Александр принес несколько писем. Пообедал и отдохнул. В шестом часу отправился к Владыке Исидору; он встретил шуткой: «А мы думали извещать в полицию, что Преосвященный пропал». – Поужинал, сходил в купальню и вымылся мылом и «се есмь».

3 июля 1880. Четверг. В Петербурге

Утром послал телеграммы к Преосвященному Алексею в Москву: нет ли известий от Коцинского? – К Аксенову, чтобы прислал собранные на храм деньги для положения здесь в банк, и к Я. А. [Якову Аполлоновичу] Гильтебрандту, что завтра до десяти дома. – Попросил потом у о. Исайи лошадь, поехал к Обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву – не застал, на даче в Ораниенбауме, к Ильинскому – не застал, на даче, – к Феодору Николаевичу Быстрову – на даче, к Ивану Ивановичу Демкину – и с ним в Петергоф на пароходе в сопутствии двух его сынов – Пети и Вани. – К П. Афонасьевичу Благовещенскому, – дома нашли только жену его и Колю Булгакова, который проводил нас к Федору Николаевичу

Быстрову, на Кривой улице. – Сидели в саду, пообедали, отправились потом к Благовещенскому, – тоже были в саду, на солнце, – потом ели вишни и пили наливки; отправились в царские сады смотреть фонтаны; видели Самсона среди бездны других меньших фонтанов и водяных гор, Адама, фонтанное дерево, где из каждого листа – вода, и грот, где нужно сидеть под водою, – взглянули на садик в Монплезире.

В девять часов на пароходе отправились обратно в Петербург. – День был весел, за исключением неприятности у Феодора Николаевича из писем казанских семинаристов – Вишневского и Васильева, что они не могут ехать в Миссию – родители не пускают. – Значит, певчих нужно опять искать. – В двенадцатом часу ночи вернулся домой в Лавру.

4 июля 1880. Пятница. Санкт-Петербург

Скука и апатия весь день. Утром Яков Аполлонович Гильтебрандт и Дмитрий Александрович Резанов – поболтали до десяти часов. Потом день, разнообразимый приходом случайно заходящих. В четыре часа был у Константина Петровича Победоносцева – не было дома, хотя вчера говорили, что в четыре часа будет. – Возвращаясь, зашел в сапожный магазин выбрать сапоги, до Лавры доехал в дилижансе, читая дневные газеты. Отправился к о. Иосифу – цензору, говорили об истории Голубинского. Доложили, что меня ждут к о. Александру, брату, что там студент один желает меня видеть. Оказался Плотников. – Дай Бог ему. Весьма симпатичная личность. Очень не нравится только одно, что он в Казани до сих пор держит необъявленным свое поступление в Миссию. Что-то чуть-чуть иезуитское; дай Бог, чтобы это было простодушно русское, то есть человеку до сих пор совестно сказать: «Не хочу я служить здесь, хотя вы желаете», – словом, – или чрезвычайно деликатное, или… По отправлении его к себе в гостиницу, я сходил в баню, потом слушал из-за стены игру на пьянино.

5 июля 1880. Суббота. Санкт-Петербург

Продолжается уже 22 октября, среда, 1880 года, на пути из Сингапура в Гонконг, на судне Tencer, Ocean Steam-Ship Co, капитан Power. – В Петербурге тогда просто опротивело вести дальше дневник: вечно одни и те же пошлые чувства недовольства собою и всем на свете, одна и та же суетня и одна и та же пустота. Собирался в дорогу. Укупоривал вещи, что из Москвы и Казани. Служил раз в Исаакиевском Соборе литургию, – в Казанском – молебен вместе с Высокопреосвященным Исидором; на праздник Казанской Божией Матери, в Лаврском Соборе. – Акафист Успению в одну субботу. Был на обеде у Великой Княгини Екатерины Михайловны в Ораниенбауме. Представлялся Государю Императору в

Царском Селе, покупал книги, иконы, хлопотал в Синоде, между прочим, об архимандритстве о. Анатолия, о прогонах и подъемных о. Димитрию. Между тем к Плотникову приехали мать и сестра и отговорили его ехать в Японию: видимо, стал колебаться: я подал в Синод, чтобы остановили дело о производстве его в члены Миссии. Просился один из Лавры учителем пения, но тоже потом стал колебаться и оставлен. Митрополит Исидор все время был чрезвычайно ласков и заботлив; точно отец родной о чаде, заботился о Миссии. Обер-прокурор Константин Петрович Победоносцев – тоже весьма просто и ласково делал для Миссии в Синоде все что нужно. Собирался 1-го августа выехать из Петербурга, потом 10-го, наконец, 15-го, отслуживши обедню в Крестовой Церкви вместе с Высокопреосвященным Исидором и напутствованный им, после обеда у него, иконою Покрова Божией Матери, с вечерним поездом отправился в Москву. Благословляя иконой, Митрополит сказал: «Искренно желаю, чтобы Покров Божией Матери был над Японией». Дал потом трость, принесенную ему кем-то из Иерусалима. Когда я, откланиваясь, сказал, что даст Бог, чрез десять лет буду иметь счастие опять увидеть его, он промолвил: «Нет уж, мне не дожить; а услышите, что помер, отслужите панихидку». Это были последние слова его. И в самом деле, едва ли уже мне услышать что-либо лично из его уст, – ему восемьдесят два года. И при таких летах – такая деятельность, бодрость и свежесть. Вот с кого брать пример! – С Ольгой Евфимовной Путятиной простился в их квартире – она больна была, грустно-грустно расставалась, у них такое домашнее несчастие – болезнь графа Евгения. На железную дорогу провожали оо. сотрудники, В. А. [Варвара Александровна] Иордан, племянник Сережа, брат о. Димитрия – Дионисий Смирнов. 16-го августа был в Москве, опять на Саввинском Подворье. Преосвященный Алексей принял ласково и сказал, что нужно сегодня же побыть у Митрополита Макария, он-де пеняет, отчего тогда пред отъездом из Москвы не побыл у него (а он тогда был в Троицко-Сергиевской Лавре). Отправился я в Черкизово. И вот-то попал на сцену! Давно уже со мной никто так не говорил. Митрополит Макарий как раскричался на меня! И за что же? Мое письмо из Петербурга, в котором я извещал, каким путем пересылать в Японию деньги, обещанные им на Миссию, он принял за настойчивое требование этих денег. Ко мне-де никто так не пишет! – Ну и мелочен же он! Правда, должно быть, что кто повыше, перед теми он угодничает до невероятности. – Взял в Москве Святого Мира и частиц святых мощей, для чего нужно было подавать прошение в «Московскую Святейшего Правительствующего Синода Консисторию», купил атласу на сто

антиминсов и попросил в Синодальной типографии отпечатать их, – без надписей на русском языке, а с пробелами. Федор Николаевич Самойлов еще на Миссию пожертвовал десять тысяч рублей, которые и посланы были мною в Хозяйственное управление на хранение. Еще набралось и пожертвований вещами немало, так что двенадцать ящиков пришлось отослать в Петербург о. Федору для пересылки оттуда в Японию.

25 августа 1880.

Наконец, выехал из Москвы в Киев

Там дали помещение в Лавре. Митрополит Филофей совсем не то что Макарий; этот не напал на письмо, хотя такое же буквально было, как и Макарию, а принял его как следует, и, сказав, что он деньги послал уже в Хозяйственное управление, что «мы должны стараться, помогать вам» и прочее – так же ласково, как Митрополит Исидор. В Лавре монашествующие, до маленьких канонархов, с чрезвычайным усердием нажертвовали икон, из Академии и Семинарии ректора пожертвовали книг. Малышевский, профессор Академии и прочие были очень ласковы. Мельком был в Китаевской Пустыни и в Голосееве – вечером с о. благочинным.

6 сентября 1880.

Выехали из Киева в Одессу

Из Киева прежде я послал телеграмму Высокопреосвященному Платону Одесскому, прося у него помещения. Он дал в своем архиерейском доме. Оказался, так же как Высокопреосвященные Исидор и Филофей, чрезвычайно добрым и ласковым к Миссии. Отдал для Миссии своего диакона, если, мол, согласится, и позволил предлагать службу в Миссии кому угодно. Таким образом в Одессе, наконец, нашлись двое учителей пения: о. диакон Димитрий Крыжановский и служивший учителем пения в Духовном училище – Димитрий Львовский. Преосвященный Неофит возил меня на Большой Фонтан, где у него монастырь, показывал Музей древностей. В Семинарии был на праздновании пятисотлетия Куликовской победы, потом на вечере у ректора Чемен, был на вечере у протоиерея Селецкого. Вообще, и здесь были все весьма ласковы. Восемь ящиков вещей, собранных и купленных в Киеве, не пришли к отходу парохода, и потому поручил о. Селецкому потом принять их и отправить в Японию.

13 сентября 1880 г. на русском пароходе «Одесса», капитан Ал. Ив. Соин, отправились в четыре часа вечера. Преосвященный Неофит, ректор Семинарии, о. протоиерей Селецкий, а также полицмейстер Владимир Платонович Перелешин и греческий консул проводили на судно. Полиция

задержала было Львовского, так как он не успел получить заграничный паспорт, но Владимир Платонович помог. **15 сентября** прибыли в Константинополь. Отправились в Буюк-дере к о. Смарагду. Вечером я обедал у посла Новикова. Вместо приветливости посол за столом стал посмеиваться. Ночевал у о. Смарагда. Назавтра осмотрели Святую Софию и – на судно, а часа в четыре – **16 сентября 1880 г. отправились из Константинополя дальше.** В Дарданелльском проливе видели наш новый пароход Добровольного флота, не пропускаемый турками, так как имеет военную конструкцию (таран). – Заходили в Смирну, где осмотрели старую крепость на горе, место мученичества Святого Поликарпа, и две греческие Церкви.

20 сентября 1880 г. пришли в Александрию и, не сходя на берег, тотчас же перебрались на другое судно «Общества пароходства и торговли», отходившее в Порт-Саид.

21 сентября 1880 г. пришли в Порт-Саид и сошли на берег в голландскую гостиницу, чрезвычайно опрятную. Положили отправиться с пароходом «Ocean S. S. Co», имеющим прийти завтра. Агент нашего общества и вместе русский консул снесся с агентом «O. S. S. Co» касательно цены проезда до Шанхая: 105 фунтов стерлингов за троих. Вечером я взял билеты. 22-го числа пришло судно «Tercer», мы и перебрались на него. Вечером осматривали город – арабский и европейский; зашли в греческую Церковь и отстояли вечерню; оттуда – в лавку к причетнику, оказавшемуся очень богатым купцом; купили фотографий местных типов, пообедали в греческой таверне; проходя по улице, слышали концерт музыкального общества дам и видели пустую залу со множеством стульев. Ночевали на судне и назавтра, рано утром, – **23 сентября 1880 г. – отправились по каналу.** Превосходная погода, интересные ландшафты, множество миражей, налево – будто вода и острова, направо – озеро с лодками, точно чайки, и бесчисленным множеством птиц. Встречи с пароходами и остановки. – Ночевали на якоре у Измаилии и назавтра – **24 сентября 1880 г. – пришли в Суец** и, остановившись часа на два, продолжали путь дальше по Суецкому заливу. В Красном море было очень жарко. Около маленьких островов там видели два разбившихся английских парохода. Видели Сокотру – остров. Проходили около Цейлона и видели роскошную растительность острова.

16-го октября 1880 г. пришли в Пенанг. Около берега виднелись мачты и верхушки трубы английского грузового судна, разбитого в то же утро другим пароходом, наткнувшимся на него, ящики с грузом проплывали мимо нас. Вышедши на берег, ездили смотреть водопад.

Дорогой поля, целые растения «не тронь меня», кокосовые рощи; мы за шиллинг получили два огромных кокоса, за которыми при нас слазил малаец, молоком из одного напились все трое. Пообедал в гостинице, потом ходили смотреть туземный и китайский город – очень людный и неопрятный.

16-го же октября отправились дальше и прибыли **18 октября 1880 г. в Сингапур.** Остановились мили за две до города у доков. Осмотрели Ботанический сад роскошнейшей растительности. В саду клетки обезьян и птиц, в пруду – лебеди и утки. Дорогой в шарабане обедали бананами.

19 октября 1880. Воскресенье

С о. Дмитрием отправились в Аглицкую Епископальную Церковь. Просторно и прохладно, множество огромных вееров, которыми малайцы, стоя вне, машут. Скучно стало, и пошли в Католическую, – там служба еще не начиналась; зашли в туземную – должно быть, епископальную же; туземный проповедник бойко говорил проповедь конгрегации из девяти взрослых и четырех детей. Заехали в пресвитерианскую; проповедник сонно говорил проповедь, расставив руки с кафедры, на которой он полулежал; конгрегация человек из тридцати, зевая, слушала; и тут махали веерами. – Поехали в Сад Вомпоа. Множество человеческих и всяких других фигур из зелени – Дорогой купили бананов: ветка плодов 200 – за 10 сентов. Ананасы по 5 сентов. Вечером раздосадовал Львовский, вернувшийся поздно из города совсем пьяным. Боюсь, что разовьется у него страсть пьянства. На судне каждый день пьет бутылки по четыре пива и все старается, чтобы не видели это. Дрянной знак!

20 октября 1880. Понедельник

Дождливый день. После обеда отправился пешком в город, чтобы и посмотреть город, и сдать письма на почту. Случайно около почтамта наткнулся на сцену встречи раджи одного, приехавшего из своих владений – на материке, выше острова Сингапура, на пароходе. На пристани, под навесом, стояли, должно быть, официальные лица – англичане, порядочно народу; три маленькие пушки. Не дождь – ливень; едва могли салют сделать из двенадцати выстрелов. Дорогой оттуда заходил в один из браминских храмов, в соседнем были еще позавчера. С правой стороны храма – бассейн с водой, где брамины, как утки, полоскались. Чтобы осмотреть внутренность, нужно было снять сапоги, что неудобно было. – По ночам здесь мученье от москитов – таких же, как в Японии.

21 октября 1880. Вторник

Судно до сих пор все нагружалось. Неудобство ходить на грузовых судах именно то, что они стоят в порту, сколько им нужно для груза. – В

четыре с половиною часа, наконец, снялись с якоря в Сингапуре и отправились в Гонконг.

22 октября 1880. Среда

Погода прекрасная. Тихо. Интересно управляются англичане с китайцами. Множество понатаскали на мостик и привязали косами вверх к бимсам. За что? А осматривают билеты и, если чуть что покажется подозрительным, и привязывают; наполовину потом оказывается – билеты исправны, и привязывать было не за что; оказавшиеся без билетов держатся привязанными, пока заплатят за проезд. К счастию, все они с деньгами, ибо едут с заработков. – Есть на судне и японец – с прусского торгового судна, разбившегося у Сокотры.

23 октября 1880. Четверг

На море тихо, и погода ясная. Утром написал вышеозначенный дневник, вчера начатый. – Сегодняшним числом опять начну правильный ежедневный дневник. Как-то отчетливей жизнь идет при этом. – Из разбросанных записей пожертвований вещами вписывал в тетрадь пожертвований, чтоб собрать вместе. Пытался читать роман госпожи Сталь «Коринну» в переводе на английский, но мелка очень печать и скучно – люди деланные, а не живые. Перед вечером, вправо от судна, видно было огромное стадо дельфинов, пресмешно плывущих, подпрыгивающих из воды. И такому бедному развлечению рад бываешь на судне, как вчера тоже я обрадовался ласточке, которая, бедная, до того устала, что ее можно было взять рукою.

24 октября 1880. Пятница.

На пути из Сингапура в Гонконг

Написал сегодня письмо Высокопреосвященному Исидору и приложил при нем два рапорта, в одном прося о награждении сотрудников Миссии, в другом – матери Евстолии и других в ее обители. Читал немного «Коринны». В море сегодня видна была скала – издали совершенная башня, когда поравнялись впродоль, – точно гроб исполина. Уже становится прохладней. Идем меньше обыкновенного – мешает противное течение, так как теперь северо-восточный ветер; при юго-западном же течении бывает обратное теперешнему. Китайцы кейфуют на палубе, но вместе и шумят; сегодня из-за чего-то одного из своей братии поколотили.

25 октября 1880. Суббота.

На пути из Сингапура в Гонконг

Спал плохо от катара; встал с головною болью и вялостию; целый день ничего не мог делать. Перед вечером взял у о. Димитрия вермуту и

выпил рюмки две, и на желудке сделалось лучше. От скуки прочитал попавшийся под руки третий том какого-то романа аглицкого; а писем писать не мог. Ну уж этот катар! И не знаешь, как и отчего, – вдруг целый день ни к чему не годен. Вечером просматривал аглицкие святцы; на каждый день года – имена знаменитых людей – сколько могли собрать, – человек пять-шесть, с портретиком одного какого-нибудь. Из русских в Святцы попали: Петр Великий, Екатерина Великая, Иван Андреевич Крылов, Александр II и Костюшко. – Доктор (пассажир, едущий в Сватоу) подходит и спрашивает: «Когда ваше рождение?» – «А на что?» – «Да вот посмотрим, каких знаменитых в тот день», – «13-го августа (нового стиля!». – Открыли – все дрянь какая-то. – Против каждого числа оставлен пробел – вписывать имена желающим. Святцы, приличные протестантству и язычеству.

26 октября 1880. Воскресенье.

На пути из Сингапура в Гонконг

К утру разыгралось довольно большое волнение. Укачало о. Димитрия, доктора и его жену и меня тоже почти до рвоты. На палубе захлестывало, и жаль было бедных китайцев, совсем плававших в воде. Наконец их поместили у трубы – на мостике. Вот народ-то будущего – величайшего из всех судеб, доставшихся на долю других народов. Великий народ, и теперь бы могущий задавить весь свет, а какой мирен! Негде жить ему, а разве он подумал о завоевании Кохинхины. Сиама. Бирманы? Какой же другой народ на свете удержался бы? Из европейских ни об одном и представить себе этого нельзя. Вот французам – на что Кохинхина? А взяли же. Китайцы же – со своим терпением, своим трудолюбием, экономиею, честностью – ни с чем иным, в смысле завоевательных наклонностей, – идут Бог весть куда зарабатывать себе хлеб и мирно живут под всяким правительством, не думая грабить под свое. – Да, привить христианство этому народу, и он именно будет водворителем на земле того высшего блага, что «будет едино стадо и един пастырь», но не завоеваны будут все народы для этого, а мирное влияние христианского Китая будет таково. Это встречает всякий учитель, который будет учить народы своим примером, – и как будут представляться тогда, с тогдашней точки зрения, теперешние завоевательные страсти аглицкие, французские и всякие другие? Но – не скоро еще будет это, к несчастию! Однако думать о водворении христианства в Китае, думать Православной Церкви. – пора.

Написал письма: Высокопреосвященному Макарию, Митрополиту Московскому и рапорт с просьбою наградить сотрудника Миссии, о.

Гавриила Сретенского; ризничей Воскресенского монастыря в Санкт-Петербурге – Аполлонии и Ольге Евфимовне Путятиной.

Весь день качало – о. Димитрий пролежал все время. К вечеру стихло было, а теперь – в десять часов – страшно поддает на палубу, и китайцам бедным нужно лезть на мостик, а там ветер, – жаль их.

27 октября 1880. Понедельник.

На пути из Сингапура в Гонконг

Несносчейшая качка и невозможность что-нибудь делать целый день. Решительно, можно устать от такого времяпрепровождения. Почти все время в койке. О. Димитрий и докторша страдают до слез. О. Димитрий два раза просил куриного супу, а ему делали какие-то помои. Китайцы бедные жмутся кое-как у трубы на мостиках или стоят внизу на палубе, а им моет ноги волной по колено.

28 октября 1880. Вторник.

На пути из Сингапура в Гонконг

Качка нисколько не ослабела к утру. Сегодня нужно было прийти в Гонконг, но противный ветер замедляет ход, придем только завтра утром. Несносчейшая усталость от качки и неспособность писать письма.

Одиннадцать часов вечера. Подходим к Гонконгу, идем между островками, так что тихо, почти как на рейде. Наконец-то ушли от этого несносного трепанья из стороны в сторону. Часов в двенадцать остановились на якоре, милях в семи от Гонконгского рейда, и завтра утром войдем на рейд. Последние часы пребывания на «Tencer». С 22-го сентября здесь, больше месяца. Спасибо ему – доброе судно, плавание было самое счастливое, за исключением качки последних трех дней. Только время в дороге вечно какое-то потерянное, точно дыра в существовании. Как-то придется из Гонконга до Йокохамы? О, поскорее бы только до места! – Написал сегодня письмо Федору Николаевичу Быстрову, больше ничего не мог делать. Мысли, сегодня полученные: Спасителю, по человечеству, более шло и. вероятно, более нравилось бы быть, как его праотец Давид, пастырем овен до общественного служения: и. однако. он был древоделом – какой урок нам – не своему собственному вкусу подчиняться, а тому, что нужно. Еще: Спаситель на кресте висящему с ним сказал: «Днесь со мною будеши в Раи» – и нам нужно быть на кресте со Спасителем, чтобы услышать этот зов.

29 октября 1880. Среда. В Гонконге

Ночью остановились вблизи Гонконга, и утром рано, часов в семь, перешли на рейд. Утро было прекраснейшее. Позавтракавши, мы втроем съехали на берег. Жалость возбуждают живущие на лодках китайцы:

огромное семейство, ребятишек – куча, но все владенье их в сем мире – крошечная лодка; тут они рождаются, растут, помирают. Неудивительно, что рабочих китайцев такая бездна везде; хотя бы с этих лодок не отправляйся на заработки выросший люд – они одною тяжестию своих тел потопили бы их родных. Зато в какой же чистоте и холе они держат лодки. У иных тут, по сторонам лодки, еще маленькие курятники устроены. – На берегу осмотрели общественный сад. Что за прелесть! Какое богатство кактусов! Как чисто, порядочно! Из животных видели в саду огромную ящерицу – в периоде линянья, кенгуру, страуса, павлинов. Зашли к агенту взять билеты. До Йокохамы стоит шестьдесят долларов, но так как у нас были билеты до Шанхая, то приплатить пришлось всего по тридцать пять долларов. – Позавтракали в Hong Kong Hotel. После надоевшего судового стола – очень понравился завтрак. Затем до вечера ходили по городу, покупали вещи, особенно о. Димитрий. Съездили на судно, чтобы оставить вещи, и опять вернулись на берег – гулять и пообедать. Гуляли до усталости, так как обед в Hotel’е в половине восьмого часа. Какой богатый здесь китайский город! Сколько ни бродили сегодня, видели только отличнейшие магазины или конторы, видимо, богатых оптовых купцов. – Вернувшись на судно, долго разговаривали с капитаном Power’ом об Англии и России. Даже и он неразубедимо верит в завещание Петра Великого о завоевании всего света. Не диво, что англичане не любят русских. – Принес капитан книгу, чтобы показать, по течению разговора, как велик аглицкий торговый флот; действительно, судов двадцать четыре тысячи – торговых в Англии. В каждый год строится и выпускается их не меньше тысячи. Стоимость всего торгового аглицкого флота – не меньше девятьсот шестидесяти миллионов фунтов стерглингов. Военных судов в Англии свыше шестисот…

Ночь была чудная. Долго гуляли по палубе, наслаждаясь видом города и окрестностей при свете луны и при газовых рожках, эффектно блистающих на всем пространстве города, растянувшегося в гору и широко по побережью.

30 октября 1880. Четверг. В Гонконге

Утро было прекраснейшее. После завтрака мы переехали с «Tencer"’а на «Hector» – той же компании, отправляющийся завтра утром в Йокохаму. «Tencer» передает ему весь груз, который имеется для Йокохамы, в том числе и наши двадцать два ящика, а с него берет груз, идущий в Шанхай. Этим и заняты суда теперь. С «Гектора» мы отправились на берег гулять и покупать, кому что нужно. Я, между прочим, и вчера, и сегодня купил магнезии, так как желудок причиняет

головную боль. А надеялся было я, что не нужно будет магнезии никогда. Эх. придется и умереть видно от желудочного катара. – Позавтракали в час в том же Hong Kong Hotel и, побродивши еще по лавкам, приехали на судно. Здесь убрали каюты к этому времени – и помещены мы и здесь же не хуже, чем на «Tencer'"e. Пассажиров, кроме нас, кажется, человека три – так же, как было и на «Tencer'"e. Один из них – служивший в компании Мицубиси и живший на Суругадае вблизи от Миссии, другой – японец, изучавший горное инженерство в Англии; третий – с перебитым и заклеенным носом юноша. – Пишется сие в десятом часу вечера под гром цепей нагрузочной машины. Завтра в половине седьмого утра собирается капитан сняться. – Последняя станция до Японии. Даст Бог, придем благополучно. – Написал сегодня письмо домой, в Березу, – с приложением расписки из редакции «Нивы».

31 октября 1880. Пятница.

На пути из Гонконга в Йокохаму

Утром, в половине седьмого, снялись с якоря в Гонконг и пошли по узкому проливу между китайским материком и островом. У китайского берега целый день и всю ночь множество рыболовных джонок под парусами, так что вечером «Гектор» несколько раз давал свисток, чтобы не наткнуться на джонку, хотя ночь была светлая, до того густо было джонок. Я читал купленную в Гонконге новую книжку доктора Легга: о Конфуцианизме и Таоизме и их сравнении с христианством. – Ветер уже очень холоден, так что на палубе в легком платье нельзя. Море довольно бурливо. Пассажир японец – семь лет обучавшийся в Англии минному инженерству – самохвал и из недалеких, сразу объявил, что у него девятнадцать дипломов (?) и что он до того многому учился, что голова уже не может вмещать сведений, а заболевает, что вновь слышит. От него первого услышал о смерти старика Брауна, американского миссионера в Йокохаме (последний раз видел я его мельком в деревне недалеко от озера, на пути в Идзу). Едет японец в Японию из Англии, проникнутый насквозь самоновейшими учениями: «Нелепо-де, кто говорит – я хочу трудиться для государства, – всякий для себя должен трудиться и исключительно о себе заботиться, то и для государства выйдет хорошо!» – «Акто вам помог воспитание получить в Англии (частные лица, по его словам), те исключительно для себя это делали или для государства?» и так далее.

1 ноября 1880. Суббота.

Путь из Гонконга в Йокохаму

Погода пасмурная, ветер холодный, море бурливое. Идем в одиннадцать часов дня все еще в виду китайских берегов, и кое-где видны

джонки. – Целый день читал книжку Легга: весьма легко читается, видно еще, что знаток своего дела, то есть религий китайских, недаром сорок лет прожил в Китае. – Море целый день неприятно качало, ветер сильный.

2 ноября 1880. Воскресенье.

На пути из Гонконга в Йокохаму

Дай Бог, чтобы это было последнее воскресенье в море. Целый день неприятно качало, и ветер дул сильный, все еще идем между Китаем и островом Формозой. Быть может, лучше будет, когда выйдем из этого пролива и возьмем на восток. Книжку Легга кончил. Последняя лекция производит неприятное впечатление. Тотчас видно протестанта – не умеет обращаться ни с христианством, ни с язычеством, и мешает то и другое. Бедный, уж он защищал-защищал свои верования! Как будто кто нападает на него, – сам же договорился, начал сравнивать – как будто можно несоизмеримые вещи сравнивать, а начал, то и отделывайся – стал на одну доску с язычниками, и поднял потом тревогу доказывать, что он не язычник.

3 ноября 1880. Понедельник.

На пути из Гонконга в Йокохаму

Уж действительно, так надоело море и морское путешествие, что выразить нельзя. И угораздило же отправиться не на почтовом судне! По крайней мере, десятью днями короче было бы путешествие. И я, и другие со мною просто больны. Господи, скоро ль это кончится, это мученье! Вот машина всего двести пятьдесят сил – скоро ль она довезет при противном ветре еще; капитан говорит, что в будущий понедельник придем в Йокохаму, но придем ли еще! Вчера 120 миль в сутки, сегодня – 140 только. Состояние духа и тела сквернейшее! Делать ничего нельзя от качки, в шахматы разве играть. О, горе!

4 ноября 1880. Вторник.

На пути из Гонконга в Йокохаму

В продолжение дня море совсем стихло. Спасибо хоть за это. Капитан надеется, если ветер опять не станет мешать, прийти и раньше понедельника. Стал читать «Burk of ours», аглицкий роман времен Наполеона I; вторая часть попалась под руку. Именно, время дороги – дыра в существовании, ничего путного нельзя делать. Вечером, по просьбе доктора, Львовский играл на скрипке.

5 ноября 1880. Среда.

На пути из Гонконга в Йокохаму

Море совсем тихо – чуть-чуть качает, ветерок такой, что два паруса можно было поставить в помощь машине. С вечера молодой шалопай,

едущий изучать винную торговлю в Йокохаме, не давал спать безумным криком и песнями; утром сегодня стюардесса – отвратительный кусок мяса в очках – распелась спозаранку, ходя по кают-компании, и помешала сну. А днем, когда осмотрелись, оказалось, что крысы поиспортили сапоги у меня и у о. Димитрия, у последнего в новых сапогах – в одном передок совсем отъели. И сердится же он! Весь завтрак ворчал уморительно: «Хоть бы вам головы там поотъедали», – говорит, разумея судовое начальство, хотя оно ни в чем не виновато. Если погода продолжится такая тихая, то придем в субботу, да еще до полудня, так что можно будет ночевать в Тоокёо. Дай Бог! Читаю тот же аглицко-французский роман. – Авось-либо путешествие на исходе.

6 ноября 1880. Четверг.

На пути из Гонконга в Йокохаму

Утром видели уже Киусиу. Море тихо, погода хорошая; уставшая птичка, вроде чижика, села на палубу и дала взять себя в руки; мы посадили ее в клетку околевших канареек о. Димитрия – до первого близкого берега, где выпустим. С полудня до Йокохамы осталось всего 440 миль; значит, послезавтра утром должны быть. Читал аглицкую книжку. Вечером раздумался о том, что следует заняться авторством. Отрывочные мысли об этом никогда не оставляли меня, но все некогда было. И теперь будет некогда – знаю, но ради отдыха и развлечения нужно собирать материал для книжки какой-нибудь. В отдалении мелькают перспективы. Бог знает, выйдет ли что путное. Но хорошо бы писать о следующем:

1. Япония – в географическом, этнографическом и историческом отношении.

2. Христианство и не-христианство, где католики и протестанты – вроде обличительного богословия.

3. Миссионерство, то есть миссионерский дневник, и об инославных миссиях все, что можно собрать.

Миссионерский дневник будет составлять ежедневную запись в книжке происходящего по Миссии. По прочим предметам не иметь записных книжек, а писать на листках все, что случится узнать или надумать, с заглавием впереди – так, чтобы легко было потом подобрать в порядок. Если будет время, хорошо бы составить программу вопросов в возможно полном объеме предположенных к рассмотрению предметов. Думаю, что все это невозможное, так как мои занятия по Миссии все почти более пассивные, чем активные, не исключая переводов и лекций, о которых тоже не нужно думать всегда, а лишь во время самого акта, – значит, для свободной производительности время будет, лишь бы не жить

мыслию спустя рукава. Конечно, мысль не должна быть отнята от построек, например, от переписки с Россиею. но. правду говоря, на все времени должно хватить. Теперь, против прежнего, есть некоторые шансы большей производительности и свободы во времени. – А как это будет освежать и поддерживать! Не даст погрузиться в рутину и говорить, что все одно и то же: всегда будет свежая струя мысли, и не одна. А чрез десять лет, если придется посетить Россию будет, что напечатать. Итак, займемся с Божией помощью!

7 *ноября 1880. Пятница*.

На пути из Гонконга в Йокохаму

Десять с половиною часов утра. Идем около берега Ниппона. Погода ясная: ветер легкий – северный, несколько холодный. Переношусь мыслию за двадцать лет назад. С каким трепетным чувством я приближался тогда к Японии! Такое высокое – не могу иначе назвать, как целомудренное. настроение было тогда: крайне боялся чем-нибудь не понравиться японцам. Помню в Декастри. чтобы сделать визит на японское судно. – сразу самую богатую и дорогую рясу бархатную надел и с первого же слова подарил доктору Фукасе – старшему – компас, быть может, жизнь мне спасший в пургу на Амуре. Так и казалось мне, что вот уже становлюсь на почву Евангельской проповеди и ни волоском повредить не хотелось восприимчивости слушателей. – Юношеское увлечение – взгляд сквозь розовые очки! Восемь тяжелых трудовых годов пришлось провести, пока явился спрос на проповедь, и тогда желающих слушать уже никакие мелочи не могли отвлечь. – Десять лет тому назад – тоже не без волнения и достаточной еще свежести чувства, я подъезжал к Хакодате на парусном судне, в холод. Ярко горела вечерняя звезда на небе, ее я спрашивал – мне ли она предвещает добро? – Да, она была доброю предвестницею. – Еще восемь трудовых лет прошло. – Вот теперь в третий раз я приближаюсь к Японии. Нет юношеского волнения. Охладили кровь лета. Есть только нетерпеливое желание поскорей кончить надоевшее путешествие да радостно думается о свидании с друзьями. Завтра увижу я их. – Посмотрим и сравним, приятнее ли свидание с друзьями в Петербурге или обратно в Японии. И в каком виде я найду Миссию и Церковь? Вероятно, много и неприятного встречу – запущенность, опустелость и тому подобное. – И что-то обещают ближайшие десять лет? Будет ли еще после них путешествие в Россию, или – на том свете? Если – в Россию, то с каким настроением придется приближаться к Японии в четвертый раз? Бог знает! Бог начертывает будущее – и дай Бог, чтобы в нас самих ничто не мешало исполнению Его Воли над нами!

Бедная эта минута, но пусть удержится она в памяти со всею обстановкою: напротив меня, наискось, несколько влево, за столом о. Димитрий – диакон, сидит и пишет что-то; направо, в открытую дверь видна синева моря – с зайчиками кое-где, и выше голубое небо; прохаживающийся Львовский мелькает иногда, закрывая вид. На другом столе – молодой англичанин пишет и около него другой молодой англичанин – с пораженным носом, и японец Ито играют в шашки и спорят поминутно. Настроение духа ни дурное, ни хорошее. – Одиннадцать часов.

00 часов вечера. Последние часы путешествия. Целый день сегодня провел, думая о Миссии. Между прочим, вздумал, не послать ли с о. Анатолием в Россию в Семинарию Виссариона Авано и Александра Мацуи? Сами-то они хотят этого; первый писал ко мне в Петербург об этом. Опять же, – надежен ли? Для пользы ли Церкви они воспитываются? Производительно ли будет издержано на них множество денег и забот? Не знаю. Вразуми меня, Господи, поступить во Славу Твою! – Вечером, после обеда, в каюте Львовского пели «Дева днесь», «Херувимские» и прочее. После – до сих пор гулял наверху. Видел маяки и землю очень близко. Осталось до Йокохамы миль восемьдесят; с полудня было всего сто восемьдесят. Часа в три остановились, чтобы утром, часов в девять (должно быть), в Йокохаме стать на якорь. – Вечерняя звезда – единственная – видна сквозь туман, и высоко поднялась и ярко светит под туманной дымкой; луна – полным кругом – также хорошо освещает нам путь. Завтра – на месте, и опять как ни в чем не бывало прошлогодние заботы, уроки, переводы и прочее – на плеча. Дай, Господи, бодро нести бремя! На усталость теперь пожаловаться не могу. Отдохнул: пятнадцать месяцев ничего не делал. Перемены желать также не могу – нигде не нашел лучше, как в Миссии – за обычным трудом. Везде до сих пор скучал с тех пор, как оставил Японию. Итак, опять к желанному. Прощай гулянье, прощай путь, прощай скука! С Богом, бодро за любезный труд!

1*7 29 ноября 1880. Понедельник.*

В Миссии на Суругадае

8 (20) ноября 1880 года, в субботу, утром, пришли в Йокохаму. Съехавши на берег и пропущенные около таможни с нашим тенимоцу, мы направились на станцию железной дороги. Крыжановский и Львовский уехали несколько вперед, а я, пропустив их, чтобы заехать в меняльную лавку, из-за секунды этой встретился с о. Анатолием, который приехал в Йокохаму по поводу денег, присланных из Хозяйственного управления, – тех, что должны были прийти при мне. Удержанный о. Анатолием в

Йокохаме, увиделся здесь со Струве и Пеликаном, у которого и обедал в гостинице. В Токёо – на станции встретили ученики и христиане. – Со станции – к Струве; в Миссии – в Церкви отслужили благодарственный молебен. Радостное чувство было – несравненно выше и сильнее, чем при всех свиданиях в России. Доказательство тому – что голова даже разболелась от волнения! Всенощная – дома, так уютно и приятно было слушать ее. – На завтра, в воскресенье, множество христиан. Я сказал несколько слов за литургией – в мантии и митре, но тяжело было так, голову ломило и плечи. После обедни с сотнями христиан раскланивался.

В понедельник ученики отпросились гулять. – Во всю неделю неприятного было – жалобы на о. Владимира, что он лжец, что притесняет при расплатах, что бестактен в Семинарии и прочее. Говорил с ним; должно быть, поправится. А странен, в самом деле. Сам встретил его на железной дороге в спальных сапогах и счел нужным указать ему это, чтобы не отказался. Совсем не такой о. Димитрий. – Из этого, если даст Бог, выйдет настоящий миссионер, которому мы в подметки не годимся. Смирением, кротостью сделался уже любимцем учеников – сразу привык ко всем японским обычаям, касающимся внешности, ест, например, совершенно японскую пищу, причем и палочками владеет не хуже японца. О. Анатолий все время занят отчетами, которые с собой и повезет в Россию. – Вчера, в воскресенье, служит о. Владимир и преплохо – до сих пор даже служить не научился, такой рохля.

Сегодня христиане справляли в Уено угощение по случаю моего приезда и о. Анатолия и Якова Дмитриевича отъезда. – Было четыреста восемьдесят человек. О. Савабе говорил речь, в которой о. Анатолия назвал матерью, а Якова Дмитриевича – перлом. Было много речей (энзецу) – катихизаторов и учеников; бросаньем апельсинов немножко испортили рясу. – После, дома, сицудзи, пришедшим благодарить, я сказал о храме, чтобы искали место для него – дай Бог! Вечером прибыл о. Такая из Оосака.

*18*30 ноября 1880. Вторник

Утром начал класс толкования Евангелиста Луки с 6 главы, 17-го стиха. После обеда начал преподавание Священной Истории Ветхого Завета с детей Исаака. – Сегодня шло позволение на издание «Сейкёо симпо», – Точно снег на голову. К 15-му декабрю нового стиля нужно издать первый номер, а ни материалу, ничего нет. Лежачим было здесь. Уж если обновлять «Церковный Вестник», то нужно было заготовить материал. Выбрали виньетку – ангел, летящий с Евангелием. – Виссарион дал мысль. – Хорие просил 10 ен для Павла Такахаси – в месяц за хлопоты

по издательству. Ему самому прибавлено 5 ен. Григорий Мацуяма, Василий Мацуи, анн Такеиси перебывали – издатели «Сейсей-засси» – народ молодой, способный; здесь же навострившийся, теперь расправляет крылья, как бы лететь, – увидим, кажется, есть сердца – хорошее не пустят. Принесли их газету – по заглавиям – недурно; даже «Откровение» Иоанна Богослова стились толковать. – Андрей Яцуки – грусть навел сказаниями, что Церковь опорочена. Ужель и в самом деле моя статья в «Древней и Новой России» послужила в пользу протестантству – разбудил их! О. Яков Такая просился из Оосака, – напрасно, кажется, – вял он, в том вся причина.

ПРИЛОЖЕНИЯ

От составителей Указателей

Публикуемые записи являются началом огромного дневника, который отец Николай вел на протяжении более сорока лет. Они охватывают период:

1-го марта 1870 г.; 4-го и 18-го марта 1871 г.; 1-го января 1872 г.; 20-го декабря 1876 г.; 1-го января 1877 г.; 12-го сентября – 28-го ноября 1879 г.; 1-го января – 18*30-го ноября 1880 г.*

В Японии отец Николай пользовался и пользуется необычайной известностью, а его заслуги – всенародным признанием. Наконец, интерес к нему появился и в России, особенно после его канонизации русской православной церковью (10 апреля 1970 г.). Наиболее ценной из полутора десятков работ, опубликованных в последнее десятилетие, нам представляется книга Г. Д. Ивановой «Русские в Японии XIX – начала XX в.: Несколько портретов» (М., 1993; серия «Культура народов Востока»), а из более ранних – труд архиепископа Антония «Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай» (Богословские труды. М., 1975. Сборник. 14). Поэтому, не останавливаясь подробно на фактах биографии Николая Японского и на его деятельности, мы считаем необходимым сообщить лишь некоторые сведения, которые проясняют настоящие записи.

Отец Николай (до принятия монашеского сана: Иван Дмитриевич Касаткин; 1836–1912) родился в селе Егорье-на-Березе Бельского уезда (Смоленской губернии) в семье дьякона приходской церкви. После учебы в Бельском Духовном училище и Смоленской Духовной семинарии, он, как первый ученик выпуска, на государственную стипендию был направлен в 1857 г. в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую закончил кандидатом 24-го курса (выпуск 1861 г.).

Заметим, что Петербургская Духовная академия в эти годы была лучшим духовным учебным заведением в России и давала блестящее образование. Там преподавали, например, такие известные ученые, как историк В. О. Ключевский, археограф М. О. Коялович, автор трудов по истории духовного образования и знаменитой монографии о Феофане Прокоповиче – И. А. Чистович и др. Не случайно, выпускники этого и ближайших выпусков академии представляли собой своего рода элиту духовного сословия. Кроме блестящего знания специальных богословских предметов, они были прекрасно осведомлены в вопросах светской и церковной истории, истории философии, психологии, логики и знали основные европейские и, разумеется, классические языки.

Тяга к миссионерству проявилась у Касаткина еще во время пребывания в семинарии, и в 1860 г., по его ходатайству, он был назначен настоятелем первого православного храма в Японии – собора Воскресения (освящен в 1860 г.)

при российском консульстве в Хакодате, пострижен в монашество и в сане иеромонаха отправился в Японию, куда прибыл летом 1861 г.

В 1870 г., в сане архимандрита, отец Николай был назначен начальником Японской Духовной миссии. Позже, в 1880 г., он был рукоположен в сан епископа Ревельского и викария Рижской епархии, а в 1906 г. – возведен в сан архиепископа, с присвоением ему наименования «Японский».

Алексей Родосский в 1907 г. называет «миссионерскую деятельность» отца Николая в Японии «ревностной и плодотворной» и пишет: «Трудами этого благовестника Христова обращено в христианскую веру уже тысячи японцев, учреждены: катихизаторское училище, семинария, училище женское и причетническое в Токио, училище для мальчиков и девочек в Хакодате, переведены на японский язык почти все богослужебные книги и много книг нравственно-религиозных и учебных; наконец, им построен в столице Японии, в Токио православный собор, составляющий гордость Японской миссионерской церкви» (Родосский Алексей. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской Духовной академии. 1814–1869. СПб., 1907. С. 307). Исключительно личному подвижничеству отца Николая православная миссия в Японии обязана своему небывалому успеху: при нем перешло в православие более 30 000 японцев.

Дневник отражает две поездки отца Николая в Россию: в 1869–1870 гг. он посещает Россию, чтобы убедить Синод на открытие православной миссии в Японии, а приезд в 1879–1880 гг. официально связан с его рукоположением в епископы, а реально – с финансовыми и организационными хлопотами по делам все расширяющейся миссии.

Большинство записей публикуемого дневника относятся ко времени пребывания отца Николая в Петербурге, затем он посещает Москву (3 апреля – 8 июня 1880 г.) и провинцию, чтобы повидать родных и друзей, снова возвращается в столицу, откуда отправляется в Японию пароходом из Одессы.

В столицах и в провинции он собирает деньги и другие пожертвования (иконы, утварь, музыкальные инструменты и пр.) для миссии: на строительство собора в Токио, открытие семинарии и училищ, библиотеки; ищет сотрудников, художников и архитекторов для

строительства собора, закупает религиозные, светские, научные и учебные книги, и даже детские игры. Ежедневно (с утра до вечера) он перемещается по городу, посещая административные и духовные учреждения, различные общества и комитеты, дворцы, учебные заведения, приюты, больницы, церкви, дома частных лиц.

Однако сам город, его достопримечательности и быт, как «суета сует», не попадает в поле зрения отца Николая. И только один раз, оказавшись на Невском, он замечает: «сколько жизни, движения и какая масса мыслей, мечтаний, волнений, зависти, ненависти, интриги – испаряется к небу от всего этого места!» (27 января 1880 г.).

Дневник содержит, в основном, подробности религиозной жизни обеих столиц: водоосвящение в Александро-Невской лавре и на Неве, крестный ход на Москва реке и в день праздника Владимирской Божией Матери, вербный базар у стен Кремля; церковные службы в соборах, церквах, лаврах, в которых он принимает участие; торжественные акты в учебных заведениях; обеды и трапезы; описание службы в день 25-летия царствования Александра II.

Не проходят мимо отца Николая и некоторые культурные события. Вызывают интерес страницы дневника, посвященные описанию Пушкинских торжеств 6 июня 1880 года, и фиксация реакции на это духовенства; запись беседы в Москве с Владимиром Соловьевым и его впечатления от встречи с Достоевским. Он посещает выставку картин В. В. Верещагина, осматривает залы русской и французской живописи в Эрмитаже и Мозаичное отделение в Академии художеств, наблюдает постановку «живых картин» в доме священника Ф. Н. Быстрова.

На страницах дневника вырисовывается незаурядная личность самого отца Николая. Конечно, это был прирожденный миссионер, посвятивший свою жизнь идее несения слова Божия людям. Однако, поражает отсутствие фанатизма в его взглядах и живой интерес к различным сектам и направлениям в христианстве и православии. Исследователи обращают внимание на его уважительное отношение к культуре, истории и обычаям других народов, и как на одну из причин успеха миссии в Японии – на его деликатную адаптацию православия к японскому менталитету. А близкий знакомый отца Николая англиканский пастор Чарльз Свит даже говорит о его веротерпимости. Отметим также и откровенногрустные размышления отца Николая о ленивых и нерадивых православных служителях и, в то же время, исполненные высокой благодарности суждения в адрес жителей столиц и провинции, добровольно и ревностно помогающих сбору средств для миссии. Привлекает к личности этого видного религиозного деятеля

его живой ум, трезвость мысли, душевная прямота и простота и полное отсутствие тщеславных помыслов и интриг, карьерных соображений и мелочных обид.

Политические взгляды отца Николая, насколько позволяет судить публикуемая часть дневника, также неоднозначны. Следуя примитивной схеме советской историографии, он безусловно относился к лагерю консерваторов. Естественно, что покушение на императора, свидетелем которого он оказался и о чем он пишет в дневнике, не могло не вызвать в его душе ничего, кроме ужаса и омерзения. Однако резкая критика «охранительной» внутренней политики Лорис-Меликова и явная поддержка либеральных взглядов Путятина, а позже, во время русско-японской войны, резкое осуждение внешней политики России, – все это характеризует его как личность лишенную догматизма и «квасного» патриотизма. Обладая железной силой воли, он был мягок и терпелив с окружающими его людьми, корил себя за резкость и неловкость в обращении с ними, нежно любил детей и своих прихожан.

Может быть следует отметить, что среди людей, с которыми встречается отец Николай в обеих столицах и в Казани, значительное место занимают контакты с профессорами университетов, учеными и, в частности, с востоковедами. И если встречи с лицами духовного звания, с членами Православного миссионерского общества и горячо сочувствующими миссии друзьями и знакомыми отца Николая вполне объяснимы с прагматической точки зрения, то общение с востоковедами являются косвенным свидетельством его необычайного интереса к культуре стран дальневосточного региона и уважения к науке как таковой. До нас дошли признания отца Николая, что искус научных занятий историей и этнографией Японии преследовал его особенно в первые годы миссионерской деятельности. Не случайно, в различных изданиях («Московские ведомости», «Церковный вестник», «Миссионер», «Православное обозрение», «Странник», «Древняя и новая Россия», «Русский архив», «Русский вестник» и др.) отец Николай публикует свои яркие очерки о Японии, а в 1879 году отдельным изданием выходит его книга «Япония и Россия». По свидетельству японских учеников отца Николая, любимыми его лекциями в Токийской Духовной семинарии были занятия по всеобщей гражданской истории. Как отметил японский профессор К. Накамура, «во второй половине XIX века не было другого такого большого русского знатока Японии, каковым являлся Николай» (Накамура Кэнносукэ. Святой Николай Японский – один из первых японистов в России. Доклад, прочитанный в Москве в 1992 г.)

Дневник Николая Японского находится в Российском Государственном Историческом Архиве (ф. 834, оп. 4), где он в 1979 г. был обнаружен японским профессором Кэнносукэ Накамура. Его усилиями инспирировано несколько изданий фрагментов из дневника отца Николая, появившихся в последнее десятилетие в России и Японии, и настоящее издание полного текста, который публикуется по машинописи, предоставленной издательству «Гиперион».

Не имея возможности сверить машинопись с автографом, нам трудно судить о степени ее текстологической достоверности. Однако, в ряде случаев работа текстологов заставляет желать лучшего. Например, близкий друг отца Николая К. В. Белявский прочитан в некоторых местах, как «Белевский», а французское слово pendant, ни мало сумняшитесь воспроизведено кириллической абракадаброй «репдан». Часть фамилий так и остались не расшифрованными и стоят под вопросом («Ракочий?», или болгарская королева «Раина?»). Некоторые, недописанные в тексте дневника, фамилии, например, знаменитая фамилия Мордвинов или фамилия знакомой отца Николая – Солодовниковой подготовители дневника посчитали полными, и в расшифровке появились «Мордвин» и «Солодова». Иногда вторжение в текст дневника превышает текстологические полномочия. Например, расшифровка инициалов в прямых скобках, и часто неверная, только затрудняет понимание текста. В то же время непрочитанные места не фиксируются знаком конъектуры (…) и не указывается в скобках необходимое по текстологическим нормам количество непрочитанных слов или хотя бы пометы «нрзб.». В таких случаях остается непонятным – имеем ли мы дело с испорченным текстом или с непрочитанным текстологами фрагментом, или со смысловой лакуной самого автора.

Между тем, уровень работы текстологов нельзя не учитывать при составлении Именного указателя. Следует иметь в виду, что дневник перенасыщен именами людей, с которыми отец Николай встречался в столицах и в провинции. И неточное прочтение фамилий расшифровщиками рукописного текста создает понятные трудности (а порой и невозможность) в идентификации персонажей.

Сложности создает и сам тип дневника. Дело в том, что существует два типа дневников. Первый – ориентирован на публичность. Его автор рассчитывает, если не на прижизненную публикацию (или чтение в кругу друзей и родных), то, осознавая его культурно-историческую или литературную значимость – на сохранение его для будущих поколений. Второй тип дневника – это дневник, который ведется исключительно для

себя, чтобы со временем или по необходимости обратиться к тем или иным событиям, восстановить в памяти фамилии людей, даты и т. д. В таком дневнике записи не подвергаются литературной обработке, а факты – перепроверке. Изложение событий в нем может быть отрывочным и сумбурным, записи стилистически невнятными, слова (в том числе и фамилии) порой сокращенными и недописанными, при фамилиях отсутствуют не только какие-то пояснения о служебной или сословной принадлежности, но и имена и отчества. Именно к такому типу и принадлежит дневник отца Николая.

Дополнительные сложности для идентификации упомянутых в дневнике лиц создает, во-первых, тот факт, что фамилии, воспроизводятся отцом Николаем на слух (Опухтин, вместо Апухтин, Осланбеков – Асланбеков, Вячтомов – Вечтомов), а имена и отчества по памяти. Возможно по этой причине (или в процессе перепечатки) «Александр Алексеевич» становится «Алексеем Александровичем», «Константин Илларионович» – «Константином Платоновичем» и т. д. В ряде случаев ошибка принадлежит даже не автору дневника, а третьему лицу. Например, в рассказе владыки Исидора о конфузе при ритуале рукоположения один и тот же священник назван то Макарием Воронежским, то Александром Воронежским, но таких иерархов в указанные годы не существовало.

Во-вторых, к отцу Николаю часто приходили и незнакомые жертвователи, и в дневнике иногда появляются записи типа: «какая-то Ершова», «некто Бороздин», установить личность которых точно – невозможно.

Наконец, идентификацию лиц осложняют также: омонимия имен, присвоенных священнослужителям, и отсутствие инициалов для известных дворянских фамилий (Голицыны, Чернышевы, Бобринские и др.) и для многочисленных столичных и провинциальных «знакомых» отца Николая (Арсеньев, Богомолов, Горбунов, Поляков, Попов). Иногда у близких друзей и родственников отсутствуют и фамилии (Александра Петровна, Илья Иванович, Матвей Иванович и т. д.).

В сочетании с возможными (а иногда и очевидными) ошибками при расшифровке фамилий (временами одна и та же фамилия приводится в машинописи в разных вариантах: Жевердеев – Жевержеев, Петров-Батурич – Петров-Батурин) комментаторская работа требует не только огромных дополнительных разысканий, но и иногда интуиции и находчивости. Отсюда, неизбежны догадки и предположения, не исключены и ошибки.

Конечно, вопросы, связанные с поисками сведений о рядовых

священнослужителях (священниках, иеромонахах, келейниках, дьяках), а подчас и архимандритах, упоминаемых в дневнике, можно было бы (хотя бы отчасти) снять, подключив архивные разыскания, поскольку печатных справочников о такого рода духовных служителей на этот период времени недостаточно. Но составители Именного указателя, в силу ряда обстоятельств, оказались отрезанными от архивов. Из основных причин назовем тот факт, что фонд Синода сейчас практически недоступен. Невозможность занятий в других архивах была связана со срочностью работы и ограниченным сроком, который издательство выделило на комментирование этого непростого текста.

Мы стремились, по мере возможности, собрать максимально полную информацию о всех лицах и особенно о тех, с которыми чаще всего общался отец Николай, имея ввиду будущих биографов и издателей трудов отца Николая. Поэтому Именной указателей является и своеобразным комментарием к страницам дневника, а справки о лицах, в ряде случаев, составлены не традиционно. Если сведения о каким-либо персонаже отсутствуют, мы повторяем отца Николая, ставя после фамилии или имени, запятую: *«Богоявленская, акушерка»*. В остальных случаях после тире приводим дефиницию; для монашествующих сразу после имени в скобках приводим имя в миру и даты жизни, а для светских лиц раскрываем инициалы и даем даты: *«Агния (Баскакова) (1810–1888) – казначея Воскресенского первоклассного женского монастыря»; «Алферьев Василий Николаевич (1813–1898) – делопроизводитель Департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел»*.

Как мы уже говорили, в тексте дневника отца Николая встречается множество одинаковых имен и фамилий без инициалов. Особенно это касается священников и монашествующих лиц – шесть отцов Александров, три Аркадия, шесть Арсениев, шесть Василиев, четыре Иннокентия, четыре Иоанна, три Иосифа, четыре Макария, четыре Митрофана, четыре Платона, пять Сергиев и т. д., не считая одноименных апостолов и святых. Заметим, что некоторые из них встречаются порой на одной странице дневника. Например, в записи от 20 марта 1880 г. упоминаются три разных Иннокентия. В подобных случаях, чтобы читатель мог их идентифицировать, мы, сразу после духовного имени, через запятую даем их определение из дневника отца Николая (например: *«Иннокентий, митрополит», «Иннокентий, эконом», «Иннокентий, духовник»*), а потом через тире сообщаем имена в миру, даты жизни и другие необходимые сведения.

Заранее приносим извинение читателям за вероятные неточности и ошибки (тем более, что разные источники иногда расходятся в датах и других фактах об одном и том же лице) и выражаем надежду, что наши разыскания будут продолжены последующими комментаторами дневника Николая Японского.

Некоторые сведения нам сообщили: Любовь Киселева, Каринэ Маранджян, Татьяна Никольская, Надежда Чехович и Stephen Lovell, которым приносим искреннюю благодарность.

Помимо приведенного ниже списка основной литературы, в Именной указатель включены некрологи и редкие статьи и брошюры, содержащие сведения об отдельных персонажах. После Именного указателя публикуются дополнения к нему, присланные профессором К. Накамура, которому мы выражаем искреннюю благодарность за просмотр указателя на последней стадии работы.

Использованная литература

Агафонов Н. Я. Казань и казанцы. Казань, 1906–1907. Вып. 1–2 (в приложении помещен Казанский некрополь).

Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. СПб., 1868–1894.

Адрес-календарь Духовного ведомства: Первый полный сборник справочных именных указаний всех должностных лиц духовной администрации. СПб., 1878.

Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии на: 1881 г. Казань, 1881.

Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1887–1888. Ч. 1–2.

Амвросий (Ключарев). Сведения о Православном миссионерском обществе за первую половину 1870 г. М., 1870 (с приложением списка действительных членов).

Аскоченский В. И. История Киевской Духовной академии. СПб., 1863.

АфанасьевН. И. Современники: Альбом биографий. СПб., 1909–1910. Т. 1–2.

Владимирский И. М. Историческая записка о 40-летии женской классической гимназии С. Н. Фишер. М., 1912.

Горталов Н. К. Краткие биографические сведения об иерархах Казанской епархии от учреждения ее до настоящего времени (1555–1885 гг.). Казань, 1885.

Дурново Н. Н. Девятисотлетие русской иерархии. 988–1888: Епархии и архиереи. М., 1888.

Зверинский В. В. Монастыри в Российской империи. СПб., 1887.

Знаменский П. В. История Казанской Духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Казань, 1891–1892. Вып. 1–3.

Именной список монашествующим лицам, окончившим курс учения в Духовных академиях и семинариях и состоящим в епархиальном ведомстве настоятелями монастырей, в числе братств, обителей и при архиерейских домах на 1897 год. СПб., 1897.

Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 18691885. Вып. 1–10.

Историческая записка Императорского лицея в память цесаревича

Николая за XXX лет (1868 13 янв. 1898). М., 1899.

Историческое описание соборных и приходских церквей, в Российский империи находящихся, с показанием времени построения оных. М., 1828.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. М., 1976–1989. Т. 1–5.

История Санкт-Петербурга – Петрограда: Пугеводитель по источникам. СПб., 2000. Т. I. Вып. 1.

Кедров Н. И. Московская Духовная семинария. 1814–1889. М., 1889.

Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Академии художеств. 1764–1914. СПб., 1914. Ч. 2: Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств.

Краткий список лицам, служащим по Духовному ведомству православного исповедания на 1870–1880 гг. СПб., 1870–1880.

Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси: С.-Петербургская епархия. СПб., 1908.

Лебединцев П. Г. Киево-Печерская лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии. Киев 1886.

Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель. М., 1962–1963, 1980. Т. 1–3.

Надеждин А. Н. История Санкт-Петербургской православной Духовной семинарии: 1806–1884. СПб., 1885.

Памятная книга по С.-Петербургской епархии. СПб., 1899.

Памятная книжка Смоленской губернии на 1878 год. Смоленск, 1878.

Памятная книжка Смоленской губернии на 1887 год. Смоленск, 1887.

Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900–1911. Т. 1–12 (АК).

Православная энциклопедия. СПб., 2000–2002. Т. 1–4 (А-Бессмертие)

Православные монастыри и архиерейские дома в России ныне существующие. М., 1889.

Путеводитель по Троице-Сергиевой лавре. М., 1868.

Родосский Алексей. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской Духовной академии. 1814–1869. СПб., 1907.

Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913.

Русский биографический словарь. М.; СПб.; Пг., 1896–1918. Т. 1–25.

Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб., 1912–1913. Т. 1–4.

Саитов В. И., МодзалевскийБ. Л. Московский некрополь. СПб., 1907–

1908. Т. 1–3.

Скороботов Н. А. Памятная книжка окончивших курс С.-Петербургской Духовной семинарии с 1811 г. по 1895 г. СПб., 1896.

Смирнов С. К. История Московской Духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М„ 1879.

Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. М„ 1992–1995. Т. 1–4.

Сперанский И. П. Очерк истории Смоленской Духовной семинарии: 17281868. Смоленск, 1892.

Списки архиереев иерархии всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего правительствующего Синода (1721–1895). СПб., 1896.

Списки начальников, наставников и воспитанников Вифанской Духовной семинарии с 1800 до 1897 года. Сергиева лавра, 1898.

Списки студентов, окончивших полный курс Московской Духовной академии за первое столетие ее существования (1814–1914 гг.). Сергиев Посад, 1915.

Список настоятельниц женских монастырей и общин. СПб., 1889.

Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель. М., 1978.

Справочный указатель соборов и церквей С.-Петербургской епархии и состоящих при них священнослужителей и приходов с предварительным обозрением состава епархиального управления за 1867 год. СПб., 1867.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

Толстой Ю. В. Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии всероссийской со времени учреждения Святейшего правительствующего Синода (17211871). СПб., 1872.

Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1993–1995. Т. 1–3.

Чистович И. Санкт-Петербургская Духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889.

Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1.

Литература и воспоминания об отце Николае и миссии

Андроник. Воспоминания преосвященного Николая, миссионера Японии (Из дневника архимандрита Андроника) // Православный собеседник. 1900. Ч. 2. № 10. С. 429–434.

Андроник. Миссионерский год в Японии: (Из дневника японского миссионера) // Уфимские епархиальные ведомости. 1904. № 7–24; 1905. № 1–11, 16, 18, 19, 21, 22. То же. Отдельный оттиск (отрывок). Уфа, 1904. Вып. 1–2.

Антоний (Мельников), архиепископ Минский и Белорусский. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // Богословские труды. М., 1975. Сборник 14.

Вишневский Е. Мои воспоминания о в Бозе почившем архиепископе Николае Японском // Известия по Казанской епархии. 1912. № 18. Отдел неофициальный. С. 579–584.

Гедеон, епископ Прилукский. Преосвященный Николай – начальник Православной русской миссии в Японии. Полтава, 1900.

Георгий (Тертышников) архиепископ. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая в Японии // Альфа и омега. 1998. № 3.

Данилушкина Марина. Святитель Николай Японский и его «Дневники» // Московский журнал. 1992. № 8.

Иванова Г. Д. Русские в Японии ХГХ-начача ХХ в.: Несколько портретов. М., 1993.

Кониси М. Воспоминания японца об архиепископе Николае // Странник. 1912. №3. С. 388–391.

Иподьякон Глеб (Лобанов). Жизненный путь святого равноапостольного Николая Японского // Дни славянской письменности и культуры. Тверь, 1998. Вып. 4.

Николай, архимандрит. Русская православная миссия в Японии: Рапорт начальника Российской Духовной миссии в Японии, архимандрита Николая Совету Православного миссионерского общества. М., 1879.

Платонова А. Апостол Японии: Очерк жизни архиепископа Японского Николая. Пг., 1916.

Позднеев Д. Архиепископ Николай Японский: Воспоминания и характеристики // Церковные ведомости. 1912. № 11–13 (отд. изд-е: СПб., 1912).

Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского, по его своеручным запискам. СПб., 1996. Ч. 1–2.

Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти святителя Николая, апостола Японии (1836–1912). СПб., 1996.

Прокошев П. Русская православная миссия в Японии // Странник. 1896. № 2–4.

Свит Чарльз Филкинс. Архиепископ Николай. СПб., 1914.

Сеодзи С. Как я стал христианином. Рассказ Сергея Сеодзи *Публикация и предисловие С. А. Рачинского. СПб., 1892 (др. публикации: Русский вестник. 1891. № 1).*

Сергий, архимандрит. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера). Сергиев Посад, 1897.

Сергий, епископ. Памяти высокопреосвященного Николая, архиепископа Японского: (К годовщине кончины его 3 февраля 1912 года) // Христианское чтение. 1913, № 1. С. 3–76. То же. Отдельный оттиск. СПб., 1913.

Сергий. Месяц по Японии: Путевые заметки и впечатления // Христианское чтение. 1908. № 11. С. 1470–1486, № 12. С. 1573–1586; 1909. № 1. С. 22–36, № 2. С. 238–251, № 3. С. 390–402, № 4. С. 574–587, № 5. С. 725–736, № 6*7. С. 965–981*.

Сергий. По Японии: (Записки миссионера) // Богословский вестник. 1899. Т. 1. № 4. С. 622–649; Т. 2. № 7. С. 394–415, № 8. С. 595–614; Т. 3. № 9. С. 135–162, № 10. С. 318–341, № 11. С. 490–509, № 12. С 632–659. Другие публикации (с дополнением): Сергиев Посад, 1903.

Синявский П. Материалы для биографии высокопреосвященного архиепископа Николая, начальника Российской духовной миссии в Японии // Странник. 1910. № 10. С. 402–410.

Ксения Кумпан, Альбин Конечный

Именной указатель

Абаз – Абаза Александр Аггеевич (1821–1895) – министр финансов (18801881) – 159, 162

Абаза Мария Аггеевна – см. Милютина М. А.

*[50] Авано Виссарион, японский семинарист – 101, 325, 327

Августина – см. Созонович А. П.

Авилов Федор Александрович (1835–1903) – полковник, позже – генерал-лейтенант; сын А. П. и Е. М. Авиновых – 239

Авилова Елизавета Максимовна (1802–1880) – вдова адмирала А. П. Авилова – 161

Агния (Баскакова) (1810–1888) – казначея петербургского Воскресенского первоклассного женского монастыря – 83, 186

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) – граф, министр императорского Двора и уделов (1870–1881) – 182

Адоратский – Адорацкий Стефан Иванович (? – 1882) – протоиерей Покровской церкви в Казани; зять В. П. Вишневского – 300

Азанчевский Николай Павлович – управляющий Яузским отделом Попечительного совета заведений общественного призрения; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); штабс-капитан – 248

Айвазовский Иван Константинович (1817–1900) – художник – 126

Акилина – 261

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – член Совета Православного миссионерского общества (с 1870 г.); публицист, поэт, славянофил; надворный советник –244, 248, 249, 253, 256, 260, 268, 293

Аксенов Василий Дмитриевич (1817–1890) – член и казначей Православного миссионерского общества (с 1870 г.); коммерции советник – 94, 95, 98, 242, 243, 246, 251, 253, 257, 264, 268, 278–279, 287, 294, 295, 311

Аксинья Николаевна, знакомая отца Николая из деревни Вязовка – 309

Алевтина (Викулина Анна Андреевна) (1810–1897) – игуменья московского Вознесенского монастыря (до 1887 г.) – 287

Александр, Александр Дмитриевич – см. Шереметев А. Д.

Александр, двоюродный брат отца Николая из Пустоподлесья – вероятно, Касаткин Александр – выпускник Смоленской Духовной семинарии (1853) – 309

Александр, отец – см. Иванцев-Платонов А. М.

Александр, отец – см. Сыренский А. В.

* Александр, племянник отца Николая из Березы – 309

Александр, троюродный брат отца Николая – Касаткин Александр Федорович (? – 1896) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1841); псаломщик в одной из посольских церквей, затем – в петербургской Вознесенской церкви – 81, 115, 175, 217, 311, 312

Александр Александрович (1845–1894) – великий князь, сын императора Александра II – 126

Александр Александрович – см. Мельников А. А.

Александр II (1818–1881) – российский император (с 1855 г.) – 194, 318

Александр (Кожев) Воронежский – в Воронежской епархии такого иерарха не было с XVIII века – 225

Александр Невский (1220–1263) – святой; князь новгородский (1236–1251) и великий князь владимирский (с 1252 г.) – 102, 114, 115, 177, 199, 204, 225

Александра – см. Мещерская А. Н.

Александра (Августа) (Р-303) – святая, мученица; по одной из легенд жена императора Диоклетиана, по его приговору принявшая мученическую смерть вместе с Георгием Победоносцем – 102

Александра Владимировна – см. Лукьянович А. В.

Александра Иосифовна (1830–1911) – великая княгиня, жена великого князя Константина Николаевича – 156, 193

Александра Николаевна (1825–1844) – великая княгиня, дочь императора Николая I – 190

Александра Николаевна – дочь казанского губернатора Н. Я. Скарятина; художница – 301

Александра Николаевна, жена И. А. Зеленого – 145 Александра Николаевна – см. Лукьянович А. Н.

Александра Петровна (в иночестве Анастасия) (1838–1900) – великая княгиня, жена великого князя Николая Николаевича (старшего); благотворительница, основательница общин сестер милосердия, больниц и медицинских училищ, долгие годы председательница приютов Ведомства императрицы Марии; с 1881 г. жила в Киеве, где основала Покровский женский монастырь с хирургической больницей – 102, 108, 111, 147, 193, 197

Александра Петровна, матушка московской Рождественской обители – 290 Александра Федоровна (1798–1860) – императрица, жена императора Николая I – 255

Алексей – Алексей Александрович (1850–1908) – великий князь; генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства; сын императора Александра II – 126, 157, 210

Алексей Колоколов – см. Колоколов А. П.

Алексей Михайлович (1629–1676) – русский царь с 1645 г. – 271

Алексий, архиепископ Рязанский – Алексий (Ржаницын Руфин Иванович) (1812–1877) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1838); инспектор (с 1838 г.) и ректор (с 1843 г.) Московской Духовной семинарии; архимандрит и настоятель Заиконоспасского монастыря (с 1843 г.), ректор Московской Духовной академии (с 1847 г.), епископ Дмитровский и викарий Московской митрополии (с 1853 г.), епископ Тульский (с 1857 г.), епископ Таврический (с 1860 г.), архиепископ Рязанский (с 1867 г.), архиепископ Тверской (с 1876 г.) (см.: Владиславлев В. Некоторые воспоминания о почившем в Бозе высокопреосвященнейшем Алексии Тверские епархиальные ведомости. 1877. № 15. Часть неофициальная. С. 289–301) – 72

Алексий, епископ Можайский – Алексий (Лавров-Платонов Александр Федорович) (1829–1890) – выпускник Московской Духовной академии (1854), бакалавр (1854), магистр (1855) и профессор (с 1864 г.) этой академии; архимандрит (с 1878 г.), второй викарий Московской епархии; епископ Можайский (с 1878 г.), Дмитровский (с 1883 г.), Таврический (с 1885 г.), Литовский и Виленский (с 1886 г.), архиепископ (с 1886 г.); историк церкви (см.: Корсунский И. Н. Высокопреосвященный Алексий, архиепископ Литовский (Некролог). СПб., 1891) – 242–250, 252, 255, 258, 259, 262–269, 271, 274–281, 286–288, 290–296, 311, 313

Алексий Московский, чудотворец – Алексий (1304? – 1378) – митрополит всея Руси; государственный деятель, писатель, дипломат; как церковный деятель противостоял ордынскому игу; в царствование Феодора Иоанновича в московском монастыре Зачатия Святой Анны был возведен в храме Рождества Богородицы придел в честь Алексия – 247, 281, 290

Алипий, келейник Троице-Сергиевой лавры – 283

Алферьев Василий Николаевич (1813–1898) – делопроизводитель Департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел – 85

Амбросий – см. Амвросий

Амвросий, преосвященный – Амвросий (Ключарев Алексей Иосифович) (1821–1901) – выпускник Московской Духовной академии

(1844), магистр (1845); преподаватель Вифанской Духовной семинарии (1844–1848); священник (с 1848 г.) и протоиерей (с 1864 г.) ряда московских церквей, архимандрит Богоявленского монастыря (с 1877 г.); епископ Можайский и первый викарий Московской епархии (с 1877 г.), епископ Дмитровский (с 1878 г.), архиепископ Харьковский (с 1882 г.) и Ахтырский (с 1886 г.); основатель и редактор журнала «Душеполезное чтение» (1860–1867); проповедник, корреспондент К. П. Победоносцева (см.: Буткевич Т. И. Высокопреосвященный Амвросий, архиепископ Харьковский: Биографический очерк. Харьков, 1902) – 94, 196, 242, 245, 249, 255, 261, 263, 266, 268, 269, 276, 278, 279, 291, 293, 296

Амвросий, преосвященный, убитый – Амвросий (Зертис-Каменский Андрей Степанович) (1708–1771) – архиепископ Московский и Калужский; убит во время чумного бунта в Донском монастыре (см.: Бантыш-Каменский Д. Н. Жизнь преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского, убиенного в 1771-м году. М., 1813) – 289

Амфилохий, лондонский иеромонах – 218, 225, 227

Амфилохий, отец – Амфилохий (Сергиевский, по другим данным: Казанский, Павел Иванович) (1818–1893) – выпускник Московской Духовной академии (1844); смотритель ряда духовных училищ (с 1844 г.); архимандрит (с 1852 г.), настоятель ростовского Борисоглебского (с 1852 г.) и воскресенского Новоиерусалимского (с 1856 г.) монастырей; в 1860-е гг. состоял в числе братии московского Покровского миссионерского монастыря; член-корреспондент Академии наук (с 1868 г.), член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) и почти всех исторических и археологических обществ; член Московской Духовной консистории (с 1882 г.); настоятель московского Данилова монастыря (1870–1888); епископ Угличский (с 1888 г.); археограф, исследователь и собиратель памятников древнерусской литературы – 235, 237, 288

Анастасий, архимандрит (о. Василий Опоцкий) – Анастасий (Опоцкий Василий Алексеевич) (1831–1905) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); инспектор Виленского (1862–1865) и Минского (1865–1869) Духовных училищ; архимандрит (с 1869 г.); ректор Виленской Духовной семинарии и настоятель Виленского Свято-Троицкого монастыря (с 1881 г.); епископ Брестский (с 1885 г.), Сарапульский (с 1891 г.), Чебоксарский (с 1893 г.), позже – епископ Казанский, Туркестанский и Олонецкий – 85, 140, 150, 151

Анастасия, сестра Ивановского монастыря в Москве – 290

Анатолий, отец – Анатолий (Тихай Александр Дмитриевич) (1838–1893) – выпускник Киевской Духовной академии, иеромонах; начальник

общины в Хакодате (с 1872 г.), позже возглавил приход в Осака (с 1878 г.), в миссии находился до 1890 г.; автор брошюр: Обитатели Японии. СПб., 1882; Синтоитский обряд погребения у японцев. СПб., 1882 (см.: Дневник русского православного миссионера в Японии отца иеромонаха Анатолия// Миссионер. 1878. № 28–32; 1879. №45–50; см. о нем: Странник. 1896. № 3. С. 436) – 75, 80, 86, 109–111, 115, 141, 151, 157, 164, 171, 173, 175, 192, 195, 216, 217, 221, 231, 250, 257, 267, 273, 312, 325–327

* Андо – Андо Кэнскэ – студент, а с начала 1880-х гг. преподаватель японского языка в Петербургском университете – 114, 151, 191, 219, 232

Андрей, слуга отца Николая – 84, 99, 100, 106–107, 119, 142, 146, 147, 150 Андрей Критский (? – 720 или ок. 726) – святой великомученик; архиепископ с острова Крит; обличал императора Константина в ереси, за что был казнен – 201

Андрей Николаевич – см. Ферапонтов А. Н.

Андроник, святой – Андроник (? – 1395) – преподобный, ученик Сергия Радонежского, основатель московского Спасова монастыря, названного по его имени Андроньевским – 287

* Анна, двоюродная сестра отца Николая – 309

* Анна, ученица женской школы Японской православной Духовной миссии – 159

Анна (Анюта), болгарская девочка, воспитанница московского Страстного монастыря – 246, 291

Анна Иоанновна (1693–1740) – российская императрица (с 1730 г.) – 285

Анна Петровна, жена П, П. Заркевича – 123

Анна Христофоровна, знакомая отца Николая – 253

Анненкова Александра Карловна (1828–1900) – фрейлина императриц Александры Федоровны и Марии Федоровны – 241

Анненкова Вера Ивановна (урожд. Бухарина) (1813–1902) – вдова генерал-адъютанта – 87, 169, 227

Аннин Павел Авраамович (? – 1910) – делопроизводитель Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения, член Училищного совета при Святейшем Синоде и отдела Комитета по народному образованию Министерства народного просвещения – 138

Антокольский Марк Матвеевич (1843–1902) – скульптор – 248

Антоний, высокопреосвященный – Антоний (Амфитеатров Яков Гаврилович) (1815–1879) – выпускник (со степенью магистра) Киевской Духовной академии (1839); инспектор (с 1841 г.) и ректор (с 1845 г.)

Киевской Духовной семинарии, архимандрит (с 1845 г.), доктор богословия (с 1848 г.); настоятель Киево-Никольского монастыря (с 1848 г.), ректор Киевской Духовной академии (с 1855 г.) и настоятель Киево-Братского монастыря; епископ Черниговский (с 1858 г.) и Смоленский (с 1859 г.), епископ (с 1866 г.) и архиепископ (с 1867 г.) Казанский (см.: Разумов Н. В. Высокопреосвященный Антоний, архиепископ Казанском и Свияжский. Казань, 1880; Сергий (Василевский). Высокопреосвященный Антоний (Амфитеатров), архиепископ Казанский и Свияжский. Казань, 1885. Т. 1–2) – 297

Антоний, игумен в Троице-Сергиевой лавры – 284

Антонин Иерусалимский – Антонин (Капустин Андрей Иванович) (1817–1894) – выпускник Киевской Духовной академии; архимандрит, настоятель русской посольской церкви в Афинах, потом в Константинополе; начальник Православной Духовной миссии в Иерусалиме (с 1879 г.) и настоятель церкви при Гробе Господнем; археолог и духовный писатель – 77, 86, 272

Ануров Василий Дмитриевич – московский купец; торговец чаем, колониальными продуктами, вином и колбасными изделиями – 248, 250, 291 Анфим, митрополит в Вифлееме – 171

Анюта, воспитанница Московской женской гимназии С. Н. Фишер, племянница Алексия (Лаврова-Платонова А. Ф.) – 295

Аполлинарий, отец – 286

Аполлинария (? –1881) – ризничья петербургского Воскресенского первоклассного женского монастыря – 83, 108, 186, 220–221, 240, 319

Аполлония – см. Аполлинария

Аполлос Вятский – Аполлос (Беляев Иван Георгиевич) (1812–1885) – выпускник Киевской Духовной академии (1839), магистр (1842); преподаватель и инспектор ряда духовных семинарий (1839–1849); игумен астраханского Иоанна-Предтеченского монастыря (с 1849 г.), архимандрит (с 1851 г.); ректор Астраханской (с 1854 г.) и Псковской (с 1856 г.) Духовных семинарий; настоятель Псково-Печерского Успенского монастыря (с 1856 г.); епископ Старорусский (с 1864 г.), Ладожский (с 1866 г.) и Вятский (с 1866 г.), архиепископ Вятский и Слободской (с 1880 г.); распространял христианство среди марийцев; член многих благотворительных учреждений – 88, 140, 209, 238–239, 298

Апухтин Александр Львович (1822–1903) – член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); педагог, попечитель Варшавского Учебного округа – 136, 155, 156

Аркадий, архимандрит – Аркадий (1810–1882) – архимандрит,

наместник Донского монастыря в Москве; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 166, 289

Аркадий, отец – Аркадий (Филонов Алексей Евтихиевич) (1827–1908) – выпускник Смоленской Духовной семинарии (1847) и Санкт-Петербургской Духовной академии (1855); смотритель Рославленского Духовного училища (18551863) и настоятель рославленского Спасо-Преображенского монастыря (с 1855 г.); инспектор Владимирской Духовной семинарии (1863–1868); архимандрит (с 1868 г.), настоятель белевского Спасо-Преображенского (с 1869 г.) и витебского Маркова (с 1873 г.) монастырей; член Полоцкой Духовной консистории (с 1876 г.); епископ Муромский и викарий Владимирский (с 1885 г.), епископ Аккреманский и викарий Кишиневский (с 1887 г.) – 157, 160, 165

Арсений, афонский иеромонах – Арсений (Минин Александр Иванович) (1823–1879) – иеромонах Пантелеймоновского монастыря на Афоне; противосектантский миссионер; автор душеспасительных «бесед» и «Путеводителя во Святый град Иерусалим» (Киев, 1872) (см.: Воинов Н. Русского на Афоне Пантелеймоновского монастыря иеромонах Арсений. М., 1881) – 81, 84, 88, 90, 193, 248

Арсений, двоюродный брат отца Николая из Пустоподлесья – 309

Арсений, иподьякон Александро-Невской лавры – 234

Арсений, митрополит Киевский – Арсений (Москвин Федор Павлович) (1797–1876) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1823); ректор Могилянской (с 1826 г.), Орловской (с 1827 г.), Рязанской (с 1829 г.) и Тверской (с 1831 г.) Духовных семинарий; епископ Том-бовский (с 1832 г.), архиепископ Подольский (с 1841 г.), Варшавский (с 1848 г.), управляющий Волынской епархией (1848–1860), митрополит Киевский и Галицкий (с 1860 г.); председатель Комиссии по преобразованию высших духовных заведений (с 1866 г.); автор богословских противосектантских сочинений – 72

Арсений, настоятель Новоезерского монастыря – возможно, Арсений (Усинен Александр Андреевич) – архимандрит, позже – викарий Новгородской епархии; духовный писатель – 85, 94, 106

Арсений, цензор-архимандрит – Арсений (Брянцев Александр Дмитриевич) (1839–1914) – выпускник Киевской Духовной академии (1867), магистр (1868); священник (с 1868 г.), протоиерей (с 1873 г.); ректор Таврической Духовной семинарии (с 1873 г.); архимандрит (с 1875 г.), глава епархиального Комитета Духовной цензуры (1877–1882); ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1883 г.); епископ Выборгский и Ладожский (с 1882 г.), Рижский (с 1887 г.); архиепископ Рижский и

Литовский (с 1893 г.), Харьковский (с 1903 г.) – 82, 155

Арсеньев, мичман, знакомый отца Николая – 159

Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915) – попечитель при комнатах великих князей Сергея и Павла Александровичей (1864–1883); директор Морского Кадетского корпуса (с 1882 г.), вице-адмирал (с 1886 г.), позже – член Государственного совета – 255

Арсеньева, дочь Н. Ю. Арсеньевой – 279

Арсеньева (урожд. княжна Долгорукова) Наталия Юрьевна (1830–1902) – дочь сенатора Ю. А. Долгорукова; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 255, 256, 279

Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813–1879) – выпускник (со степенью магистра) Киевской духовной академии (1837) и бакалавр (1841) этой академии; советник Губернского правления в Житомире (с 1846 г.) и председатель Гражданской палаты в Каменец-Подольске (с 1849 г.), с 1851 г. в отставке; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); писатель, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа» (1858–1877); прославился обскурантизмом и доносами – 155

Асланбеков Аврамий Богданович (1822–1901) – вице-адмирал, участник обороны Севастополя (1854–1855), командир 3-го и 8-го флотских экипажей (1871–1878) и отряда судов в Тихом океане (1879–1882) – 251

Астафьев Николай Александрович (1825–1906) – сотрудник Общества для распространения Священного писания в России; профессор всеобщей истории Санкт-Петербургского Историко-филологического института – 212

Афанасий Златоустовский – Афанасий (Плавский Андроник) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1855); профессор и инспектор Олонецкой Духовной семинарии (1855–1862); архимандрит (с 1863 г.), ректор Симбирской Духовной семинарии (1864–1872), настоятель московского Златоустовского монастыря (с 1873 г.) – 264, 265, 273 Афоносий (Афанасий), келейник Александро-Невской лавры – 217

Багратион Евгения Петровна (1846–1903) – княжна, фрейлина при Дворе императрицы Марии Александровны – 237

Бажанов, член Синода – Бажанов Василий Борисович (1800–1883) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1823); законоучитель Санкт-Петербургского университета (1827–1836), доктор богословия; законоучитель наследника цесаревича (с 1835 г.) и всей царской семьи (до 1860 г.), духовник их императорских

величеств (с 1848 г.); главный священник гвардии и гренадер (с 1858 г.); управляющий придворным духовенством, протопресвитер придворных соборов: Большого в Зимнем дворце и московского Благовещенского; член Святейшего Синода (с 1844 г.) – 87, 140, 207, 239, 268, 274

Базилевская Варвара Петровна (1807–1892) – вдова действительного статского советника – 104, 105, 119, 133, 161

Баранов, владелец постоялого двора под Ржевом – 308

Баранов Николай Михайлович (1837–1901) – генерал-лейтенант – 213

Баранов Николай Павлович – князь; член Минской палаты уголовного и гражданского суда (в 1880-х гг.) – 260

Баранова Екатерина Павловна – вероятно, речь идет об одной из фрейлин при Дворе императрицы Марии Александровны: Баранова Екатерина Александровна или Баранова Евгения Павловна – 246, 251

Барков, живописец, иконописец – 171, 218

Барсов, благочинный у Знаменья, протоиерей – Барсов Василий Иоаннович (1817–1896) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1845); учитель Александро-Невского Духовного училища (1845–1847), священник Смоленской кладбищенской церкви (с 1847 г.), Симеоновской (с 1848 г.) и Знаменской (с 1867 г.) церквей; протоиерей (с 1870 г.), настоятель Знаменской церкви (с 1875 г.); законоучитель приюта Святого Сергия и Мариинской гимназии; автор сочинений по литургике – 142, 146, 153, 169

Барсов Николай Иванович (1839–1903) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1863); доцент (с 1869 г.) и профессор (с 1873 г.) этой академии; участвовал в описании рукописей библиотек Кирилло-Белозерского и Софийского монастырей и библиотеки Академии наук; член Комиссии для разбора архива Святейшего Синода (с 1879 г.); автор многочисленных трудов, в том числе по изданию памятников старины – 178

Бартенев Яков Александрович, лейтенант флота в 1870-х гг. – 141

Бартенева Вера Арсеньевна (1821–1894) – гофмейстерина – 102, 108, 111, 118, 145

Бахметева (Бахметьева) Александра Николаевна (урожд. Ховрина) (1823–1901) – жена шталмейстера П. В. Бахметева; писательница, автор книг и брошюр для детей и народного чтения по евангельской и гражданской истории – 251, 253, 255

Бахштейн В. И., петербургский железнодорожный кассир – 89

Безбородко Александр Андреевич (1747–1799) – канцлер при Дворе Екатерины ? – 165

Белевский – см. Белявский

Белороссов, протоиерей – Белороссов Николай Данилович (1833–1907) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1857); учитель Александро-Невского Духовного училища (1857–1859); дьякон (1859–1863) посольской церкви в Париже и священник (1863–1873) церкви Святого Николая в Брюсселе; протоиерей (с 1873 г.) и настоятель (с 1884 г.) церкви Митрофаньевского кладбища в Петербурге; автор «слов», «поучений» и «Заметок по истории церкви в Англии» (СПб., 1868–1869. Вып. 1–2) – 131

Белявский, законоучитель Морского корпуса – Белявский Капитон Васильевич (1834– ?) – выпускник Смоленской Духовной семинарии (1853) и (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1857); учитель Александро-Невского Духовного училища (1857–1861); священник церквей при Елизаветинском институте (с 1861 г.) и в Морском училище (с 1872 г.); протоиерей (с 1874 г.), законоучитель (с 1882 г.) при Патриотическом обществе; автор статей по истории церкви – 131, 132, 138, 172

Белявский Алексей Васильевич – выпускник Смоленской Духовной семинарии (1845); доктор медицины, брат К. В. Белявского – 138

Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873) – историк, профессор Московского университета (1852–1873); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); собиратель документов по истории России XV- XVII вв. – 120

Беляев Николай Яковлевич – выпускник (со степенью магистра) Казанской Духовной академии (1868), доцент (с 1869 г.), ординарный профессор (с 1879 г.) и помощник ректора этой академии; член Казанского Комитета Духовной цензуры – 301

Бенкендоф Мария Платоновна (урожд. Пишчевич) – вдова мирового судьи Московского уезда В. А. Бенкендорфа; содержательница Славянских номеров в Москве; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 249, 256, 267, 271

Берг Василий (Вильгельм) Карлович (1819–1886) – купец; владелец площадного театра во время масленичных и пасхальных гуляний на Царицыном лугу (Марсовом поле) – 181

Бережницкий (Бережнецкий) Григорий Семенович, тенор хора Киевского митрополита Филофея – 166, 175, 177

Березкин Иоанн Яковлевич – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1862); преподаватель Тульской Духовной семинарии (с 1862 г.), преподаватель, помощник инспектора и

ректора Вифанской Духовной семинарии (с 1866 г.), преподаватель Московской Духовной семинарии (с 1873 г.); священник, позже – протоиерей Богоявленской церкви в Елохово – 267

Беринг (Baering), банкир – 191

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) – историк, академик – 154

Бибиков, князь – вероятно, Бибиков Михаил Илларионович (1818–1881) – князь; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 125

Биконсфилд – см. Дизраэли

Бирюков Александр Сергеевич (? –1902) – действительный статский советник – 232

Благовещенская Анна, дочь П. А. Благовещенского, воспитанница Смольного института – 99

Благовещенская Варя, дочь П. А. Благовещенского – 99

Благовещенская Елена Павловна, жена П. А. Благовещенского – 99

Благовещенский, ключарь – Благовещенский Александр Андреевич (18071883) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1831); дьякон, потом ключарь Петропавловского собора, протоиерей и ключарь Исаакиевского собора (с 1856 г.); член казначейства Санкт-Петербургского епархиального попечительства – 138

Благовещенский Петр Афанасьевич (1836 – после 1917) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); священник придворной церкви в селе Знаменское (с 1862 г.), протоиерей придворной церкви в Петергофе (1860-е гг. – 1870-е гг.) и Большого собора Зимнего дворца (с 1887 г.) и его сакелларий (с 1897 г.) – 99, 236, 311

Благовещенский Сергей, сын П. А. Благовещенского, гимназист – 99

Благоразумов Николай Васильевич (1836–1907) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); наставник (1861–1863), священник церкви (с 1863 г.) и ректор (с 1869 г.) Московской Духовной семинарии; священник и законоучитель Второй военной гимназии (с 1868 г.); протоиерей (с 1869 г.); член Совета Православного миссионерского общества (с 1879 г.), позже – добровольный московский сотрудник Японской православной Духовной миссии, закупавший для нее книги и утварь; протопресвитер Успенского собора (с 1892 г.), настоятель придворного Верхоспасского собора и благочинный московских придворных соборов и церквей; духовный писатель, корреспондент отца Николая (см. некролог: Церковный вестник. 1908. № 5; Архиепископ Николай Японский в переписке с протоиереем Н.

В. Благоразумовым // Русский архив. 1912. № 3) – 242, 272

Блюм Федор Александрович, петербургский ювелир – 187

Бобринский Алексей Васильевич (1831–1888) – граф; московский губернский предводитель дворянства (1875–1884); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); член Государственного совета – 244, 254, 255, 268 Богарне, родственница Наполеона III – 86

Богданов, регент хора собора Святой Троицы Александро-Невской лавры – 198 Богданова Александра Афанасьевна – член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); жена штабс-ротмистра – 248

Богданович Евгений Васильевич (1829–1914) – генерал; член Совета министра внутренних дел; староста Исаакиевского собора; литератор – 189, 209, 213, 214, 218

Боголюбский Александр Михайлович – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1875); смотритель московского Донского Духовного училища – 289

Богомолов – учитель русского языка в Токийской школе иностранных языков – 174

Богословская Мария Михайловна – см. Лебедева М. М.

Богословский Михаил Измайлович (1807–1884) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1831), профессор этой академии (1840–1842), доктор богословия (с 1858 г.); протоиерей и законоучитель Училища правоведения (1835–1865); главный священник армии и флота (1865–1871); настоятель Архангельского собора (с 1871 г.), протопресвитер Большого Успенского собора и член московской Конторы Святейшего Синода (с 1879 г.) – 172, 258, 259, 265, 278, 295

Богоявленская, акушерка – 231

Болотов Василий Васильевич (1853–1900) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1879), профессор этой академии в 1880-х гг. – 99

Борисовский Николай (Никонор) Мартиньянович – мануфактур-советник Московского отделения Совета торговли и мануфактур, почетный гражданин; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 252, 254

Бороздин – 307

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) – композитор, директор Придворной певческой капеллы – 218

Боткин Петр Петрович (? –1907) – московский купец, коммерческий советник, почетный гражданин, член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); директор Товарищества Ново-Тавольжского

свеклосахарного завода; гласный Московской Думы; староста кафедрального собора Христа Спасителя – 254, 288

Браун, американский миссионер в Йокохаме – 322

Бруни Федор Антонович (1799–1875) – художник – 126

Брюллов Карл Павлович (1799–1852) – художник – 126

Брянцев Никандр Иванович (1824–1888) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1849); учитель Александро-Невского Духовного училища и помощник инспектора Санкт-Петербургской Духовной семинарии (до 1853 г.); протоиерей (1854–1884) церкви Аничкова дворца; миссионер, обращавший евреев в христианство, устроитель петербургского Еврейского приюта на Песках, с 1886 г. получившего название Мариинско-Сергиевского (Протоиерей Никандр Иоаннович Брянцев и его деятельность в связи с историей Мариинско-Сергиевского приюта… СПб., 1889) – 130, 131, 134, 165, 184

Булгаков Коля, сын Н. А. Булгакова, гимназист – 99, 311

Булгаков Николай Алексеевич (? –1870) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); священник (с 1863 г.) петербургской Сампсониевской и придворной церкви в Петергофе (с 1863 г.) – 99

Бураков Николай Иванович, инженер-механик – 214

Бутлеров Александр Михайлович (1828–1886) – химик, академик – 156

Буфеланд – 102

Бухарев, дьякон – вероятно, Бухарев Иоанн Николаевич (1841?–1909) – выпускник Московской Духовной семинарии (1858); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); священник (с 1884 г.), позже – протоиерей и законоучитель Московского мещанского училища; член Общества распространения духовно-нравственных книг; духовный писатель – 272

Бухарев Федор, отец – Бухарев Александр Матвеевич (архимандрит Федор) (1824–1871) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1846), бакалавр этой академии (1846–1854); архимандрит (с 1854 г.); профессор (с 1854 г.) и инспектор (с 1855 г.) Казанской Духовной Академии; член Санкт-Петербургского Комитета Духовной цензуры (1858–1861); в 1861 г. был уволен и перемещен в Переяславльский Никитский монастырь, а в 1863 г., после запрещения Святейшим Синодом его многолетнего труда «Исследования Апокалипсиса» (опубл. в 1916 г.), вышел из монашества; богослов, публицист, критик – 274

Бучумов Владимир Яковлевич – купец, потомственный почетный гражданин, московский домовладелец; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 250

Быстров Федор Николаевич (? –1913) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); секретарь редакции «Духовный христианин» (с 1861 г.), учитель Александро-Невского Духовного училища (с 1862 г.); священник с 1865 г. (позже настоятель) церкви Святого архистратига Михаила в Инженерном (Михайловском) замке; протоиерей (с 1880 г.), благочинный царскосельских церквей (с 1881 г.); член Санкт-Петербургской Духовной консистории (с 1882 г.); духовный писатель; добровольный сотрудник Японской православной Духовной миссии, в «Саратовских епархиальных ведомостях» (1874. № 24. С. 403–405) помещено его и И. И. Демкина письмо к преосвященному Тихону о содействии миссионерству в Японии – 80, 81, 83, 86, 87, 91, 96, 105, 106, 107, 109, 110, 112, 114–116, 119, 121, 122, 123, 128, 129, 132, 134, 138, 141, 146, 147, 150–151, 159, 162, 164, 165, 167, 169, 170, 171, 175, 176, 178, 181, 183, 184, 188, 190, 192, 195, 200, 204, 205, 209, 213, 215, 222, 227, 234, 235, 236, 238, 239, 241, 258, 286, 291, 295, 302, 311, 312, 313, 319

Быстрова Ольга Петровна, жена Ф. Н. Быстрова – 96, 106, 112, 129, 169, 184, 205, 215, 234, 236

Бычков Афанасий Федорович (1818–1889) – историк-археограф, академик – 136,162, 183, 185, 191, 237

Бюцов (Бютцов) Борис Евгеньевич (1879-?) – полковник; советник Департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел; сын Е. К. Бюцова – 114, 116, 118

* Бюцов (Бютцов) Евгений Карлович (1837–1904) – дипломат; исполняющий обязанности консула в Хакодате (1866–1870) и посол в Токио (с 1872 г.) – 105, 107, 114, 116, 118, 157, 193–194, 196

Бюцова (Бютцова) Елена Васильевна (урожд. Клейменова) – жена Е. К. Бюцова – 106, 118, 196

Вагнер Владимир Александрович (1849–1934) – биолог – 156

Валериан, архидиакон Крестовой митрополичьей церкви Александро-Невской лавры – 115, 123, 239

Ваня, внук покойного московского митрополита Иннокентия – 231

Ваня, сын И. И. Демкина – 311

Варвара – святая великомученица; приняла смерть в финикийском городе Гелиополе при императоре Максимилиане (ок. 306 г.) – 141

Варвара Александровна – см. Иордан В. А.

Варвара Дмитриевна – см. Мусина-Пушкина В. Д.

Варвара Петровна – см. Базилевская В. П.

Варлаам, викарий – Варлаам (Чернявский Василий) (1819–1889) – послушник (с 1836 г.); выпускник Кишиневской Духовной семинарии (1845) и Санкт-Петербургской Духовной академии (1855), магистр этой академии (1858); преподаватель, инспектор и ректор ряда духовных семинарий (1855–1875); архимандрит (с 1860 г.), настоятель Фруможского (с 1860 г.) и Курковского (с 1862 г.) монастырей; епископ Тотемский и викарий Вологодской епархии (с 1875 г.), епископ Выборгский и второй викарий Александро-Невской лавры (с 1876 г.), архиепископ

Минский (с 1880 г.) – 81, 82, 121, 177, 178, 180, 197, 198, 201, 205, 207, 208, 209, 226, 231, 236, 237, 238

Варсонофий, преосвященный Новгородский – Варсонофий (Охотин Иаков Петрович) – выпускник (со степенью магистра) Казанской Духовной академии (1854); преподаватель (с 1854 г.), инспектор (с 1855 г.) и ректор (с 1864 г.) Казанской Духовной семинарии; архимандрит и настоятель казанского Спасо-Преображенского монастыря (с 1861 г.); епископ Екатеринбургский (с 1876 г.) и Старорусский (с 1876 г.); викарий Новгородской епархии и настоятель Хутынского Преображенского монастыря (с 1876 г.); епископ Симбирский (с 1882 г.) – 163, 163, 207, 236

Варсонофий, протодиакон Чудова монастыря – 247

Варсонофий Святитель – Варсонофий (Василий) (до 1500 г. –1576) – Казанский Чудотворец; первый архимандрит казанского Спасо-Преображенского монастыря – 300

Варушкин Николай, отец – Варушкин Николай Максимович – священник, позже – протоиерей казанской Николонисской церкви; законоучитель Казанского реального училища; сотрудник журнала «Православный собеседник» (в 1860-х гг.) (см.: Празднование двадцатипятилетия служения при Николо-Низской церкви г. Казани протоиерея Н. М. Варушкина. Казань, 1896) – 301

Варя, воспитанница Мариинского приюта – 149

Василий, архиепископ Псковский – в 1870 г. в Псковской епархии такого иерарха не было, место архиепископа было вакантным, а епископом с 1869 г. был Павел (Доброхотов) – 72

Василий, казанский священник из татар – 303

Василий, отец – см. Руженцев В. И.

Василий, певчий Александро-Невской лавры – 122

Василий, родственник отца Николая из Пустоподлесья – 310

Василий, сызранский священник, брат отца Николая – Касаткин Василий Дмитриевич (1839–1911) – выпускник Смоленской Духовной

семинарии (1861); протоиерей, настоятель женского Сретенского монастыря в Сызрани – 103, 240, 303, 309

Василий Александрович – описка: Владимир – см. Орлов В. А.

Василий Борисович – см. Бажанов В. Б.

Василий Васильевич – см. Григорьев В. В.

Василий Дмитриевич – см. Аксенов В. Д.

Василий Иванович, секретарь митрополита Исидора – 151

Василий Святой – Василий Великий (Василий Кесарийский) (ок. 329–379) – церковный деятель, философ-платоник, епископ в Кесарии – 122, 218, 247, 252, 306 Василий Яковлевич – см. Михайловский В. Я.

Васильев, семинарист, тенор из Казанской Духовной семинарии – 299–301, 312

Васильев Василий Павлович (1818–1900) – филолог, синолог, академик – 162

Васильчиков Петр Александрович – Васильчиков Петр Алексеевич (1829–1898) – уполномоченный Общества попечения о раненых и больных воинах

(1875–1876); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); историк – 119, 123, 136, 190, 214, 241

Васильчикова Александра Петровна, дочь П. А. Васильчикова – 119

Васильчикова Евгения Петровна, дочь П. А. Васильчикова – 119, 288

Васильчикова Екатерина Петровна (? –1904), дочь П, А. Васильчикова – 119

Васильчикова Мария Петровна, дочь П. А. Васильчикова – 119, 172, 178, 182, 214

Васильчикова Ольга Петровна, дочь П. А. Васильчикова – 119, 288

Вастеховский Василий Георгиевич, знакомый отца Николая в Пустоподлесье – 310

Вася, болгарский мальчик – 291

Вахрушева, благотворительница – 153

Белецкий Владимир Алексеевич – генеральный консул в Сан-Франциско; действительный статский советник – 123, 129, 133

Вениамин (? –1895) – иеродиакон, регент хора монахов Александро-Невской лавры – 89

Вениамин (Петухов Виктор Фортунатович) (1818–1888) – архимандрит, наместник Чудова монастыря в Москве (с 1859 г.); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) и настоятель Покровского миссионерского монастыря (с 1872 г.); учредитель братств Марии (1871–1882) и Петра (1872–1888); член Московской Духовной

консистории (с 1884 г.) – 247, 274, 289, 290

Вениаминов Гавриил Иванович (1825–1880) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1847); протоиерей церкви московского Новодевичьего монастыря; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); сын московского митрополита Иннокентия – 98, 138, 166, 229, 243, 246, 255, 288, 290 Вениаминова Екатерина Ивановна – жена Г. И. Вениаминова – 98, 243, 288 Вера, дочь П. П. Заркевича – 123

Верещагин Василий Васильевич (1842–1904) – художник – 197, 205

Вестли Прасковья Николаевна, знакомая отца Николая – 172, 249

Вечтомов Владимир Николаевич – выпускник Казанской Духовной академии (1870); законоучитель Благовещенской Духовной семинарии (1870–1872), смотритель Иркутского Духовного училища (с 1873 г.); кафедральный протоиерей и благочинный в Сан-Франциско (с 1877 г.); с 1880 г. в Вятском епархиальном ведомстве, позже – протоиерей в Елабуге (с 1889 г.) – 188, 197

Вещун – см. Вящунов

Виктор, настоятель Сретенского монастыря в Москве – 286 Виктор, отец – Виктор Покровский (1840–1900) – иеромонах Покровского миссионерского монастыря в Москве; секретарь Совета Миссионерского общества –250, 264, 269, 275

Викторин, преосвященный – Викторин (Любимов Виктор Дмитриевич) (1821–1882) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1853), магистр (1855); инспектор Смоленской Духовной семинарии (с 1855 г.); архимандрит (с 1857 г.), настоятель костромского Богородицкого (с 1858 г.) и тифлисского Спасо-Преображенского (с 1860 г.) монастырей; ректор Костромской и Тифлисской Духовных семинарий (1858–1868); епископ Чебоксарский (с 1868 г.), Полоцкий (с 1874 г.) и Камско-Подольский (с 1882 г.) – 290

Виноградов Александр Николаевич (отец Алексий) (1845-?) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1865); преподавал иконописание в провинциальных семинариях (с 1865 г.), закончил Демидовский юридический лицей, вольнослушатель Археологического института (1878–1881); иеромонах Киево-Печерской лавры (с 1881 г.); сотрудник Духовной православной миссии в Пекине (1881–1888); член Общества поощрения художников, Археологического и Географического обществ; синолог, художник, писатель, переводчик на китайский язык православных богослужебных книг – 132, 139, 142, 143, 157, 161–162, 214, 221, 235

Виноградов, отец – Виноградов Иоанн Григорьевич (1826–1901) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1854); протоиерей, законоучитель в гимназиях и в московском Императорском лицее памяти цесаревича Николая (1876–1887); автор духовных сочинений, в том числе «бесед» со старообрядцами – 282

Виссарион – см. Авано В.

Виталий, архимандрит – Виталий (Гречулевич Василий Васильевич) (18231885) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1847), магистр (1849); священник (с 1849 г.), протоиерей (с 1862 г.) и законоучитель многих петербургских учебных заведений (1847–1875); архимандрит (с 1876 г.), член Санкт-Петербургского Комитета Духовной цензуры (1875–1879); епископ Острож-ский (с 1879 г.), викарий Волынской епархии и епископ Могилевский (с 1882 г.); основатель и редактор журнала «Странник» (1860–1878), учредитель ряда школ и училищ (см.: Каргопольцов И. Н. Преосвященный Виталий (Гречулевич), епископ Могилевский и Мстиславский. Екатеринославль, 1887) – 134

Вихров Арсений Васильевич – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1882); позже – священник при Новгородском Деревяницком женском училище, протоиерей; педагог, инспектор в Новгородском епархиальном женском училище; духовный писатель – 231

Вишневский, магистр – вероятно, Вишневский Федор Алексеевич – студент Санкт-Петербургской Духовной академии, утвержденный в праве получения степени магистра – 137

Вишневский, семинарист, певчий в Казанской Духовной семинарии – 299, 301, 312

Вишневский Виктор Петрович (1807–1885) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1826); профессор (с 1826 г.) и инспектор (с 1827 г.) Казанской Духовной семинарии; священник (с 1828 г.) казанской Петропавловской церкви, кафедральный протоиерей в Казани (с 1854 г.), преподаватель Казанской Духовной академии; член Казанской Духовной консистории – 299, 301

Вишняков Александр Григорьевич (1836–1912) – сенатор, публицист, историк – 174

Вишняков Андрей Филонович – владелец мастерской пошива мужской одежды для духовенства – 165

* Владимир, отец – Владимир (Соколовский Василий Григорьевич) (1852-?) – выпускник Полтавской семинарии, в 1878 г. окончил Казанскую Духовную академию; помощник смотрителя Полтавского Духовного училища (с 1878 г.); 29 сентября 1878 г. был пострижен в монашество, с 1

октября возведен в сан иеродиакона, с 3 октября 1878 г. – иеромонах; член Японской православной Духовной миссии (с 14 января 1879 г. по 1886 г.), преподаватель Токийской Духовной мужской семинарии (с 1879 г.); позже – заведующий этой семинарией и игумен (с 1884 г.), учитель Холмской Духовной семинарии (с 1886 г.), архимандрит и инспектор той же семинарии (с 1887 г.); епископ Алеутский (с декабря 1887 г.), епископ Острогожский (с 1891 г.), затем – епископ Оренбургский и Уральский, Воронежский (см.: Русссель Н. К. Житие преосвященного Владимира. Лондон, 1895) – 82, 83, 89–90, 109, 111, 112, 120, 130, 151, 163, 171, 186, 188, 192, 228, 232, 242, 254, 294, 298, 326

Владимир, отец, иеромонах Александро-Невской лавры – 226, 227

Владимир, отец – товарищ отца Николая по Смоленской семинарии – 236

Владимир I (? –1015) – великий князь киевский (с 980 г.), чтимый православной церковью как святой и равноапостольский за крещение Руси – 73, 150, 270 Владимир Александрович (1847–1909) – великий князь, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом (с 1880 г.); президент Академии художеств (с 1876 г.); сын императора Александра II – 101, 108

Владимир Платонович – ошибка: Петрович – см. Перелешин В. П. Владимиров, студент юридического факультета Петербургского университета – 168

Владимирский А. А. – Владимирский А. П.

Владимирский Александр Поликарпович (1821–1906) – выпускник (со степенью магистра) Казанской Духовной академии (1846); протоиерей (с 1867 г.), ректор и профессор богословия Казанской Духовной академии (с 1871 г.); член Совета Казанского Братства Святого Гурия – 297, 301

Воеводский Михаил Дмитриевич (1817–1883) – чиновник особых поручений Азиатского департамента Министерства иностранных дел – 85

Волконская, княгиня – 118

Володя, семинарист, сын П. П. Заркевича – 123

Вольф Маврикий Осипович (1825–1883) – книгоиздатель и владелец книжных магазинов – 251

Воронов Павел Сергеевич, капитан-лейтенант, бывавший в Хакодате – 115

Вощинин Константин Алексеевич – управляющий Канцелярией Святейшего Синода; тайный советник – 86, 213–214, 217, 240 Высокопетровский Григорий – см. Григорий

Вышнеградский Николай Александрович (1821–1872) – педагог,

сторонник женского бессословного образования – 142

Вяземская, художница, ученица П. С. Сорокина – 264

Вяземская Марья Анатольевна, московская учительница – 290

Вяземский Павел Петрович (1820–1888) – князь, сенатор; попечитель Санкт-Петербургского Учебного округа, председатель Комитета иностранной цензуры, член Археологической комиссии Министерства народного просвещения; сын поэта П. А. Вяземского – 144, 155, 156, 168

Вячтомов Владимир Николаевич – см. Вечтомов В. Н.

Вящунов, ржевский ямщик – 307, 308

Гавриил – архангел, объявивший Деве Марии о предстоящем рождении Иисуса Христа – 129

Гавриил, отец – Вениаминов Г. И.

Гавриил, отец – Гавриил – иеромонах, член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 246

Гавриил, отец; Гавриил Григорьевич – см. Сретенский Г. Г.

Гамбургер Андрей Федорович (1821–1899) – статс-секретарь, вице-президент Русского исторического общества; посланник и полномочный министр при Швейцарском союзе (с 1879 г.) – 85

Гартман Лев Николаевич (1850–1908) – революционер-народник, участник «хождения в народ» и покушения на Александра II – 227

Гартунг Леонид Николаевич (1832–1877) – генерал-майор, заведовал Московским отделением государственного коннозаводства; муж старшей дочери А. С. Пушкина – Марии Александровны (1832–1919) – 293

Гатцук Алексей Алексеевич (1832–1891) – издатель и литератор – 293, 294

Гвоздев, реставратор икон – 152

Гедеон (1817–1887) – иеромонах петербургской Гуслицкой часовни – 170

Гедеонов Иван Михайлович (1816–1907) – генерал, военный писатель – 130

Гейден, графиня, начальница петербургской Георгиевской общины сестер милосердия – 199

Гейден, офицер, – вероятно, сын графа и адмирала Логин Логиновича (1806–1901) – 199

Геласий – архимандрит, член Санкт-Петербургского Комитета Духовной цензуры – 82, 140, 155, 208

Георгиевский, батюшка – Георгиевский Петр Алексеевич (1802–1880) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1825); дьякон (с 1825 г), священник (с 1829 г.) Андреевского собора в Кронштадте;

священник (с 1846 г.) и протоиерей петербургской Мало-Охтенской Мариинской церкви – 86, 152

Георгиевский Николай Григорьевич (1831–1909) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1855); профессор Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1857–1860); священник (с 1860 г.), позже – протоиерей петербургской Скорбященской церкви; член ревизионных комитетов (1862–1877), благочинный церквей второго столичного округа (с 1877 г); библиограф старопечатных книг – 140

Георгий – вероятно, Георгий XII (1746–1800) – последний грузинский царь – 197

Георгий – Георгий Победоносец – святой, мученик и воин – 136

Георгий, отец – Георгий – священник, член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 267

Герман, викарий – Герман (Осецкий Александр Космич) (1828–1895) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1851), магистр (1852); инспектор и ректор ряда духовных семинарий (1853–1863); архимандрит (с 1857 г.), член Санкт-Петербургского Духовного цензурного ведомства (1862–1865), наместник Александро-Невской лавры (1863–1866); настоятель новгородского Юрьева монастыря (с 1866 г.), епископ Сумский (с 1866 г.) и Кавказский (с 1872 г.), викарий Харьковской епархии (с 1872 г.); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); позже – председатель Училищного совета при Святейшем Синоде и управляющий московским Донским монастырем (с 1886 г.) – 188, 197

Герман, преподобный – Герман (Григорий) (? –1568) – святой; архиепископ Казанский; его мощи покоятся в Свияжске в Богородицком монастыре, настоятелем которого он был с основания монастыря – 296

Гермоген (Добронравии Константин Петрович) (1820–1893) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1846); протоиерей (с 1864 г.), смотритель Александро-Невского Духовного училища (с 1869 г.); архимандрит (с 1873 г.), епископ Выборгский (1873–1876) и Ладожский (с 1876 г.), первый викарий Санкт-Петербургской епархии; епископ Таврический (с 1882 г.) и Псковский (с 1885 г.); присутствующий в Священном Синоде – 82, 114, 115, 135, 168, 180, 201, 207, 209, 226, 233, 237, 238

Геронтий Пекинский – Геронтий (Левицкий) – иеромонах московского Покровского Миссионерского монастыря; член Духовной православной миссии в Пекине (1879); духовный поэт – 249, 287

Герц Вера Федоровна, докторша, знакомая отца Николая по Йокохаме – 173

Гильтебрандт Владимир Аполлонович, студент петербургской Медицинской академии – 101, 158, 211, 223

Гильтебрандт Мария Аполлоновна, сестра Я. А. Гильтебрандта – 121, 211

Гильтебрандт Мария Максимовна, жена П. А. Гильтебрандта – 132, 159, 220

Гильтебрандт Петр Андреевич (1840–1905) – археолог, правитель дел Археологической комиссии при Министерстве народного просвещения – 82, 84, 103, 104, 132, 136, 155, 159, 220, 235

Гильтебрандт Софья Яковлевна, мать М. А. и Я. А. Гильтебрандтов – 121

Гильтебрандт Яков Аполлонович, моряк, брат М. А. Гильдебрандт – 82, 100, 101, 121, 124, 211, 223, 289, 311

Гильтебрандты – 211, 289

Гиляровский – вероятно, Гиляровский Василий Михайлович (1822–1902) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1845); преподаватель Олонецкой Духовной семинарии (1845–1854), священник при Императорском Человеколюбивом обществе (с 1854 г.), протоиерей (с 1872 г.) и настоятель (с 1876 г.) петербургской Скорбященской церкви – 174

Гладстон Уильям Юарт (1809–1898) – премьер министр Великобритании в 1860-х – 1890-х гг., лидер Либеральной партии с 1868 г.; правительство Гладстона подавляло национально-освободительное движение в Ирландии – 277

Глафира Ивановна – см. Ремизова Г. И.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – писатель – 289

Голицын, граф – один из рода Голицыных, похороненных в московском Донском монастыре – 289

Голицын Дмитрий Михайлович (? –1895) – князь; член Совета Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 268

Голицына Варвара Николаевна, княгиня – 227

Головачев Николай Михайлович, моряк, благотворитель – 210

Головин Александр Васильевич (1821–1886) – министр Народного просвещения (1861–1866), член Государственного совета – 159

Голубинский – возможно: Дмитрий Федорович (1832–1903) – профессор Московской Духовной академии (с 1864 г.) или Евгений Евстигнеевич (1834–1912) – профессор русской истории в Московской

Духовной академии (с 1870 г.); историк русской церкви, академик – 312

Гопер, полковник – 246

Гоппе Герман Дмитриевич (1836–1885) – владелец издательства, выпускавший петербургский ежегодник «Всеобщий календарь» (1867–1900), получивший название от его имени – 110

Горбунов, знакомый отца Николая – 294

Горский Иван Александрович (? –1886) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); позже – священник петербургского Троицкого собора, протоиерей (с 1879 г.) и настоятель (с 1882 г.) Покровско-Коломенской церкви в Петербурге – 140, 172

Горталов Гавриил Иванович (1820–1885) – товарищ председателя Казанского Братства Святого Гурия; председатель Казанского комитета попечительства о бедных; действительный статский советник (см.: Товарищеский обед Гавриилу Ивановичу Горталову. Казань, 1883) – 297, 299, 301

Горталов Коля, гимназист, сын Г. И. Горталова – 297, 301

Горчаков Михаил Иванович (1838–1910) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); псаломщик православной церкви в Штутгарте (1862–1864); в 1866 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, профессор государственного права университета (с 1871 г.); состоял также законоучителем многих учебных заведений; протоиерей (с 1881 г.) (см.: Бенешевич В. Н. И. Горчаков // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 3) – 190

Гранье, жительница из Ростова-на-Дону, пожертвовавшая деньги для Японской православной Духовной миссии – 81

Грацианский Владимир Иванович – редактор исторического сборника «Древняя и новая Россия»; чиновник особых поручений Министерства финансов – 103

Грейг Иван Алексеевич (1831–1893) – шталмейстер – 163

Грейг Самул Алексеевич (1827–1887) – государственный контролер (с 1874 г.), министр финансов (1877–1880) – 84

Грибков Илья Сергеевич, сын художника С. И. Грибкова – 250

Грибков Сергей Иванович (1820–1893) – художник – 247, 248, 250

Грибкова Наталья Михайловна, жена И. С. Грибкова – 250

* Григорий, миссионер Японской православной Духовной миссии – 74, 76, 77

Григорий Высокопетровский – Григорий (Воинов-Борзецовский

Иоанн Иоаннович) (1832–1896) – выпускник Московской Духовной академии (1858), магистр (1859); профессор и инспектор ряда духовных семинарий (1858–1867); архимандрит (с 1864 г.), настоятель московских монастырей – Златоустова (с 1867 г.), Высокопетровского (с 1873 г.) и Андроникова (с 1882 г.); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) и Московской Духовной консистории; духовный писатель (см. Григорий. Из моих воспоминаний. М., 1892–1893. Вып. 1–4) – 272, 286

Григорий VII (1798–1881) – патриарх Константинопольский – 287

Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) – писатель – 293

Григорович Николай Иванович (1835–1889) – историк, начальник архива Святейшего Синода – 165

Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) – востоковед, член-корреспондент Академии наук – 136, 144, 155, 156, 158, 162, 186

Григорьев Дмитрий Васильевич (1833–1895) – секретарь Общества поощрения художников – 143

Гриша, сын И. Сердцева – 251

Грозный – Иоанн IV Васильевич Грозный (1530–1584) – первый русский царь –248, 275

Громов Илья Федулыч (1823–1882) – действительный статский советник; благотворитель, на средства которого возведен храм Ильи Пророка в *петербургском*Новодевичьем монастыре – 154

Громова Анна Ивановна – вторая жена И. Ф. Громова – 119, 154

Грот Яков Карлович (1812–1893) – историк литературы, академик – 136, 280, 293

Груздев, серебряных дел мастер, реставратор икон – 156, 163, 165, 167, 218

Груздев Николай Андреевич – купец, староста петербургского Еврейского приюта на Песках – 130

Груша, воспитанница петербургского Воскресенского женского монастыря – 186, 221

Губонин Петр Ионыч (? –1894) – крупный строитель сети железных по России и конножелезных дорог в Москве и Петербурге; основатель банков, страховых обществ и богаделен; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 198, 213, 214, 249

Гурий (Руготин Григорий) (ок. 1500–1563) – святой; первый архиепископ Казанский (с 1555 г.), мощи которого покоятся в казанском Благовещенском соборе – 299

Д. Д. – см. Смирнов Дмитрий Дмитриевич

Давид – по ветхозаветному преданию пастух; царь созданного им

Иудейского государства (кон. XI в. – 950 до н. э.) со столицей в Иерусалиме – 135, 275, 320

Даде (Дате) Лука – князь, старший брат Даде Стефана – 229

Даль Владимир Иванович (1801–1872) – писатель, языковед, член-корреспондент Академии наук – 156

Даниил – Даниил Александрович (1261–1303) – святой; князь московский (с 1276 г.), сын Александра Невского; положил начало росту Московского княжества – 289

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) – естествоиспытатель, философ, публицист – 159

Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель – 159

Дашков Василий Андреевич (1819–1896) – директор московского Румянцевского музея; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); действительный статский советник – 153

Дашкова – возможно, Евгения Иосифовна (? –1880) – княгиня, почетный член Петербургского Совета детских приютов – 153

Дворянчиков Михей Васильевич, целовальник, отставной унтер-офицер – 248

Делицын Николай Никитич (1826–1889) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1851); священник (с 1855 г.) и настоятель (с 1877 г.) Благовещенской церкви на Васильевском острове; член 1-ой экспедиции Санкт-Петербургской Духовной консистории (с 1869 г.), протоиерей (с 1872 г.), настоятель петербургской Скорбященской церкви (с 1878 г.); известен как организатор многих благотворительных заведений (см.: некролог: Церковный вестник. 1889. № 19. С. 359–360) – 88, 178

Демис Иван Иванович, петербургский торговец – 87, 121, 138

Демкин Ваня, сын И. И. Демкина – 311

Демкин Иван (Иоанн) Иванович – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); священник (с 1861 г.), протоиерей и настоятель (с 1878 г.) петербургской Благовещенской церкви на Васильевском острове; получил известность своею помощью бедным прихожанам и как устроитель богаделен и приютов; добровольный сотрудник Японской православной Духовной миссии – 81, 85, 90, 100, 102, 103, 109, 121, 122, 138, 146, 160, 167, 188, 212, 219, 220, 227, 235, 236, 238, 240, 241, 306, 311

Демкин Миша, Митя, – сын И. И. Демкина – 122, 236

Демкин Петя, сын И. И. Демкина – 311

Демкина Екатерина Семеновна, жена Демкина И. И. – 122, 188

Десим Константин (1860–1868) – младенец; похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры – 179

Десим Леонид (1864–1870) – младенец; похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры – 179

Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804–1881) – английский государственный деятель, писатель – 232

Дионисий (Зобниковский Давид Федорович) (ок. 1570–1633) – архимандрит Троице-Сергиева монастыря (с 1610 г.); организовал помощь пострадавшим от польской интервенции, в 1611–1612 гг. рассылал грамоты по городам с призывом к восстанию – 177

Дионисий – см. Смирнов Д. Д.

Дмитриев, гимназист – 117

Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович (1790–1863) – граф; член конспиративной декабристской организации; находясь под домашним арестом, не принимал участия в восстании, но, при восшествии на престол Николая I, отказался от присяги, за что был объявлен сумасшедшим – 289

Дмитрий, Дмитрий Константинович (1860–1916) – сын великого князя Константина Николаевича – 156, 163, 203

Дмитрий – отец Д. Д. Смирнова, священнослужитель – 226

Дмитрий, отец – см. Крыжановский Д.

Дмитрий, отец – см. Смирнов Д. Д.

Дмитрий Александрович – описка; Алексеевич – см. Хомяков Д. А.

Дмитрий Дмитриевич – см. Смирнов Д. Д.

Дмитрий (Димитрий) Ростовский (Туптало Данило Саввич) (1651–1709) – митрополит Ростовский; духовный писатель – 221

Дмитрий Царевич – Димитрий (1581–1591) – сын Ивана Грозного, убит в Угличе; канонизирован при Василии Шуйском, по преданию, при вскрытии нетленных мощей – 102, 271

Добров Сергей – выпускник Московской Духовной семинарии (1886); позже – священник города Волоколамска – 265, 273

Долгина С. – писательница, автор популярного романа «Фиктивный брак» (1876) – 183

Долгины – Долгина С. и ее старшая сестра – 183

Долгорукая – см. Долгорукова Н. В.

Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891) – князь, московский генерал-губернатор (с 1856 г.) – 245, 276, 280, 293

Долгорукова Наталья Владимировна (? –1885) – княгиня; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); сестра графини М. В.

Орловой-Давыдовой – 141, 249, 251

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – писатель – 288, 293

Дубельт Леонтий Михайлович (1855–1894) – капитан второго ранга; сын младшей дочери А. С. Пушкина – Наталии Александровны (1836–1913), внук Пушкина – 293

Дубельт Михаил Леонтьевич (1822–1900) – полковник; сын известного Л. В. Дубельта, муж младшей дочери А. С. Пушкина – Наталии Александровны, с которой состоял в разводе с 1868 г. – 293 Е. Ник. – Сивохин Е. Н.

Евгений – см. Путятин Е. Е.

Евгений, настоятель Новгород-Северского монастыря Черниговской губернии – возможно, Евгений (Шерешилов Николай) (? –1897) – настоятель и архимандрит нежинского Благовещенского монастыря Черниговской губернии (с 1878 г.) – 175, 176, 179, 181

Евгений, сын А. С. Бирюкова – 233

Евгений Васильевич – см. Богданович Е. В.

Евгений Евфимович – см. Путятин Е. Е.

Евгения, матушка – Евгения (Озерова Евдокия Семеновна) (1809–1892) – монахиня (с 1858 г.), настоятельница борисоглебского Аносина и московского Страстного (с 1875 г.) монастырей – 244, 246, 253, 274, 291

Евреинова Анна Михайловна (1844–1919) – доктор права Лейпцигского университета (1875); издатель журнала «Северный вестник» (1885–1890) – 277

Евсевий, архиепископ Могилевский – Евсевий (Орлинский Евфимий Поликарпович) (1808–1883) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1832), инспектор (с 1838 г.) и ректор (с 1841 г.) этой академии; архимандрит (с 1838 г.), настоятель московских Богоявленского (с 1842 г.) и Высокопетровского (с 1845 г.) монастырей; ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (1847–1850); епископ Винницкий (с 1847 г.), Самарский (с 1850 г.) и Иркутский (с 1856 г.); архиепископ Иркутский (с 1858 г.) и Могилевский (с 1860 г.); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) и Святейшего Синода (с 1862 г.); автор «бесед» и проповедей (см.: Каргопольцов И. И. Высокопреосвященный Евсевий, архиепископ Могилевский и Мстиславский. Могилев, 1883; Бекаревич С. Из воспоминаний о высокопреосвященном архиепископе Евсевии // Могилевские епархиальные ведомости. 1884. № 1. Часть неофициальная. С. 5–10; Глубоковский И. Н. Преосвященный Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский… // Христианское чтение. 1909. № 10–11) – 139, 244

Евстафий, отец – Евстафий (Романовский Николай) (1809–1885) – выпускник Московской Духовной академии (1834); архимандрит, служивший и позже похороненный в Симоновском монастыре в Москве; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 287

Евстолия (Ерофеева) (1810–1886) – игуменья, настоятельница петербургского Воскресенского первоклассного женского монастыря (с 1866 г.); при монастыре находились золотошвейная и иконописная мастерские, в которых практиковались и девушки из токийской семинарии; подаренные игуменьей иконы украшали церковь Антония Римлянина в местечке Одавара, под Токио – 83, 90, 101, 108, 186, 187, 220–221, 291, 317

Евфимий Васильевич – см. Путятин Е. В.

Екатерина – Екатерина II Алексеевна (1729–1796), императрица (с 1725 г.) – 151, 158, 318

Екатерина Дмитриевна – см. Пеликан Е. Д.

Екатерина Ивановна – см. Вениаминова Е. И.

Екатерина Михайловна (1827–1898) – великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича; председательница Санкт-Петербургского женского патриотического общества (с 1870 г.) – 119, 147, 188, 219, 241, 312

Елагин Николай Васильевич (1817–1891) – цензор Санкт-Петербургского Комитета Духовной цензуры (с 1848 г.); автор сочинений по вопросам религии и церкви – 292

Елена (ок. 244–327) – святая; греческая царица, мать византийского императора Константина, способствовала распространению христианства – 73

Елена Васильевна – см. Бюцова Е. В.

Елизавета (Елисавета) Егоровна – см. Ламберт Е. Е.

Елисавета (Елизавета) Петровна (1709–176*62)* – *российская императрица (с 1741 г.), дочь Петра I – 285*

Елисеев Григорий Петрович (1802–1892) – петербургский купец, учредивший вместе с братом С. П. Елисеевым (1806–1879) торговый дом «Братья Елисеевы» – 105

Ермаков Николай Андреевич (? –1897) – заведующий петербургским ремесленным училищем; тайный советник – 154

Ермакова Софья Ильинична (? –1885) – заведующая петербургским приютом Святого мученика Мефодия Патарского на Песках, начальница Мариинского приюта; жена Н. А. Ермакова – 149, 153, 154

Ершова – вероятно, Ершова Елена Сергеевна – председатель

Московского благотворительного общества – 244

Ефрем Сирин (начало IV в, – начало V в.) – святой; один из великих учителей церкви, толкователь Святого писания и проповедник – 233

Жданов Павел Ионович (отец Иоанн) (1817–1883) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1841), магистр (1842); священник (с 1844 г.) и протоиерей (с 1848 г.) в петербургских церквах, в том числе, протоиерей Смольного собора (с 1853 г.), архимандрит (с 1870 г.); ректор Новгородской Духовной семинарии и настоятель новгородского Антониева монастыря (с 1870 г.); епископ Чебоксарский (с 1875 г.) и Чигирский (с 1878 г.); секретарь Санкт-Петербургского епархиального попечительства – 85

Жевердеев – см. Жевержеев

Жевержеев – возможно, Жевержеев Алексей Трофимович – петербургский предприниматель, автор проекта строительства Южной железнодорожной ветки (в 1890-х гг.) – 135, 156, 220, 225

Желобовский, отец – Желобовский Александр Алексеевич (1834–1910) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1859); священник различных полков (с 1859 г.), протоиерей (с 1873 г.), благочинный петербургских церквей (с 1880 г.); протоиерей (с 1882 г.) Сергиевского собора в Петербурге; главный священник гвардии, гренадеров, армии и флота (с 1888 г.), протопресвитер военного и морского духовенства (с 1890 г.) (см.: Хильтов И. К 17-му сентября. Блаженной памяти о. протопресвитеру военного и морского духовенства Александру Алексеевичу Желобовскому вечная память! // Вестник военного духовенства. 1910. № 18. С. 572–576) – 208, 219, 242, 256,258

Жемчужников, священник в селе Пустоподлесье – 309

Женя – см. Васильчикова Е. П.

Жиголов, вяземский помещик – 140

Жомини Александр Генрихович (1814–1888) – барон; старший советник Министерства иностранных дел, его министр (в 1875 г.) и исполняющий обязанности товарища министра (в 1879–1880 гг.) – 85

Забелин П. – студент Киевской Духовной академии – 73, 75

Заварыкина Надежда, московская благотворительница – 281

Завойко Иван Васильевич (1850–1904) – сын адмирала В. С. Завойко – 173, 211, 213

Заецкий, студент, сын О. А. Новиковой – 277

Заркевич Павел Парфенович (? –1891) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); священник (с 1861 г.)

Гренадерского корпуса; позже – протоиерей, настоятель Введенской церкви Семеновского полка в Петербурге – 121, 122, 123, 138, 140, 151, 174

Захарий – см. Образцев Захарий

Захаров Иван Ильич (1814–1885) – профессор Петербургского университета (с 1875 г.); синолог, автор «Полного маньчжурско-русского словаря» (1875) – 162

Зеленый – Зеленой Александр Ильич (1809–1892) – адмирал – 130, 145

Зеленый – Зеленой Илья Александрович (1841–1906) – гофмейстер; воспитатель детей великого князя Константина Николаевича – 130, 135, 145, 156, 163

Зернов Степан (Стефан) Иванович (1817–1886) – выпускник (со степенью бакалавра) Московской Духовной академии (1844); священник церкви Николая Чудотворца в Студенце (с 1846 г.); протоиерей церкви Святого Николая Явленного на Арбате; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) и Московской Духовной консистории – 248, 263, 264, 288

Зибер Софья Ивановна, содержательница общественной библиотеки и читальни в Ялте – 101

Златоуст – см. Иоанн Златоуст

Знаменский Петр Васильевич (1836–1917) – выпускник (со степенью магистра) Казанской Духовной академии (1860), ординарный профессор (с 1868 г.) и помощник ректора этой академии; доктор богословия (с 1873 г.), член Казанского Комитета Духовной цензуры; историк церкви – 301

Золотарев Иван Федорович (1811–1881) – генерал – 84, 136

Зуров Александр Едпидифорович (1837–1902) – генерал, почетный опекун – 164

И. Л. – см. Янышев И. Л.

И. П. – см. Корнилов И. П.

Иаир – в Евангелии упоминается как начальник одной из синагог в Гилилеи, двенадцатилетнюю дочь которого Христос воскресил из мертвых – 162

Иван, отец – см. Демкин И. И.

Иван, отец, родственник викария Алексия (Лаврова-Платонова А. Ф.) – 280

Иван, петербургский банщик – 134

* Иван, племянник отца Николая из Пустоподлесья – 310

Иван, слуга Путятиных – 175, 218, 233

Иван Васильевич – см. Завойко И. В.

Иван Дмитриевич – см. Касаткин И. Д.

Иван Иванович – см. Демкин И. И.

Иванов Сергей Сергеевич – помощник попечителя Московского Учебного округа; автор работ о французской системе образования – 294

Ивановский Николай Иванович (1840–1913) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1865); магистр Казанской Духовной академии (1867), профессор (с 1869 г.) и инспектор (1877–1881) этой академии; член Совета Казанского Братства Святого Гурия; историк церкви, исследователь и обличитель старообрядчества; надворный советник – 298, 299, 301

Иванцев (Иванцов) – Платонов Александр Михайлович (1835–1894) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1860); бакалавр Санкт-Петербургской Духовной академии (1860–1863); законоучитель московского Александровского военного училища (с 1863 г.); профессор Московского университета (с 1872 г.); протоиерей (с 1874 г.), доктор богословия (с 1877 г.); член Совета Православного миссионерского общества (с 1870 г.); состоял в редакции «Православного обозрения» (1869–1874); историк церкви (см.: Памяти законоучителя и духовного отца протоиерея А. М. Иванцова-Платонова // Душеполезное чтение. 1895. Ч. 1. № 2. С. 239–242) – 95, 98, 242, 243, 244, 245, 251, 268, 270, 295

Игнатьев Алексей Павлович (1842–1906) – командир Кавалергардского полка; член Главного комитета по устройству и образованию войск; позже – член Государственного совета, генерал-адъютант – 190

Игорев Лев Степанович (1822–1893) – живописец и иконописец; художник при Духовной православной миссии в Пекине – 114

Иерофей, патриарх Иерусалимский – возможно, Иерофей (Рачанинский) – иеромонах Киево-Печерской лавры (в 1850-х гг.) – 86

Ильинский Андрей Григорьевич (1833–1898) – директор Хозяйственного управления Святейшего Синода – 86, 99, 100, 107, 110, 171, 190, 213, 216, 240, 311

* Ильминский Николай Иванович (1822–1891) – выпускник (со степенью магистра) Казанской Духовной академии (1846); профессор Казанского университета, ориенталист, директор Казанской инородческой учительской семинарии (с 1872 г.); товарищ председателя Казанского Братства Святого Гурия, учредитель Казанской крещено-татарской школы, для которой перевел и издал ряд духовных книг, учебников и текстов служб; корреспондент К. П. Победоносцева (см.: Спасский Н. А. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский.

Самара, 1900 и др.) – 297, 299, 301

Илья Александрович – см. Зеленый (Зеленой) Илья Александрович

Илья Иванович, врач – 125, 163

Илья Пророк (Илия) – святой из г. Фесва; обличитель идолопоклонничества; явился свидетелем преображения Иисуса Христа; пользуется особым уважением в православии, а также в католичестве и иудаизме – 136

Иннокентий – архимандрит, настоятель Супрасальского Благовещенского монастыря Гродненской губернии Литовской епархии – 224

Иннокентий, духовник – Иннокентий (1833–1893) – иеромонах, духовник Троице-Сергиевой лавры – 225

Иннокентий, эконом – возможно, Иннокентий (Данилов Иван Александрович) (1848-?) – иеромонах Киево-Михайловского монастыря (с 1870 г.); соборный эконом Троице-Сергиевой лавры (с 1874 г.), архимандрит (с 1879 г.); с 1885 г. служил в Тихвинском монастыре, с 1899 г. управлял Алеутской епархией; позже – настоятель ПсковоПечерского монастыря – 224

* Иннокентий (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич) (1797–1879) – выпускник Иркутской Духовной семинарии (1821); миссионер в Америке (с 1824 г.), протоиерей (с 1839 г.), архимандрит (с 1840 г.) и епископ Камчатский (с 1840 г.), архиепископ (с 1850 г.); митрополит Московский и Коломенский (с 1868 г.), священно-архимандрит Троице-Сергиевой лавры, настоятель кафедрального Чудова монастыря; член Святейшего Синода; в 1870 г. основал в Москве Православное миссионерское общество; знакомство отца Николая с Иннокентием состоялось по дороге его в Японию зимой 1860*61 г. (см.: Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883 и др.) – 72, 94, 98, 199, 231, 243, 258, 260, 286, 288–289*

Иоанн – 261

Иоанн – Иоанн Иоаннович (1554–1582) – сын Иоанна IV Васильевича Грозного; убит отцом в Александровской слободе – 275

Иоанн, отец – см. Демкин И. И.

Иоанн, отец в московском Торговом ряду – 251

Иоанн, преосвященный – Иоанн (Митропольский Стефан) (1836–1914) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1862) и преподаватель этой академии (1862–1870); архимандрит (с 1868 г.) и епископ Алеутский (с 1870 г.); член

Православного миссионерского общества (с 1870 г.) и московской Конторы Святейшего Синода (с 1877 г.); настоятель московского Симонова монастыря (с 1881 г.); епископ Аксакайский (с 1889 г.); духовный писатель, автор книги «Из истории религиозных сект в Америке» (М., 18761882. Вып. 1–4) – 258, 287

Иоанн Богослов – апостол; церковь приписывает ему одно из Евангелий (Апокалипсис) и три послания – 93, 102, 116, 179, 327

Иоанн Златоуст (347–407) – византийский церковный деятель, епископ Константинополя (с 398 г.); автор проповедей, идеал проповедника и обличителя – 170, 201, 206, 259, 306

Иоанн Калита – Иван I Данилович (? –1340) – князь московский (с 1325 г.) и великий князь владимирский (с 1328 г.) – 98

Иоанн Кассиан (ок. 360 – ок. 435) – византийский монах, один из теоретиков монашеской жизни, был отправлен из Константинополя в Рим искать защиты для Иоанна Златоуста – 289

Иоанн Предтеча (Иоанн Креститель) – в христианском вероучении последний из пророков, провозвестник прихода Миссии, непосредственный предшественник Иисуса Христа – 130, 291

Иов, священнослужитель в Угрешском Подворье в Москве – 251

Иоиль, отец из Миссионерского Покровского монастыря в Москве – 246, 249, 252, 255, 279, 287, 291

Иордан Варвара Александровна (? –1916) – жена Ф. И. Иордана – 101, 102, 108, 110, 113, 141, 164, 313

Иордан Федор Иванович (1800–1883) – гравер; ректор (с 1871 г.) по части живописи и скульптуры Академии художеств (см.: Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордан. М., 1918) – 101, 102, 107, 108, 110, 113, 114, 132, 134, 141

Иосаф (Иоасаф) – индийский царевич, обращенный в христианство – 137

Иосиф, граф – см. Ламберт И. К.

Иосиф, отец, регент (?) Троице-Сергиевой лавры – 285

Иосиф, ризничий – Иосиф (Левитский Иван) (1831–1891) – выпускник Вифанской Духовной семинарии (1854); иеромонах, архимандрит и ризничий (с 1876 г.) Патриаршей ризницы в Москве; позже – архимандрит Высокопетровского монастыря и духовник афонского монастыря Святого Пантелеймона; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); духовный писатель – 247, 295

Иосиф, цензор – Иосиф (Баженов Иван (Иоанн) Гавриилович) (1827–1886) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1853),

магистр (1855); профессор, инспектор и ректор ряда духовных семинарий (1853–1871); архимандрит (с 1860 г.), настоятель лихвинского Покровского Доброго монастыря (с 1871 г.); член Санкт-Петербургского Комитета Духовной цензуры (с 1873 г.); настоятель московского Заиконоспасского монастыря (с 1881 г.), епископ Балтский и викарий Подольской епархии (с 1884 г.) (см.: Нигровский И. Воспоминание о преосвященнейшем Иосифе, епископе Балтском // Воронежские епархиальные ведомости. 1886. № 18. Часть неофициальная. С. 675–677) – 86, 126, 135, 137, 140, 141, 147, 150, 153, 154, 167, 169, 173, 179, 182, 199, 207, 211, 221, 226, 227, 231, 234, 264, 312

Ираклий (1796–1880) – иеромонах, духовник Александро-Невской лавры – 206, 224, 237

Иринарх, подъэконом Александро-Невской лавры – 178

Исаак – библейский патриарх, сын Авраама и Сары, отец Иакова и через него прародитель двенадцати колен Израилевых – 327

Исаев, доктор – 186

Исайя, архимандрит – Исайя (Булин Иван) (1828–1896) – послушник в Александро-Невской лавре (с 1846 г.), иеромонах (с 1865 г.), архимандрит (с 1871 г.) Крестовой митрополичьей церкви, наместник лавры (с 1890 г.) – 129, 131, 135, 138, 141, 156, 163, 171, 175, 176, 181, 192, 210, 217, 218, 220, 223–225, 232, 235, 240, 241, 286, 289, 291, 295, 302, 311

Исайя, отец из новгородского Юрьевского монастыря – 159, 163

Исеев Петр Федорович (1831-?) – конференц-секретарь Академии художеств (1868–1889); действительный статский советник – 108, 110, 113, 114, 115

* Исидор, митрополит Петербургский, владыка – Исидор (Никольский Яков (Иаков) Сергеевич) (1799–1892) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1825), магистр (1826); архимандрит и настоятель мценского Петропавловского монастыря (с 1829 г.); ректор Орловской (с 1829 г.) и Московской (с 1833 г.) Духовных семинарий; настоятель Заиконоспасского монастыря (с 1833 г.), епископ Дмитровский (с 1834 г.), викарий митрополита Филарета (с 1834 г.), епископ Полоцкий (с 1837 г.) и Могилевский (с 1840 г.), архиепископ (с 1841 г.), экзарх Грузии (1844–1856) и митрополит (с 1856 г.); митрополит Киевский (1858–1860), Новгородский, Петербургский и Финляндский (1860–1892); священно-архимандрит Александро-Невской лавры; первенствующий член Святейшего Синода (см.: Каргопольцов И. Н. Высокопреосвященный Исидор, митрополит Нивгородский, С.-Петербургский и Финляндский. СПб., 1894 и др.) – 72, 80, 81, 82, 84, 90, 94, 109, 111, 115, 116, 125, 126, 62,

139, 160, 163, 164, 166, 167, 169, 171, 178, 179–180, 182, 188, 192, 194, 196, 197, 198, 201, 203, 205, 207, 209, 217, 234, 238, 239, 268, 278, 311, 312, 314, 317

Исидор Пелусиот – святой; ученик Иоанна Златоуста, пустынник, автор посланий – 136, 167, 171

Ислявин Константин Александрович (1827–1903) – сотрудник редакции «Московских ведомостей» – 294

Ито – 325

Иуда (Искариот) – в Новом Завете один из апостолов, предавший Христа – 102, 136

Ишимова Александра Иосифовна (1804–1881) – детский прозаик, переводчица – 226

Казанская Ю. Ал., благотворительница – 274, 292

Калерия (Хвостова) (1811–1884) – игуменья Зачатьевского монастыря в Москве – 290

Калинин Павел Григорьевич (1810–1880) – бывший чиновник московской Казенной палаты; коллежский асессор, благотворитель – 245

Калинина Екатерина Александровна, благотворительница, жена П. Г. Калинина – 236, 245

Калинины – 245

Кандауров Д. Д., московский заводчик – 255

Канидий (Качеповский) – протоиерей петербургской церкви Удельного ведомства – 202

Капустин Платон Иванович (1815–1890) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1840), бакалавр (1842) и преподаватель (с 1844 г.) этой академии; протоиерей церкви Святого Никиты Мученика на

Басманной; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) и Московского попечительства о бедных духовного звания – 272, 278, 281

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) – революционер, в 1866 г. совершил покушение на императора Александра II; повешен – 127

Каратыгин Петр Андреевич (1805–1879) – артист Александрийского театра, драматург – 184

Карашевич Платон Иванович – протоиерей Исаакиевского собора, благочинный столичных церквей – 138

Карл Петрович, учитель плетенья корзин в петербургском Училище слепых воинов – 159

Каролина Густавовна, жена Н. П. Семенова – 188

Касаткин Иван Дмитриевич (отец Николай) (1836–1912) – автор

публикуемого дневника; см. о нем выше в преамбуле к указателям – 116, 210, 241, 294

Касаткин Сергей, племянник отца Николая – 81, 121, 192, 235, 239, 313

Кассиан Римлянин – см. Иоанн Кассиан

Катерина Александровна – см. Свербеева Е. А.

Катерина Ивановна – см. Вениаминова Е. И.

Катерина Семеновна – см. Демкина Е. С.

Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, журналист, редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей»; основатель (1868) и директор (1875–1887) Императорского лицея в память цесаревича Николая; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 183, 236, 254, 269, 271, 277, 282, 287, 294

Катков Петр Михайлович (? –1895) – выпускник университетских курсов Императорского лицея в память цесаревича Николая (1877); позже – штаб-ротмистр Кавалергардского императрицы Марии Федоровны полка; старший сын С. П. и М. Н. Катковых – 271

Каткова Наталья Михайловна, дочь С. П. и М. Н. Катковых – 271 Каткова Софья Михайловна, дочь С. П. и М. Н. Катковых – 269, 271, 293

Каткова Софья Петровна – жена М. Н. Каткова; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 247, 254, 264, 269, 271, 293

Катя, дочь Г. И. и Е. И. Вениаминовых – 288

Катя, племянница А. А. Ставиской – 90

Катя, племянница отца Николая – 121

Кауфман Юлия Николаевна – инспектриса Императорского Николаевского сиротского института в Москве – 273

Каченовский Афанасий, отец – выпускник Смоленской Духовной семинарии (1853) – 301

* Кикуци, семинарист – 215

Киреев Александр Алексеевич (1833–1910) – генерал-лейтенант, состоял при великом князе Александре Иосифовиче – 145

Кирилл, диакон Александро-Невской лавры – 115

Кирилл (826 или 827 – 869) и Мефодий (до 820 – 885) – братья, создатели славянской азбуки, просветители и проповедники христианства – 268

Ключарев – см. Амвросий (Ключарев Алексей Иосифович)

Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – доцент (с 1875 г.) и профессор (с 1880 г.) Московской Духовной академии; историк, академик – 293

Кнопп – петербургский фабрикант – 108

Ковалько Авдотья Дмитриевна, практикантка в петербургском Училище слепых воинов – 135, 141, 142, 159, 237

Кованько – см. Ковалько

Ковригин Николай, священник из Сан-Франциско – 123, 129, 132, 133, 135, 187, 239, 241

Кожевников В. О. – см. Кожевников В. Ф.

Кожевников Василий Федорович – генеральный консул в Иерусалиме (в 1880 г.) – 178

Козлов Александр Александрович – обер-полицмейстер Москвы; состоял в свите его императорского величества, генерал-майор – 276, 279

Колесова Александра Филипповна – жена почетного гражданина А. Н. Колесова, члена Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 291

Колоколов Алексей Петрович – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1857); священник церкви петербургской Георгиевской общины сестер милосердия (с 1872 г.), протоиерей этой же церкви (с 1876 г.); член Санкт-Петербургского епархиального попечительства (с 1876 г.); известен как общественный благотворитель – 133, 153, 219

Коля, сын Ф. Н. Быстрова – 96, 178, 184, 234

Кондоуров – см. Кандауров

Кондратенко Гавриил Павлович (1854–1924) – художник- 110, 113, 114, 116, 120 Коноплин, московский благотворитель – 244

Константин – Константин Константинович Романов (1858–1915) – великий князь; поэт (К. Р.); президент Академии наук – 156, 157, 163, 203, 210

Константин Николаевич (1827–1892) – великий князь, управляющий Морским министерством (1855–1880), наместник Царства Польского (1862–1863), председатель Государственного совета (1865–1881) – 130, 134, 145, 156, 163, 206

Константин I Великий (Флавий Валерий Константин) (ок. 285–337) – римский император (с 306 г.); поддерживал христианскую церковь; в 324–330 гг. основал новую столицу Константинополь на месте г. Византий – 73

Константин Петрович – см. Победоносцев К. П.

Конфуций (ок. 551–479 до н. э.) – китайский мыслитель – 87, 232, 278

Коодзимацци (?) – 176 Корашевич – см. Карашевич П. И.

Корзинкины – Иван Иванович (1841–1882) и Елизавета Григорьевна (? –1884) – московские купцы – 254

Корнилов Иван Петрович (1811–1901) – географ, историк школьного

образования в России, член Совета министра народного просвещения (1868–1901); председатель Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета (1873–1876), почетный опекун – 81, 84, 123, 132, 135, 155, 158, 162, 177, 183, 185, 191, 235, 237

Корнилов Федор Петрович (1810–1900) – член Государственного совета; брат И. П. Корнилова – 82, 87, 280

Косма, отец – см. Преображенский (Косма).

Коссович Каэтан (Касьян) Андреевич (1815–1883) – филолог, востоковед, санскритолог, профессор Петербургского университета; библиотекарь Императорской Публичной библиотеки – 136, 159, 162, 183, 191, 218, 235, 237 Костерев Павел Павлович, юнкер Павловского военного училища – 195 Костромской Платон – см. Платон (Фивейский Павел Симонович) Костюшко Тадеуш (1746–1817) – руководитель Польского восстания 1794 г. – 318

Костя, сын Е. К. Бюцова – 196

Коцебу Павел Евстафьевич (1801–1884) – граф, генерал-губернатор Варшавы (1874–1880); участник Крымской войны – 136

Коцинский Николай Никитич – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1880) – 286, 287, 311

Кочубей – вероятно, Кочубей Елена Павловна – княгиня; почетный член Совета детских приютов в Петербурге – 217

Кошелева Елизавета Дмитриевна (урожд. Новикова) (1813–1883) – жена публициста и славянофила А. И. Кошелева, члена Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 248

Коялович Михаил Осипович (1828–1891) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1855), доктор богословия и ординарный профессор (с 1873 г.) этой академии; член Археографической комиссии; автор многочисленных трудов по церковной и гражданской истории, особенно по западнорусской – 84, 177, 185, 186

Краевич Константин Дмитриевич (1833–1892) – автор учебников для школ; редактор-издатель журнала «Семья и школа» – 273

Краснопевкова Татьяна Васильевна (? –1886) – сестра архиепископа Ярославского Леонида (Краснопевкова Льва Васильевича) – помощника председателя Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 262

Красовский Иван Иванович (1828–1885) – вице-губернатор Москвы, камергер, действительный статский советник – 276

Кроткова – 284

Крушевский Адольф Викентьевич – камергер, состоял в распоряжении генерал-губернатора Северо-Западного края – 85

* Крыжановский Дмитрий, одесский диакон, миссионер Японской православной Духовной миссии – 314, 316, 318–320, 323, 325, 326

Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – писатель – 128, 183, 246, 304, 318

Крюков Евстафий Васильевич (? – 1887) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1853); священник различных полков (1854–1871), священник (с 1871 г.) и протоиерей (с 1878 г.) петербургского лейб-гвардии Семеновского полка; участник трех военных компаний – 124, 128, 140

Кудзики Петр, катихизатор – 141

Кудрявцев Василий Матвеевич, псаломщик петербургской церкви Удельного ведомства – 202, 286

Кузнецов Павел Александрович (1820–1894) – 160, 220

Кушелев-Безбородко – см. Безбородко А. А.

Лабутин, московский фабрикант – 251

Лавров, канонист – возможно, Лавров Николай Дмитриевич – священник, член Совета Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 243

Лавров Николай, отец – Лавров Николай Корнилович (1824-?)-сотрудник Алтайской Духовной православной миссии; секретарь и инспектор Санкт-Петербургской Духовной семинарии – 98, 242, 246, 267

Лазарев – 221

Лазарев, предприниматель (?) – 86

Лазарь – по евангельской легенде брат Марфы и Марии, который был воскрешен Иисусом Христом – 250

Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – славяновед, академик, славянофил – 168

Ламберт Елизавета Егоровна (урожд. Канкрина) (1821–1883) – графиня; дочь министра финансов Е. Ф. Канкрина, жена графа И. К. Ламберта; попечительница петербургского Николаевского приюта; корреспондентка И. С. Тургенева-82, 83, 85, 91, 105, 108, 110, 116, 236, 239

Ламберт Иосиф Карлович (1809–1879) – граф; генерал-адъютант, генерал от кавалерии; директор петербургской Николаевской Измайловской военной богадельни – 82, 108, 110, 112, 115, 116

Ларион Николаевич, знакомый отца Николая в Березе – 309 Латышев – возможно, Латышев Федор Евграфович – член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); почетный гражданин – 252

Лашкарев Александр Григорьевич (1823–1898) – генерал-лейтенант, сын сенатора Г. С. Лашкарева – 87, 237

Лебедев Василий Иоаннович (1826–1888) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1849); протоиерей петербургской дворцовой церкви великого князя Николая Николаевича (старшего) – 108, 111 Лебедев В. Н. – см. Лебедев В. И.

Лебедев Иван Дмитриевич (1829–1887) – директор Первой московской гимназии – 279

Лебедев Петр – дьякон; содержатель московского хора певчих – 256 Лебедев Петр Александрович (1836–1900) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); протоиерей, законоучитель

петербургской Второй военной гимназии (Кадетского корпуса); сотрудник журналов «Дух христианина» и «Православного обозрения»; автор учебников по закону Божьему – 112, 170, 172, 195, 238

Лебедев Петр Алексеевич (1807–1884) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1831); священник и законоучитель Мариинского (с 1831 г.) и Технологического (1836–1865) институтов; протоиерей и настоятель петербургской Вознесенской церкви (с 1866 г.) и Исаакиевского собора (с 1870 г.); член Санкт-Петербургской Духовной консистории (с 1866 г.) (см. Пятидесятилетний юбилей настоятеля Исаакиевского кафедрального собора отца протоиерея П. А. Лебедева. СПб., 1882) – 137

Лебедев Степан (Стефан) Исидорович (? –1882) – член Учебного комитета при Святейшем Синоде, посылаемый на ревизии духовных учебных заведений; действительный статский советник – 242

Лебедева Марья Михайловна (урожд. Богословская) – жена П. А. Лебедева и дочь М. И. Богословского, знакомая отца Николая – 112, 172

Левицкий Сергей Львович (1819–1898) – петербургский фотограф – 189 Легг (Legge James) (1815–1897) – знаменитый английский синолог, профессор Оксфордского университета; миссионер в Малакке; издатель китайского конфуцианского канона, текстов даоисма и автор ряда исследований – 321, 322

Лейхтенбергский Николай Максимилианович (1843–1890) – великий князь, герцог, генерал от кавалерии; внук императора Николая I – 108

Леля – см. Храповицкий Леля

Леля, воспитанница Рождественской обители в Москве – 290 Ленивов Андрей Николаевич (1825–1896) – московский купец, благотворитель – 249, 256, 267, 272, 273

Леонид, преосвященный – Леонид (Кавелин Лев Александрович) (1822–1891) – выпускник московского Кадетского корпуса; пострижен в

монашество (1857), архимандрит (с 1863 г.), начальник русской Духовной миссии в Иерусалиме (с 1863 г.), наместник Троице-Сергиевой лавры (с 1877 г.); археограф, церковный писатель, сотрудник журнала «Маяк» (см.: Шереметев С. Д. Архимандрит Леонид (Кавелин). М., 1901; Корсунский И. Н. Наместник Сергиевой лавры архимандрит Леонид. М., 1892) – 262, 283, 284

Леонида, сестра Ивановского монастыря в Москве – 290

Леонтьев Павел Михайлович (1822–1875) – директор Императорского лицея в память цесаревича Николая, профессор Московского университета; журналист, соредактор «Московских ведомостей» (с 1865 г.); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 214

Лепоринский Ираклий Иванович (1818–1888) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1839), профессор Казанской Духовной семинарии (1840–1854); протоиерей, законоучитель казанского Родионовского института благородных девиц (с 1841 г.), ректор Казанского Духовного училища (1854–1870); духовный писатель, автор «слов» и статей, опубликованных в «Духовной беседе» и «Православном собеседнике» – 300

Лесков Николай Семенович (1831–1895) – писатель и публицист – 173

Лесников Иван Петрович (1811–1893) – купец 1-ой гильдии; почетный член Петербургского дома милосердия и Комитета призрения нищих – 134

Лесникова Анисья Петровна (1818–1897) – жена И. П. Лесникова – 133

Лиза, дочь И. И. и В. Д. Мусиных-Пушкиных – 288

Лилька – см. Мещерская А. Н.

Лихуды – братья Иоанникий (1663–1717) и Софроний (1652–1730) – греки, деятели русского просвещения, преподаватели Славяно-греко-латинской академии и других школ – 278

Ловягин Евграф Иванович (1822–1909) – выпускник (1847), магистр (1849) Санкт-Петербургской Духовной академии, профессор греческого языка этой академии (с 1857 г.); секретарь Санкт-Петербургского Комитета Духовной цензуры (1863–1893); доктор богословия и заслуженный профессор (с 1872 г.); автор многих богословских трудов (см.: Садов А. И. Профессор Евграф Иванович Ловягин // Христианское чтение. 1910. №9. С. 1147–1162; здесь же список трудов) – 140, 174

Ломакин Гавриил Якимович (Иоакимович) (1812–1885) – хоровой дирижер и педагог; в 1862 г. вместе с М. А. Балакиревым открыл в Петербурге бесплатную музыкальную школу; служил у графа Д. Н.

Шереметева, руководил его Придворной певческой капеллой (1830–1872); духовный композитор – 143, 229

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888) – граф, генерал; главный начальник Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия (1880), министр внутренних дел (18801881) – 176, 182–183, 185, 186, 187, 204

Лосев, псаломщик – 173

Лошкарев – см. Лашкарев А. Г.

Лузин Александр Федорович – московский купец; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 271, 291

Лука – апостол, которому приписано авторство одного из Евангелиев и «Деяний святых апостолов» – 327

Лукин, студент Санкт-Петербургской Духовной академии – 204 Лукьянович Александра Владимировна, жена генерала – 87, 212, 238, 239

Лукьянович Александра Николаевна, дочь генерала, художница-иконописец – 212, 239

Львовский Григорий Федорович (1830–1894) – регент невского (собора Святой Троицы Александро-Невской лавры) и исаакиевского (Исаакиевского собора) церковных хоров; духовный композитор; надворный советник – 115, 180, 198, 218

Львовский Дмитрий Константинович – дьякон; преподаватель клиросного пения (1880-е – 1890-е гг.) и организатор певческого училища при Японской православной Духовной миссии; регент хора в токийском Николаевском соборе – 314, 316, 323, 325–326

Лыкошев – 199

Люба, дочь П. П. Заркевича – 123

Люба, дочь сызранского священника Василия, племянница отца Николая – 303–305

Любавская, благотворительница из Рязани – 160

Любовь, благотворительница – 118

Людмила, дочь Ф. Н. Быстрова – 96, 185, 195, 205, 236

Ляпунов Дмитрий – Ляпунов Прокопий Петрович (? –1611) – думный дворянин, организатор (в 1611 г.) первого земского ополчения против поляков – 177

* Маденокоодзи Хидемаро, студент-стажер – 167, 172, 183, 191, 200, 212, 237

Мадерах – см. Модерах В. А.

Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) – поэт – 294

Макарий, архимандрит Орловский – Макарий (Троицкий Макарий

Трифонович) (1830–1906) – выпускник Киевской Духовной семинарии (1856); преподаватель Орловской Духовной семинарии (с 1856 г.), законоучитель орловского Александрийского института благородных девиц (1865–1879); протоиерей (с 1877 г.), архимандрит (с 1879 г.), настоятель трубческого Спасочелнского монастыря (с 1879 г.); настоятель московского Знаменского монастыря (с 1881 г.); епископ Острожский (с 1882 г.), Оренбургский и Уральский (с 1886 г.), Калужский и Боровский (с 1895 г.); автор многочисленных поучений, «слов», «бесед» и духовных стихотворений – 160, 217, 234

Макарий, игумен в Александро-Невской лавры – 206

Макарий, митрополит – Макарий (Булгаков Михаил Петрович) (1816–1882) – выпускник Киевской Духовной академии (1841); бакалавр и магистр Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1842 г.); архимандрит (с 1844 г.), доктор богословия (с 1847 г.), ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1850 г.); епископ Винницкий (с 1851 г.), Тамбовский (с 1857 г.) и Харьковский (с 1859 г.); архиепископ Харьковский (с 1862 г.), Литовский и Виленский (с 1868 г.), священно-архимандрит Свято-Духова Виленского монастыря; митрополит Московский (с 1879 г.), член Святейшего Синода; знаменитый богослов и историк церкви; ординарный академик Академии наук (с 1854 г.), автор многих богословских сочинений и около двухсот проповедей (см.: Григорий. На память о высокопреосвященном митрополите Московском Макарие. М., 1888; Барсов Н. И. Макарий, митрополит Московский и Коломенский // Русская старина. 1883. № 6. С. 669–680, и др.) – 72, 81,94, 111, 126, 132, 196, 209, 211, 238, 239, 268, 274, 276, 280, 281, 288, 292, 293, 313, 314, 319

Макарий Афонский – Макарий (Сушкин) (1821–1889) – иеромонах (с 1851 г.), монастырский духовник (с 1853 г.) и игумен (с 1868 г.) русского Пантелеймонова монастыря на Афоне (см.: Красковский И. Ф. Макарий Афонский, игумен и священно-архимандрит Афонского Св. Пантелеймоновского монастыря. М., 1889) – 81

Макарий Египетский (Великий) (301–391) – отец церкви; аскет, поселившийся в египетской пустыне; автор «бесед» о благодати – 196

Максимов, знакомый отца Николая по Амуру – возможно, фамилия сокращена и речь идет о Карле Ивановиче Максимовиче (1827–1891), ботанике, первом исследователе флоры Дальнего Востока; о его отношениях с о. Николаем см. ниже, в дополнениях К. Накамура – 294

Максодонов – Максидонов Николай Васильевич (? –1858) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной

академии (1857); священник в Царском Селе – 131

Малафеев Василий Малафеевич (Малахиевич) (1822–1899) – купец; владелец площадного театра во время масленичных и пасхальных гуляний на Царицыном лугу (Марсовом поле) – 181

Малинин Александр Федорович (1834–1888) – педагог, директор Московского учительского института; автор учебных пособий по математике и физике – 273

Малиновский Анатолий Иванович – член Московской судебной палаты – 244, 247, 254, 255, 259

Малов Александр Васильевич (184*01841–1901) – архитектор – 154*

Малов Алексей Иванович (1787–1855) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1814); протоиерей и настоятель Исаакиевского собора (с 1836 г.); известный проповедник и законоучитель, духовный писатель – 154, 155

Малов Евфимий Александрович (1835-?) – выпускник (со степенью магистра) Казанской Духовной академии (1862), профессор этой академии (с 1868 г.); священник (с 1869 г.) и протоиерей казанской Богоявленской церкви, благочинный Казанского Духовного женского училища (в 1870-х гг.); член Совета Казанского Братства Святого Гурия; автор «Миссионерских заметок» (Казань, 1867) и других сочинений – 297, 301

Малышевский Иван Игнатьевич (1828–1897) – выпускник (со степенью магистра) Киевской Духовной академии (1853), бакалавр (1854) и профессор истории русской церкви в этой академии (с 1861 г.), доктор богословия (с 1873 г.) и помощник ректора Киевской Духовной академии; староста киевского Владимирского собора; член множества научных и благотворительных обществ (см.: Корольков И. Н. Иван Игнатьевич Малышевский, заслуженный профессор Киевской Духовной академии. Киев, 1897) – 314

Мамонов – см. Дмитриев-Мамонов

Манида – см. Леонида

Мардарий, игумен в Александро-Невской лавре – 227

Марина великомученица – Маргарита Антиохийская, ее рука хранится в одном из монастырей на Афоне – 156

Мария, графиня – см. Орлова-Давыдовна М. В.

Мария – игуменья женского Сретенского монастыря в Сызрани – 303

Мария Александровна – см. Черкасова М. А.

Мария Александровна (1824–1880) – императрица, жена Александра II – 83, 279, 283

Мария Аполлоновна – см. Гильтебрандт М. А.

Мария Владимировна – см. Орлова-Давыдова М. В.

Мария Ивановна, жена Т. И. Филиппова – 123

Мария Максимовна – см. Гильтебрандт М. М.

Мария Николаевна (1819–1878) – великая княгиня, дочь императора Николая ? – 229

Мария Федоровна (цесаревна) (1847–1928) – жена цесаревича, будущего императора Александра ?–103

Мартынов, студент – Мартынов Александр Васильевич (1856–1901) – выпускник Московской Духовной академии (1882), магистр (с 1886 г.) и доктор богословия (с 1893 г.) этой академии; протоиерей и настоятель храма Святых Петра и Павла в Московском сельскохозяйственном институте (с 1896 г.) – 285, 286, 287, 293

Мартынов Павел Александрович (1818–1900) – член Совета министра внутренних дел; принимал деятельное участие в Попечительном совете общественного призрения, состоял в правлении петербургских больниц и богаделен – 85, 87

Марфа Григорьевна, просвирня церкви в Березе – 309

Марья Вячеславовна – см. Свербеева М. В.

Марья Евфимовна – описка: Ольга – см. Путятина О. Е.

Марья Петровна, жена Александра, племянника отца Николая из Березы – 309

Марья (Мария) Петровна, жена сызранского священника Василия, брата отца Николая – 303, 304

Маслов, рязанский помещик – 306

Матвей Иванович, знакомый отца Николая из села Бутрилово – 310

Махов Иван Васильевич (1820–1895) – статский советник; автор очерков по церемониям и обрядам японцев, опубликованных в «Морском сборнике» (18601861) и в газете «Северная пчела» (1861), и книг: «Введение в Японии мер, весов и монет и сравнение их с русскими» (СПб., 1862), «Русская азбука: Русского чиновника подарок японским детям» (Хакодате, 1861); коллекция японских монет, привезенная Маховым с острова Хоккайдо, была приобретена Азиатским музеем – 169, 236

Мацуи Александр Иванович (1862–1885) – студент Санкт-Петербургской Духовной академии (1883–1885); умер от тифа – 325

Мацуи Василий – 327

Мацуяма Григорий, ученик катихизаторской школы – 327

Маша, болгарская девочка, воспитанница московского Страстного монастыря – 246, 274, 291

Маша, дочь сызранского священника Василия, племянница отца

Николая – 303–305

Мейер, лондонский банкир – 115, 195

Мельников Александр Александрович (1827-?) – вице-директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (с 1875 г.); чрезвычайный посол при персидском Дворе (с 1883 г.) – 85, 159, 190, 235

Мельников Егор Егорович – управляющий Конторой великой княгини Екатерины Михайловны – 219

Мемнон (Вишневский Александр) (? –1903) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1855); преподаватель и инспектор Смоленской и других духовных семинарий (1855–1868); архимандрит (с 1864 г.); ректор Подольской Духовной семинарии (1866– 1868); настоятель пинского Богоявленского (с 1868 г.), полоцкого Богоявленского (с 1875 г.) и виленского Свято-Духова (с 1880 г.) монастырей; член Литовской Духовной консистории (с 1880 г.), позже – епископ Елисаветградский, Новомиргородский, викарий Херсонской епархии – 82, 123

Мендельсон – Мендельсон-Бартольди Якоб Людвиг Феликс (1809–1847) – немецкий композитор, дирижер, пианист и органист – 215

Метафраст (? -ок. 940 или 976) – секретарь при константинопольских императорах Льве Философе и Константине VII; причислен греческой церковью к лику святых – 137

Мефодий, чиновник – 147, 148

Мефодий Патарский (? –311) – священномученик и отец церкви; епископ Олимпийский, которому приписали епископство города Патар – 147

Мещерская – см. Мещерская М. А.

Мещерская Агриппина Карловна – смотрительница петербургского приюта при церкви Священномученика епископа Мефодия – 148

Мещерская Александра Николаевна, дочь М. А. и Н. П. Мещерских – 265, 267, 269, 274, 275, 279, 290, 295

Мещерская Вера Николаевна, дочь М. А. и Н. П. Мещерских – 269

Мещерская Екатерина Николаевна (1863–1882) – дочь М. А. и Н. П. Мещерских – 269

Мещерская Мария Александровна (урожд. графиня Панина) (? –1903) – княгиня, жена Н. П. Мещерского; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 246, 249, 257, 260, 263, 264, 265, 270, 274, 290

Мещерская Мария Николаевна, дочь М. А. и Н. П. Мещерских – 269

Мещерская Наталья Николаевна, дочь М. А. и Н. П. Мещерских – 269

Мещерская Ольга Петровна (урожд. Козлова) (1813–1891) – княгиня – 250

Мещерская Софья Николаевна, дочь М. А. и Н. П. Мещерских – 269

Мещерские – 288, 275

Мещерский Александр Николаевич, князь, сын М. А. и Н. П. Мещерских – 266, 269, 275, 279, 294, 295

Мещерский Николай Петрович (1829–1901) – князь, гофмейстер; попечитель Московского Учебного округа (1874–1880); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); внук историка Н. М. Карамзина – 95, 245, 249, 253, 257, 264, 268, 269, 275, 277, 278, 293, 294

Мещерский Петр Николаевич, князь, сын М. А. и Н. П. Мещерских – 266, 269, 290

Миловидов Петр Деомидович (? –1892) – протоиерей; учитель пения в Казанском женском училище Духовного ведомства и Мариинской женской гимназии; ключарь казанского Благовещенского собора – 298, 299

Милютина – речь идет об одной из фрейлин: Елизавете Дмитриевне (? – 1915) или Прасковье Николаевне – 197

Милютина Мария Аггеевна (урожд. Абаза; во втором браке Стиль) (1834–1903) – автор «Записок», корреспондент А. Фета и И. С. Тургенева – 133

Минаев Иван Павлович (1840–1890) – индолог, профессор Петербургского университета – 241

Мирбах Роман Андреевич (1825–1902) – барон, контр-адмирал; член Комитета морских учебных заведений и председатель петербургского Попечительного совета воспитательных заведений для бедных и сирот; член Общества распространения Священного Писания – 212

Мирский Леон Филиппович (ок. 1859–1919 или 1920) – революционер; совершил покушение на шефа жандармов Дрентельна (13 марта 1879 г.) и был приговорен в ноябре 1879 г. к смертной казни; помилован как несовершеннолетний – 108, 111, 185

Митрополов Иван Денисович – председатель Александро-Невского братства во Владимире; благотворитель, устроитель библиотек для народа и Общества городских миссионеров – 175, 198, 223, 228

Митрофан (1821–1894) – архимандрит, ризничий Александро-Невской лавры – 116, 124, 205, 207, 236, 237

Митрофан, библиотекарь Александро-Невской лавры – 160, 169

Митрофан, московский священник, старинный друг отца Николая – 249, 279, 287

Митрофан Воронежский – такого иерарха в Воронежской епархии не было с XVIII века; возможно, имеется в виду Митрофаний (Вицинский) (? –1887) – уроженец Воронежа, выпускник Воронежской Духовной

семинарии (1829) и Киевской Духовной Академии (1839); в 1862 г. он был рукоположен в сан епископа Екатеринбургского; позже – епископ Оренбургский (с 1866 г.) и архиепископ Донской (с 1879 г.) – 233

Митусов Петр Степанович (1811–1901) – попечитель петербургской элементарной школы для девиц – 145, 161

Митя – см. Демкин Миша, Митя Михаил – 263

Михаил – один из семи архангелов, предводитель небесного воинства – 129, 136, 150, 212

Михаил архимандрит, ревизор – 141

Михаил Дмитриевич – см. Свербеев М. Д.

Михаил Осипович – см. Коялович М. О.

Михаил Тверской – Михаил Александрович (1333–1399) – великий князь тверской (с 1368 г.) – 102

Михаил Федорович (1596–1645) – русский царь (с 1613 г.), первый из рода Романовых – 126, 286

Михайла, келейник, слуга отца Николая – 76, 77, 167, 208

Михайла, слуга Бюцевых – 196

Михайловская Аня, дочь В. Я. Михайловского – 100

Михайловская Оля, дочь В. Я. Михайловского – 100

Михайловский Василий Яковлевич (1834–1910) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1859); законоучитель Павловского военного училища (до 1869 г.), священник петербургской Спасо-Бочаринской церкви на Выборгской (1869–1883) и протоиерей этой церкви (с 1879 г.), протоиерей Вознесенской церкви (с 1884 г.); духовный писатель (см. некролог: Исторический вестник. 1910. № 8) – 100, 103, 106, 117, 204, 231

Миша – см. Демкин Миша, Митя Миша, гимназист, сын П. П. Заркевича – 123

Миша, студент – 248

Миша, сын Ф. Н. Быстрова – 96

Младецкий – Млодецкий Ипполит Осипович (1855–1880) – народоволец, казнен за покушение на Лорис-Меликова – 183, 184

Могила Петр Симеонович (1596*97–1647) – митрополит Киевский и Галицкий, церковный писатель – 221*

Могилевский Евсевий – см. Евсевий

Модерах Варвара Александровна – петербургская благотворительница; автор пьес для детей «Детский театр» (СПб., 1852) – 135, 141

Модест (Куховский) – выпускник Московской Духовной академии

(1856); смотритель суздальских духовных училищ (1856–1859) и инспектор Тульской Духовной семинарии (1859–1865); архимандрит (с 1865 г.), ректор Рижской Духовной семинарии (с 1866 г.), настоятель московского Андроньевского монастыря (с 1870 г.); член Московской Духовной консистории – 287

Моисей (1835–1897) – иеромонах Александро-Невской лавры – 81, 84, 89, 125, 126, 195, 200, 224, 229, 231, 234

Мордвин – Мордвинов Владимир Павлович (1838–1908) – обер-секретарь Святейшего Синода (с 1869 г.); юрисконсульт при Министерстве юстиции, позже – сенатор; член многих благотворительных обществ – 93

Мориц Петр Алексеевич (1817–1898) – секретарь Собственной Канцелярии ее императорского величества Марии Александровны (с 1879 г.); почетный опекун Санкт-Петербургского присутствия (с 1880 г.) – 163

Морозов, владелец гостиницы в Рязани – 305

Морозов, владелец постоялого двора во Ржеве – 307, 311

Морозов Тимофей Саввич (1823–1889) – купец из династии семьи Морозовых; один из владельцев текстильных фабрик в Московской и Тверской губерниях; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 264, 289

Морозова Марья Федоровна – помощница попечительницы Симоновской школы при Московском Благотворительном обществе, жена Т. С. Морозова – 289 Морозовы, благотворительницы – 100, 101

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886) – декабрист – 292

Муратов, моряк – 244–246

Муратов Алеша, сын моряка – 267

Муретов – возможно, Муретов Матвей Иоаннович (1817–1890) – выпускник (со степенью магистра) Киевской Духовной академии (1841); протоиерей – 131 Мусин-Пушкин Владимир Иванович (1830–1886) – граф, шталмейстер; управляющий Государственным имуществом Московской губернии; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 255, 274

Мусин-Пушкин Иван Иванович (1835–1894) – граф, действительный статский советник – 252, 256, 263, 288

Мусина-Пушкина Варвара Дмитриевна – попечительница московского родильного приюта; жена И. И. Мусина-Пушкина – 256, 263, 264, 286, 288

Муханов Михаил Петрович – председатель Общества взаимного вспомоществования русских художников – 108

Муханова Марья Сергеевна (1802–1882) – фрейлина – 256, 260

Мюллер Макс (1823–1900) – английский филолог-востоковед, специалист по индологии и мифологии – 137

Надя, дочь П. И. Заркевича – 123

Назаревский Константин Сергеевич – выпускник Смоленской Духовной семинарии (1857); товарищ отца Николая – 107, 195

Назаревский Сергей Владимирович (1848–1896) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1870); чиновник по особым поручениям при Главном управлении по делам печати (в 1870-х гг.); публицист, секретарь «Московских ведомостей», сотрудник «Правительственного вестника» – 268 Нана Саиб – Нана Сахиб – один из руководителей индийского народного восстания 1857–1859 гг. – 158, 159

Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769–1821) – французский император (18041814) – 196, 323

Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873) – французский император (1852–1870) – 86

Нассауский Николай-Вильгельм (1832–1905) – немецкий принц; второй муж младшей дочери А. С. Пушкина – Наталии Александровны – 293

Наталья Александровна, начальница петербургского приюта – 221

Наташа, гимназистка, дочь И. В. Махова – 236

Невский Александр Алексеевич (1818–1896) – выпускник Московской Духовной академии (1844); инспектор и смотритель Заиконоспасского Духовного училища; педагог, духовный писатель – 278

Нейдгарт Александр Алексеевич – Нейдгардт Алексей Александрович – член Московского окружного суда, штабс-капитан; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); позже – прокурор и управляющий Канцелярией московской Конторы Святейшего Синода (с 1883 г.) – 253

Нейдгарт (Нейдгардт) Мария Александровна (урожд. Талызина) (1831–1904) – попечительница Мариинского училища и председатель совета Дамского

попечительства о бедных в Москве; жена обер-гофмейстера и почетного опекуна Б. А. Нейдгарга – 271

Некрасов, владелец гостиницы во Ржеве – 307

Некрасов Александр Александрович (1837–1905) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1863); профессор (с 1869 г.) греческого языка и словесности Казанской Духовной академии (см. Родников Н. Очерк учено-литературной и профессорской деятельности Александра Александровича Некрасова Православный

сборник 1906. № 1. С. 36–53; № 2. С. 241–262) – 301

Ненароков – см. Ненарокомов И. А.

Ненарокомов Иван Александрович (? –1889) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1856); профессор логики, психологии и патристики Московской Духовной семинарии (с 1856 г.); с 1856 г. на службе в Святейшем Синоде: член Учебного комитета (с 1867 г.) и директор Канцелярии обер-прокурора (с 1871 г.); тайный советник – 87, 104–105, 169, 213, 240

Неонила, Неонила Афанасьевна – см. Сивохина Н. А.

Неофит (Неводчиков Николай Васильевич) (1819–1910) – выпускник Московской Духовной академии (1844); преподаватель, законоучитель и инспектор ряда духовных семинарий и учебных заведений (с 1850 г.); протоиерей (с 1876 г.), архимандрит (с 1880 г.); епископ Елисаветградский (с 1880 г.), Ташкентский и Туркестанский (с 1883 г.), Кишиневский и Хотинский (1892–1898); издатель «Одесского воскресного листка» и «Одесского вестника» (см. некролог: Исторический вестник. 1910. № 5. С. 781–782) – 314

Нестор (Засс Николай Павлович) (1826–1882) – выпускник Кадетского морского корпуса (1836); по болезни был уволен со службы, в 1854 г. пострижен в монашество; священнослужитель церкви во французском города По (с 1866 г.); архимандрит Александро-Невской лавры (с 1878 г); епископ Алеутский (с 1878 г.) – 129, 158, 188, 239

Нефедьев, гимназист – 117, 143, 180, 228, 240, 241

Нефф Тимофей Андреевич (1805–1876) – художник – 126

Нечаев, благотворитель – 264

Нечаев Петр Иванович (1842–1905) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1869); инспектор Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1870–1889); член Учебного комитета при Святейшем Синоде (с 1888 г.); автор практических руководств для воспитанников семинарий и священнослужителей – 153, 172, 195

Нечаев-Мальцев Юрий Степанович (1834–1913) – обер-гофмейстер; владелец золотых приисков; снабдил утварью собор в Киото – 249

Никанор – вероятно, Никонор (Ильинский Николай Степанович) (17901863) – архимандрит, наместник Александро-Невской лавры – 169

Никанор – см. Брянцев Н. И.

Никитин Дмитрий Яковлевич (1834–1900) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); наставник Саратовской Духовной семинарии (с 1861 г.); священник разных полков (с 1862 г.),

протоиерей (с 1873 г.) петербургского Сергиевского всей артиллерии собора и его настоятель (с 1892 г.);

устроитель внебогослужебных собеседований в церквах, проповедник; основатель Общества распространения религиозно-нравственного просвещения – 114, 116, 118, 122, 141, 172, 236, 241

Никифор, отец – Каменский Никифор Тимофеевич (1847–1910) – выпускник Казанской Духовной академии (1874); законоучитель Казанской учительской семинарии (с 1874 г.); протоиерей (с 1879 г.); магистр и ректор Казанской Духовной семинарии (с 1879 г.); позже – пострижен в монашество под именем Никанора; епископ Архангельский, Смоленский, Орловский, Екатеринбургский; архиепископ Варшавский и Казанский – 301

Никифор (Феотоки Николай) (1731–1800) – ученый грек, архиепископ, настоятель Данилова монастыря (с 1792 г.) – 289

Никифорович – возможно, речь идет об архиепископе Брацловском Иоанникии – 118

Никодим, игумен часовни петербургского Черменецкого монастыря на Моховой в Петербурге – 146

Николаева Александра Филипповна, знакомая Д. Д. Смирнова – 165

Николай – Киреев Николай Александрович (? –1876) – брат писательницы О. А. Новиковой; доброволец сербской армии, погибший на войне – 277

Николай – Николай Александрович (1843–1865) – великий князь; сын Александра II – 154, 264, 282, 295

Николай, архимандрит – вероятно, Копьев Николай Александрович – выпускник Московской Духовной академии (1866); преподаватель Подольской (с 1866 г.), Тверской (с 1870 г.) и Вифанской (с 1871 г.) Духовных семинарий; священник Успенского собора – 259

Николай, архимандрит Рижский – см. Николай, архимандрит Римский Николай, архимандрит Римский – Николай (Новиков) (? –1881) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1869); настоятель посольской церкви в Афинах (1869–1872), архимандрит (с 1872 г.), настоятель посольской церкви в Риме (с 1874 г.); сотрудник журнала «Христианское чтение» – 179, 181, 187

Николай, гимназист, воспитанник Г. И. Горталова – 297 Николай, отец; Николай, епископ – см. Касаткин И. Д.

Николай Иванович – см. Ильминский Н. И.

Николай Константинович (1850–1918) – великий князь, сын великого князя Константина Николаевича; собиратель документов по истории

России – 302

Николай Михайлович, белый диакон Александро-Невской лавры – 208, 239 Николай Николаевич (старший) (1831–1891) – великий князь; генерал-фельдмаршал, генерал-инспектор кавалерии и по инженерной части; главнокомандующий армией во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; сын императора Николая 1–108, 111, 118, 145

Николай Павлович – Николай I (1796–1855) – российский император (с 1825 г.) – 151, 190, 279, 287

Николай Чудотворец (IV в.) – архиепископ Мирликийский; великий христианский святой, имя которого окружено множеством чудес – 162, 223–224, 263, 267, 269, 275

Никольский Владимир Васильевич (1836–1883) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1859); преподаватель русской словесности и истории в различных петербургских учебных заведениях; профессор и инспектор Императорского Александровского лицея (с 1877 г.); профессор Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1877 г.) и учредитель Общества вспоможения недостаточным студентам при этой академии; пушкинист – 174, 194

Никольский Стефан (Степан) Васильевич (1834–1890) – выпускник Вифанской Духовной семинарии (1856) и Московской Духовной академии (1860); священник московских церквей Василия Кесарийского и Клементовской у Варварских ворот; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 252

Никольский Федор Калинович (1828–1898) – знаменитый певец-тенор; с 1850 г. пел в Придворной певческой капелле, с 1861 г. – в Мариинском театре, а с 1877 г. – в церковных хорах – 111, 118

Никон, отец, бывший учитель московского Перервинского Духовного училища – 202

Никонов Михаил Николаевич (1832–1902) – директор Департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел – 85, 157, 159, 191

Нильский Иван Федорович (1832–1894) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1857); ординарный профессор по истории и обличению русского раскола Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1863 г.), доктор богословия (с 1870 г.) и инспектор этой академии (1878–1885); духовный писатель – 156, 178, 225

Нина, дочь Е. К. Бюцова – 196

* Ниси – японский подданный, поверенный в делах в Петербурге –

151, 213

* Ниццума (Ниицума) Павел – иеромонах, настоятель токийского прихода и катихизаторского училища – 175, 181, 265, 275

Новиков Евгений Петрович (1826–1903) – чрезвычайный и полномочный посол в Турции (в Константинополе) – 314

Новикова Ольга Александровна (урожд. Киреева) (1840–1925) – писательница; крестным отцом ее был Николай I; в совершенстве владела английским и другими языками, международный резонанс получили ее статьи и книги на английском языке; в 1870-х годах примкнула к «партии войны», считая освобождение славян долгом России и залогом могущества православного мира – 271, 272, 275, 277, 293, 294

Новосильцева Варвара Владимировна (? –1892) – жена В. С. Новосильцева, члена Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 247, 248

* Нода Иоанн, христианин в Сюдзэндзи – 192, 216

Обидина – возможно, Мария Ивановна Обидина (1827–1893), благотворительница – 251

Оболенская-Нелединская-Мелецкая Наталья Владимировна (урожд. Мезенцева) (1820–1895) – княгиня – 196

Оболенский Константин Никандрович (1818–1885) – протодиакон Исааки-евского собора – 166, 180, 181, 188, 209

Образцев Захарий Евфимович (? –1890) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1849); священник Смольного собора (с 1855 г.), законоучитель петербургского Николаевского сиротского приюта (1855–1885), протоиерей (с 1875 г.) и настоятель Смоленской кладбищенской церкви (1879–1887) – 184

Образцов Павел Ефимович (1840–1895) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1865); учитель Псковской Духовной семинарии (с 1870 г.), законоучитель Гатчинского сиротского института (с 1872 г.); священник церкви Преображения Господня в Стокгольме, протоиерей (с 1877 г.), профессор богословия Дерптского университета (с 1885 г.); сотрудник «Смоленских епархиальных ведомостей» (в конце 1860-х гг.) – 85, 233

Овада, семинарист – 215, 221

Овинова – см. Авинова Е. М.

Оглоблины, воспитанники петербургского Мариинского приюта – 149

Олег Иванович (? –1403) – великий князь рязанский – 306

Олферьев, генерал – 187

Ольга (? –969) – княгиня, жена киевского князя Игоря – 73

Ольга, дочь А. В. Сыренского – 190
Ольга Алексеевна, жена А. В. Сыренского – 190
Ольга Дмитриевна, сестра Е. Д. Пеликан – 306
Ольга Евфимовна – см. Путятина О. Е.
Ольга Петровна – см. Быстрова О. П.
Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881) – принц, генерал; главноуправляющий IV отделением Собственной Канцелярии его императорского величества; член Государственного совета – 292–293
* Оомай – возможно, Оомаэ Тайдзо – советник Японского консульства в Петербурге – 151, 157, 191
Оонума Варвара – 192, 216
Опухтин – см. Апухтин А. Л.
Орбелиани, графиня – 145
Орбелиани, княгиня, сестра милосердия во время войны на Кавказе, была в плену у Шамиля – 153, 178, 182, 193, 231, 240
Орлов, доктор – 172
Орлов Владимир Александрович – полицмейстер Сызрани; надворный советник – 303
Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809–1882) – граф; петербургский почетный предводитель дворянства; меценат и коллекционер, писатель – 135, 153, 193, 241, 256, 280, 281
Орлов-Давыдов Сергей Владимирович (? –1905) – граф, сын В. П. и О. И. Орловых-Давыдовых (см.: Граф Сергей Владимирович Орлов-Давыдов, почетный попечитель детской больницы Св. Ольги. М., 1906) – 214, 279
Орлова – см. Орлова-Давыдова О. И.
Орлова-Давыдова Мария Владимировна (? –1880) – графиня; статс-дама императрицы Марии Александровны – 82, 119, 122, 137, 141, 143, 153, 215, 241, 288
Орлова-Давыдова Ольга Ивановна (урожд. княгиня Барятинская) (1814– 1876) – графиня, жена В. П. Орлова-Давыдова – 210
Орнатский Василий Семенович (1818–1904) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1843); профессор словесности Новгородской Духовной семинарии (1843–1878), протоиерей новгородского кафедрального Софийского собора (с 1872 г.) – 163
Осада – 157
Осланбеков – см. Асланбеков А. Б.
Остелецкий Константин Степанович (? –1904) – вице-адмирал, главный инспектор минного дела – 267

Остен-Сакен Федор Романович (1832–1912) – барон; директор Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел (1870–1897); путешественник, исследователь Дальнего Востока – 84, 85, 133, 150, 162

Остроумов Петр Иванович (18.39–1913) – вице-директор Хозяйственного управления Святейшего Синода; позже – сенатор – 110, 240

П. М. – Костерев П. М., покойный близкий друг отца Николая – 195

Павел – апостол, проповедник христианства; церковь приписывает ему 14 посланий, включенных в Новый Завет – 135, 171

Павел – Павел I (1754–1801) – российский император (с 1796 г.) – 284

Павел, викарий – Павел (Вильчинский Иоанн Елевферьевич) (1830–1908) – выпускник Киевской Духовной академии (1853); магистр и профессор Полтавской Духовной семинарии (с 1856 г.); архимандрит (с 1862 г.), ректор Владимирской Духовной семинарии (с 1867 г.); епископ Сарапульский (с 1877 г.) и Чебоксарский (с 1878 г.), викарий Казанской епархии и настоятель казанского Спасо-Преображенского монастыря (с 1878 г.); председатель Казанского Братства Святого Гурия; епископ Саратовский (с 1882 г.), Астраханский (с 1889 г.), Могилевский (с 1892 г.) и Пензенский (с 1893 г.) – 297–300

Павел, епископ Ладожский, преосвященный Кишиневский – Павел (Лебедев Петр Васильевич) (1827–1892) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1853); архимандрит (с 1858 г.), ректор Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1864–1868), профессор Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1869 г.); епископ Выборгский (с 1868 г.), Ладожский (с 1869 г.), и Кишиневский (с 1871 г.); архиепископ Кишиневский (с 1879 г.), позже – архиепископ Казанский – 72, 234

Павел, преосвященный, посетивший Хакодате – Павел (Попов Петр) (1813–1877), выпускник Иркутской Духовной семинарии (1833), священник при Нерчинском заводе (1834–1837), потом в Красноярском соборе (1837–1860);

протоиерей, викарий Иркутской епархии и епископ Якутский (с 1860 г.), Новоархангельский (с 1866 г.), Енисейский (с 1870 г.) и Камчатский (с 1873 г.); миссионер; в 1875 г. приехал в Японию по просьбе о. Николая для совершения обряда рукоположения в священники японцев Савабе и Салаи – 115

Павел Александрович (1860–1918) – великий князь; командир Гвардейского корпуса; сын императора Александра II – 154

Павел Парфенович – см. Заркевич П. П.

* Павел Прусский (Леднев Петр Иванович) (1821–1895) – архимандрит московского Никольского Преображенского единоверческого монастыря; первую половину жизни принадлежал к расколу, руководил старообрядцами федосеев-ского согласия в селе Каролишки Вилькомирского уезда Ковенской губернии; был отправлен в Пруссию, где основал близ Гумбиннена старообрядческий монастырь, которым управлял, с перерывом, с 1848 г. по 1867 г.; в 1868 г. отошел от старообрядчества, присоединился к единоверию и был рукоположен в сан священника единоверческой церкви (см.: Из моих воспоминаний // Павел Прусский. Полное собрание сочинений. М., 1899. Т. 4. С. 322–363; Беренский Н. Архимандрит о. Павел (Прусский) и его противораскольническая деятельность. Киев, 1899; Ивановский Н. И. Памяти отца архимандрита Павла, настоятеля Московского единоверческого монастыря. Казань, 1895) – 202, 271, 281, 290

Павлов Алексей Степанович (1832–1898) – выпускник (со степенью магистра) Казанской Духовной академии (1858), бакалавр (1859), доцент (с 1863 г.) и экстраординарный профессор (с 1867 г.) этой академии; стажировался в юриспруденции в Гейдельберге; ординарный профессор Новороссийского (с 1870 г.) и Московского (с 1875 г.) университетов; историк церковного и византийского права (см.: Красножен М. Е. Знаменитый русский канонист А. С. Павлов. Юрьев, 1898; он же. Профессор А. С. Павлов: Его биография и учено-литературная деятельность. Юрьев, 1909. Памяти профессора Алексея Степановича Павлова. СПб., 1898) – 242

Павлов Иван Иванович (1828–1893) – благотворитель – 273, 275, 280

Павловский Иван Михайлович – Павловский Иван Данилович (1852-?) – сотрудник «Церковного вестника» и другтих журналов – 236

Павловский Леонид Андреевич (1837–1895) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); профессор Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1861–1863); священник церкви Человеколюбивого общества (с 1866 г.), протоиерей (с 1877 г.) и настоятель Владимирской церкви (1877–1888), настоятель почтамтской церкви в Петербурге (18881895) – 172

Палевая – Полевая, московская благотворительница – 262

Палладий (Раев Павел Иванович) (1827–1898) – выпускник (со степенью магистра) Казанской Духовной академии (1852); преподаватель (с 1852 г.) и инспектор (с 1861 г.) Нижегородской Духовной семинарии; архимандрит (с 1862 г.), инспектор (с 1863 г.), ректор и профессор (с 1864 г.) Санкт-Петербургской Духовной семинарии; епископ Ладожский (с

1866 г.), Вологодский (с 1869 г.), Тамбовский (с 1873 г.) и Рязанский (с 1876 г.); архиепископ Рязанский (с 1881 г.), Казанский (с 1887 г.), экзарх Грузии (с 1887 г.); митрополит

Петербургский и первенствующий член Святейшего Синода (с 1892 г.) (см.: Царевский А. А. Памяти в бозе почившего митрополита С.-Петербургского высокопреосвященного Палладия. Казань, 1899) – 86, 160, 177, 178, 194, 196, 209, 220, 238, 240

Парвов Алексей Иванович (Иоаннович) (1834–1897) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1857); протоиерей (с 1869 г.), настоятель церкви Святого архистратига Михаила в Инженерном (Михайловском) замке в Петербурге; протоиерей церкви училища Правоведения, законоучитель Мариинской женской гимназии (с 1865 г.); член (с 1871 г.) и председатель (с 1883 г.) Учебного комитета при Святейшем Синоде и настоятель синодальной церкви; профессор Санкт-Петербургской Духовной академии – 112, 117, 128, 151, 178

Парвова Анна Ивановна – Парвова Анна Петровна (? –1905) – жена А. И. Парвова – 128

Парийский Николай Михайлович (1819–1886) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1843); священник (с 1843 г.), протоиерей и настоятель (с 1867 г.) петербургской церкви Рождества Христова на Песках – 152, 156

Пассек – вероятно, речь идет о жене чиновника Министерства иностранных дел Н. П. Пассека – 274, 286

Пассен – см. Пассек

Паша, болгарская девочка, воспитанница московского Страстного монастыря – 246

Пашков, священнослужитель – 164, 184, 280

Певцов Василий Герасимович (1836–1908) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1861); священник церкви Марии Магдалины при Мариинском институте (с 1862 г.) и законоучитель в нем, священник церкви Святых Константина и Елены и законоучитель в Первой военной гимназии (с 1865 г.); в 1871 г. организовал народные чтения в Соляном городке в Петербурге; протоиерей (с 1880 г.), позже – настоятель церкви Училища правоведения (с 1883 г.) и заслуженный профессор церковного права этого училища (с 1893 г.) – 129, 172, 178, 195

Пеликан Александр Александрович (1845? – ?) – юрист; чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел (с 1873 г.); вице-консул (с 1875 г.) и консул (с 1881 г.) в Йокохаме; позже – цензор

Санкт-Петербургского Комитета Духовной цензуры (1887–1900); автор книг: «Прогрессирующая Япония» (СПб., 1895), «Очерки современной Японии» (СПб., 1904) и воспоминаний «Во второй половине XIX века» (Голос минувшего. 1914. № 2–3) – 134, 173, 326

Пеликан Екатерина Дмитриевна – жена А. А. Пеликана; дочь Д. П. Победоносцева – 128, 134, 244, 273, 295, 305, 306

Пеликан Софья Гавриловна – см. Чеботарева С. Г.

Пелусиот Преподобный – см. Исидор Пелусиот

Перекусихина Мария Саввишна (1739–1824) – любимая камер-юнгфера императрицы Екатерины II – 158

Перелешин Владимир Петрович – полицмейстер Одессы; капитан-лейтенант – 314

Перовский Борис Алексеевич (1815–1881) – граф; генерал, начальник штаба Корпуса путей сообщения; член Государственного совета – 109

Перфильев Василий Степанович (1826–1890) – гражданский губернатор Москвы (1878–1887); камергер – 276

Перфильева Прасковья Федоровна (урожд. Толстая) (? –1887) – жена В. С. Перфильева – 264

Песлян – Песляк Наталья Александровна (урожд. Березина) (1823–1902) – 124

Петр – апостол, первым провозгласивший Иисуса Мессией – 136, 137, 171, 221 Петр (? –1326) – святой; митрополит Киевский, Московский и всея Руси (с 1308 г.); основатель Успенского собора, в котором покоятся его мощи – 259

Петр, отец – 170

Петр, сын Г. Г. Сретенского – Сретенский Петр Гавриилович – выпускник Московской Духовной семинарии (1870) и Московского университета (1874) – 265

Петр I Великий (1672–1725) – первый российский император (с 1721 г.) – 142, 167, 172, 318, 320

Петр Афанасьевич – см. Прозоров П. А.

Петр Николаевич (1864–1931) – великий князь; генерал-инспектор по инженерной части, член Совета Главного управления коннозаводства; сын великого князя Николая Николаевича (старшего) – 118

Петров Григорий Михайлович (1794–1881) – потомственный почетный гражданин и кавалер – 83

Петров Григорий Никифорович, старец – 86

Петров-Батурин – см. Петров-Батурич

Петров-Батурич Семен Васильевич (1833–1899) – редактор

Азиатского отдела газеты «Голос», прозаик – 213, 232
Петя – см. Мещерский П. Н.
Петя, сын И. И. Демкина – 311
Петя, сын И. И. Демиса – 138
Петя, сын А. И. Парвова – 128
Пешехонов – см. Пошехонов
Пещуров Алексей Алексеевич (1834–1891) – управляющий Морским министерством (в 1880-х гг.), вице-адмирал; член Государственного совета – 193
Пимен, архимандрит – Пимен (Месняков Петр Дмитриевич) (1810–1880) – архимандрит Угрешского подворье в Москве; автор неопубликованных «Воспоминаний» (см.: Пимен (Благово). Архимандрит Пимен, настоятель Николо-Угрешского монастыря: Биографический очерк. М., 1881) – 246, 253
Пимен, келейник архимандрита Геласия – 155
Писемский Алексей Феофилактович (1820–1881) – писатель – 294
Платон Костромской – Платон (Фивейский Павел Симонович) (1809–1877) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1834);
архимандрит (с 1841 г.), ректор Казанской (с 1842 г.), Орловской (с 1843 г.), Тамбовской (с 1847 г.) и Владимирской (с 1852 г.) Духовных семинарий; епископ Старорусский и викарий Новгородской митрополии (с 1856 г.), епископ Ревельский (с 1856 г.) и Костромской (с 1857 г.), архиепископ Костромской и Галицкий (с 1868 г.); духовный писатель – 289
Платон Московский – Платон (Левшин Петр Георгиевич) (1737–1812) – митрополит Московский; законоучитель великого князя Павла Петровича; проповедник и первый историк русской церкви – 136, 284–285
Платон Одесский – Платон Городецкий (Шалюхин Николай Иванович) (1803– 1891) – магистр Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1827 г.) и ее инспектор (с 1836 г.), архимандрит (с 1831 г.); ректор Костромской Духовной семинарии и настоятель костромского Богоявленского монастыря (с 1837 г.); епископ Ковенский (с 1843 г.) и Рижский (с 1848 г.); архиепископ Донской (с 1867 г.), Херсонский и Одесский (с 1877 г.); митрополит Киевский и Галичский (с 1882 г.); член Святейшего Синода (с 1882 г.) (см.: Шевелев Ф. Из воспоминаний о высокопреосвященнейшем Платоне, митрополите Киевском и Галичском // Тверские епархиальные ведомости. 1892. № 5. Часть неофициальная. С. 94–105; № 6. Часть неофициальная. С. 131–138; № 7. Часть

неофициальная. С. 160–166) – 314

Платон, старец из петербургского Сергиевского собора – 143

Платонов Константин Илларионович – Платонов Константин Платонович (1807–1889) – казначей и экзекутор Хозяйственного управления Святейшего Синода-87, 110, 240

Плевако Федор Никофорович (1843–1908) – знаменитый адвокат; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 248, 262, 268

Плетнева – возможно, Александра Васильевна (? –1901) – вдова академика П. А. Плетнева – 102

Плотников Владимир Владимирович (отец Борис) (1855–1901) – выпускник Казанской Духовной академии (1884), магистр (1885); архимандрит (с 1888 г.), ректор Киевской Духовной семинарии (1888–1892), ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (1893–1899), епископ Ямбургский (с 1899 г.), настоятель посольской церкви в Константинополе – 297, 300, 312

Победоносцев Дмитрий Петрович – вероятно, брат К. П. Победоносцева, знакомый отца Николая в Рязани, отец Е. Д. Пеликан – 273, 305, 306

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – юрист, государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода (1880–1905) – 99, 119, 121, 125, 128, 133, 134, 135, 141, 143–145, 150, 160, 162, 163, 188, 204, 212, 213, 214, 221–223, 228, 231, 311, 313

Победоносцев Николай Дмитриевич – товарищ прокурора Рыбинского судебного округа; сын Д. П. Победоносцева – 305

Повалишин Александр Дмитриевич (1844–1899) – виднейший деятель земской и общественной жизни в Рязани; адвокат, гласный рязанского губернского земского собрания (с 1874 г.); член Рязанской ученой архивной комиссии (в 1880-х гг.); автор ряда исторических исследований (см. о нем: Вестник Европы. 1899. №9. С. 417) – 306

Покровский Виктор – см. Виктор, отец

Поликарп (ок. 80–169) – святой, священномученик; ученик апостола Иоанна, епископ Смирнский – 315

Поликарпов Александр Иванович, архитектор – 83

Полисадов Иоанн Никитич (1823–1886) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1849); законоучитель в Школе заготовления государственных бумаг, священник церкви при гимназии Человеколюбивого общества (с 1858 г.), протоиерей – 117, 194

Полихроний, киевский иеродиакон – 165, 166

Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт – 155, 156, 294

Поляков – 198
Поляков, владелец магазина в Петербурге – 119
Поляков, киевский знакомый отца Николая – 290
Попов, староста Успенского собора – возможно, Попов Константин Абрамович – коммерции советник; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 276
Попов, ученик Академии художеств – 162
Попов Андрей Николаевич (1841–1881) – исследователь древнерусской письменности, историк церкви; секретарь Общества истории и древностей российских при Московском университете; в 1879–1880 гг. вышел его труд «Материалы по истории унии в Юго-Западной Руси» – 173
Попов Евгений, протоиерей Пермский – Попов Евгений Алексеевич (1824–1888) – выпускник Пермской Духовной семинарии (1844); священник Спасо-Преображенской церкви в городе Кунгуре (1844–1853); священник и протоиерей ряда церквей в Перми; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) и почетный член Санкт-Петербургской Духовной Академии (с 1876 г.); директор и председатель многих пермских благотворительных комитетов и комиссий; председатель просветительского общества Святого Стефана Пермского (с 1882 г.); писатель-богослов (см.: Протоиерей Евгений Алексеевич Попов, почетный член Санкт-Петербургской Духовной академии. Пермь, 1888) – 86, 169
Попов Евгений Иванович (1813–1875) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1835); священник посольской церкви в Копенгагене (с 1837 г.) и священник (с 1842 г.), а затем протоиерей посольской церкви в Лондоне; ревностный миссионер, ратовавший за воссоединение англиканской и православной церквей; автор множества трудов в защиту православия, в том числе, книги «Начатки движения в англиканской церкви к соединению с восточною» (М., 1865) и переводов работ Овербека о воссоединении церквей – 131
Попов Павел Степанович (1842–1913) – генеральный российский консул в Пекине (в 1900 г.); синолог, составитель китайско-русского словаря – 249
Поповицкий Александр Иванович (1826–1904) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1849); псаломщик при посольской церкви в Париже (1849–1853); профессор французского языка в различных учебных заведениях;
сотрудник и редактор «Церковно-общественного вестника» (с 1874 г.) и «Русского паломника» (с 1885 г.); его многочисленные статьи во

французских журналах знакомили иностранцев с русской духовной литературой, а в русских – с иностранной – 236

Пороховщиков – возможно, речь идет о Пороховщикове Александре Александровиче (1834–1917) – отставном гвардейском офицере, редакторе газеты «Русская жизнь» – 258

Порфирий (Успенский Константин Александрович) (1804–1885) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1829), магистр (1831); архимандрит и настоятель одесского Успенского монастыря (с 1834 г.); ректор Херсонской семинарии (с 1838 г.); настоятель церкви при посольстве в Вене (1840–1842), инициатор, организатор и начальник Иерусалимской Духовной миссии (1847–1854); епископ Чигиринский (с 1865 г.), викарий Киевский и настоятель КиевоМихайловского Златоверхого монастыря; член московской Конторы Святейшего Синода (с 1877 г.), имеющий пребывание в Ново-Спасском монастыре; археолог, собиратель рукописных книг (см.: Порфирий. Книга бытия моего; Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. СПб., 1894–1902. Т. 1–8; Лебедев А. П. Преосвященный Порфирий Успенский. Сергиев Посад, 1904 и др.) – 258, 287

Порфирьев Иван Яковлевич (1823–1890) – выпускник (со степенью магистра) Казанской Духовной академии (1848), ординарный профессор (с 1864 г.) этой академии и помощник ректора, доктор богословия (с 1873 г.); член Казанского Комитета Духовной цензуры – 301

Посьет Константин Николаевич (1819–1899) – адмирал; в 1872 г. на фрегате «Светлана» под командованием К. Н. Посьета ряд японских портов посетил великий князь Алексей Александрович, встречавшийся с императором Мэйдзи и высшими представителями японского правительства; министр путей сообщения (1874–1888); путешественник- 88, 93, 128, 170, 193, 194

Посьет Розалия Ипполитовна (урожд. Ланг) – жена К. Н. Посьета – 134, 193

Посьеты – К. Н. и Р. И. Посьеты – 194

Потемкина С. Бор. – 131

Пошехонов Василий Макарович – иконописец, художник; оформитель интерьера православного собора в Токио и автор золоченого трехъярусного иконостаса для него – 171, 214, 216, 279

Предтеченский Андрей Иванович (1831–1893) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1855), экстраординарный профессор (с 1864 г.) древней и общей гражданской истории этой же академии; редактор журналов «Христианское чтение»

(1874–1881) и «Церковный вестник» (1875–1880); автор публицистических работ в защиту христианства (см.: Лопухин А. Памяти профессора А. И. Предтеченского // Церковный вестник. 1893. № 19, 21) – 137, 233

Преображенский (Косма) – Преображенский Василий Ефимович – преподаватель священной истории в Боровичском Духовном училище Новгородской губернии, священник Опечиненского посада Боровичского уезда – 129, 131

Преображенский Петр Алексеевич (1828–1893) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1851); профессор Санкт-Петербургской и Московской Духовных семинарий (1855–1864), заслуженный профессор Санкт-Петербургской и Московской Духовных академий; протоиерей (с 1880 г.), член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); соредактор (с 1860 г.) и редактор (1875–1891) журнала «Православное обозрение» – 272

Приклонский Иван Иванович (Иоанн Иоаннович) (1823–1898) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1847); профессор русской словесности и латинского языка в Московской Духовной семинарии (с 1850 г.); священник различных церквей в Москве, в том числе, церкви Святого Николая (1854–1880), протоиерей, настоятель церкви Святого Трифона (1881–1897); законоучитель Первой московской гимназии (1871–1898); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 279

Прозоров Петр Афанасьевич – преподаватель математики и физики в Симбирской Духовной семинарии, священник собора в Сызрани; свойственник брата отца Николая – 304

Протасов Николай Александрович (1798–1855) – обер-прокурор Святейшего Синода, главный управляющий духовных училищ; член Государственного совета – 289

Протасов-Бахметьев Николай Алексеевич (1833–1907) – граф; главноуправляющий Канцелярий по Учреждениям ведомства императрицы Марии (18901906) – 186

Протасова-Бахметьева (? –1880) – графиня, гофмейстерина императрицы Марии Александровны; жена Н. А. Протасова-Бахметьева – 186

Протопопов Николай Константинович (1832–1900) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1853); протоиерей, законоучитель московского Николаевского сиротского института; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 273

Прусский Павел – см. Павел Прусский

Путятин Евгений Евфимович (1852-?) – граф, сын Е. В. Путятина; позже – полковник, участник турецкой компании, с 1878 г. в отставке – 138–140, 142, 143, 153, 161, 167, 170–174, 178, 183, 190, 193, 203, 207, 214, 225, 227, 239, 240, 313

Путятин Евфимий Васильевич (1804–1883) – граф; адмирал (с 1858 г.), генерал-адъютант, дипломат, член Государственного совета, Министр народного просвещения (в 1861 г.); в 1851 г. посетил с экспедицией Японию, в 1855 г. в Симоде заключил торговый договор с Японией, а в 1858 г. подписал с Китаем Тяньцзиньский трактат, открывший русским миссионерам свободный доступ во внутренние провинции страны; кроме того, им были заключены два трактата с Японией в Едо и Нагасаки по которым выговорены были значительные права для русской дипломатии и торговли – 82, 84, 88–90, 93, 99, 104–107, 109, 110, 115, 118, 138–140, 143, 157, 161, 162, 167, 170–175, 178, 182, 183, 190, 193, 196, 200, 203, 214, 218, 224–227, 231, 235, 239, 240, 280, 281

Путятина Елизавета Евфимовна, графиня, дочь Е. В. Путятина – 161, 214

* Путятина Ольга Евфимовна – графиня, статс-дама императрицы Марии Александровны; дочь Е. В. Путятина; по свидетельству архиепископа Сергия

(Тихомирова), приезжала в Японию как миссионерка, на ее средства были возведены главные здания миссии – 89, 90, 93, 104, 107, 110, 116, 119, 121, 128, 132, 133, 140, 143, 151, 157, 161, 167, 172, 173, 175, 178, 182–184, 196, 200, 203, 207–209, 213–215, 218–220, 224–227, 231, 233, 234, 239–241, 246, 273, 280–281, 286, 313, 319

Путятины – 103, 120, 122, 128, 132–134, 151, 153, 157, 175, 207, 209, 214, 219, 233, 234, 237, 281

Пуфендорф Самуэль (1632–1694) – немецкий юрист; представитель естественно-правового учения в Германии – 167

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт – 277, 291–295, 298

Пясецкий Павел Яковлевич (1843–1919) – доктор медицины, художник-путешественник; автор книги «Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг.» (СПб,. 1880. Т. 1–2) – 159

Пятницкий, протодиакон Исаакиевского собора – вероятно, Пятницкий Василий Петрович – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1876), секретарь Канцелярии Святейшего Синода (с 1879 г.) – 72

Радецкий Федор Федорович (1820–1890) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Военного совета и почетный член Николаевской

Академии Генерального штаба; герой Кавказа, Дуная и Шипки – 118

Раевская – возможно, Раевская Клеопатра Дмитриевна – дочь гвардейского поручика; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 262

Раздобров Тимофей, отец – в 1868 г. вместе с Павлом Прусским отошел от старообрядчества, присоединился к православию и был рукоположен в сан священника единоверческой церкви – 202

Разумов Николай Васильевич – выпускник Казанской Духовной академии (1850); секретарь Казанской Духовной консистории (с 1859 г.), член Казанского Братства Святого Гурия; секретарь Калужской Духовной консистории (в 1880-х гг.); сотрудник «Миссионерского сборника» и «Известий Казанской епархии» – 299–301

Разумовский Петр Степанович (1815–1889) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1849); священник церкви петербургского Воспитательного дома (с 1856 г.), протоиерей (с 1857 г.), настоятель Смольного собора (с 1868 г.); наблюдатель за преподаванием закона Божия в Учреждениях ведомства императрицы Марии – 129

Раина (?), болгарская королева – 291

Раиса Ник. – Костерева Р. Н., жена П. М. Костерева, близкая знакомая отца Николая – 195

Ракочий (?), владелец магазина в Петербурге – 104

Рамчедер – индийский принц, племянник Нана Сахиба, живший в Петербурге-159, 183, 191, 209

Расторгуев, московский купец – 275

Расторгуев Владимир Егорович – начальник 2-го отделения Хозяйственного управления Святейшего Синода – 87, 110, 202, 206, 240

Рафаила – игуменья московского Ивановского монастыря (до 1884 г.) – 290, 291

Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) – ботаник, профессор Московского университета; известный деятель народного образования, сторонник идеи духовного воспитания; в 1867 г. основал Татевскую сельскую школу в Смоленской губернии; приятель и корреспондент о. Николая (см: Горбов Н. М. С. А. Рачинский. СПб., 1903; Танаевский С. Памяти Сергея Александровича Рачинского. Казань, 1903; Миловидов А. И. Памяти Сергея Александровича Рачинского. Пг., 1916 и др.) – 99, 128, 290, 308, 309

Редсток Гранвиль Огастас Уальдегрев (Baron Radstock) (1833–1913) – английский лорд; с 1874 г. проповедовал в аристократических кругах Петербурга учение евангельских христиан, главным положением которого

являлась проповедь веры в Христа как единственного догмата христианства, и необходимость совершения добрых дел – 109

Резанов Александр Иванович (1817–1887) – ректор Академии художеств по архитектуре – 103, 105

Резанов Дмитрий Александрович (1851–1884) – художник-архитектор – 142, 160–162, 173, 312

Резанов Михаил Александрович – см. Резанов Д. А.

Ремизова Глафира Ивановна – попечительница московской ремесленной школы А. Н. Стрекаловой – 264, 267

Репнина Варвара Николаевна (1808–1891) – княжна, фрейлина при Дворе императрицы Марии Александровны; принимала участие во многих благотворительных обществах, в том числе, член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); мемуаристка – 246, 253, 254, 256, 267, 269

Реутов Павел Иванович – художник, окончил Академию художеств в 1879 г. – 105, 106, 141

Рикорд Людмила Ивановна (урожд. Костовцева) (1794–1883) – вдова адмирала П. И. Рикорда; мемуаристка – 135, 137, 140, 143

Рогожин, иконописец – 279

Рождественский Василий Гаврилович (1840–1917) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1865), доцент (с 1869 г.) и профессор богословия этой академии (1874–1891); заслуженный профессор Петербургского университета по православному богословию (с 1874 г.) и настоятель университетской церкви (1874–1915); автор работ по священному писанию – 167, 177

Рождественский И. И. – см. Рождественский И. В.

Рождественский Илья Михайлович (? –1900) – выпускник (1865) и магистр (с 1872 г.) Санкт-Петербургской Духовной академии; преподаватель Псковской Духовной семинарии (с 1865 г.), смотритель псковских духовных училищ (с 1868 г.); член Общества любителей Духовного просвещения – 293

Рождественский Иоанн Васильевич (1813–1882) – протоиерей при Малой церкви Зимнего дворца, член Святейшего Синода; законоучитель их императорских высочеств – 87, 88, 92, 126, 146, 156, 172, 213, 239

Рождественский Иоанн Николаевич (1803–1894) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1826); профессор ряда духовных семинарий (1826–1834), священник и протоиерей (с 1849 г.) московских церквей, законоучитель Московского дворянского института (1834–1850); член Духовной консистории Московской епархии (с 1861 г.)

и Совета Православного миссионерского общества; председатель Общества любителей Духовного просвещения (с 1876 г.) – 98

Рождественский Павел Васильевич, протоиерей петербургского Николаевского института – 172

Розанов, магистрант – Розанов Николай Петрович (1857–1941) – выпускник Московской Духовной академии (1880) по богословскому отделению, магистр (1881); преподаватель святого писания и иврита в Московской Духовной семинарии (с 1883 г.); автор богословско-публицистических работ – 286

Розен Прасковья Григорьевна (в монашестве Митрофания) (1825–1898) – баронесса; настоятельница Владычина монастыря в Серпухове; основательница Общин сестер милосердия (см.: Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розен, в монашестве Митрофании // Русская старина. 1902. Т. 109. № 1; Т. 110. №5–6; Т. 111. №7–8; Т. 112. № 11–12) – 214

Розен Роман Романович (1847–1921) – барон; секретарь Японской православной Духовной миссии (в 1880-х гг.); позже – чрезвычайный посол и полномочный министр в Японии (1902–1904); член Государственного совета – 134, 147, 157, 204, 217, 235, 253

Розонов – см. Розанов Н. П.

Роман – см. Фукуи

Романов Тимофей – выпускник Академии художеств (1858), неклассный художник портретной живописи – 113–115, 224, 275

Романова, московская благотворительница – 271

Романовский Василий Иванович (1820–1895) – выпускник Московской Духовной академии (1844), магистр (1845); преподаватель Владимирской и Вифанской Духовных семинарий; священник (с 1847 г.) московской церкви Параскевы Пятницы, протоиерей – 249, 278

Романовы – боярский род в России; с 1613 г. царская, с 1721 г. императорская династия; первый царь из рода Романовых – Михаил Федорович, последний – император Николай II – 126

Ромодановский – см. Романовский В. И.

Росляков Павел Матвеевич (1820–1898) – сакелларий Воздвиженского монастыря в Москве; протоиерей Успенского собора – 258

Ростовцев Николай Яковлевич (1831–1897) – генерал-лейтенант – 118

Ротшильд – один из представителей знаменитого банкирского дома того же имени в Лондоне – 195

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) – пианист, композитор; основатель и директор Петербургской консерватории – 223, 293

Руженцев Василий Иванович (? –1891) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1853); преподаватель истории в Новгородской Духовной семинарии (1853–1891) – 309, 310

Рыжков Иван Николаевич – законоучитель в московском Единоверческом училище – 271, 273

Саблер Владимир Карлович (1845–1918) – камер-юнкер; состоял при II отделении Собственной Канцелярии его императорского величества и при особе великой княгини Екатерины Михайловны – 119, 150, 188, 235, 237, 241

Сабуров Андрей Александрович (1838–1916) – министр Народного просвещения в 1880–1881 гг. – 293

* Савабе Павел (1835–1913) – первый японец, тайно крещенный отцом Николаем в 1868 г. и нареченный Павлом; руководил православной общиной в провинции Сэндай (с 1872 г.) – 151, 175, 265, 327

Савва, игумен Сторожевский – Савва Звенгородский (? –1406) – ученик Сергия Радонежского, основатель и настоятель Сторожевского монастыря – 253, 287

Савва, иеромонах Александро-Невской лавры – 215

Савваитов Павел Иванович (1815–1895) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1837); преподаватель Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1842–1868); член Археографической комиссии (с 1858 г.), историк, филолог, член-корреспондент Академии наук (с 1873 г.), почетный член Санкт-Петербургской Духовной академии; автор статей о русских древностях, под его руководством начали издаваться «Великие Четьи-Минеи» и другие памятники (см. некрологи: Исторический вестник. 1895. № 9; Кондаков Н. П. И. Савваитов // Журнал Министерства Народного просвещения. 1895. № 9) – 136, 155

Савельев Александр Иванович (1826–1907) – генерал-лейтенант, военный инженер, преподаватель Николаевского инженерного училища; автор исследований по истории военно-инженерного дела в России – 136, 200, 212

Савинская Анна, дочь А. П. Савинской, двоюродная сестра отца Николая – 309

Савинская Анна Петровна, тетя отца Николая из Пустоподлесья – 309

Савойяр (Сайяр?), проповедник католичества в Петербурге в 1860-х гг. – 181

Савченко Петр Николаевич, доктор, приятель отца Николая по Японии – 173, 214

* Сакаи (? –1881) – хакодатский лекарь, второй японец, тайно крещенный отцом Николаем в 1868 г. и нареченный Иоанном – 264, 265

Самарин Дмитрий Федорович (1831–1901) – публицист, сотрудник газет «Московские ведомости», «День», «Москва»; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 251, 260

Самарин Николай Федорович (1829–1892) – чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода; уездный предводитель дворянства и мировой посредник в Богородске – 251

Самарин Федор Васильевич (1784–1853) – участник Отечественной войны 1812 г., шталмейстер Двора императрицы Марии Федоровны – 289

Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – публицист, славянофил, общественный деятель; автор либерального проекта освобождения крестьян – 278

Самарина Екатерина Николаевна – председательница арбатского отделения Московского попечительства о бедных и помощница попечительницы Николаевской школы при Московском благотворительном обществе – 265

Самарины – 251, 260

Самойлов Федор Никитич (1817–1895) – член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 279, 313

Самоцкеноками – 229

* Сартов – Сартов В. Л. (1838–1874) – псаломщик церкви при российском консульстве и организатор хора в Хакодате – 76, 202, 210

* Сато Павел, отец – священник токийского собора (в 1890-е гг.) – 192

Сахаров Алек., отец – вероятно, Сахаров Александр Степанович – выпускник Московской Духовной академии (1868); московский дьякон; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 286

Сахаров Иосиф, певчий хора Крестовой митрополичьей церкви Александро-Невской лавры – 110, 135

Саша – см. Мещерская А. Н.

Саша, воспитанница московской Классической женской гимназии, племянница Алексия (Лаврова-Платонова А. Ф.) – 295

Саша, дочь Марфы Григорьевны – 309

Саша, сын П. П. Заркевича – 123

Саша, сын И. А. Зеленого – 145

Саша, сын Е. Д. Пеликан – 306

Свербеев Дмитрий Дмитриевич (1845-?) – камергер; председатель Серпуховской земской управы; Тульский вице-губернатор (1885–1891), Курляндский губернатор (с 1892 г.); член Православного миссионерского

общества (с 1870 г.) – 248

Свербеев Михаил Дмитриевич (? –1903) – сын Е. А. Свербеевой и Д. Н. Свербеева – 103, 140, 141, 169, 214, 259

Свербеев Миша, сын самарского губернатора – 292

Свербеева Екатерина Александровна (урожд. Щербатова) (1809–1892) – жена Д. Н. Свербеева (общественного деятеля и автор «Записок»); хозяйка известного московского салона; попечительница Александрийской школы Московского благотворительного общества; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 133, 159, 243, 244, 248, 251, 259, 262, 275

Свербеева Екатерина Дмитриевна – попечительница Ольгинской школы и помощница попечительницы Александрийской школы при Московском благотворительном обществе, член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); дочь Е. А. и Д. Н. Свербеевых – 140, 142, 166, 169, 244, 267, 295

Свербеева Мария Вячеславовна – жена М. Д. Свербеева – 169

Свербеева Софья Дмитриевна (? – 1903) – помощница попечительницы Ольгинской школы при Московском благотворительном обществе; дочь Е. А. и Д. Н. Свербеевых – 295

Свербеевы – 140, 243

Сверчков Владимир Дмитриевич (1820–1888) – художник; составил себе известность в России и заграницей изготовлением художественных росписных стекол – 143

Севастьян – вероятно, Севастиан (? –1885) – иеромонах, помощник ризничего Александро-Невской лавры – 109, 116, 231

Седловин, ржевский помещик – 308

Селецкий Гавриил Яковлевич – протоиерей, член епархиального попечительства в Херсоне, благочинный одесских церквей – 314

Семен, кучер Александро-Невской лавры – 89

Семенов Николай Петрович (1823–1904) – сенатор; поэт и переводчик; действительный член Российского общества садоводства; автор брошюр по растениеводству и историко-публицистических работ, в частности, исследования «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II» (СПб., 1889–1893. Т. 1–3) – 158, 159, 166, 188, 191, 235, 237

Семенов Н. П. – купец; владелец площадного театра во время масленичных и пасхальных гуляний на Царицыном лугу (Марсовом поле) – 181

Серафима – выпускница московского Екатерининского института;

монахиня (с 1875 г.), настоятельница московского Рождественского монастыря (с 1878 г.), позже – Воскресенского монастыря (с 1887 г.) – 280, 290, 291

Сергей, ржевский ямщик – 308

Сергей, Сергий, Сережа – см. Касаткин Сергей

Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь; московский генерал-губернатор и командующий Московским военным округом (1891–1905); сын императора Александра II – 149, 154

Сергиевский Николай Александрович (1827–1892) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1849); магистр (1856) и бакалавр (1856–1858) Московской Духовной академии; чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода (с 1858 г.), директор Канцелярии обер-прокурора (с 1867 г.); попечитель Виленского Учебного округа (с 1869 г.); профессор богословия Московского университета (1870–1880-е гг.); редактор журнала «Православное обозрение» (1860–1875); протопресвитер Успенского собора (с 1884 г.); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); тайный советник; автор проповедей и богословских трудов – 267

Сергий – архимандрит, член Санкт-Петербургского Комитета Духовной цензуры – 82

Сергий, иеромонах архиерейского дома Евсея Могилевского – 139

Сергий, московский иеромонах – 267

Сергий, отец – Сергий (Спасский Иоанн Александрович) (1830–1904) – выпускник Киевской Духовной академии (1853), магистр (1855); инспектор (с 1858 г.) Вифанской Духовной семинарии; архимандрит (с 1861 г.); инспектор Московской Духовной семинарии (1861–1863); настоятель московского Знаменского монастыря (1863–1880); ректор Вифанской Духовной семинарии (1866–1874); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); доктор богословия (с 1876 г.); настоятель Андроньевского монастыря (с октября 1880 г.), епископ Ковенский (с 1882 г.) и Могилевский (с 1885 г.), архиепископ Владимирский и Суздальский (с 1892 г.) (см. некрологи: Церковный вестник. 1904. № 48; Высокопреосвященный Сергий, архиепископ Владимирский и Суздальский. Владимир, 1904) – 286

Сергий Казанский – Сергий (Ляпидевский-Каркадиновский Николай Яковлевич) (1820–1898) – выпускник Московской Духовной академии (1844), магистр (с 1845 г.), инспектор (с 1848 г.) и ректор (с 1857 г.) этой академии; архимандрит (с 1850 г.), настоятель московских Высокопетровского (с 1858 г.) и Заиконоспасского (с 1859 г.) монастырей;

епископ Курский (с 1861 г.), архиепископ Казанский и Свияжский (с января 1880 г.), Кишеневский (с 1882 г.), Херсонский (с 1891 г.); член Святейшего Синода и митрополит Московский и Коломенский (с 1893 г.); духовный писатель (см.: Корсунский И. Н. Высокопреосвященный Сергий, митрополит Московский // Душеполезное чтение. 1898. № 4–9, 1899. № 2, 4; то же. 1898 [ч. 1]. Сергиев Посад, 1898) – 296–302

Сергий Святой – Сергий Радонежский (1314 или 1319 – 1392) – основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря – 102, 275, 286

Сергий, Сергий Дмитриевич – см. Шереметев С. Д.

Сердцев, священник – Сердцев Иосиф Трофимович (1812–1884) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1835); преподаватель Владимирской и Вифанской Духовных семинарий (1835–1869); священник Смоленской церкви московского Новодевичьего монастыря (с 1866 г.) и церкви Григория Богослова (с 1869 г.), позже – протоиерей церкви Святителя Алексия близ Твери; автор неопубликованного еврейско-русского словаря – 249, 251, 252

Сивохин Евгений Никифорович (? – 1889) – петербургский купец; благотворитель вышневолочковского Казанского монастыря – 87, 137, 188, 189, 192, 210, 218, 219

Сивохина Нионила Афанасьевна (? –1896) – жена Е. Н. Сивохина- 189, 192, 218, 219

Симеон, наместник – Симеон (Линьков Сергей Александрович) (1836–1899) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1862); профессор Вифанской Духовной семинарии (с 1862 г.), инспектор и профессор Московской Духовной семинарии (с 1867 г.); архимандрит (с 1869 г.); ректор Пензенской Духовной семинарии (1870–1875), кафедральный цензор и настоятель пензенского Преображенского монастыря (с 1870 г.); наместник Александро-Невской лавры (с 1875 г.); епископ Орловский (с 1883 г.) и Минский (с 1889 г.); член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 88, 92, 114, 126, 195, 223

Симеон, отец, начальник живописной мастерской Троице-Сергиевой лавры – 285

Синарева С. П, – 221

Скарятин Николай Яковлевич (1821–1894) – губернатор Казани; тайный советник – 299, 301

Скачков Константин Андреевич (Андрианович) (1821–1883) – синолог, собиратель документов по истории Китая; автор книг и брошюр о Китае, в частности, «Очерки Китая» (М., 1875) – 123, 158, 162

Скворцов, протодиакон – вероятно, Скворцов Стефан Григорьевич –

протодиакон Успенского собора в Коломенском – 274

Скворцов, флаг-офицер адмирала Штакельберга – 82

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – генерал-адъютант; участник многих войн России, в том числе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., известен под именем «белого генерала» – 158

Скопин Михаил – Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586–1610) – князь, боярин; русский полководец, в 1610 г. во главе русско-шведской армии освободил Москву от поляков – 177

Скрыдлов Леонтий Илларионович, помещик села Гайдуново, знакомый отца Николая – 310

Скрыдлов Николай Илларионович (1844–1919) – адмирал, участник русскотурецкой войны 1877 г. – 310

Скрыддова Анна Викторовна, жена Л. И. Скрыдлова – 310

Сладовникова Ф. А. – см. Солодовникова Ф. А.

Слуцкий – 255

Смарагд, отец – Смарагд (Троицкий Стефан Михайлович) (1835–1886) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1865); инспектор Виленского Духовного училища (с 1865 г.) и его смотритель (с 1867 г.); помощник настоятеля (с 1868 г.) и настоятель посольской церкви в Константинополе (1871–1885); архимандрит (с 1871 г.), епископ Ковенский и викарий Литовской епархии (с 1885 г.) (см.: Несколько слов ковенца на память о почившем в Бозе, преосвященнейшем Смарагде, епископе Ковенском // Литовские епархиальные ведомости. 1886. № 48. Отдел неофициальный. С. 476–477; Воспоминание о преосвященнейшем Смарагде // там же. С. 474–476) – 314

Смирнов, священник княгини М. А. Мещерской – возможно, Смирнов Николай Константинович – протоиерей Большого собора Зимнего Дворца (с 1879 г.) – 290

Смирнов, товарищ отца Николая в г. Белом – возможно, Смирнов Андрей – однокурсник отца Николая по Смоленской Духовной семинарии – 290

Смирнов Александр Васильевич – Смирнов Александр Алексеевич – выпускник Вифанской Духовной семинарии (1876) и Московской Духовной академии (1880); священник Богоявленской церкви в Дорогомилове, позже – протоиерей и законоучитель Первого московского кадетского корпуса (с 1893 г.) – 258

Смирнов Дионисий Дмитриевич (? –1905) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1881); псаломщик петербургской Введенской церкви; позже окончил петербургское Пехотное юнкерское

училище, поручик 94-го пехотного Омского полка (в 1890-х гг.); брат Д. Д. Смирнова – 228, 231, 232, 238, 313

Смирнов Дмитрий Дмитриевич (1855-?) – студент Санкт-Петербургской Духовной Академии; в 1880 г. пострижен в монашество, возведен в сан иеромонаха и отправлен миссионером в Японию; автор книг: «Руководство к изучению японского языка» (СПб., 1890) и исторического очерка «Четки» (СПб., 1905) – 101, 102, 104, 109–111, 116, 142, 151, 158, 160, 165, 167, 169, 173, 175, 176, 182, 184, 187, 192, 196, 197, 202, 204, 213, 214, 216, 219, 221, 222, 224, 232

Смирнов Михаил Иванович (1838–1892) – секретарь при В. Б. Бажанове – 86, 87

Смирнов Н. И. – см. Смирнов М. И.

Смирнов Сергей Константинович (1818–1889) – выпускник Московской Духовной академии (1844), магистр (1852), профессор Миссионерского отделения этой академии (с 1857 г.), доктор богословия (с 1873 г.) и ректор (с 1878 г.) этой академии, протоиерей; историк церкви, председатель Комитета по изданию «Творений Святых отцов» (см.: Протоиерей Сергей Константинович Смирнов // Церковный вестник. 1889. № 8; Корсунский И. И. Протоиерей Сергей Константинович Смирнов, бывший ректор Московской Духовной академии. М., 1889) – 260, 284

Смоленский Степан Васильевич (1848–1909) – знаток православного церковного пения; казанский хоровой дирижер, регент хора в казанской Благовещенской церкви и преподаватель церковного пения в Казанской инородческой учительской семинарии – 297

Созонович Августа Павловна – воспитанница декабриста М. И. Муравьева-Апостола; автор воспоминаний о декабристах – 292

Соин Ал. Ив., капитан парохода «Одесса» – 314

Соколов, протоиерей – Соколов Александр Николаевич (1817–1903) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1841); преподаватель (до 1845 г.) в духовных учреждениях Тверской епархии; священник и законоучитель петербургского Константиновского училища (с 1845 г.), протоиерей (с 1859 г.), настоятель петербургской Владимирской церкви (1864–1891); член Комитета Александро-Невского дома призрения бедных (1868–1884) – 132, 153, 157

Соколов Василий Александрович (1851–1918) – выпускник Московской Духовной академии (1874), магистр (1881) и профессор этой академии, доктор богословия (с 1897 г.) – 285

Соколов Владимир Александрович – морской офицер; в 1870 г. на военном корабле «Соболь» в составе Тихоокеанской эскадры посетил

Хакодате и Йокохаму (см.: Соколов Владимир. У берегов Японии (Из записок, веденных на лодке «Соболь») // Сборник морских статей и рассказов. 1878. № 9. С. 417–429) – 124, 127, 203, 204

Соколов Дмитрий Павлович (1832–1915) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1855); учитель Александро-Невского Духовного училища (1855–1857), священник и законоучитель Мариинского института (1857–1862); настоятель дворцовой церкви великой княгини Марии Николаевны и законоучитель ее детей (1862–1902); протоиерей, член Учебного комитета при Святейшем Синоде (1875–1894); духовный писатель, автор учебных книг по закону Божьему, многократно переизданных – 235, 241

Соколов И. А., мастер по иконостасу – 250

Соколов Сергей, гимназист – 90, 106, 143, 177, 180, 181

Сокольский, механик – 140

Солнцев Федор Григорьевич (1801–1892) – академик исторической и портретной живописи, археолог – 91

Соловьев Александр Константинович (1846–1879) – революционер-народник, 2-го апреля 1879 г. совершил неудачное покушение на Александра II, повешен – 111

Соловьев Алексей Петрович (1846–1905) – протоиерей, настоятель Николаевской единоверческой церкви в Петербурге – 170

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ, поэт, публицист – 241, 242, 254

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – историк, академик – 241, 243, 254, 276

Соловьева Поликсена (Поликсения) Владимировна (? –1909) – жена С. М. Соловьева – 254

Солодова Ф. А. – см. Солодовникова Ф. А.

Солодовникова Феодосия Александровна, москвичка, желающая стать миссионеркой Японской православной Духовной миссии – 245, 251, 252, 286

Солярский Павел Федорович (1803–1890) – выпускник (со степенью магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1829); преподаватель ряда духовных семинарий (1829–1835) и Александро-Невского Духовного училища (с 1835 г.); священник (с 1835 г.) и протоиерей (с 1852 г.) церкви Санкт-Петербургского университета (до 1880 г.), законоучитель в петербургских гимназиях (18411869); член Совета Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1862 г.); профессор богословия, логики и психологии в петербургском Главном педагогическом институте (с 1850

г.); автор пятитомного «Опыта библейского словаря собственных имен» (1879–1887) (см. некрологи: Церковный вестник. 1890. № 19; Церковные ведомости. 1890. № 21) – 167

Соня, дочь П. П. Заркевича – 123

Сорокин Евграф Семенович (1821–1892) – художник; преподаватель Московского училища живописи, ваяния и зодчества (с 1859 г.), академик (с 1861 г.); в 1878 г. удостоен звания профессора живописи за историческую работу для Храма Христа Спасителя – 279

Сорокин Павел Семенович (1839–1886) – академик исторической живописи; преподаватель Московского училища живописи, ваяния и зодчества (с 1870 г.); в 1883 г. удостоен звания академика за работы для Храма Христа Спасителя – 264, 271, 275, 279, 280

Софья Ильинична – см. Ермакова С. И.

Софья Яковлевна – см. Гильтебрандт С. Я.

Спасский Измаил Федорович (1833–1898) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1859); преподаватель физико-математических наук в Тверской Духовной семинарии (1859–1860) и в Александро-Невском Духовном училище (1861–1864); священник (с 1864 г.) и протоиерей (с 1887 г.) Больше-Охтенской церкви в Петербурге – 152

Спиридонов, благотворитель – 251

Сретенский Гавриил Григорьевич (? –1890) – выпускник Вифанской Духовной семинарии (1848); протоиерей московской Мало-Вознесенской церкви на Никитской; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.), московский сотрудник Японской православной Духовной миссии – 94, 95, 98, 170, 227, 231, 242, 243, 245, 247–249, 251, 255, 258, 260, 262, 265, 269, 280, 289, 291, 319

Ставиская Анна Александровна (? –1891) – попечительница петербургского института – 90

Сталь Анна Луиза Жермена де (1766–1817) – французская писательница, публицист – 317

Старожилко – см. Стороженко Н. И.

Стахеев, благотворитель из Елабуги – 132

Степан, новый петербургский слуга отца Николая после Андрея – 150, 170, 181, 186, 192, 202, 204, 210, 215, 218–219, 226, 241

Стефан Пермский (ок. 1340–1396) – святой; епископ Пермского края (с 1383 г.), миссионер, распространитель христианства среди зырян – 270

Стороженко Николай Ильич (1836–1906) – профессор Московского университета по истории западноевропейских литератур; председатель Общества любителей российской словесности (1894–1901) – 293

Страхов Николай Николаевич (1828–1896)- библиотекарь Императорской Публичной библиотеки; чиновник Комитета иностранной цензуры; публицист и критик – 159, 191

Стрекалова Александра Николаевна (1821–1904) – основательница Московского приюта малолетних осужденных (1864); председательница Московского общества для поощрения трудолюбия, Общества распространения полезных книг и нескольких отделений Попечительства о бедных (см.: Яковлев С. П. Александра Николаевна Стрекалова: (Биографический очерк). М., 1904) – 260,264

Струве Карл Васильевич – в 1850-х гг. состоял при дипломатической миссии в Хиве и Бухаре; чрезвычайный посланник и полномочный министр при императоре Японии, глава миссии в Едо – 157, 173, 196, 217, 221, 246, 326

Струве Карл Николаевич – см. Струве К. В.

Струве Марья Николаевна (урожд. Анненкова) – жена К. В. Струве – 227, 247, 282, 290, 294

Струков Дмитрий Михайлович (1828–1899) – художник, археолог, реставратор; в 1849 г. открыл рисовальную школу при Троице-Сергиевой лавре, преобразовавшуюся позже в живописную школу – 270, 272

Суздальцев Иван Иванович (? –1890) – добровольный сотрудник Японской миссии в Петербурге; в его конторе на Васильевском острове находился склад пожертвований (см.: Миссионер. 1879. № 9. С. 72) – 85, 103, 151

Суздальцевы – 100

Сухомлинов Михаил Иванович (1828–1901) – историк литературы, академик – 185, 294

Сухотин Михаил Михайлович (1825–1881) – кандидат прав Московского университета; сотрудник «Православного вестника» и Общества распространения полезных книг (1863–1880); член Общества любителей Духовного просвещения и Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 246

Сухотин Сергей Михайлович (1818–1886) – вице-председатель московской Дворцовой Конторы; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 244, 253

Сушкин Василий Иванович (1812–1895) – потомственный почетный гражданин; депутат Тульского городского общества – 81, 84, 88, 188

Сыренский Александр Васильевич – выпускник Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1867); дьякон церкви Николаевский инженерной академии (с 1869 г.) и церкви Мариинской больницы (с 1871 г.);

священник (с 1875 г.) и протоиерей (с 1893 г.) церкви Святой Александры при Александрийской женской больницы в Петербурге – 189, 231, 235, 238

Такахаси Павел – 327

* Такая Яков, отец – 327

* Такеиси Иоанн – 327

Такеноуци – 229

Тамара, внучка Спиридонова – 251

Таня, дочь И. И. и В. Д. Мусиных-Пушкиных – 288

Творожников Иван Иванович (1848–1919) – художник; профессор Академии художеств (с 1898 г.) и академик (с 1906 г.) – 101, 102, 104, 161

Тейлор – Тайлор (Tylor) Эдуард Бернетт (1832–1917) – английский этнограф, исследователь первобытной культуры; разработал анимистическую теорию религии – 218

Тертий Иванович – см. Филиппов Т. И.

Тимофеев Василий Тимофеевич (1837–1896) – заведующий и законоучитель казанской Крещено-татарской школы (с 1864 г.); практикант (с 1863 г.) татарского языка при Миссионерском отделении Казанской Духовной академии; священник (с 1869 г.); член Совета Казанского Братства Святого Гурия; переводчик служебных и духовных книг на татарский язык; один из активных духовных просветителей и обратителей в православие казанских татар; друг и сподвижник Н. И. Ильминского (см. Знаменский П. В. О. Василий Тимофеевич Тимофеев (Некролог) // Православный собеседник. 1896. № 1; вариант отд. кн.: Казань, 1896) – 299

Тимофей Федосеевич, мещанин, благотворитель – 123

Титов Владимир Павлович (1807–1891) – член Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета; воспитатель сыновей Александра II; дипломат и литератор – 103, 106, 230

Тихай Яков Дмитриевич (1840–1887) – выпускник Московской консерватории; регент хора в Хакодате и учитель пения в Японской православной Духовной миссии, где он прослужил тридцать лет; брат отца Анатолия (Тихая Александра Дмитриевича), который и позвал его в Японию – 98, 175, 181, 191, 202, 205, 208, 275, 279, 327

Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) – профессор и ректор Московского университета – 293

Тихон, преподобный – Тихон (Покровский Александр Павлович) (1821–1885) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1847); преподаватель (1847–1855) и смотритель (с 1869 г.) Александро-Невского Духовного училища; протоиерей (с 1865 г.), архимандрит (с 1869

г.); второй викарий (с 1869 г.) и первый викарий (с 1871 г.) Санкт-Петербургской епархии; епископ Выборгский (с 1869 г.), Ладожский (с 1871 г.), Саратовский (с 1873 г.) и Царицынский (с 1881 г.), архиепископ Волынский (с 1882 г.) – 134

Тихон Святитель – Тихон Задонский (Соколовский Тимофей Савельевич) (1724–1783) – святой; епископ Воронежской епархии (с 1763 г.), занимался благотворительной деятельностью; автор духовных сочинений и поучений; в 1861 г. состоялось открытие его мощей – 91, 205, 207, 238

Тихшенев Сергей Гаврилович, московский книгоноша – 249

Толстая Александра Андреевна (1818–1904) – графиня, камер-фрейлина императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны – 109, 145

Толстая Анна Егоровна (урожд. Грузинская) (? –1889) – графиня – 253, 256

Толстая Мария Владимировна, казанская благотворительница – 301

Толстой Александр Петрович (1801–1873) – граф; обер-прокурор Святейшего Синода – 244, 253

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, сенатор; обер-прокурор Святейшего Синода (1865 г. – апрель 1880 г.), министр Народного просвещения (1866–1880), член Государственного совета (с апреля 1880 г.), президент Санкт-Петербургской Академии наук (с 1882 г.), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889) – 87, 123, 162, 241

Толстой Михаил Владимирович (1812–1896) – граф; автор работ по истории церкви и древнерусского искусства; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 266

Толстой Федор Петрович (1783–1873) – граф; скульптор, медальер – 196

Трапезников – речь идет об одном из известных иркутских купцов, богачей: Сергее Константиновиче или Константине Константиновиче – 287, 288

Третьяков Сергей Михайлович (1834–1892) – купец, московский купеческий голова (1877–1881); коллекционер картин – 246, 248, 291, 293

Трофимовский Дмитрий Семенович, московский врач гомеопат – 267

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель – 293, 294

Тюляев Анисим Пименович – почетный гражданин; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 98, 243, 288

Тюляев Иван Анисимович – почетный гражданин; член

Православного миссионерского общества (с 1870 г.); сын А. П. Тюляева – 288

Тюлеев Онисим – см. Тюляеев А. П.

Тютчева Екатерина Федоровна (1835–1882) – фрейлина при Дворе императрицы Марии Александровны; дочь поэта Ф. И. Тютчева – 256, 257, 275

Унковский Иван Семенович (1822–1886) – адмирал, сенатор; председательствующий в Московском опекунском совете (см.: Истомин В. К. Адмирал Иван Семенович Унковский: Воспоминания. М., 1910) – 256

Устинский, студент – Устьинский Александр Петрович – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1882); позже – учитель Петрозаводского Духовного училища, протоиерей при Новгородском десятинском женском монастыре (в 1900-х гг.) – 104

Ушаковы, монастырские матушки, знакомые отца Николая – 187, 211

Фамицин – Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918) – профессор Петербургского университета; ботаник, физиолог, академик – 168

Федор, отец – см. Быстров Ф. Н.

Федор Иванович – см. Иордан Ф. И.

Федор Николаевич – см. Быстров Ф. Н.

Феодор Алексеевич (1661–1682) – русский царь (с 1676 г.) – 287, 306

Феодор Тирон (новобранец) (? –306) – святой великомученик; проповедник Христа среди воинов, сжег храм Кибелы, за что принял муки и был сожжен – 176, 206, 207

Феодорит, архимандрит Афонский – 136, 167, 208, 218, 219, 224

Феодосия Александровна – см. Солодовникова Ф. А.

Феотоки – см. Никифор

Феофан, преосвященный – Феофан (Говоров Георгий Васильевич, Затворник) (1815–1894) – выпускник (со степенью магистра) Киевской Духовной академии (1841); инспектор и ректор ряда духовных семинарий, бакалавр Санкт-Петербургской Духовной академии; настоятель посольской церкви в Константинополе; ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1857 г.); епископ Тамбовский и Шацкий (с 1859 г.), Владимирский и Суздальский (с 1863 г.); затворник Троице-Сергиевой лавры (с 1866 г.); духовный писатель, автор писем, предназначавшихся для публикации, например: Феофан. Письма о христианской жизни. СПб., 1860–1862. Вып. 1–4; Феофан. Письма к одному лицу в С.-Петербург по поводу появления там нового учителя веры. СПб., 1881 (см.: Корсунский И. И. Преосвященнейший епископ Феофан, бывший Владимирский и Суздальский. М., 1895; Смирнов П. А. Жизнь и учение преосвященного

Феофана, Вышинского Затворника. Шацк, 1905 и др.) – 280

Феофания – матушка петербургского Воскресенского первоклассного женского монастыря – 83, 187, 220, 221

Ферапонтов Андрей Николаевич (1828-?) – книготорговец; член Совета Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 95, 98, 242, 267

Филарет Московский – Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (17831867) – выпускник Троице-Сергиевой семинарии (1803), преподаватель поэзии в этой семинарии (с 1806 г.); инспектор, профессор философии (с 1808 г.) и ректор (с 1812 г.) Санкт-Петербургской Духовной академии; архимандрит (с 1811 г.), доктор богословия (с 1814 г.); епископ Ревельский (с 1817 г.), архиепископ Тверской (с 1819 г.). Ярославский (с 1820 г.) и Московский (с 1821 г.); член Святейшего Синода (с 1819 г.) и активный член Библейского общества; митрополит

Московский и Коломенский (с 1826 г.); автор «Пространственного христианского катехизиса православныя … церкви» (СПб., 1829) (см. огромную литературу о нем, например: Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 3. С. 113) – 136, 167, 176, 182, 221, 234, 243, 247, 258, 260, 263, 278, 280, 284, 285, 298

Филарет Рижский – Филарет (Филаретов Михаил Прокопиевич) (1824–1882) – выпускник Киевской Духовной академии (1851), магистр и бакалавр (с 1852 г.) этой академии, архимандрит (с 1857 г.); инспектор и профессор Казанской Духовной академии (с 1858 г.), ректор Киевской Духовной семинарии (с 1859 г.), ректор Киевской Духовной академии и настоятель Киево-Братского монастыря (с 1860 г.); епископ Уманский и второй викарий Киевской епархии (с 1874 г.), епископ Рижский (с 1877 г.); редактор основанных им журналов: «Руководство для сельских пастырей» и «Воскресное чтение», а также «Трудов Киевской Духовной академии» (см.: Некролог преосвященного Филарета, епископа Рижского и Митавского. Рига, 1882; Мацеевич Л. С. Памяти преосвященного епископа Филарета Филаретова, бывшего ректора Киевской Духовной академии. Киев, 1912) – 215–217, 221, 228, 233, 234, 238, 291

Филинов Аркадий (Смоляк) – см. Аркадий, отец – Аркадий (Филонов Алексей) Филипп Святой – Филипп (Колычев Федор Степанович) (1507–1569) – митрополит Московский и всея Руси (с 1566 г.); борец с опричниной, был задушен Малютой Скуратовым в тверском Отроче монастыре; мощи его были перенесены в 1652 г. в Успенский собор – 259

Филиппеус А. Ф., судовладелец – 129

Филиппов Петр Филиппович (1824–1900) – известный московский

булочник – 251

Филиппов Тертий Иванович (1825–1899) – государственный контролер (1889–1899); автор работ по истории православной церкви – 103, 107, 109, 110, 121123, 160–162, 194, 234

Филипыч, келейник епископа Алексия – 283, 292

Филофей, митрополит – Филофей (Успенский Тимофей Григорьевич) (1808–1882) – выпускник (со степенью магистра) Московской Духовной академии (1832), бакалавр и библиотекарь этой академии (с 1833 г.); инспектор Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1838 г.); архимандрит (с 1839 г.), настоятель Куряжского Спасо-Преображенского монастыря Харьковской епархии (с 1842 г.), Златоустовского (с 1845 г.) и Высокопетровского (с 1847 г.) московских монастырей; ректор Харьковской, Вифанской и Московской Духовных семинарий (1842–1849); епископ Дмитровский и викарий Московский (с 1849 г.), епископ Костромской (с 1853 г.) и Тверской (с 1857 г.), архиепископ Тверской (с 1861 г.); митрополит Киевский и Галицкий (с 1876 г.), священно-архимандрит Успенской Киево-Печерской лавры; член Святейшего Синода (см.: Ковалевский А. Ф. Воспоминания о высокопреосвященнейшем Филофее, митрополите Киевском и Галицком // Душеполезное чтение. 1883. Ч. 2. № 6. С. 154–191) – 126, 166, 209, 212, 214, 238, 239, 280, 314

Фишер Софья Николаевна (? –1913) – директор московской Классической женской гимназии – 275, 283, 293, 295

Флора (1800–1882) – игуменья московского Никитского монастыря – 287

Фребель Фридрих (1782–1852) – немецкий педагог; теоретик детсадовского воспитания, автор трудов по дошкольной педагогике и пособий по детским играм – 245

Фридерикс – Фредерикс Владимир Александрович (1837–1892) – барон, шталмейстер; дипломат, член Совета Министерства иностранных дел, директор Департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел (с 1879 г.) – 191

Фролов Александр Никитич (1832–1909) – классный художник исторической и портретной живописи (с 1867 г.), академик по мозаичному искусству (с 1869 г.) – 239

* Фукасе, доктор – вероятно, Фукасэ Ёсун – врач из хакодатского консульства, который сопровождал японскую военную шхуну по Амуру в 1859–1860 гг. – 325

* Фукуи Роман, отец, катихизатор – 159

Ханова Елисавета Сергеевна, дочь генерала, благотворительница – 247

Хвольсон Даниил Авраамович (1819–1911) – профессор Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1875 г.), доктор еврейской словесности; член-корреспондент Академии наук – 191

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) – русский поэт – 227

Хирина Марья (Мария) Ниловна, московская благотворительница – 252, 253

Хитрово – Хитров Василий Николаевич (1834–1903) – чиновник Министерства финансов и Министерства внутренних дел – 134, 178

Хлебников – 273, 275, 280

Хомутова, московская благотворительница – 190

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – писатель, философ, славянофил – 251, 289

Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841–1919) – почетный попечитель Тульской гимназии; сын А. С. Хомякова – 251, 252

* Хорие Савва, начальник редакции и переводчиков – 192, 327 Хорошкевич – 273

Храповицкие – 117

Храповицкий Леля – Храповицкий Алексей Павлович (1864–1936) – гимназист; позже – отец Антоний, митрополит Киевский и Галицкий – 117, 143, 180, 199, 228

Храповицкий Павел Леонидович – юрист, чиновник в Сенате – 177, 186

Хрисанф, преосвященный – Хрисанф (Ретивцев Владимир Николаевич) (1832–1883) – выпускник Московской Духовной академии (1856), магистр (1857); бакалавр и профессор Казанской Духовной академии (1858–1865); профессор (с 1865 г.) и инспектор (с 1866 г.) Санкт-Петербургской Духовной академии; архимандрит (с 1866 г.); ректор Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1869–1874); епископ Астраханский (с 1874 г.) и Нижегородский (с 1877 г.), управляющий Донским монастырем (с 1879 г.); доктор богословия (с 1878 г.); автор проповедей, религиозно-философских и религиозно-публицистических статей; ввел в богословие исторический метод исследования (см.: Соколов А. А.

Проповедническая деятельность преосвященного Хрисанфа (Ретивцева). Астрахань, 1907) – 289

Хрущов – вероятно, Хрущов Павел Михайлович (? –1896) – камергер; казначей Общества распространения полезных книг; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 290

Цветана, болгарская девочка, воспитанница московского Страстного монастыря – 246, 274

Цивильков М. Ф., знакомый отца Николая по Хакодате – 85, 159, 166, 188, 237

Цицерон Марк Туллий (106–43 до н. э.) – римский политический деятель, оратор и писатель – 238

Чеботарев Адам Петрович (? –1881) – член Главного военно-кодификационного комитета – 127, 134, 235

Чеботарева Софья Гавриловна (урожд. Пеликан) (? –1900) – жена А. П. Чеботарева – 134, 169, 235

Чебышев Пафнутий Львович (1821–1894) – математик, механик, академик – 169

Чельцов Михаил Васильевич – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1878), в 1880 г. защищал магистерское сочинение «Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI-XII веках» (опубл.: СПб., 1879); позже – преподаватель Вятской Духовной семинарии, протоиерей – 84

Чемен – Чемена Мартиний Федорович (1831–1903) – выпускник (со степенью магистра) Киевской Духовной академии (1858); протоиерей и ректор Одесской Духовной семинарии (с 1867 г.); профессор Херсонской Духовной семинарии (с 1872 г.); редактор «Херсонских епархиальных ведомостей» (см.: Протоиерей Мартиний Федорович Чемена: (Некролог). Каменец-Подольск, 1903) – 314

Червонецкий Андрей Афанасьевич (? –1888) – протодиакон – 126, 127

Черкасов Павел Алексеевич (1834–1900) – выпускник Академии художеств (1859); неклассный художник пейзажной и перспективной живописи, академик (с 1866 г.), инспектор и надзиратель академических классов (1869–1892) – 107, 108, 113

Черкасова Аполлония – 231

Черкасова Екатерина Алексеевна, вдова покойного головы Москвы – 246

Черкасова Мария Александровна – диакониса, миссионерка Японской православной Духовной миссии в 1870-х гг.; первая директриса женской семинарии в Токио (см.: Записки русской православной миссионерки в Японии Марии Александровны Черкасовой // Миссионер. 1879. № 43–44) – 82, 85, 91, 110, 113, 122, 192, 194, 215, 216, 221, 260, 281, 282

Черкасская Екатерина Алексеевна (урожд. Васильчикова) (1825–1888) – княгиня – 251, 254, 260

Чернова Меланья Степановна, петербургская благотворительница –

Чернышев – 153

Чернышев, молодой князь – 296

Чертова Варвара Евграфовна (урожд. Масолова) (1806–1903) – председательница Московского совета детских приютов; кавалерственная дама – 290

Четвертин – Четвертинский, московский князь – 250

Четвертинская Надежда Федоровна – княгиня; статс-дама императрицы Марии Александровны; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 290

Чингисхан (1840–1909) – султан, сын хана Джангера киргизской Букеевской орды; выпускник Пажеского корпуса (1856 г.), корнет, а позже – ротмистр лейб-гвардии Казачьего полка (с 1866 г.); с 1871 г. состоял в действующей армии и был за отличие по службе произведен в генерал-майоры (1878) с назначением в свиту его императорского величества; по окончании войны состоял при Министерстве внутренних дел; генерал-лейтенант (с 1888 г.) и генерал-от-кавалерии (с 1894 г.) (см. о нем: Исторический вестник. 1909. № 12. Стб. 1024–1028) – 271

Чистович Илларион Алексеевич (1828–1893) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1851), профессор (с 1854 г.) этой академии; член Учебного комитета при Святейшем Синоде (с 1867 г.), доктор церковной истории (с 1871 г.); управляющий Канцелярией Министерства внутренних дел по делам греко-униатской церкви (с 1872 г.); вице-директор Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (с 1875 г.); преподаватель истории философии в училище Правоведения (с 1882 г.); член Совета Министерства народного просвещения (с 1883 г.); управляющий контролер при Синоде (с 1888 г.); автор трудов по истории церкви и духовному образованию (см.: Лопухин А. П. Памяти историка нашей академии И. А. Чистовича // Церковный вестник. 1893. № 45 (отдельный оттиск: СПб., 1893); И. А. Чистович // Церковные ведомости. 1893. № 46) – 86, 87, 104, 156, 238, 240

Чунхоу – 232

Шамиль (1799–1871) – 3-й имам Дагестана и Чечни, руководитель освободительной борьбы против России – 182

Шапкин П. С., казанский благотворитель – 299

Шарлотта Алексеевна, благотворительница, устроительница госпиталя для раненых воинов на 10-й линии Васильевского острова в Петербурге – 103

Шаховская, московская княгиня – возможно, Шаховская Елизавета

Николаевна – княгиня; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 264

Шаховская, княжна – 211

Шаховской Алексей Николаевич (? –1888) – князь, камер-юнкер; чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел – 125, 213, 256, 259, 273, 275, 277

Шевич Лидия Дмитриевна (урожд. Блудова) (1815–1882) – дочь графа Д. Н. Блудова, председателя Государственного Совета – 103

Шереметев Александр Дмитриевич (1859–1919) – граф; организатор общедоступных концертов, основатель и содержатель «шереметевского хора»; член многих благотворительных обществ – 116, 142, 143, 163, 165, 204, 211, 212, 214, 215, 229, 250, 278, 295

Шереметев Борис Петрович (1652–1719) – граф; полководец, генерал-фельдмаршал – 143

Шереметев Василий Алексеевич – московский губернский предводитель дворянства; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.); известный благотворитель – 255, 273

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) – граф, гофмейстер; начальник Придворной певческой капеллы (1883–1895); член Государственного совета, председатель Археографической комиссии, историк – 143, 155, 229, 230, 273

Шереметева Анна Сергеевна (1810–1849) – фрейлина императрицы Александры Федоровны; жена камергера Д. Н. Шереметева – 255

Шереметева Екатерина Павловна (урожд. княгиня Вяземская) (1849–1929) – жена графа С. Д. Шереметева – 144, 155, 229, 230, 255

Шереметева Екатерина Сергеевна – графиня, придворная дама; член Православного миссионерского общества (с 1870 г.) – 229, 230, 236

Шереметевы – 215, 230, 255, 273, 287

Шестаков Иван Алексеевич (1820–1888) – адмирал, управляющий Морским министерством (с 1882 г.); в 1859 г. на фрегате «Генерал-адмирал» совершил беспрецедентный двенадцатидневный переход из Америки в Европу – 164

Шестунов Николай Якимович – статист и писатель, член-сотрудник Санкт-Петербургского речного клуба; автор книги «Вдоль по Японии» (СПб., 1882) – 169

Шимановский Карл Петрович – витебский мещанин; владелец московского заведения «Славянская фотография К. Шимановского» (1878–1889) – 294

Шишов Василий Тимофеевич (1807–1879) – выпускник Санкт-

Петербургской Духовной академии (1831); священник придворной Каменноостровской церкви, а затем также священник и протоиерей церкви Михайловского дворца (с 1847 г.); духовник великой княжны Марии Михайловны (в 1846 г.); преподаватель Училища для детей придворных служащих и других училищ для бедных (см. некролог: Церковный вестник. 1880. № 2) – 135

Штакельберг Петр Егорович (1834–1896) – барон, контр-адмирал – 82

Штанковский Николай Карлович (? –1886) – 134

Штосс – знакомая Д. Д. Смирнова, возможно, Штосс Александра Ивановна (1813–1905) – 226

Шульц, товарищ Е. К. Бюцова – 229

Шустрый Андрей Савельевич – 248, 250, 256, 257

Щапин Иван Петрович (? –1907) – 174

Щурупов Михаил Арефьевич (1815–1901) – архитектор, автор проекта в русско-византийском стиле собора в Токио, воздвигнутого в 1891 г. на холме Суругадай – 109, 111, 112, 119–120, 133, 139, 140, 142, 146, 161, 175, 176, 213, 217

Эммануэль Егор Егорович (Георгий Георгиевич) (1815–1868) – генерал-майор – 139

Эммануэль Юлия Георгиевна, дочь генерала Е. Е. Эммануэля – 114, 138

Эренбург, барон, киевский помещик – 155

Ювеналий, духовник графини О. Е. Путятиной – возможно, Ювеналий (Половцев Иван Андреевич) (1826–1904) – наместник Александро-Невской лавры, затем Киево-Печерской лавры и настоятель Глинской пустыни – 157

Ювеналия, матушка петербургского Воскресенского первоклассного женского монастыря – 132

Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888) – литературный и театральный критик, переводчик, драматург – 294, 295

Я. А. – см. Гильгебрандт Я. А.

Я. Д. – см. Тихай Яков Дмитриевич

Яблочков Павел Николаевич (1847–1894) – электротехник; изобрел в 1875 г. дуговую лампу (электрическую свечу) – 197

Яков Дмитриевич – см. Тихай Яков Дмитриевич Ямамото, военный агент – 159

Яманака Алексей, катехизатор в Оодате – 141

Янагивара, японский посланник в Петербурге – 213

Янышев Иоанн Леонтьевич (1826–1910) – выпускник (со степенью

магистра) Санкт-Петербургской Духовной академии (1850), профессор богословского отделения этой академии и Петербургского университета (с 1856 г.); протоиерей в Висбадане (1859–1864); ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (1866–1882); протопресвитер придворного собора в Зимнем дворце и московского Благовещенского собора; духовник императорских величеств (с 1883 г.); сторонник сближения всех христианских церквей; член филантропических учреждений и обществ (см.: Бронзов А. А. Протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев; Воспоминания. СПб., 1911) – 178, 180, 181, 228

Яхонтов, гимназист – 199

Яхонтов Иван (Иоанн) Константинович (1819–1888) – выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии (1843); священник (с 1844 г.) Екатерининской церкви в Екатерингофе, священник Александро-Невской церкви в Смольном институте и законоучитель в нем (с 1854 г.); протоиерей (с 1856 г.), настоятель ямской Крестовоздвиженской церкви и член Санкт-Петербургской Духовной консистории (с 1860 г.), протоиерей петербургского Николаевского Морского собора (с 1874 г.); председатель Совета попечительства о бедных (с 1874 г.); редактор журнала «Духовная беседа» (с 1862 г.), издатель духовной литературы – 165, 167, 170, 190, 226, 235, 311

Яцуки (Яцки) Андрей, катихизатор в Хиросима – 327

Power, капитан судна «Tencer» – 312, 320

Дополнительные сведения к Именному указателю

Авано Виссарион

Японский семинарист. Вероятно, имеется в виду Авано Токудзюро, закончивший семинарию в 1882 году.

Андо

Андо Кэнскэ (1845–1924). Впоследствии депутат палаты представителей Парламента Японии, мэр города Иокогамы, мэр города Киото. Упоминается в путевых заметках митрополита Сергия (Тихомирова) «Месяц по Японии» – в записи от 6 августа 1908 года (в это время Андо жил в Киото). «Он в совершенстве владеет русским языком», – пишет митрлполит. Сергий. Андо, учившийся в России на протяжении целых восьми лет, говорит, что «увидел Россию и „беленькою, и черненькою", и потому полюбил ее».

Анна

Анна Канно Хидэко. Крещена о. Николаем в Токио в 1873 году. Первая начальница женской школы при Русской духовной миссии в Японии. Скончалась в 1899 году.

Бюцов Е. К.

См.: Морской сборник. 1872. № 10.

Сам о. Николай пишет о Е. К. Бюцове в майском номере журнала «Светоч и дневник писателя» за 1910 год.

Владимир

Владимир Сокольский. Иеромонах. Находился в Японии с 1879 по 1886 гг. На собственные средства приобрел земельный участок в местности Тоносава (Хаконэ) с целью создания монастыря Японской Православной Церкви. Этот проект, однако, не был реализован. Впоследствии архиепископ сан-франциск-ский. С 1888 по 1891 год в его юрисдикции находились также Алеутские острова и Аляска. Подробнее о нем можно узнать из книги Bishop Gregory, *A History of the Orthodox Church in Alaska, 1794–1917*. St. Herman's Theological Seminary, Kodiak, Alaska. 1977. P. 81.

Гавриил

Гавриил Чаев. Священник. Находился в составе Русской духовной миссии в Японии с 1878 по 1882 год. Возвращался на родину вместе с Александром Мацуи, ехавшим в Россию для учебы в Санкт-Петербургской Духовной академии.

Григорий

Григорий Воронцов. Священник. Родился в 1838 году. В 1871 году в течение трех месяцев находился в Хакодатэ.

Елисеев

Александр Григорьевич Елисеев. Крупный русский купец. Впоследствии (в 1910 году) по просьбе о. Николая прислал из Петербурга иконостас и иконы для вновь построенного храма в Осаке *(см.*: Дневники Св. Николая Японского от 10*23 мая 1910 г.)*.

Григорий Григорьевич Елисеев приходился братом А. Г. Елисееву. Выходцы из крепостной семьи, жившей в Ярославской губернии, братья Елисеевы добились успеха, торгуя спиртными напитками. В Москве и Петербурге ими также был открыт большой «Елисеевский магазин», торговавший продовольственными товарами высшего качества. Как пишет В. Михневич в книге «Петербург весь на ладони» (СПб., 1874. С. 483): «торговля лучшими виноградными винами сосредоточена в Санкт-Петербурге в руках нескольких торговцев», главными из которых названы «Елисеевы братья».

В Японии также известен Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975), ученый-японовед, сын Г. Г. Елисеева. А. Г. Елисееву он, соответственно, приходится племянником (*см.*: Ассоциация японоведов. С. Г. Елисеев и мировое японоведение. М., 2000, а также Дневники Св. Николая Японского от 22 мая*4 июня 1910 г.). С. Г. Елисеев, заинтересовавшись Японией после поражения России в русско-японской войне, из Петербурга поехал учиться в Японию. Во время учебы на факультете японской филологии Токийского Императорского Университета изучал литературу периода Эдо. Впоследствии заложил основы японистики во Франции и Америке. Являлся наставником по японоведению посла США в Японии Райшауэра, а также учил японскому языку известного японского философа Сюнскэ Цуруми. С. Цуруми, учившийся тогда в Гарварде, обращался к Елисееву с просьбой помочь прочитать письма, которые приходили к нему из Японии от матери и были написаны японской скорописью (Сюнскэ Цуруми «Эрисээфу-сэнсэй но омоидэ» – «Воспоминания об учителе Елисееве», журнал «Тосё», апрель 2000 г.)*.

В дневниках Св. Николая Японского (запись от 9*22 мая 1910 г.) упоминается, что Сергей Елисеев присутствовал на праздновании именин о. Николая в Токийской духовной миссии.*

Ильминский

Н. И. Ильминский, выступая за развитие образования на русском языке для татар, в то же время подчеркивал необходимость перевода на татарский язык Евангелия, молитвослова и богослужебных книг с целью

обеспечения для татар религиозного (православного) образования.

Реализация системы Ильминского (как миссионерско-образовательного метода) осуществлялась при поддержке Д. А. Толстого и К. П. Победоносцева. Интересно, что под влиянием православной системы Ильминского, а именно в противовес ей, среди татар, отвергших христианство, также начали возникать различные течения, выступавшие за реформы в исламе.

Применение системы Ильминского как средства религиозной, образовательной и культурной интеграции различных народностей в Российскую Империю не ограничилось лишь районами среднего течения реки Волги. Эта система была опробована также в Сибири, степных районах, на востоке России – в частности, в Туркестане.

Однако в начале XX века, когда ситуация в Российской Империи значительно ухудшилась, система Ильминского начала давать сбои и подверглась открытой критике. В Православной Церкви также начали появляться люди, которые, хотя и продолжали поддерживать миссионерский метод Н. И. Ильминского, выступали за свободу совести и проповедь без вмешательства государства. Эти люди критиковали «казенные методы» миссионерской деятельности и настаивали, что язычники должны обращаться в христианство путем внутреннего духовного роста в условиях религиозной терпимости.

Изабель Крейндлер высказывает следующие мысли.

В национальной политике Ленина единственная сторона, заслуживающая положительной оценки, – это идея о равенстве всех национальностей и языков. Откуда Ленин взял эту идею? Непосредственно ее подсказал ему еще в молодости И. Я. Яковлев, чуваш по национальности, находившийся в дружеской связи с отцом и всей семьей Ленина. Косвенным же образом эта идея была усвоена им из опыта и мыслей Н. И. Ильминского, выдающегося православного проповедника (хотя и не являвшегося священнослужителем), коллеги и друга отца Ленина. Ильминский не уставал подчеркивать необходимость уважительного отношения к национальным языкам народов, в отношении которых ведется миссионерская деятельность. Идеи Ильминского противостояли политике русского правительства, которое во второй половине XIX века пыталось сделать Россию империей великороссов и насаждало русский язык. (Isabelle Kreindler, «A Neglected Source of Lenin’s Nationality Policy». *The Slavic Review.* Vol. 3. № 1. марта 1977.)

В примечаниях к этой статье И. Крейндлер в качестве примера последователя идей Н. И. Ильминского приводит о. Николая,

архиепископа Японского. По ее мнению, мысль о подготовке японских катехизаторов для проповеди православия в Японии и использовании японского языка в богослужении была подсказана Николаю, как и в случае ленинской национальной политики, идеями Н. И. Ильминского.

Кстати сказать, в это время как в обеих столицах, так и в провинции России широко читался личный журнал Ф. М. Достоевского «Дневник писателя». Многие читатели присылали свои письма с впечатлениями, вопросами, мнениями. Особенно много таких писем было в 1877 году. Достоевский ощущал себя выразителем общественного мнения и радовался этой роли. Жена Н. И. Ильминского Екатерина Степановна Ильминская (ок. 1842–1922), также относившаяся к числу любителей «Дневника писателя» Достоевского, отправила ему письмо, в котором излагала свои впечатления и просила прислать фотокарточку писателя. В ответном письме (от 11 марта 1877 г.) Достоевский благодарит Е. С. Ильминскую, говоря, что занимается писательской деятельностью именно потому, что у него есть такие пламенные читательницы. И добавляет, что поскольку сейчас нет подходящей фотокарточки, он посылает не очень хорошую, снятую 16 лет назад. Вероятно, муж С. Е. Ильминской, Н. И. Ильминский, также читал «Дневник писателя» Достоевского.

Иннокентий

Попов-Вениаминов (1797–1879). Сам о. Николай пишет об Иннокентии в журнале «Светоч и дневник писателя» (май 1910 г.).

О его миссионерской деятельности на Аляске можно прочитать в книге: Bishop Gregory, *A History of the Orthodox Church in Alaska, 1794–1917*. St. Herman’s Theological Seminary, Kodiak, Alaska. 1977.

Исидор

Митрополит Исидор (Никольский). 15 августа 1880 года, когда Николай возвращался из Петербурга на место своего служения в Японию, для его ободрения и поддержки митрополит Исидор молился вместе с ним. См. дневник Св. Николая Японского (Токио. Запись от 15*28 апреля 1904 года*.

Касаткин

1) Дмитрий Иванович

Отец о. Николая. Диакон. Женившись на девице Ксении, переехал в деревню Береза. У них родилось четверо детей. Первый сын Гавриил умер через 2 месяца после рождения. Старшая дочь – Ольга. Второй сын – Иван (Николай). Третий сын – Василий.

В 1841 году Д. И. Касаткин потерял жену. Муж старшей дочери Ольги, Филипп Измайлов, занял его место диакона в деревне Береза, и

Дмитрий Иванович, поручив остальных детей попечению Ольги и Филиппа, в 1850 году поселился в монастыре в г. Рославле Смоленской губернии (без принятия монашества). Однако в связи со смертью зятя Филиппа в 1855 году он оставляет монастырь, возвращается в Березу и снова начинает служить там в качестве диакона. Ольга приняла на себя все обязанности по дому. В 1857 году второй сын, Иван (Николай), поступает в Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1858 году дом Дмитрия Ивановича сгорел в пожаре. В 1860 году Дмитрий Иванович оставляет диаконское служение и выходит на покой.

2) Василий Дмитриевич

Младший брат о. Николая. Служил священником в Сызрани. Упоминается в дневниковых записях после 17 июня 1880 года.

Касаткина

1) Ксения Алексеевна

Ксения Алексеевна Касаткина (в девичестве Савинская), мать о. Николая, которую он в своем дневнике от 1 января 1872 года называет «родимая матушка», родилась в 1806 году. В 1829 году вышла замуж. По воспоминаниям о. Николая, «была сравнительно крупного для женщины телосложения». У Ксении и ее мужа Дмитрия родилось четверо детей. Скончалась в возрасте 34 лет, когда Ивану (Николаю) было 5 лет. Отличалась глубокой религиозностью.

2) Ольга Дмитриевна

Старшая сестра о. Николая. Родилась 6 июля 1833 года и, таким образом, старше Николая примерно на 3 года.

Ольга вышла замуж за диакона Филиппа Измайлова, родила дочь Анну, но вскоре потеряла мужа. Во второй раз вышла замуж за дворянина Иллариона Михайловича Куницкого. У них родилось трое детей (Иван, Александр, Андрей). «Племянник Александр», с которым Николай встречался в Березе, – именно этот Александр (Саша). Из остальных двух племянников в дневнике за 28 июня упоминается Иван. Третий племянник, Андрей, в дневниках не упоминается.

Кикуци

Родился в 1858 году. Семинарист. В крещении – Василий.

Крыжановский

Диакон Дмитрий (Крыжановский). Служил у архиепископа Одесского Филофея. Находился в составе Духовной миссии в Японии в качестве учителя церковного пения.

Маденокоодзи Хидемаро (1858–1914)

В апреле 1871 года приехал в Россию на казенный счет от

Министерства иностранных дел и Министерства образования Японии в качестве студента-стажера. Вернулся в Японию в мае 1881 года. Как знаток России отвечал за прием членов российской императорской фамилии во время визитов в Японию.

В сборнике статей «Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX-XX веках» (сост. В. С. Белоненко. СПб., 1998) опубликован материал С. Г. Жемайтиса «Православный куге эпохи Мэйдзи. К истории жизни Сергея Александровича Маденокози». В нем, после краткого комментария, представлены 18 писем Маденокоодзи Хидемаро, адресованных А. И. Савельеву. Первое письмо совпадает по содержанию с тем, что пишет о. Николай в своих дневниках.

Вернувшись в Японию, 11 сентября 1882 года Маденокоодзи принимает крещение и становится православным христианином. Велика вероятность того, что его крестил о. Николай. В качестве своего крестного отца Маденокоодзи выбрал А. И. Савельева, находившегося в Петербурге (при крещении допускается заочное избрание крестного отца).

В 10-м письме (от 26 сентября 1892 года) Маденокоодзи пишет об инциденте в Оцу, непосредственным свидетелем которого он стал в мае 1891 года.

В дневниках Св. Николая Маденокоодзи Хидемаро упоминается в записях от 22 августа*3 сентября 1889 года и 18*31 марта 1900 года.

Максимович Карл Иванович (1827–1891)

Ученый-ботаник. Известен достижениями мирового уровня в области исследования дальневосточной флоры. В 1860 году прибыл в Хакодате. В 1864 году вернулся в Россию. За время пребывания в Японии с помощью своего японского помощника Чёноскэ Сугава собрал большое количество образцов японской флоры.

Также был хорошим наставником для японских ботаников. См. книгу «Томитаро Макино и К. М. Максимович», изданную в 2000 году Ботаническим садом Макино (префектура Коти).

Сохранились 4 письма, написанных в 1890 году на имя К. И. Максимовича о. Николаем и отправленных им из Токио в Петербург.

Ниси Токудзиро (1847–1912)

Родился в г. Кагосима. В 1870 году приехал в Россию в качестве стажера от Министерства образования Японии. В 1875 году закончил юридическое отделение Санкт-Петербургского университета. Со следующего года приступил к службе в Министерстве иностранных дел Японии. В 1887 году назначен посланником в России. Впоследствии

министр иностранных дел при втором кабинете Ито.

Ницума (Ниицума) Кэйдзи

В крещении Павел. Был катехизатором, а в 1881 году первым из японцев принял монашество и был рукоположен в иеромонаха. Служил в приходе Кодзимати в Токио, значительно увеличил количество верующих. Однако в

1891 году был лишен священного сана (*см*. дневник Св. Николая от *719 октября*

1892 года.

Нода Коосай (1854–1914)

В крещении Иоанн. Прихожанин храма в Сюдзэндзи. Врач. Очень много сделал для распространения православия в районе Идзу. Исполнял роль главного представителя прихода Сюдзэндзи.

Оомаэ Тайдзо

С 1879 года работал в Консульстве Японии в Санкт-Петербурге.

Павел Прусский

См. письма Ф. М. Достоевского от 11 декабря 1868 года и 25 марта*6 апреля 1870 года, адресованные А. Н. Майкову.*

Палладий

Иеромонах Палладий (Кафаров). Скончался в 1878 году. Прослужил 9 лет в Пекине в качестве члена 12-й русской духовной миссии в Китае. Приехал в Китай в 23 года, в сане иеродиакона. Начальником 12-й миссии являлся архимандрит Поликарп. Палладий был назначен начальником 13-й духовной миссии в Китае с возведением в сан архимандрита.

Члены Русской духовной миссии в Пекине командировались Министерством иностранных дел. Хотя в небольших масштабах они и занималась миссионерской деятельностью, их основная работа была связана с торговыми и дипломатическими отношениями между Россией и Китаем. И. А. Гошкевич, впоследствии первый русский консул в Хакодате, также был в составе 12-й миссии (в качестве студента-стажера).

Палладий был также выдающимся ученым-китаеведом. Он составил китайско-русский словарь, от лица миссии выпускал научные труды по Китаю. Кроме того, исполнял обязанности начальника 15-й духовной миссии в Китае, а также играл важную роль в экспедиции по Южно-Уссурийскому краю, организованной Российским императорским географическим обществом. (*См*.: «Краткая история православной миссии в Китае», 1916).

Путятина Ольга Евфимовна

Приехала в Японию осенью 1884 года. Во время ее пребывания в

пожаре сгорело здание женской школы, находившейся на территории токийской миссии. О. Е. Путятина на свои собственные средства, а также на пожертвования, собранные ею в России, построила для школы новое здание.

Савабе Такума (1835–1913)

Один из трех первых православных японцев, крещенных Николаем в Хакодате в 1868 г. Христианское имя – Павел. Долгое время являлся одним из старейших священников Японской Православной Церкви. Его сын, Савабе Тейтаро, также стал священником.

Сакаи Токурей (1836–1881)

Один из трех первых православных японцев, крещенных Николаем в Хакодате в 1868 году. Христианское имя – Иоанн. Когда Токурей принял крещение, ему было 34 года. В 1878 году рукоположен в священника.

Сартов Виссарион Лудович (1838 (1828?) – 1874)

Приехал в Японию в 1863 году в качестве сотрудника русского консульства в Хакодате. Исполнял обязанности чтеца и звонаря в храме при консульстве в годы, когда там служил Николай. «Стоял на страже», когда в 1868 году в условиях запрета на христианство Николай крестил первых японцев. Впоследствии служил под началом отца Анатолия. Скончался в Хакодате.

Сато Сюроку (1839–1911)

В крещении – Павел. В 1878 году рукоположен в священника во Владивостоке. Долгое время преподавал в Токийской православной семинарии.

Такая Тю (1840–1905)

В крещении – Иаков. В 1878 году рукоположен во священника во Владивостоке. Служил в Осаке и на острове Кюсю.

Такеиси

Катехизатор. В крещении – Иоанн.

Фукасе Есюн

Врач из Хакодате. В статье Мэгуми Симидзу «Как назывался корабль, на котором Николай приплыл в Японию?» (Вестник Хакодатского общества по изучению истории японо-российских связей. 2001. Январь. № 16) написано, что Фукасе учился западной медицине у врача русского консульства Альбрехта. Таким образом, вполне вероятно, что он владел русским языком.

Фукуи Ясунага

Священник. Христианское имя – Роман. В его ведении находились приходы в Кусиро и Нэмуро (остров Хоккайдо), а также остров Шикотан.

Хорие Фуку

Возглавлял группу переводчиков православной литературы. В крещении – Савва.

Хитрово Михаил Александрович (1837–1896)

Русский дипломат. Закончил школу артиллерийской гвардии. После службы гвардейцем перешел на работу в Министерство иностранных дел. С 1871 года – генеральный консул в Константинополе. Работал также в Болгарии и Египте. С 1892 по 1896 гг. – в Японии. Организовал «вмешательство трех стран», России, Франции и Германии, с целью предотвращения проникновения Японии в Китай после японо-китайской войны. В 1894–1895 гг. – чрезвычайный и полномочный посол России в Японии. По возвращении в Россию активно работал над созданием «русско-японского союза», что в конечном итоге не увенчалось успехом. Был в близких дружеских отношениях с писателем Алексеем Толстым. Сам также много писал, есть сборник его стихотворений.

Кэнноскэ Накамура

Предметно-тематический указатель

Александрия – 315
Америка – 251, 287
Амур, река – 90, 294, 325
Англия –193, 320, 321, 322
Афон – 136, 162, 167, 189, 219, 283
Белостокский уезд Гродненской губернии – 224
Белый – 290, 301
Береза – 273, 307–310, 321
Бирмана (Бирма) – 318
Болгария – 223, 246
Боровичевский уезд Новгородской губернии – 129
Боровичи – 151
Бутрилово (деревня под Березой) – 310
Буюк-дере – 314
Варна (порт в Болгарии) – 131
Варшава –136, 169, 188, 248
Витебск – 160
Вифлеем – 171
Владивосток – 167, 232
Волга, река –212, 296, 302, 307, 307
Волжок – 302
Выборг – 203
Вязовка – 309
Вязьма – 245
Гайдуново (деревня под Березой) – 310
Гатчина – 84, 89
Германия – 158
Гефсимания (сад у подножия Елеонской горы) – 178
Глебово (имение Путятиных в Подольской губернии) – 280, 281
Голосеево (под Киевом) – 314
Гольфстрим – 193
Гонконг – 312, 317–324
Греция – 235
Гродненская губерния – 224
Грузино – 280
Дарданельский пролив – 315

Декастри (Де-Кастри) – 324
Дерпт – 217
Дугино (имение князя Н. П. Мещерского в Сычевском уезде Смоленской губернии) – 275, 295
Елабуга – 132
Елеонская гора в Иерусалиме – 86
Елохово – 274
Измаилия (Измаил) – 315
Иерусалим – 75, 77, 134, 153, 272, 283, 313
Индия – 137, 160
Иркутск – 139
Италия – 104
Кабан (озеро) – 297
Кавказ-99, 136, 231
Кадис (порт в Испании) – 131
Казань – 273, 290, 296, 299–302, 312
Канны – 134, 151
Киев – 98, 262, 280, 290, 314
Китай – 105, 114, 118, 159, 188, 319, 322
Козьмодемьянск – 296
Константиноград (ныне город Краснодар) – 90
Константинополь – 104, 122, 315
Кохинхина (название Южного Вьетнама) – 318
Красное море – 315
Кронштадт – 213, 215
Крым – 83, 270
Кульджа (Инин) – 232
Кусково (имение С. Д. Шереметева) – 273
Лондон – 131, 195, 217
Майноское селение в Малой Азии – 287
Мингрелия – 171
Могилев – 139
Моршанск – 305
Москва – 80, 81, 93–95, 98, 111, 112, 116, 129, 140, 141, 144, 193, 206, 215, 223, 224, 228, 231, 236, 239–242, 244, 246, 247, 250, 252–254, 256, 259–261, 263–278, 280–282, 285, 286, 279, 291, 292, 294, 295, 297, 302, 305, 307, 311, 312, 313, 314
Мюнхен – 86
Нижний Новгород – 296

Николаевск – 268
Новгород – 95, 97
Новгородская губерния – 85, 129
Норвегия – 193
Нью-Йорк – 103
Одесса – 150, 198, 221, 223, 228
Опечиненский посад Боровичевского уезда Новгородской губернии – 283
Ораниенбаум – 311, 312
Орел – 171
Осташково – 307, 311
Палестина – 74, 84, 111, 156
Пекин – 114
Пенанг (остров) – 315
Пенза – 305
Персия – 209
Петербург – см. Санкт-Петербург Петергоф – 99, 311
Польша – 136, 156
Поникли (деревня под Березой) – 309
Порт-Саид – 315
Пустоподлесье (село под Березой) – 309
Пущино (имение О. Д. Пеликан под Рязанью) – 306
Ревель – 188, 215
Реймс – 139
Ржев – 305, 307, 308, 311
Рига – 258
Рим – 136, 137, 156, 157
Россия – 73–76, 78, 95–98, 100–102, 106, 107, 116, 118, 121, 129, 134–136, 142, 162, 166, 171, 176, 177, 180, 181, 188, 194, 196, 197, 205, 209, 212, 218, 220, 229, 251, 252, 254, 265, 269, 272, 274, 278, 279, 292, 294, 320, 324–326
Ростов-на-Дону – 149
Ряжск – 305
Рязань – 273, 302, 304–307
Самара – 298, 302
Сан-Стефано – 246
Сан-Франциско – 129, 132, 133, 188, 197
Санкт-Петербург – 71, 75, 78, 80–83, 87–89, 91, 93, 99, 120, 129, 134, 157, 158, 161, 165, 170, 176, 187, 202, 209, 210, 214, 220, 222, 226, 238, 239,

241, 245, 254, 255, 258, 259, 266, 268, 280, 281, 283, 286, 289, 292, 294, 295, 300, 308, 311–313, 319, 325
Сахалин – 223
Сватоу (Шаньтоу) – 318
Свияжск – 296
Сиам (название Таиланда) – 318
Сиба (Сиби) – 137
Сибирь – 194, 292
Симбирск – 302
Синай – 217
Сингапур – 312, 315–319
Смирна – 315
Смоленск – 149
Сокотра (остров) – 315, 317
Старица – 307
Стокгольм – 85
Суэц – 315
Суэцкий залив – 315
Сызрань – 301, 302–304
Татево (село под Ржевом; усадьба С. А. Рачинского) – 308, 310
Торжок – 307
Формоза (остров) – 322
Хабаровск – 90
Ханькоу – 299
Хеврон, город – 103
Херсон – 181
Херсонес – 270
Хива – 246
Царское Село – 312
Цейлон – 315
Черкизово – 281, 313
Черниговская губерния – 175
Чудово – 95, 97, 276, 277, 279, 289
Шанхай – 73, 315, 320, 321
Швейцария – 123, 132
Шипка – 118, 123
Эзель – 173
Ялта – 101
Ярославль – 279

Аничкин мост – 182
Апраксин – Апраксин двор – 189
Апраксин рынок – 223
Арбат – 263, 266
Балтийская – Балтийский вокзал – 89
Большая Белозерская улица – 159
Большая Морская улица – 147, 157
Большая Никитская улица в Москве – 265
Большая Охта, район Петербурга – 152
Большой Фонтан в Одессе – 314
Варшавская – Варшавский вокзал – 89
Васильевский остров – 81, 85, 103, 146, 160, 189, 191, 212, 220
Владимирская – Владимирский проспект – 140
Вокзал – см. Николаевский вокзал
Волково кладбище – 137
Выборгская сторона – 100, 106, 117
Гостиный – Гостиный двор – 176, 195, 227
Дворцовая площадь – 181
Девичье поле в Москве – 98
10-я линия Васильевского острова – 103
Замок – см. Михайловский (Инженерный) замок
Захарьевская улица – 151
Знаменская улица – 93, 212
Инженерный, Инженерный замок – см. Михайловский (Инженерный) замок
Калужские ворота в Москве – 250
Кирочная улица – 161, 183
Китайская стена в Москве – 278
Кладбища – кладбища Александро-Невской лавры – 158, 179, 182, 203, 240
Кремль – 258, 259, 269, 270, 274, 277, 287
Кривая улица – 311
Литейная – Литейный проспект – 190, 202
Литейный мост – 100
Лобное место на Красной площади в Москве – 277
Митрополичий сад в Александро-Невской лавре – 84
Митрофаньевское кладбище – 131
Михайловская улица – 129
Михайловский (Инженерный) замок – 146, 160, 163, 182, 209, 236,

239, 241
Морская улица – 157
Москва, река – 270
Московская чугунка – Николаевская (Петербургско-Московская) железная дорога – 100
Моховая улица – 108, 146, 171
Надеждинская улица – 189, 183
Нева, река – 126, 152, 189
Невский проспект – 108, 114, 121, 157, 158, 182, 189
Николаевский вокзал в Москве – 307
Николаевский вокзал в Петербурге – 241
Николаевский мост – 126
Никольская улица в Москве – 95, 277, 278
Охта – 105
Пантелеймоновская улица – 108
Пески, район в Петербурге – 130, 147
Петербургская сторона – 142, 149, 163, 285, 287, 298
Петропавловская крепость – 127
Преображенский плац – 130
Рогожская застава в Москве – 249, 271
Садовая улица – 87
Семеновский плац – 183
Сергиевская улица – 241
Смоленское кладбище – 184
Сокольники в Москве – 281
Спиридоновка в Москве – 242, 246
Страстной бульвар в Москве – 274, 280, 281
Сухаревы башни в Москве – 274
Татарская слобода в Казани – 297
Тверская улица (бульвар) в Москве – 245, 274, 294
Торговые ряды в Москве – 251
Царицын луг – 181
Царскосельская станция – Царскосельский вокзал – 122
Гостиница Бучумова в Москве – 250
Гостиница Морозова в Рязани – 305
Гостиница Некрасова во Ржеве – 307
«Европейская» гостиница на Михайловской улице в Петербурге – 129
«Знаменская» – петербургская гостиница на одноименной площади – 80

Постоялый двор под Ржевом – 308
Славянские номера в Москве – 249
Шереметьевские номера в Москве – 94
«Hotel de France» – гостиница «Франция» на Большой Морской улице в Петербурге – 147, 157, 204
Hong-Kong Hotel в Гонконге – 320, 321
Аничкин дворец – 130, 189
Дворец – см. Зимний дворец.
Дворец великого князя Николая Николаевича (старшего) – 108
Дворец императрицы Елизаветы Петровны в Москве – 285
Дворец царя Михаила Федоровича в Москве – 286
Дворцовая контора в Москве – 270
Домик Петра Великого – 142
Зимний, Зимний дворец – 109, 114, 126, 127, 130, 132, 134, 135, 145, 166, 171, 173, 179, 180, 215, 216, 285, 286
Кремлевский дворец – 271
Марьинский дом – Мариинский дворец – 235
Михайловский дворец – 119
Монплезир (дворец в Петергофе) – 311
Мраморный дворец – 135, 141, 145, 156, 163
Петровский дворец в Москве – 274
Терем Алексея Михайловича в Москве – 271
Ветхий Завет – 211, 395
«Догматика», сочинение Платона Костромского – Платон (Фифейский П. С.), Сокращенное изложение догматов веры по учению православной церкви. Кострома, 1869 – 289
«Евсевий» (сочинение магистра Н. П. Розанова) – 286
«Коринна» – «Коринна, или Италия» (1807), роман А. Л. Ж. де Сталь – 317
«Крестовый календарь» – издание А. А. Гатцука (СПб., 1873–1918) – 293
«Критика отвлеченных начал» – диссертация В. С. Соловьева (опубл.: М., 1880) – 241
«Мелочи Архиерейской жизни» – Лесков Н. С. Мелочи архиерейской жизни: (Картины с натуры). СПб., 1879 (второе издание: СПб., 1880) – 259
«Нана» – роман Э. Золя (1880) – 132
Новый Завет – 279
«Одиссея» – 146
«Очерки Цейлона» – Минаев И. П. Очерки Цейлона и Индии: Из

путевых заметок русского. СПб., 1878. Ч. 1–2. – 241

«Песнь Песней» – 221

«Письмо к другу» – сочинение Павла Прусского – 202

«Приобщения пред смертью Преподобного Сергия» (рукописное сочинение отца Симеона) – 286

«Пророк» – рассказ А. А. Дьякова (псевд. А. Незлобии), опубликован в журнале «Русский вестник» (1880. № 4) – 262

«Психология» Чистовича – Чистович И. А. Курс опытной психологии. СПб., 1868 (второе издание: СПб., 1876) – 240

«Религиозное врачебноведение и адвокатура» (статья в «Новом времени» за 9 февраля 1880 г.) – 169

«Россия и Азия» – Григорьев В. В. Россия и Азия: Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым ориенталистом. СПб., 1876 – 158

«Русская история» – Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1851–1879. Т. 1 – 29–254

«Русская церковная история» Толстого – Толстой М. В. Рассказы из истории русской церкви. М., 1879. Изд. 4-е. Кн. 1–5, – 266

«Русские Богоносцы» – Лесков Н. С. Русские богоносцы: Религиозно-бытовые картины. СПб., 1880 – 259

Санскритско-немецкий лексикон – Bohtling Otto R. Sanskrit-worterbuch. SPb., 1852–1875. V. 1–7 (сокращенный вариант: То же. SPb., 1879–1889. V. 1–7); словарь до сих пор не потерял научного значения – 166

«Священная история» Богословского – Богословский М. И. Священная история Нового Завета. Изд. 1–4. СПб., 1859–1871 – 258

«Фиктивный брак» – роман С. Долгиной (1876) – 183

«Япония и Россия» – Николай (Касаткин И. Д.). Япония и Россия. СПб., 1879 – 135, 151, 188

«Burk of ours», английский роман времен Наполеона I – Lever Charles James. Tom Burke of Ours (1843) – 323

«Russia and Englan» – «Russia and Englan from 1876 to 1880» (London, 1880) – книга О. А. Новиковой – 272

Выставка картин П. П. Верещагина – 197, 205 Залы в Академии художеств – 102, 162

Залы русской и французской живописи в Зимнем дворце – 126

Мозаичное заведение Академии художеств – 101

Музей Общества поощрения художников – 143

Парижская выставка – 102, 155

Портреты дома Романовых в Зимнем дворце – 126

Публичная библиотека – Императорская публичная библиотека – 183
Завтрак в Зимнем дворце по случаю водоосвящения – 127 Завтрак в доме графа С. Д. Шереметева – 144, 229
Обед у великой княгини Екатерины Михайловны – 119
Обед у Московского митрополита Макария – 276
Обед у Петербургского митрополита Исидора – 164
Обед в Благородном собрании в юбилей Пушкина – 293
Трапеза в Александро-Невской лавре- 115, 200, 234
Американское Библейское общество (основано в 1817 г.) – 212
Археологическое общество – Императорское русское археологическое общество (основано в 1846 г.) – 132
Общество взаимного вспомоществования русских художников (1871–1918) – 108
Общество вспоможения бедным студентам – Общество вспомоществования студентам (основано в 1873 г.) – 190
Общество естествознания – Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (основано в 1863 г.) – 159
Общество любителей Российской словесности (основано в 1811 г.) – 294
Общество поощрения художников (1820–1882) – 143
«Варшавский дневник» (1864–1915) – ежедневная газета, издавалась в Варшаве – 277
«Голос» (1863–1884, 1906, 1915–1916) – петербургская политическая и литературная ежедневная газета – 160, 175, 176, 183, 213, 232, 236
«Древняя и новая Россия» (1875–1881) – петербургский иллюстрированный ежемесячный исторический сборник – 82, 103, 106, 122, 136, 220, 327
«Журнал Министерства Народного просвещения» (1803–1917), издавался в Москве – 168
«Московские ведомости» (1756–1916) – газета; с 1859 г. выходила ежедневно – 232, 242, 254, 268, 269, 272, 294
«Нива» (1870–1918) – петербургский еженедельный журнал для семейного чтения – 321
«Новое время» (1868–1916) – петербургская политическая и литературная ежедневная газета – 132, 153, 164, 166, 169, 173, 241
«Полицейские московские ведомости» – «Ведомости московской городской полиции» (1848–1905) – ежедневная газета – 274
«Правительственный вестник» (1869–1916) – петербургская ежедневная газета – 166

«Православное обозрение» (1860–1891) – московский журнал – 218, 272

«Рассвет» (1879–1884) – еженедельная петербургская газета, орган русских евреев – 155

«Русский вестник» – московский журнал; в 1856–1887 гг. издавался М. Н. Катковым – 262

«Старая и новая Россия» – см. «Древняя и новая Россия»

«Странник» (1860–1917) – петербургский учено-литературный журнал – 92

«Христианское чтение» (1821–1917) – петербургский журнал – 69, 75, 150

«Церковно-общественный вестник» (1874–1886) – петербургский журнал, издавался при Санкт-Петербургской Духовной академии – 168, 173

«Церковный вестник» (1875–1916) – еженедельный петербургский журнал; орган Святейшего Синода, издавался при Санкт-Петербургской Духовной академии – 55, 69, 173, 259

Измайловский полк – 54

Кавалергардский полк на Захарьевской улице – 83, 106, 120, 122

Семеновский полк – 59

ЛАВРЫ

Киево-Печерская лавра – первоначально Печерский монастырь, основан в XI веке святыми Антонием и Феодосием; лавра с 1786 г. – 20, 24, 42

Лавра, Александро-Невская лавра – см. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра

Почаевская лавра – Почаевско-Успенская мужская лавра в Волынской губернии; основана в 1597 г. как монастырь в местечке Почаеве, близ города Кременец; лавра с 1833 г. – 42

Свято-Троицкая Александро-Невская лавра – первоначально Александро-Невский монастырь, основан Петром I в 1710 г.; лавра с 1742 г.; современный адрес: площадь Александра Невского, 1, набережная реки Монастырки – 3, 13, 16–18, 20, 24–26, 43, 46, 47, 52, 72, 74, 78, 85, 89, 96, 107, 111, 114, 118, 121, 123, 128, 132, 133, 135, 137, 143, 147, 150, 152, 156, 163, 165, 213, 225, 244, 245

Троице-Сергиева лавра – первоначально Троице-Сергиевый монастырь (вблизи Москвы), основан Сергием Радонежским около 1335 г.; лавра с 1744 г. – 13, 20, 24, 26, 123, 213, 215, 216, 217, 245

Троицко-Сергиевская, Сергиева лавра – см. Троице-Сергиева лавра

МОНАСТЫРИ

Андроньевский монастырь – Спасо-Андроников мужской монастырь в Москве; основан в 1360 г. святителем Алексием, митрополитом Московским; современный адрес: Прямикова площадь, 10; закрыт в середине 1920-х гг. – 156, 219

Богоявленский мужской монастырь в Москве – основан в 1296 г. московским князем Даниилом Александровичем; современный адрес: Куйбышевский проезд, 2*6; закрыт в 1929 г. – 27, 174, 206*

Вифания – Спасо-Вифанский мужской монастырь вблизи Троице-Сергиевой лавры, основан в 1783 г. митрополитом Московским Платоном – 216

Воздвиженский монастырь в Москве – Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня монастырь; основан в Белом городе (на Воздвиженке) в 1440 г. боярином Ховриным, перестроен в 1547 г.; был упразднен после пожара 1812 г. и обращен в приходскую церковь – 258

Вознесенский женский монастырь в Москве – основан в 1387 г. княгиней Евдокией, женой Дмитрия Донского; современный адрес: Спасская улица; разрушен в 1929 г. – 277, 287

Воскресенский первоклассный женский монастырь (Новодевичий) в Петербурге – основан императрицей Елизаветой в 1748 г.; современный адрес: Московский проспект, 100 – 82, 83, 90, 91, 99, 108, 120, 132, 134, 142, 165, 169, 171, 175, 186, 217, 220, 224, 243, 266, 319

Высокопетровский мужской монастырь в Москве – основан не позже 1330-х гг. при жизни митрополита Петра; современный адрес: Петровка, 28; закрыт в 1917 г. – 286

Данилов мужской монастырь – основан не позже 1282 г. святителем Даниилом, князем Московским; современный адрес: Даниловский вал, 22; закрыт в 1930 г. – 288

Донской мужской монастырь – основан в 1593 г. в память чудесного избавления Москвы от нашествия Крымского хана; современный адрес; Донская площадь, 1; закрыт в 1924 г. – 289

Заиконоспасский мужской монастырь в Москве – основан в 1600 г. царем Борисом Годуновым; современный адрес: Никольская улица, 1; закрыт в 1929 г. – 278

Зачатьевский женский монастырь в Москве – основан в 1584 г. царем Федором Иоановичем; современный адрес: 2-ой Зачатьевский переулок, 2; закрыт в 1924 г. – 290

Златоустовский мужской монастырь в Москве – основан в начале XV в.; современный адрес: Малый комсомольский переулок, 5; разрушен в

1933 г. – 273, 274

Знаменский монастырь в Москве – монастырь Знамения Пресвятой Богородицы в Зарядье; основан царем Михаилом Федоровичем в 1630 г. – 286

Ивановский женский монастырь в Москве – основан в XVI в.; современный адрес: улица Забелина, 4; закрыт в 1918 г. – 291

Казанский монастырь в Казани – вероятно, Спассо-Преображенский монастырь в казанском Кремле; основан в 1556 г. – 299

Миссионерский монастырь – см. Покровский Миссионерский мужской монастырь.

Невский монастырь – см. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра Никитский женский монастырь в Москве – основан в 1582 г. боярином Никитою Романовым; современный адрес: улица Герцена, 7; закрыт в 1929 г. – 279, 287 Новгород-Северский монастырь Черниговской губернии – Спасо-Преображенский мужской монастырь в городе Новгород-Северский; основан князем Мстиславом в 1033 г. – 175

Новгородский Покровский Зверин монастырь – Зверин Покров женский монастырь в Новгородской губернии; основан в XII веке – 202

Новодевичий женский монастырь в Москве – основан в 1524 г.; современный адрес: Новодевичий проезд, 1; закрыт в 1922 г. – 243, 266

Новодевичий монастырь – см. Воскресенский первоклассный женский монастырь.

Новоезерский монастырь Новгородской губернии – Кириллов-Новоезерский монастырь вблизи Белозерска; основан Святым Кириллом в 1517 г. – 85

Новоспасский мужской монастырь в Москве – основан в начале XIV в., по преданию, Юрием Долгоруким, название получил в 1490 г.; современный адрес: Крестьянская площадь, 10; закрыт в 1918 г. – 258, 287

Перервин монастырь в Москве – Николо-Перервенский мужской монастырь; основан в 1623 г.; современный адрес: Шоссейная улица, 82; закрыт в конце 1920-х гг. – 289

Покровский Миссионерский мужской монастырь в Москве – основан в 1635 г. царем Михаилом Федоровичем; современный адрес: Таганская улица, 58; закрыт в 1926 г. – 246, 249, 279, 287

Преображенский монастырь в Москве – Новоспасский 1-го класса необщежительный мужской монастырь; основан в Кремле в 1300 г. Иоанном Калитою; закрыт в 1918 г. – 281

Рождественский женский монастырь (обитель) в Москве – основан около 1386 г., по преданию, матерью князя Владимира Храброго, княгиней

Марией; современный адрес: угол Рождественки и Трубной площади; закрыт в 1923 г. – 280, 290, 291

Рославленский монастырь – Спассо-Преображенский мужской монастырь в городе Рославле Смоленской губернии; основан в XVI в. – 165

Святого Тихона монастырь в Воронеже – Дивногорский Острогоржский монастырь; основан в 1653 г.; первым архимандритом его был Тихон (1673–1692) – 88

Симоновский монастырь в Москве – Симонов мужской монастырь; основан в 1370 г. преподобным Федором, племянником Сергия Радонежского; современный адрес: Восточная улица, 4; закрыт в 1923 г. – 287

Смольный монастырь – см. Воскресения Христова Всех учебных заведений собор (Воскресенский Смольный собор).

Спасский монастырь в Казани – Спасо-Преображенский монастырь; основан в 1555 г. – 300

Сретенский мужской монастырь в Москве – основан в 1395 г.; современный адрес: Лубянка, 19–21; разрушен в 1928–1930 гг. – 286

Страстной женский монастырь в Москве – основан в 1654 г. царем Алексеем Михайловичем; современный адрес: Пушкинская площадь; закрыт в 1928 г. – 244, 246, 253, 259, 274, 275, 291, 292

Супрасальский монастырь, Белостокского уезда Гродненской губернии, Литовской епархии – Благовещенский мужской монастырь при колонии Супрасаль; основан в 1498 г., воссоединен из унии в 1839 г. – 224

Хотьков монастырь под Москвой – Хотьков Покровский монастырь, вблизи Троице-Сергиевой лавры; впервые упоминается в 1422 г. – 286

Чудов мужской монастырь в Москве – основан в 1365 г. святителем Алексием, митрополитом Московским; современный адрес: Кремль, Ивановская (Царская) площадь; закрыт в 1918 г. – 244, 247, 266, 268, 280, 283, 289

Юрьевский (Юрьев) монастырь вблизи Новгорода – основан в XI веке новгородскими князьями – 88, 93, 95, 159, 92

ПОДВОРЬЯ

Подворье – см. Саввинское подворье

Саввинское подворье – подворье Саввино-Сторожевского монастыря на Тверской улице в Москве; основано в 1787 г.; современный адрес: Тверская улица, 6; закрыто в 1922 г. – 242, 245, 253, 281, 283, 286, 287, 294, 295, 313

Троицкое подворье – подворье Троице-Сергиевой лавры в Петербурге; основано в 1770 г.; современный адрес: набережная реки Фонтанки, 44 –

196

Угрешское подворье в Москве – подворье при Николо-Угрешском мужском монастыре; основано в 1380 г. великим князем Дмитрием Донским; современный адрес: рабочий поселок Дзержинский; закрыто в 1920-х гг. – 253

Чижовское подворье (вблизи Богоявленского монастыря) в Москве – 95, 294

ПУ?СТЫНИ

Аносинская пустынь в Москве – Аносин-Борисоглебский монастырь Звенигородского уезда; основан княгиней Е. Н. Мещерской в 1822 г. – 290

Китаевская пустынь – основана в 1150 г. вблизи Киева, при Киево-Печерской лавре; возобновлена в 1716 г. – 314

Сергиева пустынь – Троице-Сергиева пустынь (первоклассный мужской монастырь на берегу Финского залива под Петербургом); основана в 1733 г. архимандритом Варлаамом (Высоцким), настоятелем Троице-Сергиевой лавры – 200, 203

СОБОРЫ И ХРАМЫ

Архангельский собор Кремля – Архистратига Михаила собор; построен в 1505–1508 гг. Алевизом Новым на месте существовавшей с 1333 г. деревянной Архангельской церкви; современный адрес: Соборная площадь; закрыт в 1918 г. – 271, 279

Благовещенский собор – основан Василием Великим в 1397 г. в Кремле – 271

Благовещенский собор в Казани – кафедральный собор Благовещения Пресвятой Богородицы; впервые упоминается в 1552 г. – 298–302

Воскресения Христова Всех учебных заведений собор (Воскресенский Смольный собор) в Петербурге; построен архитектором Ф. Б. Растрелли в 1748–1761 гг., достроен В. П. Стасовым в 1832–1835 гг.; современный адрес: площадь Растрелли – 85, 129

Исаакий, Исаакиевский собор – Святого Исаакия Далматского кафедральный собор; построен архитектором О. Р. Монферраном в 1818–1858 гг.; современный адрес: Исаакиевская площадь, 1–71, 102, 114, 117, 137, 140, 141, 166, 179, 180, 189, 205, 208, 218, 219, 233

Казанский собор – Божией Матери Казанской собор в Петербурге; построен архитектором А. Н. Воронихиным в 1801–1811 гг.; современный адрес: Казанская площадь, 2–117, 163, 170, 208, 189, 312

Лаврский собор – см. Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры

Никола Морской – Морской Николо-Богоявленский кафедральный

собор в Петербурге; построен архитектором С. И. Чевакинским в 1753–1762 гг.; современный адрес: Никольская площадь 1*3 – 166*

Покрова Божией Матери на Рву собор – возведен в 1555–1561 гг. на месте погребения Блаженного Василия, Христа ради юродивого; современный адрес: Красная площадь – 277

Преподобного Сергия собор в Троице-Сергиевой лавре – церковь Преподобного Сергия сооружена повелением царей Иоанна V и Петра I в 1686 г. и 1692 г. – 283

Придворный собор Спаса Нерукотворного образа в Зимнем дворце; построен архитектором Ф. Б Растрелли в 1763 г., восстановлен В. П. Стасовым после пожара в 1839 г. – 126

Свято-Троицкий собор в Александро-Невской лавре в Петербурге; построен архитектором И. Е. Старовым в 1776–1790 гг. – 81, 90, 104, 115, 121, 124, 125, 139, 152, 153, 163, 179, 188, 198, 199, 201, 203, 207, 212, 214, 226, 233, 237, 312

Святого Владимира («Успения на Мокрушах») собор на Петербургской стороне; построен архитекторами М. Г. Земцовым и П. А Трезини в в 1741–1747 гг., перестроен А. Ринальди (в 1766–1772 гг.) и И. Е. Старовым (в 1783–1789 гг.); современный адрес; угол улицы Блохина, 26 и проспекта Добролюбова – 150

Святого Сергия Радонежского всей артиллерии собор в Петербурге; построен архитектором Ф. И. Демерцовым в 1796–1800 гг.; современный адрес: угол Литейного проспекта и Сергиевской улицы – 114, 116, 118, 143, 172

Сергиевский собор – см. Святого Сергия Радонежского всей артиллерии собор.

Смольный – см. Воскресения Христова Всех учебных заведений собор (Воскресенский Смольный собор).

Собор – см. Свя го-Троицкий собор Александро-Невской лавры

Спас на Бору собор в Кремле – Спаса Преображения на Бору собор; построен в 1330 г. на месте существовавшей с 1272 г. деревянной церкви; разрушен в 1933 г. – 270

Троицкий собор – Святой Троицы собор в Петербурге; построен архитектором С. А. Волковым в 1743–1746 гг., находился на Троицкой площади, снесен в конце 1920-х гг. – 142

Успенский собор в Кремле – Успения Божией Матери собор; построен в 1479 г. на месте прежнего Успенского собора, возведенного Иваном Калитой в 1326–1327 гг.; современный адрес: Соборная площадь; закрыт в 1918 г. – 247, 256, 259, 265, 268, 270, 276, 277, 295

Храм Спасителя – кафедральный собор митрополита Московского; построен архитектором К. А. Тоном в 1839–1883 гг. близ Пречестенских ворог на месте бывшего Алексеевского монастыря; уничтожен в 1931 г., выстроен заново в 1995 г.; современный адрес: Волхонка, 15 – 112, 206, 274, 276, 279

ЦЕРКВИ

Академическая церковь – Святой Екатерины церковь при Академии художеств в Петербурге; построена архитектором К. А. Тоном в 1837 г. – 115

Благовещенская церковь – Благовещения Пресвятой Богородицы церковь в Александро-Невской лавре в Петербурге; построена архитектором Д. Трезини в 1717–1725 г. – 224, 231

Богоявленская церковь в Елохово – Богоявления церковь в Елохове; построена в 1722–1731 гг. царевной Прасковьей Ивановной; современный адрес: Спартаковская улица, 13 – 267, 274

Большая церковь в Зимнем дворце в Петербурге – см. придворный собор Спаса Нерукотворного образа.

Больше-Охтенская, Духовская церковь – Сошествия Святого Духа («Духовская») церковь на Большой Охте в Петербурге; построена в 1844 гг., находилась на Большеохтенском проспекте; уничтожена в 1933 г. – 152, 204

Большое Вознесенье в Москве – церковь Вознесения Господня, именуемая «Большим», у Никитских ворог, впервые упоминается в 1685 г.; современный адрес: Герцена, 36; закрыта в 1931 г. – 289

Василия Блаженного церковь в Москве – см. собор Покрова Божией Матери на Рву

Василия Кесарийского церковь на Тверской-Ямской – построена в 1680-х гг. на месте существовавшей в начале 1600-х гг. деревянной церкви; уничтожена в 1935 г. – 252

Введения, Введенская церковь – Введения во храм Пресвятой Богородицы и Святого Иакова церковь лейб-гвардии Семеновского полка в Петербурге; построена архитектором К. А. Тоном в 1837–1842 гг.; современный адрес: Загородный проспект, 45а – 122, 140, 128

Владимирская церковь – Божией Матери Владимирской и Святого Иоанна Дамаскина церковь в Петербурге; построена архитектором П. А. Трезини в 1760–1769 г.; современный адрес: Владимирский проспект, 20 – 153

Владимирской Божией Матери церковь, у Владимирских ворот Китай-города – построена в 1692 г. царицей Натальей Кирилловной;

современный адрес: Никольская, 14; закрыта в 1932 г. – 277

Входа Господня в Иерусалим («Знаменская») церковь в Петербурге; построена архитектором Ф. И. Демерцовым в 1794–1804 гг.; находилась на Знаменской площади; уничтожена в 1940 г. – 146, 169, 175, 204

Георгиевская кладбищенская церковь – Святого Великомученика Георгия Победоносца церковь на Большеохтенском кладбище в Петербурге; сооружена в 1774–1778 гг., уничтожена в 1938 г. – 152

Греческая церковь – Святого Димитрия Солунского церковь при греческом посольстве на Лиговке (дом 6) в Петербурге; построена архитектором Р. И. Кузьминым в 1861–1866 гг.; уничтожена в 1961 г. – 109

Духовская церковь – Сошествия Святого Духа церковь в Александро-Невской лавре в Петербурге; окончательно завершена архитектором В. П. Петровым в 1820–1822 гг. – 89, 123, 125, 187, 224, 233

Духовская церковь на Охте – см. Больше-Охтенская церковь Единоверческая церковь – см. Николаевская единоверческая церковь. Екатерининская церковь – Святой Екатерины церковь в Петербурге; построена архитектором А. А. Михайловым в 1811–1823 гг., в 1861–1863 гг. В. А. Болотовым была частично перестроена и возведена колокольня; современный адрес: Съездовская линия, 27–160

Знаменье, Знаменская церковь – см. Входа Господня в Иерусалим («Знаменская») церковь.

Иверская церковь в Москве – церковь Иверской Божьей Матери на Большой Ордынке; впервые упоминается в 1625 г.; современный адрес: Ордынка, 39; закрыта в конце 1920-х гг. – 266

Казанской Божией Матери церковь в Москве у Калужских ворот; построена в 1886 г. на месте существовавшей с 1660 г. деревянной церкви; уничтожена в 1972 г. – 250, 270

Крестовая – Крестовая митрополичья Успения Пресвятой Богородицы церковь в Александро-Невской лавре; возведена при покоях митрополита архитектором А. М. Горностаевым в 1860–1863 гг. – 82, 84, 111, 129, 135, 143, 164, 169, 179, 185,189, 197, 201–205, 207, 217, 225–227, 228, 237, 238, 313

Крестовая церковь в Казани – церковь Воздвижения Честного Креста; освящена в 1642 г. – 300

Крестовая церковь Платона в Троице-Сергиевой лавре – церковь Святых апостолов Петра и Павла, Крестовая церковь в архиерейских покоях, изначально была военно-походным храмом; основана в 1758 г.; в 1795 г. митрополит Московский Платон посвятил ее памяти апостолов Петра и Павла, а на сводах и стенах изобразил эмблемы и назидательные

надписи собственного сочинения – 284

Малая церковь в Зимнем дворце в Петербурге – Сретения Господня церковь; построена в 1768 г., восстановлена В. П. Стасовым после пожара в 1839 г. – 126

Малое Вознесенье в Москве – церковь Вознесения Господня, именуемая «Малым», у Никитских ворот; построена в 1584 г. царем Федором Иоанновичем; современный адрес: Герцена, 18; закрыта в 1937 г. – 265

Николаевская единоверческая церковь – Святителя Николая Чудотворца и Преображения Господня церковь в Петербурге; построена архитектором А. И. Мельниковым в 1820–1826 гг.; в 1934 г. здание передано музею Арктики, современный адрес: улица Марата, 24а – 192, 170 Никольская церковь в Сызрани – 304 Покровская приходская церковь в Сызрани – 304

Рождественская на Песках церковь – Рождества Христова (Рождества-на-Песках) церковь в Петербурге; построена архитектором П. Е. Егоровым в 17811798 гг., перестроена в 1849–1851 г.; находилась в местности Пески на 6-ой Рождественской улице; уничтожена в 1934 г. – 152, 156

Святого Никиты Мученика церковь в Москве – церковь Святого Никиты Великомученика на Старой Басманной; построена в 1518 г. – 281

Святого Николая Явленного церковь на Арбате – церковь Святого Николая Чудотворца «Явленного»; впервые упоминается в 1593 г.; разрушена в 1931 г. – 263, 274

Святой Александры церковь при Александрийской женской больницы в Петербурге; построена архитектором А. П. Брюлловым в 1844–1848 гг.; современный адрес: улица Маяковского, 12 – 190

Святой Троицы церковь у Рогожской заставы в Москве – видимо, ошибка – церкви Святой Животворящей Троицы в Рогожской части Москвы не было – 271

Сергиевская церковь – см. Святого Сергия Радонежского всей артиллерии собор.

Синодальная церковь – Святых Отцов Семи Вселенских Соборов церковь при Святейшем Синоде; построена архитектором К. И. Росси в 1835 г.; современный адрес: площадь Декабристов, 3–235

Скорбященской Божьей Матери церковь – Божией Матери «Всех Скорбящих Радости» церковь в Петербурге; построена архитектором Л. Руска в 1817–1818 гг.; современный адрес Шпалерная улица, 35а – 88, 140

Спасо-Бочаринская церковь – Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня и Божией Матери Тихвинской («Спасо-

Бочаринская») церковь в Петербурге; построена в 1749–1752 гг.; находилась на Выборгской стороне (Симбирская, 25); уничтожена в 1932 г. – 100, 117, 118

Церковь великого князя Николая Николаевича (старшего) – Божией матери «Всех скорбящих Радости» церковь в Петербурге; сооружена во дворце великого князя Николая Николаевича (старшего) в 1863 г.; современный адрес: площадь Труда, 4–111, 118

Церковь графа А. Д. Шереметева – Святого Благоверного Князя Александра Невского церковь в доме графа А. Д. Шереметева в Петербурге; построена по проекту архитекторов А. И. фон Гогена и Г. В. Барановского в 1887–1889 гг.; современный адрес: Шпалерная улица, 18–116, 229, 250

Церковь Департамента уделов – Святого Спиридона Тримифунтского церковь при Главном управлении уделов в Петербурге; построена архитектором А. И. Резановым в 1857 г.; современный адрес: Литейный проспект, 39–202

Церковь домовая князя Н. П. Мещерского в Москве – церковь девяти мучеников Кизических; построена вместе с домом в конце XVIII в.; современный адрес: улица Герцена; закрыта в начале 1920-х гг. – 257

Церковь Кавалергардского полка – Святых Захария и Елизаветы церковь лейб-гвардии Кавалергардского полка в Петербурге; построена в 1752–1756 гг., перестроена архитектором Л. Н. Бенуа в 1896–1899 гг.; современный адрес: Захарьевская улица, 20*22, уничтожена в 1948 г. – 188*

Церковь рода Шереметевых в Москве – церковь Святой Животворящей Троицы при странноприимном доме графа Шереметева; построена в 1739 г. на Большой Сухаревской площади – 287

ЧАСОВНИ

Афонская часовня – часовня Богоявленского монастыря в Москве; устроена в 1866 г. по поводу прибытия с Афона мощей великомученика Пантелеймона; находилась на Никольской улице, уничтожена в 1929 г. – 265

Гуслицкая часовня – часовня Христа Спасителя Гуслицкого Спасо-Преображенского мужского монастыря Московской губернии в Петербурге; возведена перед портиком Перинной линии Гостиного двора на Невском проспекте архитектором А. М. Горностаевым в 1860–1861 гг.; уничтожена в 1929 г. – 170

Черменецкая часовня – часовня Святого Иоанна Богослова подворья Черменецкого Иоанно-Богословского мужского монастыря в Петербурге; возведена в 1865 г. на Моховой улице; уничтожена в начале 1930-х гг. –

146, 170

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫЕ

Англицкая епископальная церковь в Сингапуре – 316

Гроба Господня – храм в Иерусалиме – 156

Католическая церковь в Сингапуре – 316

Пресвитерианская церковь в Сингапуре – 316

Святая София в Константинополе – 314

Храм в Ханькоу – 299

Приюты, больницы, госпитали

Александрийская больница чахоточных женщин – Александрийская женская больница – 189

Госпиталь для раненых воинов на Васильевском острове – 103

Еврейский приют на Песках и храмовый праздник в нем – 130

Заведение слепых Красного Креста – 145

Марьинская больница – Мариинская больница для бедных на Литейном – 190

Марьинский приют – Мариинский приют Красного Креста на Петербургской стороне – 142

Происшествия

Покушения на императора Александра II – 111, 170

Покушение на М. Т. Лорис-Меликова – 182, 183

Развлечения

«Живые картины» в доме отца Ф. Н. Быстрова – 128

Императорская Придворная капелла – 108, 170

Масленичные гулянья на Царицыном лугу – 181, 197

Певческая капелла – см. Императорская Придворная капелла.

Религиозные праздники и службы

Вербный базар у стен Кремля – 258

Вечерня перед Великим постом в соборе Святой Троицы Александро-Невской лавры – 199

Водоосвящение в Александро-Невской лавре – 124, 125

Водоосвящение на Неве и прием в Зимнем дворце – 126

Встреча Московского митрополита Макария – 266, 267

Крестный ход в день праздника Владимирской Божией Матери в Москве – 270

Крестный ход на Москва реке в день Преполовения – 269, 270

Литургия в Исаакиевском соборе в день восшествия на престол и двадцатипятилетия царствования Александра II – 179–182

Литургия в Успенском соборе в Вербное воскресенье – 259

Литургия в Успенском соборе в праздник Пятидесятницы – 295
Молебен в Исаакиевском соборе по случаю избавления Александра II от опасности при покушении в Зимнем дворце – 114
Обедня в доме графа С. Д. Шереметева – 143, 229
Обедня в Исаакиевском соборе – 201, 206
Обедня в Крестовой митрополичьей церкви Александро-Невской лавры – 111
Обедня в Мраморном дворце – 156
Обедня в соборе Святой Троицы Александро-Невской лавры – 198, 199
Панихида по покойной императрице Марии Александровне в Чудовом монастыре – 280
Служба «Торжество православия» в Исаакиевском соборе – 71–73
Хиротония отца Николая в Александро-Невской лавре – 225–226
Судоходство
Добровольный флот – 150, 160, 163, 188, 204, 213, 315
«Императрица» – речной пароход – 296
«Курьер» – торговое морское судно – 130
«Нижний Новгород» – речной пароход – 229
«Новосельский» – речной пароход – 301
Общество пароходства и торговли – 315
«Одесса» – морское судно – 314
Пароходное общество «Кавказ и Меркурий» на Волге – 301
Самолетская пароходная компания на Волге – 296, 302
«Соболь» – морское судно – 124, 127
«Hector», «Гектор» – морское судно – 321 «Ocean Steam-Ship C°» – морская пароходная компания – 312, 315
«Tencer» – морское судно – 312, 315, 319, 321
Торжества
Открытие памятник Пушкину в Москве 6 июня 1880 г. – 280, 291–294
Торжества 19 февраля 1880 г. в день восшествия на престол императора Александра II – 179
Учебные заведения
Академия наук – 166
Академия художеств – 101–103, 105, 107, 113, 116, 161, 279
Александровский институт в Москве – 274
Варшавский университет – 156
Воспитательный дом в Москве – 273
Вторая военная гимназия на Петербургской стороне – 149
Гимназия начальная московская – 270

Гимназия Классическая женская московская С. Н. Фишер (основана в 1872 г.) – 275, 282, 293, 295
Гимназия Первая женская московская – 270
Гимназия Первая мужская московская – 275, 276, 279
Гимназия Четвертая московская – 270
Демидовское училище в Петербурге – 228
Екатерининский институт в Москве – 262, 267, 274
Елизаветенский женский институт в Москве – 272
Императорский лицей в память цесаревича Николая (основан М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым в 1868 г. в Москве) – 174, 194, 277, 282, 287, 295
Казанский университет – 299
Коммерческое училище – 151
Лицей, лицей Каткова в Москве – см. Императорский лицей в память цесаревича Николая
Мариинская женская гимназия – 142
Медицинская академия – 101, 158
Морской корпус – 132
Московский университет – 243, 267, 275, 277, 282, 293, 294
Московский учебный округ – 249, 253, 294
Николаевский институт – 172
Николаевский сиротский институт в Москве – 262, 273
Никольский сиротский институт – см. Николаевский сиротский институт
Павловские военное училище – 195
Педагогический институт – 242
Первая военная гимназия – 154
Петербургский учебный округ – 168
Публичный акт в Петербургском университете – 167–169
Ремесленное училище (школа) цесаревича Николая – 154
Родионовский институт благородных девиц в Казани – 300
Смольный – Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) – 99
Технологический институт – 155, 186
Университет – Императорский Петербургский университет – 167, 168
Училище слепых воинов на Петербургской стороне – 159
Училище (школа) С. А. Рачинского в селе Татево – 310
Школа Е. Н. Самариной на Арбате – 266

Учреждения государственные и административные

Азиатский департамент Министерства иностранных дел – 85, 190, 191, 216, 249
Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия (учреждена в 1880 г.) – 176
Государственная казна – 258
Государственное казначейство – 85, 87, 88, 92, 93, 194
Государственный контроль – 123
Государственный совет – 81, 85, 87, 105, 120–122, 157, 160–162, 171, 174, 183, 190, 206
Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел – 85
Департамент личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел – 85, 127, 157, 191, 204, 223
Департамент экономии Министерства иностранных дел – 105, 162, 171
Казенная палата – 246
Казначейство – см. Государственное казначейство Канцелярия Ее Величества – 123
Министерство внутренних дел – 85
Министерство иностранных дел – 85, 93, 104, 127, 138, 157
Министерство народного просвещения – 81, 138, 168
Министерство финансов – 104
Министерство юстиции – 93
Московская Дума – 278
Особая канцелярия по кредитной части Министерства иностранных дел – 223
Почта, почтамт петербургский – 180, 305, 316
Сенат – 183
Удельное ведомство – Главное управление уделов – 202
Управление по делам печати – 158
Учреждение по кредитной части – 191
Экономический департамент – см. Департамент экономии.
Учреждения Духовного ведомства
Академия – Санкт-Петербургская Духовная академия – 81, 84, 85, 99, 105, 111, 153, 164, 177, 181, 185, 186, 197, 204, 223, 231
Акт в Санкт-Петербургской Духовной академии – 177
Алтайская православная Духовная миссия (основана в 1830 г.) – 98
Библиотека Московской Духовной академии – 285
Библиотека Санкт-Петербургской Духовной академии – 169

Благовещенская богадельня – Приют для детей и стариков при церкви Благовещения Пресвятой Богородицы и Воздвижения Креста Господня в Петербурге, построенной в 1750–1772 гг., современный адрес: Васильевский остров, Малый проспект, между домами 18–20 – 90–91
Богадельня при церкви Святой Троицы в Москве – 271, 272
Борятинская община в Москве – 245
Георгиевская община сестер милосердия располагалась при церкви Святого Великомученика Георгия Победоносца в Петербурге, построенной в 1874 г.; современный адрес: Выборгская набережная реки Большая Невка, 1–133, 153, 199, 219
Детское Миссионерское общество – 269, 270, 288
Донское Духовное училище в Москве – 289
Духовная православная миссия в Пекине – 114
Духовное ведомство – 86, 87, 157, 187, 240, 244
Духовный собор – 194, 228, 231
Духовный совет – 194
Единоверческое училище в Москве – 271
Живописная мастерская в Московской Духовной академии – 285
Заиконоспасская академия в Москве – 278
Заиконоспасское училище в Москве – 278
Иерусалимская православная Духовная миссия – 84
Казанская Духовная академия – 297–301
Казанская Духовная семинария – 274, 298, 299, 301
Канцелярия Обер-прокурора Святейшего синода – 104, 213, 219, 221, 262
Канцелярия Петербургского митрополита – 291
Канцелярия Совета Миссионерского общества – 250, 269
Киевская Духовная академия – 143, 314
Киевская Духовная семинария – 314
Комитет Общества вспомоществования бедным студентам Духовной академии – 174
Комитет по сокращению епархиальных приходов – 95
Консистория Святейшего Синода казанская – 299, 300
Консистория Святейшего Синода московская – 313
Крестовоздвиженская община сестер милосердия – 154
Литовская епархия – 224
Минская Духовная семинария – 150
Мироварная палата в Москве – 261, 268
Миссионерская академия – 280

Миссионерское общество – Православное миссионерское общество (основано в 1870 г.) – 80, 81, 92, 93, 94, 196, 242, 243, 245, 251, 258, 294, 295
Миссионерское собрание – 95, 268
Московская Духовная академия – 247, 250, 259, 260, 285, 286, 289
Московская Духовная семинария – 242, 251, 278, 284
Московская епархия – 173
Московская кафедра – кафедра Московской Духовной академии – 80
Новодевичья обитель при Воскресенском первоклассном женском монастыре (Новодевичьем) в Петербурге – 91
Общество любителей Духовного просвещения (основано в 1863 г.) – 293
Общество для распространения Священного Писания в России (основано в 1869 г.) – 88, 160, 211, 212
Общество Православных (основано в 1880 г.) – 311
Одесская Духовная семинария – 314
Одесское Духовное училище – 314
Патриаршая кафедра – 259
Патриаршая ризница в Москве – 275
Перервинское Духовное училище в Москве – 202
Пермская Духовная семинария – 150
Покровская община в Петербурге – 187
Приют Благотворительного общества в приходе Святого Владимира на Петербургской стороне – 150
Приют Святого мученика Мефодия Патарского на Песках в Петербурге – 147, 148
Рижское викариатство – 92
Ризница в Троице-Сергиевой лавре – 285
Рязанская Духовная семинария – 306
Санкт-Петербургская Духовная семинария – 153, 172, 236
Семинария – см. Смоленская Духовная семинария
Синод – Святейший Синод – 73, 80, 86, 87, 92, 93, 124, 126, 129, 133, 140, 157, 164, 172, 178–180, 190, 202, 204–206, 211, 213–216, 221, 229, 234, 235, 239, 241, 258, 259, 266, 268, 274, 312
Синодальная канцелярия – см. Канцелярия Обер-прокурора Святейшего синода.
Синодальная лавка – 110
Синодальное управление – 164
Совет – см. Совет Миссионерского общества
Совет Миссионерского общества – 95, 98, 144, 250, 264, 269

Смоленская Духовная семинария – 82, 107, 195
Типография Синодальная – 313
Учительская семинария в Казани – Казанская инородческая учительская семинария – 297
Учительская семинария в Москве – 271
Филаретовское женское училище в Москве – 281, 288
Хозяйственное управление Святейшего Синода – 107, 191, 202, 213, 240, 313, 314, 326
Ярославская Духовная семинария – 162

Япония

Духовская церковь в Сиба-кёоквай – 187
Едо – см. Эдо.
Женская школа – см. женское православное училище.
Женское православное училище (семинария) в Токио – основано миссионеркой-диаконисой М. А. Черкасовой во второй половине 1870-х гг. Наряду с теологическими дисциплинами, девушек обучали навыкам домоводства, шитья, пения и рисования – 82, 83, 91, 92, 100, 105, 106, 109, 113, 159, 215, 217, 227, 251
Живописная школа в Японской православной Духовной миссии – 107
Идзу – 321
Йокохама (Йокохама) – 76, 173, 319–326
Исиномаки – 273
Катихизаторское училище – основано отцом Николаем в Токио в начале 1870-х гг.; училище готовило проповедников православия из местного населения – 91, 97, 192
«Кёоквай Хооци» – 152
Киусиу – 323
Кунге – 213 *
Маебаси – 238
Миссийский дом – 90, 91
Миссия – см. Японская православная Духовная миссия.
Мицубиси (компания) – 321
Нагасаки – 75, 76, 150, 223, 256
Ниппон (Нихон) – см. Япония.
Оосака – 327
План церкви в Исиномаки – 273
Посольская церковь в Японии – 141, 157, 216
Посольство российское в Японии (было открыто в Токио в 1872 г.) – 157, 191, 204

«Сейгаку засси» («Сёогаку засси») – газета семинаристов – 123, 130, 132

«Сейкёо симпо» – «Православные вести» – официальный орган Японской православной Духовной миссии; выходили на японском языке с 15 декабря 1880 г. – 327

«Сейсей-засси» – 327

Семинария – Духовная мужская православная семинария в Токио была открыта отцом Николаем в 1875 г., в нее набирали подростков с начальным образованием. Программа, рассчитанная на семь лет, предусматривала как теологические, так и общие предметы, в ней преподавали: языки, историю (российскую и японскую), читали китайские классические книги. Первый выпуск семинарии состоялся в 1882 г. – 91, 112, 151, 192, 255, 326

Сиба-кёоквай – 187

Собор Японской православной Духовной миссии – был возведен в Токио по проекту архитектора М. А. Щурупова в 1884–1891 гг. – 82, 83, 91, 92, 100, 103, 105, 106, 109, 112, 114, 119, 130, 133, 134, 139, 140, 145, 147, 150, 161, 163, 171, 173, 183, 188, 189, 194, 204, 210, 211, 213, 217, 241, 243, 244, 250, 254, 257, 269

Суругадай – холм в Токио, на котором был построен собор – 274, 321, 326

Тоокёо (Токио) – 323, 326

Уено – 327

Училищная церковь в доме Японской православной Духовной миссии – 90, 91, 120

Хакодате – 71, 75–77, 115, 164, 210, 254, 325

* «Кунге» (кугэ) не город, а придворная аристократия, двор.

Хёого – 75, 76

Храм – см. собор Японской православной Духовной миссии.

Церковь в Японской женской миссии – 212

Эдо – 137

Эдская семинария – 109

Япония – 74, 75, 77, 78, 80, 82–87, 89–91, 95–101, 104, 105, 107–110, 112–114, 117, 119–125, 128–130, 132, 134–136, 138, 140–142, 144, 145, 147, 150, 151, 153, 157, 158, 159, 161, 163, 166, 167, 169–176, 178, 180, 183, 187, 188, 191–193, 195–197, 200–202, 206, 208, 210–215, 217–219, 221, 223, 224, 228–231, 234, 236–238, 244, 246–249, 251, 252, 254–257, 259, 262, 263, 265, 268, 271–273, 278–280, 284–286, 288, 290, 294, 295, 298–300, 305, 307, 312–314, 316, 321, 322, 324–326

Японская православная Духовная миссия (образована в 1870 г.) – 78, 80–98, 100–103, 107–110, 113–116, 118–120, 122–125, 128–130, 132, 133, 138, 139, 142144, 152, 153, 156–159, 162, 163, 165, 170–173, 175, 184, 186, 187, 189, 190, 194, 196, 202, 203, 212, 215–221, 223, 229, 238, 240, 242, 244, 245, 248–257, 260, 261, 263–265, 267, 271, 274, 275, 281–283, 286–288, 290, 293, 298–302, 312–314, 317, 319, 321, 324–326

Японское посольство Петербурге – 229

В Указателе комментируются реалии, функционально значимые для публикуемого дневника – *К. К., А. К.*

Церковные православные термины

Агнец – одно из наименований Христа; второе значение; вырезанная на литургии четырехугольная часть большой служебной просфоры для приготовлении Святых Даров (см.: *Проскомидии*).

Акафист – церковное хвалебное песнопение в честь Спасителя, Богоматери и святых угодников.

Алтарь – восточная часть православного храма, отделенная иконостасом и царскими вратами.

Амвон – полукруглый выступ, примыкающий к *солее*(см. ниже); кроме обычного амвона в православной церкви имеется еще и так называемый архиерейский амвон, – возвышенное на две ступеньки место посреди храма.

Аналогий, аналой – высокий столик с покатым верхом для чтения стоя во время службы.

Анафема – церковное проклятие, отлучение от церкви.

Антидор – оставшаяся часть большой служебной просфоры, после того, как из нее вырезан *агнец*(см. выше), которая преломляется и раздается частицами прихожанам в конце литургии.

Антиминс – освященный плат с частицей мощей и изображением положения во гроб Иисуса Христа, на котором совершается приготовление и освящение Святых Даров.

Апокалипсис или «Откровение Святого Иоанна Богослова» – последняя книга Нового Завета.

Апостол – ученик Христа, посланный им проповедовать Евангелие; второе значение: богослужебная книга, содержащая деяния и послания апостолов.

Архангел – название одного из семи высших по степени ангелов; особенно широко чтимы Архангелы Михаил и Гавриил.

«Архангельский глас» – одно из песнопений службы на *Благовещенье*(см. ниже).

Архидиакон – старший диакон в монастыре; употребляется и вместо протодиакона, старшего дьякона *епархии*(см. ниже)

Архимандрит – первый (низший) архиерейский (епископский) сан в православной иерархии, который, как правило, получал игумен (настоятель) монастыря.

Архиепископ – третий архиерейский сан в православной церковной иерархии Архиерей – лицо высшей духовной иерархии из черного

(монашеского) духовенства (архимандриты, епископы, архиепископы, митрополиты).

Благовещенье – праздник в память благовестил, возвещения Архангелом Гавриилом Пресвятой Деве Марии о рождении у нее Христа; празднуется 25 марта по старому стилю.

Благолепие – богатое убранство.

Благочиние – церковно-административный округ, подчиненный *благочинному*(см. ниже).

Благочинный – административно-судебное должностное лицо духовенства, досматривающее над приходами своего округа.

Богоявление – явление Святой Троицы во время крещения Иисуса Христа Иоанном Предтечей в Иордане; праздник Богоявления (Крещения Господня) отмечается 6 января (ст. ст.).

Введение – Введение во храм Пресвятой Богородицы – праздник в память входа трехлетней Девы Марии во храм Иерусалимский, где совершился обряд ее посвящения Богу; празднуется 21 ноября по старому стилю.

Великий выход – перенесение Святых Даров во время литургии с жертвенника на престол.

Великий пост – сорокадневный пост перед Святой Пасхой.

Великое славословие – песнопение на праздничной заутрене (утренней церковной службе), после канона, и на благодарном молебне после молитвы.

Величанье – стих в честь Иисуса Христа, Божьей Матери или празднуемого святого, который поется на *всенощной*(см. ниже) священнослужителями посреди церкви, а певчими на клиросе.

Вербное воскресенье – воскресенье шестой недели Великого поста в память Входа Господня в Иерусалим.

Вечерня – служба, совершаемая в вечерние часы; бывает великая вечерня (накануне больших праздников), малая (сокращенная) и обыденная, ежедневная.

Викарий – епископ, помощник правящего архиерея.

Владыка – почетное наименование при обращении к *архиереям*(см. выше); однако, во время службы так обращаются к священнику, который представляет в этот момент лицо Христа.

Водоосвящение или водосвятие – освящение воды; название церковного обряда, состоящего в троекратном погружении креста в источник или сосуд с водой, с соответствующими молебнами и пением.

Воздвиженье – праздник в память обретения (после раскопок) в

Иерусалиме царицею Еленою (матерью императора Константина) Креста Господня, который был передан ею в храм (позже Храм Гроба Господня), где он поднимается (воздвигается) епископом над головами молящихся; празднуется 14 сентября по старому стилю.

Воздухи – покровы, накладываемые на сосуды со Святыми Дарами Всенощная – ночная служба накануне праздников Высокопреосвященный – титул митрополитов и архиепископов.

Глас – церковный лад (в православии их всего восемь), на котором построено церковное песнопение.

Дароносица – сосуд из золота, серебра или другого металла, для вынесения Святых Даров.

Двуперстный крест – крест, которым осеняли себя старообрядцы, крестившиеся двумя пальцами.

Диакон – церковнослужитель низшей ступени.

Диакон белый – не монашествующий.

Дикирий – подсвечник с двумя свечами, употребляемый при архиерейском служении.

Дискос – один из главных священных сосудов – блюдо на подставке, на котором во время *проскомидии*(см. ниже) вырезается из просфоры *Агнец*(см. выше)

Догмат – одно из основных положений учения о вере.

Догматика – наука о догматах, главная из богословских наук.

Духовенство белое – не монашествующее.

Духовенство черное – принявшее обет монашества.

Духовник – священник, которому исповедуются.

Евхаристия – название одного из главнейших таинств церкви, совершаемое во время литургии, когда при причащении хлеб и вино пресуществляются в тело и кровь Христа.

Единоверие – вид воссоединения старообрядчества и православия, когда старообрядцам разрешалось богослужения на старопечатных церковных книгах с соблюдением своих обрядов.

Ектения (эктения) – название ряда молитвенных прошений, составляющих существенную часть всех богослужений.

Клей – освященное оливковое или другое растительное масло, используется для помазания христиан при обряде *помазания*(см. ниже), а также в таинстве *соборования*(см. ниже).

Епархия – область, край, управляемый епископом.

Епископ – духовный сан, представитель высшей церковной иерархии, священноначальник всей епархии, которому подчинены ее монастыри,

церкви и другие духовные учреждения.

Епитрахиль (эпитрахиль) – одно из богослужебных облачений священника, напоминающий фартук.

Ефимоны – вечерняя церковная служба, совершаемая на первой неделе Великого поста.

Жертвенник – освященный стол в левой стороне алтаря для приготовления на нем Святых Даров Заутреня – см. Утреня.

Игумен, игуменья – начальственное лицо (настоятель, настоятельница) монастыря; игумен саном ниже *архимандрита*(см. выше)

Иерей – священник православной церкви.

Иеродиакон – монах в сане дьякона.

Иеромонах – монах-священник.

Илитон – шелковый или льняной плат, в который завертывают *антиминс*(см. выше); символизирует пелены Христа при рождении и плащаницу.

Иордань – прорубь в водоеме (обычно в форме креста), сделанная к празднику Крещения для совершения обряда *водоосвящения*(*водосвятия*) (см. выше).

Иподиакон (подьякон) – помощник диакона во время архиерейского служения.

Ирмос – название богослужебной песни, входящей в состав канона (см. ниже) и предшествующей текстам его стихов.

Исполла – «Исполла ети деспота…» (*греч*.: «Многие лета царствуй господин…») – приветствие архиерею после благословения.

Исполать – хвала, слава.

Кадило – сосуд для курения фимиама во время богослужения, представляет собой чашу на цепочках, в которую кладут горящие угли, а на них посыпают ладан.

Кадить – курить, жечь благовоние, раскачивать и встряхивать кадило по обряду церковной службы.

Камилавка – бархатная (черная для монахов и фиолетовая для белого духовенства) шапочка, монахи носят ее всегда, а белому духовенству она дается в награду и используется только при богослужении.

Канон – установленье апостолов, а позже вселенских и поместных соборов о вере и церковных обрядах; другое значение: особая группа христианских богослужебных песнопений и стихов (гимнов), исполняемых на заутренях и вечернях.

Канонарх – *монах-регент*(см. ниже); при пении на оба клироса он объявляет *глас*(см. выше), а затем слова канона.

Канонист – ученый в области церковного права.

Канонник – книга с церковными песнями, канонами.

Кант – похвальная духовная песнь; гимн.

Катавасия – *ирмосы*(см. выше), которые поются не в начале, а после каждой песни канона или в конце заутрени; они поются обоими клиросами, сходящимися посреди церкви.

Катехизис – краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

Кафизма – название одного из двадцати отделов Псалтири, на которые эта книга разделяется; порядок их чтения указан в богослужебных книгах.

Келейник, келейница – слуга (служка) монашествующего лица, как правило не монах, а *послушник*(см. ниже).

Киновия – общежительная форма монашеской жизни по специальному уставу, введенная на Руси Феодосием Печерским.

Клирос – место стояния в церкви певцов и чтецов.

Клобук – головной убор монахов, в виде цилиндра с обрезанными краями и покрытый крепом.

Ковчег – ларец для сохранения церковных драгоценностей.

Колево – поминальная кутья.

Конгрегация – совокупность монастырей, следующих одному уставу.

Корсунский крест – особая форма прямого христианского креста с постепенным утолщением на концах; получил название от города Корсунь (Херсонес), откуда эту форму креста вывез в Киев Святой Владимир.

Крестопоклонное воскресенье – третье воскресенье Великого поста.

Купель – сосуд или купальный водоем, употребляемые для совершения таинства Крещения.

Лазарева суббота – суббота шестой недели Великого поста; день празднования воскресения Лазаря.

Лития – часть *всенощной службы*(см. выше), следующая за *ектенией*(см. выше) и начинающаяся словами «Исполним вечернюю молитву нашу господеви»; совершается также во время общественных бедствий, обыкновенно вне храма; особый ее вид – при молении об умершем.

Литургия – название главнейшего из христианских богослужений, центральным моментом которой является совершение таинства *евхаристии*(см. выше); совершается только в храме.

Литургия Златоуста – одна из трех самых распространенных литургий, которая может совершаться ежедневно.

Литургия преждеосвященная – литургия преждеосвященных даров –

самая древняя литургия, которую служат в среду и пятницу всех шести недель Великого Поста и в понедельник, вторник и среду Страстной седьмицы.

Малый выход – выход священнослужителей из алтаря через северные двери в Царские врага с Евангелием или с кадилом, в отличие от великого выхода, совершаемого со Святыми Дарами.

Мантия – верхнее одеяние монахов без рукавов; для низшего сана монашествующих – черного цвета, для архиереев – цветная с украшениями.

«Милость» – «Милость мира» – песнопение на литургии.

Минея – название нескольких богослужебных книг; «Минея общая», содержащая молитвы и богослужебные песнопения в честь праздников Богородицы и святых; «Минея месячная», где богослужения и песнопения Богородице и святым изложены по месяцам и дням; «Минеи-четьи», содержащие жития святых по дням памяти их.

Миро – специально приготовленное и освященное вещество, употребляемое для совершения таинства *миропомазания*(см. ниже); кроме оливкового масла и белого вина в него входит 37 ароматических веществ, в том числе различные ладаны и бальзамы.

Мироносица – одна из святых жен, пришедших к гробу Иисуса Христа, чтобы помазать его тело благоухающими мазями.

Миропомазанье – одно из христианских таинств, совершаемое чрез помазанье святым миром лба (чела), рук и ног для приятия благодати Божией; в православии совершается священником сразу после таинства крещения.

Митра – особый вид круглой, расширяющейся кверху шапки, носимой *архиереями*(см. выше) при полном облачении; дается священникам в виде награды.

Митрополит – глава русской духовной иерархии до введения патриаршества в 1589 г.; в синодальный период (с 1721 г.) – высший духовный сан в русской православной церкви.

Молебен – короткое богослужение, содержащее молитву к Богу, Богоматери или святому, просительную или благодарственную.

Наместник – помощник настоятеля в монастыре, в том случае, если настоятелем является правящий архиерей.

Нареченье – возведение в сан.

Обедня – народное название литургии (см. выше), поскольку она совершается до обеда.

Омофор – другое название – нарамник, облачение архиерея, носимое

на плечах; представляет собой плат, спускающийся одним концом спереди, а другим – сзади.

Орарий, орарь – род длинной ленты в облачении дьякона.

Орлец – небольшой круглый ковер с изображением одноглавого орла, на котором стоят архиереи во время богослужения.

Отпустительная молитва – молитва, которая содержит отпущение грехов; читается в двух случаях; после исповеди и при отпевании.

Панагия – небольшая круглая икона, носимая на груди как знак архиерейского достоинства.

Паникадило – весящий в храме светильник, в котором более 12 свечей.

Параман – принадлежность монашеского одеяния, состоящая из двойных перевязей, которые, спускаясь крестовидно, охватывают плечи и грудь и препоясывают одежду.

Паремия – чтение из Святого Писания во время вечернего богослужения накануне праздников и имеющее отношение к данному празднику: пророчества о нем или объяснение его смысла.

Пасха – см. Святая Пасха.

Повечерие – одна из повседневных служб, совершаемая после вечерни; состоит из чтений нескольких псалмов, канона, молитвы Богородице и т. д., в том числе и молитвы на сон грядущим.

Подручник (в единоверческой церкви) – небольшой стеганый коврик или подушечка, подкладываемая под локоть или под чело при земных поклонах на молитве.

Подрясник – верхнее платье особого покроя у духовенства.

Полиелей – одна из частей воскресной или праздничной заутрени, состоящей из пения 134 и 135 псалмов и зажигания елея в лампадах.

Помазание – помазание освященным елеем.

Послушник – лицо в монастырях, готовящееся к принятию монашества; по назначению настоятеля помогает при службах и по хозяйству, что зовется исполнением послушания.

Посошник – чтец в храме, держащий архиерейский посох.

Потир – чаша с поддоном для причащения Святыми Дарами при таинстве *евхаристии*(см. выше).

Преполовение – середина между Пасхой и Троицей, празднуется восемь дней со среды до среды; в некоторых церквях сопровождается водосвятием.

Придел – часть храма в больших церквях, имеющая свой алтарь (слева или справа от главного алтаря), чтобы можно было совершать несколько

литургий (*см*. выше), так как на одном престоле литургия служится только один раз в день.

Причт – церковнослужители одного прихода.

Причетник – дьячок, пономарь или звонарь.

Прокимен – название стихов, произнесенных чтецом или дьяконом и повторенное певцами на клиросе перед началом чтения Апостола (см. выше), Евангелия или *Паремии*(см. выше), в которых кратко заключен смысл последующего чтения.

Просвирня – женщина в приходе, пекущая просфоры.

Проскомидия – первая часть литургии, в которой священнослужители совершают обряд приготовления Святых Даров для таинства *евхаристии*(см. выше) из пяти просфор, красного вина и воды.

Просфора – специальный пресный освященный хлеб, употребляемый для совершения таинства евхаристии.

Протодиакон – первый или главный диакон в епархии, обыкновенно занимающий должность при кафедральном соборе города.

Протоиерей – первый священник при церкви, часто ее настоятель; но звание это может быть и почетным.

Протопресвитер – высший сан белого духовенства; всего их было в России четыре: настоятель Большого придворного собора (протопресвитер придворного духовенства), протопресвитер военного и морского духовенства и настоятели Успенского и Архангельского соборов в Москве.

Псалом – стихи (песни), всего 150, приписываемые царю Давиду и составляющие отдельную книгу Ветхого Завета «*Псалтирь*" (см. ниже).

Псаломщик – церковный чтец, исполнитель клиросного чтения, пения и письмоводитель при церкви, равный по званию дьяку и пономарю.

Псалтирь – одна из книг Ветхого Завета.

Пустынь – уединенная обитель; нештатный монастырь.

Пятидесятница – праздник Святой Троицы или Сошествия Святого Духа на апостолов, произошедшее на 50-й день после Воскресения Христова (Святой Пасхи).

Регент – руководитель церковного хора.

Риза – верхняя одежда, облаченье священника при богослужении; второе значение – металлическое покрытие (оклад) на иконах, оставляющее открытым лишь руки и лик святых.

Ризница – место при алтаре для хранения риз, облачения священнослужителей, церковной утвари и драгоценностей.

Ризничий – священник, заведующий церковным имуществом.

Рипида – золотой или серебряный круг на длинной рукоятке, внутри

которого изображен шестикрылый серафим; используется при архиерейском служении.

Ряса – верхнее черное одеяние священнослужителей, монахов и монахинь, которое они носят вне богослужений.

Сакелларий – звание одного из старших священников (протоиереев) Большого дворца.

Свещеносец – пономарь, носящий свечу пред служащим во время богослужения или Крестного хода.

Святая Пасха – главный православный праздник в честь воскресения из мертвых Иисуса Христа.

Святитель – наименование архиереев.

Северные и южные двери – двери, ведущие в алтарь, расположены по сторонам Царских врат.

Седмица – неделя.

Символ Веры – краткое изложение главных догматов христианской веры, читается как молитва.

Служебник – название книги, содержащей в себе главные церковные службы, святцы и наставления по ведению богослужения.

Соборовать – совершать над кем-нибудь таинство елеосвящения, одно из семи таинств православной церкви, служащее врачеванию душевных и телесных недугов; совершается над больным, находящимся в сознании, и как правило, собором из семи священников (отсюда название).

Солея – ступень перед алтарем.

Сорок мучеников или сорок Севастийских мучеников – праздник в честь пострадавших за христианскую веру сорока воинов-христиан в дни гонения Луцилия в 320 г. в Севастии Армянской; празднуется 9 марта (по старому стилю), часто во время Великого поста; в этот день служится литургия, облегчается пост и пекутся сорок жаворонков.

Страстная неделя – последняя неделя перед Пасхой, посвященная памяти страданий (страстей) Иисуса Христа.

Стихарь – нижнее облаченье священников и архиереев и верхнее – диаконов при богослужении.

Стиховна – стихи, которые поют на вечерни после сугубой ектении, (т. е. ектении, содержащей двукратное обращение в начале к милосердию Божию и трехкратном пении молитвы «Господи помилуй») и после *литии*(см. выше) Теплота – теплая вода, вливаемая на литургии в чашу с вином и хлебом перед причастием; используется и для запивки Святых Даров.

«Торжество православия» – служба в первое воскресенье Великого

поста, в ознаменование победы над иконоборческой ересью.

Треба – богослужение, совершаемое «по требованию», т. е. по заказу, по просьбе кого-либо из прихожан.

Требник – книга для отправления церковных обрядов в частных или особых случаях, содержащая порядок совершения таинств и молитвословий.

Трикирий – подсвечник с тремя свечами, которым архиерей благословляет народ.

Триодь – две богослужебные книги, где излагаются службы подвижных дней годичного круга, в них входит собрание трипесниц (неполных канонов) и изменяемых молитвословий.

Тропарь – церковное песнопение, следующее в канонах за *ирмосом*(см. выше).

Успение – праздник в память кончины (преставления) Божьей Матери; празднуется 15 августа по старому стилю.

Утреня (заутреня) – богослужение, совершаемое утром.

Фелоний (фелон) – риза без рукавов, верхняя одежда священника, используемая при богослужениях; имеется еще так называемая короткая филонь, надеваемая только при посвящении чтеца и певца.

Фомино воскресенье – первое воскресение после Пасхи, названо в память апостола Фомы

Херувим – второй ангельский чин первой ступени (вслед за серафимом), занимает высшее положение по отношению к прочим ангелам, которые находятся у него в услужении.

Херувимская – церковное песнопение, начинается словами: «Иже херувимы», поется на литургиях Иоанна Златоуста и Василия Великого; на ее текст писали музыку Бортнянский, Глинка, Чайковский и др.

Хиротония или посвящение через рукоположение – таинство возведения в чин диакона, пресвитера или епископа, совершаемое в алтаре во время литургии.

Хлебодар – служка, раздающий печеный хлеб в монастыре Хоругви – церковные знамена со священными изображениями, употребляемые в церковных торжествах и на крестном ходе.

Царские врата – средние двери в иконостасе, ведущие в алтарь; название связано с Иисусом Христом – «Царем славы».

Целовальник – церковный староста, лицо, избираемое при каждой приходской церкви для сбора, хранения и употребления церковных денег и имущества, находится под контролем епархиального начальства.

Часы – богослужения первого, третьего, шестого и девятого часов дня;

обыденные часы состоят из определенных псалмов, тропарей, кондаков и заключительных молитвословий, они сходны в один день, но не одинаковы в разные дни в году; в воскресные дни – это песнопения.

Шестопсалмие – шесть псалмов (а именно: 3, 37, 62, 87, 102 и 142), читаемых в начале утрени при потушенных светильниках.

Русские православные миссионеры в Японии нового времени

Прилагаем здесь полный список православных миссионеров, являвшихся подданными Российской Империи и служивших в Православной Миссии в Японии в дни земной жизни св. Николая. Предлагаемый ниже список основан на ряде источников, включая труды Арсения Ивасавы, Д. М. Позднеева, Мицуо Наганавы, Кэнноскэ Накамуры и Евгения Штейнера. В списке указаны имя, сан и срок службы в Японии каждого из миссионерова (некоторые из них прослужили в Миссии два срока).

1. Виссарион Сартов (род. 1828 г.) – чтец, 1863–74 гг. (скончался в Японии в 1874 г.); служил в Хакодате в консульской церкви, впоследствии в приходе о. Анатолия Тихая.

2. Григорий Воронцев (род. 1838 г.) – священник; служил в Хакодате в течение 3 месяцев в 1871 г.

3. Анатолий Тихай (род. 1838 г.) – иеромонах, 1871–90 гг.; сначала служил настоятелем прихода в Хакодате, затем в 1879 г. назначен настоятелем посольской церкви в Токио.

4. Яков Тихай – регент, 1874–86 гг. (младший брат иеромонаха Анатолия).

5. Моисей Костылев (род. 1848 г.) – иеромонах, 1874–75 гг.

6. Евфимий Четыркин (род. 1846 г.) – иеромонах, 1874–78 гг.

7. Гавриил Чаев – священник, 1878–82 гг.; вернулся в Россию вместе с японским семинаристом Александром Мацуи, позднее скончавшимся в Санкт-Петербурге.

8. Владимир Соколовский – иеромонах, 1879–86 гг.; позднее стал епископом Острогожским и инспектором Холмской семинарии, затем архиепископом Сан-Францискским (1888–91 гг.).

9. Мария Черкасова – диаконисса, 1879–82 гг.; позднее трудилась в Православной Миссии в Палестине, написала воспоминания о своем пребывании в Японии.

10. Дмитрий Смирнов – иеромонах, 1880–82 гг.; временно служил в качестве приходского священника в Хакодате.

11. Дмитрий Львовский – диакон и регент, 1880–1921 гг. (приехал в Японию с епископом Николаем, скончался в Японии в 1921 г.).

12. Дмитрий Крыжановский – диакон, 1880–82 гг.

13. Георгий Чудновский – иеромонах, 1884–86 гг.; приехал с горы

Афон и вернулся туда же.

14. Ольга Путятина – диаконисса, 1884–87 гг. (дочь графа Е. В. Путятина).

15. Митрофан – диакон, 1885 г.

16. Арсений – диакон, 1885 г.

17. Гедеон Покровский – иеромонах; служил в Токио в течение 8 месяцев в 1885 г.

18. Сергий Глебов (род. 1862 г.) – священник, 1888–1904 гг. Назначен настоятелем посольской церкви в 1890 г.

19. Сергий Страгородский – иеромонах, 1890–93 гг., 1897–98 гг.; сопровождал епископа Николая в объезде приходов на Хоккайдо в 1898 г. и выпустил две книги о своем пребывании в Японии (собрание писем «На Дальнем Востоке» и миссионерские путевые заметки «По Японии»), впоследствии архиепископ Финляндский, затем Патриарх (1943–44 гг.).

20. Арсений Тимофеев – иеромонах, 1890–93 (приехал в Японию с Сергием Страгородским).

21. Андроник Никольский – архимандрит, впоследствии епископ, 189798 гг., 1907 г.; наречен епископом Киотосским в 1906 г., однако прослужил лишь 3 месяца по прибытии в Японию (позднее стал епископом Пермским и скончался мученической смертью в 1918 г.), также написал несколько статей о Японии.

22. Вениамин Галузеев – иеромонах, 1901–1903; позже написал книгу о Японии.

23. Евгений – иеромонах, начало 1900-х гг.

24. Сергий Тихомиров – епископ, 1908–40 гг.; служил в качестве епископа Киотосского (1908–12 гг.), затем стал преемником св. Николая (1912–40 гг.) (смещен с должности в 1940 г., скончался в Японии в 1945 г.).

25. Петр Булгаков – священник, 1906–24 гг.; сначала служил настоятелем посольской церкви в Токио, затем библиотекарем в Миссии (также писал статьи о Японии).

Вышеприведенный список был первоначально составлен профессором Кэнноскэ Накамурой (Университет Оцума) и пересмотрен и дополнен профессором Евгением Штейнером (Нью-Йоркский Университет).

Донесение епископа Киотосского Сергия (Тихомирова) Святейшему Синоду о дневниках св. Николая, архиепископа Японского

В 1979 году нами было установлено, что дневники св. Николая, архиепископа Японского (1836–1912), находятся на хранении в ленинградском Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА СССР), нынешнем Российском государственном историческом архиве (РГИА). С этого времени началась работа над расшифровкой и опубликованием дневников. В 1994 году издательством Университета Хоккайдо была издана часть дневников, охватывавшая в основном период с 1903 по 1905 год, под заглавием «Дневники святого Николая Японского».

Сначала, однако, мы не знали, каков общий объем дневников, хранящихся в РГИА. Неизвестно было также, с какого по какой год вел дневник св. Николай.

Сотрудница ЦГИА Марина Данилушкина в своей статье «Святитель Николай Японский и его „Дневники”», опубликованной в «Московском журнале» (№ 8 за 1992 год), пишет следующее об общем объеме дневников: «„Дневники” представляют собой 35 рукописных томов, в среднем по 200–300 страниц каждый, исписанных мелким аккуратным почерком, и охватывают огромный период жизни Святого – с 1870 по 1912 год. После кончины Святителя эти бесценные рукописи были перевезены из Токио в Санкт-Петербург и переданы на хранение в Архив Святейшего Синода, где находятся по сей день (в составе ЦГИА СССР. Фонд 834, опись 4, ед. хранения 1137–1172)».

Летом 1997 года мы посетили петербургский РГИА и обнаружили там ценный документ, проливающий свет на этот вопрос. Этот документ – письмо, отправленное преемником св. Николая епископом Киотосским Сергием Святейшему Синоду в апреле 1912 года, то есть через два месяца после кончины св. Николая.

Благодаря этому письму стало ясным, почему Дневники были переправлены на хранение в Россию (несомненно, на это было указание Синода), а также какой объем дневниковых тетрадей и записных книжек находился в токийской Миссии.

Долгое время мы искали дневники за период с 1861 (год приезда св. Николая в Хакодате) по 1870 год, а также за май 1891 года, когда произошло покушение на Цесаревича Николая в Оцу. Однако из этого

письма стало ясно, что на момент кончины св. Николая в 1912 году этих дневников уже не существовало.

Направляясь в Японию, Николай в 1860 году совершил путешествие через всю Сибирь, во время которого он также вел дневник. Об этом дневнике сам св. Николай говорит следующее: «Во время этого путешествия я, конечно, вел путевой дневник, но он полностью сгорел во время пожара, когда я еще жил в Хакодате». («Сборник проповедей и речей высокопреосвященного арх. Николая» 1911 г. С. 261).

В любом случае благодаря письму еп. Сергия Синоду мы получили точный список дневников св. Николая. Поэтому мы публикуем здесь этот ценный документ.

17 января 2000 г.

Кэнноскэ Накамура

Святейшего Правительствующего Синода

Дело Об оставшихся после почившего Преподобного Николая,

Архиепископа Японского,

дневниках, миссионерских заметках и тетрадях

(18 апр. 1912)

Святейшему Правительствующему Синоду

Имею честь почтительнейше донести Святейшему Синоду, что при обозрении мною квартиры почившего Высокопреосвященного Николая, Архиепископа Японского, главным же образом в архивной комнате Миссийской Библиотеки, найдены мною следующие, писанные рукою почившего, дневники.

1. Дневник иеромонаха Николая. – Заметки 1870, 1871, 1872, 1877 г.г. на 14 стр. и с 7*19 мая 1881 г. по 2*14 марта 1882 г. 239 стр., всего 307 стр. in 4*.

2. Краткий дневник в С. Петербурге, в 1879 г. с 12 сент. по 28 нояб., 128 стр. in 8*.

3. С. Петербург и Москва, 1880 г., с 1 янв. по 6 июня, 462 стр. in 8*.

4. В России 1880 г. с 7 июня по 18 ноября, 60 стр. in 4*.

5. Дневник: 1882 г. с 6*18 мая по 15*27 июня.

1891 г. с 7*19 сент. по 10*22 окт.

371 стр. in 8*.

6. Дневник: 1884 г. с 2*14 февр. по 19*31 декабря.

1885 г. с 2*14 янв. по 24 дек.*6 янв. 1886.

Отрывки 1886, 1887, 1888 и 1889 годов. 214 стр. in 16*.

7. Тетрадь: Сендай-Мориока-Исиномаки, 1889 г., 115 стр. in 4*.

8. Тетрадь: Нагоя-Оосака, 1889 г. 58 стр. in 4*.

9. Тетрадь: Хоккайдо с 20 июля*1 августа по 13*25 авг. 1891 г. 52 стр. in 4*.

10. Миссионерские заметки при посещении церквей, с 11*23 окт. 1891 г. 192 стр. in 4*.*

11. То же, с 25 июня*7 июля 1892 г. 192 стр. in 4*.*

12. То же, с 11*23 авг. 1892 г. 192 стр. in 4*.*

13. То же, с 21 ноября*3 дек. 1892 г. 192 стр. in 4*.*

14. То же, с 7*19 мая 1893 г. 178 стр. in 4*.*

15. Дневник. Вначале – разных годов; потом систематически – с 14*26 мая 1895 г. по 7*19 окт. 1895 года. 369 стр. in 8*.

16. Продолжение: с 8*20 окт. 1895 года по 17*29 июня 1896 г.

362 стр. in 8*. •

17. Продолжение: с 18*30 июня 1896 г. по 22 янв.*3 фев. 1897 г. 373 стр. in 8*.

18. Продолжение: с 23 янв.4 февр. 1897 г. по 7*19 июня 1897 г. 179 стр. in 4*.*

19. Продолжение: с 8*20 июня 1897 г. по 24 окт.*5 нояб. 1897 г.

172 стр. in 4*. .

20. Продолжение: с 25 окт.6 нояб. 1897 г. по 11*23 апреля 1898 г. 174 стр. in 4*.*

21. Продолжение: с 12*24 апр. 1898 г. по 13*25 сент. 1898 г., 177 стр. in 8*.

22. Продолжение: с 14*26 сент. 1898 г. по 8*20 мая 1899 г., 176 стр. in 4*.

23. Продолжение: с 9*21 мая 1899 г. по 8*20 авг. 1899 г. 176 стр. in 4*.

24. Продолжение: с 9*21 авг. 1899 г. по 13*31 марта 1900 г. 176 стр. in 4*.

25. Продолжение: с 19 мар.1 апр. 1900 г. по 18 нояб.1 дек. 1900 г. 278 стр. in 4*.

26. Продолжение: с 19 нояб.2 дек. 1900 г. по 18*31 авг. 1901 г. 276 in 4*.*

27. Продолжение: с 19 авг.1 сент. 1901 г. по 25 апр.8 мая 1903 г. 474 стр. in 4*.

28. Продолжение: с 26 апр.9 мая 1903 г. по 28 февр.13 мар. 1905 г. 370 стр. in 4*.

29. Продолжение: с 1*14 марта 1905 г. по 26 июня*9 июля 1909 г. 472 стр. in 4*.

30. Продолжение: с 27 июня *10 июля 1909 г. по 27 дек.*9 янв. 1911 года. 370 стр. in 4*.

Таким образом, ежедневные систематические записи велись почившим Высокопреосвященным Николаем с 14 (26) мая 1895 года по 27 декабря 1911 г. (9 янв. 1912), т. е. по день елки в Женской Школе, когда Высокопреосвященный тяжело заболел.

Сверх сего, афоризмы, разные замечания, интересные мысли разбросаны в миниатюрных карманных дорожных книжечках.

Весь этот литературный материал мною собран в один ящик в несгораемой комнате Миссийского Архива.

Ввиду того, что весь означенный материал представляет высокую ценность и при своевременном издании может дать читающей публике высоко-интересное чтение, а Духовной Миссии в Японии и большой капитал, я имею честь почтительнейше просить Святейший Синод преподать Русской Духовной Миссии в Японии свои указания и распоряжения относительно хранения и издания выше переписанных дневников, миссионерских заметок и тетрадей.

Испрашивая Архипастырских молитв и Святительского благословения

имею честь быть Вашего Святейшества Нижайшим слугою и богомольцем

Сергий, Епископ Киотосский, временно-управляющий делами Русской Духовной Миссии в Японии.

3 (16) апреля 1912 г. № 12

Примечания

[1] - Мочевина – гладкое болотце без кочек.

[2] - Нападение полицейского на Николая II, бывшего в то время наследником российского престола.

[3] - В примечании 4 к статье Евгения Штейнера «Николай Японский» (Evgeny Steiner «Nikolai of Japan», «MONUMENTA NIPPONICA. Studies in Japanese Culture», Sophia Univ., Volume 50, Number 4. Winter 1995) написано, что «основную подготовку текста настоящего издания выполнил профессор Рёхей Ясуи, Университет Васэда». Однако это не соответствует действительности.

[4] - On August 21, 1863 (O. S), Nikolai wrote from Hakodate to the chief procurator of the Holy Synod A. P. Akhmatov: «Upon arriving here in 1861,1 found a church already built and consecrated, with the name 'Resurrection of Christ'. Its architect and churchwarden was Iosif Goshkevich, the Consul at Hakodate. He gave that name to the church to commemorate the fact that Christianity, which had formerly existed in Japan but had been eradicated, had appeared again in this country». This letter indicates that Goshkevich expected the 'resurrection' of Christianity in Japan.

[5] - Archbishop Innokentii of Kamchatka was engaged in missionary work on islands in the vast area of Russian Alaska. In 1868, when he was 70 years old, Innokentii succeeded Filaret as Metropolitan of Moscow. After Innokentii passed away in 1879, Nikolai was presented the mitre left by the deceased Innokentii. (See his diary for июня 1, 1880.).

[6] - Previously, the accepted date of Nikolai's arrival at Hakodate was июня 2 (O. S.), 1861, but the correct date seems to be июля 2 (O. S.). See the article printed in The Hakodate Nitiniti Shinbun (The Hakodate Daily News) for июля 6, 1911, «Nikolai's View of Hakodate, – the japan of 50 years ago», in which Nikolai said that he «arrived at Hakodate in the beginning of июля» in 1861.

[7] - See Rev. John Bartholomew's English translations from Russian; A History of the Japanese Orthodox Church by A. Bakulevski, and Archbishop Nicholas of Japan; Reminiscences and Characteristics by Dmitriy. Pozdneev.

[8] - Времена меняются (лат.) – примеч. сост. Указателей.

[9] - Здесь в значении: одоление, победа (др. русск.) – примеч. сост. Указателей.

[10] - Исидор (Никольский Яков Сергеевич) (см. Именной указатель).

[11] - Филофей (Успенский Тимофей Григорьевич) (см. Именной указатель).

[12] - Мария Александровна (см. Именной указатель).

[13] - Толстой Д. А. (до апреля 1880 г.), позже – Победоносцев К. П. (см. Именной указатель).

[14] - Симеон (Линьков Сергей Александрович) (см. Именной указатель).

[15] - Имеется в виду Киево-Печерская лавра – примеч. сост. Указателей.

[16] - Герой поэмы Гоголя «Мертвые души» – примеч. сост. Указателей.

[17] - Пойдем (англ.) – примеч. сост. Указателей.

[18] - Мария Федоровна (цесаревна) (см. Именной указатель).

[19] - Речь идет о редстокистах – секте евангельских христиан в России, названной по имени лорда Г. Редстока (см. Именной указатель) – примеч. сост. Указателей.

[20] - Александр II (см. Именной указатель).

[21] - Конно-железная дорога, которая появилась в Петербурге в 1863 г. – примеч. сост. Указателей.

[22] - Ошибка – церковь принадлежала лейб-гвардии Семеновскому полку – примеч. сост. Указателей.

[23] - Александр Александрович (см. Именной указатель).

[24] - Хлыст, розга (от лат. ferula); линейка, которой наказывали школьников – примеч. сост. Указателей.

[25] - Последователи учения апостола Фомы, по прозванию Дидим (близнец), который, по евангельской легенде, не хотел верить воскресению учителя, пока не увидел его и не вложил персты в его раны. Имя Фомы стало символом осторожной веры, ищущей доказательств. Фома проповедовал свое Евангелие в Парфии, Индии, Персии и погиб мученической смертью – примеч. сост. Указателей.

[26] - Орлова-Давыдова (см. Именной указатель).

[27] - Шереметева Е. П. (см. Именной указатель).

[28] - Сарафан из грубой шерстяной ткани (камлота) – примеч. сост. Указателей.

[29] - Даром, безвозмездно (лат.) – примеч. сост. Указателей.

[30] - Князь Павел Петрович Вяземский – брат поэта и дядя жены графа Шереметева – П. П. Вяземский был сыном поэта П. А. Вяземского и отцом

жены графа С. Д. Шереметева – Е. П. Шереметевой – примеч. сост. Указателей.

[31] - Григорий Петрович Корнилов – ошибка памяти: у И. П. Корнилова такого брата не было – примеч. сост. Указателей.

[32] - O, tempora, mores! – О времена, о нравы! (лат.) – примеч. сост. Указателей.

[33] - «Te Deum laudamus» – «Тебя, Бога, хвалим» (лат.) – начальные слова католического благодарственного гимна – примеч. сост. Указателей.

[34] - Прозвище местных финнов-извозчиков – примеч. сост. Указателей.

[35] - Верхнее облачение высокопоставленного духовного лица (ср. греч.) – примеч. сост. Указателей.

[36] - 30 марта 1880 г., перед отправкой в Японию, отец Николай был рукоположен в сан епископа, с наименованием Ревельский – примеч. сост. Указателей.

[37] - Ошибочное прочтение: pendant (фр.) – в дополнение – примеч. сост. Указателей.

[38] - Узкий проход (фр.) – примеч. сост. Указателей.

[39] - Крест из поддельного, хрустального алмаза – примеч. сост. Указателей.

[40] - По имени их создателя Фридриха Фребеля (см. Именной указатель).

[41] - Чужеземный, иностранный (ф. русск.) – примеч. сост. Указателей.

[42] - Здесь: перемена в учебном заведении; каникулы (лат.) – примеч. сост. Указателей.

[43] - Имеются в виду басменные изделия, изготавливаемые из кожи и металла с оттиснутыми на них изображениями; употреблялись для оклада богослужебных книг, икон, крестов и т. п. – примеч. сост. Указателей.

[44] - Общая спальня для учащихся в закрытом заведении – примеч. сост. Указателей.

[45] - «Христос воскресе из мертвых» (греч.) – тропарь праздника Воскресения Христова – примеч. сост. Указателей.

[46] - Спасо-Вифанский мужской монастырь (см. Предметно-тематический указатель).

[47] - Сборник текстов с рассказами о подвигах и жизни святых (лат.) – примеч. сост. Указателей.

[48] - Григорий VI (см. Именной указатель).

[49] - Железная дорога – примеч. сост. Указателей.

[50] - Знак (*) перед именем означает то, что это имя присутствует и в «Дополнительных сведениях к Именному указателю» (с. 412)

Содержание

Дневники. Том I равноапостольный Николай Японский (Касаткин) 1
От Российского государственного исторического архива 2
Начало проповеди православия в Японии 6
Из Дневников св. Николая в Японии 31
Значение Дневников 50
Начало изучения дневников св. Николая Японского 54
Слово признательности 55
PREFACE 61
Дневник в С.-Петербурге и в Хакодате 75
1870–1876 76
1870 г. 77
1871 г. 80
1872 г. 84
1876 г. 87
Дневники в С.-Петербурге и Москве 88
1879 г. 89
В Москве 268
В России 323
ПРИЛОЖЕНИЯ 356
От составителей Указателей 357
Использованная литература 365
Литература и воспоминания об отце Николае и миссии 368
Именной указатель 370
Дополнительные сведения к Именному указателю 459
Предметно-тематический указатель 468
Церковные православные термины 496
Русские православные миссионеры в Японии нового времени 507
Донесение епископа Киотосского Сергия (Тихомирова) Святейшему Синоду о дневниках св. Николая, архиепископа Японского 509
Примечания 513

-